ISSN: 2658-3895

ФОЛЬКЛОР И АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY

ТЕМА НОМЕРА:

ПРИКЛАДНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

- АНТРОПОЛОГ НА СЛУЖБЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ
- СОЦМЕДИА И ОЦЕНКА ЭФФЕКТОВ ГОРОДСКОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА
- ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ В БАРЕ КРАФТОВОГО ПИВА
- ПАБЛИК-АРТ И ИДЕНТИЧНОСТЬ НЕФТЯНОГО МОНОГОРОДА
- ЭТИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ ПРИКЛАДНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

№ 3–4
V. II 2019

ФОЛЬКЛОР И АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА 3–4 Т. II 2019

Иногда уличные художники дают высказаться и своим противникам, уставшим от засилия граффити, муралов, фресок и прочего модного украшения городов. Владивосток, 2014 г.

ФОЛЬКЛОР И АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY

№ 3–4
Т. II 2019

ТЕМА НОМЕРА:
ПРИКЛАДНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ НОМЕРА — М. АЛЕКСЕЕВСКИЙ

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКВА
2019

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY

№ 3–4
V. II 2019

SPECIAL ISSUE:
APPLIED ANTHROPOLOGY

EDITOR FOR THE ISSUE — MIKHAIL D. ALEKSEEVSKY

RANEPA
THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION

MOSCOW
2019

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Редакция

С. Ю. Неклюдов — главный редактор, профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, научный руководитель Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия

Д. А. Радченко — заместитель главного редактора, кандидат культурологии, директор Центра исследований фольклора и антропологии города МВШСЭН, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, заместитель руководителя Центра городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия

М. И. Байдуж — ответственный секретарь, научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии города МВШСЭН, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, заведующий редакцией журнала «Шаги/Steps», Москва, Россия

Е. Ф. Югай — научный редактор, кандидат филологических наук, доцент Liberal Arts College ИОН РАНХиГС, Москва, Россия

М.-В. В. Моррис — редактор английских текстов, кандидат юридических наук, научный сотрудник Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации ИОН РАНХиГС, Москва, Россия

В. Ф. Лурье — художественный редактор, ведущий специалист издательского отдела ШАГИ РАНХиГС, Москва, Россия

Редакционная коллегия

М. Д. Алексеевский — кандидат филологических наук, руководитель Центра городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия

А. С. Архипова — кандидат филологических наук, руководитель исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора», старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия

М. В. Ахметова — кандидат филологических наук, заместитель главного редактора журнала «Шаги/Steps», старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, Москва, Россия

К. А. Богданов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург, Россия

И. Броди — PhD, президент Ассоциации фольклористов Канады, главный редактор журнала «Современная легенда», доцент, Университет Кейп-Бретона, Сидней, Канада

С. Грэхэм — PhD, доцент, Школа славянских и восточноевропейских исследований (SSEES), Лондон, Англия

Э. Калмре — PhD, старший научный сотрудник Отдела фольклористики, Эстонский литературный музей, Тарту, Эстония

Н. В. Петров — кандидат филологических наук, заведующий Лабораторией теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, старший научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии города МВШСЭН, доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия

Д. Руайе-Уилоуби — PhD, президент Международного общества по изучению современной легенды, профессор, заведующий кафедрой современных и классических языков, литератур и культур, Университет Кентукки, Лексингтон, США

Э. Такер — PhD, почетный профессор, Бингемтонский университет, Вестал, США

И. В. Утехин — кандидат исторических наук, профессор Европейского университета, Санкт-Петербург, Россия

О. Б. Христофорова — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, директор Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия

П. Янечек — PhD, заместитель заведующего кафедрой этнологии, факультет искусств, Карлов университет в Праге, Чехия

Editorial Staff

General Editor — Prof Sergei Neklyudov (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

Deputy General Editor — Dr Daria Radchenko (Moscow School of Social and Economic Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Strelka KB, Moscow, Russia)

Executive Secretary — Marina Baiduzh (Moscow School of Social and Economic Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Editor — Dr Elena Yugai (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Editor of the English Section — Dr Maria-Valeria Morris (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Art Editor — Vadim Lurie (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Editorial Board

Dr Mikhail Alekseevsky (Strelka KB, Moscow, Russia)

Dr Alexandra Arkhipova (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

Dr Maria Akhmetova (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Prof Konstantin Bogdanov (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia)

Dr Ian Brodie (Cape Breton University, Sydney, Canada)

Dr Seth Graham (University College of London, London, United Kingdom)

Dr Petr Janeček (Charles University, Prague, Czech Republic)

Dr Eda Kalmre (Estonian Literary Museum, Tartu, Estonia)

Prof Olga Khristoforova (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

Dr Nikita Petrov (Moscow School of Social and Economic Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

Prof Jeanmarie Rouhier-Willoughby (University of Kentucky, Lexington, United States of America)

Prof Elizabeth Tucker (Binghamton University, Vestal, United States of America)

Prof Ilya Utekhin (European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia)

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Раздел «Детали города» располагается на разных страницах журнала. В нем публикуются фотографии объектов, связанных с вернакулярным пространством города — памятники, исторические здания, граффити, стрит-арт. Автор фотографий и текстов к ним — Вадим Лурье.

The "Urban details" section can be found on various pages of the journal. It includes photos of Saint Petersburg city objects relevant to vernacular urban space — monuments, historical buildings, graffiti, street art. Photos and captions by Vadim Lurie.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛАДНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

9 *Михаил Алексеевский.* Цветущее многообразие прикладных антропологий: от приглашенного редактора

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА: КЛАССИКА ЖАНРА

16 *Сета Лоу, Салли Мерри.* Вовлеченная антропология: разнообразие и дилеммы. *Пер. Александра Ерохина*

49 *Тамара Хейл.* Люди – не пользователи. *Пер. Елизаветы Головиной*

ТРАНСФОРМИРУЯ ГОРОД: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

74 *Никита Петров.* Локальный текст, фольклор и паблик-арт в нефтяном моногороде: Альметьевск

106 *Дарья Радченко, Михаил Алексеевский.* Культура в сетях мобильности: стратегии выбора досуговых практик молодыми петербуржцами

РЕФЛЕКСИЯ АНТРОПОЛОГА

134 *Маргарита Чубукова.* Проблема ответственности: этические сложности в прикладных антропологических исследованиях города

154 *Олег Базалеев.* Социальный антрополог на службе промышленных корпораций

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: КЕЙСЫ

180 *Никита Петров, Михаил Гардер.* Бренды, символы и дизайн-код Нижнего Новгорода

191 *Анастасия Еремина.* Кинешма – забытая Волжская столица Ивановской области: возвращение локальной идентичности

199 *Елена Чернец, Артем Космарский.* «Ташкент любит тебя!»: общественные пространства, проблемы развития городской среды

208 *Марина Байдуж, Дмитрий Доронин.* Антрополог на большой магистрали: исследование Профсоюзной улицы в Москве

220 *Ксения Краснова.* Создание безопасной городской среды для бездомных подростков и подростков из неблагополучных семей

229 *Елена Соболева, Оксана Овсиюк, Тина Полек.* Антропологическое исследование сферы потребления коммунальных услуг для «Мій Дім Онлайн»

236 *Павел Куприянов.* Басманный район в представлениях и повседневных практиках жителей: исследование по заказу музея

244 *Дмитрий Громов, Наталия Клим.* Как построить зоопарк: прикладная антропология в качестве инструмента создания выставочного пространства

257 *Константин Филоненко.* Включенное наблюдение за барной стойкой: ценности и практики потребления крафтового пива

ЦИФРОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

270 *Дарья Радченко.* После бала: как оценить эффекты благоустройства при помощи антропологии

МОНИТОРИНГ АКТУАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА

294 *Александра Архипова, Ирина Козлова, Мария Гаврилова.* Защитник хрущевки, его речь и его плакат: дискурс и этнография антиреновационного протеста в Москве

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

334 *Михаил Алексеевский, Наталия Клим, Дмитрий Громов.* ГЭС-2: память места и профессиональная идентичность. Материалы прикладного антропологического исследования

ИНТЕРВЬЮ

364 *«Очень важно, чтобы знали, что мы существуем»:* создатели Центра прикладной антропологии (Киев) о грантах, работе с бизнесом и проблемах институционализации. *Беседовал Михаил Алексеевский*

379 *«Меньше конформизма, больше принципиальности»:* Михаил Лурье о прикладных городских исследованиях. *Беседовала Дарья Бокадорова*

388 *«Мне повезло, я экстраверт»:* Денис Сивков о дискретности поля, космосе и любви к исследованиям. *Беседовала Дарья Бокадорова*

397 *«Терапевтическое поле»:* Екатерина Чигалейчик и Алексей Кудрин о лоутеке, изменении климата и прикладной этно-экологии. *Беседовала Дарья Бокадорова*

406 *«Существует устойчивая тенденция представлять прикладную работу как менее научную»:* Робин Эверсоул о несправедливой критике, работе в сельской Австралии и ценности знаний местных сообществ

409 *«Мем про антрополога в корпоративных джунглях немножко бесит»:* Кен Эриксон о карьерных траекториях, медийных стереотипах и форматах презентации результатов исследования

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

416 Материалы дискуссии «Профессиональная этика в прикладной антропологии: теория и практика» в рамках Полевого семинара факультета антропологии ЕУ СПб

431 *Анна Паукова.* Кем быть? Практическая антропология как путь, а не пункт назначения. Рец. на: Nolan, R. (2017). Using anthropology in the world: A guide to becoming an anthropologist practitioner. New York: Routledge

438 *Андриан Влахов.* Об антропологах и людях. Рец. на: Bringa, T., Bendixsen, S. (Eds.). (2016). Engaged anthropology: Views from Scandinavia. London: Palgrave Macmillan

450 *Анна Карвалейру.* Тотем для гендиректора. Рец. на: Крамер, И., Браун, Д. (2018). Корпоративное племя. Чему антрополог может научить топ-менеджера. М.: Альпина Паблишер

457 *Елена Чебан.* Свой среди чужих, или этнография в мире архитекторов и дизайнеров. Рец. на: Cranz, G. (2016). Ethnography for designers. NY: Routledge.

CONTENTS

APPLIED ANTHROPOLOGY

9 *Mikhail Alekseevsky.* The blooming diversity of applied anthropologies: A guest editorial

PROBLEMS OF METHOD: THE CLASSICS

16 *Setha Low, Sally Merry.* Engaged anthropology: Diversity and dilemmas. Tr. by Alexander Erokhin

49 *Tamara Hale.* People are not users. Tr. by Elizaveta Golovina

TRANSFORMING THE CITY: CURRENT RESEARCH

74 *Nikita Petrov.* Local text, folklore and public art in an oil single-industry city: Almetyevsk

106 *Daria Radchenko, Mikhail Alekseevsky.* Culture in the networks of mobility: Strategies of choosing recreation practices among young Petersburgers

AN ANTHROPOLOGIST'S REFLECTION

134 *Margarita Chubukova.* The problem of responsibility: Ethical complications in applied research in urban anthropology

154 *Oleg Bazaleev.* Social anthropologist employed by industrial corporations

APPLIED RESEARCH: CASES

180 *Nikita Petrov, Mikhail Garder.* Brands, symbols and design code of Nizhny Novgorod

191 *Anastasia Eremina.* Kineshma — the forgotten Volga capital of the Ivanovo region: A comeback of local identity

199 *Elena Chernets, Artyom Kosmarski.* "Tashkent loves you!": Public spaces, urban development problems

208 *Marina Baiduzh, Dmitry Doronin.* A highway anthropologist: A study of Profsoyuznaya Street in Moscow

220 *Ksenia Krasnova.* Creating safe urban environment for homeless youth and teenagers from dysfunctional families

229 *Elena Soboleva, Oksana Ovsiyuk, Tina Polek.* An anthropological study of utilities consumption for "My Home Online"

236 *Pavel Kupriyanov.* The Basmanny district in perception and everyday practices of the residents: A study commissioned by a museum

244 *Dmitry Gromov, Nataliya Klim.* "How to create a zoo": Applied anthropology as a tool for creating an exhibition space

257 *Konstantin Filonenko.* Participant observation at the bar counter: Values and practices of craft beer consumption

DIGITAL ANTHROPOLOGY

270 *Daria Radchenko.* After the ball: How to evaluate effects of urban improvement with anthropology

MONITORING OF CONTEMPORARY FOLKLORE

294 *Alexandra Arkhipova, Maria Gavrilova, Irina Kozlova.* Defenders of the "Khrushchev houses", their speech and posters: Discourse and ethnography of the protest against the housing renovation program in Moscow

FIELD MATERIALS

334 *Mikhail Alekseevsky, Dmitry Gromov, Nataliya Klim.* GES-2: Local memory and professional identity. Materials of an applied anthropological study

INTERVIEWS

364 "It's very important that people would know that we exist": Founders of the Centre of Applied Anthropology (Kyiv) on grants, working with businesses and problems of institutionalization. Interviewed by Mikhail Alekseevsky

379 "Less conformism, more integrity in the realm methodology": Mikhail Lurie on applied urban studies. Interviewed by Daria Bokadorova

388 "I'm lucky to be extraverted": Denis Sivkov on the discreteness of field, the space and the love for research. Interviewed by Daria Bokadorova

397 "Therapeutic field": Ekaterina Chigaleichik and Alexei Kudrin on low tech, climate changes and ethno-ecological research. Interviewed by Daria Bokadorova

406 "There is often a tendency to portray applied work as less scholarly": Robyn Eversole on unfair criticism, working in rural Australia and the value of local community knowledge. Interviewed by Daria Bokadorova

409 "The anthropologist in the corporate jungle meme is somewhat annoying»: Ken Erickson on career paths, media stereotypes, and ways to present research results. Interviewed by Daria Bokadorova

CHRONICLES OF ACADEMIC LIFE

416 "Professional ethics in applied anthropology: Theory and practice". Discussion during the Fieldwork workshop of the Department of Anthropology, European University at St. Petersburg

431 *Anna Paukova.* Who to be? Practical anthropology as a journey, not as a destination point. A review of: Nolan, R. (2017). Using anthropology in the world: A guide to becoming an anthropologist practitioner. New York: Routledge

438 *Andrian Vlakhov.* Of anthropologists and people. A review of: Bringa, T., Bendixsen, S. (Eds.). (2016). Engaged anthropology: Views from Scandinavia. London: Palgrave Macmillan

450 *Anna Carvaleiru.* A totem for the CEO. A review of: Braun, D., Kramer, J. (2018). Corporate tribe: Organization lessons from anthropology. Moscow: Alpina Publisher.

458 *Olena Cheban.* At home among strangers, or ethnography in the world of architects and designers. A review of: Cranz, G. (2016). Ethnography for designers. London: Routledge.

Цветущее многообразие прикладных антропологий

От приглашенного редактора

Михаил Дмитриевич Алексеевский[1]

✉ alekseevsky@strelka-kb.com
ORCID: 0000-0001-9933-4374

[1]Центр городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Алексеевский, М. (2019). Цветущее многообразие прикладных антропологий. От приглашенного редактора. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 9–13. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-9-13.

The blooming diversity of applied anthropologies

A guest editorial

Mikhail D. Alekseevsky[1]

✉ alekseevsky@strelka-kb.com
ORCID: 0000-0001-9933-4374

[1]Centre for Urban Anthropology, Strelka KB, Moscow, Russia

To cite this article:
Alekseevsky, M. (2019). The blooming diversity of applied anthropologies: A guest editorial. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 9–13. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-9-13. (In Russian).

Еще совсем недавно про прикладную антропологию в России принято было говорить переиначенными стихами из советского мультфильма про Винни Пуха, что «это странный предмет; вроде бы он есть, а вроде бы его и нет». Всего пару лет назад, в первом номере журнала «Фольклор и антропология города», я сам публиковал эссе, в котором на примере собственной научно-карьерной траектории пытался доказать, что прикладные антропологические исследования в России не только в принципе возможны, но и уже активно ведутся [Алексеевский 2018]. Сейчас этот текст кажется наивным, ведь уже нет никакого смысла доказывать кому-то, что российская прикладная антропология существует. Это и так всем очевидно.

Антропологическими исследованиями по заказу государственных структур, бизнес-корпораций, общественных организаций занимаются и специальные центры в вузах, и небольшие исследовательские компании, и отдельные ученые-фрилансеры. На наших глазах формируется сложно устроенный рынок прикладных антропологических исследований, где у различных игроков есть свои ниши, своя специализация, свой набор постоянных клиентов. И сейчас главная проблема заключается не в том, чтобы понять, быть или не быть прикладной антропологии в России, а в том, чтобы разобраться, как и чем занимаются все эти исследователи, для кого они работают, каких результатов добиваются.

Дополнительная сложность состоит в том, что все эти многочисленные прикладные проекты обычно проходят как бы вне зоны действия радаров академической науки. Если обычно ученый заинтересован в том, чтобы рассказать коллегам о своей научной работе и опубликовать ее результаты, то в случае с прикладными исследованиями такой необходимости нет. Иногда у прикладного антрополога нет времени, сил и мотивации, чтобы доводить до публикации результаты исследования, а иногда он просто не может этого сделать из-за «соглашения о неразглашении», согласно которому эти результаты становятся «коммерческой тайной», бережно охраняемой заказчиком.

Данный номер журнала — это попытка решить эти проблемы и устроить полноценную ревизию состояния прикладной городской антропологии в России. Неслучайно помимо традиционной рубрики «Актуальные исследования», где собраны новые статьи, в этом номере появился раздел «Кейсы», в котором представлены своего рода «профайлы» прикладных антропологических проектов, реализованных за последние несколько лет различными командами ученых по совершенно разным темам: от масштабного исследования про бренды и символы Нижнего Новгорода до изучения практик потребления крафтового пива в барах методом включенного наблюдения. Познакомившись с этими разнообразными проектами и сравнив их между собой, любознательный читатель получит возможность увидеть, какие задачи способны решать прикладные антропологические исследования, какие методы в них используются, кто заказывает эту работу и кто ее выполняет.

Российские ученые, которые с энтузиазмом начинают заниматься исследованиями на заказ, зачастую плохо представляют, как развивалась прикладная антропология за рубежом, какие теоретические и методологические проблемы были для нее характерны в разные эпохи, какие вызовы перед ней стоят сейчас. Между тем, в Великобритании термин «прикладная антропология» впервые был использован еще в 1881 году [Bodley 1990: 183], и, как отмечают историки науки, «генезис прикладной антропологии не так-то легко отделить от зарождения и развития дисциплины в целом» [Rylko-Bauer et al. 2006: 179]. Социальная антропология, сформировавшаяся под сильнейшим влиянием колониальной политики Британской империи, изначально была ориентирована на решение практических

задач, которые были актуальны для колонизаторов, сталкивающихся с «туземцами», и в это время жестких границ между «практической» и «теоретической» антропологиями не существовало [Purcell 1998: 261–263]. В дальнейшем прикладная антропология постепенно начинала оформляться как отдельная субдисциплина (в 1920–1930-е годы появляются и пионерские работы в области бизнес-антропологии [Baba 2012]), однако чем активнее происходило ее развитие, тем более остро вставали вопросы, связанные с этикой подобных исследований, как по отношению к колониальному прошлому [Lewis 1973], так и по отношению к корпоративному настоящему [Bainton 2012].

В данном номере проблемы, связанные с этикой прикладных исследований, рассматриваются сразу в нескольких разделах. Во-первых, этические аспекты взаимодействия прикладных исследователей с информантами исследуются в двух переводных статьях из рубрики «Классика жанра». В совместной работе Сеты Лоу и Салли Мерри подробно рассматривается история вовлеченной антропологии (engaged anthropology) и обсуждаются сложные вопросы ее взаимосвязи с активизмом. Совсем с другой стороны к теме вовлеченной антропологии подходит Тамара Хейл, занимающаяся корпоративной дизайн-антропологией; она предлагает отказаться от взгляда на людей как на «пользователей» или «клиентов», чей опыт изучает исследователь, и активнее раскрывать холистический потенциал антропологии.

Взгляды российских исследователей на вопросы, связанные с этикой прикладных исследований, представлены в рубрике «Рефлексия антрополога». Если Маргарита Чубукова обсуждает этические сложности, связанные с работой прикладного городского антрополога, больше с точки зрения теории и методологии, то Олег Базалеев делится практическим опытом работы в качестве корпоративного антрополога в транснациональных добывающих компаниях, работающих в развивающихся странах, и предлагает свой взгляд на то, как выстраивать баланс между интересами компании и защитой прав местных жителей. Ценным дополнением к дискуссии об этике прикладных исследований становятся материалы семинара по этой теме, который прошел на факультете антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Многообразие подходов к прикладным антропологическим исследованиям демонстрируют и другие разделы номера. В рубрике «Интервью» представлены беседы о прикладной антропологии с российскими, украинскими и американскими учеными. Особый интерес представляет групповое интервью с создателями киевского Центра прикладной антропологии, которые всего за несколько лет существования успели организовать и провести три международных семинара, выпустить несколько монографий, освоить проведение коммерческих исследований и, что самое важное, популяризировать антропологию в украинском обществе.

В разделе «Цифровая антропология» на примере оценки социальных эффектов благоустройства общественных пространств Москвы по программе «Моя улица» рассматриваются методологические вопросы, связанные с проведением постпроектных исследований. В традиционной рубрике «Мониторинг актуального фольклора» анализируется протестный дискурс участников митингов против реновации пятиэтажек в Москве и объясняется, почему программа, задуманная как «подарок» москвичам, вызвала такое отторжение у многих «благополучателей». В разделе «Полевые материалы» представлены материалы прикладного антропологического исследования, посвященного устной истории одной из старейших московских электростанций ГЭС-2 и профессиональной повседневности ее бывших сотрудников. Исследование было проведено по заказу фонда V-A-C, который занимается созданием культурного пространства ГЭС-2 в здании закрытой в 2016 году электростанции. Наконец, органично завершают номер рецензии на сборники и монографии последних лет, посвященные тем или иным аспектам прикладных антропологических исследований.

Работа над этим номером оказалась непростой. Несколько текстов для раздела «Кейсы» не удалось опубликовать из-за того, что заказчики прикладных исследований отказались давать разрешение на публикацию их описаний. Некоторые иностранные бизнес-антропологи так и не ответили на просьбы об интервью. Не все тексты, обещанные в номер, в итоге были предоставлены авторами, жаловавшимися на сильную занятость, вечный бич прикладных исследователей. Но и в таком виде этот номер получился самой большой и представительной публикацией материалов по городской антропологии в России. Хочется думать, что это только начало серьезного разговора на актуальную тему, и в скором будущем разного рода прикладных антропологических исследований будет еще больше. Как говорится, пусть цветут все цветы!

Литература

Алексеевский, М. Д. (2018). Трудности перевода: Заметки о развитии прикладной городской антропологии в России. Фольклор и антропология города, *I*(1), 204–213.

Baba, M. (2012). Anthropology and business: Influence and interests. *Journal of Business Anthropology, 1*(1), 20–71.

Bodley, J. (1990). *Victims of progress*. Mountain View, CA: Mayfield.

Bainton, B. R. (2012). Applied ethics: Anthropology and business. *International Journal of Business Anthropology, 3*(1), 114–133.

Lewis, D. (1973). Anthropology and colonialism. *Current Anthropology, 14*(5), 581–602.

Purcell, T. W. (1998). Indigenous knowledge and applied anthropology: Questions of definition and direction. *Human Organization, 57*(3), 258–272.

Rylko-Bauer, B., Singer, M., Van Willigen, J. (2006). Reclaiming applied anthropology: Its past, present, and future. *American Anthropologist, 108*(1), 178–190.

References

Alekseevsky, M. (2018). Lost in translation: Concerning the development of applied urban anthropology in Russia. *Urban Folklore & Anthropology, I*(1), 204–213. (In Russian).

Baba, M. (2012). Anthropology and business: Influence and interests. *Journal of Business Anthropology, 1*(1), 20–71.

Bodley, J. (1990). *Victims of progress*. Mountain View, CA: Mayfield.

Bainton, B. R. (2012). Applied ethics: Anthropology and business. *International Journal of Business Anthropology, 3*(1), 114–133.

Lewis, D. (1973). Anthropology and colonialism. *Current Anthropology, 14*(5), 581–602.

Purcell, T. W. (1998). Indigenous knowledge and applied anthropology: Questions of definition and direction. *Human Organization, 57*(3), 258–272.

Rylko-Bauer, B., Singer, M., Van Willigen, J. (2006). Reclaiming applied anthropology: Its past, present, and future. *American Anthropologist, 108*(1), 178–190.

Метаморфозы памятников

Памятники, стоящие на городских окраинах и воспринимаемые как рядовые, иногда начинают жить своей жизнью. Пустующий с начала XX века постамент памятника Александру II вдруг может занять Человек-невидимка, постамент, на котором стоял бюст Ленина, занимает удивительный гранитный Шар, и местные жители очень удивляются этой метаморфозе. На Пионерской улице Ленинграда был создан так называемый «Сквер Гаврошей», в нем было установлено две горизонтальные стелы с портретами мальчиков и с надписью: «Честь и слава детям питерских рабочих, принимавших участие в разгроме контрреволюционного мятежа юнкеров в октябре 1917 года». В 1990-е годы памятник сильно пострадал от вандалов, и после реставрации идеологически преобразился: появились скульптурные головы девочек, а надпись стала поминальной, а не прославляющей подвиг.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА: КЛАССИКА ЖАНРА

Вовлеченная антропология: разнообразие и дилеммы

СЕТА ЛОУ[1]

✉ SLOW@GC.CUNY.EDU

[1]Высшая школа Городского университета Нью-Йорка, Нью-Йорк, США

САЛЛИ ЭНГЛ МЕРРИ[1]

✉ SALLY.MERRY@NYU.EDU

[1]Колледж Искусств и наук Университета Нью-Йорка, Нью-Йорк, США

Перевод и комментарии Александра Ерохина

Для цитирования статьи:
Лоу, С., Мерри, С. (Авторы), Ерохин, А. В. (Пер.). (2019). Вовлеченная антропология: разнообразие и дилеммы. *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 16–48. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-16-48.

Статья Сеты Лоу и Салли Энгл Мерри является предисловием и одновременно развернутым комментарием к сборнику материалов по итогам семинара «Антрополог как социальный критик: развивая вовлеченную антропологию», проведенного 22–25 января 2008 года под эгидой Фонда антропологических исследований Веннера-Грена. Статья опубликована в журнале «Актуальная антропология» (*Current Anthropology, 51*(S2), S203–S226). Авторы данной работы, представляя сборник статей по итогам семинара, одновременно обсуждают формы вовлеченной антропологии в США, ее историю и ее сохраняющиеся противоречия.

Engaged anthropology: Diversity and dilemmas

Setha M. Low[1]

✉ SLOW@GC.CUNY.EDU

[1]The Graduate Center, City University of New York, New York, USA

Sally Engle Merry[1]

✉ SALLY.MERRY@NYU.EDU

[1]New York University College of Arts and Sciences, New York, USA

Tr. and comm. by Aleksandr Erokhin

To cite this article:
Low, S. M., Merry, S. E. (Authors), Erokhin, A. (Trans.). (2019). Engaged anthropology: Diversity and dilemmas. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 16–48. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-16-48.

The translated paper by Seta Low and Sally Merry is both a foreword and a detailed commentary on the proceedings of the Wenner-Gren workshop "The anthropologist as social critic: Working toward a more engaged anthropology" (January 22–25, 2008). The article was published in *Current Anthropology*, *51*(suppl. 2), S203–226. To introduce the collection of articles in the follow-up to the workshop the authors discuss forms of engaged anthropology, its history, and its ongoing dilemmas.

На важность развития вовлеченной антропологии, затрагивающей значимые для общества темы [Lamphere 2004, Rappaport 1993], указывают многочисленные статьи и книги, написанные с целью вывести принцип участия на авансцену этой науки [Bennett 1966, Checker 2009, Eriksen 2006, Forman 1993, Hale 2006, Lamphere 2004, Patterson 2001, February 27, Rappaport 1993, Rylko-Bauer, Singer, van Willigen 2006, Sanford, Angel-Ajani 2006, Sanjek 2004, Schensul, Schensul 1978, Smith 1999]. Часть авторов считает, что антропология с самого начала была вовлеченной, поскольку антропологическое знание разрабатывалось для решения человеческих проблем, равно как и проблем управления колониями [Bennett 1996, Rylko-Bauer, Singer, van Willigen 2006]. Другие же рассматривают вовлеченность как политически ангажированную критическую точку зрения, процветавшую с 1930-х по 1970-е годы и фокусировавшуюся на социальном неравенстве и политэкономической критике [Berreman 1968, Patterson 2001, February 27, Roseberry 2002, Silverman 2007]. Призыв к вовлеченности привлек самых разных антропологов — от тех, кто утверждает, что для выстраивания постколониальных отношений со своим субъектом антропология требует переосмысления своих методов и способов письма, до тех, кто твердо намерен отыскать неимпериалистическую политическую позицию, и тех, кто трудится, чтобы сформировать новый способ работы с локальными сообществами — совместно, а не иерархически. Все эти формы вовлеченности складываются в богатое разнообразие способов антропологической работы в публичной сфере.

В настоящей статье мы стремимся дать обзор вовлеченной антропологии в целом, включая ее основные методы и историческое развитие. Учитывая ее стремительный расцвет в последние два десятилетия, а также устойчивый интерес в истории антропологии к такой работе, невозможно отдать должное всей этой области. Называя отдельных ученых или отдельные исследовательские практики, мы рискуем пропустить других, занимающихся не менее важной работой. И все же мы считаем ценной попытку отследить, с чего начиналась вовлеченная антропология и что она представляет собой сейчас. Мы забросили самый широкий невод — но, несмотря на это, были, конечно, весьма ограничены. Другие организовали бы и классифицировали поле иначе. Мы, конечно, не расставляем точки над і касательно этой науки, но, тем не менее, наша работа рассчитана на то, чтобы начать дискуссию о вовлеченной антропологии, продемонстрировать ее широту и разнообразие. Мы касаемся только социальной, культурной и, до некоторой степени, практической антропологии. Существуют и другие значимые формы вовлеченности, к примеру, судебно-медицинская антропология в рамках биологической антропологии, многие виды археологической работы, в том числе

проблема возвращения культурных ценностей; а также попытки справиться с исчезновением языков в лингвистической антропологии. Эти вопросы находятся за рамками нашей статьи и грядущего сборника очерков[1]. Хотя входящие в него статьи и стараются охватить различные национальные традиции, последних куда больше, чем мы сумели в него включить. Мы стремимся классифицировать и систематизировать вовлеченную антропологию прежде всего для того, чтобы привлечь к ней — к максимальному числу ее форм и практик, со всеми проблемами и противоречиями — более широкое внимание.

Давняя для американской антропологии традиция разговора о важнейших проблемах современного общества — каноническими примерами тут будут Маргарет Мид, Рут Бенедикт и Франц Боас — до сих пор находит свое отражение в работе антропологов. Сегодня они трудятся в областях, имеющих решающее значение для актуальных общественных диспутов, от природы научного знания и коммуникации до способов, которыми мировые экономические и политические силы уничтожают образ жизни лесных народов и селян. Антропологи исследуют «по верхам», глобально, изучают главные общественные институты — право, медицину, городское планирование и образование. В этих сферах уникальным вкладом антропологии является ее особая точка зрения — ее внимание к микросоциальной ситуации, создаваемой макроэкономическими и политическими силами; изучение того, как социальные ситуации приобретают значение через дискурс, символы и язык; анализ включенности малых территорий в более крупные структуры власти. По контрасту с усиливающейся тенденцией к пониманию поведения в широком, сравнительном и статистическом смысле, антропология настаивает на важности контекста, истории и частностей. Личная причина нашего интереса к вовлеченной антропологии состоит в нашей приверженности к антропологической практике, уважающей достоинство и права каждого человека и оказывающей благотворное воздействие на продвижение социальной справедливости.

Антропология как дисциплина прибегает к различным способам вовлечения общественности в решение социальных проблем. В число этих способов входят: 1) помещение антропологии в центр процесса разработки публичной политики; 2) сближение университетской антропологии с более широким миром социальных проблем; 3) привлечение внимания

[1] В своей аннотации к сборнику Лоу и Мерри пишут, в частности, следующее: «В последние годы по мере того, как антропология становилась все более социально ангажирована, ее публичная узнаваемость как научной дисциплины повысилась. Хотя призыв к вовлеченности и вызвал повсеместный отклик во всех отраслях антропологии, настоящий специальный выпуск сосредоточен на вовлеченной антропологии и тех дилеммах, которые она ставит перед культурной и прикладной антропологией в США. В рамках данной области авторы выделяют несколько форм вовлеченности: 1) предоставление ресурсов и поддержка; 2) преподавание и общественное образование; 3) социальная критика; 4) сотрудничество; 5) правовая защита и 6) активизм. Авторы демонстрируют, что вовлечение осуществляется во время полевой работы; посредством прикладной практики; в институтах, подобных "Культурному выживанию", Институту исследований общин и Совету по здравоохранению испаноязычной диаспоры; а также в ходе работы отдельных активистов в ситуациях войны, террора, нарушения экологических прав человека, насилия и нарушения прав человека. Подробный анализ истории вовлеченной антропологии в США также обнаруживает ряд противоречий, многие из которых продолжают воздействовать на современную антропологическую практику». *Прим. пер.*

средств массовой информации к антропологическому знанию; 4) переход антропологов в ряды активистов, озабоченных насилием и социальными переменами, свидетелями которых они становятся; 5) обеспечение доступа членов сообществ к производству знания и к власти; 6) предоставление эмпирических подходов к социальным оценкам и этичной практике; 7) установление связи между антропологической теорией и практикой для выработки новых решений. Все эти инициативы важны для поддержания присутствия дисциплины в публичном пространстве. Недавняя статья Мелиссы Чекер [Checker 2009] предлагает краткий обзор глобальных проблем, к которым обращаются антропологи в области: 1) войны и мира; 2) изменений климата; 3) восстановления после различных катастроф — природных, техногенных и вызванных освоением территорий; 4) прав человека; 5) диспропорции в здравоохранении; 6) межрасового взаимопонимания, расовой политики и расового равенства в США. Она утверждает, что антропология находится на пороге новой эры, в которой антропологический опыт, активизм, теория и практика будут широко и свободно распространяться посредством новых технологий, а также новостных СМИ, журнальных публикаций и отчетов, спонсируемых различными учреждениями. Авторы в долгу перед ней за проведенный обзор антропологической вовлеченности и отмечают, что публикация ее статьи в журнале «Американский антрополог» свидетельствует о том, что вовлеченная антропология как наука вступила в стадию зрелости.

Мы сосредоточены на значительном прогрессе, достигнутом в привлечении внимания общественности к вовлеченной антропологии как к дисциплине в рамках культурной и практической антропологии в США. Ясно, что призыв к участию рассматривается во всех субполях и в глобальном контексте, но эти области выходят за рамки данной статьи. В рамках нашей более ясно очерченной сферы мы утверждаем, что существует целый ряд форм вовлеченности: 1) предоставление ресурсов и поддержка; 2) преподавание и публичное образование; 3) социальная критика; 4) сотрудничество; 5) правовая защита; 6) активизм. Это вовлечение осуществляется во время полевой работы; посредством прикладной практики в организациях, подобных «Культурному выживанию»[2], Институту исследований общин[3] и Совету по здравоохранению испаноязычной диаспоры[4]; а также благодаря работе отдельных активистов в ситуациях войны, террора, нарушения экологических прав человека, насилия и несоблюдения прав человека [Hale 2006, Kirsch 2002, Sanford, Angel-Ajani 2006, Scheper-Hughes 1995, Speed 2006].

[2] «Культурное выживание» (Cultural Survival) — некоммерческая организация, созданная в 1972 году американскими антропологами супругами Мейбери-Льюис (Maybury-Lewis). Цель организации состоит в защите прав и интересов коренных народов во всем мире. *Прим. пер.*

[3] Институт исследований общин (The Institute for Community Research), основанный в 1987 году как некоммерческая организация, ставит своей целью изучение и преодоление социального неравенства как в США, так и во всем мире, в особенности в здравоохранении и образовании. Исполнительным директором Института исследований общин является антрополог Джин Скенсул (Jean Schensul). *Прим. пер.*

[4] Совет по здравоохранению испаноязычной диаспоры (Hispanic Health Council) организован в 1978 году и занимается преимущественно проблемами медицинского обеспечения и страхования, а также детской педагогики испаноязычной диаспоры в США. *Прим. пер.*

В то же время, внимательное изучение истории вовлеченной антропологии в Соединенных Штатах выявляет ряд противоречий, многие из которых по-прежнему актуальны для современной антропологической практики. После анализа истории вовлеченной антропологии и ее современной практики мы обращаемся к некоторым проблемам долгосрочного характера, которые она создает. Эти вопросы были подняты антропологами — участниками семинара «Антрополог как социальный критик: развивая вовлеченную антропологию», прошедшего 22–25 января 2008 года под эгидой Фонда Веннера-Грена[5]. В своих текстах, многие из которых представлены в настоящем сборнике, они останавливаются как на развитии и распространении вовлеченной антропологии, так и на проблемах, с которыми сталкиваются практикующие ее антропологи. В некоторых статьях положение антропологии в других странах рассматривается с целью подчеркнуть особую ситуацию с антропологией в Соединенных Штатах. В качестве введения к этому сборнику статей мы обсуждаем упомянутые выше формы вовлеченной антропологии, историю ее развития, а также вопросы, которые она продолжает ставить перед антропологией в целом. Отслеживая различные противоречия и усилия по их преодолению, мы предлагаем идеи о том, как именно науке следует развиваться в контексте вовлеченности. В заключение мы выявляем и вкратце обсуждаем ряд препятствий, все еще существующих на пути вовлеченной антропологической практики.

История вовлеченной антропологии в Соединенных Штатах Америки

Критическая и вовлеченная антропология существовала в Соединенных Штатах всегда, фактически с самых первых профессиональных исследований в период Реконструкции Юга после Гражданской войны [Burawoy 2005, Patterson 2001, February 27, Textor 2005]. В 1870 году первый директор Бюро этнологии и геологической службы, Джон У. Пауэлл, давал в Конгрессе показания о геноциде коренных народов в ходе строительства железной дороги и расширения страны на запад [Patterson 2001, February 27, см. также: Vincent 1994]. До Второй мировой войны многие работавшие в США антропологи указывали на экономические проблемы, классовые различия и влияние расизма и неравенства на американские институты и организации [Silverman 2007].

Североамериканская антропология 1920–1930-х годов продолжала находиться под влиянием Франца Боаса. Антропологи трудились не только над описанием культур коренных обществ, особенно коренных американцев, но и проводили исследования деревень Латинской Америки и Азии под руководством таких ученых, как Роберт Редфилд [Silverman 2007]. Боас помог заложить основу для установления связи между антропологией и общественной жизнью, включая критику расизма. В числе первых

[5] Фонд антропологических исследований Веннера-Грена учрежден в 1941 году Акселем Л. Веннером-Греном для поддержки исследований во всех областях антропологии. *Прим. пер.*

исследований межрасовых отношений — работы Мелвилла Херсковица [Herskovits 1928] и таких выдающихся антропологов-активистов, как Зора Нил Хёрстон [Pierpont 2004, March 8, Silverman 2007]. Боас также стал движущей силой антифашистского движения в довоенных США, к которому присоединились Рут Бенедикт, Джин Велтфиш и Эшли Монтегю [Patterson 2001, February 27, Susser 2010].

В 1930-е годы исследования проводились при спонсорской поддержке Управления общественными работами (WPA), которое в эпоху Великой Депрессии привлекало антропологов к нескольким из своих междисциплинарных программ. WPA поддержало такие инициативы, как городские исследования и публикация «Черного мегаполиса» (Black Metropolis, опубликовано в 1945 году[6]), социально-экономические исследования Юго-Запада для Службы охраны почв и социологические исследования сельских районов для Бюро сельскохозяйственной экономики (BAE) [Silverman 2007]. Бюро сельскохозяйственной экономики, в свою очередь, спонсировало ряд исследований: критически важный проект Уолтера Голдсмита по изучению агробизнеса, программу «Изучение сельской жизни» (Rural Life Studies), а также исследования сельских районов в округе Белл, штат Техас, выполненные Джоном Беннетом и Оскаром Льюисом. Антропологи, работавшие с коренными американцами, критиковали воздействие торговли, технологий, имущественного права и государственной политики, показывая, как они ввергают эти общества в кризис [Silverman 2007]. Сильверман [Silverman 2007] задается вопросом, что же случилось с этой материалистической и критической антропологией 1930-х годов, и объясняет ее упадок маргинальностью ее адептов, в большинстве своем не занимавших академических должностей, а также воздействием Второй мировой войны, которая замкнула все эти усилия на достижении победы.

Тем не менее, как в течение этого периода, так и впоследствии, первопроходцем вовлеченной антропологии была Маргарет Мид. Она активно выступала в качестве писателя и публичного спикера по всем аспектам жизни людей, живущих в современном мире [Lutkehaus 2008, Mead 1942]. Она занималась практическими проблемами — такими как обеспечение жильем, городское развитие, расовый вопрос и загрязнение окружающей среды, и сотрудничала с широким кругом специалистов и ученых. Однако ее популярность и успехи в ознакомлении критиков американского общества с антропологическими открытиями, полученными при изучении незападных культур, вовсе не всегда положительно воспринимались научным сообществом. В последние годы ее деятельность пристрастно досматривали на предмет научной ценности. Исследования социальных изменений, выполненные Максом Глакманом, Арнольдом Леонардом Эпстейном и Виктором Тернером из Манчестерской школы в

[6] Научный проект «Черный мегаполис», выполненный в первой половине XX века под руководством Джона Гиббса Сент-Клэр Дрейка (John Gibbs St. Clair Drake) и Гораса Кейтона Младшего (Horace R. Cayton Jr.), ставил своей целью изучение чернокожего населения североамериканских городов. Результаты исследования, опиравшегося преимущественно на данные социологической работы в Чикаго, стали важнейшей вехой как для изучения афроамериканского населения США, так и для социологии города в целом. *Прим. пер.*

Великобритании, равно как и Джаапом ван Велзеном и Годфри Уилсоном, также внесли своей вклад в историю американской вовлеченной антропологии, о чем куда подробней пишет Ида Сассер [Susser 2010].

Во время Второй мировой войны 95% антропологов были в той или иной степени вовлечены в военные действия, но некоторые аспекты этого участия, включая руководство лагерями для интернированных японцев, впоследствии, в 1960-х, привели к громкому возмущению [Wax 1971, Wax 1978]. Сразу после Второй мировой и начала Холодной войны американских антропологов привлекли на службу ввиду их понимания «традиционных» обществ. Щедрую государственную поддержку в рамках крупномасштабных проектов получили исследования регионов, имеющих стратегическое военное значение, и национальных менталитетов [Silverman 2007, Smith 1999, Warren 2006]; американские военные, в свою очередь, инвестировали в Ареальную картотеку человеческих отношений (HRAF[7]) и в этнографические исследования на островах Тихого океана. Джун Нэш [Nash 2007] пишет, что, работая в качестве начинающего антрополога с сельскими жителями-членами профсоюза в Кантели (Гватемала), она стала свидетелем организованного ЦРУ в 1954 году путча против президента Арбенза и что по возвращении в Чикаго ей нанес визит агент ЦРУ. Она ссылается на предостережение Макса Глакмана [Gluckman 2002 (1958)] о неизбежных опасностях, связанных с отказом от анализа и, соответственно, игнорированием или отрицанием политического контекста полевой работы антрополога, и задается вопросом о пределах антропологической наивности [Nash 2007: 105].

В 1950-е и 1960-е годы возникла серьезная озабоченность по поводу использования антропологических знаний, особенно когда многие антропологи принимались на работу в университеты, где им предлагались прибыльные бессрочные контракты по мере расширения антропологических факультетов за счет бюджета Холодной войны[8] [Chomsky 1997, Gusterson 1996, 2004, Nader 1997]. Разумеется, пожизненный контракт или академическая должность предоставлялись не всем. Многие антропологи из числа женщин и меньшинств остались работать в публичном секторе из-за препятствий на пути их полноценного участия в научной деятельности или из-за их активной социальной позиции. Маргинализированный характер их социальных идентичностей и активистские взгляды снизили видимость и значимость антропологической вовлеченности с точки зрения более широкого, и особенно вузовского, аспекта этой дисциплины.

После Второй мировой войны, когда многие антропологи перешли на работу в университеты, этические проблемы использования военными результатов исследований вызвали резкую критику. Основной мишенью для критики военного применения антропологических знаний стали исследования горных племен северного Таиланда, которые проводились во время войны во Вьетнаме при финансовой поддержке

[7] Ареальная картотека человеческих отношений (Human Relations Area Files) существует с 1949 года на базе Йельского университета. Целью создания картотеки стало поощрение сравнительного изучения культур, цивилизаций и человеческого поведения как в прошлом, так и в настоящем. *Прим. пер.*

[8] S. Silverman, личное сообщение.

Министерства обороны США [González 2004, 2009, Rylko-Bauer, Singer, van Willigen 2006, van Willigen 2002]. Сол Такс со своей антропологией действия попытался ответить на эту критику, предложив, чтобы добровольная практика тех, кто работает в науке, и другие эксплицитные ценностные подходы заложили основу для иной формы вовлеченной антропологии [Rylko-Bauer, Singer, van Willigen 2006].

Конечно, некоторые антропологи выступали против активизма и в других сферах, не только в военной. Джордж Питер Мёрдок в конце 1940-х годов отправил директору ФБР Джону Эдгару Гуверу список антропологов, считавшихся коммунистами [Price 2004]. Жуткая история о судьбе антропологов, попавших в лапы Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, и о карьерах, разрушенных обвинениями в связях с коммунистами, подробно изложена Лорой Нейдер [Nader 1997] и Дэвидом Прайсом [Price 2004]. Маккартизм ограничил свободу научного поиска антропологов, «преследуя, стигматизируя и наказывая тех, кто трудился во имя расового, гендерного, этнического или экономического равенства» [Price 2004]. Не следует недооценивать кумулятивное влияние, оказанное маккартизмом на вовлеченную антропологию, так как «по мере распространения, под видом травли красных, новой охоты на ведьм целое поколение представителей общественных наук научилось скрывать, что мыслят в категориях марксистской критики, а многие в этой дисциплине стали игнорировать активистские роли, естественным образом присущие и этически обязательные для антропологии» [Price 2004: xviii]. Прайс приходит к выводу, что к середине двадцатого столетия американская антропология сбилась с пути и отступила от своей прежней практики вовлеченности.

Этические последствия сотрудничества с вооруженными силами и конфиденциальности полевых антропологических журналов также оказались довольно мрачными, когда в 1971 году возглавляемый Маргарет Мид Специальный комитет по оценке разногласий относительно антропологической деятельности в Таиланде «опубликовал свой отчет, освобождающий всех гражданских антропологов Американской антропологической ассоциации (AAA[9]) от ответственности за неэтичное поведение» [Nader 1997: 126–127] и осудил Эрика Вульфа и Джозефа Йоргенсена за то, что они предали огласке содержание документов, связанных с антропологами, занимавшимися контрпартизанскими исследованиями [Price 2008]. Мид была обеспокоена этическими аспектами обнародования подобных документов, а не тем, как данные исследований использовались военными, в то время как Вульф и Йоргенсен вместе со многими другими выступили против дальнейшего применения антропологических материалов в военных целях. Отчет был отвергнут членами AAA, и доверие к руководству организации существенно пострадало. Аналогичные дебаты ведутся и сегодня, например, о том,

[9] Американская антропологическая ассоциация (American Anthropological Association) основана в 1902 году и является крупнейшим в мире объединением профессиональных антропологов. В ее деятельности принимают участие как университетские и академические антропологи, так и антропологи, работающие в неправительственной и некоммерческой сфере. *Прим. пер.*

нужно ли направлять антропологов в качестве членов программы «Система гуманных территорий» (HTS[10]) по миротворческой деятельности в Афганистане и Ираке. Американская антропологическая ассоциация и Сеть обеспокоенных антропологов (NCA[11]) озабочены этическими последствиями подобной формы сотрудничества антропологов с военными. В 2007 году Теренс Тернер внес в AAA предложение об изменении ее этического кодекса с тем, чтобы исключить любые формы тайных исследований и восстановить Принципы профессиональной ответственности AAA 1971 года; в октябре 2009 года был подготовлен полный отчет о программе HTS и оценке ее воздействия на антропологию; его распространили на ежегодном собрании AAA и выложили на ее веб-сайт.

Критическая и вовлеченная антропология пережила эпоху маккартизма в ряде научно-образовательных учреждений. Маршалл Салинс, Стэнли Даймонд, Эрик Вульф, Марвин Харрис, Констанс Саттон, Кэтлин Гоф и Дэвид Аберле устраивали публичные дискуссии по Вьетнаму («тичины»). В 1963 году Элеонора Ликок вместе с Джун Нэш и Хелен Сафа выступили за улучшение условий труда женщин как в Соединенных Штатах, так и в Латинской Америке, а в начале 1970-х Саттон и Ликок организовали Нью-Йоркский женский антропологический форум. Эти действия вылились в создание Международного женского антропологического форума под руководством Ликок и Саттон, а затем Джонетты Коул и Линды Баш. Форум присоединился к Организации Объединенных Наций для установления связей с учеными стран третьего мира[12] [Berreman 1968, Sutton 1993]. В семидесятые и восьмидесятые к кампании Ликок присоединились Кристина Гейли, Луиза Ламфер, Ричард Ли и многие другие [Patterson 2001, February 27, Roseberry 2002]. Активистская позиция, зародившаяся во время движения за гражданские права и войны во Вьетнаме, вылилась в специальный номер журнала «Актуальная антропология» (Current Anthropology), в котором Кэтлин Гоф [Gough 1968] анализирует империализм, Джеральд Берриман [Berreman 1968] рассматривает социальную ответственность в социальной антропологии, а Делмос Джонс [Jones 1968] обсуждает так называемую «инсайдерскую антропологию» с позиций Сент-Клэр Дрейка, афроамериканского антрополога, идущего по стопам Уильяма Эдуарда Бёркхардта Дюбуа и Джона Гиббса [Susser 2010]. В этот период также процветала феминистская антропология, призывавшая к более инклюзивным методологиям, активному взаимодействию с изучаемыми индивидами и сообществами и более эгалитарным отношениям в исследованиях [Huggins, Glebbeek 2009, Susser 2010].

[10] «Система гуманных территорий» (The Human Terrain System) была создана американскими военными в 2005 году для привлечения специалистов из социальных и гуманитарных наук — антропологов, социологов, политологов — с целью информирования командного и рядового состава подразделений американской армии, участвующих в операциях на различных территориях за пределами США, о характерных привычках и традициях местного населения. *Прим. пер.*

[11] Сеть обеспокоенных антропологов (Network of Concerned Anthropologists) является независимой организацией антропологов, встревоженных милитаризацией антропологии в рамках войны с террором и требующих соблюдения всеми антропологами этических принципов. *Прим. пер.*

[12] C. Sutton, частная переписка.

По мнению Уильяма Роузберри [Roseberry 2002], после Второй мировой войны последовательно сменяли друг друга три волны критики антропологической практики. Первая волна, конца 1940-х — начала 1950-х годов, поставила под сомнение «туземный анклав» как традиционный объект исследования и расширила сферу анализа, включив в него сложные общества и новые социальные группы [Roseberry 2002: 59]. Вторая волна, конца 1960-х и начала 1970-х годов, выросла из прежнего сотрудничества ученых-антропологов с колониальными державами и неспособности дисциплины признать гендерную и другие формы расовой, классовой и этнической дискриминации. Этот период был отмечен публикациями Эрика Вульфа (1969 год) «Крестьянские войны XX века» и Марвина Харриса (1964 год) «Отношения рас в обеих Америках». Эта критика основывалась на политической экономии, историческом материализме и эмпирических и реалистических традициях марксистской теории. Вовлеченные исследователи опубликовали сборник «Переизобретая антропологию» [Hymes 1969], который предлагал антиимпериалистическую позицию [Berreman 1968, Caulfield 1969]. Также он призывал вести исследования «снизу вверх», чтобы понять культуру власти, а не только культуру подвластных [Nader 1972], и переходить от мира чистой науки к работе в интересах сообществ или движений, в том числе в прямом действии в качестве их участника [Hymes 1969: 56].

Третья волна критики началась в середине 1980-х годов с издания книги Джорджа Маркуса и Майкла Фишера «Антропология как культурная критика» (1986), а также сборника «Как писать культуру» (Writing Culture) под редакцией Джеймса Клиффорда и Джорджа Маркуса (1986), и продолжалась до начала 1990-х. Опять-таки прибегнув к языку критики, третья волна сосредоточилась на изучении «формирования и культурного конструирования идентичностей» [Roseberry 2002: 70] и анализе полученных метанарративов, в особенности созданных белыми мужчинами-антропологами. Эта «культурная критика» затрагивала вопросы неравенства и голоса с дискурсивной точки зрения — часто с точки зрения философии Фуко, деконструктивизма или постколониальной теории/исследований подчинения — и выступала за более рефлексивную форму этнографической практики, которая ценит мультисемантические и совместно конструируемые знания и нарративы.

К концу 1970-х и 1980-м годам вовлеченная антропология начала интегрировать в себя эту критику, защищая интересы изучаемых групп населения и индивидов (при их участии) [Hill 2000]. Из объектов исследования информанты превратились в соавторов, соисследователей и коллег. Немалая часть исследований основывалась на теориях неравномерного развития и неравномерного распределения власти между ядром и периферией, но в то же время фокусировалась на том, как раса, класс, пол и этническая принадлежность структурируют социально-экономическое неравенство. Концепция «передачи власти общинам» в Асьенда Викос в Перу опиралась на идею о том, что успешное развитие может осуществиться только в том случае, если удастся изменить структурное неравенство крестьянской жизни [Doughty 1987]. Среди новых

подходов к проведению вовлеченных исследований, разработанных в этот период, были «модель совместного исследования» Джин Скенсул и Стивена Скенсула [Schensul, Schensul 1978, 1992] и «культурное брокерство» Денниса Уэйдмана [Weidman 1976].

В 1993 году книга «Диагностируя Америку: антропология и общественная активность» под редакцией Шепарда Формана провозгласила «прямой призыв к ответственной и вовлеченной антропологии» [Forman 1993: 3] в рамках панели на конференции AAA «Беспорядок в индустриальных обществах». Коллективная монография завершается «Профессиональным манифестом», в котором говорится о многих вопросах, рассматриваемых в этой статье, призывающим к «антропологии, включающей в свою работу, с одной стороны, эмпирически обоснованную социальную критику, а с другой — теоретически подкрепленное участие в общественно-политических процессах» [Forman 1993: 298]. Манифест называет пять аспектов вовлеченности: (1) антропология как источник социальной критики, (2) участие в деятельности локальных сообществ, (3) право голоса в формировании публичной политики, (4) вовлеченность как элемент образовательного процесса, (5) возрождение вовлеченной антропологии, определяемой как постоянная самокритика изнутри самой дисциплины. Рекомендации Манифеста содержат множество шагов, уже предпринятых AAA: например, создание комиссии по вопросам многообразия (ныне действующая Комиссия по вопросам расы и расизма), комиссии по представленности женщин в научной антропологии (постоянный Комитет по статусу женщин в антропологии), поддержка колледжей для национальных меньшинств (постоянный Комитет по делам меньшинств) и пересмотр критериев назначения на академические посты и карьерного продвижения в образовании и науке — вопрос, который в конце нашей статьи также рассматривается в качестве препятствия для вовлеченной работы и в настоящее время обсуждается Комитетом по антропологии государственных, прикладных и общественных интересов (COPAPIA).

Даже с учетом публикации этого поворотного текста в начале 1990-х годов и усилий AAA по продвижению антропологии в сторону большей вовлеченности, по-прежнему мало что говорилось о конкретных способах и уровнях правовой защиты и активизма, которые могли бы поддерживаться в рамках дисциплины, и особенно в академической среде. Однако в 1990-е и в начале 2000-х годов все большее число антропологов стало выступать за усиление общественного активизма как в университетах, так и за их пределами. Идея воинствующей антропологии Нэнси Шепер-Хьюз предполагает, что «культурный релятивизм, понимаемый как моральный релятивизм, больше не подходит для мира, в котором мы живем, и что антропология, если она вообще чего-то стоит, должна быть этически обоснована» [Scheper-Hughes 1995: 410]. Тем самым она утверждает, что антропологическое письмо может быть зоной сопротивления сопротивления. Джеймс Пикок в своей президентской лекции под названием «Будущее антропологии» представил идею публичной антропологии и провозгласил, в сотрудничестве с другими антропологами, что вовлеченная антропология должна стремиться к трансформации университетской среды и преодолению стратификаций внутри

самой дисциплины [Basch et al. 1999, Peacock 1997]. Книга «Противостоять нашему времени: за политически вовлеченную антропологию» (1999) Гевина Смита предписывает переход от политического участия к формулированию антропологии как политической практики, а Стюарт Кирш [Kirsch 2002] настойчиво требует считать допустимым активное вмешательство в случаях экологической несправедливости. Ласситер [Lassiter 2005] поддерживает совместное написание этнографических нарративов и в 2009 году стал редактировать журнал «Коллаборативные антропологии» (Collaborative Anthropologies) с целью продвижения этой инициативы, в то время как Виктория Сэнфорд и Эйзел Эйнджел-Аджани [Sanford, Angel-Ajani 2006], Шеннон Спид [Speed 2006], Чарльз Хейл [Hale 2006] утверждают, что критическая вовлеченность скорее будет достигнута посредством активистских исследований и правовой защиты, чем культурологической критики, опирающейся на университетскую среду.

В результате этого брожения возникло множество различных версий вовлеченной антропологии. Некоторые из них представляют собой формы поддержки, обучения и коммуникации; другие — это социальная критика, научная попытка изобличить истоки несправедливости и неравенства; а некоторые обращаются к коллаборативному подходу к исследованиям посредством работы с объектами изучения через сотрудничество и равноправные отношения. Представлены и более радикальные виды антропологической вовлеченности, сосредоточенные на правовой защите и активизме. Эти разделения и категории не являются ни жесткими, ни статичными, но мы прибегаем к ним, чтобы дать представление о разнообразии форм вовлеченности, существующих сегодня в Соединенных Штатах.

Формы антропологической вовлеченности

Один из наших тезисов состоит в том, что антропологи разными способами социально ангажированы, но, как показывает история, они вовсе не всегда соглашаются насчет того, как понимать вовлеченность, и еще менее едины относительно формы, какую она должна принимать. Наша позиция заключается в том, что существует широкий спектр практик, которые можно включить в эту рубрику, и что эта широта только укрепляет дисциплину. Мы предлагаем предварительную типологию способов вовлеченности, хотя и не представляем ее как набор взаимоисключающих категорий, поскольку все виды вовлеченности так или иначе пересекаются и смешиваются друг с другом. И тем не менее, они помогают описать диапазон вовлеченности и внести большую ясность в обсуждение последующих статей.

Предоставление ресурсов и поддержка

Антропологические полевые исследования обычно включают в себя повседневные практики предоставления ресурсов, поддержки и личного взаимодействия. Такие отношения, включающие дружбу и даже некоторые родственные связи, можно рассматривать как одну из форм вовлеченности. Например, Джон Джексон [Jackson 2010] говорит о

важности скорее искренности, чем аутентичности, как основы вовлеченной этнографической практики. Этнографические исследования, базирующиеся на аутентичности, стремятся установить, является ли то или иное лицо аутентичным членом или субъектом группы — такой подход превращает индивида в объект. Искренность, напротив, отсылает к состоянию внутренней причастности. Она предлагает иной способ представления реальности, но он всегда будет неполон, поскольку мы никогда не можем полностью знать, искренен другой или нет. Джексон предлагает модус этнографического исследования, который движим не стремлением к аутентичному или настоящему, а юмором, привязанностью и заботой об искренности.

Иной формой вовлеченности в этнографической практике являются совместные обязательства по отношению к идеям социальной справедливости или социальным изменениям. Камран Али пишет, как сочувствует бедным жительницам Карачи, вынужденным каждый день бороться со страхом и насилием на улицах, и спрашивает, когда антропологам следует вмешаться с универсализирующими дискурсами наподобие прав человека или расширения прав женщин, чтобы помочь им справиться с этими стрессами [Ali 2010]. Большинство антропологов разделяют с людьми, с которыми они работают или которых изучают, не только свои социальные и политические предпочтения, но свое жилье, питание, лекарства, автомобили и другие экономические, материальные и социальные ресурсы, как дóма, так и в поле. Эти повседневные акты предоставления ресурсов и поддержки могут на первый взгляд казаться непохожими на «вовлеченность» с точки зрения правовой защиты или активизма, но они отражают антропологическое чувство ответственности и взаимности, которое нередко перерастает в иные формы вовлеченности. Жоао Биль описывает, как он старался не только задокументировать жизнь бедной, больной женщины в бразильской зоне социального отчуждения, но и помочь ей, пытаясь определить природу ее болезни [Biehl 2005, см. также: Briggs 2004, Briggs, Mantini-Briggs 2000, Farmer 2003].

Преподавание и публичное образование

Еще одной формой вовлеченности является обучение в школах, в рамках учебных программ в контексте практической антропологии, а также в форме индивидуальных консультаций и наставничества. Например, Джексон рассказывает о преподавании как о форме вовлеченности, а Сассер описывает разработку этнографической обучающей программы по СПИДу в социальном контексте в Намибии и Южной Африке [Susser 2010]. То, как Сигне Хоуэлл описывает роль антропологов в общественных дебатах в Норвегии по таким вопросам, как права коренных народов и ассимиляция иммигрантов, позволяет предположить, что обучение может также проводиться через средства массовой информации и популярную литературу [Howell 2010].

Активное участие в преподавании, которое включает в себя привлечение студентов к участию в исследовательских проектах и к непосредственной работе с населением, является ключевой чертой целого ряда

антропологических программ. На многих программах, особенно на тех, которые сосредоточены или вовсе специализируются на прикладной антропологии, предусмотрены стажировки для студентов в местных органах власти и коммунальных службах, где как преподаватели, так и студенты работают вместе (и в интересах) с жителями маленьких городков, больших городов или регионов над местными проблемами и инициативами. Преподаватели и студенты, заинтересованные в сотрудничестве, нередко создают центры локальных исследований, где преподаватели университетов и колледжей разрабатывают проекты совместно со студентами, и такая работа на местах также включается в учебные планы.

Вовлеченное преподавание также ведется в детских садах посредством программ для старшеклассников, цель которых — предложить детям и молодым людям точку зрения и базовые знания антропологии. Комитет AAA по антропологии и образованию (CAE) сосредоточен на продвижении подобных проектов, поскольку они имеют широкий охват и огромный общественный резонанс. Норма Гонсалес [González 2010] обсуждает значение антропологического присутствия в школах и способов, которыми преподавание включает в себя осознание языкового и расового неравенства, как практику вовлеченности, способствующую преодолению неравноправия в образовании.

Многие практикующие и прикладные антропологи проводят тренинговые программы, которые вовлекают общественность и их клиентов в интенсивное взаимодействие на протяжении ограниченного времени. Публичные практикумы, лекции, семинары и другие формы общественного программирования являются важными компонентами вовлеченного обучения. Порой данный способ вовлечения развивается на основе исследований в публичном секторе; например, длившиеся на протяжении двадцати лет исследования парков, выполненные Группой по изучению публичного пространства по заказам Службы национальных парков, Департамента парков и зон отдыха в Нью-Йорке и других государственных служб и институтов [Low, Taplin and Scheld 2005]. Исследования этой группы по вопросам культурного разнообразия и ограничений в доступе к адекватным и подобающим парковым ресурсам по критериям гендера, расы, этнической принадлежности, класса, возраста и физических возможностей создали набор «уроков», которые в настоящее время используются в качестве основы обучающих семинаров для менеджеров и дизайнеров парков, специалистов по охране исторического наследия и градостроителей в США, Канаде и Австралии [Low 2002, 2004, 2006, 2008, 2010]. Таким образом, «преподавание» как разновидность вовлеченности имеет множество форм, включая аудиторное обучение, непосредственную работу с населением, тренинги, практикумы, а также множество иных видов педагогической и дидактической работы, в том числе деятельность в качестве публичного интеллектуала. Принцип вовлеченности в университетском и среднем образовании выдвинул на первый план целый ряд научных лидеров-новаторов, таких как Джонетта Коул из Спелман-колледжа и Джудит Шапиро из Барнард-колледжа. Они вдохновляют студентов и преподавателей на дальнейшую работу над современными социальными проблемами.

Социальная критика

Социальная критика в самом широком смысле этого слова означает антропологическую работу, когда методы и теории используются для изобличения властных отношений и структур неравенства. Можно привести много прекрасных примеров подобной работы в области антропологии, которые, как правило, устанавливают связи между индивидуальными или групповыми страданиями и структурными факторами путем изучения полученного ущерба в историческом контексте и в рамках властных отношений. Например, Пол Фармер [Farmer 2003] увязывает болезни с более масштабными ситуациями структурного насилия: действиями институтов и государств наряду с неравномерным предоставлением медицинских услуг [см. также: Farmer 2004, 2005]. Жоао Биль [Biehl 2005] демонстрирует, как повседневные практики фармацевтических компаний и медицинских служб обрекают определенных людей на существование в зонах оставленности, за пределами пространства повседневной жизни [см. также: Biehl 2007]. Уго Маттеи и Лора Нейдер [Mattei, Nader 2008] документируют, до какой степени верховенство права не просто не смогло предотвратить глобальное расхищение ресурсов богатыми и могущественными странами, но и активно способствовало таковому. Значительное количество научных работ по социальному страданию выдвигает на первый план боль, испытываемую простыми людьми, и перспективы выздоровления посредством возвращения к повседневности [Das 2007, Das et al. 2001]. Антропологи много сделали для того, чтобы выявить разрушительные последствия процесса развития [Ferguson 1994], страданий от нищеты и голода [Scheper-Hughes 1992] и деградации окружающей среды [Tsing 2005]. Другие антропологи, как Виктория Сэнфорд, сосредотачиваются на нарушениях прав человека, от которых страдают люди, находящиеся в зонах вооруженных конфликтов [Sanford 2004].

Существует обширная литература о различных видах конфликтов и насилия, таких как геноцид [Hinton 2002a, 2002b, Hinton, Lifton 2004, Hinton, O'Neill 2009], нарушения прав человека [Cowan, Dembour, Wilson 2001, Goodale 2008, 2009, Tate 2007], гендерное насилие [Merry 2008], правосудие переходного периода и последствия войн [Clarke 2009, Nelson 2009, Wilson, Merry 2001], а также о насилии в более широком смысле слова [Scheper-Hughes, Bourgois 2004, Starn 1995]. Это лишь немногие примеры обширного и разнообразного набора исследований, стремящихся выявить скрытые или повседневные формы насилия и жестокого обращения и объясняющих распространенность последних в контексте более масштабных структур богатства и власти. Так, Сассер [Susser 2010] анализирует проблему СПИДа в Южной Африке в рамках политической экономии страны и показывает, как работы Манчестерской школы о Медном поясе в Замбии развивали эту форму анализа в 1930–1940-е годы [см. также: Susser 2009].

Другая форма социальной критики раскрывает злоупотребление концепциями в повседневном дискурсе, особенно когда эти концепции приводят к дискриминационному поведению. Это направление также

имеет долгую историю, часть которой была сосредоточена на изобличении заблуждений расового мышления. Зачастую подобная форма подразумевает критику неверного использования теории и концепций антропологии, например, таких, как культура нищеты. Так, Гонзалес показывает, как концепция культуры, в том числе культуры нищеты, узурпируется для объяснения плохой успеваемости в школе и, в конечном счете, для исключения мигрантов. Поскольку «культура» применяется для объяснения различий в школьной успеваемости белых и латиноамериканцев, она в конечном итоге лишь укрепляет концепцию расы и затушевывает критическую важность бедности и неопределенного иммиграционного статуса для школьной успеваемости [González 2010]. Аналогичным образом, разрушение жилых районов Рима, населенных малоимущими, подкрепляется концепцией «модернизации», имеющей расистскую подоплеку [Herzfeld 2010]. Сигне Хоуэллл описывает, как антропологическая концепция культуры используется в общественных дебатах в Норвегии способами, беспокоящими норвежских антропологов [Howell 2010]. В области международных отношений концепция культуры служит для объяснения устойчивости вредных для женщин практик в развивающихся странах. Ссылки на «культуру» при объяснении подобных практик играют на руку колониальным концепциям отсталости, игнорируя при этом, насколько против этих практик протестуют местные активисты и насколько их из политических соображений поддерживают консервативные элиты [Merry 2006].

Некоторые разновидности социальной критики обращены непосредственно против злоупотребления антропологическими концепциями и знаниями, циркулирующими в элитарных публичных сферах. Хью Гастерсон и Кэтрин Бестеман [Besteman, Gusterson 2005, Gusterson, Besteman 2010], в частности, издали два сборника антропологических эссе, критикующих высказывания экспертов по некоторым популярным темам, связанным с культурой. Сеть обеспокоенных антропологов занимается областями, в которых антропологические знания применяются способами, вызывающими тревогу у многих антропологов, к примеру, помогая военным действиям, — о чем также пишет Кэтрин Лутц [Lutz 2001, 2002, 2006, 2008], критикуя армию и ее роль в повседневной жизни Соединенных Штатов.

Сотрудничество

Еще одно измерение вовлеченной антропологии — коллаборативный подход к исследованиям и практике. В него включается многое, от работы на месте исследования до совместного руководства в ходе практических исследований. Участие в исследовании на местах — это умеренная форма сотрудничества, в рамках которой ученый работает с местными организациями или общественными движениями, помогая им решать их задачи, но не возглавляя их активно. Например, можно присматривать за детьми, пока женщины находятся на группах поддержки жертв домашнего насилия, или устроиться стажером в правозащитную организацию с целью изучения методов ее работы. Сотрудничество при исследованиях также может принимать форму совместного руководства

исследовательским проектом. В частности, Салли Мерри и Пегги Левитт провели сравнительное исследование о популяризации идеи прав женщин женскими неправительственными организациями в Индии, Китае, Перу и Соединенных Штатах Америки совместно с учеными этих стран [Levitt, Merry 2009]. Другим примером коллаборативного подхода может послужить серия исследований по гендерной проблематике и постсоциализму, организованная Сьюзан Гал и Гейл Клигман [Gal, Kligman 2000]. Роберт Кемпер и Аня Ройс [Kemper, Royce 2002] в своей книге о долгосрочных полевых исследованиях в антропологии прослеживают развитие полевых исследовательских стратегий от индивидуальной этнографии до подходов, основанных на сотрудничестве и защите прав и интересов.

Сотрудничество в исследованиях предполагает совместное управление и руководство исследовательским проектом со стороны как ученых, так и субъектов изучения. Так, в своем анализе ущерба окружающей среде и местным сообществам, причиненного жителям Маршалловых островов в результате испытаний ядерного оружия, Джонстон работала с коллегой, Холли М. Баркер, которая специализировалась в этой области, а также с членами местной общины как с коллегами, участвующими в производстве знаний. Еще одним примером сотрудничества, в котором групповые задачи превосходят задачи отдельного антрополога, служат совместные практические исследования, включающие сотрудничество в отношении целей проекта, методов исследования и анализа результатов.

Люк Эрик Ласситер [Lassiter 2005] утверждает, что сотрудничество в области этнографии является еще одним эффективным способом вовлечения общественности. Занимаясь полевыми исследованиями и составляя этнографические тексты вместе с теми, кого он изучает, он объединяет усилия академических и прикладных антропологов в более непосредственной вовлеченности. Он указывает на то, что, пока антропологи в 1960-е и 1970-е годы пытались интегрировать теорию и практику для создания более вовлеченной и активистской антропологии [Hymes 1969, Peacock 1997, Sanday 1976], прикладные антропологи развивали коллаборативные методы работы [Schensul, Schensul 1978, 1992, Stull, Schensul 1987]. Для Меррилла Сингера [Singer 1990, 2000] переосмысление «публичной антропологии» — это не более чем еще один пример того, как иерархия академического/прикладного и гегемония академической антропологии маргинализирует длительную историю общественной работы, которой занимается прикладная/практическая антропология.

Коллаборативные стратегии являются отличительной чертой большинства прикладных и практических исследований [Stull, Schensul 1987]. Коллаборативные модели исследований и деятельности [Schensul, Schensul 1978] используются и модифицируются медицинскими антропологами, такими как Линда Уайтфорд [Whiteford 2009, Whiteford, Tobin 2007] и Ноэль Крисман [Chrisman 2005] и многими другими, применяющими коллаборативные стратегии в мерах по обеспечению здравоохранения на местах и в исследованиях в области общественного здравоохранения. Лейт Муллингс, Алака Вали, Диана Маклин,

Джанет Митчелл, Сабийя Принс, Дебора Томас и Патрисия Товар [Mullings et al. 2001] в качестве единой команды исследователей сотрудничают с жителями Гарлема, анализируя неравенство в сфере медицины и разрабатывая интерсекциональный подход[13] к здравоохранению [Mullings 2005]. Другие антропологи более заинтересованы в «агентности» и правах на медицинское обслуживание как методах интеграции сотрудничества в свою практику[14], а Ширли Фиске [Fiske 2009], с позиций своего сотрудничества с законодателями на Капитолийском холме, призывает антропологов активнее вмешиваться в процесс принятия политических решений. Сета Лоу, Дана Таплин и Сюзанна Шелд [Low, Taplin, Scheld 2005] работали вместе с сотрудниками Службы национальных парков, менеджерами парков, посетителями парков и пляжей, местными жителями и общественными группами над разработкой совместных мероприятий, методов исследования и семинаров с целью добиться большего охвата аудитории в своих исследованиях культурного разнообразия. И хотя мы не рассматриваем обширное участие археологов в практике общественной работы и вовлеченности, представляется важным отметить, что археологическая практика, управление культурными ресурсами, охрана памятников истории и общественные исторические проекты, такие как продолжающийся проект Томаса Фергюсона и Чипа Колуэлл-Чантапона [Colwell-Chanthaphonh, Ferguson 2006a, 2006b, 2008; Ferguson, Colwell-Chanthaphonh 2006], большей частью фокусируются на сотрудничестве археологов с сообществами потомков коренных жителей с целью определить и защитить места, связанные с памятью их предков. Такие исследования возможны только в сотрудничестве и задают ориентир для будущего, наподобие коллаборативной этнографии Ласситера.

Правовая защита

Другой аспект вовлеченной антропологии — правовая защита. Вот некоторые примеры из этой весьма пестрой сферы: помощь местным сообществам в организации усилий по защите своих прав, дача показаний, выступления в суде в качестве эксперта, свидетельствование о нарушениях прав человека, выполнение функций переводчика между сообществом и госслужащими или корпорациями, а также помощь локальным группам в распространении международных принципов (например, прав человека) путем перевода их на местные языки. Стюарт Кирш [Kirsch 2002] подчеркивает, что правовая защита в рамках антропологии вполне уместна, тем более что она представляется «логическим расширением приверженности принципу взаимности, лежащему в основе антропологической практики» [Kirsch 2002: 178]. Многие антропологи работают с коренными народами, переводя их нужды и страдание

[13] Интерсекциональный подход основан на утверждении о том, что существует несколько взаимопересекающихся систем угнетения, доминирования или дискриминации. Этот подход используется в феминистской теории, считающей, что женщины подвергаются угнетению в различных, налагающихся друг на друга формах. *Прим. пер.*

[14] Авторы данной статьи ссылаются здесь на свое личное общение с антропологом Н. Таскимой (N. Taskima). *Прим. пер.*

в формы, которые могут быть восприняты за пределами их общины, например, международным трибуналом, и способствуют усилению правового давления и общественного контроля [Hale 2006, Kirsch 2002]. Антропологи давно уже выступают защитниками интересов коренных народов. Так, в первые годы протеста против строительства масштабного комплекса плотин на реке Нармада в Индии — проекта, который привел к переселению большого числа людей, в том числе многих племенных народов, — Всемирный банк поручил антропологу Тайеру Скаддеру провести оценку процесса переселения. Его отчет, подготовленный по итогам визита в 1983 году, раскритиковал правительственные меры по переселению [Khagram 2002: 211]. В 1984 году Скаддер совместно с переходной коалицией местных и международных НПО работал над совершенствованием политики переселения и встречался с местными жителями и активистами, чтобы выяснить, чего они хотят, с тем, чтобы разработать соглашение с Всемирным банком, который в то время финансировал проект. Другие НПО поддержали заявление о том, что переселение является незаконным, поскольку оно нарушает Конвенцию 107 Международной организации труда (МОТ), которая признает право племенных народов на их традиционные земли или эквивалентные земли в случае их переселения [Khagram 2002: 212–213]. В этом случае антрополог выступил в качестве посредника между племенными народами, индийским правительством, Всемирным банком и международными нормами, такими как Конвенция МОТ, и отстаивал точку зрения племен. История норвежского антропологического активизма, изложенная Сигне Хоуэллл, показывает, что защита коренных народов сыграла аналогичную стимулирующую роль и в этой стране [Howell 2010].

Ряд статей в нашем сборнике рассказывает о правозащитной антропологии. Барбара Роуз Джонстон описывает свою работу в качестве эксперта, фиксирующего, по поручению жителей Маршалловых островов, биокультурные последствия испытаний ядерного оружия [Johnson 2010]. Она занималась сбором данных и содействовала принятию решений и восстановительным мероприятиям по иску о возмещении ущерба, поданному в Трибунал Маршалловых Островов по ядерным испытаниям. Она и ее сотрудники использовали коллаборативные и партисипативные методы, чтобы помочь осознать причиненный сообществу ущерб и определить потребности в его возмещении помимо экономической компенсации за убытки и утрату имущественных прав, что в конечном итоге привело к присуждению значительной компенсации. Рассказывая о своей работе с больными СПИДом в Южной Африке, Ида Сассер демонстрирует, как насущная необходимость борьбы со страданиями и болезнями вынудила ее занять правозащитную позицию касательно предоставления лечения [Susser 2010]. Майкл Херцфельд описывает роль, которую сыграл, помогая небольшой общине в Бангкоке защитить свое жилье от сноса при реновации. В контексте этической конкуренции между развитием и правом на жилье Херцфельд решил работать над сохранением жилья для бедных и уязвимых слоев населения [Herzfeld 2010]. Когда Мерри проводила исследования по гендерному насилию и правам человека при ООН, она начала выступать за

правовое вмешательство с целью предотвращения гендерного насилия, помогая разрабатывать документы, интерпретирующие этот вид насилия как нарушение прав человека. Знакомясь с программами по борьбе с гендерным насилием по всему миру, она делилась информацией об организации и стратегиях, принятых в рамках других программ [Merry 2005, 2006]. Лоу [Low 2008], работая с локальными группами по защите общественного пространства посредством ток-шоу на радио, редакционных статей в газетах, открытых лекций, туров и как художник, создавая публичное искусство, стала известным защитником общественного пространства в Нью-Йорке.

Активизм

Активизм трудно отличить от правовой защиты. Оба вида деятельности могут опираться на личностные знания и обязательства человека как антрополога, но активизм также основывается на его обязательствах как гражданина — и просто как человека — противостоять нарушению прав или страданиям других людей. Барбара Роуз Джонстон выдвигает концепцию «антропологического гражданина», то есть антрополога, выступающего в роли писца, документирующего злоупотребления, а также советника, защитника и партнера в правовой защите [Johnston 2001a, 2001b, 2006, 2010]. Современный антропологический активизм придерживается убеждения, что антропологи «несут ответственность за потенциальные последствия произведенных знаний о людях и их культурах, за деколонизацию отношений между исследователем и субъектом исследования... и за участие в такой антропологии, которая будет предана делу освобождения человека» [Speed 2006: 67]. Чарльз Хейл определяет «активистское исследование» как «метод, с помощью которого мы декларируем политическую приверженность организованной группе людей, борющейся за что-либо, и через диалог с ними формируем каждый этап этого процесса» [Hale 2006: 97]. И Спид, и Хейл, равно как и Сэнфорд и Эйнджел-Аджани [Sanford, Angel-Ajani 2006], утверждают, что активизм отличается от критики, особенно критики культуры, в том, что ученые, работающие в качестве активистов-исследователей, имеют двойную лояльность, к своей дисциплине и/или академическому сообществу и к политической борьбе [Hale 2006: 100]. Для тех активистов, которые работают в государственных учреждениях, НПО или в качестве независимого подрядчика, вопрос лояльности становится еще более сложным, поскольку, наряду с приверженностью к профессии и к обозначенному направлению борьбы, существует также лояльность к спонсору или клиенту.

Есть множество блестящих сборников и примеров активистской работы. Самая известная из них — «Вовлеченный наблюдатель: антропология, правовая защита и активизм» под редакцией Виктории Сэнфорд и Эйзел Эйнджел-Аджани [Sanford, Angel-Ajani 2006], в которой основное внимание уделяется противоречиям, с которыми сталкиваются антропологи в местностях, раздираемых войной, насилием и межгрупповыми конфликтами. Еще одним примером является работа Шеннон Спид [Speed 2006] с одной из общин коренного населения в мексиканском

штате Чьяпас. Когда она увидела, что члены общины очень обеспокоены защитой своих земельных прав, она стала работать с ними, чтобы научить, как определить себя в качестве общины коренного населения и представить себя в МОТ с тем, чтобы предъявить коллективные культурные права и таким образом защитить свои земли и ресурсы. Нэнси Шепер-Хьюз [Scheper-Hughes 1995] с несколько иной точки зрения утверждает, что антропологи, работающие в полевых условиях, обязаны действовать в случаях человеческого страдания, даже если другие участники возражают против этого [см. также: Scheper-Hughes 1992].

На практике научные и активистские усилия никогда не бывают автономными, несмотря на наши теоретические предположения об их независимости. Так, этнографическое изучение правозащитной практики постоянно выявляет проницаемость границ между научной и правозащитной деятельностью. По мере продвижения антропологов в новые области исследований, такие как права человека, они сталкиваются с субъектами, которые сами применяют антропологические концепции и участвуют в теоретических дебатах о том, что они означают. Они обсуждают, что такое культура, каково определение гендера, как глобализация влияет на женщин и как правозащитный подход может повысить безопасность женщин. Они саморефлексивны, аналитичны и вовлечены в тот же самый интеллектуальный мир, что и антропологи. В этом мире антропологи играют важную роль советников, консультантов и защитников, особенно в области прав коренных народов. Хоть в двадцатом веке антропологи порой и боролись за то, чтобы утвердить свой статус ученых, стремясь выйти за рамки моральных дискуссий (данная позиция была ясно сформулирована в 1947 году в заявлении исполнительного совета AAA, осудившем Всеобщую декларацию прав человека [Goodale 2006a, 2006b, Merry 2001]), эта позиция успела значительно измениться.

На самом деле, некоторые антропологи ставят под сомнение жизнеспособность и моральную приемлемость неактивистской позиции. Они доказывают, что последствия этнографической беспристрастности в мире, характеризующемся неравенством в распределении ресурсов, «захватом земель» и политическим насилием, проблематичны. В этих условиях этнография не имеет права быть аполитичной, и даже бездействие, например, нежелание возложить ответственность на нефтяную компанию за ее деструктивную деятельность, как утверждает Камари Кларк [Clarke 2010], само по себе является действием. Отсутствие публичных акций не может считаться чем-то нейтральным, и опора на антропологические принципы, ограничивающие этнографию в обстоятельствах конфликта или войны, сама по себе уже будет политическим действием. По мнению Джексона, мы часто игнорировали, в ущерб нашему анализу и нашей политике, неоднозначную взаимосвязь между антропологией и активизмом не только при этнографическом контакте, но даже в процессе преподавания и подготовки аспирантов [Jackson 2010].

Очевидно, что вовлеченная антропология имеет давнюю традицию и широкий спектр форм участия. Но ее расцвет не лишен и сложностей. В следующем разделе рассматриваются три дилеммы, с которыми сталкивается вовлеченная антропология.

Дилеммы вовлеченности

Все три дилеммы вырастают из вопросов о том, как, когда и в какой степени в антропологической работе должна присутствовать вовлеченность. Они были предметом дискуссий в прошлом и до сих продолжают вызывать споры. На вопросы, которые они ставят, нет простых ответов.

Первая дилемма касается того, до какой степени исследователь должен выступать в качестве участника, включая вовлечение в деятельность, направленную на реформирование черт общественной жизни в целях укрепления социальной справедливости в противоположность позиции безучастного чужака, наблюдающего и фиксирующего факты общественной жизни. Некоторые утверждают, что подобного рода участие меняет изучаемое общество и заставляет задуматься о моральном праве на изменение других образов жизни. Другие доказывают, что действуют неэтично как раз те, кто не реагирует на необходимость вмешательства. Кто-то отмечает, что в настоящее время все общества экономически и политически взаимосвязаны таким образом, что изоляция невозможна, и многие страдают от последствий этой взаимосвязи. Остается неясным, каким образом и в какой мере антрополог должен стремиться к переменам. Спорят на этот счет уже долго, и вопрос пока даже близко не решен. Вмешательство часто оправдывается на основе универсальных принципов справедливости, но это кажется неприлично близким к аргументам имперского «цивилизующего процесса» или к задаче христианских миссионеров обращать в свою веру «язычников». Некоторые статьи в этом сборнике выражают обеспокоенность по поводу вторжения в жизнь других обществ, включая Али [Ali 2010], Сассер [Susser 2010] и Херцфельда [Herzfeld 2010], но для оправдания своего вмешательства они обращаются к универсальным дискурсам социальной справедливости, таким как права человека. Очевидно, что данная тема лежит в основе многих описанных выше споров об активизме.

Вторая дилемма заключается в стремлении критиковать тех, кто в постколониальных обществах несправедливо обладает властью над другими, избегая при этом воспроизведения колониальных отношений власти. Для антрополога, имеющего гражданство имперской державы, критика постколониального правительства, недавно освободившегося из-под власти этой державы, представляется воспроизведением колониального неравенства. Алан Смарт ясно формулирует сложности, с которыми он, как чужак, столкнулся при критике правительства Гонконга в постколониальных условиях. В своем исследовании сквоттерского жилья в контексте истории британского колониализма он ощутил необходимость осуществлять социальную критику тактично. Например, попытавшись раскритиковать работу рынка жилья в Гонконге, он столкнулся с трудностями, почувствовав, что не знает, как правильно к этому подойти. Он заключает, что гораздо полезнее отказаться от высокомерия в критике и, возможно, ограничивать ее своей собственной страной [Smart 2010].

Третья дилемма состоит в желании содействовать социальной справедливости и облегчить страдания, связанные с войной и вооруженными

конфликтами, путем предоставления правительствам и военным антропологических знаний и приемов, избегая при этом кооптации и злоупотребления антропологической методологией и опытом. Сотрудничество с правительством, армией или агентством по развитию обещает сделать работу этих институтов более гуманной и восприимчивой к проблемам и точке зрения населения, но при этом рискует потерять контроль над тем, как исследования в итоге используются и подвергаются манипуляциям. Отказ от сотрудничества с этими организациями лишает их антропологической информации и может ограничить их способность понимать местные сообщества и культурные практики. С другой стороны, работа с ними заставляет задуматься о том, как избежать кооптации и этических проблем, сформулированных в заявлении ААА, направленном против «Системы гуманных территорий». Остается констатировать, что вопрос о том, в какой степени антропология как научная дисциплина должна участвовать в военных операциях, обсуждался по крайней мере со времен Второй мировой войны.

Джонатан Спенсер наглядно демонстрирует это противоречие, описывая, как инициатива британского правительства, вначале казавшаяся хорошей возможностью для антропологов внести вклад в понимание других обществ, превратилась в проект, противоречащий антропологическим принципам [Spencer 2010]. Министерство иностранных дел Великобритании предложило финансировать исследования по проблеме мусульманского терроризма в сотрудничестве с Советом Соединенного Королевства по экономическим и социальным исследованиям — основным органом, финансирующим научные исследования. Это сотрудничество создало весьма проблематичные условия для научной работы. Спенсер описывает ловушки, таящиеся в механизме финансирования, и растущее неприятие этого проекта учеными Соединенного Королевства. Однако не всегда участие в финансируемых государством исследованиях проблематично с этической точки зрения. Камари Кларк проводит различие между предоставлением армии общей информации и конкретных сведений об определенных людях и их деятельности [Clarke 2010]. Общие знания могут быть полезны для улучшения отношений между военными и теми, кто находится под их контролем, в то время как конкретные сведения могут быть опасными для тех, на кого указывают. Она утверждает, что отказ от сотрудничества с вооруженными силами — это не единственно возможная позиция для антропологии, напротив, антропология нуждается в освоении и этого источника власти. Существует не только опасность вовлечения, но и опасность отчуждения. В этой связи очевидно, что антропологам важно изучать такие явления, как формирующийся в Соединенных Штатах аппарат безопасности [Fosher 2009].

Препятствия для вовлеченности

Несмотря на масштаб и мощь вовлеченной антропологии, некоторые из этих форм вовлеченности сталкиваются с препятствиями и трудностями в виде интеллектуальных и организационных барьеров. Многие из препятствий носят институциональный характер, включая практику

финансирующих органов, правила найма, пребывания в должности и продвижения по службе, в то время как другие по своей природе концептуальны; таковой может считаться идея «науки», уходящая корнями в антропологическую историю. Факультетские или университетские нормы наряду с корпоративными и бизнес-нормами в отношении того, что считать легитимным результатом работы, требования к публикации, организация и структура профессиональных конференций, а также принципы финансирования в грантовых агентствах — все это способствует подавлению правовой защиты и активизма. Все эти формы замалчивания должны обсуждаться в рамках дисциплины и наших университетских учебных программ с тем, чтобы лучше подготовиться к выявлению и преодолению этих препятствий, а также к разрешению вышеуказанных дилемм, чтобы антропологическое образование могло вносить более весомый вклад в публичную сферу.

Неспособность говорить или писать о политических вопросах даже в случае политической вовлеченности имеет важное значение для полевой работы. Эта неспособность говорить возникает тогда, когда люди, вовлеченные в антропологическое исследование или антропологическую работу, придерживаются ценностей, принципиально отличных от ценностей антрополога. В особенности позиция исследователя может отличаться от точки зрения интервьюируемых при исследовательском взгляде «снизу вверх», например, при опросе белых представителей среднего класса, проживающих в эксклюзивных кооперативных многоквартирных домах или закрытых сообществах [Low 2003, 2010]. Лоу было трудно интервьюировать жителей закрытых районов, потому что ее информаторы предполагали, что она придерживается тех же ценностей, что и они. Ей хотелось оставаться честной и открытой в своих исследовательских выводах, критических по отношению к схемам частного жилья, как перед жителями, так и перед широкой общественностью. Она стремилась написать книгу, в которой жизнь ее информантов была бы представлена объективно, но при этом содержалась бы и адекватная критика, позволяющая читателям задуматься о том, как эти сообщества меняют жилищный ландшафт. Изыскивая способы опубликовать результаты исследования, которые не пришлись по вкусу ее информантам — жителям закрытого района — и при этом не отказаться от цели разоблачить социальные последствия огораживания элитного жилья, она постоянно сталкивалась с угрозой замалчивания. На практике антропологам часто приходится преодолевать трудности доступа к исследовательским объектам, требующим определенных форм самоцензуры в качестве платы за работу с ними.

Ожидание того, что антропологическая работа будет научной, объективной и нейтральной, а не гуманистической и личной. Это нередко означает написание работ с теоретическим уклоном, иногда с интенсивным использованием научного жаргона. Антропологи, интересующиеся активизмом и критикой, избегают представлять свои знания в легкодоступных для СМИ формах, громко выражающих правозащитную позицию. К примеру, в области прав человека активисты предъявляют знания для общественного потребления совершенно иначе, чем антропологи, работающие над теми же самыми проблемами. Даже несмотря на то, что

правозащитники и ученые пользуются аналогичными методами сбора данных — такими как опросы, личные нарративы и кейсы, — правозащитники, как правило, представляют эти знания в относительно жестких формах, чтобы вызвать у общественности возмущение и подвигнуть ее на действия. Часто они не представляют ситуацию во всей контекстуально и исторически обусловленной тонкости и сложности, а полагаются на убедительные личные свидетельства о страданиях и индивидуальной ответственности, подкрепленные статистической документацией о масштабах и частоте возникающей проблемы. Чтобы убедить широкую публику, изложение фактов должно быть прямолинейным и эмоционально захватывающим. Чтобы убедить научную аудиторию, требуется тонкость и изощренность. Возмущение и моральные суждения, если в них вообще есть необходимость, должны быть приглушены. Правозащитники излагают свои истории в универсалистских терминах; антропологи, напротив, демонстрируют более контекстуально точную картину социальной несправедливости и меньше описывают возможные пути ее разрешения. Хотя как настоящее вступление к сборнику, так и сам сборник отмечают, что нормы научных публикаций меняются, с представлением знаний все еще существуют проблемы, заглушающие голос активистской науки.

Акцент на частностях и контексте, на прочтении каждой ситуации с точки зрения разнообразия способов ее проживания. Это ставит антропологию в оппозицию к нескольким важным для нее универсализирующим дискурсам. Хотя антропология как наука все больше обращается к универсальным реформаторским дискурсам, таким как права человека и международный гуманитаризм, она сопротивляется универсалиям. Такие дискурсы предполагают безоговорочно универсалистскую этическую позицию, являющую собой важный ресурс для многих из тех людей, которых изучают антропологи. Однако поддержка права на различие, основанная на науке колониальной эпохи и ее сопротивлении империалистическим требованиям перемен, продолжает влиять на антропологию. В то же время критическое значение для антропологов имеет поддержка политических инициатив, исходящих от подчиненных групп, которые видят возможности расширения своей аудитории и ресурсной поддержки за счет принятия этого универсалистского языка. В той мере, в какой этнографическая практика включает имплицитную приверженность благополучию изучаемых ею субъектов, антропологи склоняются к мобилизации любых имеющихся у них ресурсов. Но в той мере, в какой они стремятся к защите прав на культурные различия, эта взаимосвязь остается проблематичной.

Экспансия международных дискурсов социальной справедливости. Она создает серьезную проблему для антропологической науки. В подобном дискурсе опыт обобщается в универсалистских терминах и сглаживает различия, уделяя основное внимание личным травмам, а не структурным дисфункциям. Антропологи играют решающую посредническую роль между этими универсализующими мирами и особенностями опыта местных сообществ при создании эффективных форм коммуникации

для различных аудиторий, равно как для консультирования по вопросам политической стратегии. Однако по мере того, как универсализующие языки начинают доминировать в политических и общественных дискуссиях, антропологические знания, основанные на специфике и контексте, могут быть маргинализированы. В частности, как отмечает Джеймс Фергюсон, обсуждение Африки как единого целого направлено на более широкую аудиторию, чем более узкое исследование конкретного случая [Ferguson 2006].

Стремление не допустить схожести с империализмом с учетом постколониального сознания антропологов. Как пишет Смарт [Smart 2010], антропологи, работающие за пределами своего географического или национального региона, часто подвергают себя самоцензуре, опасаясь, что их будут считать миссионерами или колониалистами, и поэтому не желают критиковать какие-либо общества или правительства, кроме собственных. Учитывая исторический сговор между антропологией и колониализмом, важно воздерживаться от колониальной критики других стран. Действительно, даже прогрессивный дискурс прав человека имеет некоторое сходство с «цивилизационным процессом» как проектом прежних колониальных держав по улучшению «культуры» своих бывших колоний. Упор антропологии на локальное знание и локальную агентность противоречит стремлению критиковать институты постколониальных обществ.

Институциональное давление, связанное с защитами диссертаций, академическими должностями и доступом к финансированию. В этой ситуации выбор между текстами, более доступными широкой аудитории, и текстами, написанными туманным теоретическим языком, осуществляется в пользу последних. Кроме того, поскольку системы продвижения по службе и распределения должностей зависят от публикационной активности, особенно в рецензируемых научных журналах, антропологи вынуждены ограничивать себя исследованиями, которые позволят им публиковаться в подобных журналах способами, удовлетворяющими их рецензентов. Поскольку публикация зависит от полевых исследований, требующих денежной поддержки, антропологи вынуждены искать внешние источники финансирования, что создает еще одно ограничение для полевой работы. Некоторые фонды выраженно предпочитают нейтральные, наукообразные исследования работам с более явной активистской повесткой. Ряд государственных и частных фондов требует соблюдения секретности при использовании полученных данных или форм отчетности, что может негативно сказаться на сообществах, в которых работают антропологи, и нарушить этические стандарты антропологических исследований. Подобные виды исследований особенно распространены в зонах вооруженных конфликтов. В условиях военных действий или террористической угрозы финансирование может быть направлено на конкретные политические или военные цели, как в случае с «Системой гуманных территорий».

Подобным же образом правительство США не только щедро профинансировало «Систему гуманных территорий», но и намерено увеличить

инвестиции в антропологическую работу в рамках проекта «Минерва»[15]. ААА заявила, что эти средства должны распределяться через процесс академической экспертной оценки Национального научного фонда США, а не через Министерство обороны, но даже экспертная оценка не решает проблему того, что перед нами исследования со вполне конкретной военно-политической повесткой. Очевидно, что антропологическая наука, зависимая от финансирования, в определенной степени привязана к ожиданиям и целям грантового агентства. Такая же проблема стоит и перед общественными активистами, которые вынуждены не только формулировать свои проекты на языке, одобряемом грантовым агентством, но и представлять доказательства их выполнения. Поскольку этнографические исследования все больше зависят от расходов на оборону и безопасность, эти проблемы будут только усложняться.

Заключение

В нашем сборнике утверждается, что у вовлеченной антропологии множество ипостасей, от эмоциональной поддержки в ходе полевых исследований до активной деятельности по продвижению прав человека для уязвимых групп населения. В американской социокультурной антропологии вовлеченная антропология получила широкое распространение, а материалы Хоуэлл, Смарта и Спенсера указывают на то, что подобные вопросы также важны для норвежской, канадской и британской антропологии. Это вряд ли можно считать новацией; как показывает исторический раздел сборника, у антропологии долгая история обращения к социальным проблемам и социальной критики структур, подавляющих как отдельных людей, так и группы. Вовлеченность трансформирует способы полевой работы антропологов, их сотрудничества с другими учеными и с теми, кого они изучают, а также их взгляды на общественность и на научную аудиторию.

Наша цель здесь заключалась в том, чтобы оценить состояние поля вовлеченной антропологии и увеличить диапазон ее охвата. Мы хотели расширить круг того, что мы считаем вовлеченностью, показав, насколько обширно она представлена в антропологической науке. Во вступлении и статьях предпринята попытка проиллюстрировать объем и богатство этого понятия с помощью развернутого, более инклюзивного перечня форм вовлеченности, от базовых обязательств перед нашими информантами и предоставления ресурсов и поддержки тем сообществам, с которыми мы работаем, до преподавания и публичного образования, социальной критики на научных и общественных площадках и более широко понимаемых форм вовлеченности, таких как совместная работа, правовая защита и активизм. Статьи раскрывают

[15] Под «проектом “Минерва”» здесь понимается инициатива главы Пентагона Роберта Гейтса в 2008 году, предполагающая создание своеобразного альянса университетов и Министерства обороны США для борьбы с угрозами безопасности, исходящими от Китая, ислама и различных террористических организаций. Фактически, проект «Минерва» является продолжением «Системы гуманных территорий», вовлекающей профессиональных антропологов в операции Вооруженных Сил США. *Прим. пер.*

этот широкий спектр форм вовлеченности, начиная с опасений по поводу тактичности и этнографической критики и заканчивая прямой правозащитной деятельностью на благо подчиненных сообществ.

Также нам интересно было подчеркнуть внутреннее напряжение и неопределенность, присущие этому проекту. Например, статьи демонстрируют, что вовлеченность ставит дилеммы этнографических исследований и их описаний как перед антропологами-практиками, так и перед университетскими антропологами. Многие из этих дилемм существуют в соответствующей области уже давно — например, этика вмешательства в исследуемую ситуацию, уместность критики с учетом позиции антрополога как члена сообщества или чужака, а также риски работы с влиятельными правительственными и военными организациями.

Статьи в этом специальном выпуске демонстрируют большой энтузиазм по поводу различных видов вовлеченной антропологии наряду с продолжающейся неопределенностью в отношении вовлеченности и сохраняющимся набором препятствий и форм замалчивания, с которыми сталкиваются те, кто стремится развивать живую, вовлеченную антропологию. Наконец, в статьях говорится не только об амбивалентности, но и о различного рода барьерах, в том числе организационных, на пути к вовлеченной работе. К этим преградам относятся институциональные аспекты университетов и мира практики, такие как неспособность говорить или писать о политической повестке дня; расчет на то, что работа будет научной; антропологический акцент на конкретной специфике и контексте; избегание империалистической позиции и проблемы с карьерным ростом, присуждением научных должностей и признанием. Тем не менее, несмотря на все эти трудности, вовлеченная антропология жива и развивается самыми разными путями, и мы всячески поддерживаем и одобряем это развитие как неотъемлемую часть динамичного и интегрированного будущего, которое ожидает антропологию.

Литература/References

Ali, K. A. (2010). Voicing difference: Gender and civic engagement among Karachi's poor. *Current Anthropology*, *51*(S2), S313–S320.

Basch, L. G., Saunders, L. W., Sharff, J. W., Peacock, J. (Eds.). (1999). *Transforming academia: Challenges and opportunities for an engaged anthropology*. Arlington: American Anthropological Association.

Bennett, J. W. (1996). Applied and action anthropology: Ideological and conceptual aspects. *Current Anthropology*, *37*(S1), S23–53.

Berreman, G. D. (1968). Is anthropology alive? Social responsibility in social anthropology. *Current Anthropology*, *9*(5), 391–396.

Besteman, C., Gusterson, H. (Eds.). (2005). *Why America's top pundits are wrong: Anthropologists talk back*. Berkeley: University of California Press.

Biehl, J. (2005). *Vita: Life in a zone of social abandonment*. Berkeley: University of California Press.

Biehl, J. (2007). *Will to live: AIDS therapies and the politics of survival*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Briggs, C. (2004). Theorizing modernity conspiratorially: Science, scale, and the political economy of public discourse in explanations of a cholera epidemic. *American Ethnologist*, *31*(2), 164–187.

Briggs, C., Mantini-Briggs, C. (2000). "Bad mothers" and the threat to civil society: Race, cultural reasoning and the institutionalization of social inequality in a Venezuelan infanticide trial. *Law and Social Inquiry*, *25*(2), 299–354.

Burawoy, M. (2005). For public sociology. *American Sociological Review*, *70*(1), 4–28.

Caulfield, M. D. (1969). Culture and imperialism: Proposing a new dialectic. In D. Hymes (Ed.). *Reinventing anthropology*, 182–212. New York: Random House.

Checker, M. (2009). Anthropology in the public sphere, 2008: Emerging trends and significant impacts. *American Anthropologist*, *111*(2), 162–170.

Chomsky, N. (Ed.). (1997). *The Cold War and the university: Toward an intellectual history of the postwar years*. New York: New Press.

Chrisman, N. J. (2005). Community building for health. In S. Hyland (Ed.). *Community building in the twenty-first century*, 167–191. Santa Fe: School of American Research.

Clarke, K. M. (2009). *Fictions of justice*. Cambridge: Cambridge University Press.

Clarke, K. M. (2010). Toward a critically engaged ethnographic practice. *Current Anthropology*, *51*(S2), S301–S312.

Colwell-Chanthaphonh, Ch., Ferguson, T. J. (2006a). Memory pieces and footprints: Multivocality and the meanings of ancient times and ancestral places among the Zuni and Hopi. *American Anthropologist*, *108*(1), 148–162.

Colwell-Chanthaphonh, Ch., Ferguson, T. J. (2006b). Trust and archaeological practice: Towards a framework of virtue ethics. In C. Scarre, G. Scarre (Eds.). *The ethics of archaeology: Philosophical perspectives on archaeological practice*, 115–130. New York, Cambridge University Press.

Colwell-Chanthaphonh, C., Ferguson, T. J. (Eds.). (2008). *Collaboration in archaeological practice: Engaging descendant communities*. Lanham, MD: AltaMira.

Cowan, J., Dembour, M., Wilson, R. (Eds.). (2001). *Culture and rights: Anthropological perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.

Das, V. (2007). *Life and words: Violence and the descent into the ordinary*. Berkeley: University of California Press.

Das, V., Kleinman, A., Lock, V., Ramphele, V., Reynolds, P. (Eds.). (2001). *Remaking a world: Violence, social suffering, and recovery*. Berkeley: University of California Press.

Doughty, P. (1987). Vicos: Success, rejection, and rediscovery of a classic program. In E. Eddy, W. Partridge (Eds.). *Applied anthropology in America*, 438–469. New York: Columbia University Press.

Eriksen, T. H. (2006). *Engaging anthropology: The case for a public presence*. Oxford: Berg.

Farmer, P. (2003). *Pathologies of power: Health, human rights, and the new war on the poor*. Berkeley: University of California Press.

Farmer, P. (2004). An anthropology of structural violence. *Current Anthropology, 45*(3), 305–317.

Farmer, P. (2005). The banality of agency: Bridging personal narrative and political economy. In B. Rylko-Bauer (Ed.). *Bringing the past into the present: Family narratives of holocaust, exile, and diaspora. Special issue, Anthropological Quarterly 78*(1), 125–135.

Ferguson, J. (1994). *The anti-politics machine: "Development", depoliticization, and bureaucratic power in Lesotho*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Ferguson, J. (2006). *Global shadows: Africa in the neoliberal world order*. Durham: Duke University Press.

Ferguson, T. J., Colwell-Chanthaphonh, C. (2006). *History is in the land: Multivocaltribal traditions in Arizona's San Pedro Valley*. Tucson: University of Arizona Press.

Fiske, S. J. (2009). Global change policymaking from inside the beltway: Engaging anthropology. In S. A. Crate, M. Nuttall (Eds.). *Anthropology and climate change: from encounters to actions*, 277–291. Walnut Creek, CA: Left Coast.

Forman, S. (1993). *Diagnosing America: Anthropology and public engagement*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Fosher, K. B. (2009). *Under construction: Making homeland security at the local level*. Chicago: University of Chicago Press.

Gal, S., Kligman, G. (2000). *The politics of gender after socialism*. Princeton: Princeton University Press.

Gluckman, M. (2002) [1958]. "The bridge": Analysis of a social situation in Zululand. In J. Vincent (Ed.). *The anthropology of politics: A reader in ethnography, theory, and critique*, 476. Malden, MA: Blackwell.

González, N. (2010). Advocacy anthropology and education: Working through the binaries. *Current Anthropology*, *51*(S2), S249–S258.

González, R. J. (2004). *Anthropologists in the public sphere: Speaking out on war, peace, and American power*. Austin: University of Texas Press.

González, R. J. (2009). *American counterinsurgency: Human science and the human terrain*. Chicago: Prickly Paradigm.

Goodale, M. (2006a). Introduction: Anthropology and human rights in a new key. *American Anthropologist, 2006*(108), 1–8.

Goodale, M. (2006b). Toward a critical anthropology of human rights. *Current Anthropology, 47*(3), 485–511.

Goodale, M. (2008). *Dilemmas of modernity: Bolivian encounters with law and liberalism*. Stanford: Stanford University Press.

Goodale, M. (2009). *Surrendering to utopia: An Anthropology of human rights*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Gough, K. (1968). New proposals for anthropologists. *Current Anthropology*, *9*(5), 403–435.

Gusterson, H. (1996). *Nuclear rites: A weapons laboratory at the end of the Cold War*. Berkeley: University of California Press.

Gusterson, H. (2004). *People of the bomb: Portraits of America's nuclear complex*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Gusterson, H., Besteman, C. (Eds.). (2010). *The insecure American: How we got here and what we should do about it*. Berkeley: University of California Press.

Hale, C. (2006). Activist research vs. cultural critique: Indigenous land rights and the contradictions of politically engaged anthropology. *Cultural Anthropology*, *21*(S1), 96–120.

Herskovits, M. J. (1928). *The American Negro: A study in race crossing*. New York: Knopf.

Herzfeld, M. (2010). Engagement, gentrification, and the neoliberal hijacking of history. *Current Anthropology*, *51*(S2), S259–S267.

Hill, C. (2000). Strategic issues for rebuilding a theory and practice synthesis. In C. E. Hill, M. L. Baba (Eds.). *The unity of the theory and practice in anthropology*, 1–16. Washington: American Anthropological Association.

Hinton, A. L. (2002a). *Annihilating difference: The anthropology of genocide*. Berkeley: University of California Press.

Hinton, A. L. (2002b). *Genocide: An anthropological reader*. New York: Blackwell.

Hinton, A. L., Lifton, R. J. (2004). *Why did they kill? Cambodia in the shadow of genocide.* Berkeley: University of California Press.

Hinton, A. L., O'Neill, K. L. (Eds.). (2009). *Genocide: Truth, memory, and representation*. Durham: Duke University Press.

Howell, S. (2010). Norwegian academic anthropologists in public spaces. *Current Anthropology*, *51*(S2), S269–S277.

Huggins, M. K., Glebbeek, M.-L. (2009). *Women fielding danger: Negotiating ethnographic identities in field research*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

Hymes, D. (Ed.). (1969). *Reinventing anthropology*. New York: Random House.

Jackson, J. L. (2010). On ethnographic sincerity. *Current Anthropology*, *51*(S2), S279–S287.

Johnston, B. R. (2001a). Anthropology and environmental justice: Analysts, advocates, mediators and troublemakers. In C. Crumley (Ed.). *New directions in anthropology and the environment*, 132–149. Walnut Creek, CA: AltaMira.

Johnston, B. R. (2001b). Considering the power and potential of the anthropology of trouble. In E. Messer, M. Lambeck (Ed.). *Ecology and the sacred: Engaging the anthropology of Roy A. Rappaport*, 102. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Johnston, B. R. (2006). Power, praxis and the social work of anthropology. *Applied Anthropologist*, *26*(2), 97–105.

Johnston, B. R. (2010). Social responsibility and the anthropological citizen. *Current Anthropology*, *51*(S2), S235–S247.

Jones, D. (1968). The multivillage community: Village segmentation and coalescence in Northern Thailand. *Behavior Science Notes [Cross-Cultural Research]*, *3*(3), 149–174.

Kemper, R. V., Royce, A. (Ed.). (2002). *Chronicling cultures: Long-term field research in anthropology*. Walnut Creek, CA: AltaMira.

Khagram, S. (2002). Restructuring the global politics of development: The case of India's Narmada Valley Dams. In S. Khagram, J. Riker, K. Sikkink (Eds.). *Restructuring world politics: Transnational social movements, networks, and norms*, 206–231. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Kirsch, S. (2002). Anthropology and advocacy: A case study of the campaign against the Ok Tedi mine. *Critique of Anthropology*, *22*(2), 175–200.

Lamphere, L. (2004). The convergence of applied, practicing and public anthropology in the 21st century. *Human Organization*, *63*(4), 431–443.

Lassiter, L. E. (2005). Collaborative ethnography and public anthropology. *Current Anthropology*, *46*(1), 83–106.

Levitt, P., Merry, S. E. (2009). Vernacularization on the ground: Local uses of global women's rights in Peru, China, India and the United States. *Global Networks*, *9*(4), 441–461.

Low, S. (2002). Anthropological-ethnographic methods for the assessment of cultural values in heritage conservation. In M. de la Torre (Ed.). *Assessing the values of cultural heritage*, 31–50. Los Angeles: Getty Conservation Institute.

Low, S. (2003). *Behind the gates: Life, security and the pursuit of happiness in fortress America*. New York: Routledge.

Low, S. (2004). Social sustainability: People, history, values. In J. Teutonico (Ed.). *Managing change: Sustainable approaches to the conservation of the built environment*, 16–42. Los Angeles: Getty Conservation Institute.

Low, S. (2006). The erosion of public space and the public realm: Paranoia, surveillance and privatization in New York City. *City and Society*, *18*(1), 43–49.

Low, S. (2008). Social sustainability. In G. J. Fairclough, R. Harrison, J. Jameson, J. Schofield (Eds.). *The heritage reader*, 392–404. New York: Routledge.

Low, S. (2010). Psychological, cultural and political theories of changing social relations in private housing schemes: Integrating anthropological, psychological and political levels of theory and analysis. *GeoJournal, 77*(2), 185–201.

Low, S., Taplin, D., Scheld, S. (2005). *Rethinking urban parks: Public space and cultural diversity*. Austin: University of Texas Press.

Lutkehaus, N. C. (2008). *Margaret Mead: The making of an American icon*. Princeton: Princeton University Press.

Lutz, C. (2001). *Homefront: A military city and the American 20th century*. Boston: Beacon.

Lutz, C. (2002). Making war at home in the United States: Militarization and the current crisis. *American Anthropologist*, *104*(3), 723–735.

Lutz, C. (2006). Empire is in the details. *American Ethnologist*, *33*(4), 593–611.

Lutz, C. (Ed.). (2008). *The bases of empire: The global struggle against U.S. military posts*. London: Pluto.

Mattei, U., Nader, L. (2008). *Plunder: When the rule of law is illegal*. Malden, MA: Blackwell.

Mead, M. (1942). *And keep your power dry: An anthropologist looks at America*. New York: Morrow.

Merry, S. E. (2001). Changing rights, changing culture. In J. Cowan, M. B. Dembour, R. Wilson (Eds). *Culture and rights: Anthropological perspectives*, 31–56. London: Cambridge University Press.

Merry, S. E. (2006). *Human rights and gender violence*. Chicago: University of Chicago Press.

Merry, S. E. (2008). *Gender violence: A cultural perspective*. New York: Blackwell.

Mullings, L. (2005). Resistance and resilience: The Sojourner Syndrome and the social context of reproduction in central Harlem. *Transforming Anthropology*, *13*(2), 79–91.

Mullings, L., Wali, A., McLean, D., Mitchell, J., Prince, S., Thomas, D., Tovar, P. (2001). Qualitative methodologies and community participation in examining reproductive experiences: The Harlem Birth Right Project. *Maternal and Child Health Journal*, *5*(2), 85–93.

Nader, L. (1972). Up the anthropologist: Perspectives gained from studying up. In D. Hymes (Ed.). *Reinventing anthropology*, 284–311. New York: Pantheon.

Nader, L. (1997). The phantom factor: Impact of the Cold War on anthropology. In N. Chomsky (Ed.). *The Cold War and the university: Toward an intellectual history of the postwar years*, 107–146. New York: New Press.

Nash, J. C. (2007). *Practicing ethnography in a globalizing world: An anthropological odyssey*. Lanham, MD: AltaMira.

Nelson, D. M. (2009). *Reckoning: The ends of war in Guatemala*. Durham: Duke University Press.

Patterson, T. (2001, February 27). *Toward a socially engaged, integrated, critical anthropology*. Keynote address at James Young Colloquium, University of California, Riverside.

Peacock, J. (1997). The future of anthropology. *American Anthropologist*, *99*(1), 9–29.

Pierpont, C. R. (2004, March 8). The measure of America. *New Yorker*. Retrieved from https://www.newyorker.com/magazine/2004/03/08/the-measure-of-america

Price, D. (2004). *Threatening anthropology: McCarthyism and the FBI's surveillance of activist anthropologists*. Durham: Duke University Press.

Price, D. (2008). *Anthropological intelligence: The deployment and neglect of American anthropology in the Second World War*. Durham: Duke University Press.

Rappaport, R. (1993). Distinguished lecture in general anthropology: The anthropology of trouble. *American Anthropologist*, *95*, 295–303.

Roseberry, W. (2002). Political economy in the United States. In Lem, W., Leach, B. (Eds.). *Culture/economy/power: Anthropology as critique/anthropology as praxis*, 59–72. Albany: State University of New York Press.

Rylko-Bauer, B., Singer, M., van Willigen, J. (2006). Reclaiming applied anthropology: Its past, present, and future. *American Anthropologist*, *108*(1), 178–190.

Sanday, P. (Ed.). (1976). *Anthropology and the public interest: Fieldwork and theory*. New York: Academic Press.

Sanford, V. (2004). *Buried secrets: Truth and human rights in Guatemala*. New York: Palgrave Macmillan.

Sanford, V., Angel-Ajani, A. (Eds.). (2006). *Engaged observer: Anthropology, advocacy, and activism*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Sanjek, R. (2004). Going public: Responsibility and strategies in the aftermath of ethnography. *Human Organization*, *63*(4), 444–456.

Schensul, J. J., Schensul, S. L. (1978). Advocacy and applied anthropology. In G. Weber, G. J. McCall (Eds.). *Social scientists as advocates: Views from the applied disciplines*, 121–164. Beverly Hills, CA: Sage.

Schensul, J. J., Schensul, S. L. (1992). Collaborative research: Methods of inquiry for social change. In M. D. LeCompte, W. L. Millroy, J. Preissle (Eds.). *Handbook of qualitative research in education*, 161–200. San Diego, CA: Academic Press.

Scheper-Hughes, N. (1992). *Death without weeping: The violence of everyday life in Brazil*. Berkeley: University of California Press.

Scheper-Hughes, N. (1995). The primacy of the ethical: Propositions for a militant anthropology. *Current Anthropology*, *36*(3), 409–420.

Scheper-Hughes, N., Bourgois, P. (Eds.). (2004). *Violence in war and peace: An anthology*. Malden, MA: Blackwell.

Silverman, S. (2007). American anthropology in the middle decades: A view from Hollywood. *American Anthropologist*, *109*(3), 519–528.

Singer, M. (1990). Another perspective on advocacy. *Current Anthropology*, *31*(5), 548–549.

Singer, M. (2000). Why I am not a public anthropologist. *Anthropology Newsletter*, *11*(2), 12–13.

Smart, A. (2010). Tactful criticism in Hong Kong: The colonial past and engaging with the present. *Current Anthropology*, *51*(S2), S321–S330.

Smith, G. (1999). *Confronting the present: Towards a politically engaged anthropology*. Oxford: Berg.

Speed, S. (2006). At the crossroads of human rights and anthropology: Toward a critically engaged activist research. *American Anthropologist*, *108*(1), 66–76.

Spencer, J. (2010). The perils of engagement: A space for anthropology in the age of security? *Current Anthropology*, *51*(S2), S289–S299.

Starn, O. (1995). To revolt against the revolution: War and resistance in Peru's Andes. *Cultural Anthropology*, *10*(4), 547–580.

Stull, D. D., Schensul, J. J. (1987). *Collaborative research and social change: Applied anthropology in action*. Boulder: Westview.

Susser, I. (2009). *AIDS, sex, and culture: Global politics and survival in Southern Africa*. New York: Blackwell.

Susser, I. (2010). The anthropologist as social critic: Working toward a more engaged anthropology. *Current Anthropology*, *51*(S2), S227–S233.

Sutton, C. (Ed.). (1993). *From Labrador to Samoa: The theory and practice of Eleanor Burke Leacock*. Arlington: American Anthropological Association for the Association of Feminist Anthropology, International Women's Anthropology Caucus.

Tate, W. (2007). *Counting the dead: The culture and politics of human rights activism in Colombia*. Berkeley: University of California Press.

Textor, R. (2005). *Margaret Mead: The world ahead: An anthropologist anticipates the future*. New York: Berghahn.

Tsing, A. (2005). *Friction: An ethnography of global connection*. Princeton: Princeton University Press.

van Willigen, J. (2002). *Applied anthropology: An introduction*. 3rd edition. Westport: Bergin & Garvey.

Vincent, J. (1994). *Anthropology and politics: Visions, traditions, and trends*. Tucson: University of Arizona Press.

Warren, K. B. (2006). Perils and promises of engaged anthropology: Historical transitions and ethnographic dilemmas. In V. Sanford, A. Angel-Ajani (Eds.). *Engaged observer: Anthropology, advocacy and activism*, 213–227. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Wax, M. (1978). Once and future Merlins: The applied anthropologists of Camelot. *Human Organization, 37*(4), 400–408.

Wax, R. H. (1971). *Doing fieldwork: Warnings and advice*. Chicago: University of Chicago Press.

Weidman, D. (1976). The individual and innovation in the process of sociocultural adaptation to frontier situations. *Papers in Anthropology, 1976*(17), 107–116.

Whiteford, L. M. (2009). Approaches to policy and advocacy. In J. Coreil (Ed.). *Social and behavioral foundations of public health*, 311–324. Thousand Oaks, CA: Sage.

Whiteford, L. M., Tobin, G. A. (2007). Potable water as the key to survival and community recovery: Disaster planning and practice. In S. Wang, G. Tang, J. Zhang, W. Song, J. Ammann, C. Kux (Eds.). *Strategy and implementation of integrated risk management*, 227–453. Proceedings of the International Disaster Reduction Conference. Harbin: Quyan.

Wilson, R. A., Merry, S. E. (2001). *The politics of truth and reconciliation in South Africa: Legitimizing the post-apartheid state*. Cambridge: Cambridge University Press.

Люди — не пользователи

Тамара Хейл[1]

✉ tamara.hale@colorado.edu
ORCID: 0000-0003-2599-9909

[1]Университет Колорадо, Боулдер, США

Перевод и комментарии Елизаветы Головиной

Для цитирования статьи:
Хейл, Т. (Автор), Головина, Е. (Пер.). (2019). Люди — не пользователи. *Фольклор и антропология города*, *II*(2), 49–71. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-49-71.

Тамара Хейл — американская исследовательница в области дизайн- и диджитал-антропологии с многолетним опытом сотрудничества с бюджетными и некоммерческими организациями, а также бизнесом в сфере дизайна и информационных технологий. Статья посвящена проблемам и перспективам использования антропологического инструментария в области инноваций, стратегического планирования и разработки продуктов — а также некоторым особенностям внедрения и интерпретации антропологического подхода в проектной практике дизайнеров и управленцев.

Перевод выполнен по изданию: Hale, T. (2018). People are not users. *Journal of Business Anthropology, 7*(2), 163–183.

People are not users

Tamara Hale[1]

✉ tamara.hale@colorado.edu
ORCID: 0000-0003-2599-9909

[1]University of Colorado, Boulder, USA

Tr. and comm. by Elizaveta Golovina

To cite this article:
Hale, T. (Author), Golovina, E. (Trans.). (2019). People are not users. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(2), 49–71. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-49-71.

Tamara Hale is an American design and digital anthropologist that has been cooperating with various state-funded and commercial organizations for many years, as well as with business ventures in design and IT. The following paper dwells upon problems and perspectives of employing anthropological instruments in innovations, strategic planning and product development — and upon certain peculiarities concerning introduction and interpretation of anthropological approach in project practice of designers and executives.

Введение[1]

Несколько лет назад я проводила исследование пользовательского опыта пассажиров автомобильного парома линии Дувр — Кале по заказу одного из крупнейших паромных перевозчиков Европы. Передо мной стояла задача разобраться в потребностях пассажиров парома, чтобы улучшить качество их обслуживания — начиная с очередей, парковки и подъема на палубу, заканчивая их впечатлениями от различных удобств на борту. Проведя неделю или около того в наблюдениях и интервью с пассажирами и экипажем, я сама стала элементом его обстановки: я привыкла к приходам и уходам туристов, на каждом рейсе поднимавшихся на борт, три часа, пока длилась поездка, прогуливавшихся по палубе и вновь сходивших на берег. Когда паром в том или ином порту покидали люди и автомобили, наступала тишина, и, пока команда прибиралась после очередного рейса и готовилась к следующему, я упорядочивала полевые заметки и меняла батарейки в диктофоне. Однако это ощущение рутины было грубо нарушено в середине второй недели исследования, когда паром попал в страшный шторм. По мере того, как море волновалось все больше, я оставила попытки просить пассажиров показать мне судно — никто уже не мог ни уверенно ходить, ни даже стоять. Проводить интервью стало невозможно даже на вип-палубе — я изо всех сил сдерживала приступы дурноты, опасаясь запачкать алый бархат диванов первого класса. Члены экипажа заверяли меня в том, что непогода не угрожает нашим жизням — попутно убирая бокалы для вина и шампанского под замок, в деревянные шкафчики, где никакая опасность им не грозила. К концу ночи я, наконец, на дрожащих ногах сошла на берег и направилась к себе в отель, не зная, смогу ли когда-нибудь снова ступить на борт. Буря сделала мою роль в проекте более сложной: я перестала быть просто исследователем, использовавшим паром как сцену или реквизит для интервью с пассажирами — теперь я доверила экипажу свою безопасность. Я почувствовала, что мой успех зависит от связей, которые мне удалось выстроить с командой парома. Возможно, и они стали видеть во мне не столько пассажира, сколько одну из них самих. Благодаря буре я также по достоинству оценила корабль — из фона для исследования он стал пространством и материальным объектом с собственной агентностью — способным внушать пассажирам чувство опасности — или безопасности. Опыт шторма помог мне приспособиться к самому устройству корабля.

Через день-другой буря стихла. Я продолжила брать интервью, на этот раз у дальнобойщиков из Южной и Восточной Европы, с которыми до того не общалась и вообще, кажется, даже не видела на корабле.

[1] Получение исследовательских материалов, упомянутых в настоящей статье, стало возможно благодаря доверию и отзывчивости семей графства Кент, гостеприимно принявших нас с моим коллегой Робином Фэрроу в свою жизнь. Знаниями, которые помогли сформировать представленные здесь тезисы, со мной также поделился не один десяток пассажиров и дальнобойщиков на паромных переправах Дувр — Кале. Исследование, на которое я опираюсь, было проведено в период моей работы в компании Revealing Reality (ранее известной как ESRO) и в сотрудничестве с Кентской Лабораторией и агентством сервис-дизайна Engine. Благодарю моих бывших коллег и партнеров из всех этих организаций за беседы и сотрудничество.

Мы сидели на крохотной палубе для дальнобойщиков, до отказа набившись в крошечный, вылизанный до стерильности кафетерий, или стояли и беседовали на ледяной, обдуваемой всеми ветрами палубе. Я постаралась впечатлить информантов повестью о том, как я плавала на Титанике через Ла-Манш в попытке создать дружескую атмосферу и преодолеть определенные языковые барьеры. Мои попытки попотчевать их историей были вознаграждены щедрым смехом. Мужчин, с которыми я разговаривала (на борту были и водители-женщины, но в исследовании они не участвовали), занимали другие вопросы: как, избегая обычных пассажиров, быстрее добраться до палубы дальнобойщиков; где можно покурить и расслабиться; как общаться с незнакомцами, когда большую часть долгого пути провел в одиночестве или с напарником; как скоротать время переправы и как помыться в местном санузле. Они жаловались, что еда в кафетерии вообще ни на что не похожа, а те, кто уже не первый раз совершал эту переправу, пытались найти «пастушьему пирогу», «деревенскому пирогу» и «пасти»[2] аналоги в португальском и польском. Но больше всего они волновались о том, как бы скорее добраться до места и снова сесть за руль, ведь каждую потерянную при доставке груза в пункт назначения минуту их начальство оценивало в евро или в злотых.

Если меня буря лишила базовых возможностей — ходить, есть и разговаривать — временно, то эти люди, пока поднимались на борт, находились на судне и сходили на берег, ощущали потерю телесности постоянно — хоть и на куда более тонком уровне. В отличие от естественных причин, стоявших за моими неудобствами, их ощущение отчужденности было обострено и отчасти вызвано самим устройством корабля. Такой их опыт стал непреднамеренным последствием недостатка эмпатии и понимания того, что такое паромная переправа в контексте повседневности дальнобойщиков. Чтобы в будущем интересы водителей учитывались, мне нужно было объяснить и тем, кто будет строить новые суда, и тем, кто будет за это платить, каково это — быть дальнобойщиком на их пароме.

В настоящей статье я показываю, что капиталистические практики в дизайне и проектировании способствуют воспроизведению взгляда на людей как на индивидуальных субъектов агентности относительно разрабатываемых продуктов и услуг. Я указываю на некоторые негативные последствия этого мифа о людях как о «пользователях» и предлагаю способы борьбы с ним внутри организации, в том числе посредством сервис-дизайна. Сервис-дизайн как дизайн-практику традиционно отличают более широкая трактовка человеческого опыта, чем традиционно устоявшиеся взгляды на человеческую природу применительно к разработке и дизайну продукции, а также признание важности систем и процессов при формировании человеческого опыта. Я предлагаю критический обзор результатов использования этнографических методов и антропологического мышления в дизайн-практиках. Холизм

[2] Shepherd's pie, cottage pie, pasty — блюда британской кухни. «Пастуший» и «деревенский» пироги — разновидности картофельной запеканки с бараниной и говядиной соответственно. «Пасти» — сытная выпечка с различными мясными и овощными начинками; более всего известны cornish pasty — корнуэльские (или корнуоллские) пирожки родом из одноименного графства. *Прим. пер.*

и системное мышление, свойственные антропологии, обладают нераскрытым пока что потенциалом в области дизайна и открывают подходы, которых не хватает бизнесу, государственным и другим организациям.

Распространение этнографических методов за пределами академического поля

Этнографический метод, один из фирменных приемов антропологии, уже давно проник в инструментарий других дисциплин. Со временем все больше смежных областей принимали на вооружение эмпирические методы, такие как включенное наблюдение и содержательное, постоянное общение с людьми в привычной и естественной для них среде на протяжении длительного времени. Многие антропологи скептически оценивают повсеместное распространение этнографических методов, указывая на методологические недочеты в том, что другие ученые считают этнографией, см., напр.: [Howell 2017: 16], и утверждают, что эти исследования настолько различаются, что «этнография», практикуемая в иных областях, едва ли может так называться. Некоторые критики также обращают внимание на недостаточную продолжительность и тщательность проводимой полевой работы, отсутствие теоретической основы и сравнительного анализа. Другие и вовсе задаются вопросом о том, осталось ли в антропологии что-то свое — или дисциплина испытывает кризис идентичности — по крайней мере, в тех случаях, когда до такой степени определяет себя через методологический подход (см.: [Howell 2017: 16]). И все же другие антропологи приветствуют широкое распространение этнографического метода; более того, именно квалифицированные антропологи зачастую продвигают свои методы и подходы в других дисциплинах — а значит, не так уж просто провести грань между этнографией в исполнении антропологов и этнографией, практикуемой другими исследователями.

Антропологи и социологи с антропологической подготовкой, которые работали в бизнесе, государственных или некоммерческих организациях, наблюдали, как их ключевые методы схожим образом выходят за пределы их практики, помогая компаниям понять важность изучения фактических покупателей, пользователей, клиентов и бенефициаров[3] в их обычной, повседневной среде, завоевали себе нишу в промышленности, сфере высоких технологий, индустриях дизайна и «инноваций»[4]

[3] В настоящей статье термины «покупатели», «пользователи», «бенефициары», «клиенты» используются как синонимы. Различные сферы экономики используют разные обозначения для людей, которым они собираются продавать продукты, оказывать услуги — или как-то еще на них воздействовать. Организации, торгующие товарами и услугами, работают с «покупателями», компании, продающие программное обеспечение, рассматривают этих людей как «пользователей». Некоммерческие и государственные учреждения видят в этих людях «получателей услуг», «клиентов» либо «граждан» — если в рамках своих компетенций они обслуживают население в целом.

[4] В настоящей статье я использую термин «инновации» в отношении постепенно нарастающих или масштабных преобразований в том, что Уилф определяет как «производство новых экономических структур, которые могут быть монетизированы и выведены на рынок» [Wilf 2015: 681]; я же включаю в это определение государственный сектор и сферу социальных инноваций, мотивы в которых скорее связаны с экономией средств, нежели с извлечением прибыли.

(подробный анализ ранних этапов развития бизнес-антропологии приведен в [Jordan 2003; Wasson 2000: 379–382]). Многие апологеты более широкого внедрения этнографических подходов получили образование в смежных с антропологией областях, например, психологическое [Wasson 2000: 381–382].

До этого момента исследования запросов покупателей, часто именовавшиеся «маркетинговыми» или «потребительскими», ограничивались опросами (лично или по почте), приглашением небольшого количества людей в офис или в лабораторию в качестве «фокус-групп» или для интервью один на один — как правило, в такой же «лаборатории», переговорной комнате или в общественном пространстве. Такие встречи проводились в условиях жестких временных рамок и с четко структурированным опросником. И вопросы к информантам, и рассматриваемые аспекты поведения задавались интересами акционеров конкретного бизнеса. Упор в этих ранних исследованиях делался на то, чтобы понять, каков рыночный потенциал новых продуктов, кто будет их покупать и сколько готов за них заплатить — а не на том, чем этот продукт, в первую очередь, должен являться.

Исследователи, вдохновленные академической этнографией, часто работали организационными антропологами, изучая корпоративную культуру внутри организаций. Другие настаивали на необходимости более глубокого включения в среду потребителей посредством «выхода в поле» и изучения людей в их обычной домашней и рабочей обстановке. Проводя время с потребителями в их привычной среде, наблюдая, как они взаимодействуют с продуктом, порой — даже приводя с собой бизнес-заказчиков, такие исследователи спровоцировали сдвиг в сознании. Вместо того, чтобы принимать их «сверху», управляющими компаний, решения по продуктам все больше выводятся, по крайней мере отчасти, из результатов исследования пользователей, из эмпирических данных, помогающих сформировать разработку и управление продуктом наряду с организационными приоритетами, снизу вверх. Я не утверждаю, что этот переход вызван к жизни альтруистическими мотивами. Напротив, сейчас уже вполне очевидно, что исследование покупателей и пользователей положительно влияет на финансовые показатели, поскольку продукты и услуги, построенные на выявленных запросах и нуждах пользователей, будут иметь значительно больший успех на рынке, нежели продукты и услуги, придуманные исключительно в лаборатории или на совещании директоров.

До сих пор я вела разговор главным образом об антропологических исследованиях в коммерческом секторе экономики. Вне всякого сомнения, у некоммерческих и государственных организаций другие цели — а у антропологов, работающих в этих сферах, другие карьерные траектории и иной вклад в проекты; не буду отдельно останавливаться на этом вопросе (на эту тему см. [Wasson 2000] и др.). Цель многих некоммерческих организаций — улучшение благосостояния людей и уменьшение их страданий, в то время как задача государственных учреждений — служить самым разнообразным потребностям граждан.

И ни те, ни другие обычно не имеют плана по доходам, они, как правило, равно обязаны разумно расходовать бюджетные средства и, особенно в условиях капитализма, меньше тратить. Антропологов привлекали к исследованиям, необходимым для разработки программ, сервисов и проектов, посредством которых некоммерческие организации и органы власти решают стоящие перед ними задачи — как для консультации по новым программам, так и для оценки уже существующих. Область социальных инноваций — одна из тех, где пересекаются коммерческие фирмы, правительственные организации и НКО — и их интересы.

Отдельно остановлюсь на одном из направлений коммерческой деятельности — сфере высоких технологий и «инноваций», ведь именно там распространение антропологических принципов наиболее масштабно — и, пожалуй, наиболее неожиданно. Технологическая сфера, вероятно, наиболее полно усвоила необходимость разбираться и обслуживать в первую очередь «пользовательские потребности» и выстраивать приоритеты компаний вокруг желаний и мотивов пользователей. Область исследований пользовательского опыта (UX[5]) выросла из осознания, что современные технологии потенциально способны решить множество проблем, включая обеспечение доступности информации, повышение эффективности коммуникации, качества жизни и работы; но сложность всего того, что могут предложить технологии, должна быть снижена — иначе люди не смогут с ними взаимодействовать. Для этого организациям понадобились люди, которые могут понять человеческое поведение и предсказать, как люди будут взаимодействовать с технологией в реальных условиях. Отсюда взлет «человекоориентированного» дизайна и появление нового класса специалистов: дизайнеров и исследователей, которые переводят человеческие потребности в технологические решения. Дизайн-антропология — термин, используемый, в основном, самими дизайн-антропологами для описания антропологического мышления, влияния и того методологического воздействия, которое они оказывают на сферу дизайна[6].

Поскольку я рассматриваю распространение в частном бизнесе вдохновленных антропологией методов, стоит обозначить некоторые из ключевых различий между научными и прикладными методами этнографии, нашедшими применение в экономике, см. также: [Wasson 2000]. Поскольку исследования по частным заказам должны завершаться в более сжатые сроки, применяемые в них этнографические методы гораздо более зарегламентированы и ограничены по времени в сравнении с академической этнографией. В то время как типичная длительность научной этнографической работы в поле составляет от нескольких месяцев до нескольких лет (при этом более короткие, длиной в несколько

[5] UX от User Experience (англ. — пользовательский опыт, опыт пользователя, опыт взаимодействия) — «восприятие и ответные действия пользователя, возникающие в результате использования и/или предстоящего использования продукции, системы или услуги» [ГОСТ Р ИСО 9241-210—2012]. *Прим. пер.*

[6] О преподавании дизайн-антропологии в университетской среде в рамках экспериментального учебного проекта и моем собственном личном и профессиональном пути, в ходе которого мне удалось преодолеть разрыв между академической и прикладной антропологией, см.: [Hale 2016].

месяцев, эпизоды этнографической работы «наслаиваются» на предшествующую продолжительную полевую работу или на накапливающиеся со временем неоднократные выходы «в поле»), методы в прикладной этнографии, как правило, предусматривают полевую работу продолжительностью в считанные недели и лишь изредка — в несколько месяцев. Этнографы, занимающиеся прикладными исследованиями, долго спорили о том, в какой степени такие исследовательские подходы можно вообще считать этнографическими[7].

Исследования для бизнес-сферы тяготеют к таким форматам представления результатов, которые позволяют быстро собрать наработки воедино и передать их различным командам внутри организации — в отличие от более традиционных методов обмена академическими знаниями, таких как конференции, журнальные статьи и монографии. Как отмечает Уоссон [Wasson 2000: 285], подобные временные ограничения, как правило, приводят к минимизации времени на анализ с приоритетом скорости над точностью. В то же время, по сравнению с академической этнографией, этнографические методы в прикладных областях, в том числе за пределами академического поля, в большей степени основаны на сотрудничестве между различными практиками, как вариант — под руководством исследователя или этнографа, работающего в тандеме с другими исследователями.

Другое различие, хоть и не в качестве, а в степени проявления, заключается в целях, которыми руководствуются академические и прикладные исследования. Этнографы, работающие на бизнес, редко имеют возможность заниматься чисто исследовательской, этнографической деятельностью, делать исследования «ради исследований», ради производства новых знаний о мире без ожидания практических эффектов в краткосрочной перспективе. Даже исследования с максимально свободными временными рамками имеют своей целью определение «пространства задач», к которым в дальнейшем будет приложено «решение». Ученые-этнографы, работающие в прикладных дисциплинах, также тяготеют к исследовательским задачам практического характера, добывая знания, способствующие решению социальных или организационных проблем.

Для тех, кто применяет методы этнографии вне научной сферы, не удивительно, что это решение (но редко — стоящие за ним исследования) подчиняется количественно- и денежно-ориентированной логике организаций, которым предстоит воплощать его в жизнь. В бизнесе, а также в государственных и некоммерческих организациях решения должны измеряться чем-либо вещественным: полученной прибылью, сэкономленными ресурсами или иными показателями (количеством получивших услугу клиентов, сэкономленным временем или новыми подписчиками). Работающим в подобных условиях специалистам неизбежно приходится либо заранее, либо задним числом обосновывать

[7] С точки зрения прикладных исследований, определение «этнографический» в отношении подобных методов указывает на их генетическую связь с традиционной, полноценной этнографией и помогает провести черту между ними и прочими методами, когда это необходимо в силу описанных выше причин.

необходимость в исследованиях и потребностях в ресурсах с точки зрения их потенциального вклада в решение. С учетом того, что дать количественную оценку усилий, потраченных на исследование, и его результатов практически невозможно, а напрямую связать исследование и предложенные в итоге решения — довольно трудно, задача представляется непростой.

Ориентация на поиск практических решений серьезно ограничивает этнографические исследования — по крайней мере, с точки зрения самого исследователя (даже если акционерам компании рамки этих исследований кажутся раздражающе неопределенными). То, насколько проект на старте опирается лишь на гипотезы, и насколько структура исследования ограничивает исследовательское поле, едва ли разительно отличает прикладное поле от академического. Однако мой опыт говорит о том, что в бизнес-исследованиях эти моменты недооценивают. Занимаясь прикладной деятельностью, исследователи с подготовкой в социальных науках могли бы, в числе прочего, привлечь внимание к проблеме допущений и ограничений, источником которых служит дизайн исследований, и, как следствие, привнести критический взгляд на цели и практики бизнеса, определяющие предмет исследования.

Академическая антропология, как кажется, несколько вынесена из сферы решения какого-либо рода практических задач. Ввиду того, что антропология исторически происходит из колониальных проектов, на протяжении большей части своей современной истории дисциплина последовательно дистанцируется от любых попыток осязаемо воздействовать на жизнь людей. Из какой бы исторической традиции ни происходило то или иное направление антропологии (будь то британская «социальная» или американская «культурная» антропология), оно старается предложить объяснение текущему порядку вещей, а не брать на себя миссию изменять его напрямую. Многие исследователи видят свой долг в том, чтобы описывать проживаемый опыт изучаемых сообществ, выявлять, объяснять и проливать свет на те структурные факторы, которые приводят к маргинализации субъектов исследования (когда это имеет место). И все же, именно в способности антропологии не только описывать мир, но и объяснять принципы его работы скрыт существенный преобразующий потенциал дисциплины. Ученые-антропологи как таковые не возражают против положительного влияния на жизнь тех, кого они изучают — когда эти люди исторически маргинализованы. Занимаясь просветительской деятельностью, активистской антропологией или обучая новые поколения мыслителей, антропологи подвергают критической оценке силы, поддерживающие власть меньшинства над большинством и маргинализующие те или иные слои населения.

От ученых-антропологов, работающих в академической среде, исторически ожидали независимости от всевозможных организаций, будь то государственные органы, коммерческие предприятия или НКО, заинтересованных в изменении образа жизни людей, которых изучают антропологи; а ученые старались эту независимость сохранять. Конечно

же, в своих исследованиях они едва ли ничем не связаны, а темы их исследований во многом определяются конкуренцией за скудное финансирование. Темы и задачи исследования обусловлены в равной степени текущим и ожидаемым финансированием, с одной стороны, и необходимостью принятия стратегических решений по темам исследований, которые встроятся в существующее или только обозначившееся научное направление — с другой. Эти ограничения касаются всех исследователей, но более всего задевают молодых ученых.

Возвращаясь к этнографам, работающим в коммерческом секторе, отметим, что более устойчивое взаимодействие с клиентами, которое происходит in situ, является одним из признаков антропологического влияния на методы исследования человека, практикуемые в бизнес-сфере. Стоит отметить и пару других признаков. В последнее время во все сферы бизнеса проникла концепция эмпатии, например, [Goleman et al. 2017]. Для бизнеса эта концепция сводится к убеждению, что прибыльность и стабильность компании, в том числе ее способность производить больший доход и разрабатывать инновационные продукты, возрастает, если сотрудники компании и разработчики продуктов попробуют посмотреть на процессы глазами своих коллег, сотрудников и клиентов. Антропологи, работающие в области дизайна, технологий и организационных перемен, сыграли определенную роль в распространении «эмпатии» как ключевой бизнес-концепции. К примеру, они оспорили убеждение, что инженеры-разработчики знают, как должен работать софт по налоговой отчетности, и рекомендовали отправлять исследователей «в гущу событий», сидеть рядом с настоящими бухгалтерами для разработки технологических решений для этой категории пользователей.

Идея обращения к пользователям, установления с ними эмпатической связи и использование достигнутого понимания при принятии решений по разработке продуктов перешла к профессионалам из других сфер от антропологов и мыслящих как антропологи — и стала более институционализирована. Идеи и методы такого рода формализовались в различных направлениях практической философии, таких как «дизайн-мышление» и «человекоориентированный дизайн» (см. [Wilf 2015, 2016] об этнографической трактовке и антропологической критике «дизайн-мышления», не включая разбор нередко связываемых с ним исследовательских методов). Подобные направления философии практически полностью усвоили ключевой принцип этнографии: устанавливая эмпатическую связь с обычными людьми посредством взаимодействия в реальной жизни, мы лучше узнаем этих людей и вырабатываем более органичные, а значит — более успешные в конечном счете решения.

Требования этнографической компетенции в числе прочих навыков в описаниях вакансий на должность UX-исследователей — пример того, насколько этнография проникла в стандартный арсенал UX. Куда меньше вакансий так и озаглавлены — «этнограф» или «антрополог», а роль UX-исследователя становится все более известна в сфере технологий.

Более того, я все чаще вижу вакансии на должность дизайнера, требующие знакомства с «этнографическими методами». Помимо того, что этнография в сфере дизайна и UX сейчас на слуху и влияет на принятие решений при разработке продуктов, в последнее время она поднялась еще выше — на уровень совета директоров, и вот уже целый ряд авторов говорит о том, что следует включить ее в бизнес-стратегию и подключить к определению более масштабных организационных задач и практик, не только отдельных продуктов и решений [Anderson 2009, Beers 2014, Hasbrouck 2015]. Влияние антропологического мышления видно еще и в том, что все важнее становится сторителлинг — передача сведений посредством нарративов вместо сугубо описательных или сосредоточенных на цифрах отчетов.

Влияние этнографического подхода на бизнес весьма примечательно, пусть даже заслугу в этом редко в открытую приписывают антропологии или антропологам. И все же, несмотря на все эти успехи, в бизнесе этнография так и не смогла преодолеть одно специфическое когнитивное заблуждение: тенденции представлять себе людей прежде всего как «пользователей», «клиентов» или «покупателей». В следующем разделе я объясню это заблуждение на примере истории женщины по имени Софи.

Закон инструмента

Давайте мысленно вернемся в конец 2000-х годов и навестим Софи[8], одинокую мать пятерых детей в возрасте от 6 до 16 лет, проживающую в средних размеров городе в графстве Кент, в Южной Англии. Кент — относительно богатое, консервативное графство, граничащее с Большим Лондоном, но не без крайне бедных районов (отчет, из которого взята эта история, см. у [Parker et al. 2008]). На кухне Софи показала мне замок на холодильнике — защиту от налета на припасы пяти голодных детей и способ распределить потребление замороженных продуктов на более длительный срок, чтобы, когда денег на свежие овощи не будет, семья не осталась без еды. Сама Софи уже значительно урезала свой рацион, перейдя на дешевую, преимущественно углеводную пищу. И это была лишь одна из мер, на которые Софи пришлось пойти, чтобы растянуть скромный доход, состоявший из алиментов, пособий и случайных заработков, на подольше. Вот один из наиболее экстремальных примеров распоряжения крайне ограниченными ресурсами, доступных для таких семей.

За несколько лет до этого Софи развелась с мужем и испытывала разорительные финансовые последствия развода, которые в рамках гетеросексуальных браков, как правило, ложатся на женские плечи. Один из детей Софи страдал расстройством аутистического спектра, другой стал жертвой сексуального насилия, сама же Софи пережила моральные истязания со стороны мужа. Софи была получателем ряда социальных

[8] Софи — псевдоним.

услуг, призванных в разных отношениях облегчить сложное положение семьи. Два дня, что я провела с Софи, мы в основном ездили (вместе с детьми, которых не с кем было оставить) по всяческим присутственным местам и делали малоприятные звонки в инстанции. Каждый раз в рамках телефонного звонка Софи рассматривали как получателя услуги, клиента или бенефициара конкретной услуги, которую предоставляло то или иное учреждение. Для школы она была матерью трудного подростка, в кабинете юридической консультации — разведенной матерью, которая добивается алиментов от нерадивого мужа, для службы социальных выплат — получателем пособий и налоговых вычетов.

Я познакомилась с Софи, когда работала в организации, в настоящее время известной как Revealing Reality[9], и проводила исследование по заказу Совета графства Кент — местного правительства. Совет графства Кент был заинтересован в новых способах поддержки семей, подобных семье Софи: эти семьи получали определенную помощь от государства, но, в общем и целом, большей части доступных им услуг не получали — будь то сознательно или невольно. Для Софи это означало, что каждая из служб, в которую она обращалась, взаимодействовала с ней как с получателем только их услуги, никак не учитывая — судя по всему, по искреннему неведению — другие услуги, которые ей предоставлялись. Все семьи, с которыми мы общались, быстро становились экспертами по взаимодействию с различными организациями и поставщиками услуг и вырабатывали сложные механизмы управления льготами для получения наибольшей возможной отдачи. Эти стратегии включали регулирование частоты социальных выплат, обмен советами и подсказками с другими получателями пособий — например, на школьных площадках — и обмен опытом подачи заявлений и апелляций. Во всех этих случаях семьи стремились получить знание, которое помогло бы им как можно больше контролировать получаемые льготы и дать возможность подготовиться к экстренным ситуациям и неприятностям, которые могли бы причинить им несоразмерный ущерб.

Однако, выявив агентность изучаемых нами семей, наше исследование показало также ограничения системного и структурного характера, которые эти семьи испытывали из-за особенностей организации этих систем и структур. В качестве примера приведу систему налоговых вычетов, которая, являясь одним из основных источников дохода для большинства семей, вместе с тем причиняла им и большую часть неприятностей: все семьи, с которыми мы работали, сталкивались с ошибочным переначислением налоговых вычетов, которые им впоследствии приходилось возмещать. Причинами таких переначислений могли стать как внутренние ошибки делопроизводства, так и изменения в материальном статусе семьи, информация о которых фиксировалась с опозданием или же терялась между инстанциями. Приведу пример разорительных последствий даже небольших переначислений: если семья получала в неделю на 5 фунтов больше положенного, такая прибавка

[9] Ранее известна как ESRO.

не сказывалась на недельном бюджете и расходилась на базовые нужды. Но к тому моменту, как ошибку замечали, сумма переначисленных пособий к возмещению могла достигнуть 52 x 5 = 260 фунтов. Такая сумма для большинства семей была совершенно неподъемна. В некоторых случаях учреждения пытались пойти навстречу семьям, вычитая переначисленную сумму из последующих еженедельных платежей, но эти еженедельные вычеты на протяжении целого года еще больше усложняли составление бюджета. Несмотря на то, что были предусмотрены определенные механизмы защиты семей, застраховаться от таких ошибок сами семьи не могли.

Во введении к этой статье я описала кейс с дальнобойщиками на пароме. Дальнобойщиков и семьи, подобные семье Софи, объединяло одно очень важное прискорбное обстоятельство: в попытках помочь этим людям организации воспринимали их, и, соответственно, взаимодействовали с ними однобоко, видя в них только «пользователей» услуги. Более того, такое понимание сбрасывало со счетов сложную социальную, культурную и интеллектуальную жизнь, которую вели эти люди, нарративы, которые они создавали и оспаривали, смыслы, которые они конструировали, и яркое полотно их социальных связей. Осмелюсь утверждать, что организации и компании, с которыми мы ежедневно контактируем, воспринимают каждого из нас точно так же индивидуалистически и одномерно.

По самой своей природе организации, создающие, проектирующие и продающие продукты, программы или услуги, склонны довольно узко понимать людей, которым предстоит покупать, получать выгоду или как-то иначе пользоваться плодами деятельности этих организаций. Организации предрасположены думать о людях, для которых предназначены их продукты, в контексте программ или услуг, которые они уже создали или планируют вот-вот выпустить. Основная цель воображаемых людей в таких ситуациях — приобрести, воспользоваться или вступить в иного рода взаимодействие с исходным продуктом (продуктами) или услугой (услугами), созданными организацией. Этот редукционизм отчасти эффективен. Без сомнения, именно этот крайне узкий подход позволяет организациям направлять ресурсы — человеческие и материальные — на производство этих продуктов или услуг и создание систем, необходимых для реализации таких планов. В условиях ограниченных ресурсов (будь то ограничения реальные или воображаемые) для снижения затрат и скорейшего достижения конечной цели полезно держать в уме конечных пользователей услуг или продуктов, на чьи деньги предполагается обменивать эти услуги и продукты. Этот консьюмеристский нарратив проникает в правительственные и некоммерческие организации: здесь цель состоит не в получении и увеличении прибыли, а в экономии бюджета или обеспечении экономической эффективности, которая в результате приводит к экономии бюджета (поскольку, например, для тех же задач требуется меньше персонала) или иной количественно оцениваемой выгоде. Чтобы существовать, частным компаниям нужны клиенты, бюджетным учреждениям — граждане,

некоммерческим организациям — подопечные. С точки зрения практически любой организации, большая часть людей — либо действующие пользователи конкретного товара или услуги этой компании, либо потенциальные пользователи, либо те, кто никогда их пользователями не станет. Такой нарратив позволяет акционерам и сотрудникам решать, стоит ли создавать продукт, как его продвигать, а затем — делать выводы из его успеха или провала на рынке.

Проводимые в большинстве организаций исследования, будь то маркетинговые, потребительские, пользовательские, дизайнерские или иные человекоориентированные исследования, нередко воспроизводят и закрепляют подобный редукционизм и индивидуализм. В прикладной сфере, как и в большинстве научных дисциплин (хотя, пожалуй, к антропологии это не относится), при оценке, разработке и проведении человекоориентированных исследовательских проектов в качестве критерия используют количество опрошенных и исследуемых лиц. Для большинства организаций исследовательская деятельность — это затраты или расходы, а оценка их стоимости (независимо от того, проводятся ли исследования штатными сотрудниками или внешними подрядчиками) зачастую основывается на количестве предполагаемых информантов и исследователей, привлекаемых на проект. Это особенно верно для качественных методов исследования, которые используются для оценки концепций и прототипов продуктов и их последующего тестирования. Результаты и стоимость большей части исследований, которые я когда-либо продавала, заказывала или проводила, оценивались, в том числе, по количеству людей, которых опрашивали или наблюдали. К слову сказать, такой взгляд на вещи формирует представление о дороговизне качественных исследований, которые выстраиваются на более глубоком взаимодействии с пользователями или клиентами. В прикладной «этнографии» исследователи проводят много времени с небольшим кругом «пользователей». В этом смысле качественные исследования проигрывают тем методам, которые позволяют охватить «опыт» множества пользователей в более короткие сроки. В рамках прикладного этнографического исследования можно день-другой провести с одним «пользователем» и его окружением, в то время как исследования, основанные на одних лишь интервью, способны уместить 6–8 сеансов тестирования или интервью с пользователями в один день.

Что бы ни было первопричиной такого «туннельного зрения», проблема заключается в том, что они не только ошибочны, но и могут иметь негативные последствия для всех причастных. Глубинные предпосылки мифа о «людях как пользователях» лежат в самой капиталистической идеологии. Аспект, на котором я хочу остановиться отдельно, это индивидуализм как одно из порождений капитализма, идущее рука об руку с его идеологией и практикой. Отношение к людям как к «пользователям» чрезмерно полагается на понимание людей через рамку индивидуализма. Это унаследованное представление не только упрощает реальную картину, способствуя восприятию людей как покупателей или в контексте их взаимодействия с тем или иным продуктом или

программой, но также индивидуализирует их, сводя до не связанных друг с другом, атомизированных субъектов агентности. Рассматривать людей прежде всего как «пользователей» значит выключать их из сложной системы социальных отношений, которые определяют их в большей степени, чем ситуативно-обусловленные роли потребителя, пользователя или клиента. На это можно возразить, что мы живем в индивидуалистическом обществе и что корпоративный «индивидуализм» и исследования, проводимые организациями, попросту отражают склонность нашего общества считать за свою базовую единицу отдельную личность. Как бы то ни было, сами методы, которые выбирают исследователи, работая на ту или иную организацию, могут способствовать как закреплению, так и опровержению мифа о тотальном индивидуализме.

Индивидуализм является определяющей характеристикой жизни капиталистических обществ западного типа. И все же, идеология и практика индивидуализма никогда не существуют сами по себе, отдельно друг от друга, не становятся они и обязательной конечной точкой перехода к капиталистическому обществу. Это утверждение относится к центральному принципу антропологии и ее важнейшему открытию относительно природы современных промышленно развитых обществ: подобно тому, как современная политика по-прежнему связана с вопросами родства и близости, современная экономика формируется мифом не в меньшей степени, чем деньгами. Роббинс, вновь обратившись недавно к труду Дюмона об индивидуализме, пишет, что, по мнению Дюмона, «поскольку человеческая жизнь в реальности является общественной, постольку индивидуализм всегда обнаруживается в сочетании с холизмом», и полностью индивидуалистических обществ история не знает. Роббинс утверждает: вместо того, чтобы говорить о двух абсолютно разных типах общества, мы должны «рассматривать различные пути развития ценностных установок, свойственных всем социальным формациям, которые на самом деле разделяют фундаментальную приверженность холизму — даже если таковая не признается. К тому же, если в формациях, признающих ценность индивидуализма, его преобразующая работа никогда не заканчивается, то такие формации с необходимостью должны быть динамичными — такими, в которых индивидуализм пытается завоевывать позиции, создавая социальное и идеологическое движение, то продвигаясь вперед, то отступая от сфер, которые пытается организовать» [Robbins 2015: 174].

Именно эти противоречия индивидуалистических и неиндивидуалистических тенденций, индивидуалистических нарративов и неиндивидуалистических мифов обнаружили себя в ходе моего исследования семей, подобных семье Софи. Одно из выявленных нами убеждений у чиновников, формировавших социальную политику и предоставлявших социальные услуги, заключалось в том, что в основе плачевного положения таких семей лежит личный выбор и лень, и что некоторые их проблемы можно решить путем, опять-таки, личного выбора. Вместе с тем, в этих же кругах преобладал еще один нарратив, излагавший, по

сути, очередную версию мифа о «культуре бедности». Согласно ему, такие семьи, как у Софи, были предположительно неспособны принимать разумные с финансовой точки зрения решения из-за приобретенной склонности к саморазрушительному образу жизни, унаследованных ошибочных представлений о мире, и на том простом основании, что они вместе с другими семьями, поколение за поколением, спускались все ниже в глубины нищеты и прозябания. Помимо очевидных противоречий между приведенными представлениями об этих семьях, разработанные для них механизмы поддержки рассматривали своих клиентов преимущественно как отдельных субъектов.

Привлечение внимания к взаимосвязанным аспектам человеческого опыта, как бы ни затушевывали их индивидуалистическими нарративами и ценностными установками индивидуализма — пример вклада, который антропологи могут сделать на благо общество в целом. В этом смысле наиболее значимые положительные изменения принесли два направления нашей работы. Во-первых, мы собрали истории семей — истории, подчеркивающие их агентность и раскрывающие различные взаимосвязанные аспекты их положения. Во-вторых, мы изменили ход мыслей профессионалов, разрабатывающих услуги, и установили связь между службами, предоставляющими эти услуги семьям. В данном случае сервис-дизайн использовался для внедрения в организации холистического подхода. И хотя сервис-дизайн ([Hasbrouck 2015] в аналогичном ключе использует термин «этнографическое мышление»), бесспорно, не единственное возможное решение подобных задач, в его практике используется язык, который многие организации уже без труда понимают или уже на нем говорят.

Сервис-дизайн: анализ кейса

Происхождение и практическое применение сервис-дизайна подробно задокументировано другими исследователями [Stickdorn et al. 2010, Polaine et al. 2013]. Я же ставлю своей целью показать особое сходство между антропологическим мышлением и сферой сервис-дизайна, которое проявляется в более комплексном подходе к человеческому опыту в сравнении с другими дизайн-практиками, и доказать, что сервис-дизайн поможет нивелировать индивидуалистический крен мифа «человека-пользователя».

Сервис-дизайн — это разработка услуг, направленная на повышение удобства и эффективности их использования, удовлетворенности и лояльности клиентов в любых средах и типах коммуникации, для разных продуктов и людей. В рамках индустрии и практики дизайна сервис-дизайн смещает фокус с проектирования *вещей* и эпизодических *взаимодействий* к так называемому «целостному опыту». Он может охватывать как традиционные объекты дизайна — физические товары, цифровые интерфейсы, графическую коммуникацию, указатели и навигацию, так и дизайн целых систем взаимодействий, который может включать все вышеперечисленное, наравне с повседневным человеческим

взаимодействием — в живой, нецифровой среде. Сервис-дизайн, как правило, затрагивает и внешние, и внутренние процессы; он пытается формировать не только клиентский или пользовательский опыт, но и бизнес-процессы и организационные перемены, необходимые для поддержания эффективности сервиса. Большинство проектов в сервис-дизайне начинаются с качественного исследования, которое предполагает более глубокий и системный подход к будущим пользователям услуг или бенефициарам. Сервис-дизайн ставит своей целью не улучшение отдельно взятого продукта или разового взаимодействия с ним, но создание целой системы продуктов и взаимодействий, а потому рассматривает данные в гораздо более широком контексте. Если бы, например, в таком проекте участвовала медицинская клиника, то исследователи вполне могли бы сопровождать пациентов на всем протяжении визита — из дома, откуда они записались к врачу по телефону или через интернет, до прибытия в клинику, в приемном покое, в регистратуре, при общении с регистраторами, медсестрами и врачами — и всю дорогу домой. Подобное исследование также потребовало бы понимания самой клиники и ее функционирования, так что понадобилось бы и ее исследование и наблюдение — от суток до нескольких дней. С точки зрения сервис-дизайна, взаимодействие человека с продуктами, сервисами и другими людьми происходит не изолированно — напротив, все эти взаимодействия складываются в единый путь или цельный опыт. В командах, занимающихся сервис-дизайном, широко представлены различные типы специалистов в области дизайна, в число которых могут входить заинтересованные ученые, технологи, графические дизайнеры и дизайнеры коммуникаций, проектировщики и промышленные дизайнеры, специалисты по брендированию и маркетингу, бизнес-стратеги, команды по сопровождению клиентов и работе с ними, специалисты по продажам и др. Поскольку в проектах по сервис-дизайну, как правило, задействовано сразу несколько отделов, они подотчетны более высокопоставленным сотрудникам организации и воспринимают их как своих стейкхолдеров[10].

Безусловно, сервис-дизайн — не панацея против индивидуализма и восприятия людей исключительно как пользователей, покупателей или получателей определенных услуг. Отличительная черта сервис-дизайна среди других областей дизайна и связанных с ним исследований вовсе не обязательно заключается в неиндивидуалистической исследовательской оптике — скорее, в более широком наборе предлагаемых решений. Многие проекты в сервис-дизайне рассматривают в качестве объекта исследований тех же людей, с которых начинается исследование «пользователей» и «потребителей». Не менее важно то, что, подобно любому другому направлению дизайна и всякой «инновационной» дисциплине, сервис-дизайн не застрахован от критики, направленной на дизайн вообще. Этнографическая работа Уилфа, посвященная «инновационным» практикам, хоть и не рассказывает конкретно о сервис-дизайне,

[10] Термин «стейкхолдер» пришел в социальные науки из менеджмента в значении «заинтересованная сторона» [Белоусов 2013]. *Прим. пер.*

но указывает на проблемы дизайн-дисциплин, связанные с одержимостью стикерами и мозговыми штурмами — практиками, ведущими к деконтекстуализации «псевдоданных», часто получаемых из воздуха [Wilf 2016: 736–741] и двусмысленных до такой степени, что они могут быть интерпретированы как угодно, так что нормальными научными методами и практиками их не проверить. Он также описывает наклонность к «ритуальному инсайту»[11]: идеям приписывается ценность не в силу их объективных достоинств, а только лишь на том основании, что они помещены в зримо опознаваемый шаблон или рамку, уже считающиеся престижными или капитализованными [Wilf 2016: 741–747]. Там, где сервис-дизайн подкреплен исследованиями недостаточно — или вообще ими не подкреплен — он может сталкиваться с теми же проблемами. Кроме того, сервис-дизайн подчиняется общей капиталистической логике дизайна вообще, из которого он происходит, и испытывает такое же давление, что и другие отрасли дизайна. Критикуя практики бизнес-инноваций с этнографических позиций, Уилф пишет:

> Одним из аспектов перехода к гибкому накоплению, которому уделяется меньше академического внимания, чем этим технологиям, является то, что Харви назвал «ускорение темпов внедрения инновационных продуктов вместе с освоением узкоспециализированных и маломасштабных рыночных ниш» [Harvey 1990: 156]. Гибкость накопления зависит не только от сокращения времени оборачиваемости капитала за счет более эффективных технологий производства и распределения, но и от более быстрой генерации идей для новых продуктов и услуг [Wilf 2016: 732].

Сервис-дизайн не имеет никакого «природного» иммунитета к этим ограничениям. При этом, как и всякая отрасль дизайна, сервис-дизайн может эффективно использоваться для широкого круга задач и организаций, с самым разным результатом. Здесь нет ничего по определению этичного или неэтичного. Антропологи, участвующие в проектах сервис-дизайна, должны точно так же внимательно рассмотреть цели проекта и рабочие практики организации-заказчика (см. также [Wasson 2000: 378]), чтобы принять решение об участии в проекте и формах такого участия.

Я полагаю, что сервис-дизайн, по крайней мере — теоретически, совместим с антропологической оптикой, предполагающей широкий взгляд на все многообразие и сложность человеческого опыта и взаимодействий в реальной жизни. Сервис-дизайн рассматривает различные типы взаимодействий, в которые вступают люди, а также «внешние» (общественно видимые) и «внутренние» (происходящие внутри организаций) отношения и процессы, которые происходят или должны происходить, чтобы дать начало системам, развивающим более холистический в своей основе опыт или траектории. Стремясь учитывать организационные процессы и структуры, лежащие в основе «услуг», и стараясь влиять

[11] Уилф говорит о ритуализированном процессе получения инсайтов, производства идей в рамках популярных бизнес-методик. Подобные технологии помогают оперативно вырабатывать решения в условиях управленческого запроса на ускорение производства и хронической нехватки времени на обстоятельный анализ данных. *Прим. пер.*

на них, сервис-дизайн в итоге дает более холистическую перспективу и хорошо вписывается в антропологическое мышление.

Чтобы объяснить потенциальное влияние сервис-дизайна и то, как тут может помочь антропологический образ мысли, я хотела бы вернуться к упомянутому выше проекту, предполагавшему изучение малообеспеченных семей графства Кент. Исследование, проведенное мной совместно с моим коллегой Робином Фэроу, выявило множество способов, с помощью которых семьи, подобные семье Софи, адаптируются к решению многочисленных проблем системного характера и справляются с ними — с помощью сложных социальных взаимодействий и отношений. Оно также выявило негативное воздействие на эти отношения некоторых государственных услуг, созданных из вполне благих побуждений, а также всепроникающее и устойчивое воздействие стигмы. Но что важнее всего, мы выявили некоторые из чрезвычайно сложных и тонких навыков финансового планирования, свойственных семьям с низким доходом, и указали на удивительную стойкость этих людей перед лицом практически непреодолимых трудностей. Исследование также показало, что ни одна из инстанций, предоставляющих услуги Софи и ее детям, не контактировала с другой, и что Софи каждый раз приходится серьезно перестраиваться, обращаясь в очередную контору; перед каждым из этих учреждений она предстает как пользователь данной конкретной услуги, и не более.

В рамках исследования образа жизни семей графства Кент и особенностей их взаимодействия с учреждениями соцзащиты мы сотрудничали с лондонским агентством сервис-дизайна Engine. Чтобы выдвинуть новые идеи улучшения услуг, оказываемых этим слоям населения, мы провели серию совместных мастер-классов с властями Кента, другими госслужащими, соцработниками, учителями и местными предпринимателями. Графство Кент уже начало работу по реструктуризации и обновлению системы разработки и внедрения политических решений — собрало в правительстве графства новую команду, группу экспертов под названием «лаборатория социальных инноваций Кента». Название нашего отчета — «Справляемся, как можем» — свидетельствует об изменении дискурса и понимания Советом определенных категорий граждан. Многие из чиновников, разрабатывавших и внедрявших решения и программы для таких семей, воспринимали их как жертв и «порочного круга бедности[12]», и их же собственной предполагаемой «культуры бедности». В наших ранних интервью также подспудно звучало опасение, что многие люди лгут при заполнении анкет на пособия, чтобы получить их в обход закона — популярная британская пресса зовет таких «халявщиками на пособиях». Наше исследование позволило

[12] Cycle of poverty — экономический термин, предложенный в работах Ханса Зингера и Рауля Пребиша. Согласно «Современному экономическому словарю» — «проблема, характерная для развивающихся стран, состоящая в том, что низкий доход не позволяет осуществлять сбережения, а следовательно, инвестиции, в масштабах, необходимых для развития производства, увеличения доходов. В итоге бедность порождает бедность. Чтобы вырваться из этого круга бедности, необходимы внешние или внутренние источники инвестиций в экономику» [Райзберг, Лозовский, Стародубцева 2011]. *Прим. пер.*

чиновникам-управленцам и другим причастным начать думать о таких семьях как об обладающих собственной агентностью в сложившейся тяжелой жизненной ситуации и реализующих эту агентность в отношении госслужб, других семей, предприятий и некоммерческих организаций. Власти смогли изменить свои подходы, с учетом как точки зрения самих семей, так и взаимосвязи семей, организаций и учреждений.

Само исследование и результаты применения командой методов сервис-дизайна имели далеко идущие последствия. Проекты, родившиеся в результате использования методов сервис-дизайна, включали в себя:

- Новую, более гибкую систему подачи заявлений на пособие и их рассмотрения. Раньше семьи графства Кент получали услуги от целого ряда различных департаментов и служб; каждый из органов воспринимал семьи исключительно как получателей собственных услуг и так с ними взаимодействовал. Многие семьи не имели представления о полном перечне услуг, на которые они могли претендовать, да и клеймо получателя пособий удерживало многих от самого обращения за ними — которое само по себе представляло непосильную бюрократическую волокиту. Отсутствие коммуникации между госслужбами также приводило к переначислению дотаций, о котором мы рассказывали выше, а когда семьям приходилось возмещать неправомерно начисленные средства, это ставило их в опасную зависимость от нелегальных кредиторов.
- Эта система также потребовала тесного сотрудничества между различными ведомствами и новых способов обмена информацией, чтобы обеспечить семьям максимальный доступ к программам и помочь избежать разорительных последствий переначисления пособий.
- Помимо вышеописанной инициативы, Совет организовал службы одного окна, где семьи могли подключиться сразу к целому ряду сервисов и воспользоваться для этого помощью консультанта.
- Исследование также привело к нескольким инновационным партнерствам между Советом, местным бизнесом и некоммерческими организациями, например, к программам коллективных мелкооптовых закупок, которые давали семьям доступ к большим скидкам, обычно свойственным для оптовых закупок продуктов (которые требуют больших первичных инвестиций), и к проекту по продвижению более вовлеченного отцовства.

Холистический этнографический исследовательский подход и дизайн-метод, учитывавший все аспекты общественной жизни семей в графстве Кент и их взаимодействия с госслужбами, предприятиями и некоммерческими организациями и направленный на пересмотр устоявшихся суждений и методов работы внутри организации, помогли добиться наилучшего возможного исхода и для Совета графства Кент, и для семей, с которыми мы работали. Этот метод помог выявить и начать борьбу с социальной изоляцией, с которой сталкивались эти семьи — во многом из-за индивидуалистических предрассудков, сопровождающих культурную логику развитого капитализма. Многие из достигнутых нами результатов были достигнуты благодаря осознанию имеющихся

потенциала и возможностей уже существующих общественных отношений, пересобранных, поддержанных и систематизированных посредством новых программ с бюджетным финансированием.

«Человечный» дизайн и дизайн-антропология как форма вовлеченной антропологии

Антропологи, работающие за пределами академического поля, сталкиваются со специфическими моральными дилеммами. Пожалуй, иногда их инструменты служат продвижению интересов бизнеса, госорганов и других организаций, обладающих значительной властью над простыми людьми и несоразмерной — над обездоленными. Деятельность антропологов и не чуждых антропологическому мышлению специалистов, состоящих на службе у таких организаций, может способствовать росту неравноправия между субъектами исследования и теми, кто извлекает из этих исследований выгоду. И все же, некоторые антропологи подвергли сомнению тезис, что работа антропологов, в частности — в области дизайна, по определению неэтична по сравнению с академическими исследованиями [Cefkin 2009, Hale 2016, Ladner 2014]. И Сефкин, и Лэднер говорят о невозможности совершенно отделить рыночную деятельность и стремление к получению прибыли от научных исследований [Cefkin 2009: 2, Ladner 2014]. Лэднер указывает на то, что ученые-антропологи зачастую получают не меньшую личную выгоду, чем их коллеги в коммерческом поле; однако прикладным антропологам приходится учитывать еще и совокупную выгоду компаний и организаций, на которые они работают. Я не раз писала, что перед нами, антропологами, стоит выбор: либо наблюдать, как другие занимаются дизайном и конструируют системы, в которых мы живем, либо помогать направлять этот процесс [Hale 2016: 211]. Здесь мне хотелось бы пойти дальше и предположить, что антропологи могут и должны эффективно работать в организациях, чтобы гарантировать соответствие их деятельности общечеловеческим интересам, минимизировать риск причинения вреда и помогать улучшению жизни обычных людей.

Те из нас, кто готов сотрудничать с некоторыми из этих организаций, несмотря на их недостатки, вынуждены задуматься о том, что еще мы можем сделать в этом сотрудничестве, кроме этнографического исследования? Читатель может возразить, что хорошая этнография всегда холистична; она учитывает сложные взаимосвязи между людьми, между различными аспектами общественной жизни, в том числе организации и структуры, в которых они существуют. И это верно. Однако, по моему опыту, приверженность «правильной» этнографии весьма незначительно помогала повлиять на людей и организации. Сервис-дизайн предлагает как минимум один способ применения холистического мышления в целях инноваций.

Антропологи, с их эмной оптикой и внимательным наблюдением за повседневным опытом, практиками и смыслообразующей деятельностью

обычных людей и со способностью устанавливать эмпатическую связь посредством сторителлинга, занимают уникальную позицию для того, чтобы взывать к воображению власть имущих. Я уже писала, что некоторые отличительные преимущества антропологического мышления издавна недооцениваются в деловой сфере по сравнению с относительным успехом других антропологических подходов, которые просочились в коммерческую сферу в форме эмпатии и выстраивания более устойчивого и глубокого взаимодействия с людьми. В частности, до сих пор не в полную силу использован потенциал присущего антропологии холистического мышления. Холистический подход, предлагаемый антропологическим мышлением, и искусство сервис-дизайна, создающее структуру, в которой возможны мышление и деятельность такого рода, могут оказаться весьма ценны и для организаций, и для обслуживаемых теми людей. Антропологи способны неустанно и своевременно напоминать о том, что даже в моменты потребления мы как люди действуем не обособленно, но как части разветвленных сетей и взаимосвязанных систем, объединяющих людей, которых невозможно свести к «пользователям».

В своих размышлениях о сферах дизайна и инноваций Сачмен пишет, что «критическая антропология дизайна, в конечном счете, должна начинаться с проблематизации принятых за данность профессиональных терминов, включая... инновации и идеи, лежащие в основе этой дисциплины» [Suchman 2016: 754]. Сачмен рассматривает соотношение между антропологией и дизайном как имманентную оппозицию, в которой дизайн и инновация представляют собой весьма непростые предметы антропологического изучения, а главная задача антропологии — «выразить те культурные представления и микрополитику, которые очерчивают перспективы и практики дизайна» [Suchman 2011: 3]. В рамках этой схемы, по ее мнению, почти не остается места для того, что она называет «переосмысленная антропология в качестве (или для) дизайна» [Suchman 2011: 3]. Уилф же, опираясь на критику Сачмен, напротив, утверждает, что антропология для дизайна и критическая антропология дизайна могут продуктивно сочетаться [Wilf 2016: 735]. В настоящей статье была предпринята попытка продемонстрировать плодотворную область как раз на пересечении «антропологии для дизайна» и «антропологии дизайна». Исходя из представленных примеров, можно предположить, что холистическое мышление, предлагаемое антропологией, может использоваться для развенчания мифа о людях как «пользователях» и его индивидуалистической «подкладки». Кроме того, полученные таким образом знания могут лечь в основу новых решений и проектов, основанных на ином источнике истины и признании неразрывной связи между людьми и организациями. Холистический антропологический метод воспринят сервис-дизайном, поскольку последний стремится менять не только продукты и услуги, но и сами организации, которые их производят. Дизайн-антропология позиционирует себя как возможная форма вовлеченной антропологии и способ помочь дизайну ставить в центр не просто человека, но человечность.

Литература

Белоусов, К. Ю. (2013). Эволюция взглядов на роль управления заинтересованными сторонами в системе устойчивого развития компании: Проблема идентификации стейкхолдеров. *Проблемы современной экономики, 48*(4), 418–422.

ГОСТ Р ИСО 9241-210-2012 Эргономика взаимодействия человек-система – Часть 210: Человеко-ориентированное проектирование интерактивных систем. (2013). Москва: Стандартинформ.

Райзберг, Б. А., Лозовский, Л. Ш., Стародубцева, Е. Б. (2011). *Современный экономический словарь.* Москва: ИНФРА-М.

Anderson, K. (2009). Ethnographic research: A key to strategy. *Harvard Business Review, 87*(3). Retrieved from https://hbr.org/2009/03/ethnographic-research-a-keyto-strategy

Beers, R. (2014). *Humanizing organizations: Researchers as knowledge brokers and change agents*. Wells Fargo Bank N.A. Unpublished manuscript.

Cefkin, M. (2009). *Ethnography and the corporate encounter: Reflections on research in and of corporations.* New York: Berghahn Books.

Goleman, D., McKee, A., Waytz, A. (2017). *Empathy.* Harvard: Harvard Business Review, HBR Emotional Intelligence Series.

Hale, T. (2016). Meeting the Yeti: Learning about design ethnography and teaching. Anthropological habitus in a student-led project on "Disconnection". *Annals of Anthropological Practice, 40*(2), 207–218.

Harvey, D. (1990). *The condition of postmodernity: An inquiry into the origins of cultural change.* London: Wiley.

Hasbrouck, J. (2015). *Beyond the toolbox: What ethnographic thinking can offer in a shifting marketplace*. EPIC Proceedings.

Howell, S. (2017). Two or three things I love about ethnography. *HAU: Journal of Ethnographic Theory, 7*(1), 15–20.

Jordan, A. (2003). *Business anthropology.* Long Grove: Waveland Press.

Ladner, S. (2014). *Practical ethnography: A guide to doing ethnography in the private sector.* Walnut Creek, CA: Left Coast Press.

Parker, S., Pharoah, R., Hale, T. (2008). *Just coping: New perspectives on low income families*. Kent County Council: Social Innovation Lab Kent. Retrieved from http://socialinnovation.typepad.com/silk/files/JustCoping-SILK.pdf

Polaine, A., Lovlie, L., Reason, B. (2013). *Service design: From insight to implementation.* Rosenfeld Media.

Robbins, J., (2015). Dumont's hierarchical dynamism: Christianity and individualism revisited. *HAU: Journal of Ethnographic Theory, 5*(1), 173–195.

Stickdorn, M., Schneider, J. (2011). *This is service design thinking: Basics, tools, cases*. Amsterdam: BIS Publishers.

Suchman, L. (2011). Anthropological reflections and the limits of design. *Annual Review of Anthropology, 40*(1), 1–18.

Suchman, L. (2016). Cogs in the wheel of innovation. *Current Anthropology, 57*(6), 754–755.

Wasson, C. (2000). Ethnography in the field of design. *Human Organization, 59*(4), 377–388.

Wilf, E. (2015). Routinized business innovation: An undertheorized engine of cultural evolution. *American Anthropologist, 114*(4), 679–692.

Wilf, E. (2016). The post-it note economy: Understanding post-Fordist business innovation through one of its key semiotic technologies. *Current Anthropology,* 57(6), 732–760.

References

Anderson, K. (2009). Ethnographic research: A key to strategy. *Harvard Business Review, 87*(3). Retrieved from https://hbr.org/2009/03/ethnographic-research-a-keyto-strategy

Beers, R. (2014). *Humanizing organizations: Researchers as knowledge brokers and change agents*. Wells Fargo Bank N.A. Unpublished manuscript.

Belousov, K. (2013). The evolution of viewpoints on the stakeholder management role in a sustainable corporate development system: The stakeholder identification problem. *Problems of Contemporary Economy. 48*(4), 418–422. (In Russian).

Cefkin, M. (2009). *Ethnography and the corporate encounter: Reflections on research in and of corporations.* New York: Berghahn Books.

Goleman, D., McKee, A., Waytz, A. (2017). *Empathy.* Harvard: Harvard Business Review, HBR Emotional Intelligence Series.

Hale, T. (2016). Meeting the Yeti: Learning about design ethnography and teaching. Anthropological habitus in a student-led project on "Disconnection". *Annals of Anthropological Practice, 40*(2), 207–218.

Harvey, D. (1990). *The condition of postmodernity: An inquiry into the origins of cultural change.* London: Wiley.

Hasbrouck, J. (2015). *Beyond the toolbox: What ethnographic thinking can offer in a shifting marketplace*. EPIC Proceedings.

Howell, S. (2017). Two or three things I love about ethnography. *HAU: Journal of Ethnographic Theory, 7*(1), 15–20.

ISO 9241-210:2012 Ergonomics of human-system interaction — Part 210: Human-centered design for interactive systems (2013). Moscow: Standartinform. (In Russian).

Jordan, A. (2003). *Business anthropology.* Long Grove: Waveland Press.

Ladner, S. (2014). *Practical ethnography: A guide to doing ethnography in the private sector.* Walnut Creek, CA: Left Coast Press.

Parker, S., Pharoah, R., Hale, T. (2008). *Just coping: New perspectives on low income families*. Kent County Council: Social Innovation Lab Kent. Retrieved from http://socialinnovation.typepad.com/silk/files/JustCoping-SILK.pdf

Polaine, A., Lovlie, L., Reason, B. (2013). *Service design: From insight to implementation.* Rosenfeld Media.

Raizberg, B. A., Lozovskiy, L. S., Starodubtseva, E. B. (2011). *The dictionary of modern economics.* Moscow: INFRA-M. (In Russian).

Robbins, J., (2015). Dumont's hierarchical dynamism: Christianity and individualism revisited. *HAU: Journal of Ethnographic Theory, 5*(1), 173–195.

Stickdorn, M., Schneider, J. (2011). *This is service design thinking: Basics, tools, cases*. Amsterdam: BIS Publishers.

Suchman, L. (2011). Anthropological reflections and the limits of design. *Annual Review of Anthropology, 40*(1), 1–18.

Suchman, L. (2016). Cogs in the wheel of innovation. *Current Anthropology, 57*(6), 754–755.

Wasson, C. (2000). Ethnography in the field of design. *Human Organization, 59*(4), 377–388.

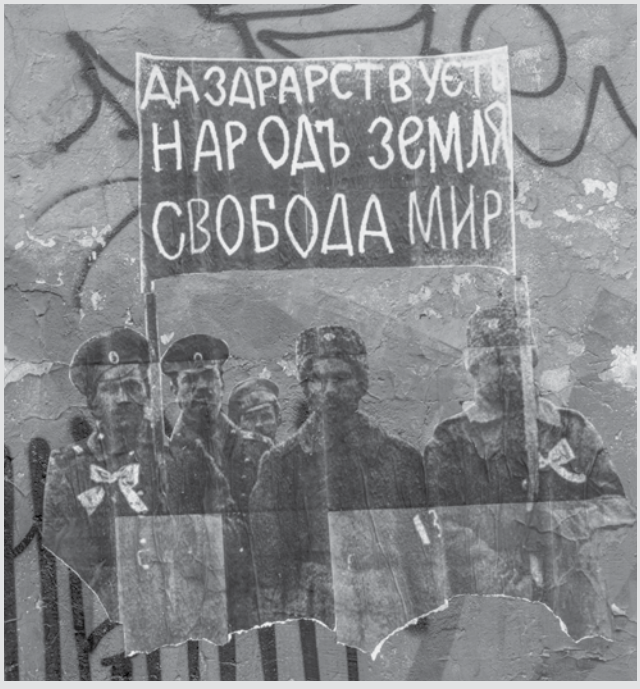
Wilf, E. (2015). Routinized business innovation: An undertheorized engine of cultural evolution. *American Anthropologist, 114*(4), 679–692.

Wilf, E. (2016). The post-it note economy: Understanding post-Fordist business innovation through one of its key semiotic technologies. *Current Anthropology, 57*(6), 732–760.

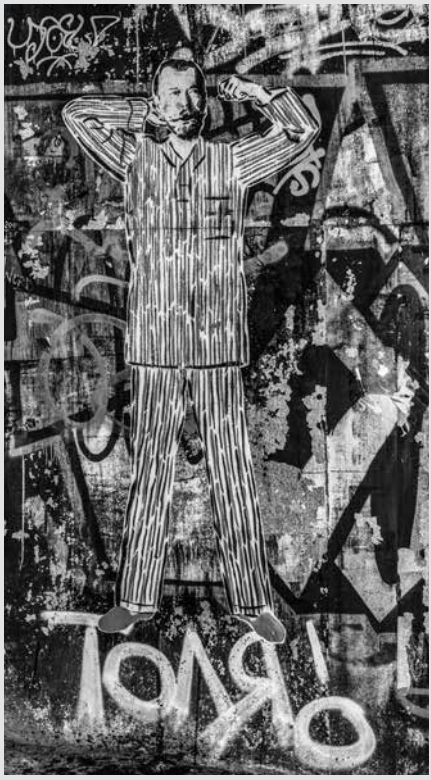
ДЕТАЛИ ГОРОДА

Стрит-арт как памятник

Иногда кажется, что в городе не хватает памятников, и хочется, чтобы их было больше. Художники, работающие с городом, могут сделать это без согласований, партизанскими методами. Питерская художница Зоя рисует постеры и клеит их на аварийные здания, подворотни и будки электрических подстанций. Так она отдает дань памяти важным для нее людям или событиям, или делает новостройку похожей на старый район, помещая на здании рисунок льва из эпохи классицизма. Портрет деда – моряка-балтийца, память о февральской революции, воспоминание о прогулке 1 мая с флажком – эти сюжеты важны не только для художницы, но и для других горожан.

ТРАНСФОРМИРУЯ ГОРОД: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Локальный текст, фольклор и паблик-арт в нефтяном моногороде: Альметьевск

НИКИТА ВИКТОРОВИЧ ПЕТРОВ[1], [2], [3]

✉ NIK.VIK.PETROV@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0002-2467-9535

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2]Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
[3]Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Петров, Н. В. (2019). Локальный текст, фольклор и паблик-арт в нефтяном моногороде: Альметьевск. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 74–105. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-74-105.

В статье рассказывается об опыте междисциплинарного взаимодействия при разработке паблик-арт программы «Сказки о золотых яблоках» и методе работы с заказным искусством в городской среде промышленного российского города. Для реализации арт-программы были приглашены фольклористы, религиоведы, городские антропологи. Исследовательская группа собрала большое количество фольклорного материала, материала устной истории, в результате был написан аналитический отчет о том, как использовать фольклорные и производственные сюжеты в пространстве города. Затем художники воплотили основные сюжеты в городском пространстве. Важно, что именно фольклор и устные воспоминания о прошлом стали концептуальной основой для паблик-арт программы. По результатам прикладного исследования мы выделили три блока историй, которые рассказывали жители Альметьевска: соединение городского и сельского, совместное неконфликтное проживание представителей разных этноконфессиональных групп, попытку истеблишмента влиться в модный урбанистический тренд.
Уличное искусство включает в себя потенциальную конфликтность изображения с социальным окружением. Мурал «Защитник», изображенный в Альметьевске, наглядно показал, как в случае трансформации городского пространства сверху (со стороны власти и бизнес-элит) при игнорировании интересов и ценностей местных жителей может формироваться ответная активная реакция со стороны собственников и непосредственных пользователей территории. В ситуации изменения внешнего вида городского пространства в процессе паблик-арт программы довольно высока вероятность протестной самоорганизации локальных сообществ.

Ключевые слова: паблик-арт программа, устная история, фольклор, теоретическая фольклористика, постсоветская идентичность, прикладная фольклористика, Татарстан, Альметьевск, муралы, уличное искусство

Работа выполнена в рамках НИР РАНХиГС «Фольклорные идеологии и поведенческие стратегии в современном городе».

Local text, folklore and public art in an oil single-industry city: Almetyevsk

Nikita V. Petrov[1], [2], [3]

✉ nik.vik.petrov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2467-9535

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2]Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
[3]Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia

To cite this article:
Petrov, N. (2019). Local text, folklore and public art in an oil single-industry city: Almetyevsk. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 74–105. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-74-105. (In Russian).

This article describes an interdisciplinary effort between scholars, street artists and curators centered on a public art project, "Tales of the Golden Apples", in an industrial Russian city. This project included research and analysis of the local identity of the city and the region, and translation of it into the language of art. The project's location determined the terms for a new methodological approach. A team of folklorists, religion scholars, ethnographers and urban anthropologists collected folklore beliefs and oral histories characteristic of the region in a series of surveys. An anthropological study based on more than 40 in-depth interviews and ethnographic fieldwork was carried out in Almetyevsk region. Street artists were then asked to create works of art based on oral histories and folklore material gathered by the researchers. It is important that it was specifically folklore and oral memories of the past that became the basis for the public art program, and this initiative may be called one of the possible applications of what R. Beals wrote of as "applied folklore" in the 1950s. According to the results of this applied research, we have identified three blocks of oral narratives transmitted by the residents of Almetyevsk: 1) the connection of the urban and the rural, 2) the peaceful co-existence of different ethnic and religious groups within the city, 3) the attempt of the establishment to join the cutting-edge urbanistic trend. The analytical paper was employed by the curators of the public-art program and artists to incorporate folklore and oral history into the space of the city. Street art and public art revealed the "ugly truth" about the city to its residents. The Defender mural by the artist Fikos in Almetyevsk has demonstrated how a public art painting can provoke active protest from the local community. Thus, redesigning urban space under the public art program was quite prone to instigate protest self-organization of local Russian and Tatar communities.

Keywords: public art program, oral history, folklore, theoretical folklore studies, post-soviet identities, applied folklore studies, Tatarstan, Almetyevsk, murals, street art

The research was conducted under the RANEPA research project "Folklore ideologies and behavioral strategies in contemporary cities".

Фольклорист в публичном пространстве

Опыт становления российской прикладной антропологии показан Михаилом Алексеевским в статье «Трудности перевода: заметки о развитии прикладной городской антропологии в России» [Алексеевский 2018]. На примере нескольких кейсов автор описывает сложности в понимании того, что называется «городская антропология», методов, с помощью которых исследователи коммерциализируют свой полевой и научный опыт. И если сейчас в России к городским антропологам более или менее привыкли, и прикладная антропология благодаря накопленным исследованиям и реализованным проектам уже не всегда воспринимается как terra incognita, то фольклористика в прикладной ее части продолжает ассоциироваться прежде всего с многочисленными фольклорными фестивалями, где фольклорист (или человек, получивший некоторые знания в области фольклористики) обеспечивает посредничество между стремлением организаторов к аутентичности и тем продуктом, который получается в итоге.

В то же время опыт фольклористов в прикладной сфере начинается с 1930-х годов. Первые имена, связанные с употреблением термина applied folklore, — Бенжамин Альберт Боткин и Ральф Леон Билс [Baron 2008, Beals 1950, Botkin 1945, Botkin 1953]. Боткин писал о прикладном фольклоре и как о способе психологической адаптации людей (мигрантов) к сложной ситуации, в которой они оказались, и как о своеобразной «межкультурной демократии», когда специалисты в области фольклора участвуют в качестве посредников в межгрупповых мероприятиях по установлению культурных контактов между различными этноконфессиональными группами [Botkin 1953: 199–200]. Такая в целом спекулятивная постановка вопроса о прикладном характере фольклора («фольклорист может реформировать общество») позволила тогдашнему патриарху американской фольклористики Ричарду Дорсону обрушиться с уничтожающей критикой на термин applied folklore. В эпоху становления фольклора как академической дисциплины ее прикладной характер[1] мог сыграть негативную роль, во-первых, в финансировании учебных программ, во-вторых, близок был опасный опыт использования фольклора националистическими государствами и диктаторскими режимами [Dorson 1971]. Термин fakelore для обозначения в том числе и прикладного фольклора, введенный в научный оборот Дорсоном, во многом является ответом академического ученого на попытки использовать фольклорный контент в коммерческих и социальных проектах.

Не касаясь сейчас различения терминов applied folklore, public folklore или public sector folklorist, которые употреблялись как контекстные синонимы для обозначения различной внеакадемической деятельности

[1] О сближении академической науки и прикладных проектов в области фольклористики и публичной истории, о теоретическом потенциале фольклориста писал Уильям Линвуд Монтель [Montell 1983: 168–171].

фольклористов[2], множества сфер, где применяется опыт фольклориста (см. [Jones 1994, Фиалкова 2010]), дисциплин, использующих образцы фольклора и записи устной речи в попытках вывести в публичное поле голос молчащего большинства (см., например, [Shuldiner 1998]), остановлюсь на термине, который предпочитаю использовать в публичных репрезентациях работы фольклориста как для коммерческих проектов, так и для открытых лекций — прикладная фольклористика.

На публичных мероприятиях — лекциях и семинарах, посвященных фольклорным исследованиям, — первые 10 минут мне приходится говорить о «привычном» для большинства неподготовленных слушателей понимании фольклора. Когда-то я представил это понимание в виде метафоры: «Когда видишь живого фольклориста, хочется заставить его слушать, как ты играешь на баяне/балалайке или поешь ‹…› песни. Наверное, так же было неловко Шурику в фильме "Кавказская пленница". Этот фильм во многом и сформировал стереотип о фольклористе, приехавшем в деревню записывать "песни, шутки, тосты"» [Петров 2017]. Затем обозначаю то, чем занимаются фольклористы, определяя фольклор как «слова, действия, изображения, которые распространяются, тиражируются, видоизменяются и, включаясь в социальное пространство, выражают личные и коллективные эмоции, часто влияя на поведение людей». Зачастую этого определения достаточно, чтобы провести различие между изучением «танцев и тостов» и сложными и давно междисциплинарными штудиями современных фольклористов. После этого показываю на конкретных кейсах, как работа фольклористов может внести элемент академической науки в конкретные коммерческие проекты, избежать ошибок (или указать на них) в реализации замыслов, где по задумке организаторов главную роль играет фольклорный материал.

Интересно, что позиция «фольклорист в публичной сфере», «фольклорист как консультант» оказывается востребованной в последние несколько лет, а локальный фольклор, попадая в публичную сферу, используется как своего рода лейбл, повышающий символическую стоимость территории. В статье «"Фольклорный брендинг" российских территорий» я уже писал о возможных причинах роста интереса к прошлому, которое зачастую связывается с фольклором. Российские города в рамках этого процесса все чаще либо возвращаются к досоветским символам, либо изобретают новые, чтобы подчеркнуть свою уникальность. Особенно интересно наблюдать этот процесс в городах, созданных в советское время, которые сейчас изобретают новую идентичность, пытаясь создать смысловую и визуальную доминанту, которая бы сделала город нетиповым, непохожим на другие [Alexander 2003, Bassin, Kelly 2016]. При этом как для старых, так и для новых российских городов все более значимым оказывается создание брендов, обладающих такими характеристиками, как «известность», «локальная специфичность» и в определенном смысле «фольклорность» [Петров 2018: 85–86].

[2] См. об этом в продуманной и обобщающей этот аспект проблемы статье Ларисы Фиалковой «Прикладное применение фольклора» [Фиалкова 2010: 150–152].

Паблик-арт и городское пространство

В упомянутой выше работе Лариса Фиалкова перечисляет возможные сферы применения фольклористики как прикладной дисциплины [Фиалкова 2010]. Это фольклор на фестивалях; использование фольклора политтехнологами (агитационные материалы, которые рассылались как святые письма и были рассчитаны на определенные группы населения, листовки разных партий с буквенными обозначениями, трактуемые как позитивные или негативные послания), медицинскими работниками для собирания более точного анамнеза, психиатрами, которые применяют паремии для диагностики болезни Альцгеймера, педагогами, использующими для обучения ученика методы сбора устного интервью, экономистами для понимания реальных, а не заданных экономическими моделями отношений человека с деньгами и т. д. Я бы добавил к этой статье Фиалковой еще одно применение фольклора и фольклористики — реализацию фольклорных сюжетов в произведениях уличного искусства и многочисленных паблик-арт программах.

Паблик-арт — это одна из форм существования современного искусства в общественном пространстве, где искусство находится вне художественной инфраструктуры, она рассчитана на взаимодействие со зрителями разного уровня художественной подготовки. Паблик-арт привлекает внимание к пространству, в котором представлено, и при заказном характере «сверху» иногда сохраняет черты «протестного» стрит-арта [Schacter 2016], так как многие художники начинали работать, создавая объекты стрит-арта.

Частой формой изображения являются муралы (murals) — произведения искусства, нарисованные или нанесенные каким-либо способом непосредственно на стену, потолок или другие постоянные поверхности. Художники органично вписывают муралы в окружающее пространство, подбирая цветовую гамму, детали рисунка и т. д[3]. Художников, работающих с муралами, множество, например греческий Фикос[4], о котором я буду говорить в конце статьи. Таким образом, паблик-арт, вероятно, можно определить одновременно как вектор институализации протестного городского искусства, когда художники должны работать с заказчиками, учитывая их запросы, но при этом пытаются сохранить стиль, манеру и лицо[5].

В исследованиях уличного искусства происходит постоянная проблематизация стрит-арта и паблик-арта, попытки определения их функциональной роли. В частности, обсуждается функционал уличного искусства, которое способно менять человека (ср. с ролью фольклора,

[3] Коллекцию произведений стрит-арта и паблик-арта можно посмотреть на сайте Urbanite, который стремится представить лучшие образцы городской живописи [https://www.urbanitewebzine.com/].

[4] Его работы сделаны в стиле византийской фрески, см. [https://fikos.gr/murals].

[5] Рафаэль Шактер — исследователь уличного искусства — подчеркивает важность этого протестного элемента даже в одобренных сверху муралах, говоря, что не все произведения должны быть красивыми, они должны быть разными, ведь только благодаря восприятию этих различий жители города воспринимают «неприятную правду» о себе, о тех, с кем рядом они живут, и через это понимание подвергают сомнению собственные нравы и моральные принципы [Schacter 2014: 173–174].

который способен менять человека, о чем писал, например, Боткин). Так, муралы, по мнению Рафаэля Шактера, могут изменить не только физическое пространство города, но и мировоззрение зрителя [Schacter 2014].

Одним из проблемных вопросов оказывается и непонимание локального своего рода «духа места», в котором работает художник-муралист. Хавьер Абарка описывает вынужденную изоляцию художника-муралиста от местного контекста, в котором он работает. Автор приводит в пример фестивали уличного искусства, где художник создает свои работы за короткий срок и не успевает познакомиться с культурой места [Abarca 2016].

Эти и другие факторы обусловили и наш подход к исследованию городского текста и татарского фольклора в Альметьевске.

Альметьевск — промышленный город и центр «велосипедизации»

Место действия — Альметьевск — довольно молодой промышленный город, основанный в 1953 году. До этого времени он имел статус села, там проживали в основном татары и башкиры, первые свидетельства о поселении появляются в конце XVIII века. В 70 км от города расположено Ромашкинское нефтяное месторождение — крупнейшее в Волго-Уральской нефтегазоносной провинции. В состав Альметьевского района входят помимо Альметьевска поселок городского типа Нижняя Мактама, 45 сел, 36 деревень, 14 поселков, две станции и два лесничества. Численность жителей Альметьевского района (на 1 января 2016 года) — 204 тысячи человек, из них 151,4 тысячи человек проживают в Альметьевске.

После промышленной революции 1940-х годов, когда нефтедобывающие компании Советского Союза стали активно работать на этой территории, город разрастается, туда приезжает множество рабочих со всего СССР. В этническом отношении в Альметьевске доминируют группы татар и русских. По данным переписи 2010 года в городе живут татары (55%), русские (37%), чуваши (3%), мордва (2%). В Альметьевском районе есть чувашские, татарские, русские и мордовские деревни, в которых основным языком общения является язык этнического большинства. Живущие в городе говорят и по-русски, и по-татарски. Татары, русские, кряшены, чуваши знают о религиозных праздниках другой группы, могут участвовать в праздновании и использовать его элементы. В татарских семьях иногда красят яйца на Пасху и покупают куличи, русские могут принимать участие в поминальных практиках татар.

Среди профессиональных сообществ города доминируют нефтяники и строители. Роль нефтяников подчеркивается в обыденном и праздничном пространстве города: День города приурочен к Дню нефтяника, в городе множество памятников, связанных с нефтяной промышленностью.

В период с 1940-х до 2000-х годов город был типичным советским моногородом: правильная планировка улиц, типичная застройка,

депрессивный характер инфраструктуры. Город обладает стандартным набором пространственных особенностей: массивный памятник Ленину на площади перед зданием администрации, по линейке прочерченные проспекты и прямые улицы. Такая планировка не учитывала рельеф и особенности местности. Отличительной чертой Альметьевска является сохранившаяся малоэтажная застройка середины 1950-х годов в центре. Она представлена комплексом двух- и трехэтажных зданий на центральных улицах города. Это дома из чупаевского камня — белого известняка, который добывали в селе Чупаево рядом с Альметьевском.

Начиная с 2010-х годов процесс изобретения идентичности, о чем я говорил выше, затрагивает и промышленный Альметьевск. Город благоустраивается, в 2016 году в Альметьевске появляется 50-километровая сеть велодорожек, спроектированная датским бюро Copenhagenize Design Company, что широко освещалось в местной и федеральной печати. Развитие велоинфраструктуры способствовало тому, что город попал в международную урбанистическую повестку Европы[6], а слово «велосипедизация» становится модным и понятным всем жителям.

Именно в этот период в 2017 году здесь начинают работать сотрудники Института исследований стрит-арта, приглашенные по инициативе градообразующей нефтяной компании[7].

Предыстория исследования

Сейчас реализация пятилетней паблик-арт программы «Сказки о золотых яблоках» зависит от нескольких акторов. Нефтяная компания — заказчик изменений в визуальном облике города; администрация города — партнер заказчика (далее — заказчик); основатели и работники Института исследований стрит-арта, кураторы и исполнительный продюсер Арт-программы «Сказки о золотых яблоках» (далее — кураторы[8]) осуществляют сложную функцию посредничества между руководством градообразующей компании, призванным переформулировать основную идею нефтяного моногорода, и художниками, архитекторами и скульпторами (далее — художники). Исследовательская группа, состоявшая из фольклористов, антропологов, религиоведов, специалистов по татарской культуре и языку, консультирует заказчика и кураторов (далее — исследователи). Главный продукт арт-программы — муралы, выполненные российскими и зарубежными художниками на стенах домов города, серия скульптур в общественных пространствах,

[6] https://copenhagenize.eu/almetyevsk

[7] Интересно было бы провести сравнительное исследование Альметьевска и норвежского Ставангера, где с 2001 года происходит фестиваль Nuart, который сделал этот город знаменитым благодаря высокой концентрации деинституциализированного уличного искусства. Фестиваль начал работать как низовая инициатива с минимальным бюджетом и затем был поддержан Норвежским советом по искусству. Художественные высказывания здесь часто иллюстрируют депрессивные реалии промышленного города, рефлексируют на тему нефти и черного цвета, часто появляются на заброшенных зданиях (информацию о Ставангере предоставили кураторы паблик-арт программы).

[8] Про кураторов паблик-арт программы см. [http://streetartinstitute.com].

многочисленные мероприятия, в которых принимает участие как истеблишмент, так и жители города.

В 2017 году Институт исследований стрит-арта пригласили в Альметьевск по инициативе градообразующей нефтяной компании[9], лидеры которой являются коренными жителями этих мест. Инвестируя в город, они преследуют как экономические, так и романтико-ностальгические цели. Работники Института исследований стрит-арта, понимая, что работы будут создаваться «под заказ» и скорее всего останутся в городе надолго, начали разрабатывать концепцию паблик-арт программы. Первоначальная идея состояла в том, что муралы, скульптуры, медиа-арт, маленькие интервенции и работы, созданные в результате мастер-классов, должны быть объединены веломаршрутом.

Переломным моментом и поворотом к фольклору, по словам кураторов программы, стал диалог с местной журналисткой и архивариусом Софией Гафиатуллиной. Она рассказала о своей беседе с одной из первых деревенских женщин-бурильщиц, добывавших нефть во время Великой Отечественной войны:

> Первую нефть, найденную в 1943 году, добывали девушки. Все мужчины тогда были на войне. Молодые женщины каждый день пешком уходили и затемно возвращались через дремучий непроходимый лес на невероятную для современного человека тяжелейшую работу. На них нападали стаи волков, поэтому не все возвращались. Чтобы как-то опознать их останки, их матери вплавляли в калоши цветные ленточки — резину волки не ели.
>
> Одна из тех девушек рассказывала мне: «Мы возвращались через лес с факелами, когда нас окружили волки. Интуитивно мы стали в круг спинами друг к другу, и стояли так какое-то время. Факелы догорали. И вдруг из леса медленно вышла огромная белая волчица. Увидев её, волки неожиданно затихли, повернулись, и все вместе ушли за ней вглубь леса». Божество Ак Буре считается хранительницей рода и покровительницей женщин[10].

После этой истории у кураторов проекта появилась идея создать произведения искусства, основанные на текстах устной традиции и фольклора, они придумали название — «Сказки о золотых яблоках», сформировали предварительный маршрут, на котором должны были появиться объекты паблик-арта. Маршрут привязан к велодорожкам. Одновременно подбиралась команда экспертов — исследователи татарской культуры, специалисты по старинным татарским рукописям, — которые помогали в подготовке информации для художников.

В апреле 2018 года работники Института исследований стрит-арта обратились ко мне с просьбой провести полевое «фольклористическое и антропологическое исследование» в нефтяном городе. Во время разговора выяснилось, что ни я, не понимающий, что такое паблик-арт, ни кураторы, не представляющие, каким образом может проходить подобное

[9] Реконструкция событий основана на материалах интервью с кураторами программы.
[10] История в письменном виде получена по электронной почте от кураторов.

исследование, не могут сразу предложить друг другу готовые ответы[11]. Чтобы яснее сформулировать концепцию «Сказок о золотых яблоках» и избежать возможных ошибок при реализации муралов, кураторы паблик-арт программы провели серию семинаров, куда были приглашены исследователи татарской культуры, краеведы, специалисты по декоративно-прикладному искусству, исследователи исламских рукописей. В самом общем виде организаторы хотели понять, что уникального есть в Альметьевске, каким образом можно репрезентировать в публичном искусстве татарские мотивы, как можно реформировать с помощью уличного искусства восприятие жителями своего города. В одном из таких проектных семинаров перед поездкой в начале мая 2018 года принимали участие и мы, как определяли нас другие участники, — «фольклористы».

Паблик-арт программа, как я уже упоминал, называется «Сказки о золотых яблоках». Сама идея «сказочности» появилась до того, как мы были приглашены для участия в проекте. Почему «Сказки о золотых яблоках»? До нашего участия в программе в Альметьевске был сделан мурал — оммаж на картину Х. Я. Якупова «Золото Татарии» (*Илл. 1*), мурал «Чайники» (*Илл. 2*), было подготовлено скульптурное изображение татарского поэта Габдуллы Тукая (*Илл. 3*) с персонажем татарского фольклора, воспетым Тукаем, персонификацией духа леса шурале (тат. шүрәле). При этом в двух из трех произведениях искусства идея «сказочности» уже была, соединяясь с главными символами города — нефтяным промыслом и велосипедными дорожками.

Интересно само название паблик-арт программы. «Золотое яблоко» — татарская сказка, найденная в социальной сети vk.com одним из участников арт-программы[12]: по мнению представителей заказчика, она хорошо подходила для нейминга в дальнейшей реализации арт-программы.

Согласно «сказочной» идее, над проектом в качестве консультантов должны были работать ученые, имеющие знания в области татарской культуры, в том числе и эксперты по фольклору в целом. Вот как формулировалась основная идея паблик-арт программы в публичном пространстве в 2018 году после проектного семинара:

> «Сказки о золотых яблоках» — пятилетняя паблик-арт программа в Альметьевске. Проект осуществляется по инициативе компании Татнефть и реализуется Институтом исследований стрит-арта (Санкт-Петербург). Проект представляет собой эпос об истории нефтяного региона и его жителях, перенесенный на стену и соединенный общим маршрутом. Все истории, которые иллюстрируют художники, были собраны в Альметьевском районе или представляют собой фрагменты общего культурно-исторического наследия Татарстана[13].

[11] В 2017 году коллеги-антропологи проводили исследование общественных пространств Татарстана, которое проходило и в Альметьевске, поэтому предварительно я понимал специфику этого города.

[12] По словам кураторов, это была запись сказки, рассказанной (а не прочитанной) кем-то на татарском языке. Сказку прослушали и перевели на русский.

[13] https://vk.com/almetpublicart

Илл. 1. Героический труд добычи нефти вместе с сюжетом сказки о золотых яблоках воплощен в оммаже на картину «Золото Татарии» Хариса Якупова. Авторы Дуэт Hoodo (Москва) и каллиграф Карим Джаббари (Монреаль), 2017

Илл. 2. Элементы традиционного татарского быта — чайники — изображены на стене дома. Мурал «Пять чайников». Автор Агостино Иакурчи (Берлин), 2017

Илл. 3. Молодой поэт Габдулла Тукай сидит на велосипеде с шурале в багажнике. Скульптурная композиция «В этом удивительном лесу…» («Бу кап-кара урманда…»). Автор Павел Игнатьев (Санкт-Петербург), 2017

Через некоторое время я собрал команду из фольклористов, антропологов, социологов и религиоведов[14] для проведения экспедиции, чтобы собрать фольклорные сюжеты, проанализировать локальный текст города и создать аналитический отчет, в котором эти сюжеты были бы представлены в виде пересказа с цитатами и рекомендациями для их воплощения.

«Эпос об истории нефтяного региона», «истории жителей региона», «культурное наследие Татарстана» — ключевые идеи для реализации паблик-арт программы, которые были сформированы заказчиками, кураторами и консультантами. До экспедиции мы понимали нашу роль — позицию интерпретаторов материала (того, что нам расскажут

[14] Участники экспедиции: Петров Н. В. — фольклорист, к. ф. н., зав. Лаборатории теоретической фольклористики РАНХиГС (Москва), доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, ст. н. с. МВШСЭН (Шанинка); Елагина В. С. — религиовед, бакалавр религиоведения ПСТГУ (Москва); Вятчина М. В. — антрополог, научный сотрудник Лаборатории перспективных археологических и этнологических исследований КФУ (Казань), аспирант по специальности «Этнология» в университете г. Тарту (Эстония); Доронин Д. Ю. — фольклорист, антрополог, магистр по специальности «Фольклористика и мифология» (Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ), магистр философии (факультет социальных наук, каф. истории, философии и методологии науки ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 1998–2000 годы), научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ РАНХиГС (Москва); Савина Н. А. — фольклорист, антрополог, аспирант Факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; Юзекаева А. М. — социолог, магистр Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, ведущий специалист ООО «Институт социологических и маркетинговых исследований» (Новосибирск).

информанты), медиаторов между посредниками (Институт исследований стрит-арта) и художниками, у которых свое видение сюжетов. Чем более четко и внятно будет сформулирован тот или иной сюжет татарского фольклора и/или городского текста, тем более вероятно, что кураторы смогут донести до художника детали, и художник сможет его воплотить в мурале или скульптуре.

Техническое задание (как обязательный элемент заказа) формулировалось нами следующим образом:

— проанализировать интернет-публикации, материалы из городских библиотек Альметьевска (книги об Альметьевске и нефтяном производстве);

— проанализировать издания, связанные с фольклором Татарстана, Альметьевска и близлежащих местностей;

— на основе предварительного анализа культурного текста Альметьевска и в целом Татарстана составить опросник, который будет уточняться и дополняться во время экспедиции;

— собрать не менее 15 глубинных и не менее 15 блиц-интервью на местах, где планируется размещение объектов стрит-арта, в интервью будут опрошены представители сообщества нефтяников, сотрудники сферы культуры и искусства, представители местной администрации;

— осуществить видеосъемку отдельных интервью, фотосъемку информантов и ландшафтных и архитектурных объектов города;

— осуществить ведение полевых дневников (краткое аннотирование записанного материала) и камеральную обработку данных — кодирование и размещение в базу данных сведений о записанных текстах, информантах, объектах городского ландшафта;

— создать аналитический отчет с рекомендациями по визуализации локальных сюжетов.

Будучи в 2018 году лишь кратковременно вовлечены в программу, мы не могли повлиять на решения, принимаемые по вопросам размещения объектов, и на то, как будет реализован тот или иной объект на уровне эскиза и конечного произведения, — иными словами не могли воздействовать на финальное решение, принимаемое кураторами (см. о сложном процессе курирования в паблик-арте [Abarca 2017]) и художниками. Как выяснилось позже, кураторы также были поставлены в жесткие временные и финансовые рамки, определяемые заказчиком.

Выше читатель найдет пассаж про первичное непонимание мною запроса со стороны представителей Института исследований стрит-арта и, наоборот, непонимание того, какое знание мы будем производить после исследования. Казалось, что участие экспертов имеет и еще одну цель для заказчика — легитимировать его действия. Исходя из опыта участия в прикладных антропологических проектах с 2013 года, я могу сказать следующее. Результат этих исследований в виде отчета, если он вообще будет прочитан заказчиками, играет не самую существенную роль при реализации того или иного проекта. Главной задачей

экспертов зачастую оказывается формирование подушки безопасности для заказчика, кураторов и следование тенденции («у нас есть эксперты, которые провели исследование, поэтому вопросы — к ним» и «перед выполнением заказа мы провели исследование»). После проведения исследования исчезают в столе заказчика, а результаты выглядят так, как будто после сдачи отчета никто не выполняет рекомендации городских антропологов и фольклористов. Однако дальнейшее наше взаимодействие показало, что кураторы, хотя и не могут полностью избежать ошибок (контекст не соответствует локальному колориту, фольклорный сюжет, мотив не включает сцену, которую изобразил художник, детали неточны и способствуют негативному восприятию мурала), действительно заинтересованы в том, чтобы работы были максимально ориентированы на тексты, записанные от жителей Альметьевского района.

Кроме этого, мы хотели понимать, какие сюжеты будут восприниматься позитивно, а какие негативно, поэтому предложили свою помощь в дальнейшем исследовании восприятия муралов в Альметьевске, и сложилось долгосрочное сотрудничество. Оно было похоже на совместное научение: мы учились долго и терпеливо объяснять очевидные фольклористам и антропологам вещи простым языком, понимать сложные коммуникативные сети всех акторов; кураторы паблик-арт программы стали лучше понимать различие между аутентичным и неаутентичным, учились взаимодействовать с пользователями территории, которые хотели быть вовлечены в процесс создания того или иного мурала.

Концептуальные рамки исследования

Опыт паблик арт-проекта «Сказки о золотых яблоках» в Альметьевске показывает, как публичное искусство может, с одной стороны, представить город с его национальным колоритом и оригинальной самобытностью в пространстве российских городов в медиа и туристических стратегиях. С другой стороны, публичное искусство повышает осведомленность жителей о местном фольклоре, прошлом, об истории нефтяной промышленности, в которую вовлечено большинство жителей Альметьевска. Стены и улицы города после реализации паблик-арт программы должны были рассказывать внешним и внутренним зрителям (приезжим и местным) локальные истории.

При этом существует ряд проблем с интерсемиотическим переводом ряда сюжетов, собранных исследователями, на язык заказчиков, кураторов, художников, высказывания на котором должны читать жители города. Одной из самых сложных задач оказывается донести национальную и городскую специфику города до художников, которые происходят из разных мест и зачастую не бывали в Татарстане и даже в России. Для этого надо понимать, чем характеризуется Альметьевск, его жители, жители окрестных населенных пунктов.

Мы проанализировали СМИ, онлайн-публикации, материалы из альметьевских библиотек (книги об Альметьевске и объектах нефтедобычи), материалы из частных библиотек в Альметьевске. До и во

время экспедиции мы обработали публикации, содержащие сказки и мифологические фольклорные тексты, а также устные повествования об Альметьевске, изучили источники, содержащие информацию о работниках городских нефтедобывающих предприятий и о самой нефтедобыче. На основе предварительного анализа культурного контекста Альметьевска и Татарстана в целом разработали вопросник, который впоследствии был дополнен в ходе комплексной фольклорной экспедиции в город Альметьевск в мае 2018 года.

В результате экспедиции мы собрали 46 интервью, из них 30 глубинных и 16 коротких блиц-интервью на местах, где планировалось размещение объектов паблик-арт программы. Были опрошены:

— представители сообщества нефтяников;

— сотрудники сферы культуры и искусства (сотрудники краеведческого музея, картинной галереи, драматического театра);

— представители местной администрации;

— другие группы горожан, охваченные во время проведения глубинных интервью и блиц-интервью в общественно значимых пространствах города;

— отдельную группу составили жители близлежащих населенных пунктов (с. Старый Альметьевск, д. Кичучатово).

Каким оказался город в восприятии жителей? Какие идеи оказываются самыми важными для Альметьевска? По результатам исследования мы выделили три базовых вектора: соединение городского и сельского, совместное неконфликтное проживание представителей разных этноконфессиональных групп, попытку истеблишмента влиться в модный урбанистический тренд.

Локальный текст татарского города

После сбора устных интервью у нас не сложилось ощущения, что в Альметьевске существует универсальный набор фольклорных текстов, имеющих отчетливые отсылки к татарской и/или русской культуре и складывающихся в циклизованный сюжет из значимых персонажей или образов. Напомню, что «создание эпоса нефтяного города» — одно из ключевых заданий, которое было сформировано в ходе проектного семинара. В то же время, записанные тексты образуют довольно устойчивые тематические группы, ориентированные на воспоминания о начале нефтяной промышленности, разработке и оптимизации производства, тексты устной истории о нефтяных работниках, воспоминания о быте 1930–1980-х годов, мифологические тексты, тексты, связанные с вернакулярными районами города, слоганы. В целом мы выделили наборы нарративов, апеллирующих к следующим семантическим блокам:

— ностальгические тексты, романтизирующие начало нефтяного промысла и быт нефтяного производства;

— неформальные тексты, характеризующие неофициальную топонимию города и окрестных местностей;

— культурные и исторические нарративы, апеллирующие к коллективной памяти, романтизирующие и маркирующие древность местности и основание г. Альметьевска;

— тексты города и в городе, связывающие пространство с концептуальными полями «райское место», «велосипедная столица» и «нефтяной край»;

— тексты, связанные с материальной культурой г. Альметьевска и местных жителей (татар, русских, башкир, чувашей, казахов и т. д.);

— амбициозные дискурсы о значимых профессиональных сообществах, маркированных культурных мероприятиях, объектах, о том, что можно назвать «гордость Альметьевска»;

— нарративы о деятелях культуры, просветителях и героях-нефтяниках;

— тексты сказок, легенд и местных преданий, опубликованные фольклорные истории, записанные в Альметьевском районе.

Таким образом, отчетливо выделялись блоки, связанные между собой следующими линиями: 1. Традиции; 2. Память, история, культура; 3. Местные герои; 4. Ностальгия; 5. Амбиции.

Понятно, что такое разделение нарративов на группы было сделано для удобства пользователя (кураторов и заказчика), в целом, устные нарративы пересекаются между собой, образуя единое смысловое поле.

После экспедиции и исследования мы написали аналитический отчет, который состоит из нескольких блоков, в каждом из которых подробно анализируются записанные тексты и приводятся рекомендации для их визуального воплощения (*Табл. 1*).

Табл. 1. Оглавление отчета

1. Состав исследовательской группы и ключевые компетенции
2. Методы работы
Архивная и библиотечная работа, анализ медиа
Методы сбора полевого материала
3. Информанты
4. Локальные городские сообщества
Наиболее заметные в городе группы горожан
5. Концептуализация исследования
6. Наиболее значимые устные нарративы / сюжеты
6.1. Ностальгические тексты, романтизирующие начало нефтяного промысла и быт нефтяного производства
Надыр Уразметов
Караван верблюдов и нефтяной клад
Девонский период
Способы добычи нефти (нефтяной колодец, амбарная нефть, ямный сбор нефти)
Альтернативные способы использования нефти (лечение, смоление кораблей)
Теории происхождения нефти
Земляное масло
География (визуализация географии)
Поиск нефти лозой и по запаху
Традиции и ритуальные практики нефтяников
6.2. Неформальные тексты, характеризующие вернакулярное (неофициальное) наполнение пространства города и окрестных местностей
Старый Альметьевск
Вернакулярные районы
Дорога «Тещин язык»
Альмет-мулла
Урсала
Памятники, скульптуры
6.3. Культурные и исторические нарративы, апеллирующие к коллективной памяти, романтизирующие и маркирующие

древность местности, основание г. Альметьевска и период 1980–2000 гг.
Разбойничье место
Әби-патша (царица-бабушка) и Оренбургский тракт
Ельцин и суверенитет
6.4. Тексты города и в городе (слоганы), связывающие пространство с концептуальными полями «райское место», «велосипедная столица» и «нефтяной край «Әлмәт җәннәт»
Велосипедизация
Яблони/ласточки
6.5. Тексты, связанные с материальной культурой г. Альметьевска и местных жителей (татар, русских, башкир, чувашей, казахов и т. д.), нефтяников
Традиционный татарский дом
Юрты, бараки, финские домики, вагончики
Материальный быт нефтяников начала промышленной нефтедобычи
Культбудки
Дома из чупаевского камня
Факелы
Родники
Ромашка
6.6. «Амбициозные» дискурсы о значимых профессиональных сообществах, маркированных культурных мероприятиях, объектах, о том, что можно назвать «гордость Альметьевска»
Театр
Корабль «Альметьевск»
Пляж
Троллейбус
6.7. Нарративы о деятелях культуры, просветителях и героях-нефтяниках
Риза Фахретдин
Династия Шавалеевых
Бари Юсупов
Михаил Белоглазов
Первые женщины-буровички: «20 героинь»
Сажида Сулейманова
Михаил Егорович Землянов
6.8. Фольклорные тексты, не связанные с нефтью, но отражающие школьный и сельский культурный бэкграунд местных жителей
Мифологические персонажи
Сказочные сюжеты
Ак бүре
Эпические сюжеты
6.9. Локальные легенды г. Альметьевска и окрестностей
Акташский провал
Клады
6.10. Визуализация быта нефтяников в кино
7. Общие рекомендации/идеи для визуализации (итоги обсуждения группы)
8. Приложения
1. Список информантов
2. Вопросники
3. Стихи про Альметьевск
4. Татарские народные песни, упоминаемые в отчете

Предварительные результаты программы

В середине-конце 2018 года (через несколько месяцев после прикладного исследования) в городе появился ряд объектов паблик-арта, которые переводят на визуальный язык вербальные тексты, связанные с городским текстом Альметьевска и с фольклором. В этом разделе мы покажем собранные тексты и произведения художников, созданные на основе собранных полевых материалов. Их можно разделить на несколько тематических блоков:

a. Религиозная и материальная культура татар;

b. Фольклор и устная история;

c. Тексты, связанные с началом нефтяного промысла.

Художники читали записанные тексты, аналитический отчет исследователей и резюме выступления консультантов, формировали свой взгляд на Альметьевск и татарскую культуру. Таким образом, в

конце 2018 года было реализовано несколько муралов, основанных на материале из отчета, другие муралы воплощали идеи кураторов и самих художников[15].

Одна из таких картин — произведение Кримоса (*Илл. 4*), где изображена археологическая находка — монета и надпись в виде традиционного благопожелания «Будь счастлив» по-русски и «Котлы булсын» по-татарски. По мнению одного из консультантов и кураторов паблик-арт программы Альфрида Бустанова, надпись «Будь счастлив» (قتلوغ بولسون, совр. татар. «котлы булсын») встречается на медных золотоордынских монетах XIII и XIV века:

> монеты были дешевыми и имели широкое хождение среди простых людей ‹...› использовались в повседневном обмене ‹...› «Котлы» — тюркское слово, оно означает «счастье» ‹...› Несмотря на то, что золотоордынские монеты исчезли вместе с государством, это сочетание слов оказалось очень устойчивым и до сих пор широко используется в татарском языке. Сегодня эта формула применяется шире — в пожеланиях успеха и поздравлениях (особенно с новой покупкой, что невольно напоминает об изначальном словоупотреблении)[16].

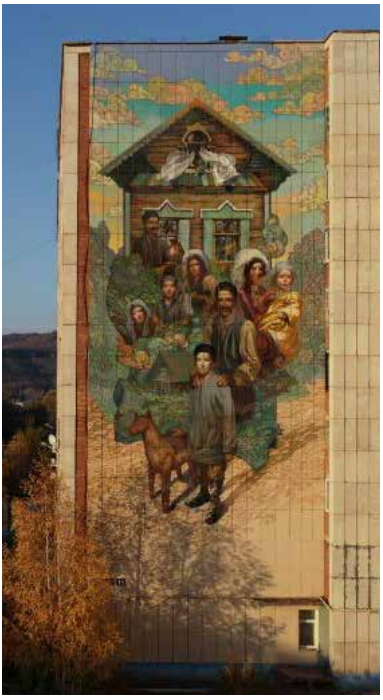

Илл. 4. Мурал «Котлы Булсын»/«Будь счастлив».
Автор Роман Kreemos (Подольск), 2018

[15] Часть из них можно увидеть на созданном в 2019 году веб-сайте [http://www.almetpublic.art].

[16] Полный контекст изображения размещен на сайте, посвященном паблик-арт программе [http://www.almetpublic.art/objects/19#context].

Илл. 5, 6, 7. Мурал-диптих «Наследие Уразметовых». Автор Василий LST (Ангарск), 2018

Илл. 8, 9. Резервуары и здания котельной АПТС. «Теории происхождения нефти». Автор Артем Стефанов (Москва), 2018

Одним из наиболее узнаваемых героев из устных рассказов был Надыр Уразметов (1688–1758), один из первых основателей нефтяного дела, который впервые в истории Российской империи осуществил переход от кустарного собирания нефти к промышленной добыче и переработке нефти. Личность Уразметова глубоко укоренена в национальной памяти, в его честь названы Надырская волость, д. Старое Надырово, д. Новое Надырово. В экспедиционных записях он предстает зачинателем нефтяного дела в Урало-Поволжском регионе России, и Урзаметову посвящены два мурала, в которых реализована идея «наследия».

Другие картины связаны с различными теориями о происхождении нефти (*Илл. 7, 8*). По словам наших респондентов, основных теорий три: органическая теория происхождения — нефть возникает при достижении содержащих органику слоев осадочных пород так называемого «нефтяного окна» (то есть несколько километров под землей, при высоком давлении и температурах); неорганическая теория происхождения — нефть как бы поступает из более глубинных слоев, например, конденсируясь из поднимающихся газовых фракций; космическая теория происхождения — нефть была занесена на Землю с метеоритами.

Образ традиционного татарского дома, которым делились с нами информанты, включает в себя описание внешнего и внутреннего устройства. В числе непременных составляющих внешнего облика дома называются соломенные крыши, палисадник перед домом, обилие зелени и цветов, яркие цвета дома (различные оттенки синего, зеленого, желтого, белого, коричневого), орнаменты и ажурные украшения на домах. В каждом доме обязательно держали огород и сад (яблони, вишни), а также скот (баранов, коров, лошадей) и птицу (кур, гусей).

Илл. 10. Мурал «Обед». Автор Димитрис Таксис (Афины), 2018

Фольклор и устная история как способ сконструировать идентичность

Таким образом, неформальное знание жителей о своем городе стало основой концепции 5-летней паблик-арт программы в Альметьевске. Художники с мировыми именами в разных жанрах создают работы в рамках public art, опираясь на собранные исследователями образцы folk culture жителей постсоветского города. Отвлекаясь от ресурсной политики советского образца, на постсоветском пространстве (судя по всему, впервые в России) реализуется программа, где истории жителей города оказываются отправной точкой для репрезентации национального и культурного текста в городе. Опыт арт-программы в Альметьевске показывает, как публичное искусство может представить город с его национальным колоритом в пространстве российских городов. Ориентализм сюжетов во многом обусловлен статусом и характеристиками заказчика, и прикладные исследователи могут лишь корректировать запросы заказчика. С другой стороны, публичное искусство повышает узнаваемость среди жителей татарских сюжетов, связанных с фольклором, прошлым и нефтяной индустрией, в которую вовлечены большинство жителей Альметьевска. Мы продолжаем быть вовлеченными в долговременную историю, связанную с поддержкой, корректировкой и дальнейшей реализацией паблик-арт программы, замечая неизбежный в этом случае перекос в сторону национального и этнического. Для заказчика же такое положение дел оказывается закономерным.

В рамках этой работы мне важно обратить внимание и на явление, которое можно назвать конструированием идентичности через фольклор. Это понятие можно определить как попытку сделать конкурентной и легитимной территорию/группу через воспроизведение и изобретение локального и национального. Индикатором таких процессов не в последнюю очередь оказывается поиск «фольклорного», который ведется как в массовой культуре (которая зачастую идентифицируется с народной, а критерием для идентификации оказывается узнаваемость персонажа или сюжета), так и в информационном пространстве города.

Таким образом, городское пространство обретает смысл в том числе через трансляцию друг другу и приезжим фольклорных нарративов, что в целом хорошо знают фольклористы, ездящие в экспедиции. Когда это знание становится не приватным, а публичным, то оно оказывается важным конституирующим элементом локальной идентичности.

Интерпретация визуального: «Мама, смотри, там змея!»

Как уже говорилось, после написанного аналитического отчета кураторы знакомили с результатом исследования художников, которые в результате создавали произведения искусства в рамках паблик-арт программы. В этом и лежит основная проблема и базовый смысл уличного искусства. Заказной мурал, какая бы идея ни лежала в его основе, все

Илл. 11, 12. Мурал «Защитник». Автор Fikos (Афины), 2018

равно будет нести отпечаток личности, манеры, стиля художника. Его работа иррациональна по своей природе, и получаемая им информация от исследователей перерабатывается и усваивается с разной степенью рефлексии. При этом разница культур рождает новые интерпретации того или иного сюжета, которые, однако, могут сильно отличаться от восприятия жителей. Иногда жители могут спорить с образами, иногда их не принимать. Также здесь приоткрывается отдельная проблематика национального визуального кода, с помощью которого местный житель легко распознает «свое» и «чужое». А некоторые муралы наследуют основной идее стрит-арта — быть протестным искусством, то есть выявлять и презентовать в виде картины противоречия и сложности жизни в городском пространстве (см. об этом подробнее в статье Рафаэля Шактера [Schacter 2014]).

Один из муралов выполнил Фикос (Fikos) — греческий художник, который родился и живет в Афинах. С детства увлекался рисованием. В 13 лет он начал изучать византийское искусство под руководством Джорджа Кордиса — известного современного художника, работающего по всему миру. Работы Фикоса находятся на улицах в разных странах — Франции, Англии, Ирландии, Швейцарии, Мексики, Испании. Выполненные в манере византийской фрески, работы Фикоса получаются монументальными и обладают определенной (неяркой) цветовой гаммой[17].

Работа греческого художника в Альметьевске связана с сюжетом татарской сказки о золотой птице, где герой (батыр) борется и побеждает противника, имеющего змеевидный облик (аждаха) (*Илл. 16, 17*). Отметим, что аждаха в татарских сказках изображается различными способами и чаще похож на дракона, нежели на змея.

В аналитическом отчете 2018 года мы не упоминали этот сказочный сюжет, в интервью кураторы паблик-арт программы рассказали, что узнали о нем от одного из знакомых, затем нашли русский вариант татарской сказки в сети.

Однако мурал на стене жилого дома в Альметьевске в период его подготовки и после окончания работ художником вызвал неоднозначную реакцию (от резко отрицательной до резко положительной) у жителей этого дома и близлежащих.

Мы зафиксировали следующие высказывания: «я боюсь мимо него ходить»; «ребенок пугается»; «каждый раз прохожу мимо и плачу»; «цвет какой-то странный, некрасиво»; «хорошая работа, делает город лучше»; «мне нравится, а кому не нравится, не понимают искусство»; «спасибо вам большое, хожу мимо и не могу нарадоваться».

Негативно высказывалась активистка дома, которая быстро сформировала вокруг себя круг недовольных. После этого заказчик и кураторы, которым реакция жителей не понравилась, попросили группу провести дополнительное исследование, куда включались следующие задачи:

[17] Образцы работ Фикоса можно посмотреть на его персональном сайте [http://fikos.gr/].

1. Сбор мнений в связи с изображением на боковой стене дома по мотивам татарской сказки «Золотая птица» жителей близлежащих домов[18].

2. Анализ текста сказки о золотой птице и фольклорных сюжетов, связанных с ней.

3. Создание аналитического отчета о проделанной работе и о результатах исследования.

4. Выработка рекомендаций по дальнейшим действиям в рамках арт-программы.

Таким образом, в исследование включились и социологи-количественники, обработав ответы на закрытые и открытые вопросы разработанной анкеты. А все участники команды благодаря этому случаю детально разобрались в том, что называется соучаствующим проектированием. Далее я, не вдаваясь в подробности, расскажу о результатах второго исследования осенью 2018 года, используя материалы отчета «Исследование мнения жителей по адресам Гафиатуллина 2, Гафиатуллина 4, Нефтяников 21, Нефтяников 23 г. Альметьевска в связи с муралом Фикоса»[19].

Фольклор, да не тот

На стене дома изображен центральный фрагмент сюжета из татарской сказки о Золотой птице (по указателю типов Аарне-Томпсона-Утера № 502). Эпизод змееборчества в этой сказке имеет международный характер, классификационный номер [ATU 300], название The Dragon-Slayer. Rescue of the princess («Герой побеждает змея. Спасение царевны»), встречается в 91 традиции. Сюжетный тип состоит из следующих эпизодов: I. The Hero and his Dogs. II. The Sacrifice. III. The Dragon. VI. The Fight. V. The Tongues. VI. Impostor. VII. Recognition.

Текст сказки «Золотая птица», на основе которого создавалось изображение, был впервые опубликован на русском языке как обработанный перевод, выполненный Михаилом Булатовым, сразу в двух изданиях «Татарские народные сказки» 1957 года: издательства «Таткнигоиздат» и «Детгиз». Книги выходили большими тиражами, впоследствии тексты много раз переиздавались как в советское время, так и в современности. Этот же текст широко представлен в электронном виде в интернете.

[18] Приблизительные количественные показатели, заявленные нами: 200 жителей дома, 50 жителей окрестных домов, 20 прохожих разного возраста. Мы решили (в связи с большим количеством подъездов в доме) охватить жителей первых 5 подъездов, находящихся в непосредственной близости к изображению. Дом, на котором был изображен мурал, многоквартирный, начала 1980-х годов постройки, 10 подъездов, 390 квартир. По правилам опроса и создания репрезентативной выборки из одного домохозяйства можно опрашивать одного человека, и мы не смогли бы соблюсти все правила опроса, поэтому в представленном исследовании речь о классической репрезентативности не идет.

[19] На этом этапе к участникам присоединились социологи: Колчин М. А. — социолог, КФУ, Казань; Савина А. С. — социолог, магистр этнологии КФУ, Казань.

Илл. 13. Карта распространенности международного сюжета ATU 300

Текстологическая проблема заключалась в том, что нам неизвестен первоисточник этого текста, из-за чего возникает ряд вопросов: какой текст переводил и обрабатывал Булатов? Как был (и был ли?) записан первоисточник? Насколько хорошо Булатов владел татарским языком и насколько был погружен в контекст «татарской народной культуры»?

Нам удалось найти еще один текст татарской сказки под названием «Золотая птица», который имеет сюжет, отличный от описанного выше. В найденном тексте нет мотива борьбы героя со змеем (напомню, что именно этот эпизод изображен на картине Фикоса). Согласно атрибуции, приведенной в издании, он был записан в 1947 году в селе Апастовского района от мужчины 75 лет. Как кажется, впервые этот текст был опубликован на татарском языке только в 1978 году в 1 томе «Татар халык ижаты» («Татарское народное творчество») под названием «Алтын канатлы кош» («Птица с золотыми крыльями»). В 1999 году этот многотомник стали публиковать на русском языке, где текст сказки был напечатан в переводе Садековой под названием «Золотая птица». Стоит отметить, что в этом тексте золотая птица выступает как один из важных персонажей сказки — волшебный помощник, чья функция — помощь герою в решении серии сложных задач на протяжении всего действия сказки.

В то же время в одноименной сказке «Золотая птица», обработанной Булатовым, золотая птица как персонаж фигурирует только в начале действия и не имеет важного значения для развития сюжета (в связи с этим возникает логичный вопрос о том, почему этот текст получил именно такое название, однако для полноценного ответа недостаточно архивных данных и можно строить только предположения). Что хочется особенно отметить, к моменту боя главного героя со змеем золотая

птица уже не участвует в сюжетном развитии и вообще имеет довольно опосредованную связь с главным героем, поэтому изображение, созданное Фикосом, с трудом можно назвать «иллюстрацией» — было бы корректно называть его «фантазией по мотивам нескольких татарских сказок».

Зеленый змей и неправильный татарин

Стиль изображения (стилизация под византийскую фреску и манера работы художника) вызывала у респондентов эмоциональные высказывания в спектре от позитивных до негативных. При этом работу художника Фикоса жители оценивали скорее положительно, обращая внимание на трудовые ресурсы и эмоциональные затраты, потребовавшиеся для создания картины: «работа хорошая, художник старался»; «молодец, хорошо работает»; «художник отличный, хорошо работает, все мне нравится». Положительные оценки работе художника по выборке в целом дают 57% опрошенных. Демонстрация уважения к художнику проявляется и во многих фрагментах интервью.

Существенная доля негативных откликов респондентов по отношению к картине связана с цветовой палитрой изображения: «неяркое», «тусклое» и т. п. Во время проведения второго исследования осенью 2018 года мы выяснили вполне устойчивую репутацию этого дома и района в целом как «дома/района алкашей». В связи с этим можно предположить, что отчасти блеклые цвета считываются некоторыми местными жителями как знак, указывающий на неблагополучие их дома/района, но нельзя исключить и то, что мурал не соответствует востребованной жителями цветовой гамме. Среди основных запросов респондентов на изменение картины подавляющая часть касалась изменения цветового настроения мурала: «надо что-то яркое»; «мне кажется, еще не дорисовано»; «нужны краски»; «мрачно»; «тускловато».

Помимо мрачных тонов отрицательные эмоции у респондентов вызывал и сам сюжет картины: «картина злая», «змея пытается сожрать человека». Отдельные ассоциации некоторых респондентов, возникшие благодаря физическому и социокультурному ландшафтам, связанным с домом по Гафиатуллина 2, также вызывают скорее негативные эмоции: ассоциации с пьянством и «зеленым змием» и др.

Несмотря на то, что работа художника, согласно проведенному опросу, не нравится от 50 до 60% жителей, **за ее изменение выступает меньшее количество — 32%.** По мнению 62% опрошенных, все нужно оставить, как есть. При этом одним из самых популярных вариантов изменения оказывается добавление текстового фрагмента (жители жаловались, что картина не всегда считывается однозначно как иллюстрация к сказке, поэтому требует разъясняющего текста).

На первый план в блоке интерпретаций выходит образ змеи, которая воспринимается как центральная фигура на картине. Сюжет отчетливо опознается как «татарский» и «сказка», но при этом выделение художником образа змеи и постановка его на первый план, а образ птицы

на второй создает трудности с опознанием конкретного сюжета сказки. Изображение оказывается семантически многозначным и интерпретируется в основном как: 1) изображение змеи и человека; 2) змееборство; 3) татарский сюжет; 4) пьянство; 5) борьба добра со злом; 6) убийство; 7) защита; 8) жестокость.

Так, незнание этого сюжета местными жителями, работа художника, его стиль и виденье деталей, неинформированность жителей о смысле изображения оказываются факторами для порождения новых интерпретаций.

Название района и дома в связи с выпуклостью образа противника героя, характеризуемого как «змея», «змей», и устойчивой ассоциативной связью с социальными проблемами (пьянство) породило ситуацию, когда сложные социальные проблемы оказались, по мнению местных жителей, изображены в их пространстве. Это, в свою очередь, представляло их в негативном свете, актуализируя смысловой пласт «алкоголизм», «жесткость», «страх».

Через некоторое время после исследования появилась статья журналистки Елены Догадиной в интернет-издании «Такие дела» [Догадина 2018, 25 октября], в которой она показывает и еще одну «проблему» в связи с муралом Фикоса. Лицо батыра на нем напоминает фотографические изображения Рудольфа Нуреева. Нуреев — один из самых известных татарских артистов балета и балетмейстеров, который 1961 году после окончания гастролей труппы в Париже попросил политического убежища, став «невозвращенцем» в СССР. Известно, что он был гомосексуалистом. Вот некоторые выдержки из статьи Догадиной:

> Фикос рисовал лицо сказочного батыра с портретов Рудольфа Нуреева, и это вызвало недовольство уже со стороны заказчиков: умерший от СПИДа танцор-гей не очень вписывается в концепцию татарских традиций, которые нужно оставить поколениям ‹…› И только художник спокойно и охотно сообщил, почему именно Нуреев: «Мне сказали, что татары чувствуют свою национальную уникальность и хотели бы видеть себя в проекте, так что я выбрал самого известного в мире татарина в качестве героя истории» [Догадина 2018, 25 октября].

Таким образом, Фикос «неправильно», «не в том стиле» нарисовал сюжет, возможно, татарской сказки, опубликованной на русском языке, не имеющей эпизода борьбы героя с чудовищем, изобразив батыра с лицом гомосексуалиста-татарина. Однако в том, что получилось благодаря этому, и заключается основная сила уличного искусства.

Неправильный сюжет? Нет. Протест против бытовых и социальных проблем

В результате проведенного исследования выяснилось, что изображение фрагмента сюжета из татарской сказки о золотой птице на стене дома оказалось для опрошенных нами жителей триггером для актуализации обсуждения социальных и бытовых проблем. Во время анкетирования в речи респондентов довольно часто возникали упоминания

о неудовлетворительном состоянии придомовой территории и состояния дома. В частности, попытка опроса одной пожилой местной жительницы в связи с изображением на стене дома полностью провалилась, поскольку эта женщина начала довольно эмоционально и развернуто жаловаться исследователю на бытовые проблемы в доме, что продолжалось около 20 минут, несмотря на все попытки исследователя перевести разговор к теме исследования. В частности, эта женщина использовала для жалобы следующие формулировки:

> Столько денег тратить на это, лучше бы обшили панельные дома! Опять деньги на ветер с этой сказкой! Черт с ней, это никого не волнует. Пускай стоит, никого не трогает, а вот швы в доме меня трогают, у меня сквозняк по квартире гуляет! Миллиарды на сказки тратят, а ничего не делается. Всё сказки рисуют. Меня сказка эта не волнует, меня дом волнует. Сказками нас кормить не надо. Сначала надо дома привести в порядок, а потом сказку рисовать!

Громкая и эмоциональная речь женщины привлекла внимание двух других жительниц дома, которые оказались поблизости, в результате организовалось небольшое «собрание», которое продолжилось даже после ухода исследователя. Подобная ситуация, скорее, является особым случаем проявления недовольства, однако схожие жалобы на качество внутридомовой и придомовой территории озвучили и многие другие респонденты[20].

Протест против изображения распространялся и сохранял эмоциональный градус благодаря активности местной жительницы, которая является неформальным лидером мнений. При этом экспликация эмоциональной семантики высказываний и результаты наблюдения исследователей показывают, что риторика протеста против изображения довольно часто связывается с детством, детьми. Фразы типа «дети боятся изображения» можно рассматривать как способ донести до администрации реальные бытовые проблемы, связанные с ремонтом дома, социальным окружением и благоустройством придомовой территории. Апелляция к чувствам и эмоциям детей (и, возможно, некоторая спекуляция на этой теме) оказывается для жителей единственной возможностью обратить внимание властей на резкий контраст между социальной неустроенностью и повышенным вниманием к изображению на стене.

Одна из главных претензий местных жителей по отношению к кураторам арт-программы заключалась в том, что работа на стене их дома была выполнена без их на то согласия. В ходе интервью неоднократно звучали подобные формулировки: «нужно было сначала советоваться»; «чтобы не было недовольства жителей, нужно согласовывать»; «надо было нас сначала собрать и нас спросить, дом-то наш».

Бытовые проблемы, о которых говорили жильцы обследуемой территории, видны и в позитивных высказываниях. От изображения картины на фасаде дома жители обнаружили неожиданные плюсы в виде

[20] Фрагмент из полевого дневника одного из исследователей, проводившего опрос.

шпаклевки стен: «хорошо, что зашпаклевали, теперь у людей дуть не будет»; «стало намного красивее, лучше, чем серая стена»; «хорошо, что заделали швы, утеплили стену».

Таким образом, основные запросы, которые местные жители пытаются донести до администрации/заказчиков/кураторов/исследователей, следующие:

— мы хотим, чтобы нас услышали: у нас рисуют на стене, а дом разваливается, район не такой благополучный, как кажется извне;

— мы хотим, чтобы кураторы паблик-арт программы/администрация города/«Татнефть» прислушивались к мнению жителей дома и согласовывали сам факт работ, связанный с нанесением рисунка.

Жители дома оценивают общую ситуацию с благоустройством в Альметьевске в терминах «было плохо, а стало лучше». А надежды на улучшение бытовых условий жители дома с муралом Фикоса на стене связывают прежде всего с администрацией («Альметьевск становится красивее с каждым днем. Наш Альметьевск вообще такой цветущий. Мэр города — молодец!»). В отрыве от ситуации с муралом многие респонденты отмечали, что в целом в городе появляется много улучшений, связанных с городской средой (например, реконструированный каскад прудов, благоустройство территории пляжа, установка современных детских площадок).

Случай с жильцами дома, где изображен «Защитник», наглядно показал, как в случае трансформации городского пространства сверху (со стороны власти и бизнес-элит) и при игнорировании интересов, ценностей и привычек местных жителей может формироваться ответная активная реакция со стороны собственников и непосредственных пользователей территории. В ситуации изменения внешнего вида городского пространства довольно высока вероятность протестной самоорганизации локальных сообществ, что и произошло в конкретном случае — появление активистки и круга ее сторонников.

Интересно, что опрошенные люди предложили в качестве альтернативных образов для создания муралов на придомовой территории яркие и знакомые всем по мультфильмам и кинофильмам сюжеты и образы, далеко не всегда соотносящиеся с татарской спецификой или локальными сюжетами города (см. *Табл. 2*).

Табл. 2. Желаемые изображения на доме

Тематика	Кол-во предложений
персонажи мультфильмов и сказок (колобок/шурале, Сююмбике / теремок / по татарским сказкам / Незнайка / Маша и медведь / «Ну, погоди» / Морозко / «По щучьему велению» /богатырь / сказки Пушкина)	47
пейзаж (природа/рассвет/закат)	23
солнце	4

вода	1
цветы	12
дружба, мир (народов, людей), добро	4
то, что несет добро	6
веселые картинки	6
добрые звери	6
поучительное для детей, меньше насилия	5
о любви	1
сюжеты из истории Татарстана	5
советские герои (Газинур Гафиатуллин / Галеев / те, которые жили в городе), исторические деятели (Суворов / Кутузов), писатели / поэты	7

Важным результатом проведенного исследования осенью 2018 года являлся тезис о том, что при изменении внутридомовой и придомовой территории необходимо обращение к непосредственным пользователям этого пространства — в первую очередь, к собственникам, к местным жителям. Игнорирование их интересов, желаний и привычек может привести к открытой конкурентной борьбе за городское пространство с внешними агентами (властью и бизнес-элитами), претендующими на физическое и символическое обладание этой территорией. Рекомендации кураторам были изложены во втором отчете:

> Концепция «соучаствующего проектирования» может быть реализована как силами кураторов Арт-программы, так и с привлечением помощи специалистов. Так или иначе предшествующим этапом разработки любого проекта видится проведение исследования, направленного на изучение разных факторов, имеющих влияние на успешную реализацию проекта: социокультурный ландшафт территории, выявление заинтересованных агентов на конкретной территории, интересов локальных сообществ и проч. Проведение подобного исследования может с высокой вероятностью выявить отдельные точки напряжения и предотвратить возможную конфликтную ситуацию между разными агентами на отдельной территории. Дальнейшая реализация проекта должна проходить с учетом идей «соучаствующего проектирования» (постоянная коммуникация между всеми участниками проекта), а важным завершающим этапом должно стать повторное проведение исследования[21].

Сейчас совместное сотрудничество фольклористов-прикладников, заказчиков, кураторов, художников, архитекторов (а в 2019–2020 годы и ландшафтных дизайнеров) продолжается, в следующих выпусках журнала я расскажу о находках и проблемах реализации следующего шага паблик-арт программы — «Сада мифологических персонажей» в Альметьевске.

[21] Локальный текст города: Альметьевск: отчет. М., 2018.

Литература

Алексеевский, М. (2018). Трудности перевода: заметки о развитии прикладной городской антропологии в России. Фольклор и антропология города, *1*(1), 204–213.

Догадина, Е. (2018, 25 октября). Уберите змею. Такие дела. Режим доступа: https://takiedela.ru/2018/10/uberite-zmeyu/

Петров, Н. (2017). Миф о фольклористе Шурике. 23 мифа, которые раздражают ученых. Просветительский проект *Arzamas.academy*. Режим доступа: https://arzamas.academy/materials/785

Петров, Н. (2018). «Фольклорный брендинг» российских территорий. В Н. В. Петров, М. В. Ахметова, М. И. Байдуж (Ред.). Воображаемая территория*:* от локальной идентичности до бренда, 70–77. М.: НЕОЛИТ.

Фиалкова, Л. (2010). Прикладное применение фольклора. Антропологический форум, *2010*(13), 147–176.

Abarca, J. (2016). From street art to murals: What have we lost? *Street Art & Urban Creativity, 2*(2), 60–67.

Abarca, J. (2017). Curating street art. *Street Art & Urban Creativity Scientific Journal*, *3*(2), 112–118.

Alexander, J. (2003). *The meanings of social life: A cultural sociology*. New York: Oxford University Press.

ATU. Uther, H.-J. (2004). *The types of international folktales: A classification and bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson*. FF Communications, 284–286. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. Three volumes.

Baron, R. (2008). American public folklore: History, issues, challenges. *Indian Folklore Research Journal, 5*(8), 65–86.

Bassin, M., Kelly, C. (Eds). (2016). Soviet and post-Soviet identities. New-York: Cambridge University Press.

Beals, R. (1950). Editors page. *Journal of American Folklore, 63*(249), 360.

Botkin, B. A. (1953). Applied folklore: Creating understanding through folklore. *Southern Folklore Quarterly*, 17, 199–206.

Botkin, B. A. (Ed.). (1945). *Lay my burden down: A folk history of slavery*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Dorson, R. (1971). Applied folklore. *Folklore Forum Bibliographic and Special Series, 1971*(8), 40–42.

Jones, M. O. (1994). Applying folklore studies: An introduction. In M. O. Jones (Ed.). *Putting folklore to use: Collection of articles*, 1–42. Lexington: The University Press of Kentucky, 1994.

Montell, W. L. (1983). Academic and applied folklore: Partners for the Future. *Folklore Forum, 16*(2), 159–173.

Schacter, R. (2014). The ugly truth: Street art, graffiti and the creative city. *Art & the Public Sphere, 3*(2), 161–176.

Schacter, R. (2016). Graffiti and street art as ornament. In J. I. Ross (Ed.). *Routledge handbook of graffiti and street art*, 226–246. London and New-York: Routledge.

Shuldiner, D. (1998). The politics of discourse: An applied folklore perspective. *Journal of Folklore Research, 35*(3), 189–201.

References

Abarca, J. (2016). From street art to murals: What have we lost? *Street Art & Urban Creativity, 2*(2), 60–67.

Abarca, J. (2017). Curating street art. *Street Art & Urban Creativity Scientific Journal*, *3*(2), 112–118.

Alekseevsky, M. (2018). Lost in translation: Concerning the development of applied urban anthropology in Russia. *Urban Folklore & Anthropology, I*(1), 204–213. (In Russian).

Alexander, J. (2003). *The meanings of social life: A cultural sociology*. New York: Oxford University Press.

ATU. Uther, H.-J. (2004). *The types of international folktales: A classification and bibliography. Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson*. FF Communications, 284–286. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. Three volumes.

Baron, R. (2008). American public folklore: History, issues, challenges. *Indian Folklore Research Journal, 5*(8), 65–86.

Bassin, M., Kelly, C. (Eds). (2016). Soviet and post-Soviet identities. New-York: Cambridge University Press.

Beals, R. (1950). Editors page. *Journal of American Folklore, 63*(249), 360.

Botkin, B. A. (1953). Applied folklore: Creating understanding through folklore. *Southern Folklore Quarterly*, 17, 199–206.

Botkin, B. A. (Ed.). (1945) *Lay my burden down: A folk history of slavery*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Dogadina, E. (2018, October 25). Remove the snake. *Takie dela*. Retrieved from https://takiedela.ru/2018/10/uberite-zmeyu/ (In Russian).

Dorson, R. (1971). Applied folklore. *Folklore Forum Bibliographic and Special Series, 1971*(8), 40–42.

Fialkova, L. (2010). Applied folklore. *Forum for Anthropology and Culture, 2010*(13), 147–176. (In Russian).

Jones, M. O. (1994). Applying folklore studies: An introduction. In M.O. Jones (Ed.). *Putting folklore to use: Collection of articles*, 1–42. Lexington: The University Press of Kentucky, 1994.

Montell, W. L. (1983). Academic and applied folklore: Partners for the future. *Folklore Forum, 16*(2), 159–173.

Petrov, N. (2017). The myth of Shurik the folklorist. 23 myths that annoy scientists. *Educational project Arzamas.academy*. Retrieved from https://arzamas.academy/materials/785. (In Russian).

Petrov, N. (2018). "Folklore branding" of Russian territories. In N. Petrov, M. Akhmetova, M. Baiduzh (Eds.). *Imaginary territory: from local identity to a brand*, 70–77. Moscow: NEOLIT. (In Russian).

Schacter, R. (2014). The ugly truth: Street art, graffiti and the creative city. *Art & the Public Sphere, 3*(2), 161–176.

Schacter, R. (2016). Graffiti and street art as ornament. In J. I. Ross (Ed.). *Routledge handbook of graffiti and street art*, 226–246. London and New-York: Routledge.

Shuldiner, D. (1998). The politics of discourse: An applied folklore perspective. *Journal of Folklore Research, 35*(3), 189–201.

Культура в сетях мобильности: стратегии выбора досуговых практик молодыми петербуржцами

Дарья Александровна Радченко[1], [2]

✉ darradchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1]Центр городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия
[2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Михаил Дмитриевич Алексеевский[1]

✉ alekseevsky@strelka-kb.com
ORCID: 0000-0001-9933-4374

[1]Центр городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Радченко, Д. А., Алексеевский, М. Д. (2019). Культура в сетях мобильности: стратегии выбора досуговых практик молодыми петербуржцами. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 106–131. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-106-131.

В статье рассматриваются стратегии и практики культурного потребления молодых жителей Санкт-Петербурга. На материале проведенных в рамках исследования экспертных интервью и глубинных интервью с представителями различных групп активных молодых петербуржцев были выявлены особенности запросов целевой аудитории и выстраивания траекторий культурного потребления. Они связаны со значимостью горизонтальных социальных связей как источника информации о культурных событиях, ценностью свободной траектории культурного потребления (свободой перемещения по объекту культуры, выбора темпа потребления, гибкости и комфортности пространства, нацеленности на сопроизводство культуры, а не пассивную позицию зрителя), предсказуемостью программы, а также возможностями перенастройки социальных связей в процессе потребления культуры. Мы показываем, что потребление культуры в Петербурге встроено в повседневные процессы, и именно поэтому зависимо от траекторий транспортной мобильности горожан: культура оказывается сконцентрирована в т. н. «золотом треугольнике» центра города (хотя имеется запрос на районные культурные события и точки притяжения), но при этом средовой фактор центра ограничивает диапазон повестки, считающейся допустимой в этом пространстве.

Ключевые слова: культурное потребление, мобильность, молодежь, Санкт-Петербург

Culture in the networks of mobility: strategies of choosing recreation practices among young Petersburgers

Daria A. Radchenko[1, 2]

✉ darradchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1]Centre for Urban Anthropology, Strelka KB, Russia, Moscow
[2]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Mikhail D. Alekseevsky[1]

✉ alekseevsky@strelka-kb.com
ORCID: 0000-0001-9933-4374

[1]Centre for Urban Anthropology, Strelka KB, Moscow, Russia

To cite this article:
Radchenko, D., Alekseevsky, M. (2019). Culture in the networks of mobility: strategies of choosing recreation practices among young Petersburgers. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 106–131. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-106-131. (In Russian).

The paper dwells upon strategies and tactics of cultural consumption among young Petersburgers. Basing on a series of expert interviews and in-depth interviews with target audience we demonstrate specific local features of their needs, and models for developing trajectories of cultural consumption. They are determined by perceived importance of horizontal social connections used as a source of information about cultural events, valuing free choice of trajectories (including freedom of movement within a cultural institution, self-scheduling the pace of one's consumption, fluidity and comfort of space, opportunity to co-produce culture rather than to be a passive observer), certain predictability of the programme, and possibilities of redevelopment of social connections during cultural consumption. We demonstrate that cultural consumption in Saint Petersburg is built in everyday routine processes, and due to that it is determined by trajectories of transport mobility: culture becomes concentrated in the "golden triangle" of city centre (though a need for peripheral cultural events and attractions is also articulated), nevertheless the city centre environment factor limits the variety of events which are considered appropriate in the area.

Keywords: cultural consumption, mobility, youth, Saint Petersburg

Введение

Расхожее представление гласит, что Санкт-Петербург является культурной столицей России — именно здесь не только рождаются культурные явления, востребованные всей страной, но и живут люди, особенно ориентированные на потребление культуры, прежде всего, высокой (спектакли, выставки, концерты классической музыки и т. д.). Мифология «культурной столицы» не только активно

поддерживается и развивается в самом городе, но и становится одним из главных элементов образа Санкт-Петербурга, транслируемых вовне. Миллионы туристов из России и из-за рубежа приезжают в Петербург, чтобы посетить его знаменитые музеи и театры, а также увидеть настоящих «интеллигентных петербуржцев».

Эта устойчивая репутация города может вызывать неоднозначную реакцию. С одной стороны, статус «культурной столицы России» становится для жителей поводом для гордости, так что возникают предложения использовать его как бренд города в общемировом масштабе [Запесоцкий 2013]; с другой стороны, разрыв между завышенными ожиданиями и реальными культурными процессами может вызывать болезненные рефлексии по поводу «провинциальности» города и его несоответствия высокому званию [Дамберг, Семенков 2000]. Однако даже в том случае, когда лидерство города в области развития культуры ставится под сомнение, мифологию «культурной столицы» все равно оказывается невозможно обойти. Любой разговор о культурной политике в Санкт-Петербурге неизбежно испытывает влияние «особой» репутации этого города. Более того, эта репутация начинает влиять и на вопросы, напрямую с культурой не связанные. Показательна в этом отношении ситуация, когда в апреле 2019 года власти Санкт-Петербурга принимают решение отказаться от строительства Судебного квартала на Мытнинской набережной на Петроградской стороне и объявляют о том, что на этом месте должен появиться парк; однако речь идет не об обычной зеленой зоне, а об «арт-парке с театрально-выставочной зоной», где должен разместиться Театр балета Бориса Эйфмана [Арт-парк 2019, 24 апреля]. Специфика Санкт-Петербурга проявляется в том, что даже новый парк тут должен быть «про культуру и искусство».

Между тем, попытки реализовать масштабные культурные инициативы в Санкт-Петербурге, исходя из представлений об «особом статусе» этого города, не всегда оказывались удачными. В начале 2000-х годов в Санкт-Петербурге достаточно громко был запущен проект «Партнерство по поддержке творческих индустрий: Санкт-Петербург, Хельсинки, Манчестер», реализуемый в рамках Программы содействия малым проектам приграничного сотрудничества Tacis. Одним из идеологов проекта и энтузиастов развития творческих индустрий в Санкт-Петербурге был британский урбанист Чарльз Лэндри, автор термина «креативный город» [Landry, Bianchini 1995, Landry 2000, Лэндри 2011]. Однако, несмотря на объявленную местными властями поддержку и высокие ожидания, во многом связанные с репутацией Санкт-Петербурга как «культурной столицы», проект оказался существенно менее эффективен, чем ожидалось [О'Коннор 2004]. Творческие индустрии не смогли полноценно развиться, так что сделать «культурную столицу» первым российским «креативным городом» тогда не удалось. В следующем десятилетии ситуация изменится в лучшую сторону, в Петербурге появятся творческие индустрии, однако даже сейчас эти креативные институции зависли «между храмом культуры и торговым центром» [Бармина, Сафонова 2016, Сафонова, Соколова, Бармина 2017].

Неудаче проекта «Партнерство по поддержке творческих индустрий» можно найти много объяснений, однако нельзя не признать очевидной проблемы. Реализуя масштабные проекты культурного развития в Санкт-Петербурге, нельзя полагаться исключительно на его статус «культурной столицы», предполагая, что любой проект в области культуры должен здесь «хорошо зайти». Необходимо иметь более глубокое понимание того, в чем заключается локальная специфика культурного потребления — в том числе представления разных групп стейкхолдеров[1] (от чиновников и бизнеса до представителей целевых аудиторий) о «востребованном» и «допустимом», — того, по каким принципам осуществляется выбор тех или иных культурных активностей различными категориями жителей города, как потребление культуры вписывается в повседневные сценарии петербуржцев.

На первый взгляд кажется, что Санкт-Петербургу в этом отношении крайне повезло. Два десятилетия подряд (с 1991 по 2011 год) Социологический научно-исследовательский центр проводил здесь масштабное исследование «Приобщенность жителей Петербурга к культурной жизни города» (научный руководитель — Михаил Илле). За эти годы по результатам проекта вышло большое количество статей [Илле 1996, Илле 1998, Илле 2000, Илле 2006, Илле 2007, Илле 2017], монография «Петербуржцы в театрах, на концертах и выставках: исследование художественной жизни Санкт-Петербурга конца XX — начала XXI века» [Илле 2008], а также две работы, написанные инициатором проекта в соавторстве с Михаилом Соколовым, обобщающие и концептуализирующие результаты многолетних исследований [Илле, Соколов 2018a, Илле, Соколов 2018b].

Примечательно, что отправной точкой для Михаила Илле тоже становится мифология «культурной столицы», которой он посвятил первую главу своей монографии: «Для новейшей истории города характерна попытка вновь обрести столичный статус — статус культурной столицы России. Эту тему очень любят развивать городские власти. Об этом же можно услышать и из уст москвичей, но уже с немалой долей иронии. Понятие культурной столицы расплывчато и неопределенно» [Илле 2008: 16]. Исследование практик потребления культуры оказывается для исследователя особенно актуальным в контексте болезненных социально-экономических трансформаций постсоветского общества, которые постоянно заставляют беспокоиться о судьбах петербургской культуры и ее ценителей. К счастью, итоговые результаты исследования показывают, что какого-то катастрофического снижения интереса к культуре за эти годы не произошло: «Вопреки алармистским представлениям об упадке культурности, мы не видим никаких следов такового: спад в пределах примерно 10% имел место в первой половине 1990-х гг. ‹…›; затем, однако, он сменяется ростом, причем показатели 2008 г. по всем позициям практически равняются данным 1991 г.» [Илле, Соколов 2018a: 165].

[1] Термином «стейкхолдер» в городском проектировании обозначаются люди, группы лиц или организации, по тем или иным причинам заинтересованные в объекте и влияющие на его функционирование.

Данные телефонных опросов жителей Санкт-Петербурга, полученные за двадцать лет, являются уникальным источником информации о том, какие культурные активности были популярны у различных категорий горожан в постсоветскую эпоху. Однако сам формат количественного социологического опроса накладывает определенные ограничения на то, что мы можем узнать о практиках культурного потребления петербуржцев, о чем пишет и сам автор исследования: «Методически исследование ориентировано на фиксацию фактического поведения населения в сфере художественной культуры, и мы в очень незначительной степени интересовались мотивацией респондентов, их оценками тех или иных произведений искусства, которые они видели/слышали при своем очередном посещении какого-либо учреждения культуры. Соответственно, мы не можем всерьез говорить о качественных характеристиках петербургской публики: развитости эстетических потребностей, художественном вкусе, ориентациях на "низкие" или "высокие" образцы художественного творчества и т. д.» [Илле 2008: 7]. Однако для разработки стратегии культурной политики в масштабах города «фиксации фактического поведения населения» явно недостаточно. Мотивировки, определяющие выбор того или иного вида культурной активности, здесь имеют принципиальное значение. И в работе с ними более продуктивным оказывается использование не количественных методов социологии искусства, а качественных методов культурной антропологии.

***

Антропологическое исследование, о котором пойдет речь в этой статье, имеет прикладной характер. Его заказчиком выступала организация[2], которая планировала инициирование и поддержку разнообразных культурных мероприятий в Санкт-Петербурге, ориентированных преимущественно на молодую аудиторию. В рамках разработки общей стратегии данной программы заказчику было необходимо определить, какого типа мероприятия необходимо будет поддерживать, на каких площадках в каких районах города их лучше проводить, как выстроить медийные каналы коммуникации программы, чтобы они были наиболее эффективными. Для того чтобы ответить на эти вопросы, было решено провести социокультурное исследование, и для этой работы был выбран Центр городской антропологии КБ Стрелка.

Главной прикладной задачей исследования было создание событийной карты Петербурга, выявление ключевых аудиторий событийной программы и их запросов, прежде всего, в отношении инновационных форматов культурных мероприятий, ориентированных на городскую молодежь. Работа проводилась с октября 2016 года по февраль 2017 года и включала не только полевое исследование[3], но и кабинет-

[2] Заказчик предоставил Центру городской антропологии КБ Стрелка разрешение на публикацию результатов данного исследования, однако сам пожелал сохранить анонимность.

[3] В сборе интервью активное участие принимали петербургские антропологи Михаил Лурье, Анна Сенькина и Андриан Влахов, которым авторы статьи выражают глубокую благодарность.

ный анализ международного опыта. Для реализации задач исследования полевая работа была разбита на два этапа: (I) *выявление ключевых трендов* событийной программы Санкт-Петербурга путем проведения серии экспертных интервью с представителями креативных индустрий, органов власти, организаторами культурных событий, менеджерами точек притяжения — 19 информантов; (II) *выявление запросов аудиторий* путем проведения серии глубинных интервью с жителями Санкт-Петербурга — 54 информанта, входящих в следующие группы:

1. «Студенты»: учащиеся высших учебных заведений города, молодые участники событийной программы Петербурга в возрасте от 18 до 24 лет (21 человек).
2. «Молодые специалисты»: мужчины и женщины от 25 до 34 лет, всего 17 человек; более платежеспособная аудитория, чем «студенты», запросы которой во многом определяют современное состояние событийной программы города.
3. «Школьники» (11–16 лет) и «Родители школьников» (35–45 лет), всего 16 человек: поскольку к старшим классам досуговое поведение подростков лишь отчасти определяется их родителями, были проведены интервью как с родителями школьников, так и с самими подростками.

Выборка была структурирована таким образом, чтобы добиться максимальной демографической и социальной сбалансированности внутри групп информантов (так, соблюдались примерно равные доли мужчин и женщин, а также коренных петербуржцев и недавно переехавших в город) и максимального географического разнообразия (см. *Карту 1*). Рекрутирование производилось с использованием традиционного для такого рода исследований метода снежного кома.

В данной работе мы представляем не все исследование, а только ту его часть, которая, как представляется, имеет не только прикладной, но и академический интерес. Предметом рассмотрения здесь являются информационные и пространственные аспекты практик потребления культуры у школьников, студентов и молодых специалистов Санкт-Петербурга. Влияние восприятия городского пространства в данном случае имеет для исследования особое значение, поскольку в Петербурге, помимо мифологии «культурной столицы», существует и другое, не менее распространенное представление, которое транслируют не только потребители, но и производители культурного продукта. Это представление о том, что на самом деле «культурной столицей» является не весь город, а лишь его центральная часть. В этом представлении за пределами нескольких центральных улиц простираются пустые, лишенные культурной жизни «спальные районы», откуда нужно «выбираться в центр», чтобы удовлетворить свой запрос.

Эта задача — «выбраться в центр» — оказывается нетривиальной. В мегаполисе для того, чтобы послушать живую музыку или посмотреть спектакль, необходимо перемещаться, иногда проводя часы в транспорте. Необходимо знать точное время и точные локации, в которых

происходят интересные нам события, уметь прокладывать маршруты к ним и выбирать среди множества привлекательных мероприятий, проходящих одновременно, учитывая не только свои интересы и возможности, но и интересы своих спутников. Иными словами, мегаполис требует от нас умения осуществлять навигацию в городском поле культуры — и в информационном смысле, и в физическом.

В этих условиях постоянной мобильности может изменяться мотивация культурного потребления: мы едем на какой-то спектакль не потому, что хотим увидеть именно его (возможно, тем же вечером происходит еще более привлекательная театральная постановка), а потому, что туда легче добраться. Именно изучению сетей информационных и географических маршрутов как фактору, который определяет мотивацию культурного потребления, и посвящена данная статья.

«Подружка меня вытаскивает»: текучие сети коммуникации

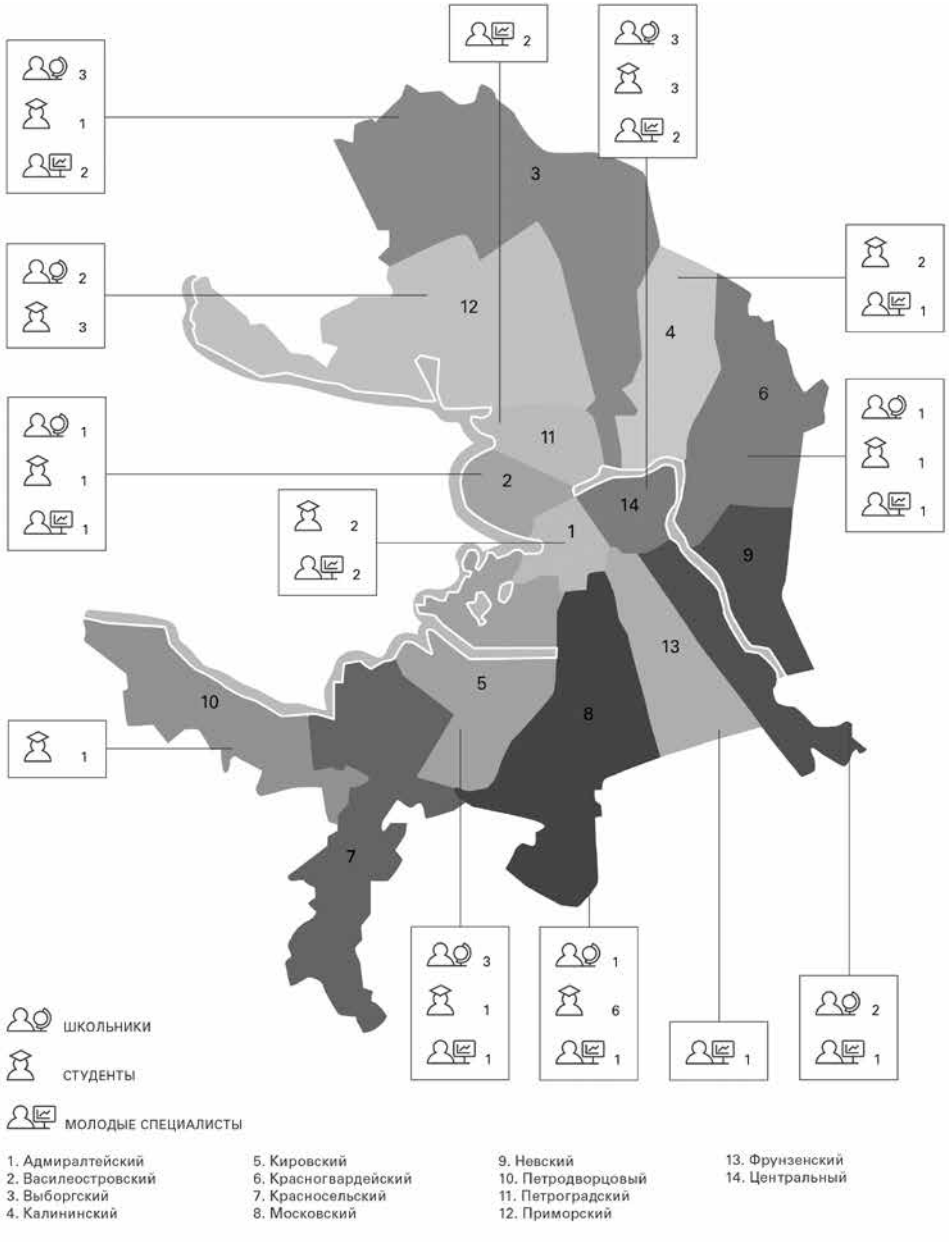
Ключом, во многом определяющим культурное потребление, является знание о том, какие события можно посетить. Это знание легкодоступно. Более того, как отмечают опрошенные нами эксперты, Петербург перегружен информационными ресурсами: нередко активный пользователь культуры следит за происходящим, используя множественные каналы, в том числе прессу, телевидение, социальные медиа.

Однако между знанием о событиях и собственно потреблением есть существенный (и очевидный) зазор. То, что человек поставил потенциальному событию «лайк» или зафиксировал его в своем календаре, далеко не всегда приводит к посещению мероприятия. И напротив, реальные посетители событий далеко не всегда узнавали о нем из «официальных» источников.

Гораздо чаще, чем представляют себе игроки рынка культуры, выбор событий оказывается обусловлен социальными связями потребителя. В ситуации развитой мобильности, по мнению Джона Урри, особую значимость приобретает сетевой капитал — возможность взаимодействия с людьми, вещами, местами, информацией, в том числе, пространственно удаленными [Урри 2012]. Именно наличие этого ресурса, по мнению информантов, является важной характеристикой и преимуществом Петербурга.

«Сетевой капитал» молодых петербуржцев[4] базируется на двух основных источниках. Во-первых, это разделяемая многими из них установка на особый тип отношений: многочисленные, открытые, но довольно поверхностные «слабые связи», позволяющие быть в контакте со значительным числом людей. Во-вторых, это в известной степени культивируемая неоднородность публик, смешение в одном пространстве людей из разных «кругов»: уровней достатка, сфер интересов, профессиональных областей и т. п.

[4] Любопытным материалом для сравнения являются результаты исследования культурных практик московских подростков, проведенного Московским институтом социально-культурных программ в 2014–2015 годы [Пузанов 2015, Талавер, Черныш 2016, Привалова, Пузанов 2017]. Интересно, что, по результатам этих исследований, подростки до 18 лет объявляются «наименее включенной в культурную жизнь Москвы» категорией жителей.

Карта 1. Распределение информантов по районам Санкт-Петербурга

> Здесь можно встретить, там, людей из неожиданных как бы кругов, вот в этих местах. А в Москве как бы меньше, намного меньше вероятность, там нет такого. Здесь мне просто это всегда в принципе импонирует[5].

Благодаря этим особенностям петербургской «досуговой социальности», сеть слабых связей оказывается достаточно велика и разнообразна, чтобы обеспечить доступ к множеству камерных событий, не продвигаемых в институциональных медиа.

Можно выделить четыре ключевых типа «культуртрегеров», определяющих культурное потребление довольно крупных групп, хотя значимость этих культуртрегеров различается в зависимости от возраста и семейного положения информанта.

Первый тип — это *люди, связанные сильными социальными связями* (семейными или дружескими). Семейный авторитет определяет приобщение молодых петербуржцев к «высокой культуре» (причем роль культуртрегера обычно берут на себя женщины — обычно это мать или бабушка, чьи предпочтения во многом определяют выбор события). С родителями посещаются театры, музеи, фестивали, научно-популярные события.

Львиную долю досуговых мероприятий старшие школьники реализуют совместно с друзьями. Это прогулки по центру, кинотеатры, музеи и галереи, кафе, торговые центры, креативные пространства, антикафе, «профильные» выставки, походы на крыши и в заброшенные здания. В целом для петербургских подростков старшего школьного возраста важнее компания, чем повестка, вопрос «с кем идти», а не «на что идти» — если речь не идет о мероприятиях, непосредственно связанных с их узкоспециальными увлечениями.

Социальные связи этого типа могут приводить к интенсификации культурного потребления и обратным путем — когда информант сам выступает в качестве культуртрегера/экскурсовода, обычно для иногородних друзей или, в более старшем возрасте, для собственной семьи (партнера и детей).

> Если у меня все-таки приезжает какой-нибудь друг из какой-нибудь Москвы или Казани, такое случается довольно [часто], и, вот, возможно, мы куда-нибудь и пойдем, там, Питер показать и самой что-то узнать. А так, из-за того, что мне одной одиноко, и мама вечно занята... ну, в общем, не хочется никуда ходить[6].

Вторую группу культуртрегеров можно обозначить как «*медийно вовлеченные*»: знакомые, активно пишущие в социальных сетях о своей культурной жизни. По сути, такого рода слабые связи выступают в роли фильтров на пути потока информации о культурной жизни: они «тестируют» события, рецензируют их и сообщают окружающим о результате. Авторитет этих культуртрегеров основан на двух факторах. С одной стороны, у них имеется обширный опыт культурного

[5] Ангелина, студентка 1 курса Европейского университета.
[6] Алиса, студентка 1 курса Восточного института.

потребления, который позволяет им выносить суждения об увиденном. С другой стороны, личное знакомство с ними подразумевает, что у информанта и такого культуртрегера есть общие поля референций, в том числе разделяемые предпочтения, которые отчасти сформировались в результате опыта взаимодействия, отчасти стали причиной самого знакомства.

> А еще надо дружить на Facebook с правильными людьми, которые куда-то ходят и об этом пишут посты и дают ссылочки. И ты тогда идешь. ‹...› Это процентов на 95 лично знакомые мне люди, которым я доверяю в этих вопросах[7].

Следующую группу условно назовем «*творческие друзья*»: люди, профессионально вовлеченные в креативные индустрии (актеры, художники, музыканты и т. п.). Для петербуржцев очень характерно посещать события, связанные с такими «творческими друзьями» — открытия их выставок, выступления, — или просто проходить с ними куда-то по контрамаркам, которые «творческим друзьям» дали их знакомые «из общей тусовки» (не в последнюю очередь это происходит благодаря тому, что значительное число горожан занято в культурном производстве или обучается творческим специальностям). Отчасти здесь срабатывает и механизм «рекурсивных публик» [Kelty 2005]: среди культурно активной молодежи достаточно много не только потребителей, но и производителей культурного продукта, что позволяет им ходить на мероприятия друг к другу, а также втягивать в этот процесс своих друзей и знакомых.

> Есть у меня подружка, у которой есть подружка, которая музыкант. И вот как бы живые концерты этой подружки-музыканта периодически в каких-то таких кафешках случаются. Тоже вот моя подружка меня вытаскивает[8].

Наконец, в роли проводников информации о культурных мероприятиях могут выступать «*родители одноклассников*»: люди, имеющие детей того же возраста (это релевантно прежде всего для «старшей» возрастной группы наших информантов; сами школьники не упоминают о роли этого типа «проводников» в их культурной жизни). Такие знакомые часто являются источниками информации об интересных для детей данной возрастной группы событиях или инициаторами совместного похода семьями в театр, на выставку и т. д.

Итак, в Петербурге информация о событиях циркулирует в двух типах сетей. С одной стороны, это традиционные и онлайн-медиа, в том числе те, для которых культурная программа города является основной повесткой. С другой стороны — это плотная сеть личных социальных связей, как «сильных», так и «слабых».

В целом ряде случаев оказывается, что молодые петербуржцы не просто больше доверяют рекомендациям лично знакомых людей (по тому же принципу friend of a friend, по которому эффективно

[7] Наталья, 38 лет, учитель обществознания в гимназии.
[8] Наталья, 38 лет, учитель обществознания в гимназии.

распространяются слухи и городские легенды), но и осознанно предпочитают включаться в те события, которые разделяются «своими» [Юрчак 2014], и поэтому играют роль территорий конструирования и поддержания сетевого капитала.

«Что хочешь, то и делаешь»: свободная траектория культурного потребления

Другим важным принципом, определяющим выбор той или иной формы культурного досуга в Петербурге, является свобода выбора, предоставляемая событием: возможность самому определять темп освоения, выбирать между площадками и видами деятельности в рамках события, параллельно общаться с друзьями, свободно приходить и уходить, отвести для посещения любой промежуток времени: «Как бы ты пришел, ушел… Там, тут походил туда-сюда. Что хочешь, то и делаешь»[9]. Например, почти все информанты сообщают о своей нелюбви к массовым мероприятиям, особенно официальным. Тем не менее, посещение таких мероприятий — один из очень распространенных видов досуга: большинство информантов были на таких мероприятиях хотя бы несколько раз, многие посещают их довольно регулярно, часто с семьями. Условием для того, чтобы туда прийти, оказывается четко очерченная повестка и возможность в ее рамках выбрать площадку и занятие по своему вкусу, причем без длительного ожидания:

> Да, хотелось бы побольше вот этих лавочек, чтобы очереди не такие большие были. А то там нужно было где-то полчаса стоять, наверное, чтобы получить какой-нибудь заветный блинчик или еще что-нибудь[10].

Определение траектории своего движения в рамках события оказывается спонтанным и ситуативным. Ее постоянно переопределяют в зависимости от контекста: эмоций, ощущений, взаимодействия с другими.

По-видимому, именно поэтому наиболее распространенной формой досуга культурно активных жителей Санкт-Петербурга оказались музеи и выставки (почти все информанты сообщили, что они посещали такие институции за последние 12 месяцев). Несмотря на то, что с возрастом интерес к ним несколько снижается, они остаются значимыми для всех обследуемых возрастных групп.

Причины притягательности музеев заключаются не только в содержании, но и в гибкости среды. Прежде всего, это «всепогодные» пространства: поход в музей в холодное время года заменяет прогулку по городу, и, как и в ситуации прогулки, посетитель может выбирать маршруты, места остановок, темп движения и даже сопутствующие сенсорные ощущения:

[9] Ася, ученица 11 класса, поступает на ф-т международных отношений СПбГУ.
[10] Алиса, студентка 1 курса Восточного института.

> Мне интереснее, допустим, сходить на выставку, сходить в музей, потому что все-таки там не так шумно. Там, конечно, да, тоже как на вокзале, но это какой-то такой вот сторонний гул, можно от него отключиться совершенно, наушники в уши вдеть и со своей музыкой гулять по музею[11].

Затем, о музеях говорят как о пространстве, которое предлагает «гарантированное содержание»: в любое время можно рассчитывать на то, что в музее или галерее есть выставка или экспозиция, причем с достаточно предсказуемым содержанием. Наконец, большинство музеев предлагают и дополнительную образовательную или концертную программу, которую также легко встроить в сценарий посещения. Например, «Эрмитаж» предлагает как постоянно действующие образовательные программы, так и множество отдельных публичных лекций, мастер-классов, дискуссий; в Музее музыки регулярно проходят концерты; Музей Фаберже предлагает не только выставки, но и сопровождающие их лекционные программы и т. д.

Два других типа «гибких сред» в представлении информантов — это креативные пространства и антикафе. Креативные пространства («Этажи», «Ткачи» — востребованные на момент проведения интервью — и проч.) воспринимаются ими как скопления в той или иной степени привлекательных торговых точек и событий. С возрастом информанты все больше ощущают дискомфорт от «недостроенности» таких пространств, наличия в них неосвоенных или неотремонтированных зон. Однако молодая аудитория именно в этой недоосвоенности видит дополнительные возможности, предоставляемые средой. Такие пространства оказываются ответом на запрос молодежи на творческое со-производство (то есть на иммерсивную позицию соучастника), в отличие от пассивного потребления культуры из позиции наблюдателя.

Антикафе — еще более поддающееся возможности со-производства пространство. Для школьников антикафе — это место, где можно недорого провести время с друзьями, возможно, поиграть в настольные игры, отметить день рождения. Студенты же заинтересованы в антикафе как месте проведения камерных мероприятий — лекций, кинопоказов, концертов формата «квартирников», — причем как в качестве зрителей, так и в качестве организаторов таких мероприятий.

На первый взгляд, пользование антикафе среди различных возрастных групп преследует принципиально разные цели. Однако в обоих случаях речь идет о запросе на некоторое «пустое» пространство, которое не навязывает свою повестку, выводит из зоны контроля старших и при этом является безопасным и социально одобряемым для организации социального взаимодействия. Этот запрос характерен не только для молодежи Санкт-Петербурга, но и для представителей этой возрастной группы из других городов — как крупных мегаполисов (в Москве

[11] Анна, 30 лет, учитель истории в школе, студентка заочной магистратуры исторического факультета СПбГУ.

этот запрос ярко проявил кейс «Ямы»[12]), так и малых городов и моногородов [Арье 2017, 17 февраля].

Итак, целая группа пространств, выбираемых молодыми пользователями — это «территории свободы», позволяющие не только перемещаться по ней, следуя собственным ситуативным пожеланиям, и выбирать форматы досуга, но и, до определенной степени, переопределять само содержание программы. Эта гибкость может быть продуктом самой концепции пространства (например, антикафе принципиально устроены таким образом, чтобы их посетители проводили в них время по собственному вкусу) или многообразия его аффордансов как физической среды [Латур 2014] — так устроены креативные пространства, которые нередко расположены в недоосвоенных зданиях, бывших промышленных комплексах и уже в силу этого выдвигают меньше запретов пользователю.

Более того, эти пространства позволяют не просто совершать какие-то действия (перемещаться, фотографировать картины, играть в «Мафию», устраивать концерты), но и в процессе этого поддерживать, настраивать и перестраивать социальные связи: сильные связи внутри группы друзей, слабые связи с «друзьями друзей», налаживать новые связи, в том числе, кратковременные — и, при необходимости, легко разрушать их.

Этот же запрос на социальную флюидность воспроизводится и во взаимодействии с пространствами, для которых характерна более жесткая программа. Представители всех рассматриваемых нами групп склонны поддерживать максимально интерактивные форматы мероприятий. Это характерно, прежде всего, для студентов и школьников: групп с повышенной потребностью в социальном взаимодействии и освоении пространства через совместное действие:

> Не знаю, как, ну, есть же всякие разные игры, в которых ты можешь поучаствовать, когда ты знаешь правила игры. Не когда тебе: «Нам нужен доброволец на сцену!», нет, этого не надо. Не знаю, мне кажется, это какой-то детский формат, а так, когда организованно: собери команду, квест по городу, пробегись, найди какие-то штуки, которые мы спрятали, вот это интересно[13].

Важно, что эта интерактивность должна быть, по мнению информантов, ограничена упомянутой выше свободой траекторий, когда выбор — участвовать или не участвовать в какой-то общей деятельности — остается за посетителем.

> Это довольно интересно, если тебя... то есть не заставляют как-то силой в этом участвовать, а если как бы они присутствуют, вот, и просто ты ощущаешь присутствие, как-то если захочешь, ты поучаствуешь[14].

Особенно ярко это проявляется, когда речь идет о научно-популярных и образовательных мероприятиях, но касается, например, и концертов.

[12] См. статью Д. Радченко об этом [Радченко 2019].

[13] Анна К., студентка 3 курса Университета путей сообщения (ПГУПС).

[14] Никита, студент 2 курса экономического факультета НИУ ВШЭ (СПб).

В противоположность ожиданиям, «живому» лекционному формату отдается предпочтение перед записями и подкастами в интернете — даже несмотря на то, что на лекцию приходится ехать, а трансляцию можно смотреть в комфортной обстановке, не тратя время на дорогу. Очень часто наши информанты говорили о своем интересе к тому, чтобы пообщаться со специалистами, задать вопросы, ощутить атмосферу мероприятия, «быть рядом» с происходящим «здесь и сейчас», среди «своих».

> Но я считаю, что если я как бы посмотрел онлайн, я бы ни грамма информации не пропустил, но вот эту атмосферу я тоже люблю, лекций, лекционную[15].

> Ну, еще мне достаточно нравится, когда это чуть ближе, когда сцена чуть ближе к зрителям. Это в разных... ну, например, барах, типа «Дом 7» или «Шляпа». Там всегда можно прийти вечером и послушать живую музыку[16].

Многие информанты сообщают, что одной из важных особенностей удачного, с их точки зрения, мероприятия является создание на нем атмосферы единения, общего настроя, личного участия в событии. В итоге предпочтение чаще отдается относительно камерным мероприятиям, хотя ряд массовых событий также удовлетворяет запросу на социальность. По этому критерию объединяются такие разнородные мероприятия, как Фестиваль красок и шествие Бессмертного полка.

> Это вдохновляюще ‹...› такая атмосфера... как будто бы снимаются какие-то рамки, которые ты... идя по улице... просто носишь... ну, в смысле, что все подходят, начинают обниматься или там: «А давай сфоткаемся? А давай я в тебя кину краской?» Ну, подходят с маркерами, там пишут тебе какие-то пожелания на руках. И потом ты едешь в метро разрисованный, на тебя все смотрят, пальцами тычут. Ну, то есть такая приятная очень атмосфера[17].

Таким образом, интерактивность может быть «сцеплена» как с камерностью, так и с массовостью, однако это два разных типа интерактивности. В первом случае речь идет о качественном взаимодействии выступающего с аудиторией; ценность «живого» выступления повышается от близости к выступающему, возможности общаться с ним. Во втором — о «горизонтальном» взаимодействии участников друг с другом.

Обозначенная в начале раздела «свободная траектория» потребления культуры оказывается, таким образом, метафорой одновременной мобильности в разных плоскостях: физического передвижения в пространстве, движения по сети социальных связей, ситуативного выбора видов деятельности. Эта свобода, впрочем, ограничена аффордансами среды и четкой повесткой события — и эта ограниченность приветствуется, поскольку именно она обеспечивает прогнозируемость культурного опыта, того, что человек получит

[15] Миша, студент 1 курса юридического факультета СПбГУ.
[16] Алексей, студент 3 курса математико-механического факультета СПбГУ.
[17] Аня, студентка 3 курса Консерватории.

именно то, зачем пришел. Баланс между гибкостью и ограниченностью среды (неодинаковый для разных возрастных групп) является еще одним критерием, по которому выбирают культурную институцию и событие в ней.

«Если какие-то музеи по пути, мы в них заходим»: культура и повседневная мобильность

Молодые петербуржцы, с которыми были проведены интервью, отличаются весьма высоким уровнем вовлеченности в культурную жизнь города, хотя не всегда сами это осознают. Очень характерной чертой бесед с ними была ситуация, когда они сначала говорят, что редко где-либо бывают, а потом, начиная перечислять посещенные ими в течение последних месяцев площадки и события, в результате упоминают десятки мест и мероприятий. Оказывается, что они уделяют культурному досугу много времени, но очень мало долгосрочного внимания.

Одной из причин такого расхождения между реальным и воспринимаемым уровнями потребления культуры является встроенность культурной жизни в повседневность. Для многих наших информантов характерна ситуация, когда посещение культурных институций — не отдельное, планируемое задолго событие, а часть обыденной жизни. Так, многие из них (особенно студенты) ходят в музеи в обеденное время, во время «окна» между занятиями или «заодно» во время поездки в центр города по другим делам.

> У меня почему-то какая-то традиция уже сложилась перед сессией обязательно сходить в Эрмитаж. Не знаю прям... обогатиться культурно[18].

> Когда была выставка про взятие Берлина, я еще туда ходил. И ходил со школьниками просто по приколу. У меня, условно говоря, полтора часа времени, да, ну, то есть у меня два урока, да... с любыми классами. Я говорю: «Ребята, давайте просто вот это время мы пойдем да и сходим. Потому что нам идти 15 минут до "Ленэкспо"... туда, на Шевченко. Да и вернуться 15 минут. И как раз там, типа, если перемену захватим, как раз сходим». И все, и мы ходили так один раз, совершенно спокойно посмотрели[19].

Мобильность потребителей культуры заметно отличается в зависимости от района проживания. Жители окраин Петербурга, как правило, более открыты к передвижениям, чем жители центра: в отличие от последних, им приходится много ездить в любом случае. Кроме того, одним из факторов выбора жилья в центральном районе является доступность культурных учреждений и развлечений; центр оказывается самодостаточным и довольно консервативным.

Другим фактором мобильности оказывается тип занятости. Наиболее мобильной группой оказывается молодежь (см. аналогичные

[18] Анастасия, студентка 3 курса Университета путей сообщения (ПГУПС).
[19] Иван, 26 лет, учитель истории в физико-математической школе.

наблюдения в [Сорокина 2009: 87]). Мобильность подростков старшего школьного возраста в значительной степени связана с характером образовательного учреждения. С одной стороны, ведущие школы (равно как и ВУЗы) предоставляют подросткам множество форм досуга, как культурного, так и научного, что снижает их потребность ездить куда-то на лекции или в фаблабы — все это они могут получить, не выходя из школы. С другой, учеба в профильной или престижной школе (в отличие от районной) стимулирует мобильность: поскольку подростки съезжаются в школу из разных районов, к старшим классам у них уже накапливается серьезный опыт самостоятельных поездок по городу.

В итоге культурное потребление подростков нередко оказывается «функцией» основной формы послешкольного досуга — прогулки по центру с друзьями. Этот способ потребления сохраняется и в более старшем возрасте:

> А летом — вот тут разгул, можно прогуляться по всему городу, пока... У нас с друзьями есть такая традиция: мы собираемся компанией человек в 10 и проходим от какого-нибудь Парнаса до Купчино пешком за весь день. И если какие-то музеи по пути, мы в них заходим[20].

Как видно из примера выше, городская среда центра Петербурга и пространства музеев в процессе движения по городу практически сливаются. В культурные институции не только заходят так же ситуативно, как в кафе — но и смысловая граница между ними до определенной степени размыта. Прогулка по городу и прогулка по музею оказываются мотивированы одной и той же потребностью — свободного перемещения в разнообразной и эстетически комфортной среде.

Эта свобода включения культурного потребления в повседневность является, в глазах наших информантов, особым достоинством города: можно приехать в центр Петербурга и ситуативно решить, куда направиться и чем заняться, меняя траекторию досуга (как географический маршрут, так и саму программу) в зависимости от сиюминутного настроения. Именно из-за плотности и насыщенности городской среды Центрального и Адмиралтейского районов (визуального разнообразия, изобилия культурных площадок и объектов общественного питания) здесь возникает желанная для описываемых целевых аудиторий свобода перемещения.

> На мой взгляд, у нас жизни культурной... Во-первых, ей гораздо больше шансов воспользоваться, чем в Москве. Потому что в Москве, пока ты просто доедешь туда, все лапы сотрешь и уже ничего не захочешь. А здесь все-таки как бы город компактней, соответственно, если у тебя уж прямо... есть желание, ты можешь за один вечер посетить и четыре мероприятия[21].

Потребление культуры значительно изменяется после создания семьи и особенно появления детей. Молодые взрослые начинают больше

[20] Дарина, студентка Колледжа гостиничного бизнеса и туризма.
[21] Жанна, специалист по связям с общественностью.

времени уделять работе для заработка и воспитанию детей, чем самореализации и удовлетворению культурных потребностей. В результате изменяется и досуг. Прежде всего, снижается готовность к миграции: родители детей дошкольного и младшего школьного возраста больше времени проводят с ними в районных парках, реже ездят в центр, предпочитая досуг (например, посещение кинотеатра, интерес к которому заметно растет по сравнению со студентами) у себя в районе или совмещая «культпоход» с визитом к родственникам или друзьям.

При этом логистические сложности нередко «запирают» жителей в рамках своего района (особенно уязвимы маломобильные группы, например, женщины с маленькими детьми), и они оказываются отрезанными от качественного культурного продукта и возможностей развития.

Жители центра города, в свою очередь, практически не рассматривают культурные события на периферии — 75% мероприятий, востребованных жителями Центрального района, происходят либо в нем же, либо в близлежащем историческом Адмиралтейском районе. Иными словами, в центре создается своего рода «гетто высокой культуры», лишенное доступа к современной культуре, а на периферии — «гетто без культуры», сильно ограниченное в культурном потреблении.

Молодые петербуржцы из спальных районов, с которыми проводились интервью, нередко говорили о том, что в городе ощутимо не хватает небольших локальных культурных центров и точек притяжения, куда можно спонтанно пойти вечером, в будний день. Практически единственной практикой, доступной в своем районе, оказывается посещение кинотеатров. Для старших школьников кино — один из основных видов досуга, реализуемый почти исключительно с друзьями. Они, как правило, посещают кинотеатры в своем районе. Для молодых взрослых поход в кинотеатр становится формой семейного досуга и отдыха, и они постепенно возвращаются к преимущественному посещению ближайших к дому кинотеатров.

> Я бы активнее стала развивать районы подальше от центра. Потому что просто, допустим, ты сидишь дома, 10 часов вечера, тебе скучно и некуда пойти, ты не знаешь, куда сходить… ‹…› Понятно, что какие-то большие фестивали проводить лучше в центре, но такие местечковые, чтобы было уютно, можно и на периферии[22].

Бермудский «золотой треугольник»: повестка и место действия

Почему же этот запрос, который постоянно обсуждается разными группами стейкхолдеров, не находит ответа в появлении локальных культурных объектов в «спальных районах»?

Когда мы нанесли популярные среди молодых петербуржцев места культурного досуга на карту, стал наглядным очевидный факт: почти вся запоминающаяся культурная жизнь сосредоточена в самом центре

[22] Ирина, студентка 4 курса Политехнического университета (СПбГПУ), специальность «медицинская физика».

города — так называемом «золотом треугольнике» между Невским проспектом, Невой и Фонтанкой. Чем дальше от него — тем ниже плотность востребованных культурных пространств (так, в Петроградском районе проходит множество событий, но большинство из них имеет камерный, нишевый характер). Это подтверждают и цифры — в среднем 42% событий жители Петербурга посещают в центре города и лишь 8% — в собственном районе.

На первый взгляд кажется, что это естественный ход вещей: именно в центре сосредоточены архитектурные памятники и старейшие культурные институции города. Однако сами петербуржцы вполне готовы ездить через весь город туда, где проходят интересные для них события — особенно если речь идет о современных формах искусства или научно-популярных мероприятиях. Дело в том, что в центре города мероприятия новых форматов или связанные с современным искусством если не невозможны, то серьезно затруднены — как формальными ограничениями (например, визуальная составляющая мероприятия должна соответствовать «Эстетическому регламенту», охраняющему эстетику исторического центра, и представлениям лиц, согласовывающих мероприятия, о допустимости в центре тех или иных событий), так и «самоцензурой» организаторов мероприятий. Для Петербурга характерна охранительная, консервативная политика по отношению к городу и происходящей в нем жизни.

Такая позиция приводит к музеефикации центра, дефициту современных форм искусства, боязни новых форматов со стороны администрации. Как выразился один из опрошенных экспертов — «От чего мы страдаем больше всего, то, что Петербург — это такая застывшая скульптура»[23]. По мнению экспертов, этот консерватизм нередко распространяется и на аудиторию, не ассоциирующую Петербург — и в особенности центр — с современной культурой.

Важно иметь в виду, что в восприятии многих горожан потребление культуры исторически сцеплено с поездкой в центр. Исторический центр Петербурга является контекстом, в котором происходит такое потребление, а прогулка по центру является самостоятельной формой досуга, разделяемой практически всеми информантами (особенно старшими школьниками и студентами).

> Мне всегда выезд в центр — это вот было с детства... Это, вот, надо надеть платьице. Это вот мы едем в театр или еще куда-то. То есть для меня это каждый раз такое что-то приятное. Наверное, если бы я жила в центре, особенно с маленького возраста, наверное, я бы просто не так это ощущала[24].

Удаленные от центра площадки наиболее позитивно воспринимаются в том случае, когда они не связаны с «высокой», «классической» культурой: чем дальше от центра, тем современнее (или «популярнее») должна быть предлагаемая ими повестка.

[23] Илья, организатор музыкальных фестивалей.
[24] Аня, студентка 3 курса Консерватории.

> С моей точки зрения, коренные жители спальных районов за искусством не пойдут в какой-то там локальный, да, там, центр. А, например, посмотреть на какую-то лекцию из серии «Чудеса химии», куда можно просто вот там вот пойти с семьей и не нужно иметь какого-то культурного багажа, чтобы там понять вот эту картину или вот там... это произведение. А просто посмотреть, как там тебе вроде как и что-то научное, и в то же время там можно показать своему ребенку, что вот там, смешали две жидкости, получилось, там, красиво. Вот такие мероприятия, мне кажется, организовывать можно именно вот в таких локальных спальных районах[25].

На периферии же современные форматы воспринимаются гораздо более органично. Характерным примером таких точек притяжения могут служить Охта-молл и Музей стрит-арта: оба находятся на периферии, в довольно малопривлекательной с точки зрения ландшафта и безопасности среде, трудно досягаемы общественным транспортом — однако сила их предложения такова, что молодые жители города мирятся со всеми трудностями, лишь бы попасть на проходящие там фестивали, лекции, концерты.

В целом активные петербуржцы готовы тратить время на то, чтобы добраться до площадки, где проходит интересующее их мероприятие. В то время как выбор спортивных учреждений, кинотеатров и, отчасти, парков в значительной степени определяется близостью к месту жительства, культурный досуг минимально «привязан» к району. Это подтверждается и картой досуговой мобильности: для того, чтобы попасть на интересное событие, молодые петербуржцы чаще готовы ехать через весь город, чем в соседний район.

Для того чтобы оценить, насколько жители Петербурга готовы к поездкам в другие районы ради посещения интересных для них событий, на основании интервью была построена карта передвижений (*Карта 2*). За исходный район принималось место жительства информанта; за район назначения — место, куда он ездит или ездил (в расчет принимались только состоявшиеся на момент интервью посещения за последний год). Поскольку количество информантов различается от района к району, суммарное число упоминаний о посещениях нормировалось по числу информантов из этого района. На основании этих данных всем векторам передвижений был присвоен рейтинг от 1 до 7, которому соответствует толщина стрелки на карте.

Предсказуемо оказалось, что жители Центрального района выезжают за его пределы довольно редко: они воспринимают свой район как средоточие всего интересного, что есть в Петербурге. В чем-то схожий тип поведения демонстрируют жители Петроградского и Василеостровского районов: они в основном заинтересованы в происходящем в небольшом кластере районов центра. Жители же периферийных районов, хотя и предпочитают проводить время в центре, являются активными пользователями площадок и в других районах.

[25] Захар, 28 лет, инженер.

Карта 2. Структура досуговой мобильности в Петербурге

Для многих из них площадки в соседних районах представляют меньший интерес, чем площадки в другом конце города — то есть само по себе расстояние не является определяющим при выборе места проведения большинства форм досуга. При этом только три района — Выборгский, Кировский и Московский — склонны пересекать границы «своего» сектора в городе. Эти траектории отчасти обусловлены системой городского транспорта, прежде всего, метрополитена, линии которого проходят радиально через центр, позволяя не только выехать за пределы своего района и попасть на противоположный конец города, но и по дороге заехать в центр и получить дополнительные возможности для досуга (например, зайти в бар или ресторан).

Итак, возникает еще два аспекта мобильности культурного потребления, актуальных в тех случаях, когда оно не сцеплено с повседневными передвижениями по городу. Во-первых, мотивация посещения культурных институций не напрямую ограничивается их пространственной и логистической удаленностью от пользователя, а скорее является функцией доступности культуры в своем районе. Молодые петербуржцы из периферийных районов готовы мириться со значительными неудобствами, чтобы попасть в интересующее их место, а их сверстники из центра города ограничиваются объектами «шаговой доступности». Во-вторых, интерес к посещению того или иного события зависит от того, насколько оно соответствует «повестке района», его аффордансу в широком смысле слова: «высокая» культура на периферии города так же настораживает потребителя, как «современная» в центре. Общая готовность к мобильному режиму культурного потребления, тем самым, сочетается с уже упомянутым выше средовым фактором, только в более крупном масштабе: точно так же, как от события ожидают четкой повестки, а от культурной институции — гарантированного наполнения, так и от района — соответствующей ему культурной программы. Разумеется, современная культура вполне представлена на центральных площадках, а «классическая» — на периферийных (хотя второе гораздо менее распространено, чем первое), но ожидания пользователей в этом отношении все же достаточно консервативны. Возможно, именно поэтому такие «отклоняющиеся» от ожиданий явления культуры в большей степени представлены временными мероприятиями (выставками, фестивалями), чем постоянно действующими культурными институциями. Если фестиваль медиаискусства «Киберфест (Cyfest)» в помещениях Академии Штиглица оказался вполне допустим хотя бы как «работа на контрасте» между средой и контентом, и успешен не в последнюю очередь за счет этого контраста, то постоянно действующий «Музей звука» (выросший из Галереи Экспериментального Звука) расположился хотя и в центре, рядом с Московским вокзалом, но далеко за пределами «золотого треугольника».

Заключение: городские сети культурной мобильности

Развитие культурно-событийной программы Петербурга, ориентированной на его молодых жителей, связано с двумя особенностями города.

С одной стороны, Петербург воспринимается (и реализуется) как флюидное, гибкое пространство. Он легко осваивается пешеходом, прогулка по городу является приоритетной формой досуга, в городе несложно ориентироваться, а из-за визуальной насыщенности и разнообразия среды горожанин может выстраивать вариативные, зависимые от ситуации маршруты передвижения по нему. Эта ориентация на свободную траекторию отражается и в стратегиях культурного потребления: востребованы те институции и события, которые позволяют множество самостоятельных выборов — маршрутов, видов деятельности, темпа, количества посещаемых мест, форм и способов взаимодействия с другими участниками события. Культурное потребление оказывается в высокой степени зависимо от внешнего контекста, испытываемых «здесь и сейчас» эмоций и интегрировано в повседневность петербуржца.

Эта флюидность прослеживается и в социальном измерении культурного потребления. Среди молодых петербуржцев оказываются востребованы те мероприятия, которые вписываются в концепцию «своего круга», куда попадают по знакомству и личному приглашению — но ценится в них определенное социальное разнообразие, позволяющее расширять свой сетевой капитал, поддерживать и пересобирать систему собственных социальных связей.

С другой стороны, эта расслабленная мобильность жестко ограничена запросом на лимитированный аффорданс пространства и институции. Посещаемая территория должна позволять определенную свободу, но при этом быть предсказуемой — идет ли речь о музее (отсюда возмущение выставкой Яна Фабра в Эрмитаже) или о целом районе (современная среда обеспечивает, например, востребованность Музея уличной культуры: контент музея и его программа соответствуют не только облику промышленных зданий, в которых он располагается, но и образу района в целом). Отсюда оказывается, что востребованное петербуржцами событие — не обязательно стереотипно камерное и ориентированное на классическую культуру, но характеризующееся балансом гибкости с предсказуемостью.

Результаты проведенного исследования не только представляют академический интерес, подробно раскрывая специфику культурного потребления петербургской молодежи, но и имеют прикладное значение. Понимание механизмов распространения информации о культурных событиях и принципы, по которым молодыми людьми принимается решение об их посещении, позволяют выстроить эффективную коммуникационную политику продвижения мероприятий для данной целевой аудитории, а выявленные закономерности пространственной стратификации культурного потребления дают возможность

правильно подбирать площадки для того или иного вида культурных активностей. Выстраивая культурную программу или создавая культурные институции, необходимо учитывать не только экономические и логистические факторы, но и особенности структуры мобильности, образа города, конфигурации социальных сетей, а главное — стратегий реализации досуга и повседневности горожан. «Открытие музея городу» — это не просто модное словосочетание, а суровая необходимость, по крайней мере, в контексте Петербурга. Современная культурная институция, как мы видели, оказывается элементом городских сетей разного типа, от транспортных до символических и социальных, и вынуждена трансформироваться так, чтобы учитывать запрос жителей города на гибкость повседневных траекторий, богатство и свободу выбора и проницаемость пространств.

Литература

Арт-парк вместо Судебного квартала (2019, 24 апреля). *Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга*. Режим доступа: https://www.gov.spb.ru/press/governor/163700/

Арье, Е. (2017, 17 февраля). Селфи у завода: о чем говорят миллион фотографий из моногородов. Strelka Mag. Режим доступа: https://strelka.com/ru/magazine/2017/02/17/selfie-from-monotowns

Бармина, А. С., Сафонова, М. А. (2016). Идентичности и связи в петербургском секторе креативных индустрий. *Социологические исследования, 2016*(7), 82–92.

Дамберг, С., Семенков, В. (2000). Провинциальный город Санкт-Петербург: символический капитал в мире искусства. *Журнал социологии и социальной антропологии, III*(3), 167–182.

Запесоцкий, Ю. А. (2013). Культура Санкт-Петербурга как основа формирования бренда города в мировом сообществе. В А. С. Запесоцкий и др. (Ред.). *Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации. XIII Международные Лихачевские чтения, 16–17 мая 2013 года*, 651–654. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2013.

Илле, М. Е. (1996). Мониторинг приобщенности петербуржцев к культурной жизни. *Социологический журнал, 0*(1–2), 176–181.

Илле, М. Е. (1998). Петербуржцы в театрах, на концертах и выставках. *«Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 1998*(4), 30–46.

Илле, М. Е. (2000). Петербуржцы и культурная жизнь города: десять лет наблюдений. *«Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2000*(5), 20–24.

Илле, М. Е. (2006). Петербуржцы в пространстве художественной культуры города. *«Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2006*(2), 14–24.

Илле, М. Е. (2007). Активность петербуржцев в потреблении художественной культуры. *«Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований, 62*(2), 19–22.

Илле, М. Е. (2008). *Петербуржцы в театрах, на концертах и выставках: исследование художественной жизни Санкт-Петербурга конца XX — начала XXI века*. СПб.: Норма, 2008.

Илле, М. Е. (2016). Участие жителей «культурной столицы» в культурной жизни Петербурга. *«Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований, 119*(5), 27–32.

Илле, М. Е. (2017). Образ «идеального» петербуржца и культурная жизнь города. *«Телескоп»: журнал социологических и маркетинговых исследований, 124*(4), 32–42.

Илле, М. Е., Соколов, М. М. (2018a). Социальная база культурности: объясняют ли Пьер Бурдье, Пол ДиМаджио и другие паттерны участия в культурной жизни российского мегаполиса. *Мир России, 27*(2), 163–188.

Илле, М. Е., Соколов, М. М. (2018b). Статусные культуры в эпоху социальной революции. Культурное потребление в Петербурге, 1991–2011. *Мир России, 27*(1), 159–182.

Латур, Б. (2014). *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд-во ВШЭ.

Лэндри, Ч. (2011). *Креативный город*. М.: Классика-XXI.

О'Коннор, Дж. (2004). Культурная политика как влияние: Экспорт идеи «творческих индустрий» в Санкт-Петербург. В *Творческие индустрии в России. Культурные стратегии: Экспертный клуб. Вып. 3*, 12–34. М.: Институт культурной политики.

Привалова, М., Пузанов, К. (2017). Культурная жизнь москвичей. В *Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. Материалы IX социологических чтений памяти В. Б. Голофаста, 3–5 апреля 2017 г., 159–168.* СПб.: Норма.

Пузанов, К. А. (2015). *Городская среда и культурное пространство мегаполиса: сравнительное исследование социальных барьеров городского развития*. М.: РАНХиГС.

Радченко, Д. А. (2019). После бала: как оценить эффекты благоустройства при помощи антропологии. *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 270–291.

Сафонова, М. А., Соколова, Н. А., Бармина, А. С. (2017). Между храмом культуры и торговым центром: Новые институции в структуре поля художественных организаций Санкт-Петербурга. *Мир России. Социология. Этнология, 26*(4), 143–168.

Сорокина, Н. (2009). Субъективные маршруты: когнитивные карты транспортных путей современных горожан. В П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (Ред.). *Визуальная антропология: городские карты памяти*, 82–96. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ.

Талавер, А., Черныш, А. (2016). *Исследование возрастных групп, наименее вовлеченных в культурную жизнь. Свободное время московских подростков*. Режим доступа: http://assets.miscp.ru/teens

Урри, Дж. (2012). *Мобильности*. М.: Праксис.

Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: НЛО.

Kelty, C. (2005). Geeks, social imaginaries, and recursive publics. *Cultural Anthropology, 20*(2), 185–214.

Landry, C. (2000). *The creative city: A toolkit for urban innovators*. London: Earthscan.

Landry, C., Bianchini, F. (1995). *The creative city*. London: Demos.

References

An art park instead of legal quarter (2019, April 24). *Official website of Saint Petersburg City Administration.* Retrieved from https://www.gov.spb.ru/press/governor/163700/ (In Russian).

Arie, E. (2017, February 17). A selfie by the factory: what does a million photographs from monotowns say? *Strelka Mag.* Retrieved from https://strelka.com/ru/magazine/2017/02/17/selfie-from-monotowns (In Russian).

Barmina, A., Safonova, M. (2016). Identities and networks in St. Petersburg creative industries. *Sociological Studies*, (*2016*)7, 82–92. (In Russian).

O'Connor, J. (2004). Cultural policy as an influence: export of the idea of "creative industries" to Saint Petersburg. In *Creative Industries in Russia. Cultural strategies: Expert Club. Issue 3*, 12–34. Moscow: Institut kulturnoy politiki. (In Russian).

Damberg, S., Semenkov, V. (2000). The provincial city of Saint Petersburg: symbolic capital in the world of art. *The Journal of Sociology and Social Anthropology, (2000)*3, 167–182. (In Russian).

Ille, M. (1996). Monitoring of Petersburgers' involvement in cultural life. *Sociological Journal, 0*(1–2), 176–181. (In Russian).

Ille, M. (1998). Petersburgers in theatres, at concerts and at exhibitions. *"Telescope": The Observation of the Daily Life of Petersburgers, 1998*(4), 30–46. (In Russian).

Ille, M. (2000). Petersburgers and cultural life of the city: ten years of observations. *"Telescope": The Observation of the Daily Life of Petersburgers, 2000*(5), 20–24. (In Russian).

Ille, M. (2006). Petersburgers in the cultural environment of the city. *"Telescope": The Observation of the Daily Life of Petersburgers, 2006*(2), 14–24. (In Russian).

Ille, M. (2007). Activity of cultural consumption among Petersburgers. *"Telescope": The Journal for Sociological and Marketing Studies, 62*(2), 19–22. (In Russian).

Ille, M. (2008). *Petersburgers in theatres, at concerts and at exhibitions: A study of Saint Petersburg's art life in the end of the 20th — beginning of the 21st centuries*. Saint Petersburg: Norma. (In Russian).

Ille, M. (2016). Participation of dwellers of the "cultural capital city" in the cultural life of Saint Petersburg. *"Telescope": The Journal for Sociological and Marketing Studies, 119*(5), 27–32. (In Russian).

Ille, M. (2017). The image of a "perfect" Petersburger and cultural life of the city. *"Telescope": The Journal for Sociological and Marketing Studies, 124*(4), 32–42. (In Russian).

Ille, M. Sokolov, M. (2018a). Social grounds of culture: do Pierre Bourdieu, Paul DiMaggio and others explain patterns of involvement into cultural life of a Russian megapolis. *World of Russia, 27*(2), 163–188. (In Russian).

Ille, M., Sokolov, M. (2018b). Status cultures in the age of social revolution. Cultural consumption in Saint Petersburg, 1991–2011. *World of Russia, 27*(1), 159–182. (In Russian).

Kelty, C. (2005). Geeks, social imaginaries, and recursive publics. *Cultural Anthropology, 20*(2), 185–214.

Landry, C. (2000). *The creative city: A toolkit for urban innovators*. London: Earthscan.

Landry, C. (2011). *The creative city*. Moscow: Klassika-XXI. (In Russian).

Landry, C., Bianchini, F. (1995). *The creative city*. London: Demos.

Latour, B. (2014). *Reassembling the social: An introduction to actor-network theory*. Moscow: Izdatel'stvo Vyschey Shkoly Economiki. (In Russian).

Privalova, M., Puzanov, K. (2017). Cultural life of Muscovites. *Social and spatial dimensions of contemporary megapolis. IX Sociological readings in memory of V. B. Golofast, 3–5 April 2017*, 159–168. Saint Petersburg: Norma. (In Russian).

Puzanov, K. (2015). *Urban environment and cultural space of a megapolis: A comparative study of social barriers to urban development*. Moscow: RANEPA. (In Russian).

Radchenko, D. (2019). After the ball: How to evaluate effects of urban improvement with anthropology. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 270–291. (In Russian).

Safonova, M., Sokolova, N., Barmina, A. (2017). Between a temple of culture and a shopping mall: New institutions in the field of art organizations of Saint-Petersburg. *World of Russia, 26*(4), 143–168. (In Russian).

Sorokina, N. (2009). Subjective routes: Cognitive maps of transport routes of contemporary urban dwellers. In P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova (Eds.). *Visual anthropology: Urban memory maps*. Moscow: Variant, ZSPGI, 82–96. (In Russian).

Talaver, A., Chernysh, A. (2016). *Research of age groups least involved in cultural practices. Free time of Moscow teenagers.* Retrieved from http://assets.miscp.ru/teens (In Russian).

Urry, J. (2012). *Mobilities*. Moscow: Praksis. (In Russian).

Yurchak, A. (2014). *Everything was forever, until it was no more. The last Soviet generation*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Zapesotskiy, Yu. (2013). Culture of Saint Petersburg as the basis of city brand development within global community. In A. Zapesotsky et al. (Eds). *Dialogue of cultures: Values, meanings, communications. XIII International Likhachev Readings, 16–17 May 2013*, 651–654. Saint Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gumanitarnogo universiteta profsoyuzov. (In Russian).

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Исполнение желаний

Люди хотят прикасаться к памятникам и объектам городской скульптуры. Такова человеческая природа. И если памятник не стоит на высоком пьедестале, не огорожен решеткой, люди это делают. Прикосновения со временем становятся видны – такие места на памятниках протираются, и это порой даже угрожает их сохранности. Но людей мало что останавливает. Ведь прикосновение обязательно принесет удачу. Кошелек в Петрозаводске должен помочь разбогатеть, а тому, кто накинет зайцу монетку (Петропавловская крепость, Петербург), повезет. Потому истираются морда собаки на станции метро «Площадь Революции» (Москва), колени Петра I (скульптура Михаила Шемякина, Петербург, последние годы обнесена решеткой).

РЕФЛЕКСИЯ АНТРОПОЛОГА

Проблема ответственности: этические сложности в прикладных антропологических исследованиях города

МАРГАРИТА АНДРЕЕВНА ЧУБУКОВА[1]

✉ MCHUBUKOVA@GMAIL.COM

[1]Группа прикладных антропологов «Артель», Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Чубукова, М. А. (2019). Проблема ответственности: этические сложности в прикладных антропологических исследованиях города. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 134–153.
DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-134-153.

В тексте статьи предпринимается попытка представить комплекс этических трудностей, с которыми приходится сталкиваться в офлайн-исследованиях прикладному городскому антропологу, привлекаемому на разных этапах реализации проектов пространственного развития. Помимо теоретических источников в качестве материала использованы восемь экспертных интервью с действующими российскими профессионалами из академии и из сферы консалтинга.
Вопросы, предваряющие анализ собранных высказываний, могут быть сформулированы следующим образом: как принято трактовать понятия «этика» и «этичное поведение» в прикладных социальных исследованиях и где проходит водораздел между формальными этическими требованиями (кодексами) и реальными этическими проблемами?
Собранные данные позволили выделить и проиллюстрировать основные этические сложности, возникающие во взаимоотношениях с тремя группами. Так, в ходе общения с информантами исследователь сталкивается с этическими дилеммами, и на этапе «входа» в поле, при самопрезентации, и в начале работы, и в ходе подготовки отчетных документов. При общении с заказчиком под вопросом оказывается статус исследователя и его исследовательские стратегии: может ли антрополог оставаться неангажированным, работая с заказчиком и партнерами. Ответственность перед профессиональным сообществом равнозначна ответственности перед собой: в ходе обсуждения этой проблемы в статье уделяется внимание корректности осуществляемых исследований и представлению результатов, разнице в академических и прикладных подходах, а также особенностям работы внутри команды прикладных антропологов.

Ключевые слова: прикладная антропология, этика, городская антропология

Выражаю искреннюю благодарность коллегам, поделившимся собственным опытом проведения прикладных качественных исследований, а также рецензенту этой статьи, чьи комментарии позволили пересмотреть свой подход к работе над текстом.

The problem of responsibility: Ethical complications in applied research i n urban anthropology

Margarita A. Chubukova[1]

✉ mchubukova@gmail.com

[1]Applied Anthropologists Team Artel', Moscow, Russia

To cite this article:
Chubukova, M. (2019). The problem of responsibility: Ethical complications in applied research in urban anthropology. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 134–153. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-134-153. (In Russian).

This article attempts to recreate the collective anthropological self-reflection that demonstrates how professionals face the multiple ethical complications that arise during both fieldwork and processing of the collected materials, during communication with customers, colleagues and informants. Apart from the theory, this brief study is based on 8 expert interviews with professional anthropologists working both in applied research and in academia.
The questions that precede the analysis of the interviews are as follows. How should we understand "ethics" and "ethical behavior" in applied social sciences? Where should the line be drawn between formal ethical requirements (codes) and real ethical complications? Highlighting major ethical issues, the colleagues argue that there are three fields of responsibility that anthropologists have to focus at: communication with informants, communication with sponsors and communication with the "anthropological" corporation. In communication with their respondents, researchers face ethical dilemmas at the stage of "entering" the field, in the moment of self-representation, at the beginning of the fieldwork and while writing final reports as well. Dealing with sponsors and partners, anthropologists have to answer the question of whether they are able to be unbiased. Furthermore, one's responsibility towards the professional community equals one's responsibility towards oneself. Furthermore, one's responsibility towards the professional community equals one's responsibility towards oneself. The correctness of the research and of presentation of its results, controversies in academic and applied approaches are considered in the last part of the article that is dedicated to relationships in a team of applied anthropologists.

Keywords: urban anthropology, applied anthropology, ethics

I am sincerely grateful to my colleagues who shared their experience of conducting applied qualitative research and to my peer reviewer, whose comments allowed me to revise my approach to working upon my texts.

«Вон из профессии»?

Некоторое время назад мне пришлось сделать небольшое прикладное исследование, в ходе которого требовалось определить степень лояльности местных жителей к девелоперскому проекту. Было непросто с самого начала однозначно оценить, способно ли

строительство нового объекта принести горожанам благо или содержит скрытую угрозу их повседневному распорядку. Кроме того, очень хотелось верить, что заказчика, решившего под лупой разглядеть, как живет локальное сообщество, в которое он собирался вторгнуться, интересуют не только финансовые и репутационные риски, но и проблемы социальной устойчивости. Видимо, поэтому я не только не отказалась от поля, но и решила привлечь нескольких коллег. Они согласились, и это утвердило меня в правомерности выполнения работы.

«Подписавшись», мы принялись за дело, но очень быстро столкнулись с проблемой: нам предъявлялись требования, прямое соблюдение которых, порой казалось, было за гранью допустимого (подтверждение этому можно найти в любом из антропологических этических кодексов[1]). Скрыть настоящего заказчика и истинные цели исследования, а также передать поименный список всех проинтервьюированных информантов — вот, пожалуй, самые грубые нарушения, на которые мы отчасти все-таки пошли, рискуя самым ценным для практика. Под угрозу пришлось поставить доверие исследуемого сообщества и, как следствие, доверие коллег.

К счастью, в описанном случае все не просто обошлось, но и закончилось наилучшим образом: девелопер отказался от своего проекта, в том числе, видимо, и благодаря результатам нашего исследования, которое показало, что его вмешательство крайне нежелательно.

Сегодня этот опыт вспоминается как захватывающее, но довольно постыдное приключение. После подобных сделок с совестью, глядя на себя со стороны, хочется либо малодушно лишить себя профессиональных прав, либо раз и навсегда придумать рабочую схему, позволяющую предотвращать похожие ситуации. Очевидно, совсем их избежать невозможно, однако, как кажется, лучше понимая процессы, в которые встраиваются антропологические исследования, можно снизить риск попадания в этические ловушки. Также в этом случае необходимо определить, что такое — «правомерное», «нормативное», что именно определяется через этические кодексы и установки.

Цель этой публикации заключается в том, чтобы зафиксировать типовые случаи, в которых российские антропологи сталкиваются со сложностями этического характера при проведении прикладных полевых качественных городских офлайн-исследований.

Для того чтобы приблизиться к этой цели, я рассмотрела тематические источники и провела несколько экспертных неформализованных интервью с коллегами, имеющими разный опыт участия в прикладных исследовательских проектах, посвященных изучению городов. С характеристиками собеседников можно ознакомиться в приложении

[1] В числе примеров сводов этических правил — кодекс Американской ассоциации антропологов (AAA), в том числе внутри Ассоциации действует Общество прикладной антропологии (SfAA) с собственными положениями об этике и профессиональной ответственности, кодексы Национальной ассоциации антропологической практики (NAPA) и Ассоциации социальных антропологов Великобритании и Содружества наций (ASA) и др.

(см. *Табл. 1*). В ходе разговора предлагалось поделиться своим опытом и наблюдениями, отвечая на ряд вопросов (с последующими уточнениями):

— когда антрополога привлекают к участию в городских проектах и какую роль он выполняет в них?

— когда возникают «сложные» с этической точки зрения моменты и в чем состоит напряжение?

— как процесс академического исследования отличается от процесса прикладного в этическом плане?[2]

Хочется верить, что получившийся в итоге текст может принести некоторую методическую пользу: проводя ревизию ситуаций, «конфликтных» с той или иной точки зрения, мы начинаем лучше ориентироваться в поле — заранее устанавливать правила и выстраивать эффективные коммуникативные стратегии при общении с исследуемым сообществом, заказчиком, коллегами. Еще раз определив содержание понятия «этика», я постараюсь очертить общую структуру городских проектов, а далее посмотрю на собранный в ходе интервью материал с трех ракурсов: останавливаясь на проблемах, возникающих при взаимодействии с представителями исследуемого поля, спонсорами антропологических исследований и внутри профессионального сообщества.

Табл. 1. Список интервью и проинтервьюированных экспертов

№ интервью	Пол	Исследовательская практика	Сфера научных интересов
1	Ж	7 лет	Антропология детства
2	Ж	15 лет	Антропология Севера
3	Ж	15 лет	Антропология города, локальный текст города, мифология города, городские субкультуры
4	М	23 года	Городская антропология, интернет-фольклор
5	Ж	8 лет	Антропология города, антропология туризма
6	М	20 лет	Антропология и социология города
7	Ж	6 лет	Символическая антропология, философия языка
8	М	32 года	Фольклор, антропологические исследования города

[2] Во многом этот вопрос был подсказан уже состоявшейся дискуссией на страницах «Антропологического форума», в котором задавался вопрос о том, «где проходит грань "дозволенного" для науки? Что, в конечном счете, для нас важнее — соблюдение этических требований по отношению к информантам или выявление и сохранение информации?» [Абашин 2006: 8]. В прикладном исследовании ценность «добытой» информации измеряется в степени ее полезности для проекта, а не абстрактного знания о мире, именно поэтому гипотетически вопрос о «дозволенном» начинает играть новыми красками.

К пониманию *этики* в качественных социальных исследованиях

В своей недавней публикации об этических проблемах в качественных социальных исследованиях со ссылкой на предшественников Людмила Бархатова предлагает две объяснительные модели, отражающие представления об этичном поведении исследователя: «этический абсолютизм» (или этический универсализм) и «этический релятивизм» (ситуационная этика) [Бархатова 2019: 46–48]. Судя по проведенным интервью, последняя модель выглядит более жизнеспособно, чем первая. Посмотрим на их отличия.

В первом случае этичное поведение регламентируется преимущественно набором правил, закрепленных в профессиональных этических кодексах. «Правильно» себя ведет тот, кто следует нормам; контроль за их соблюдением может быть даже возложен на специальные этические комиссии. В центре внимания оказывается информант, который в ходе исследования и по его результатам не должен подвергаться никаким рискам.

Этот подход явно годится для борьбы с хрестоматийными примерами «нарушений». Наиболее известные из них перечисляют Джордан и Бэинтон [Jordan 2012, Bainton 2012: 14–15]: проект «Камелот» (1964, исследование поведения повстанцев для последующего социального программирования), исследование больных сифилисом без лечения в Таскиги (1932–1972), неэтичный бизнес концерна Тусо и корпорации Lockheed, программа Human Terrain System (в рамках которой антропологи помогали американской армии лучше понять то или иное местное население и начать эффективно коммуницировать с ним), проект интернирования американцев японского происхождения при участии этнографов War Relocation Authority и не только. Подобные кейсы заостряют проблему создания доверительных отношений между исследователем и исследуемым сообществом, заставляют общество усомниться в возможностях науки и дееспособности государственных и частных заказчиков скандальных проектов. Действительно ли исследователи могут работать в интересах общества, частью которого являются сами?

Противники универсализма критикуют этот подход за то, что он зачастую носит слишком формальный характер, плохо соотносится с исходным целеполаганием (так, соблюдая кодекс, можно и не быть по-настоящему этичным). Один из критиков универсализма — Зигмунд Бауман. Согласно его видению, при универсализме «от человека требуется просто послушное следование правилам. Бауман постоянно указывает на огромную опасность исключения "морального субъекта" в пользу того, кого он называет "актором", и упразднения личной, незаменимой и несравнимой ответственности за Другого». Среди иллюстраций, которые приводятся для описания применения универсалистского подхода, — пример Холокоста, системы с очень четкими правилами, которые необходимо соблюдать, не рефлексируя

[Троицкий 2019: 9]. Другой, приближенный к исследовательской практике, пример беспрекословного следования объявленным ранее условиям, без учета специфики изменившихся обстоятельств: «Студент-социолог, подрабатывая официантом, вел полевые заметки. В ресторане случился пожар, и для исключения версии об умышленном поджоге его заметки могли бы очень пригодиться. Однако добросовестный студент отказал властям в информации, т. к. раньше обещал сохранить анонимность своих информантов. Страховая компания не выплатила страховку, владельцы не смогли восстановить здание, и в итоге эти же информанты и пострадали, оставшись без работы, в чем сильно пеняли социологу» [Веселкова 2000: 111].

Иной случай — опыт приверженцев «этического релятивизма», которые взяли за правило оценивать ситуацию и принимать решения о правомерности тех или иных поступков из складывающейся «полевой» обстановки, ориентируясь не только на существующие кодексы, но и на собственную, «внутреннюю» этику. Последняя довольно плохо формализуется: в качестве синонима для этого понятия в статье Бархатовой используется слово «мораль», им же пользуется и Бауман. Константин Троицкий показывает, что «в мысли Баумана личная, неделегируемая, несравнимая, некалькулируемая, не ищущая взаимности ответственность за Другого — суть морали, а свобода выбора — необходимое условие. Как он пишет: "выбор (непредзаданный выбор, сделанный в ситуации неясности) — место рождения моральной личности и родина морали"» [Троицкий 2019: 7].

С одной стороны, именно появление этических кодексов сделало проблему ответственности перед «другим» столь ощутимой за счет повышения прозрачности деятельности исследователей [Price 2017: 25]. Например, одно из правил, зафиксированных в этическом кодексе Американской Антропологической Ассоциации, гласит: «Как в проектной заявке, так и при выполнении исследования, антропологи не должны скрывать цель(и), возможные воздействия и источник(и) поддержки исследовательских проектов в отношениях с фондами и спонсорами, коллегами, изучаемыми лицами или теми, кто предоставляет информацию, а также с некоторыми сторонами, затронутыми исследованием» [Кодекс 2000: 174]. С другой, видимо, одновременно и отчасти из-за формализации процесса разделение на «этичное» и «неэтичное» нивелировало проблему впоследствии. Тем не менее, и за пределами кодексов все равно остается необходимость обсуждения этических проблем, не вписывающихся в рамки четких правил.

В ходе интервью эксперты моего небольшого исследования зачастую пытались объяснить «этическое» именно через проблематизацию «ответственности», но апеллировали при этом не к кодексам, а к менее формализуемым категориям, чаще действительно лежащим в области морали, поэтому дальше я смотрю на высказывания коллег через призму релятивистского подхода.

Когда и как антропологов привлекают к участию в городских проектах

Прежде чем обратиться непосредственно к рассмотрению специфических ситуаций, в которых возникают сложности этического характера в городских проектах, проясню их структуру, обращаясь к собственному опыту и информации, собранной в ходе интервью.

Сегодня в России социального исследователя приглашают к участию в городских проектах на разных этапах: как на стадии задумки, планирования, так и во время реализации и оценки результатов нововведений — например, после завершения строительства какого-либо объекта или благоустройства. Соответственно, можно выделить три основных этапа: (1) перед разработкой концепции, (2) до начала реализации проекта и (3) после его реализации.

На каждом из этапов возникают свои сложности, и в зависимости от того, насколько высока значимость исследователя в структуре команды проекта, он сталкивается с разными препятствиями этического характера.

Самой благоприятной, с исследовательской точки зрения, считается ситуация, когда антрополога привлекли на самой ранней стадии — тогда потенциально заказчику можно передать как можно больше информации о локальных особенностях, которые необходимо учесть при внедрении нововведений. Также как удача расценивается возможность следить за реализацией проекта, продолжая контролировать корректность использования данных, предоставленных исследователем.

> И в какие-то такие моменты привлекают антропологов, когда нужно сказать, что за город, из чего он состоит, что за люди там живут, и какие запросы, потребности у них есть. На предварительном этапе.
>
> Мне лично нравится, когда предварительным этапом все не заканчивается, и такое тоже сейчас встречается все чаще. Уже на моменте подготовки различных проектов, презентаций, еще чего-то антропологу отсылают эти презентации, получившиеся выводы или проекты, и получают некоторый фидбек, и работа продолжается[3].

Если исследование проводится, когда план реализации проекта готов, то работающий в поле антрополог может выполнять функцию распространителя информации о перспективах, которые ожидают исследуемое сообщество. Исследование может представляться как «имиджевый» проект, не в первую очередь использоваться в «исходных» целях:

> Стало довольно быстро понятно, что всем интереснее сам факт этого исследования и возможность где-то в качестве говорящей головы нас использовать или еще что-то, чем какие-то конкретные результаты[4].

[3] Ж., эксперт в области антропологии города, специализируется на изучении локального текста города, мифологии города, городских субкультурах.

[4] М., эксперт в области фольклора и антропологии города.

Нередко на этом этапе оказывается уже достаточно трудно что-либо изменить в проекте, но все-таки иногда есть возможность повлиять на его течение и конечный результат.

Исследования, которые проводятся после реализации проекта, обычно бывают нацелены на то, чтобы «измерить степень удовлетворенности» благополучателей или выяснить, как можно «исправить» допущенные ошибки. В этот момент антрополог может находиться в довольно уязвимой позиции, т. к. заказчик может задать вопрос о том, как улучшить те или иные показатели, в то время как исследователь видит, что для исследуемых сообществ это совершенно нерелевантно:

> На самом деле, было сложно в первую очередь, что Х (здесь и далее анонимизация сделана мной — *М. Ч.*) при всем своем таком энтузиазме… У Х есть свое представление, что такое «правильное» и «прекрасное», как должно быть и в какую сторону двигаться. И, соответственно, в этом сложность, когда у человека есть сформированное представление о прекрасном, сказать, что есть другие представления о прекрасном. Что необлагороженные места — это тоже привлекательно[5].

По степени вовлеченности антрополога в проект можно выделить две позиции. Для этого введу две смыслоразличительные категории: ведущий антрополог (leading/managing anthropologist) и приглашенный антрополог. При этом можно отметить, что занимаемая позиция — ведущий антрополог или приглашенный — не всегда зависит от степени квалификации специалиста, скорее определяется тем, каким образом к проекту удалось подключиться.

Ведущий антрополог непосредственно работает с заказчиком, архитекторами, урбанистами, городскими администрациями и другими коллегами, напрямую связанными с реализацией проекта. Он, как правило, разрабатывает дизайн исследования, курирует его проведение, несет ответственность за его качество.

Приглашенный антрополог необходим для усиления исследовательской команды, его привлекают для сбора данных на конкретном «участке» поля. Часто он взаимодействует лишь с ведущим антропологом и обладает весьма ограниченным набором полномочий и объемом информации. Если исследование проводится на первом или втором этапе, приглашенный антрополог может чувствовать весьма отдаленную связь с рабочей командой (например, с архитектурным бюро, которое непосредственно занимается разработкой и реализацией проекта), но скорее ощущает собственную автономность, а иногда даже невовлеченность.

В некотором смысле положение дополнительно привлеченного специалиста оказывается по своим свойствам приближено к положению академического исследователя, так как никаких конкретных рекомендаций по проекту обычно от такого «полевика» не ждут, его задача сводится к тому, чтобы ответить на довольно конкретные вопросы. Если внимание ведущего антрополога скорее будет сфокусировано на дальнейшей судьбе проекта, в рамках которого проводится

[5] Ж., эксперт в области антропологии Севера.

исследование, то работа приглашенного специалиста обычно завершается со сдачей исследовательского отчета.

> Это, правда, проблема, что ты все время в прикладных исследованиях в позиции слепого котенка, то есть ты вроде как бы что-то делаешь, но часто не понимаешь конечной какой-то цели.
>
> И вообще очень часто информанты, с которыми потом я продолжала какое-то общение, они спрашивали: как там, что продвигается, какой проект. А ты понимаешь, что ты даже ни в каких общих чатах не состоишь с архитекторами, ты вообще ничего не можешь сказать[6].

Эти категории во многом условны, но они призваны описать общую тенденцию, связанную с характером проведения городских исследований, которую удалось проявить, общаясь с коллегами. Как можно заметить, ведущему антропологу необходимо быть более гибким, так как работая над проектом, он вынужден встраиваться не только в привычную внутрицеховую схему ценностей, но и успешно взаимодействовать с заказчиком, в роли которого могут выступать инициаторы перемен (например, представители власти) и авторы архитектурных и дизайнерских решений, реализуемых в городах.

Таким образом, приглашенный антрополог, работая в поле, преимущественно сталкивается с этическими проблемами, лежащими в плоскости взаимодействия с информантами, в то время как ведущий антрополог может испытывать сложности при взаимодействии еще и с представителями из сферы, которую обобщенно можно назвать урбанистикой — в нее попадет заказчик, например, в лице девелопера, архитектора, представителя власти. Именно поэтому спектр этических проблем, с которыми сталкиваются ведущие антропологи, по моим наблюдениям, шире.

Этика взаимодействия с информантами

«Вход» в поле при отсутствии гарантий

Прежде всего, стоит отметить, что «вход» в прикладное поле расценивается как более простой, чем в случае проведения академического исследования. Все мероприятия, в которые оказываются вовлечены информанты во время прикладного проекта, призваны повлиять непосредственно на их же благополучие. Именно поэтому здесь проблема неполноценного взаимного обмена между информантом и исследователем — когда один делится сведениями о себе, а другой чаще всего может лишь выполнить роль активного слушателя — практически исчезает[7].

[6] Ж., эксперт в области антропологии детства.

[7] Ср. с классической проблемой академического исследования: «В основе этических проблем и дискуссий по их поводу лежит фундаментальная дилемма между необходимостью свободного проведения исследования, публикации результатов и необходимостью соблюдения прав и интересов участников исследования. Любое социальное исследование при сборе информации использует в

> Мне кажется, в прикладном таком исследовании как раз открываются просто абсолютно новые и очень важные возможности, в том числе, этические для работы с информантом. То, чего, в общем, академический исследователь где-то лишен, потому что, кроме него, его академического исследования очень редко бывает кому из его информантов интересно, чтобы продолжать в нем участвовать[8].

Тем не менее, один из самых острых моментов в этом взаимодействии связан с прояснением исследовательских намерений и уведомлением о последствиях: объективно гарантировать, что мнение каждого конкретного человека будет в точности учтено, невозможно в силу нескольких причин. Во-первых, информанты нередко высказывают полярные точки зрения, которые исследователь в итоговом отчете представляет в обобщенном виде. Во-вторых, что серьезнее, антрополог не в силах нести ответственность за деятельность заказчика — он может дать рекомендации, но не проконтролировать, в какой мере заказчик их принимает, а в какой игнорирует. С этим связан один из самых неоднозначных моментов в работе прикладного социального исследователя. Чтобы снизить риск разочарования информантов и не создавать эффекта «завышенных ожиданий», опытные коллеги заранее предупреждают своих информантов, что вероятность быть услышанным невелика, но есть — такая стратегия, хочется верить, помогает сохранять доверие исследуемых сообществ к исследователям.

> С самого начала ты должен понимать, что, да, ты влияния не имеешь. И влияние окончательное и бесповоротное имеет только заказчик. Он может положить в стол то, что ты ему скажешь, и, вообще, сделать другое. Да, не имеешь. И никому не обещаешь, что имеешь. Информантам не обещаешь, что имеешь. Говоришь: «Мы можем попробовать. Вместе можем попробовать. Я попробую, хотите, можем попробовать вместе». Их нет. Просто надо это понимать. Все самому понимать и других не вводить в заблуждение[9].

Естественно, в кодексе довольно трудно прописать необходимость подобных уведомлений, но и умалчивать об этом нельзя. В этой ситуации перед антропологом — тот самый моральный долг: уведомить о непредвиденных последствиях разговора.

Кроме того, иногда так случается, что исследователю приходится возвращаться в поле, в котором он сам или его коллеги уже проводили прикладное исследование, результат которого никого в исследуемом городе не удовлетворил, в этом случае наиболее безболезненный повторный вход в поле возможен только в том случае, если в первый раз исследователю удалось правдоподобно объяснить свои возможности.

> Например, в одном из городов мне надо было продолжать исследование дальше, после того, как было понятно, что предыдущие результаты никак не учтены. Мне было трудно развивать те контакты, которые у меня уже были. ‹…› мне приходилось

своих целях ее носителей — респондентов, информантов, экспертов, наблюдаемых, нарушая тем самым одно из главных этических требований — видеть в человеке цель, а не средство. Поэтому каждое такое исследование изначально содержит элемент неэтичности» [Веселкова 2000: 110].

[8] М., эксперт в области антропологии и социологии города.

[9] М., эксперт в области антропологии и социологии города.

снова связываться с теми же людьми, и они говорили: «Господи, вы нам тут напортачили такого! Что вы тут еще собираетесь делать?». Мне было очень сложно продолжать исследование[10].

Самопрезентация и начало работы

В случае включенного наблюдения антрополог может и вовсе никак не представляться без необходимости, но, собирая интервью под запись, он обязан проговорить «легенду». Иногда информанты по-своему ее интерпретируют, и изменить их представление о себе довольно трудно. Молодым специалистам часто приписывается роль дипломников на практике, а старшим коллегам — роль диссертантов. В результате на этой почве и в силу ряда других причин профессионал, не сумевший или не захотевший разъяснить своих истинных намерений, начинает балансировать на зыбкой грани — между «недоговариванием» и обманом.

Как в любом поле, если ты общаешься с активистами, то они понимают, что за институция, которую ты представляешь, и все такое, зачем все это нужно. А так, как везде: ой, девочке надо помочь диплом написать. В основном воспринимают как какой-то индивидуальный проект, частный, мне кажется[11].

[Иногда] им [людям] наоборот сложно донести, что ты от них хочешь, и зачем это все. Так несколько раз интервью срывались, когда я договаривалась, приходила, доставала диктофон, а они говорили: «Не надо записывать». Я устно немного говорила, уходила и никуда это соответственно не отправляла. Странные моменты бывают, когда люди ведут с тобой диалог, не очень понимая, что происходит[12].

Сложности, связанные с работой с диктофоном, в прикладном поле открываются с новой стороны. Оставляя за рамками ситуацию записи исподтишка — она заведомо недопустима — остановлюсь на другом сюжете. Иногда существуют договоренности с заказчиком о том, что аудиофайлы с записями интервью должны быть переданы вместе с отчетом. В этом случае исследователь во время интервью начинает ощущать не только ответственность за качество вопросов, которые он задает, но и фактически за то, что он объективно не может контролировать, — за монологи информантов, которые впоследствии возникает желание цензурировать. В порыве искренности они могут раскрывать «лишнюю» информацию — давать такие сведения, которые потенциально могут навредить представителям исследуемого поля. В этой ситуации, как поделилась одна из экспертов, она чувствует себя максимально некомфортно, потому что не может контролировать, «цензурировать» речь своих информантов:

Действительно ты понимаешь, что ты не делаешь исследование от начала и до конца, не сам расшифровываешь и потом решаешь, что можно показывать, а что

[10] Ж., эксперт в области антропологии детства.
[11] Ж., эксперт в области антропологии детства.
[12] Ж., эксперт в области символической антропологии, философии языка.

> нельзя, ты записываешь то, что происходит, а расшифровывает кто-то другой. И потом работаешь или не работаешь с расшифровками, или пишешь по собственным записям отчет, а с расшифровками работает кто-то другой. Это самое странное, неудобное и пугающее в этом контексте получается, потому что ты никогда не знаешь, в какой момент нужно выключить диктофон, в какой включить, не сказали ли тебе лишнего информанты, что не нужно было говорить случайно, и ты этого не заметил.
>
> Я переживала, что люди что-то скажут про документы, право на собственность, если у них есть какие-то проблемы, и потом это куда-то попадет случайно, мало ли, потому что не я расшифровываю. Поэтому, наверное, это вызывало сложности и противоречивые чувства, когда ситуация выходила из-под контроля и развивалась не так, как хочется и как ожидаешь[13].

Для разрешения подобных проблем существует такой инструмент, как информированное согласие, но и он не всегда работает, так как информант не всегда хорошо представляет, что может повлечь негативные последствия.

Еще один вопрос связан с презентацией заказчика. Несмотря на то что беспрекословной ценностью является кристальная честность перед информантом, иногда все же встает вопрос о том, насколько уместно называть имя заказчика: некоторые исследуемые группы начинают игнорировать интервьюера, узнав, кто является инициатором исследования. Это отражается на результатах исследования — подобные сообщества, отказываясь от участия в исследовании, могут остаться неуслышанными.

Работа над отчетными документами

Финальная стадия работы антрополога состоит в написании отчета и презентации результатов. Она, безусловно, имеет прямую связь с предварительной (еще разработка методологии задает вектор, который в определенной мере диктует содержание итогового отчета), но в то же время отражает то, насколько удалось достичь поставленных целей. Качественные исследования специалистов, выполненные в феноменологическом ключе, по объективным причинам включают в себя достаточно ограниченное количество материалов, не последнюю роль играют и жесткие временные ограничения на проведение исследования. Для того чтобы избежать фальсификаций — что по своей сути тоже является этической проблемой — с самого начала необходимо определиться с выборкой, затем корректно обобщить собранный материал, проиллюстрировать отчет, избегая манипуляции данными. Иногда есть риск проигнорировать мнение определенных групп информантов, пусть это и считается признаком непрофессионализма, но время от времени кто-то из собеседников оказывается чуть больше симпатичен исследователю. Необходимо помнить о подобных уловках собственной психики и контролировать подобные моменты.

[13] Ж., эксперт в области символической антропологии, философии языка.

> Там и левое радикальное, и правое радикальное, в любом случае, отличающееся от твоих представлений о прекрасном. Я думаю, что это не обязательно может быть завязано на политику, условно говоря, это может быть бабушка-пенсионерка, у которой какой-то свой набор взглядов на то, что нужно городу, какие нужны общественные пространства. Ты думаешь: «Бабуля, ты просто не знаешь, как выглядят в Роттердаме общественные пространства, поэтому и говоришь, что, типа, нужно поставить елку и пионеров с горнами, потому что ты просто ничего не видела и не знаешь». Будем игнорировать мнение бабушки, потому что она... Типа, молодой талантливый, креативный местный житель, мы с ним на одной волне, он мне правильно все рассказал про город[14].

Финальная стадия работы на каждом из этапов, выделенных в предыдущем параграфе, оказывается неоднозначной потому, что социальных исследователей просят дать практические рекомендации — посоветовать, каким образом нужно работать с изучаемым пространством или объектом дальше. В этом переходе от работы, связанной с фиксацией данных, к определенного рода программированию — большая возможность для социальных исследователей, и в то же время — большая ответственность. С одной стороны, антрополог может повлиять на складывающуюся ситуацию, с другой, помня о «родовой травме» антропологии, связанной с колониальными сюжетами, иногда делает это довольно неохотно. Исследователь отдает себе отчет в том, что разные группы городского населения имеют различные «нормы», и в этих условиях «норма», к которой стремится заказчик[15], объективно не может быть камертоном, с которым стоит сверяться. Многообразие жизненных стратегий горожан усложняет работу прикладного исследователя: давая рекомендации, он вынужден взять на себя ответственность за последствия, в то время как академические исследователи ее избегают.

> Болезненная точка – антропология и политика. Потому что ты понимаешь, что, с другой стороны, ты всю жизнь живешь в академии, жалуешься на то, что ты ни на что не можешь повлиять. У тебя появляется эта возможность, у тебя появляется политик, который хочет слушать ученых, которому хочется, чтобы мы подсказали, куда ему двигаться и как ему развиваться. И тут получается, что ты, как антрополог, слушаешь разные точки зрения, ты не можешь принять решение, то есть ты не можешь сказать, как бы... ты для себя не можешь сказать, что правильно[16].

Отчет в структуре отношений, складывающихся между заказчиком, исследователем и информантами, — не просто текст, он превращается в линзу, через которую заказчик смотрит на исследуемое антропологом поле. Представление сообщества и отдельных его членов тоже не столь однозначная задача.

> Насчет «не навреди». Тут, конечно, встает вопрос публичности, вопрос записи и вопрос работы с записями после того, как ты их записал, что ты с ними делаешь.

[14] М., эксперт в области городской антропологии и интернет-фольклора.

[15] В противном случае мы оказываемся перед лицом классической «эволюционистской этики». Еще о британском колониализме А. А. Никишенков пишет: «Эволюционистская этика вольно или невольно совпадала по своей сути с колониалистскими стереотипами мышления, распространенными в самых разных слоях британского общества» [Никишенков 2019].

[16] Ж., эксперт в области антропологии Севера.

> Я понимаю, что, записав какого-нибудь вполне себе интеллигентного дедушку-краеведа, если ты просто дословно расшифруешь то, что он сказал, мы понимаем, что устная прямая речь зачастую сопряжена с таким количеством эканий, меканий и слов-паразитов, что в самой точной расшифровке этот дед будет выглядеть пнем, который трех слов связать не может, и, публикуя его речь в таком виде, поместив на выставке какую-нибудь цитату из нее, ты выставляешь его в крайне невыгодном свете. Если ты показываешь эту цитату ему для согласования, то с очень большой вероятностью он скажет: «Ни в коем случае», — и потом перепишет ее так, что она будет казенная, страшная, и вообще совсем не то, что он говорил, и ему будет казаться, что так это звучит приличнее. В таком случае ты соврешь по сравнению с тем, что на самом деле было сказано, но зато не навредишь человеку. Это одна из историй[17].

Отдельно стоит сказать о формате отчетных документов: необходимо заботиться об их «читаемости». На первом месте оказывается не объем труда, сданного заказчику, а правильно расставленные акценты. Четкая организация финального текста или презентации хотя бы отчасти гарантирует эффективность проведенной работы. Заказчика необходимо сориентировать, в противном случае он сориентируется сам и будет интерпретировать предоставленный материал самостоятельно, в результате подобное упражнение может негативно отразиться на исследуемом сообществе. В частности, если те или иные тезисы иллюстрируются цитатным материалом, то необходимо прояснить, что приведенные реплики — не прямой призыв к действию, а, в первую очередь, свидетельство неголословности выводов:

> Когда мы начинаем мямлить свои академические формулировки, то это не работает. Если взглянуть на какой-нибудь старый отчет, я прямо вижу, где они смогут прочитать, что здесь написано, а где не то, что это слишком умно, но просто недостаточно отчетливо и недостаточно практически ориентировано[18].

Заказчик в исследовательском проекте

Отчасти вышеперечисленные моменты, касающиеся взаимодействия с информантами, в той или иной мере обращают на себя внимание и при работе с заказчиком. Тем не менее, в этом параграфе в первую очередь хотелось бы остановиться на проблемах, связанных с высокой степенью зависимости исследователя от заказчика, с невозможностью контроля за деятельностью заказчика, с особенностями командной работы в расширенном (а не только исследовательском) составе.

Проблема «неангажированности» исследователя

Одной из центральных во взаимодействии с заказчиком оказывается проблема частичной потери исследователем собственной автономности. Всю свою деятельность в коммерческом проекте антрополог вынужден соотносить с фигурой «контролера»: и предмет исследования, и ход

[17] М., эксперт в области городской антропологии и интернет-фольклора.
[18] М., эксперт в области фольклора и антопологии города.

исследовательской работы, и степень востребованности собранных результатов в итоге во многом определяются «извне».

> Просто сама идея в том, что если тебе платят деньги за исследования, то ты должен отрабатывать эти деньги, это некоторый груз, давление, встает вопрос про независимость. Какой же он независимый, если ему заплатила такая-то компания или такая-то структура?[19]

Помимо оценки исследователя информантами здесь важным оказывается и самоощущение.

Как правило, все юридические права на исследование также принадлежат заказчику, поэтому со сдачей отчетных документов автор до определенной степени больше не владеет собранным материалом и совершенно точно не может контролировать то, каким образом он используется на следующих этапах.

Тот факт, что исследование заказано, а не инициировано его исполнителем, налагает ряд ограничений. Самые главные из них заключаются в определении границ поля и хода исследования: заказчик может купировать вопросы, которые на этапе разработки технического задания ставит перед собой исследователь, иногда старается влиять на состав информантов, согласовывает или пытается корректировать «легенду».

> Чем отличается прикладное исследование от академического? Тем, что, начиная прикладное исследование, ты с самого начала ставишь рамки. Эти рамки являются внешними, по отношению к объекту исследования и к предмету исследования. Эти рамки навязаны тебе заказчиком.
>
> Эти рамки – это фильтр, который отфильтровывает ту часть истории, ту часть жизни, то явление, которое ты исследуешь, ту часть, которая интересна для решения конкретных задач конкретного заказчика. То есть, с точки зрения холистического антропологического подхода, это фигня, потому что ты не целиком и полностью на это смотришь, а смотришь из очень определенной перспективы, довольно жесткой[20].

Бывает, исследователю приходится сталкиваться с ситуацией, когда заказчик уже сформировал концепцию проекта и требует лишь подобрать подходящий цитатный материал для того, чтобы подтвердить собственные гипотезы, но не получить факты, позволяющие уточнить концепцию. Все вышеперечисленные ситуации показывают, что позиция «нанятого», оплачиваемого специалиста уязвима.

> Тоже такая практика, когда нужны только цитаты… Когда у заказчика есть уже готовая какая-то идея, например, как бывает с проектами Х, по крайней мере, у меня пару раз было. То есть у них уже есть готовая концепция. И нужно проверить несколько гипотез этой концепции, хотя практически получается, что ты проверяешь гипотезу, а решения уже приняты, их уже не изменят. ‹…› Если подойти инструменталистски, практически, то на деле получается, что ты просто собираешь подходящие цитаты под какую-то готовую канву, что тоже, на мой взгляд, не всегда бывает верно[21].

[19] М., эксперт в области городской антропологии и интернет-фольклора.

[20] М., эксперт в области антропологии и социологии города.

[21] Ж., эксперт в области антропологии города, специализируется на изучении локального текста города, мифологии города, городских субкультурах.

Иногда проведенное социальное исследование остается по своей сути бутафорским, так как реализуется, по ощущению исследователей, «ради галочки» в рамках корпоративных программ социальной ответственности или наряду с пространственным и транспортным анализом. Новая непривычная сфера — антропология — на данный момент может выполнять не содержательную, а имиджевую функцию.

> На моем опыте всегда было так, что конкретизировать задачи приходилось нам самим, потому что заказчики не очень понимали, в каких категориях мы будем об этом думать. И, во-вторых, по-видимому, иногда это делается просто для того, чтобы это сделать. Ну, было что-то такое — запустили антропологов. Как мы знаем, на эти результаты довольно часто не особенно ориентируются. И сам механизм ‹…› доведения и учтения этих результатов теми, кто принимает решения, он таков, что, как правило, от них по дороге ничего не остается[22].

Роль антрополога во взаимодействии с заказчиком

Во избежание наиболее травматичных с этической точки зрения ситуаций ведущему антропологу, очевидно, стоит позиционировать себя в качестве консультанта, наделенного определенным статусом: жестко обозначать свою позицию и цели, пресекая заведомо неэтичные требования заказчика, вроде проведения исследования с заведомо известным результатом.

Антрополог, работающий над прикладными проектами, часто выступает в роли переводчика, так как помогает заказчику понять обыденные высказывания горожан, их опыт и привычки, именно в этом ценность профессионала. Отчет антрополога отчасти выполняет функцию рупора, через который доносятся голоса горожан. Сложность, с которой он сталкивается, заключается в том, что иногда ему приходится воспитывать заказчика: объяснять, что избранные стратегии не годятся в силу приземленности (к примеру, предполагают лишь потребительские сценарии) или полного несоответствия ожиданиям и возможностям аудитории, на которую они ориентированы. Успех консультанта заключается в том, чтобы разработать такие рекомендации, которые помогут установить компромисс между социальной справедливостью и коммерческой состоятельностью проекта.

Работа в команде

Как уже было упомянуто выше, в определенной мере приглашенные исследователи чувствуют свою «оторванность» от большой команды того или иного реализуемого проекта, так как часто не имеют представления о том, в какой мере способны влиять на его дальнейшее развитие. Кроме того, часто они просто недостаточно хорошо информированы о перспективах развития проекта. Ведущие антропологи, теснее взаимодействующие непосредственно с заказчиком и другими членами проектной команды, более явно ощущают свою причастность к

[22] М., эксперт в области фольклора и антропологии города.

финальной версии реализуемых проектов, даже несмотря на то, что от их рекомендаций может оставаться очень маленький след.

Из своего личного опыта общения с руководителем одного из проектных бюро, которое пользуется услугами антропологов, я знаю, что первый, исследовательский, этап сотрудниками бюро расценивается как шаг, нацеленный на вовлечение локального сообщества в проект. Именно поэтому считать, что социальный исследователь в поле является нейтральным наблюдателем, было бы неверно. К тому же, даже ничего не обещая, а лишь информируя людей о проекте тем или иным образом, он уже формирует некоторые ожидания. В этой ситуации спорной причастности к финальной версии проекта решающим оказывается не то, насколько к голосу антрополога в результате прислушался заказчик, а то, что он все равно вносит свой вклад в проект, пусть и незримо на первый взгляд. Таким образом, как бы исследователю ни хотелось занять защищенную позицию стороннего наблюдателя, он оказывается полноценно вовлечен.

Ответственность перед профессиональной корпорацией

Профессиональная ответственность, безусловно, заключается в том, что исследование должно быть проведено аккуратно и правдоподобно отражать картину действительности. Тем не менее есть несколько нюансов, которые отметили мои собеседники в ходе разговора об этике прикладных полевых исследований. Остановлюсь на них подробнее.

Корректность проведенного исследования и представление его результатов

Существенным препятствием на пути решения исследовательских задач оказывается серьезное ограничение во времени, которое является неизменным атрибутом прикладных исследований.

> Мне важно, чтобы поле было серьезное, более-менее фундаментальное. Необязательно по Малиновскому, 15 месяцев сидеть. Понятно, что ни так, ни так не бывает. Меня всегда раздражало, что мало времени, что нужны быстро какие-то результаты, потому что я продолжал это мерить привычными мне мерками представления о прекрасном, как бывает в академических исследованиях[23].

В условиях дефицита времени иногда вынужденно приходится поступаться принципом холизма, который в академическом поле является основополагающим. Если при этом ограничен еще и бюджет, и в поле приходится работать в одиночку, то отказаться приходится и от триангуляции. Как правило, заказчик требует дать ответы на вполне конкретные вопросы, оставляя за пределами внимания следующее обстоятельство — полноценный ответ на поставленные вопросы, как правило, можно дать, лишь изучив более широкий контекст.

[23] М., эксперт в области фольклора и антропологии города.

Исследователям приходится прибегать к упрощениям и обобщениям, риск непреднамеренных фальсификаций даже при самых благих намерениях в этих условиях возрастает в разы.

Не только исследователи ограничены во времени, но и их заказчики. Как правило, у них есть возможность ознакомиться лишь с резюме исследования или лаконичной презентацией, поэтому представление финальных результатов настолько же важно, насколько их сбор и интерпретация. Расставляя те или иные акценты, исследователь направляет внимание заказчика на одни проблемы, и при этом иногда невольно, а иногда умышленно нивелирует другие. Осуществление этого выбора также лежит в поле этики.

Академические *VS* прикладные исследователи

Если антропологи-консультанты видят в прикладных проектах полноценную возможность для самореализации, то академические исследователи участвуют в них, делая ряд оговорок. Во-первых, им труднее справиться с составлением рекомендаций, нередко они даже умышленно стараются уйти от этой задачи. Кроме того, критикуя исследовательскую ситуацию, в которой невозможно «полноценно» погрузиться в поле, некоторые подчеркивают, что прикладные проекты никак не являются их основным видом деятельности.

> Это не основной вид нашей деятельности. Это никогда не будет на первом месте в приоритетах и в системе символической ценности того, чем мы занимаемся. Фактически ни для кого какая-то конкретная постановка вопроса не является его собственным основным базовым интересом в данный момент. Тебя не спрашивают. Тебе предлагают, например, исследовать благоустройство, но ты никогда до этого о благоустройстве не думал[24].

> Он работал в городе Х, и на презентации общей был одним из немногих, кто конкретно рекомендации предложил — что делать, что строить. ‹…› Был очень доволен заказчик его рекомендациями, они были понятны. Было понятно, что там, что надо сделать. Это для [заказчика] был один из самых больших результатов, гораздо больше, чем все наши антропологические расклады[25].

Прикладные исследователи, напротив, стараются, как подсказывает один из коллег, «перейти к одиннадцатому тезису о Фейербахе»[26]: разобравшись, как устроена та или иная ситуация, берут на себя ответственность и предлагают решения, которые позволят привнести в реальность необходимые изменения.

Этические сложности здесь не проявляются напрямую, однако отказ академических исследователей признавать прикладные исследования как полноценные указывает на то, что с методологической точки зрения они не расцениваются как однозначно безупречные, а их результат — не выглядит спорным. Кроме того, исследователи

[24] М., эксперт в области фольклора и антропологии города.
[25] Ж., эксперт в области антропологии Севера.
[26] См. подробнее: [Маркс 1955].

отмечают, что материалы, собранные в ходе прикладных исследований, плохо конвертируются в академические публикации, это опять же связано со спецификой прикладных исследовательских задач, отличных от академических.

Взаимодействие ведущих антропологов с привлеченными

Взаимоотношения коллег — ведущих антропологов с привлеченными — построены на доверии, оно искреннее и, как правило, оправдывающее себя. Тем не менее, отсутствие тотального контроля за собственным собранным материалом и непонимание статуса проекта в условиях ответственности перед информантами время от времени может вызывать некоторое напряжение.

Вместо заключения

Между задумкой этой статьи и финальными правками прошел почти год. С тех пор произошли серьезные перемены, в последние месяцы с распространением пандемии прикладному исследователю стало существенно сложнее работать — офлайн-исследования (хочется верить, что на время) стали непозволительной роскошью. Представленная картина, задокументированная благодаря высказываниям экспертов на момент лета 2019 года, на данный момент пока остается в прошлом.

Тем не менее, необходимость продолжать работу обуславливает рост популярности разнообразных цифровых методов исследования, ранее многими использовавшихся в первую очередь в качестве дополнительных. Очевидно, что если всего несколько месяцев назад можно было себе позволить обсуждение полевого опыта исключительно в офлайн-плоскости, то теперь интернет-этнография, разговоры с информантами через мессенджеры, мониторинг соцмедиа — основные источники информации для прикладного антрополога, продолжающего свою деятельность. «Клуб любителей интернета и общества» уже стал первопроходцем в области этики цифровых исследований в русскоязычной среде [Этика в Интернет-исследованиях], но, как можно предположить, его копилка наблюдений еще существенно пополнится. Практики же, стоит надеяться, сумеют перенастроить свою полевую работу с учетом цифровых возможностей и новых этических ограничений.

Литература

Кодекс этики американской антропологической ассоциации. (2000). *Журнал социологии и социальной антропологии, 3*(1), 173–180.

Абашин, С. Н. и др. (2006). Форум: этические проблемы полевых исследований. *Антропологический форум, 2006*(5), 6–166.

Бархатова, Л. А. (2019). Этические дилеммы полевой этнографии. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М), 2019*(47), 44–66.

Веселкова, Н. В. (2000). Об этике исследования. *Социологические исследования, 2000*(8), 109–114.

Маркс, К. (1955). Тезисы о Фейербахе. В К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения, том 3,* 1–4. М.: Государственное издательство политической литературы.

Никишенков, А. (2019). Морально-этические аспекты прикладных исследований. В *История британской социальной антропологии*. Режим доступа: https://culture.wikireading.ru/29252

Троицкий, К. Е. (2019). Зигмунт Бауман: от критики универсализма к безграничной моральной ответственности. *Этическая мысль, 19*(1), 5–19.

Этика в Интернет-исследованиях. *Официальный сайт Клуба любителей Интернета и общества.* Режим доступа: http://clubforinternet.net/school_18/ethics.

Bainton, B. R. (2012). Applied ethics: Anthropology and business. *International Journal of Business Anthropology, 3*(1), 114–133.

Jordan, A. T. (2012). *Business anthropology*. Long Grove, Illinois: Waveland Press.

Price, D. H. (2017). A Short history of American anthropological ethics, codes, principles, and responsibilities — professional and otherwise. In D. Plemmons, A. W. Barker (Eds.). *Anthropological Ethics in Context*, 23–38. New York: Routledge.

References

Abashin, S. et al. (2006). Forum: Ethical issues of field research. *Forum for Anthropology and Culture, 2006*(5), 6–166. (In Russian).

Bainton, B. R. (2012). Applied ethics: Anthropology and business. *International Journal of Business Anthropology, 3*(1), 114–133.

Barkhatova, L. (2019). Ethical dilemmas of ethnographic fieldwork. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (4M), 2019*(47), 44–66. (In Russian).

Ethics in the Internet studies. *Club for Internet and Society Enthusiasts*. Retrieved from http://clubforinternet.net/school_18/ethics. (In Russian).

Jordan, A. T. (2012). *Business anthropology*. Long Grove, Illinois: Waveland Press.

Marx, K. (1969). Theses on Feuerbach. In K. Marx, F. Engels. *Collected works,* Vol. 3, 1–4. Moscow: Gosudarstvennoe idzatel'stvo politicheskoi literatury. (In Russian).

Nikishenkov, A. (2019). Moral and ethical aspects of fieldwork research. *The History of British Social Anthropology.* Retrieved from https://culture.wikireading.ru/29252 (In Russian).

Price, D. H. (2017). A short history of American anthropological ethics, codes, principles, and responsibilities — professional and otherwise. In D. Plemmons, A. W. Barker (Eds.). *Anthropological Ethics in Context*, 23–38. New York: Routledge.

The code of ethics of the American Anthropological Association. (2000). *The Journal of Sociology and Social Anthropology, 3*(1), 173–180. (In Russian).

Veselkova, N. (2000). On research ethics. *Sociological Studies, 2000*(8), 109–114. (In Russian).

Troitsky, K. (2019). Zygmunt Bauman: From criticism of universalism to unlimited moral responsibility. *Ethical Thought, 19*(1), 5–19. (In Russian).

Социальный антрополог на службе промышленных корпораций

Олег Александрович Базалеев[1]

✉ oleg.a.bazaleev@mail.ru

[1]Независимый исследователь

Для цитирования статьи:
Базалеев, О. А. (2019). Социальный антрополог на службе промышленных корпораций. Фольклор и антропология города, *II*(3–4), 154–177. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-154-177.

Крупные промышленные проекты нанимают корпоративных социальных антропологов. Что это за работа, почему в ней надо уметь распутывать загадки, быть «переводчиками с местного языка на корпоративный» и предупреждать, где может быть спрятана «красная кнопка»? Об этом статья Олега Базалеева, который в этой роли работал в нефтегазовых и горнодобывающих компаниях на Сахалине, на Ближнем Востоке, в странах Западной Африки и Южной Америки. В настоящее время он руководитель по социальным вопросам нефтегазовой компании из ОАЭ, живет и работает в иракском Курдистане.
В статье выделяются закономерности успешной работы антрополога в ситуациях кросс-культурного взаимодействия, приводятся иллюстрации из профессиональной практики автора, раскрывается, какими навыками и знаниями должен обладать социальный антрополог на службе промышленных корпораций, а также рассматриваются этические вопросы, возникающие при такой работе.

Ключевые слова: кросс-культурная коммуникация, прикладная антропология, этика

Social anthropologist employed by industrial corporations

Oleg A. Bazaleev[1]

✉ oleg.a.bazaleev@mail.ru

[1]Independent researcher

To cite this article:
Bazaleev, O. (2019). Social anthropologist employed by industrial corporations. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 154–177. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-154-177. (In Russian).

Large industrial projects are hiring corporate social anthropologists. What is this job about? Why do corporate anthropologists have to solve riddles, translate things “from native language into corporate language” and know where the “red button” might be hidden? The article by Oleg Bazaleev, who has worked as a corporate anthropologist in oil and gas and mining companies in Sakhalin, Middle East, West Africa and South America, answers all these questions. Oleg is currently based in Iraqi Kurdistan and holds the position of the social affairs manager in a UAE oil and gas company.

The article highlights chief patterns of successful anthropological work in cross-cultural interactions, provides cases from the author's professional experience, covers the skills and knowledge necessary for a social anthropologist employed by industrial corporations, and also dwells on ethical issues resulting from such work.

Keywords: cross-cultural communication, applied anthropology, ethics

Есть такая профессия: запутанные вещи прояснять

Типичный портрет социального антрополога на службе добывающих природные ресурсы корпораций — это человек с соответствующим профильным образованием, который либо работает в штате компании, либо оказывает ей консультационные услуги. Обычно их нанимают на крупный нефтегазовый или горнодобывающий проект в одной из стран Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии или Южной Америки. Причем территория вокруг промышленного проекта густо населена — там живут десятки или сотни тысяч людей, а социальная обстановка изначально довольно сложная.

Причины у непростой социально-экономической ситуации могут быть разные. Где-то только что закончился вооруженный конфликт или его угли еще тлеют (т. н. post-conflict environment), где-то местные жители живут в условиях экстремальной бедности, где-то непредсказуемая политическая ситуация или разгул криминала, а в каких-то местах длинным «хвостом» тянется многолетняя история противостояния людей и промышленного проекта. В такой изначально накаленной обстановке компании могут сталкиваться с блокадой дорог местными жителями, разгромом оборудования, угрозами, требованиями принять на работу, попытками силового решения конфликтов — и так далее.

Корпоративных антропологов, работающих на ресурсодобывающие компании, сравнительно немного — наверное, не больше двух-трех сотен человек по всему миру. Чем они занимаются, и для каких целей корпорации их нанимают? Об этом и поговорим.

Для начала две истории[1].

История первая:

Жители одной из деревень в Западной Африке выдвинули, на первый взгляд, странное и нелогичное требование: они хотели, чтобы один из наших рудников, расположенный на значительном расстоянии от населенного пункта, сообщал им о времени взрывов в карьерах.

Производственный персонал не всегда предупреждал заранее о взрывных работах в дальних карьерах — ведь детонация на таком расстоянии никак не могла не то чтобы влиять на деревню, но даже ощущаться селянами! Однако любой случай, когда о будущих взрывах не сообщалось, вызывал острую реакцию со стороны селения и его обитателей. В некоторых случаях жители деревни перекрывали дороги и блокировали транспорт рудника.

[1] Все приведенные в этой статье примеры — либо из моей практики, либо ситуации, которые я мог непосредственно наблюдать у работающих неподалеку компаний. — *О. Б.*

В чем же было дело? Оказалось, что некоторые из жителей промышляли нелегальной добычей золота и тайно проникали в окрестности рудника, копая там глубокие самодельные шахты. Взрыв внутри карьера мог вызвать вибрацию и обвал кустарно сделанного штрека, похоронив под тоннами земли отчаянного копателя. Поэтому люди требовали информации о взрывах, но по понятным причинам не могли раскрыть, почему для них это важно. После того, как стала понятна мотивация жителей, мы стали регулярно информировать деревню о планируемых взрывах.

Илл. 1. Один из установленных аншлагов, информирующий о месте и времени взрывов на карьере. Сотрудник по связям с населением дублирует эту информацию для деревень при помощи телефонных звонков главам поселений. Фотография автора

Илл. 2. Нелегальные старатели около рудника компании в Гвинее. Фотография автора

История вторая:

В одной из больших деревень на юге Ирака, располагающейся у нефтегазового месторождения, где я тогда работал, решили установить две детские площадки как часть социальной программы. На собраниях с деревенскими жителями те сами говорили о важности такого рода сооружений — так что, казалось бы, это дело, которое вряд ли может вызвать противодействие. Одна из площадок уже активно строилась, но сборка второго игрового комплекса вдруг неожиданно была прервана пришедшими туда неизвестными людьми, которые потребовали немедленно прекратить работы. О причинах остановки они наотрез отказывались говорить.

Оказалось, что живущее в этой части деревни племя занималось предоставлением тайного убежища тем людям, которые из-за «кровной мести» или по каким-то еще причинам были в бегах. И детская площадка была для них угрозой — дети и подростки из разных концов деревни, которые будут туда приходить, могут между делом заметить незнакомых людей. Информация об этом распространится внутри деревни и за ее пределами, могут последовать конфликты и «разборки». Место игровой площадки пришлось перенести.

Одна из главных функций (и, вне всяких сомнений, наиболее зрелищная) социального антрополога на службе корпораций — это как раз «распутывание» подобного рода клубков загадок, недоговариваний и недопониманий, связанных с жизнью местного сообщества, которые могут осложнить жизнь промышленного проекта.

Но вообще-то у корпоративного антрополога есть шесть основных задач.

Во-первых, с самых ранних стадий промышленного проекта надо понимать, «как там все работает», то есть на микроуровне разобраться, как устроены местные сообщества, интересы которых будут затронуты при реализации промышленного проекта.

Во-вторых, требуется «переводить» это знание на «корпоративный язык», с тем чтобы самые разные представители компании понимали логику местных сообществ и динамику событий.

В-третьих, надо предвидеть проблемные вопросы в кросс-культурных коммуникациях между иностранцами на проекте и местными жителями и по возможности стараться не допустить «эффекта красной кнопки».

В-четвертых, необходимо делать оценку возможного воздействия проекта на окружающих, чтобы выяснить, нет ли рисков для местных жителей.

В-пятых, руководить подразделением, отвечающим за взаимодействие с местными сообществами.

В-шестых, необходимо проводить профессиональную экспертизу в сфере применения международных стандартов и рекомендуемых практик по социальным вопросам.

Между двумя племенами: короткая память, лосиная охота и конец «медового месяца»

Антропологические знания, внимание к деталям и навыки кросс-культурных коммуникаций требуются не только для того, чтобы решать «задачки со звездочкой» про уклад дальних деревень и кланов. Не секрет, что истоки многих проблем между промышленными проектами

и местными жителями зарождаются гораздо ближе, чем можно подумать — в вагончиках-бытовках самих промышленных проектов и в залах заседаний.

Одна из важных задач корпоративных антропологов — это «переводить» с местного языка на корпоративный язык и обратно. То есть вовремя обращать внимание на многочисленные кросс-культурные различия между двумя большими «племенами» — персоналом промышленных компаний и жителями.

В отличие от уникальных ситуаций-загадок, которые периодически подбрасывают местные сообщества, на стыке этих двух «племен» мы, наоборот, имеем дело с повторяющимися практически на каждом проекте ситуациями.

Разные форматы лидерства. Руководитель проекта или компании готов принимать быстрые и единоличные решения и имеет на то полномочия. Лидеру местного сообщества, клана или группы в большинстве случаев требуется гораздо больше времени для принятия решения — так как этому должны предшествовать один или несколько раундов обсуждений проблемы членами этого сообщества. Если есть вопросы для обсуждения с местными сообществами, то необходимо закладывать на это больше времени — часто это дополнительные недели и месяцы.

Особенности «корпоративной памяти». Пожалуй, мало что производит столько проблем для самой компании, как ее «корпоративная память», которая очень коротка — особенно по сравнению с «местной памятью». Среднестатистический работник промышленного проекта куда-то перемещается по горизонтали или вертикали раз в 3–4–5 лет, и часто корпорация через это же время естественным образом и абсолютно искренне «забывает» о том, что когда-то было обещано компанией людям, живущим по соседству. Письма теряются, разговоры забываются, история вопроса стирается в памяти, а новые люди не в курсе важности старой проблемы... Да и сам промышленный проект может сменить владельца, отчего поменяется весь ключевой персонал.

Подрядные организации по геологоразведке для корпоративных антропологов вообще стали притчей во языцех — порой эти кратковременные работы длиной в несколько месяцев оставляют глубокий шрам на годы вперед в отношениях с местными жителями, если недобросовестные подрядчики раздают обещания, не собираясь их выполнять. Рассказывают то ли байку, то ли быль, как где-то в Африке во время такой геологоразведки даже вкопали в землю столбы, обещая провести в эту местность электричество — в реальности не собираясь ничего этого делать.

В отличие от находящихся в перманентной ротации сотрудников компании, местное сообщество помнит все: люди часто живут на одном и том же месте всю жизнь.

Особенности «местного времени» — еще одна тема, на которую можно говорить долго, а то и бесконечно. Однажды у нас была переписка с одним из канадских индейских племен по поводу организации визита.

Обмен электронными письмами шел ежедневно и вдруг неожиданно оборвался — причем, что называется, на полуслове. Переписка возобновилась примерно через месяц — все так же, с полуслова. Оказалось, что началась охота на лосей, и наш собеседник ушел в леса.

Похожая ситуация возникала, когда я руководил социальными вопросами на нефтегазовом проекте «Сахалин-2» и сталкивался с необходимостью в ускоренном порядке финансировать социальные проекты, по которым для коренных малочисленных народов Севера покупались лодки и лодочные моторы. Скорость была важна по одной причине: либо все это должно быть приобретено до начала лососевой путины — либо уже и не надо...

Есть начало — нет конца. У бизнеса в порядке вещей прагматичный подход: возникла проблема — начали ее обсуждать и решать. Однако для взаимодействия со стейкхолдерами (stakeholder engagement) такой подход не работает. Люди говорят: «Вас видно только тогда, когда у вас проблема и вы в нас нуждаетесь». Доверие между сторонами в этом случае не возникает. Иными словами, у процесса взаимодействия со стейкхолдерами есть начало, но не бывает конца и перерывов.

Конец «медового месяца» случается практически на каждом длинном проекте. Когда приходит компания, создает рабочие места и возможности для местных подрядчиков, то первые два-три года (а иногда и дольше) отношения можно назвать идеальными — как в «медовый месяц» у только что поженившейся пары.

Однако проходит время, и персонал компаний начинает недоумевать и жаловаться: что-то «сломалось» в местном сообществе, сплошным потоком идут жалобы, обвинения, что компания делает недостаточно для людей вокруг — а потом рукой подать до перекрытия дорог и акций протеста. На самом деле это в каком-то смысле естественный процесс. Местное сообщество адаптировалось к новому уровню благополучия, и у него возникают уже новые ожидания. Можно долго рассуждать, оправданно это или нет, но такие ситуации возникают практически повсеместно, и к ним можно и нужно готовиться заранее.

Помимо непростых взаимоотношений между сотрудниками компании и местными жителями всегда, разумеется, есть кросс-культурные отличия между людьми разных национальностей, работающих на крупном проекте.

Кросс-культурная коммуникация и сломанный нос

Вопрос кросс-культурных коммуникаций в последние годы стал таким популярным, что про них не пишет только ленивый. И, как с любой «хайповой» темой, рано или поздно маятник качнется в другую сторону. И уже слышны голоса, что, мол, тема переоценена, и так ли уж важно не задеть ничьи чувства неправильным словом или жестом?

Где-то, возможно, это и не важно. Однако если ты реализуешь

промышленный проект в окружении тысяч людей разных культур, разного уровня образования, интересов и устремлений, то невнимание к кросс-культурному взаимодействию может усложнить жизнь — а то и укоротить ее.

Когда я работал в Ираке, то недалеко от нашего месторождения произошел такой случай. Дело было во время священного для мусульман-шиитов месяца Ашура — этот период считается временем траура, когда поминают шиитских мучеников. В эти дни на юге Ирака, согласно местным традициям, многие прикрепляли к своим машинам черные или зеленые флаги с портретом или именем шиитского мученика имама Хусейна ибн Али.

Известная охранная компания G4S предоставляла охранные услуги не менее известной международной нефтесервисной компании, и на стоянке несколько бронированных внедорожников готовились к выезду. Один из водителей-иракцев решил (повторюсь: под влиянием год от года становящейся все более распространенной локальной традиции) прикрепить флаг к своему автомобилю — в чем, с точки зрения местного жителя, была несомненная логика.

Британец-экспат, который возглавлял эту группу охраны, этот флаг убрал и в категорических выражениях запретил впредь делать что-то подобное. Его действия тоже были по-своему логичны: все бронированные конвои в Ираке — это одинаковые «лэндкрузеры» белого или (редко) черного цвета, что на расстоянии делает машины неотличимыми одна от другой. Это дополнительная степень защиты, так как осложнит нападение, если агрессорам нужна какая-то конкретная машина. «Плохим парням» сложно понять, вообще та ли это колонна машин, которая им нужна? И даже если колонна та самая, не получится ли, что вместо автомобиля с ценными пассажирами они попытаются штурмовать машину с охраной?

Если кто-то прикрепляет флаг к машине, то это, с точки зрения служб безопасности, может выглядеть как невольная ошибка, которая может демаскировать машину, а то и как сознательное намерение пометить какой-то конкретный автомобиль!

Как бы то ни было, когда экспат этот флаг то ли убрал, то ли сорвал (тут версии расходятся), то страсти накалились моментально, вокруг собралась толпа, воспринявшая случившееся как неуважение к священным для местных жителей персоналиям и датам.

Дальнейшее можно самим увидеть на роликах в интернете (они существуют как минимум в нескольких версиях, явно снятых разными людьми на разные телефоны)[2].

Если коротко, то экспат сначала пытался закрыться от разъяренной толпы в своей машине, которую штурмовали люди с лопатами, кирками и металлическими прутьями. Потом толпа тащит его по дороге. В конечном счете, охранника доставили в больницу со сломанным носом, переломанными пальцами и ушибами, но все могло бы закончиться и гораздо хуже.

К слову, у нас на месторождении тоже был похожий случай, к счастью, не приведший к плачевным последствиям — благодаря оперативному вмешательству моей команды. В вагончике на одной из буровых установок геолог-экспат из лучших побуждений решил навести порядок. И в числе прочего снял со стены и велел убрать (по другой версии, снял, скомкал и выкинул в мусорную корзину) прошлогодний пыльный календарь с изображениями на религиозную тему.

Быстро собралась разгоряченная толпа, буквально за час слухи о

[2] https://www.youtube.com/watch?v=vWe8X2QpgSI

происшествии, обрастая все более фантастическими подробностями (в одной из версий геолог якобы на самом деле был отставным американским морпехом, который до этого воевал с иракской армией), облетели окрестные деревни.

Однако путем переговоров с местными лидерами напряжение получилось снять. Геолога благополучно вывезли в аэропорт, и он покинул страну. Впрочем, месяца через три, когда страсти поутихли, этот специалист хотел вернуться, но ни мы, ни службы безопасности добра на это так и не дали: мало ли что может случиться.

«Красная кнопка» ближе, чем кажется

Написанное выше показывает, какими болезненными (часто в прямом смысле слова!) могут быть последствия невнимания к кросс-культурным моментам. Рассказы о таких опасных инцидентах, естественно, становятся частью корпоративного фольклора компаний, где они происходили, и начинают передаваться «из уст в уста» новым «поколениям» сотрудников.

Проблема в том, что очень часто такого рода истории рассказывают в качестве свидетельства «непредсказуемых местных нравов» или «экзотичных локальных обычаев» — а вовсе не как закономерный итог неких процессов, которые потенциально можно было предвидеть и предотвратить. В каком-то смысле это напоминает известную фразу «Просто не учи физику в школе, и вся твоя жизнь будет наполнена чудесами и волшебством» — только в данном случае роль «физики» играют социальные процессы.

Одна из задач корпоративного социального антрополога — понимать и помогать другим разобраться, где может возникнуть так называемый «эффект красной кнопки». Так часто называют ситуацию, когда, на первый взгляд, чуть ли не на пустом месте возникает вспышка общественного негодования и гнева.

Классический способ не допустить «эффекта красной кнопки» — это идентификация священных для местного сообщества мест.

> Например, в Западной Африке, где среди населения много приверженцев анимистических культов, в окрестностях деревень встречаются священные места, которые неподготовленный человек может даже не заметить. Например, это может быть просто большое дерево, или приметный большой камень, или высокий холм.
>
> Когда планируется расширение рудника, то обязательно проводятся консультации с местным населением о территории, где будет новый карьер: в числе прочего надо выяснить, есть ли там священные места, и если есть, то можно ли их перенести на новое место (по местным обычаям, такое возможно в результате довольно сложной церемонии, предпринимаемой старейшинами).

Важно понимать, что «эффект красной кнопки» может возникать в любой стране: и в беднейшем государстве, и на благополучной и экономически развитой территории.

В 2011 году я со своими коллегами был в командировке в Ирландии с визитом в формате lessons learned: изучение совершенных ошибок, чтобы не допускать их впредь. Нефтегазовая компания, в которой я тогда работал, за несколько лет до этого начала реализацию газового проекта на северо-западе страны. Газ с расположенного в море месторождения по 90-километровому трубопроводу должен был подаваться на сушу, на установку комплексной подготовки газа.

Реализация этого проекта была на несколько лет остановлена в 2005 году в результате массовых и жестких по форме протестов. Поводом для протестов было отчуждение земли под прокладку трубопровода у нескольких местных жителей.

Когда мы общались с непосредственными участниками тех событий (по обе стороны баррикад) и расспрашивали о том времени, то оказалось, что изначально далеко не все из будущих участников массовых протестных акций разделяли цели протеста. Более того, некоторые вообще были сторонниками газового проекта, но поменяли свою точку зрения буквально за несколько часов.

Оказалось, что все изменилось, когда местные ирландские суды стали выносить решения против оппонентов проекта. Как нам объяснили, тут сработал фактор исторической памяти. Дело в том, что в XIX веке, когда Ирландия была под властью Великобритании, именно подконтрольные британцам администрация и суды были инструментом для отбирания земли у населения. И единственным способом этому противостоять было подниматься всем, как один, на акции протеста.

С тех пор прошли десятилетия, администрация и суды полностью другие, но болезненная память осталась. По словам наших собеседников, если на кону стоит земля, а суды помогают ее изымать, то многие жители воспринимают участие в протестах как свой гражданский долг — и конкретные обстоятельства дела тут уже становятся не важны.

Илл. 3. На фото священное дерево около одной из деревень в Буркина-Фасо. Фото сделано уже после того, как при помощи специальной церемонии святость этого места была перенесена на другое дерево около новой деревни, построенной рудником. В противном случае не рекомендовалось бы делать такую фотографию (хотя прямого запрета нет). Фотография автора

У «эффекта красной кнопки» есть опасная особенность — механизмы этого явления могут быть скрыты где-то в истории, а не лежать на поверхности. Как известно, в социальных процессах границы и правила часто становятся видимыми, только когда их нарушают. В этом смысле проблема «красной кнопки» подобна неизвестно где закопанной мине: рвануть может в самом неожиданном месте и самым неожиданным способом. Надо принять как данность, что часто корпоративным антропологам приходится либо оперативно устранять последствия уже нажатой «красной кнопки», либо делать так, чтобы на те же грабли не наступили еще раз.

Однако если компания на протяжении длительного времени тесно взаимодействовала с жителями, добросовестно выстраивала отношения и участвовала в жизни местного сообщества, то даже существенное невольное нарушение местных социальных норм (или даже табу) может оставаться без последствий — так как люди не сомневаются в искренности намерений промышленной компании и делают скидку на незнание «чужаками» местного контекста:

> Во время работы в южном Ираке мы проводили довольно-таки рутинный опрос общественного мнения в многотысячном населенном пункте около нашего месторождения о том, какая общественная инфраструктура, построенная при помощи нашего нефтегазового проекта, кажется людям наиболее полезной.
>
> Неожиданно опрос преподнес сюрприз. Длинный парк вдоль дороги, который был за несколько лет до этого благоустроен и обнесен декоративной оградой за счет компании, получил очень много резко отрицательных оценок.
>
> Спросили у людей: а почему так? И еще более удивительная единодушная реакция: сам парк-то полезный, но понятно, что вы его обустроили не просто так, а чтобы обратить нас, мусульман, в христианскую веру.
>
> – ???
>
> – Так вы на ограду посмотрите, она вся из христианских крестов состоит.
>
> Посмотрели на ограду, где каждая секция состояла из приваренных друг к другу прямоугольных в сечении профилей, образующих незамысловатый рисунок. В центре каждой секции — две крестообразно соединенные планки. При изрядной доле воображения их можно принять за перевернутый христианский крест (то, что за пропаганду христианства приняли перевернутый символ, вполне извинительно — большинство людей вряд ли могут похвастаться подробным знанием религиозной символики у чужой конфессии).
>
> Однако несколько лет сотни человек, работавших на проекте, проезжали вдоль этого парка по дороге на месторождение, но никто не обращал внимание, что этот рисунок кто-то может воспринять как религиозный прозелитизм!
>
> В других условиях, возможно, такая ограда стала бы проблемой. Однако много лет сотрудничества между нефтегазовой компанией и местным сообществом делали свое дело: вряд ли кто-то подозревал компанию в нечестной игре.
>
> Впрочем, на каждый «крест» на всех секциях кто-то прикрепил маленькое пластиковое изображение пальмы — видимо, чтобы все-таки превратить крестообразный символ в декоративный элемент.

Илл. 4. Тот самый парк и его ограда. Фотография автора

Зачем призывать «варягов»?

Мало какой вопрос вызывает в корпоративной антропологии столько споров, как дилемма «свои или чужие». Кто лучше на позиции корпоративного антрополога: местный житель или иностранец-экспат? В настоящее время есть консенсус по поводу того, что именно иностранец-экспат на позиции корпоративного антрополога (и одновременно руководителя отдела по связям с населением) — это оптимальный вариант, когда вокруг неспокойно. Дело в том, что включенность в местное общество, которая есть у местного сотрудника, может быть не только преимуществом, но и существенным недостатком.

Во-первых, местный сотрудник особенно в традиционных обществах так или иначе связан десятками связей и взаимозависимостей с другими членами общества. Его социальная роль как сотрудника проекта (которая к тому же может быть временной) может входить в противоречие с другими принятыми на себя социальными ролями и обязанностями. Например, как сотрудник проекта он обязан сказать «нет», если глава твоего рода требует принять решение в обход тендерных процедур, однако его же социальная роль «правильного» члена своего рода требует сказать «да».

Во-вторых, что еще важнее, местный сотрудник более уязвим, чем экспат, для запугивания или силового воздействия, ведь и он, и члены его семьи живут в местном населенном пункте (экспаты, как правило, живут в охраняемых лагерях, а их семьи за тысячи километров). Например, в Ираке один из местных сотрудников отдела по связям с населением однажды увидел перед своим домом пикап с несколькими людьми из племени, которое было недовольно результатами проведенного тендера, причем незваные гости выкрикивали оскорбления и угрозы в

его адрес. Если бы не вмешалась компания, то за таким давлением могли последовать другие, более серьезные формы запугивания (расправа с сотрудником, подрыв машины и т. д.).

По этим причинам, когда я работал в Ираке руководителем отдела по социальным вопросам, то мои местные сотрудники часто объясняли решения, которые они принимали сами в рамках своих компетенций (например, что компания прекращает набор новых сотрудников в связи с отсутствием вакансий) тем, что это было не их, а именно мое решение. Еще в одном случае всех заинтересовал вопрос, откуда протестующее против тендера племя вдруг оказалось в деталях осведомлено про ценообразование по одному из контрактов. Местный сотрудник отдела закупок печально пожал плечами: «Куда мне было деваться? Я был вынужден им сообщить», — и показал свой сотовый телефон с смс, где с неопределяемого номера были написаны угрозы физической расправы в адрес его и его семьи.

В-третьих, компании хотят быть уверены, что риски под контролем, что они оценены в соответствии с применимыми международными стандартами — а не в соответствии с более «мягкими» местными неформальными нормами. Во многих случаях местные форматы могут находиться в противоречии с международными стандартами: например, в африканской деревне подросток 17 лет будет считаться уж пару лет, как вполне годным для работы, а для компании такой возраст неприемлем.

По цепочке переводов

Какие языки надо знать, чтобы работать корпоративным антропологом в ресурсодобывающих компаниях? Главное правило одно: чтобы тебя могли понять. Я видел более чем успешных международных корпоративных антропологов, которые не говорят ни на одном языке, кроме английского. Однако, разумеется, знание языка страны является важным преимуществом. Например, в Латинской Америке и испаноязычной Южной Америке фактически невозможно работать без знания испанского языка. В то же время в странах арабского мира большинство западных экспертов по корпоративной антропологии, которых я встречал, не говорили на арабском языке.

В Африке десятки локальных языков. Поэтому в сельской местности (где и реализуется большинство промышленных проектов) знание титульного государственного языка (французского в странах Западной Африки, английского или португальского в некоторых других) может не сильно облегчить жизнь. Может оказаться, что государственным языком владеют только мэры поселений, но не жители конкретной деревни.

К тому же здесь привыкли к тому, что порой перевод идет с одного местного языка на другой. В Африке с ее языковым разнообразием часто бывают случаи, когда идет цепочка переводов: сначала с французского языка на широко распространенный региональный африканский язык (например, язык «малинке»), потом идет перевод на узко распространенный язык, на котором говорит, например, какая-то отдельная деревня либо выступающий от нее спикером старейший уважаемый житель.

«Чужие» лучше «своих»?

Корпоративный антрополог, как правило, не работает в одиночку, а руководит подразделением, в котором собраны сотрудники с разными функциями. Больше всего в таких отделах «сотрудников по связям с населением» [Community liaison officers 2018], которые могут заниматься всем спектром повседневных задач службы: информирование местных жителей, консультации, прием и разрешение жалоб, реализация социальных программ. Относительно этих работников также ломается немало копий: кого лучше принимать на такую должность, людей из местной деревни или жителей той же страны, но откуда-то издалека?

Методические рекомендации о том, как строить команду сотрудников по связям с населением и управлять ею [Community liaison officers 2018], подготовленные ассоциацией IPIECA, обоснованно говорят о рисках найма этих сотрудников только из окрестных населенных пунктов:

> Риски, ассоциирующиеся с наймом сотрудников по связям с населением из местных сообществ, связаны с эффектом получения этими людьми дополнительных прав и возможностей по отношению к другим местным жителям (например, они становятся принимающими решения по выделению денег) или с «вымыванием» из местного сообщества людей с определенными знаниями и компетенциями (иностранные языки, опыт реализации социальных проектов, навыки выстраивания отношений с политическими и общественными фигурами).
>
> Придание людям из местных сообществ дополнительных прав и возможностей путем их найма на должность сотрудника по связям с населением само по себе может привести к конфликту интересов или к напряженности в сообществе. Некоторые члены сообщества могут думать, что сотрудники по связям с населением оказывают большее предпочтение некоторым частям местного сообщества по сравнению с другими или занимают элитарные позиции в местном сообществе, с доступом к власти и привилегиям [Community liaison officers 2018: 9].

В настоящее время консенсус состоит в том, что идеальная команда сотрудников по связям с населением должна быть смешанной, и в ней должны быть и люди из местных сообществ, и приехавшие из других мест, и т. н. «испытывающие эмпатию» (empathizers) — то есть внешние люди, но которые серьезно вовлечены в жизнь местного сообщества или досконально изучили его особенности.

Корпоративный антрополог: место в организационной структуре

Официальные должности корпоративных антропологов в структуре ресурсодобывающих компаний могут иметь разные названия. Наиболее типичное наименование их функции — community relations, community development, sustainable development (связи с населением, программы развития местных сообществ, программы устойчивого развития).

Организационно подразделения находятся чаще всего в составе управления или отдела по связям с общественностью, по внешним связям (public relations, external affairs). Очевидные плюсы здесь в том, что

и те, и другие работают с внешними стейкхолдерами (заинтересованными сторонами) и занимаются долгосрочной работой по укреплению репутации компании. Какими-то задачами (например, проведением встреч с местными жителями и общественных слушаний) сотрудники обоих подразделений вообще могут заниматься вместе.

Непосредственное подчинение руководителю промышленного проекта (один из распространенных вариантов расположения корпоративного антрополога в общей иерархии должностей) помогает лучше фокусироваться на достижении бизнес-целей. Кроме того, руководитель проекта обладает существенными ресурсами, а также рычагами влияния на подрядные организации. Но у такого положения есть и минусы — часто начальство настаивает на концентрации на краткосрочных задачах в ущерб стратегическим и долгосрочным целям.

Также часто встречается нахождение отдела корпоративного антрополога в составе структуры, которая занимается охраной труда и охраной окружающей среды. В этом есть внутренняя логика, если компания использует подход, основанный на оценке рисков (risk-based approach), так как в большинстве компаний в сфере охраны труда и экологии присутствует продвинутая система управления рисками с фиксацией и анализом инцидентов. Все это позволяет эффективно и системно работать и с инцидентами социального характера.

Хотя это и не типично, в странах с большими рисками в сфере безопасности отделы по связям с населением могут быть в составе служб безопасности. В числе прочего это дает местным сотрудникам большую степень защищенности при угрозах. Например, я слышал про такую конфигурацию относительно некоторых горнодобывающих компаний в Папуа-Новой Гвинее.

Как дожить до первого этапа, или о пользе «сборной солянки»

Одна из самых важных функций корпоративного антрополога — это оценка и минимизация негативного воздействия проекта на людей. Похоже ли это на что-то вроде хорошо известной и повсеместно практикуемой Оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), или в английской терминологии Environmental, Social and Health Impact Assessment[3] (ESHIA)? И да, и нет — и скорее «нет», чем «да».

Разумеется, формализованное, обширное исследование воздействия в формате Environmental, Social and Health Impact Assessment (ESHIA) — это один из важных инструментов в арсенале корпоративного антрополога и обязательный этап любого проекта.

Однако, когда социальная обстановка на месте будущего проекта непростая, то проекту надо еще (в буквальном смысле) дожить до этого этапа.

[3] Оценка воздействия на окружающую, социально-экономическую среду и здоровье населения.

Зададим себе вопрос: когда делается среднестатистический ОВОС или ESHIA и как проводятся эти оценки? До того, как их начинать, уже должно быть четкое представление, какое воздействие на людей и природу будет оказывать проект. То есть уже нужна конкретика насчет проекта: надо подтвердить запасы и определить, где будут буриться скважины или копаться карьеры, где отведено место для технологического комплекса и где встанет вахтовый поселок. А чтобы это сделать, за месяцы до ОВОС или ESHIA на территории должны начать работу десятки людей: геологи со своими буровыми установками, инженеры, логисты, иногда группы по разминированию старых мин — и так далее.

Однако приход всех этих десятков людей и начало геологоразведывательной активности уже сами по себе являются сильным воздействием для «проблемных» или «хрупких» (fragile) социальных ландшафтов и способны вызвать протест. То есть взаимодействие с людьми должно начаться еще до того, как прибудут первые геологи, а хотя бы базовое понимание основных рисков и возможных проблем должно быть сделано за месяцы и даже годы до того, как будет разработан «обычный» ОВОС или ESHIA. Иными словами, когда вокруг будущего проекта сложная социальная обстановка, то оценка негативного воздействия требует особого графика и дополнительных инструментов.

Одним из таких инструментов является Social Sensing Study (англ. «исследование общественного восприятия») — это короткая поездка продолжительностью несколько дней. Участвуют несколько человек, причем часто лишь один из них имеет отношение к социальной антропологии, а остальные могут быть специалистами по организации транспорта, переводчиками, сотрудниками службы безопасности или геодезистами. Во время поездки осматривается местность, происходят первые знакомства и взаимодействие со стейкхолдерами (часто в формате расспросов первых встречных), возникает некое понимание социального ландшафта (населенные пункты, этническое, лингвистическое деление), делаются первые заметки относительно источников дохода, благосостояния, наличия конфликтов. Можно понять, как настроены люди (дружелюбно, настороженно, враждебно) и сделать пометки о структуре местного общества.

Сразу предвижу острые вопросы и постараюсь на них ответить.

Насколько надежны методы вроде «увидеть своими глазами» и «спросить первого встречного»? Почему нельзя поработать с источниками, статистикой, навести справки через органы местной и государственной власти?

Конечно, выходу «в поля» обязательно предшествует работа с источниками — в том числе изучение публикаций в средствах массовой информации о данной территории. Однако основные проблемы связаны с тем, как налажен статистический учет в данной стране и как часто интересующая нас территория попадает в фокус официальной статистики.

Когда мы работали в южном Ираке, то там (по крайней мере, три года назад) не велось статистики по травмам в результате дорожно-транспортных происшествий. Больницы не записывали, в чем причина происшествий, с которыми человека привезли. Смерти от ДТП часто вообще не регистрировались каким-либо образом, так как родственники увозили тело, чтобы, согласно религиозным традициям, похоронить до заката солнца.

Необходимо также учитывать, что изменения могут происходить с огромной скоростью, за которой не могла бы угнаться никакая статистика. К примеру, во многих развивающихся странах с теплым климатом новые дома и даже поселки могут вырастать за считанные дни, а то и часы.

Илл. 5–6. Исследование местности в северо-восточной Гвинее. Фотографии автора

На фото (*Илл. 5*), которое я сделал в северо-восточной Гвинее, мы идем по населенному пункту, который находится в границах нашей концессии и который частично мог попасть в зону отселения.

Прямо перед нами находятся четыре традиционных круглых домика с соломенной крышей (их здесь называют «банко»), что-то типа большого навеса у дороги, один прямоугольный кирпичный дом с металлической крышей и слева большое строение из натянутой на деревянный каркас синей пленки.

За два дня до этого была сделана фотосъемка этой местности с дрона-беспилотника (*Илл. 6*). Так вот, два дня назад там не было и следа прямоугольного синего строения!

Почему во время предпроектных исследований работает «сборная солянка» из совершенно разных специалистов, многие из которых не имеют к социологии или антропологии никакого отношения? Почему бы не послать группу профессиональных антропологов?

На первый взгляд это может показаться странным, но группа антропологов может вызвать больше страхов и подозрений и столкнуться с большим нежеланием раскрывать какую-то информацию, чем команда иностранного промышленного проекта. В большинстве развивающихся стран в сельской местности нельзя просто так свернуть в местную деревню и начать задавать вопросы. Тебя тут же отведут к тем, кто руководит общиной, будь то главы сельского совета, шейхи, префекты, главы местных племен или кланов.

Для получения «доступа» в местное сообщество (и к информации о нем) ты должен понятно и логично объяснить свои планы и свои интересы — и, естественно, тебе зададут множество уточняющих вопросов, а может быть, и сразу выдвинут ряд условий для получения такого «доступа». Например, попросят о том, чтобы компания позже приняла на работу кого-то из деревни. Естественно, что ответить на вопросы о планах и взять обязательства по каким-то условиям может только уполномоченный сотрудник компании, но не привлеченный в качестве подрядчика консультант.

Кроме того, в случае с иностранцами, желающими начать добычу полезных ископаемых, местным жителям в целом изначально понятны и «правила игры», и интересы приехавших, и то, как будут развиваться события: что промышленному проекту понадобятся территории, будут выплачиваться компенсации, появятся рабочие места. Кто-то что-то слышал, кто-то напрямую сталкивался, что-то могут подсказать городские родственники, к тому же телевизор и интернет есть практически у каждого. Вне всякого сомнения, за считанные дни люди еще и дополнительно наведут справки: что за компания, откуда, где работает… Понимание логики процесса и мотивации участников, разумеется, не исключает, что жители могут сказать «нет»: например, отказаться продавать землю, на которой работали еще их прадеды.

Появление же ученых с общими вопросами (или даже НКО с гуманитарными целями) вызывало бы немало пересудов и слухов в привыкших к конкретике местных сообществах («непонятно, что хотят и зачем»). Обязательно найдутся те, кто заподозрит, что тут есть какая-то «скрытая цель»: например, что кто-то хочет отнять принадлежащую общинам землю или попытается продвинуть свои политические интересы. А иногда гуманитарные организации сами дают почву для подозрений в «скрытой цели» — чего стоит, например, широко известная история с фейковой вакцинацией населения силами гуманитарных организаций в Пакистане, целью которой было найти дом, где скрывался террорист Бен Ладен.

Носитель экспертных знаний

Еще одна важная функция корпоративного антрополога — это быть носителем экспертного знания в ряде областей, чтобы качественно управлять социальными рисками. Последние лет двадцать сфера социальных вопросов последовательно систематизируется и кодифицируется,

возникают различные международные стандарты, которые, не будучи законами, тем не менее фактически становятся обязательными для выполнения международными компаниями — такие стандарты часто называют soft laws (англ. «мягкие законы»).

> Характерным примером является последовательность действий при недобровольных переселениях (involuntary resettlements), где стандартом де-факто стал один из регламентов Международной финансовой корпорации (подразделение Всемирного банка, работающее с частным сектором).
>
> Разработанный в МФК так называемый «Стандарт деятельности 5: Приобретение земельных участков и вынужденное переселение» [Международная финансовая корпорация] обязателен исключительно для компаний, которые кредитуют свои проекты при помощи этого финансового института.
>
> Однако практически любая заботящаяся о своей репутации компания (тем более, если ее акции торгуются на рынке) фактически в обязательном порядке должна следовать этому регламенту — в частности, разрабатывать «План мероприятий по переселению» (Resettlement Action Plan).

Подобных «экспертных областей», в которых должен разбираться корпоративный антрополог, несколько:

— коренные народы,
— культурное наследие,
— недобровольное переселение,
— оценка воздействия,
— взаимодействие с заинтересованными сторонами,
— работа с жалобами и так далее.

Часто корпоративному антропологу приходится заниматься регламентами и политиками, которые в последние годы все чаще объединяют под общим названием «права человека» (или, по крайней мере, участвовать в их разработке). Есть набирающий популярность тренд, что компаниям рекомендуется делать human rights assessment (оценку рисков в сфере прав человека) в дополнение к обычному social impact assessment (оценке социального воздействия). Сюда входят, в частности, такие экспертные области, как противодействие современному рабству, принудительному и детскому труду, а иногда и вопросы противодействия дискриминации на рабочем месте.

Может возникнуть резонный вопрос: некоторые из этих вопросов (например, противодействие дискриминации на рабочем месте или принудительный труд), бесспорно, относятся к управлению человеческими ресурсами, и, по логике, ими должен заниматься отдел HR. Почему к управлению этими рисками привлекают корпоративного антрополога? Дело в том, что на практике многие (а скорее даже большинство) рисков в этих сферах возникают не в самой «титульной» компании, а в ее подрядных и субподрядных организациях или в «цепочках поставок» — а сотрудниками подрядчиков или поставщиков HR компании заниматься не может.

В реальности трудно себе представить, что известная на рынке компания с международной географией вдруг возьмет и примет на работу, к примеру, несовершеннолетнего подростка. Однако вполне можно себе представить ситуацию, когда офис этой же компании, к примеру, в южноамериканской стране заказывает у местного мелкого подрядчика регулярные поставки бутилированной воды, и эту воду начинает привозить на грузовом мотороллере 15-летний сын хозяина фирмы.

Схожим образом, маловероятно, что в головном офисе ресурсодобывающей компании за столами на хорошо оплачиваемых должностях работают люди, у которых изъяли документы, чтобы ограничить их возможность передвижения. Но вполне может быть, что генеральный подрядчик по строительству крупного проекта работает с мелкими субподрядчиками, а те в свою очередь привозят рабочую силу из разных стран и могут (в противоречие с применимыми международными стандартами) отбирать у трудовых мигрантов документы или брать с них плату за различные услуги.

Туман из «модных словечек» и революция прямо сейчас

Естественно, что корпоративный антрополог должен неплохо ориентироваться в трендах — куда идет управление социальными рисками и куда в конечном счете придет? Особенность рассматриваемой нами экспертной области состоит в том, что в настоящее время она проходит через период сильной трансформации. То, какой будет эта сфера в ближайшие пять-десять лет, определяется именно сейчас.

Это порождает довольно специфические последствия. С одной стороны, в сфере корпоративной социальной ответственности есть такая проблема, как появление и исчезновение «модных словечек» (buzz words) и модных понятий. Примерно одни и те же понятия и процессы называются новым словом, и на какое-то время новый концепт греется в лучах популярности. Примеры можно долго перечислять: corporate social responsibility, corporate citizenship, sustainable development, shared value, triple line, ESG values, Millennium Goals, Sustainable Development Goals[4]. Кстати, одна из причин, по которой некоторые корпорации не вполне серьезно относятся к корпоративной социальной ответственности — это именно эта «чехарда» из терминов, понятий и процессов. Она вызывает ответную негативную реакцию: мол, вы сами не можете определиться даже насчет терминов.

С другой стороны, последние годы идет небыстрое, но последовательное ужесточение систем управления рисками по социальным вопросам. Не стоит сомневаться, что рано или поздно многие или большинство из этих «мягких законов» перейдут в разряд законодательных актов с серьезными санкциями за их нарушение. «Громким звоночком»

[4] Ответственность бизнеса перед обществом, социальная ответственность корпораций, устойчивое развитие, разделяемая ценность, тройной критерий, ценности ОСОК (окружающая среда, общественная деятельность, корпоративное управление), цели развития, изложенные в «Декларации тысячелетия» ООН, цели в области устойчивого развития.

в этом смысле стал принятый в Великобритании в 2015 году «Закон о современном рабстве» (Modern Slavery Act). Для бизнеса этот закон означает необходимость предоставлять данные о цепочке поставок товаров, использованных в производстве продукции для британского рынка. Закон делает британские компании, а также их иностранные подразделения с годовым оборотом 36 млн. фунтов и больше, ответственными за использование рабского труда в цепочке производства.

На первый взгляд, требования этого закона необременительны. Любой подпадающий под его действие бизнес — или часть бизнеса — на первом этапе должен публиковать отчет о рабстве и торговле людьми, и в этом документе должны быть указаны шаги компании по предотвращению распространения рабства. Однако революционным этот законодательный акт делает то, что за нарушения в сфере противодействия рабству теоретически руководящий состав головной компании может оказаться в тюрьме (хотя таких прецедентов пока что не было) — даже если само нарушение было за тысячи километров от британских берегов. Размер штрафов за серьезные нарушения отдается на усмотрение суда, то есть теоретически финансовые санкции могут просто разорить бизнес, если предприниматель без должного усердия будет заниматься вопросами противодействия рабству.

Схожие законодательные акты уже приняты во Франции (закон «О должной осмотрительности», 2017) и Австралии (закон «О современном рабстве», 2018). Ни у кого не вызывает сомнения, что рано или поздно мы увидим и первые громкие судебные дела по этим законам.

Близко, но далеко

Михаил Алексеевский в своей статье «Трудности перевода: Заметки о развитии прикладной городской антропологии в России» в первом номере журнала «Фольклор и антропология города» задал интересный ракурс для анализа вопроса «кто такие прикладные антропологи?», когда стал анализировать отношения между «прикладниками» (в своей статье он рассказывал преимущественно об антропологах-урбанистах) и коллегами из академической науки.

А как выстраиваются отношения между корпоративными антропологами из ресурсодобывающих компаний и западной академической наукой? Я бы сказал, что это две слабо пересекающиеся вселенные, испытывающие порой взаимное отчуждение.

Во многом можно согласиться с Алексеевским, когда он пишет:

> В большинстве западных стран антропологу престижнее (и как ни парадоксально для нас, обычно прибыльнее) работать в университете, нежели в промышленной компании. Прикладные антропологи из-за постоянных перегрузок не успевают ездить на конференции, писать и публиковать научные статьи. Более того, очень часто по условиям контракта все права на публикацию исследования принадлежат заказчику, так что ученый не имеет право ничего публиковать без его официального разрешения... [Алексеевский 2018: 212].

Действительно, в большинстве западных стран антропологу престижнее работать в университете, нежели в промышленной компании — хотя работа в нефтегазовой или горнодобывающей отрасли для антрополога все же является более прибыльной. Также верно, что из-за постоянной загрузки прикладные корпоративные антропологи не успевают заниматься действительно научным трудом: писать и публиковать научные статьи. Также им в самом деле надо спрашивать разрешение на публикацию в компании, в которой (или на которую) они работают.

Есть еще одна проблема, которая удерживает многих корпоративных антропологов от публикаций: опубликованное может оказать непосредственное влияние на динамику процессов в местных сообществах. Излишне говорить, что Интернет позволяет найти практически любую научную статью (либо ключевые цитаты из нее), а инструменты типа гугл-переводчиков позволяют все это понять независимо от того, на каком языке она была написана.

Представим, что в научном журнале появляется статья, где в деталях описывается конфликт в небольшом местном сообществе одной из дальних стран, где, к примеру, часть деревни выступает за строительство гидроэлектростанции, а другие им оппонируют. Не имеет значения, что в публикации будут убраны все имена и другие идентификаторы: в узком кругу местного сообщества все обстоятельства недавней истории будут безошибочно «расшифрованы» и могут быть восприняты очень близко к сердцу. Таким образом, одна статья может поставить крест на многомесячной работе того же корпоративного антрополога в этом сообществе.

Также, по моим наблюдениям, многие (если не большинство) антропологов-«прикладников» из западных стран не имеют научной степени, а закончили университет со степенью бакалавра (часто даже не магистра). То есть у них попросту нет «входного билета» в научную карьеру в виде аспирантуры и ученой степени.

В общем, не идет речи о конкуренции между корпоративными «прикладниками» и антропологами, работающими в академической науке. Гораздо большую роль в «водоразделе» между первыми и вторыми играют различия в мировоззрениях и убеждениях, а также история западной (прежде всего американской) антропологии.

По идейным соображениям

В каком-то смысле дороги академической антропологии и корпоративной прикладной антропологии в западном мире довольно резко разошлись в разные стороны еще около полувека назад. В 1960–1970-е годы и ученые, и общественность стали задавать западным антропологам неприятные вопросы: стало активно обсуждаться, что многие прикладные антропологи были вовлечены в укрепление колониальной и неоколониальной систем [Lewis 1973: 589].

В Великобритании антропологи негативно отреагировали, когда их связи с колониальной администрацией стали достоянием общественности и

подверглись острой критике. Американские ученые с негодованием встретили информацию, что некоторые правительственные агентства США привлекали антропологов к исследованиям, которые должны были стать частью программ против инсургентов в развивающихся странах. Все эти открытия, вместе с антивоенным движением в США из-за Вьетнамской войны, привели к тому, что американские антропологи стали с большим подозрением относиться к любым большим спонсорам вроде правительства или корпораций, опасаясь, что профинансированные исследования могут либо навредить исследуемым, либо бросить тень на антропологию как на науку [Baba 2006: 95–96].

Большинство антропологов-«прикладников» убеждены[5], что промышленные проекты можно и нужно реализовывать на принципах устойчивого развития, заботясь как о настоящих, так и о будущих поколениях; с уважением прав человека и человеческого достоинства; а также обеспечивая права людей участвовать в принятии решений, затрагивающих их интересы. Также они видят из своего опыта, что приносимые промышленными проектами изменения могут менять жизнь местных жителей к лучшему — через новые рабочие места, увеличившиеся налоговые платежи, улучшение образовательной и медицинской инфраструктуры и т. д.

Многие корпоративные антропологи будут готовы подписаться и под словами из одного из редких публичных заявлений экспертов по социальным вопросам. В 2011 году Брюс Харви, один из руководителей функции по социальным вопросам компании Рио-Тинто (Global Practice Leader — Communities and Social Performance, Rio Tinto), написал:

> Слишком большой акцент часто делается на сохранении и консервации традиционного образа жизни вместо принятия изменений, которых желают местные жители... В развивающихся регионах, проходящих через период большой [экономической и социальной] трансформации, просто выступать за отсутствие изменений — это плохая услуга для местных жителей. Быстрый рост населения из-за притока мигрантов и высокого уровня рождаемости подтачивает ресурсную базу; а возрастающая информированность [о событиях в окружающем мире] оказывает влияние на предпочтения, прежде всего на предпочтения молодого поколения, что вызывает напряженность между поколениями.
>
> ... Что еще хуже, склонность считать местных жителей слабыми и уязвимыми приводит к появлению патерналистских подходов, порождая устойчивые модели ответной зависимости и отторжения [Harvey 2011].

Однако среднестатистический западный социальный антрополог, работающий в академической науке, скорее всего, будет придерживаться

[5] Услышать позицию корпоративных антропологов на самом деле непросто. Любое их публичное высказывание вполне закономерно может быть воспринято как официальная позиция компании, в которой они работают, что уже само по себе велит быть осмотрительным в словах и выражениях. Что еще более важно, любая публичная дискуссия о работе корпоративного антрополога — это всегда разговор о ролях бизнеса, местных жителей и органов власти, и потому очень уязвима для критики. Очень легко переступить черту, за которой высказывание будет восприниматься как намерение большого богатого международного бизнеса «говорить от имени» небольших, небогатых и уязвимых местных сообществ, фактически навязывая им «правильную» точку зрения.

противоположных взглядов. В 2008 году известный американский антрополог Хью Густерсон констатировал как очевидный факт: «Антропология по многим параметрам — это наиболее склонная к левым взглядам дисциплина в [американской] академической науке»[6]. В западном мире есть немало людей, убежденных в том, что новые проекты по добыче полезных ископаемых нужно ограничивать, что уже сейчас возможна полностью «циркулярная экономика» (circular economy), когда практически все новые металлы и материалы можно производить из вторсырья и металлолома, а вся энергия может производиться при помощи возобновляемых источников (например, ветряков и солнечных батарей). Нет сомнения, что подобные взгляды достаточно распространены и популярны среди людей, профессионально занимающихся академической антропологической наукой.

А что в России?

Пожалуй, многие из людей, которые читают этот текст, раньше не слышали про корпоративных антропологов в добывающих компаниях. В чем тут дело? И почему такая роль корпоративного антрополога практически не востребована в России?

Возможно, в России такая роль пока не очень нужна. В самом деле, в нашей стране нет высокого уровня рисков для бизнеса, связанных с местными сообществами, если мы говорим про такие экстремальные формы этих рисков, как блокады дорог, беспорядки или прочее силовое воздействие.

Во-первых, в России таких рисков нет из-за сильного государства. У нас в стране исторически при возникновении противоречий, а уж тем более при открытых конфликтах между бизнесом и группами населения государство уже на ранних стадиях активно «вступает в игру», становясь фасилитатором, посредником и в конечном счете арбитром в разрешении проблем. Желающие «поднять ставки» и, например, покидаться булыжниками в корпоративный транспорт или поджечь технику рисковали бы стать фигурантами уголовных дел по «тяжелым» экстремистским статьям — впрочем, здесь мы не отличаемся от большинства развитых стран.

Во-вторых, в России нет проблемы «демографического навеса» (youth bulge) — то есть преобладания возрастных когорт молодого населения. В большинстве развивающихся стран именно группы молодежи являются главным «драйвером» пересмотра отношений между населением и промышленными проектами, и они же являются основными «пехотинцами» в силовых противостояниях.

Не факт, что есть запрос на системную и вдумчивую работу антрополога в вопросах согласования новых объектов. В России во многих случаях общественные слушания по поводу промышленных проектов проводятся для проформы без особого интереса у населения — особенно, если речь идет об удаленных территориях. «Социальные» разделы Оценки

[6] https://www.nas.org/blogs/dicta/majoring_in_anthro

воздействия на окружающую среду (ОВОС) зачастую пишутся вообще без привлечения людей с профильным образованием и опытом работы.

Впрочем, возможно, ситуация понемногу будет меняться. Недавние события, когда сотни людей в Екатеринбурге вышли протестовать против строительства в принципе безобидного объекта общественной инфраструктуры — Храма святой Екатерины — на месте сквера, могут свидетельствовать о новых «правилах игры» в отношениях между обществом и бизнесом.

Возможно, впредь при согласовании различного рода объектов и в России будет требоваться более тонкая, длительная, системная работа с детальным анализом, полноценным предварительным обсуждением, работой со страхами и опасениями — такая работа, которая потребует участия социальных антропологов.

Литература

Алексеевский, М. Д. (2018). Трудности перевода: Заметки о развитии прикладной городской антропологии в России. *Фольклор и антропология города, I*(1), 204–213.

Международная финансовая корпорация (2012). *Стандарт деятельности 5: Приобретение земельных участков и вынужденное переселение.* Режим доступа: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/c5ab022c-9238-470f-bfc1-881563926f3d/PS5_Russian_2012.pdf?MOD=AJPERES&CVID=jvd-U1d

Baba, M. (2006). Anthropology and business. In H. J. Birx (Ed.). *Encyclopedia of anthropology*, 95–96. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Community liaison officers team building and management guidance (2018). London: IPIECA, 2018.

Harvey, B. (2011). Foreword: SIA from a resource developer's perspective. In F. Vanclay, A. M. Esteves (Eds.). *New directions in social impact assessment: Conceptual and methodological advances*, xxvii–xxxiii. Cheltenham, UK: Edward Elgar.

Lewis, D. (1973). Anthropology and colonialism. *Current Anthropology, 14*(5), 581–602.

References

Alekseevsky, M. (2018). Lost in translation: Concerning the development of applied urban anthropology in Russia. *Urban Folklore & Anthropology, I*(1), 204–213. (In Russian).

Baba, M. (2006). Anthropology and business. In H. J. Birx (Ed.). *Encyclopedia of anthropology*, 95–96. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Community liaison officers team building and management guidance (2018). London: IPIECA, 2018.

Harvey, B. (2011). Foreword: SIA from a resource developer's perspective. In F. Vanclay, A. M. Esteves (Eds.). *New directions in social impact assessment: Conceptual and methodological advances*, xxvii–xxxiii. Cheltenham, UK: Edward Elgar.

International Finance Corporation (2012). *Performance standard 5: Land acquisition and involuntary resettlement.* Retrieved from https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/c5ab022c-9238-470f-bfc1-881563926f3d/PS5_Russian_2012.pdf?MOD=AJPERES&CVID=jvd-U1d (In Russian).

Lewis, D. (1973). Anthropology and colonialism. *Current Anthropology, 14*(5), 581–602.

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Стрит-арт, изменяющий городскую среду

Многие города хотят иметь собственное лицо, отличаться от других, выделяться. Однако часто для этого используются одни и те же способы: установка похожих памятников и скульптур, обустройство схожим образом набережных, создание одинаковых мест отдыха. И вместо подчеркивания уникальности городов возникает их единообразие. Свое лицо есть у города Екатеринбурга, и не только благодаря наличию районов застройки в стиле конструктивизма. В городе много уличных художников, и что очень важно – их работы не отторгаются ни горожанами, ни местной администрацией. Некоторые работы становятся частью городской среды, например, как надпись на здании «Кто мы, откуда, куда мы идем?» и огромные, но передающие ощущение уюта абажуры (автор обеих работ Тимофей Радя). Прекрасно смотрятся во дворе волна Хокусая и диалог Горького и Пушкина. Там, где стрит-арт не закрашивают на следующий день после его появления, могут появиться художники, чьими работами будут гордиться.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: КЕЙСЫ

Бренды, символы и дизайн-код Нижнего Новгорода

НИКИТА ВИКТОРОВИЧ ПЕТРОВ[1], [2], [3]

✉ petrov-nv@ranepa.ru
ORCID: 0000–0002–2467–9535

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2]Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия
[3]Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

МИХАИЛ ОЛЕГОВИЧ ГАРДЕР[1]

✉ g-cross@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1662-2010

[1]Независимый исследователь, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Петров, Н. В., Гардер, М. О. (2019). Бренды, символы и дизайн-код Нижнего Новгорода. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 180–190. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-180-190.

В результате антропологического исследования, проведенного в марте 2019 года в Нижнем Новгороде, были подготовлены рекомендации проектировщикам и создателям мероприятий с объяснением, какие исторические и культурные смыслы связаны с районами и улицами Нижнего Новгорода, как к ним относятся жители и какие достопримечательности нельзя трогать во время благоустройства. Рекомендации включают предложения для разработки бренда, дизайн-кода и символики города и его районов к 800-летию города.

Ключевые слова: прикладная антропология, кейс, дизайн-код города, брендинг города, Нижний Новгород, юбилей, праздник

Brands, symbols and design code of Nizhny Novgorod

Nikita V. Petrov[1], [2], [3

✉ petrov-nv@ranepa.ru
ORCID: 0000–0002–2467–9535

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2]Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia
[3]Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail O. Garder[1]

✉ g-cross@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1662-2010

[1]Independent researcher, Moscow, Russia

To cite this article:
Petrov, N., Garder, M. (2019). Brands, symbols and design code of Nizhny Novgorod. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 180–190. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-180-190. (In Russian).

As a result of an applied anthropological study conducted in March 2019 in Nizhny Novgorod, recommendations were prepared for designers and event managers, detailing which distinct historical and cultural meanings are associated with various parts of Nizhny Novgorod, how residents relate to them and what sights should remain intact during the anniversary preparations. Recommendations included a set of proposals for the development of Nizhny Novgorod's brand, design code and symbols for its 800th anniversary.

Keywords: applied anthropology, festival, case-study, city design code, city branding, Nizhny Novgorod, anniversary

Данные о проекте

Название: Городской текст Нижнего Новгорода и локальная идентичность жителей.

Название организации, проводившей исследование: Группа исследователей из РАНХиГС, РГГУ, МВШСЭН

Название организации заказчика: АНО «Проект Север»

Сроки проведения: с 4 марта по 31 марта 2019 года.

Место проведения исследования: Нижний Новгород.

Информация о заказчике: Кальгаев А. А., культуролог, независимый куратор исследовательских, издательских и выставочных проектов, соучредитель проекта «Север» — междисциплинарной исследовательской группы, занимающейся историей, культурой, социологией, природой, искусством, архитектурой, политикой и экономикой «высоких широт». В 2017 году участвовал в исследовательском проекте «Эпоха агломераций», а также занимался разработкой социокультурной программы парка «Зарядье».

Как заказчик сформулировал проблему/задачу. Исследовать с помощью методов прикладной антропологии городское пространство Нижнего Новгорода, результаты и материалы должны лечь в основу технического задания на проектирование:

— дизайн-кода для вывесок, рекламных конструкций, адресной навигации, уличной мебели, нестационарных торговых объектов, разработки принципов ландшафтного проектирования и дизайна городской среды;

— бренд-бука (базовая городская графика);

— концепции (событийная программа) и бренд-бука празднования 800-летия Нижнего Новгорода (праздничная тематическая городская графика);

— бренд-бука Нижегородской области с акцентом на инвестиционный, туристический, промысловый потенциал области.

Техническое задание было сформулировано более детально:

1. Создание информационного контакта с информантами, лицами, влияющими на культурную политику в городе (блогеры, представители администрации, краеведы).

2. Информирование местных жителей о работе группы исследователей: объявления в социальных сетях, организация объявлений в прессе.

3. Организация и проведение публичной лекции с презентацией программы исследования.

4. Проведение полевых интервью: 40 глубинных (не менее 1 часа) и не менее 20 коротких (не более 15 минут), создание базы данных собранных интервью.

5. Участие в работе круглого стола, посвященного празднованию 800-летия Нижнего Новгорода.

6. Кабинетное исследование, анализ литературы, сбор данных в местных библиотеках, подготовка и тестирование вопросника.

7. Анализ полученных данных.

8. Создание аналитического отчета и выработка рекомендаций. Формат отчета: текстовый документ (не менее 100 000 знаков), аудиофайлы интервью, фотоматериалы с проведенных событий, материалы полевых дневников.

9. Участие в подготовке материалов для экспертного круглого стола с презентацией и обсуждением предварительных результатов исследования, участие в работе круглого стола.

10. Подготовка материалов для презентации финальных результатов исследования, участие в публичной презентации результатов исследования.

Информация об исследователях

Руководители:

Гардер М. О. — антрополог, выпускник аспирантуры Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, редактор издания «Большой музей» (просветительский медиапроект о культурном наследии России). Обязанности: координация проекта, сбор полевых интервью, подготовка и написание аналитического отчета.

Петров Н. В. — антрополог, к.ф.н., зав. Лаборатории теоретической фольклористики РАНХиГС (Москва), доцент РГГУ, старший научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии города МВШСЭН, доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ. Обязанности: координация проекта, сбор полевых интервью, аналитика, подготовка и написание аналитического отчета.

Исполнители:

Байдуж М. И. — историк, антрополог, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики РАНХиГС (Москва), научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии

города МВШСЭН. Обязанности: полевые исследования, кабинетные исследования, камеральная обработка данных.

Гаврилова М. В. — фольклорист, антрополог, к.ф.н., старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики РАНХиГС (Москва). Обязанности: полевые исследования, кабинетные исследования, камеральная обработка данных.

Доронин Д. Ю. — антрополог, магистр по специальности «Фольклористика и мифология» (Центр типологии и семиотики фольклора РГГУ), магистр философии (факультет социальных наук, каф. истории, философии и методологии науки ННГУ им. Н. И. Лобачевского), научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ РАНХиГС (Москва). Обязанности: полевые исследования, кабинетные исследования.

Камина А. А. — филолог, выпускник Российского государственного гуманитарного университета. Обязанности: полевые исследования, кабинетные исследования.

Матвеева Э. Г. — антрополог, научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии города МВШСЭН. Обязанности: полевые исследования, кабинетные исследования, камеральная обработка данных.

Медвинский Г. А. — социолог, географ, выпускник магистерской программы по социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, магистр гидрометеорологии, выпускник аспирантуры Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова. Обязанности: полевые исследования, кабинетные исследования, камеральная обработка данных.

Методология исследования

Табл. 1. Методы, выборка, география и информанты

Методы	Глубинные интервью (от 60 до 240 минут), блиц-интервью (от 4 до 40 минут) в районах города
Выборка	54 глубинных интервью, 38 блиц-интервью
География 	Нижний Новгород 8 районов Нижнего Новгорода: **Нагорная часть:** Нижегородский Приокский Советский **Заречная часть:** Автозаводский Канавинский Ленинский Московский Сормовский
Профессиональные группы (7 групп)	бизнес, администрация, наука и образование, культура и искусство, молодежные движения, «горожане» без спецификаций, представители медиа

Предварительный этап: анализ данных, сбор и обработка 50 анкет[1] (жители Нижнего Новгорода и городские активисты, которые пришли на встречу, где было анонсировано исследование), составление и апробирование гайда интервью, сбор пяти пробных интервью, определение ключевых акторов в поле культурной политики Нижнего Новгорода. В предэкспедиционный период обработаны и проанализированы не менее 15 изданий и паблики в социальных сетях Facebook и Вконтакте, в которых содержатся материалы о смыслах пространства, символике, брендах Нижнего Новгорода и области.

Основной этап: сбор более 40 глубинных интервью, 20 блиц-интервью, архивная и библиотечная работа, анализ медиа. Материалы исследования: интернет-публикации; материалы из городских библиотек Нижнего Новгорода (книги о городе). Анализ изданий, связанных с локальным текстом Нижнего Новгорода и близлежащих местностей, уточнение гайда интервью. Помимо интервью осуществлялась фотосъемка респондентов и ландшафтных и архитектурных объектов города.

Также осуществлялось включенное наблюдение, ведение полевых дневников (аннотирование записанного материала, личные впечатления, короткие аналитические заметки, частично вошедшие в отчет) и камеральная обработка данных — кодирование и размещение в базе данных сведений о записанных текстах, информантах, объектах городского ландшафта. Мы опробовали способ, когда интервью берут два человека: один ведет интервью, второй конспективно записывает услышанное в текстовый редактор. В ходе работы над проектом выполнялся семантический и контент-анализ полученных данных, анализ визуального ряда, обсуждение полученных данных, формирование общего мнения группы.

Создание аналитического отчета. Аналитический отчет — это документ, отвечающий на основные вопросы исследования и содержащий рекомендации для преобразования территории. Предполагалось, что конкретные шаги по реализации рекомендаций должны были проводиться при постоянном мониторинге со стороны исследователей, чтобы избежать неправильного перевода на язык архитекторов, ивенторов, чиновников и т. д. смыслов, актуальных для местных жителей.

Участие в подготовке материалов для экспертного круглого стола с презентацией и обсуждением предварительных результатов исследования, участие в работе круглого стола.

Подготовка материалов для презентации финальных результатов исследования, участие в публичной презентации результатов исследования.

Выборка информантов для глубинных интервью. Проанализировав существующие исследования, в качестве базового метода мы выбрали не опрос или серию опросов местных жителей, которые при использовании такого инструментария скорее находятся в ситуации, когда происходит репрезентации типа «какие мы должны быть». В этом случае интервьюер воспринимается как цензурирующий орган и ответы выстроены в соответствии с ожиданиями спрашивающего. Именно поэтому

[1] Образец анкеты см. [shorturl.at/bgvNS].

основным методом стала серия глубинных интервью с людьми, которые производят культурную, туристическую, бизнес, медиа и т. п. политику города — те, кто инвестируют силы и ресурсы в воспроизводство этой политики и пытается трансформировать ее. В результате предварительного анализа мы выделили такие группы:

— представители локальных сообществ;

— сотрудники сферы культуры и искусства;

— представители местной администрации, бизнеса, образования, СМИ;

— другие группы горожан.

В процессе исследования после запроса заказчиков и предъявления некоторого списка значимых акторов ситуация немного изменилась, в результате в выборке оказалось 7 групп акторов, названных условно: 1) «бизнес»; 2) «администрация»; 3) «наука и образование»; 4) «культура и искусство»; 5) «молодежный движ»; 6) «медиа»; 7) «горожане» без спецификаций.

В тексте отчета информантам присвоены кодовые названия, которые позволяют понять, какие высказывания относятся к той или иной выделенной сфере, например: бизнес; IT; движ; движ, стрит-арт; жители N района; искусство, культура; медиа; наука, образование; архитектура; спорт. Также указывается пол и возраст информантов. Всего опрошено 92 информанта.

Глубинные экспертные интервью как метод имеют ряд преимуществ по сравнению с другими методами исследования. Интервьюер в этом случае — это одновременно и исследователь, который направляет и корректирует интервью, формулирует новые вопросы, фиксирует и проясняет опорные смысловые векторы, которым оперирует респондент. Подспорьем глубинным интервью служат данные из полевых дневников исследователей (наблюдение, включенное наблюдение), которые позволяют одновременно — глазами местного жителя и эксперта — увидеть «незаметное» внешнему наблюдателю и описать «привычное» и обычно не эксплицируемое регулярным пользователем пространства.

Как проходило исследование. Наиболее сложная часть исследования была связана с отсутствием прозрачной коммуникации между администрацией города, исследователями и заказчиком, что приводило к дублированию встреч, связанных с решением одних и тех же вопросов. В целом решение проблем зависело от коммуникативных навыков исследователей, большая часть проблем решалась успешно.

Наиболее значимые полученные результаты

Мы полагали, что Нижний Новгород можно представить в виде описательных метафор, которые формируют облик города.

1. Нижний — это «агломерация», где множество культурных и исторических текстов, транслируемых жителями, не конкурируют между собой за право обойти других, а мирно сосуществуют. Таким образом, существует «культурное перенасыщение».

2. Нижний Новгород оказывается центром притяжения культурных и исторических текстов Нижегородской области: при общности названий («нижегородцы») уникальность Нижнего размывается.

3. Выделенные акторы находятся в состоянии постоянной конкуренции в пределах одной отраслевой ниши, не объединяют усилия по реновации города, а действуют в малых группах, что иллюстрируется басней Крылова «Лебедь, щука и рак».

4. Нижний Новгород можно определить через метафору «уютное болото», где инициативы по трансформации культурного кода города «проваливаются» в связи с глобальным недоверием властям.

В результате исследования реальность оказалась глубже и интереснее, чем мы предполагали: «низовые» инициативы по модификации культурного кода города, которых мы насчитали более двадцати, по-разному воспринимают городское пространство. Огрубляя, можно описать это многообразие через простую дихотомию.

Негативное восприятие города: нерешенные проблемы благоустройства (плохие дороги, снос исторически значимых зданий), отток кадров в другие крупные города, разобщенность местных жителей, равнодушие властных структур к инициативам жителей, «видовая конкуренция» и борьба за выживание между акторами в ограниченном пространстве, «косность» местных жителей.

> Это же не вот просто негативный настрой, там, не хейтерство по определению как бы. Мы же очень любим город-то свой. На самом деле несмотря на то что, там, мы понимаем, что он провинциальный, что он далеко отстал в культурном плане, в афише своей там… от столиц, даже от Екатеринбурга, того же… ну, в котором сейчас вообще там бум происходит. Все равно мы очень любим город, потому что он…. потенциал у него огромный. Здесь огромный потенциал, который просто там ждет, я не знаю, сколько он еще будет ждать — 50 лет, 100, чтобы это вот раскрылось все. И Нижний бы реально занял свое место, которое должен занять. Поэтому все люди, которые здесь живут, они, как правило, его любят, очень, город этот. Любят, никто не говорит, что «фу, Нижний, там, дурацкий…» Скорее, это больше скепсис именно связан с тем… ну, кто здесь рулит, рулил обычно… К сожалению, авторитет власти здорово подорван был, за последние годы особенно. Все же видели, вот вся эта коррупционная схема — она была на виду, все же прекрасно это все видели[2].

Позитивное восприятие города: уникальность города; хорошее знание истории; много активных неравнодушных жителей; гипернасыщенная культурная жизнь; разнонаправленное развитие искусства; столица уличных художников; потенциал, направленный в будущее — IT-центр, высокотехнологичные производства; уникальные природа и ландшафт: закаты, зелень, парки, лето, солнце, вода.

> Смотрите, у нас вообще город уникальный. В чем уникальность Нижнего? Это наша протяженность. Велосипеды — не велосипеды, а вот протяженность вдоль Оки и Волги — уникальная, общая протяженность что-то около 30 км. И вот там были дорожки, и если их как-то сделать, то такого ведь нигде в Европе нет. Едь, катайся и смотри! Такая длинная вело-пешеходная зона. Продумать просто комфортный спуск, а

[2] М., ок. 40 л., бизнес.

скорее — подъемчик для тех, кто устал, и все. Ну и эта уникальная вещь — когда люди ходят любуются, променад, как мы говорим — это очень по-европейски. Просто гулять по парку и любоваться закатами, любоваться рекой, любоваться просторами[3].

Зелень, у нас очень зеленый город. Много проблем, что кто-то хочет снести деревья, все адски реагируют. По Почаинской улице овраг хотели застроить — это был предмет больших разговоров. Есть совершенно адекватные люди, которые были за застройку. Я их понимаю, он грязный, там ссут бомжи. Я против, потому что я люблю зелень. Парки и скверы — это важно. Когда парк Кулибина пытались сократить, пришло много людей, даже я, хотя я обычно не хожу на такие мероприятия[4].

В целом мы можем говорить о такой тенденции: при сохранении трех нарративных схем, в которых сохраняется история и культурная память Нижнего, активно формируется четвертая, связанная с актуальными изменениями на рынке технологий. Технологии — на это слово наши респонденты реагируют позитивно, при этом технологичность образует устойчивую связку с экологичностью и сохранением исторического облика. Важной оказывается и хронологическое выстраивание этих категорий — из прошлого в будущее.

Табл. 2. Репутация и смыслы Нижнего Новгорода по результатам анализа интервью

Нарративные схемы	Хронология	Содержательные ключи
город — оборонительный рубеж	до XIX века	кремль, граница России, ополчение
торговый город	XIX — начало XX века	Нижегородская ярмарка, ремесленничество, пересечение торговых путей, купечество
промышленный город	советский период	заводы, советское стратегическое производство
технологический город	будущее города	IT-технологии, современная инженерия, точные науки, изобретательство

Чуть более детально содержательные выводы можно сформулировать так:

1. Общепризнанными среди многих горожан являются три слоя/лица Нижнего Новгорода: оборонный, торговый, промышленный. Некоторые группы горожан говорят о четвертом — технологическом — в котором они видят потенциал для развития.

2. Возможное брендирование города формируется вокруг двух идей, равноценно важных: тесная связь города с его прошлым и его одновременная ориентация на будущее, в котором определяющую роль должна играть репрезентация исторических эпох в городском пространстве и вклад в развитие высоких технологий, IT.

[3] М., ок. 40 л., бизнес.
[4] Ж., 27 л., медиа.

3. Отношение к репертуару «традиционных» символов города варьируется от признания до неприятия. Среди возможных новых образов выделяются следующие: IT-центр, образовательный центр, водный транспорт, велосипедные маршруты.

4. «Курортный» текст города: закаты, лето, солнце, вода, зелень. Использование этих элементов в процессе подготовки к празднику (облагораживание зеленых и прибрежных зон, внедрение этих символов в визуальный код города) представляется нам одним из наиболее комфортных для жителей и свободных от идеологической нагрузки способов переосмысления и новой репрезентации Нижнего.

5. Создание бренда на основе одного образа из сложившегося репертуара узнаваемых символов города кажется неудачным. Обращение к эклектике и сочетанию несочетаемого кажется перспективным направлением в процессе создания бренда города. Эта эклектика проявляется в Нижнем на разных уровнях: краны на пристани (раньше), пакгаузы и храм на Стрелке как части единого горизонта; старые деревянные дома, каменная застройка XIX века, архитектура советского и постсоветского периодов; стрит-арт, освоивший практически все городские поверхности; разнообразие области, представленное в городе, и уже привычное обращение к разным брендам от народных промыслов до торгово-купеческой и промышленной истории города.

6. Сильная связь с местом — потенциал для большого количества общественных движений и низовых практик. Нижний Новгород силен локальными сообществами. Вовлечение выделенных нами акторов и локальных сообществ в процесс подготовки праздника должно быть максимальным (метафора «праздник руками жителей»), при этом контролируемым («при поддержке администрации»). Такая позиция связана со сложившимся в городе недоверием к власти и с надеждой на улучшение ситуации в связи с новыми руководителями города и области. Принципиальным видится формат с консолидирующей ролью администрации и максимально широким охватом городских сообществ и акторов, организующих современные мероприятия, каждому из которых будет выделена своя зона ответственности.

7. Необходимо широкое вовлечение детей в аудиторию праздника, одними из идеальных форматов которого могут стать мастер-классы и научные воркшопы.

8. Поиск кандидатов в новый пантеон героев следует двум тенденциям:

1) Поиск принципиально новых персонажей, имя которых либо забыто, либо неизвестно. Хорошим примером оказывается конструктор Алексеев.

2) Реформирование старых героев (Горький, Кулибин), которое может происходить в русле стилевой и визуальной реинтерпретации с помощью введения новых текстов (и текстов современных интерактивных форматов), связанных со старыми героями, в частности, выводящих их за пределы официального, идеологического нарратива.

9. Система навигации по городу должна быть больше ориентирована на

туристов — включать определение локации/местонахождения туриста и иметь «перспективу», показывать ориентиры по городу.

10. При подготовке 800-летия помимо других значимых сообществ (НХП, туристической сферы, Том Сойер Фест и т. п.) необходимо подчеркнуть роль двух кластеров, максимально значимых для Нижнего: IT-сферы и инжиниринга и уличных художников. При этом рекомендуется создание коллаборации между этими двумя кластерами — совместные фестивали и выступление на одной площадке. Следует организовать единую интернет-площадку, где будет расписание всех значимых мероприятий города к 800-летию.

Как результаты были представлены заказчику, какой была его ответная реакция

Заказчику был представлен аналитический отчет (19 а. л.), в котором каждая содержательная часть заканчивалась резюме. Цитаты из резюме см. выше, содержательные части отчета представлены ниже:

I. Введение (состав исследовательской группы; техническое задание; этапы и методы работы; выборка информантов; концептуальная рамка исследования и предварительные гипотезы).

II. Образ, общие характеристики и «идея» города (история; ландшафт; будущее и перспективы; неофициальные названия; позитивная и негативная репутация; «идея» города; исторические и народные названия; слоганы и хештеги; цитаты, афоризмы и «словечки»; город в искусстве).

III. Город в регионе и в России: дискурсы столичности и провинциальности (Нижний — столица Нижегородской области; Нижний — столица Поволжья; Нижний Новгород в России и в мире).

IV. Визуальный образ города: взгляд жителей (город с высоты птичьего полета; взгляд на город «изнутри»; граффити, стрит-арт и паблик-арт в городе; отношение жителей к разработке единого визуального кода и инициативам по благоустройству).

V. Визуальный облик города: логотипы и сувенирная продукция (народные художественные промыслы; стилистика существующей визуальной репрезентации города; потенциально интересные изображения и стилистики; сувенирная продукция в городе; оформление метрополитена; примеры логотипов и идей оформления городского пространства).

VI. Люди города (положительные/отрицательные типовые характеристики; локальные речевые особенности; исторические персонажи; актуальные герои; «народные» персонажи).

VII. Город и границы: специфика (центр города: история, границы и специфика; Верхняя и Заречная части, их особенности; окраины и границы города; деление на районы; этапы застройки города и их границы на карте; репутация районов и белые пятна).

VIII. Навигация и транспортная доступность (ориентация по городу; основные магистрали и маршруты; общественный транспорт; метро и канатная дорога — перемены.

IX. Характеристика районов города: прошлое и настоящее (каждый район был описан по пунктам: идентичность жителей; важные исторические события, определяющие облик района и специфику жизни в нем; визуальные особенности: архитектура, виды, цвета; особенности оформления: указатели, надписи, вывески, дизайн объектов и используемая символика; визитные карточки района; местные герои и знаменитые личности; функциональная специфика района; связи с другими районами города/области; туристическая привлекательность; доступность (общественный транспорт и дороги, пешая доступность частей); внутренняя навигация по району; микрогеография района; праздники в районе).

X. Туризм (география, популярные виды туризма, основные туристические места и маршруты («парадная классика», областной туризм, промышленный туризм и туризм для интеллектуалов, экстремальный туризм, гастрономический туризм, локальный туризм); удобство и гостеприимность; влияние чемпионата мира по футболу; проблемные стороны туризма в Нижнем Новгороде).

XI. Культура и спорт. Праздничные мероприятия (главные городские праздники; музыкальные фесы; уличные театральные фестивали; историко-реконструкторские и этнографические праздники и фестивали, камерные городские: кулинарные, экологические и др. фестивали; экологические праздники; научные фестивали; прочие мероприятия; «затухшие» движения); типология культурных событий; места проведения: официальные и неофициальные; идеи для новых площадок праздника; отзывы жителей: удобство и интерес; проблемы в организации мероприятий; выход культурной жизни за пределы города; 800-летие; специфика и уникальность нижегородских культурных центров; нижегородские музеи как объекты-бренды; нижегородская литература, живопись, театр, музыкальная сцена; значимые места для молодежи и субкультур в прошлом и настоящем; спортивные мероприятия, учреждения).

XII. Легенды, анекдоты, мемы о городе (легенды о возникновении Нижнего; эсхатологические тексты; легенды о кремле; истории о Нижегородской ярмарке; легенды о Строгановской церкви; поздние городские легенды; городские нарративы о памятниках; нижегородские анекдоты и мемы о Нижнем).

XIII. Идеи для визуализации.

XIV. Выводы.

Дальнейшая судьба исследования

На основе аналитического отчета группы заказчик сделал свой собственный, сократив антропологическую часть и добавив туда части «Градостроительный анализ» и «Анализ документов, регламентирующих применение дизайн-кода и бренд-бука в Нижнем Новгороде».

Кинешма – забытая Волжская столица Ивановской области: возвращение локальной идентичности

Анастасия Андреевна Еремина[1]

✉ eremina.aa@yandex.ru

[1]КБ Стрелка, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Еремина, А. А. (2019). Кинешма – забытая Волжская столица Ивановской области: возвращение локальной идентичности. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 191–198. DOI: 10.22394/2658-3895-2019-2-3-4-191-198.

Статья посвящена антропологическому исследованию в городе Кинешма в августе-сентябре 2018 года. В статье пошагово описан процесс работы над созданием дизайн-проекта территории — от формулирования задач до конкретных решений проектировщиков, рассмотрены основные доминанты локальной идентичности, которые были зафиксированы в решениях, на отдельных примерах показано, какую роль играют результаты городской антропологии в процессе работы над проектом, как в небольшом историческом городе возможно акцентировать внимание на локальной идентичности в пространстве.

На предпроектной стадии антропологическое исследование входит в состав комплексного анализа в разделе «Социокультурные особенности участка проектирования и примыкающих территорий» и представляет, во-первых, исследование города в целом (локальной идентичности города, ключевых общественных пространств, основных проблем и запросов горожан), а во-вторых, исследование выбранных общественных пространств, изучение локальной идентичности и проблем конкретных мест, описание типичных сценариев пользования для последующей разработки видения выбранных территорий. Выводы антропологического исследования повлияли на выбор приоритетных территорий для благоустройства, среди которых и Площадь Революции. Среди наиболее значимых результатов, повлиявших на дизайн-проект, выделены представление жителей (в первую очередь экспертов) о Кинешме как о купеческом городе, значимости исторической застройки, а также специфика города на Волге и связь с рекой. В дизайн-проектах особенное внимание было уделено доминантам локальной идентичности через цветное освещение в стиле Кустодиева, мемориальные сигнации утраченных церквей и торговых павильонов.

Ключевые слова: локальная идентичность, городская антропология, общественные пространства, историческая память, антропологические исследования, благоустройство, сценарии пользования пространством

Kineshma – the forgotten Volga capital of the Ivanovo region: A comeback of local identity

Anastasia A. Eremina[1]

✉ eremina.aa@yandex.ru

[1]Strelka KB, Moscow, Russia

To cite this article:
Eremina, A. (2019). Kineshma – the forgotten Volga capital of the Ivanovo region: A comeback of local identity. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 191–198. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-191-198. (In Russian).

The article dwells on anthropological research conducted in the city of Kineshma in August-September 2018. Step by step process of concept design of the territory is described — from formulation of tasks to specific decisions of architects. Key dominants of local identity that were registered in the resulting decisions are reviewed in detail. Selected examples demonstrate how the results of urban anthropology research influence a project, and how it is possible to focus on local identity in a small historical city.
In the preliminary stage, the anthropological research serves as a part of a comprehensive analysis within the "Sociocultural uniqueness of project site and surrounding areas" section. It is, firstly, a study of the city as a whole (local identity of the city, key public spaces, main problems and demands city dwellers), and secondly, a study of selected public spaces, of local identity and problems of specific locations, and a description of typical usage scenarios for further development of envisioning selected areas. The findings of this research have influenced the choice of priority areas for improvement, including Revolution Square. Among the most significant results that influenced the concept design, one could name the residents' (mainly experts') perception of Kineshma as a merchant city and the significance of its historical architecture. Specifics of the city being situated on the banks of the Volga and of its connection with the river are also highlighted. As far as concept design is concerned, special attention was paid to the dominants of local identity through color lighting in the style of Kustodiev and memorial indications of lost churches and trade pavilions.

Keywords: local identity, urban anthropology, public spaces, historical memory, anthropological research, urban development, scenarios for using space

Данные о проекте

Информация о заказчике. В 2018 году КБ Стрелка успешно реализовало проект благоустройства центральной улицы пгт Палех Ивановской области. После этого правительство Ивановской области в лице автономной некоммерческой организации «Агентство по привлечению инвестиций в Ивановскую область» (далее «Агентство»), ДОМ.РФ и КБ Стрелка договорились о продолжении сотрудничества по благоустройству ряда городов Ивановской области, в том числе Кинешмы. Агентство, единственным учредителем которого является правительство Ивановской области, — организация, задачей которой является привлечение инвестиций в экономику региона. В том числе

при участи Агентства, в 2018 году проводилась работа по поиску и развитию на территории муниципальных образований региона промышленных площадок, которые позволят обеспечить инвесторов инфраструктурой, необходимой для реализации инвестиционных проектов. Таким образом, благоустройство территорий рассматривается правительством как инвестиция и возможность для привлечения туристов.

Одновременно заказчиком исследования можно назвать и Strelka Architects, подразделение КБ Стрелка, отвечающее за разработку дизайн-проектов территорий. Strelka Architects стало для нас внутренним заказчиком — перед тем, как Strelka Architects начинает работу, сотрудники Центра городской антропологии отправляются в экспедицию с целью изучить город и собрать данные о нем для составления раздела в комплексном анализе, а в дальнейшем — для разработки дизайн-проектов.

Как заказчик сформулировал проблему/задачу. Основной финальный продукт для заказчика — это дизайн-проект территории. При этом какую именно территорию необходимо благоустраивать в первую очередь, не было ясно, поэтому перед антропологами была поставлена задача выявить самые популярные и востребованные участки среди жителей и туристов, чтобы сфокусировать усилия по трансформации городской среды прежде всего на них.

Когда территория определена, проводится ее комплексный анализ, включающий подробные данные о городской среде (градостроительный анализ) и о пользователях территории (социокультурный анализ). Цель этого документа — сбор данных о проблемах и потенциале территории, которые лягут в основу четкого и подробного технического задания.

Один из разделов комплексного анализа — «Социокультурные особенности участка проектирования и примыкающих территорий» — содержит собственно предпроектное антропологическое исследование. Это, во-первых, исследование города в целом (локальной идентичности города, ключевых общественных пространств, основных проблем и запросов горожан), а во-вторых, исследование выбранных общественных пространств, изучение локальной идентичности и проблем конкретных мест, описание типичных сценариев пользования для последующей разработки видения[1] выбранных территорий.

Информация об исследователях. Анастасия Еремина — старший антрополог Центра городской антропологии КБ Стрелка. Елена Чернец — антрополог Центра городской антропологии КБ Стрелка.

Методология исследования

На ***первом этапе*** предпроектного антропологического исследования был составлен опросник и проведена полевая экспедиция в Кинешму (с 30 августа по 1 сентября 2018 года).

[1] Предварительная архитектурная концепция территории.

Илл. 1. Дизайн-проект благоустройства Площади Революции и восстановление торговых павильонов. Вид на Молодежный сквер. Изображение: ДОМ.РФ

Во время экспедиции было собрано 20 полуструктурированных интервью продолжительностью от 60 до 90 минут. Контакты большей части информантов были найдены через профессиональные знакомства и методом «снежного кома». Поиск информантов по разным каналам позволил избежать нежелательного перекоса и обеспечить разнообразие опрошенной аудитории. В выборку вошли представители следующих направлений, которые более всего вовлечены в развитие городской среды или представляют экспертные городские сообщества: администрация, бизнес, художественное и креативное сообщество, журналисты, архитекторы, активисты, историки. В ходе беседы информантам задавались вопросы о характере и активности культурной жизни в городе, проблемах и перспективах ее развития, особенностях города в целом.

Параллельно в течение трех дней проводилось неструктурированное включенное наблюдение: посещение музеев, храмов, кафе, магазинов города с целью оценить их потенциал и значимость для жителей и туристов. Проводилось наблюдение и фотофиксация городского пространства (в первую очередь предполагаемых площадок благоустройства, но не только).

Были собраны также контакты тех информантов, которые хотели бы продолжать сотрудничать, участвовать в круглых столах и публичных обсуждениях выбора территорий и дизайн-проектов, так как подготовка к работам по вовлечению жителей — одна из задач исследования.

На ***втором этапе*** работы (сентябрь — февраль) готовился аналитический отчет и велась работа с архитекторами над комплексным анализом и дизайн-проектами благоустройства. Во время этого этапа наша задача

сводилась к тому, чтобы в анализе и проектах были отражены основные аспекты локальной идентичности и запросы жителей. На протяжении еще нескольких месяцев мы поддерживали контакт с информантами, чтобы собрать дополнительную информацию по конкретным запросам коллег (например, запрашивали дополнительные комментарии о территориях или исторические сведения от сотрудников музея).

Как проходило исследование

Исследование в Кинешме стало частью большой экспедиции по городам Ивановской области. Специфика подобного исследования — проведение его в кратчайшие сроки, так как необходимо оперативно передать информацию и аналитические выводы коллегам, составляющим комплексный анализ территории или техническое задание для проектирования дизайн-проектов.

Обычно для проведения интервью выбираются нейтральные территории, чтобы информант чувствовал себя комфортно, но в Кинешме одной из проблем в экспедиции была нехватка мест общественного питания, где обычно проходят встречи. В связи с этим большинство интервью проводились на улице, на работе или дома у информантов (эта проблема была также отражением слабого туристического потока в Кинешму и низкой покупательской способности местных жителей, которые редко могут себе позволить пойти в кафе). Хотя отсутствие нейтральных мест встречи и неудобно, оно имело свои позитивные стороны: на улице информанты могли на конкретных примерах показать свои запросы по благоустройству общественных пространств, а на работе или дома — чувствовали себя комфортнее на своей территории или показывали свои архивы с фотографиями.

Наиболее значимые полученные результаты

Одной из задач антропологического исследования являлся предварительный выбор территорий. Перед экспедицией архитекторы на основе открытых данных и пожеланий заказчика обозначили границы территорий, которые востребованы жителями или имеют потенциал для развития. Вследствие этого, кроме исследования общих запросов жителей по общественным пространствам, антропологи более подробно изучали предварительный список территорий.

По результатам экспедиции и обсуждения жителей среди территорий в центре города были выбраны Площадь Революции и Молодежный сквер: во время исследования выяснилось, что, несмотря на удобное местоположение, центр города жители называют «неживым» и часто проводят время в своих районах или парке. Благоустройство таких территорий — возможность оживить территорию и привлечь жителей и туристов. В процессе исследования границы территорий также были расширены за счет набережной реки Кинешемки, которая сейчас практически не используется, а также Парка культуры и отдыха им. 35-летия

Победы, центрального и самого любимого парка в городе, который неразрывно связан с центром города.

В рамках комплексного анализа кроме запросов жителей необходимо также определить уникальность территорий, поэтому во время исследования были выбраны самые яркие доминанты локальной идентичности, которые нашли отражение в дизайн-проектах благоустройства. Среди них представление жителей (в первую очередь экспертов) о Кинешме как о купеческом городе, значимости исторической застройки, а также специфика города на Волге и связь с рекой. Несмотря на яркое купеческое прошлое, идентичность купеческого города практически не представлена в городском пространстве и восприятии жителей. Есть небольшая экспозиция в Краеведческом музее, также недавно открылся музей Б. Кустодиева, но аудитория этих музеев небольшая.

> Потом это северные ворота текстильного края, и сюда относится и железная дорога, и весь кинешемский текстиль сюда же, и кинешемское купечество, и все на свете. То есть, по сути дела, действительно вот Кинешма была таким и логистическим, и торговым, и отчасти промышленным центром[2].

Историческая застройка сохранена в центральной части города и является яркой доминантой локальной идентичности. При проектировании было решено уделить больше внимания восстановлению исторических деталей (например, исторические столбики-болларды) и созданию сигнаций[3]. Поэтому, например, в проекте современные торговые палатки были заменены на исторические торговые павильоны, а утраченная церковь на Площади Революции была обозначена контуром.

> В 20-е годы разрушена была Воскресенская церковь. Вот была такая идея, в этом сквере, как бы, по очертаниям, условно, где церковь находилась, выложить площадку плиткой. То есть обозначить место, где была эта Воскресенская церковь[4].

Кинешма традиционно была портовым городом, когда-то ее называли Волжской столицей Ивановской области, портом 5 морей, однако потенциал набережной и порта не используется в полной мере. Необходимость восстановления связи с рекой и важности набережной также была отражена в дизайн-проекте благоустройства реки Кинешемки. Были выявлены следующие проблемы и запросы:

— очистка воды;

— благоустройство набережной;

— необходимость связки территории с Волжской набережной;

— необходимость связки набережной через Рылеевский пер. и ул. Карла Маркса с центром города;

— необходимость связки с городским пляжем;

— организация проката лодок, катамаранов.

[2] М., сотрудник краеведческого музея.

[3] Так называют обозначение контуров утраченного объекта или памятного события.

[4] М., 49 лет, сотрудник музея.

Илл. 2. Вид на Площадь Революции и Молодежный сквер. Текущее состояние. Изображение: ДОМ.РФ

Можно ее [Волжскую набережную], знаете, соединить ее с набережной на Кинешемке. Да, это было даже очень здорово. Можно весь день потратить на то, чтобы просто ходить и наслаждаться видами[5].

Результаты исследования были представлены заказчику в составе комплексного анализа предполагаемых территорий благоустройства, в разделе «Социокультурные особенности города». Исследование также использовалось для выбора территорий благоустройства, дальнейшего уточнения дизайн-проектов.

По дизайн-проекту, на Площади Революции (бывшая Базарная), где ранее располагались те самые «кустодиевские ярмарки», изображенные на многочисленных картинах купеческого быта, планируется воссоздать атмосферу старокупеческой Кинешмы, опираясь на образный ряд картин Кустодиева. Необходимое настроение предполагается передать через цветное освещение ландшафта нижнего яруса набережной. Исторический и художественный облик площади также планируется поддержать сигнациями ключевых утраченных памятников в мощении и установкой рядом информационных элементов с исторической справкой.

Особое внимание при проектировании было уделено речному фасаду города и его плану освещения. Основная художественная идея заключается в создании единого ассоциативного облика волжских городов с реки, отражающегося в ее водах. Это особенно важно в свете

[5] Ж., сотрудник музея валенок.

Илл. 3. Дизайн-проект благоустройства Площади Революции и сигнация утраченной церкви. Изображение: ДОМ.РФ

возрождения водного транспорта: с 2017 года в городе снова стали останавливаться круизные суда, в 2018 году было восстановлено сообщение с Плёсом.

Дальнейшая судьба исследования

В 2018 году было проведено благоустройство входной группы Парка культуры и отдыха им. 35-летия Победы. Следующими этапами будут реализованы другие территории центральной части города — Площадь Революции и Молодежный сквер — то есть территории, которые уже посещаются туристами и активно используются местными жителями.

Дизайн-проект по благоустройству Площади Революции и соседнего Молодежного сквера, спроектированный КБ Стрелка, в 2019 году выиграл грант во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях, и его планируется реализовать в 2020 году. Набережная реки Кинешемки вошла в список объектов для благоустройства, но на момент публикации нет финансовых возможностей для реализации этого проекта.

«Ташкент любит тебя!»: общественные пространства, проблемы развития городской среды

Артем Анатольевич Космарский[1], [2]

✉ kosmarski@gaugn.ru
ORCID: 0000-0001-8475-0754

[1]Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
[2]Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

Елена Александровна Чернец[1]

✉ echernets@strelka-kb.com

[1]КБ Стрелка, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Космарский, А. А., Чернец, Е. А. (2019). «Ташкент любит тебя!»: общественные пространства, проблемы развития городской среды. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 199–207. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-199-207.

В статье описывается опыт антропологов КБ Стрелка, работавших в Ташкенте (Узбекистан) в 2018 году. Основной задачей КБ была разработка пилотных проектов по реконструкции и благоустройству ряда улиц. Работа за рубежом требует особого внимания к локальному контексту, поэтому перед антропологами были поставлены задачи по выявлению особенностей пользования городом, прежде всего, досуговых практик и практик городской мобильности. В рамках исследовательской поездки в Ташкент была проведена серия глубинных и go-along интервью с горожанами разного возраста, пола, вероисповедания (всего 34 интервью), а также экспертные интервью с местными лидерами мнений — архитекторами, краеведами, работниками культуры, учеными, представителями бизнеса (15 интервью). В статье мы разбираем реакцию местных жителей на интерес антропологов и урбанистов к их среде, основные черты «устройства» Ташкента и особенно общественных пространств, трансформацию образа города по сравнению с 1990–2000-ми годами (конец ностальгического мифа). Наконец, коротко излагаются результаты пилотного проекта преобразования городской среды.

Ключевые слова: Ташкент, Узбекистан, городская антропология, образ города, публичное пространство

"Tashkent loves you!": Public spaces, urban development problems

Artyom A. Kosmarski[1], [2]

✉ kosmarski@gaugn.ru
ORCID: 0000-0001-8475-0754

[1]Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
[2]State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Elena A. Chernets[1]

✉ echernets@strelka-kb.com

[1]Strelka KB, Moscow, Russia

To cite this article:
Kosmarski, A., Chernets, E. (2019). "Tashkent loves you!": Public spaces, urban development problems. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 199–207. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-199-207. (In Russian).

This paper describes the experience of Russian urban anthropologists who worked in Tashkent (Uzbekistan) in 2018 as members of Strelka KB. The main task of the Strelka KB team was to develop pilot projects for reconstruction and improvement of a number of streets in Tashkent. Since doing urban projects outside Russia requires special attention paid to local context, the anthropologists were tasked with identifying the specifics of using the city, first and foremost — the preferred leisure activities and urban mobility practices. As a part of the research trip to Tashkent, a series of in-depth and go-along interviews were conducted with city dwellers of various ages, gender, and religion (a total of 34 interviews), as well as expert interviews with local opinion leaders — architects, local historians, activists, scientists, and businesspeople (15 interviews). In this article we analyze the reaction of local residents to the interest of anthropologists and urbanists to their environment, the main features of the structure and urban zoning of Tashkent and specifically of public spaces, the transformation of the image of the city in comparison with the 1990–2000s (e.g., the end of the nostalgic myth). Finally, the practical results of a pilot project on transformation of urban environment are briefly presented.

Keywords: Tashkent, Uzbekistan, urban anthropology, image of the city, public space

Данные об исследовании

Время и место: 25 мая — 6 июля 2018 года, Ташкент, Узбекистан.

Заказчик: Хокимият г. Ташкента (Узбекистан).

Задача. Основной задачей КБ Стрелка в Ташкенте была разработка пилотных проектов по реконструкции и благоустройству ряда улиц (прежде всего, центрального проспекта Амира Темура). Работа за рубежом требует особого внимания к локальному контексту, поэтому перед антропологами были поставлены задачи по выявлению особенностей пользования городом, прежде всего, досуговых практик и практик городской мобильности. Кроме того, поскольку пилотный проект планировалось

реализовать на одной из самых протяженных и разнообразных по характеру улиц Ташкента (на проспекте Амира Темура находятся одноименный сквер, который несколько лет назад был центром общественной жизни, но утратил этот статус, Алайский базар, парк «Ташкентлэнд», телебашня, четыре станции метрополитена и другие точки притяжения), было важно выявить, какие группы пользователей присутствуют на тех или иных участках благоустраиваемых территорий и как относятся к ним.

Информация об исследователях: Артем Космарский, антрополог, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Елена Чернец, специалист Центра городской антропологии КБ Стрелка.

Методология исследования

Программа антропологического исследования Ташкента состояла из двух основных частей. Сначала для дистанционного изучения запросов и практик жителей использовались методы цифровой антропологии, основанные на глубинном изучении онлайн-сообществ и пользовательских материалов (фотографий и текстов в социальных сетях). Подробнее об этом см.: [Радченко 2019]. На втором этапе первоначальные гипотезы проверялись в поле. В рамках исследовательской поездки в Ташкент была проведена серия глубинных и go-along интервью [Kusenbach 2003] с горожанами разного возраста, пола, вероисповедания (всего 34 интервью), а также экспертных интервью с местными лидерами мнений — архитекторами, краеведами, работниками культуры, учеными, представителями бизнеса (15 интервью). На территориях, где планировалось благоустройство, велось неструктурированное включенное наблюдение и проводились блиц-интервью с проживающими и работающими там людьми. В качестве дополнения исследования в Ташкенте использовались методы визуальной антропологии.

По результатам исследования был подготовлен аналитический отчет, содержавший общие выводы исследования, наиболее характерные цитаты из интервью и практические рекомендации для проектной команды.

Как проходило исследование

Приезд группы российских архитекторов и исследователей и старт работ по благоустройству улиц стал значимым событием для Ташкента. У исследователей практически не возникало трудностей в ходе работы: все информанты охотно соглашались на встречу, делились своими мыслями и соображениями, сопровождали исследователей в поездках в разные районы города. Исследовательское поле в Ташкенте отличалось не только повышенным вниманием к нашей команде, но и повышенным уровнем гостеприимства. Информанты считали своей обязанностью угостить исследователей лучшим пловом, пригласить к себе домой, провести экскурсию по ташкентскому стрит-фуду, дать гостинцы с собой. Такая форма взаимодействия, с одной стороны, укрепляла наши связи с информантами и позволяла получить интересные инсайты, а с другой, подчеркивала наш статус гостя: уже не «чужого» городу, но еще не «своего».

Однако был и «другой лагерь» жителей, которые отнеслись к работе российских специалистов в Узбекистане скорее негативно: они предполагали, что люди, которые никогда не жили в их городе, не смогут понять контекст и проникнуться духом Ташкента. По-видимому, работа команды ассоциировалась у них с действиями городских властей: долгое время в городе проводилась жесткая политика, на которую жители никак не могли повлиять (один из самых болезненных городских сюжетов — вырубка чинар). Тем не менее, исследователям удалось преодолеть недоверие со стороны жителей. Городским активистам было важно высказать свое мнение и принять участие в происходящем, поэтому с теми из них, кто высказывал скептическое отношение в соцсетях, мы старались познакомиться, встретиться в неформальной обстановке (дома, в кафе, на квартирниках), по возможности ответить на самые острые вопросы.

Климатические особенности также внесли свои коррективы. Исследование проводилось в период летнего зноя, который в Узбекистане называется чилля, из-за чего пешие прогулки по городу днем стали настоящим испытанием. Несмотря на сложности, исследователям удалось зафиксировать особенности времяпрепровождения горожан в этот период.

Наиболее значимые результаты

Специфика города. Для работы в Ташкенте было важно, что он считается самым европейским городом Узбекистана: в нем сосредоточены университеты и научная жизнь страны, изобилуют сервисы, сюда стремятся переехать и обзавестись недвижимостью. Но он не однороден: здесь традиционно выделяются так называемый Старый город и Новый, «европейский». В Старом городе преобладает одноэтажная традиционная застройка (так называемые махалли), где проживает узбекское, коренное население (*Илл. 1*); в «европейском» городе, соответственно, «европейское» население (так называют остальные национальности), и доминирует советская и современная архитектура. В Старом городе, по мнению информантов, бережно хранятся традиции и обычаи; горожане, проживающие в старой части Ташкента, идентифицируют себя особым словом «старогородской». Хотя в советское время проводилась сознательная политика стирания различий между русскоязычными иммигрантами и узбекоязычным населением (обе группы должны были селиться бок о бок в новых жилых районах), разделение Ташкента на «европейский» и «азиатский» не исчезло, оно лишь стало менее видимым, утратило четкую географическую привязку и перешло на уровень отдельных кварталов, домов, рынков, мест отдыха. Подробнее об этом см.: [Kosmarski 2011]. Границы между Старым и Новым городом постепенно размываются, но сохраняют важность для локальной идентичности. Хотя проект благоустройства разворачивался на территории Нового города, и застройка, и население на этой территории разнородны. Эту особенность нам было важно сохранить.

Насколько мы могли понять во время исследования, четкая ташкентская идентичность (интернациональный, уютный, гостеприимный город), сложившаяся в 1970–2000-х годах и воспетая целым рядом писателей,

Илл. 1. Жаркий день в махалле (неофициальное название махалли «Ташкентская Венеция»). Фотография КБ Стрелка / Марк Серый

например, Диной Рубиной и в сотнях текстах эмигрантов, постепенно уходит в прошлое. Однако новая на ее месте не появляется. Как правило, горожане описывают Ташкент как теплый, гостеприимный, дружелюбный, солнечный город. Впрочем, часть информантов иронически-отстраненно отзывалась о такой «версии», считая, что это скорее набор расхожих стереотипов, чем черты реального города. Для них (и не только для них) ключевые характеристики города сейчас и того, каким они хотят его видеть — «комфортный» и «современный».

Еще одно важное свойство городской среды Ташкента (помимо деления на большие районы) — ее насыщенность и многослойность (*Илл. 2*). Жители творчески и разнообразно обустраивают дворы своих пяти- и девятиэтажек — деревьями, садами, скульптурами, лежаками, самодельными детскими площадками. Дворы не похожи друг на друга. Огромные магистрали с сотнями машин, многоэтажками и модными магазинами буквально через десять метров сменяются узкими улочками традиционного квартала (махалли), визуально и аудиально ничем не отличающимися от деревни (или пригорода), а еще через десять метров — серией по-разному застроенных и украшенных дворов советских девятиэтажек, вперемешку с одноэтажными домами застройки начала XX века. Такая grass-root изобретательность и умение украшать общественное пространство (а не просто свой личный внутренний дворик или квартиру) — ценное качество городской среды Ташкента. При этом жители постоянно высказывали пожелания по развитию общественных пространств города и созданию инфраструктуры для проведения досуга

Илл. 2. Экспериментальный 16-этажный дом (1985 год), где советские архитекторы стремились реализовать концепцию «галерейного дома» и «двориков в многоэтажном доме». Дом носит неофициальное название «Жемчуг». Фотография КБ Стрелка / Марк Серый

под открытым небом — этого городу, по их мнению, сильно не хватает.

Общественные пространства. В силу климатических особенностей города в летнее время активная жизнь в парках, скверах и площадях начинается после 9 часов вечера. Как правило, горожане фланируют вдоль площади, сидят у фонтанов. Фонтаны очень важны — как источник тени и точки, вокруг которых организуется досуг: взрослые гуляют, дети играют (*Илл. 3*). Кроме того, по мнению горожан — это «фишка» Ташкента наряду с каналами орошения (арыками). Однако сейчас система арыков в городе не работает, а информанты с ностальгией вспоминают арыки, полные водой. Тем ярче проявляется запрос на фонтаны.

Большую роль для жителей играет озеленение. Тень деревьев обеспечивает необходимую защиту от солнца. Старожилы вспоминают зеленый Ташкент, когда «кроны деревьев смыкались между собой и весь город можно было пройти по такому зеленому коридору»[1]. Поэтому горожане с трепетом и уважением относятся к деревьям, особенно вековым чинарам, которые являются одним из символов города. Не случайно знаковые общественные пространства Нового города — это озелененные территории: сквер Амира Темура (в обиходе — «Сквер») и ул. Сайилгох («Бродвей»). Однако сквер Амира Темура, в прошлом одно из любимых мест горожан, был практически уничтожен тем, что в 2009 году там были вырублены все деревья.

[1] Инф. 1, м., 70+ лет, историк, краевед.

Илл. 3. Новый фонтан у Дворца форумов. Фотография КБ Стрелка / Марк Серый

В результате информанты говорят о том, что в городе ощущается дефицит тихих, ухоженных, демократичных пространств, куда любой желающий может прийти с семьей, покататься на велосипеде, и где ему не придется тратить деньги на развлечения (*Илл. 4*).

> И вот когда у нас переделали дороги, заново асфальтировали некоторые дороги, в этот момент их закрывают. Дорога закрыта там и там. И вот осталось до открытия 10 дней, она фактически готова. И что вы думаете? Люди гурьбой на этих дорогах гуляют, катаются на велосипедах, на роликах. Толпы с ближайших районов. Толпы![2]

Кроме того, информантов волнует зарегулированность общественных пространств. Ограничения со стороны полиции и многочисленные запрещающие таблички создают ощущение города, не предназначенного для людей. Особенно негативно информанты отзываются о закрытии парков в ночное время — для города, где в жаркие летние месяцы люди выходят на прогулку поздно вечером, это существенное ограничение возможностей проводить досуг под открытым небом.

Как результаты были представлены заказчику. Результаты исследования были представлены заказчику в составе комплексной программы по улучшению городской среды. В такого рода документах антропологии отводится раздел «Социокультурные исследования», предваряющий и обосновывающий решения проектной команды.

[2] Инф. 2, м., 40+ лет, дизайнер.

Илл. 4. Вечер в городском парке. Фотография КБ Стрелка / Марк Серый

Дальнейшая судьба исследования

В результате проекта благоустройства был реализован один участок на перекрестке проспекта Амира Темура и улицы Осиё, где требовалось создать новое общественное пространство, учитывающее запросы горожан, климатические особенности Ташкента и идентичность города.

Недалеко от станции метро «Минор» вместо пустынной площади с бездействующей автобусной остановкой появились зеленые насаждения и уличная мебель. Выше мы писали о том, что гидротехнические сооружения стали частью городской идентичности Ташкента, а летняя жара делает фонтаны необходимостью, а не архитектурным излишеством. По этим причинам в проекте был и предложен современный сухой фонтан[3], и сохранен арык. Последнее было принципиально важным решением, поскольку хотя сейчас ирригационная система практически не функционирует, в интервью звучат теплые воспоминания горожан о полных воды арыках. В мощении перекрестка было применено плиточное покрытие теплого бежевого цвета, которое меньше нагревается на солнце, чем черный асфальт (как говорят архитекторы, оно создает меньший тепловой фон).

При программировании территории проектная команда учла, что, по мнению жителей, катание на велосипеде в последнее время набирает популярность в качестве формы досуга и вида спорта, хотя пока он не является средством передвижения. В проекте предполагалось создание

[3] Фонтан без чаши, в котором струи воды бьют из вмонтированной в мостовое покрытие решетки.

велодорожки вдоль всего проспекта, но в итоге был реализован небольшой участок. Кроме того, по рекомендации антропологов были созданы проект шахматного сквера (у ташкентцев была традиция играть в шахматы в Сквере), зоны с местами отдыха в виде традиционных узбекских топчанов, скейтпарка под мостом, расписанного местными художниками, но на момент публикации статьи эти проекты не были реализованы.

Литература

Радченко, Д. А. (2019). После бала: как оценить эффекты благоустройства при помощи антропологии. *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 270–291.

Kosmarski, A. (2011). Grandeur and decay of the Soviet Byzantium: Spaces, peoples, and memories of Tashkent, Uzbekistan. In T. Darieva et al. (Eds.). *Urban spaces after Socialism*, 33–56. Frankfurt am Main: Campus.

Kusenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography, 4*(3), 455–485.

References

Kosmarski, A. (2011). Grandeur and decay of the Soviet Byzantium: Spaces, peoples, and memories of Tashkent, Uzbekistan. In T. Darieva et al. (Eds.). *Urban spaces after Socialism*, 33–56. Frankfurt am Main: Campus.

Kusenbach, M. (2003). Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool. *Ethnography, 4*(3), 455–485.

Radchenko, D. (2019). After the ball: How to evaluate effects of urban improvement with anthropology. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 270–291. (In Russian).

Антрополог на большой магистрали: исследование Профсоюзной улицы в Москве

МАРИНА ИННОКЕНТЬЕВНА БАЙДУЖ[1], [2], [3]

✉ MARINA.BAIDUZH@UNIVERSITAS.RU
ORCID: 0000-0001-8633-210X

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ ДОРОНИН[1], [2]

✉ DEMETRA2@MAIL.RU
ORCID: 0000-0003-3002-8074

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2]Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия
[3]Группа прикладных антропологов «Артель», Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Байдуж, М., Доронин, Д. (2019). Антрополог на большой магистрали: исследование Профсоюзной улицы в Москве. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 208–219. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-208-219.

В данном тексте анализируется опыт прикладного антропологического исследования большой магистрали — улицы Профсоюзной, включая отрезок проспекта 60-летия Октября, которое проводилось силами группы прикладных антропологов «Артель». Этот случай интересен тем, что такое протяженное исследуемое пространство нетипично для антропологического фокуса, и для того, чтобы успешно провести исследование, необходимо было создать и опробовать инструменты как для обследования магистрали в целом, так и для отдельных ее участков, имеющих специальный интерес при проектировании территории. В частности, родилось два фокуса: «микро» (включенность улицы в локальную жизнь города, что можно было отследить на отдельных участках-кейсах) и «макро» (вся магистраль как целостная система). Описываются и анализируются все методы, которые применялись: анализ социальных медиа, различные типы интервьюирования, способы включенного и последовательного наблюдения за территорией и ее пользователями, метод картирования территории (метод ментальных карт), — а также подсвечивается, какие именно варианты методов оказались удачными или же наоборот вызвали проблемы и почему. Помимо дизайна исследования в прикладной антропологии крайне важно выстраивание коммуникации внутри рабочей группы антропологов и самоощущения и саморефлексии каждого из них. Все сложности работы антрополога на большой магистрали удалось выразить в форме эссе о *гипермозаичности* исследуемого пространства, которое дополняет анализ кейса в целом.

Ключевые слова: прикладная антропология, городские исследования, локальная идентичность, метод ментальных карт, включенное наблюдение, глубинное интервью, улица Профсоюзная

A highway anthropologist: A study of Profsoyuznaya Street in Moscow

Marina I. Baiduzh[1], [2]

✉ marina.baiduzh@universitas.ru
ORCID: 0000-0001-8633-210X

Dmitry Yu. Doronin

✉ demetra2@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3002-8074

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2]Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia
[3]Applied Anthropologists Team Artel', Moscow, Russia

To cite this article:
Baiduzh, M., Doronin, D. (2019). A highway anthropologist: A study of Profsoyuznaya Street in Moscow. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 208–219. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-208-219. (In Russian).

The paper analyzes an experience of an applied anthropological study of a major arterial road — Profsoyuznaya Street (including a part of 60 Years of October [Revolution] Avenue) conducted by the Artel' group of applied anthropologists. This case is interesting due to the fact that such an extended space to research upon is non-typical for anthropological focus, and creating and testing instruments for investigating the arterial road as a whole, as well as for investigating certain parts of it that proved to be of special research interest, was in order to complete the assignment successfully. Two focus points were developed: "micro" (inclusion of the street into local city life, which could be traced via a number of area-specific cases) and "macro" (the whole arterial road as a coherent system). All the methods that have been utilized are described and analyzed in the paper: namely, social media analysis, various types of interviewing, territory mapping (mental mapping); it is also highlighted which methods proved to be effective or, on the contrary, problematic and why. Apart from research design, building communication within the task team of anthropologists and their personal self-consciousness and self-reflection are crucially important in applied anthropology. We were able to express complications of anthropological work on a major arterial road in an essay on *hypermosaicism* of the studied space that complements the case analysis.

Keywords: applied anthropology, urban studies, local identity, mental mapping, participant observation, in-depth interview, Profsoyuznaya Street

О проекте

Название исследования: исследование ул. Профсоюзная (в рамках комплексной реконструкции этой вылетной магистрали)

Название организации или имена исследователей, его проводивших: группа прикладных антропологов «Артель» (Маргарита Чубукова и Марина Байдуж), Дмитрий Доронин и Елена Югай.

Название организации заказчика: компания ATLAS

Сроки проведения: исследование проводилось в 2 этапа: ноябрь 2019 и февраль 2020. В разные периоды исследовались разные участки Профсоюзной, а также на втором этапе дополнительно уточнялись детали по некоторым точкам предыдущего.

Место проведения исследования: улица Профсоюзная и проспект 60-летия Октября от площади Гагарина до МКАД с прилегающими к ней территориями, в некоторых местах включающими жилые кварталы.

Информация о заказчике: компания ATLAS занимается консалтингом и разработкой проектов в сфере архитектуры, благоустройства и территориального планирования. В своем подходе к работе ATLAS использует данные антропологических исследований в рамках предпроектного анализа территории. Эта практика применялась и на участках улицы Профсоюзной, которая будет благоустроена в рамках программы «Развитие городской среды» правительства Москвы.

Стоит подчеркнуть: использование данных предпроектных антропологических исследований при благоустройстве стало в Москве обычным после успешного и широкого внедрения антропологических методов в рамках реализации программы «Моя улица» с 2015 года.

Как заказчик сформулировал проблему/задачу: заказчик предложил провести предпроектное антропологическое исследование участков магистрали, а именно: выявить идентичность территории; определить перечень инициативных групп и лидеров мнений, ключевые группы пользователей, сценарии и режимы использования территории; выявить существующие центры притяжения для различных целевых групп пользователей; определить пожелания и предложения жителей по знаковым участкам/объектам территорий. В целом заказчику хотелось понять как специфику ряда конкретных пространств — жилых или прилегающих к жилым кварталам, так и комплексно исследовать всю улицу как целостную систему.

Информация об исследователях: Марина Байдуж, антрополог, историк, специалист в области городской мифологии и локальной идентичности, принимает участие в прикладных антропологических исследованиях разной направленности с 2014 года, Маргарита Чубукова, антрополог, социальный исследователь, занимается городскими проектами с 2013 года. С осени 2019 года Маргарита и Марина работали вместе над рядом проектов и решили создать антропологическую «Артель», чтобы вместе развивать методы городских (и не только) прикладных исследований. В данном исследовании брали глубинные интервью, наблюдали и брали блиц-интервью на нескольких точках, а также составляли сводный аналитический отчет.

Дмитрий Доронин участвует в прикладных антропологических исследованиях с 2014 года, в данном проекте наблюдал и брал глубинные и блиц-интервью на нескольких точках (его полевым наблюдениям посвящен отдельный раздел); Елена Югай участвует в прикладных исследованиях «Артели» с осени 2019 года, в этом проекте она брала глубинные интервью на начальном этапе исследования.

Методология исследования

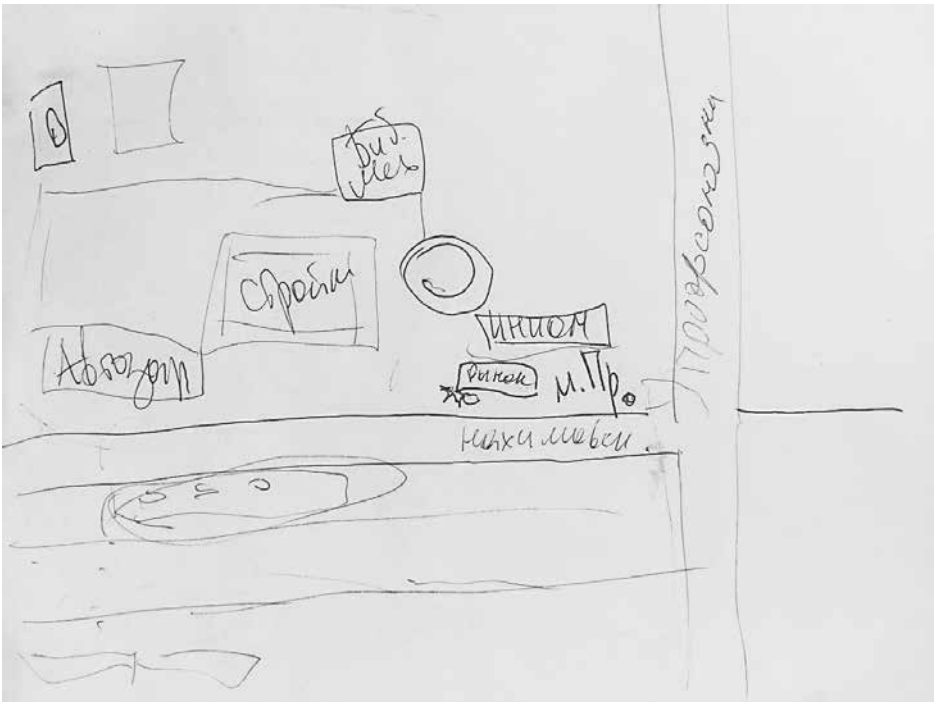
На подготовительном этапе был проведен анализ соцмедиа. Данные собирались как с помощью базы данных «Интегрум», так и вручную (просмотр и сбор публикаций по хештегам и геотегам в «Инстаграме», отдельных групп во «Вконтакте» и «Фейсбуке»). Основная цель — выявить варианты инфоповодов, в связи с которыми упоминается Профсоюзная улица, и определить важные культурные или социально-политические сюжеты, связанные с Профсоюзной (или в каком-то районе вокруг нее). Так, например, волонтерская и зоозащитная тематика локализовалась в Академическом районе, обсуждение ремонта коммуникаций было связано с территорией у м. Калужская, а культурная повестка была актуальна в Беляеве (причиной этого было открытие Центра идентичности в галерее «Беляево»).

Полевая работа была построена на сочетании нескольких методов. Во-первых, проводилось включенное наблюдение определенных точек — от четырех (будни: утро/день и вечер, выходные: утро/день и вечер) до шести (будни: утро, день, вечер, выходные: утро, день, вечер) раз в неделю на каждый выделенный для детального обследования участок территории. После (или во время) каждого наблюдения антрополог наговаривал на диктофон, что он увидел, либо записывал это в текстовый документ. Для помощи исследователю-собирателю, особенно без большого опыта, были составлены рекомендации о том, как можно наблюдать за пространством и людьми в нем, какие вопросы задавать себе при этом наблюдении, однако эти вопросы и инструкции не являются строго обязательными к выполнению. Во-вторых, было проведено 38 структурированных и полуструктурированных глубинных интервью (долгих и подробных бесед с опорой на гайд) с созданием ментальных карт и, преимущественно на втором этапе исследования, 18 блиц-опросов (более коротких интервью, которые берутся во время включенного наблюдения на месте и опираются, как правило, на более короткий список вопросов, часть из которых возникают непосредственно в поле — конкретно по точке наблюдения или чтобы прояснить наблюдаемую локальную практику). На втором этапе исследования во время включенного наблюдения антропологом также проводилось картирование наблюдаемых пространств.

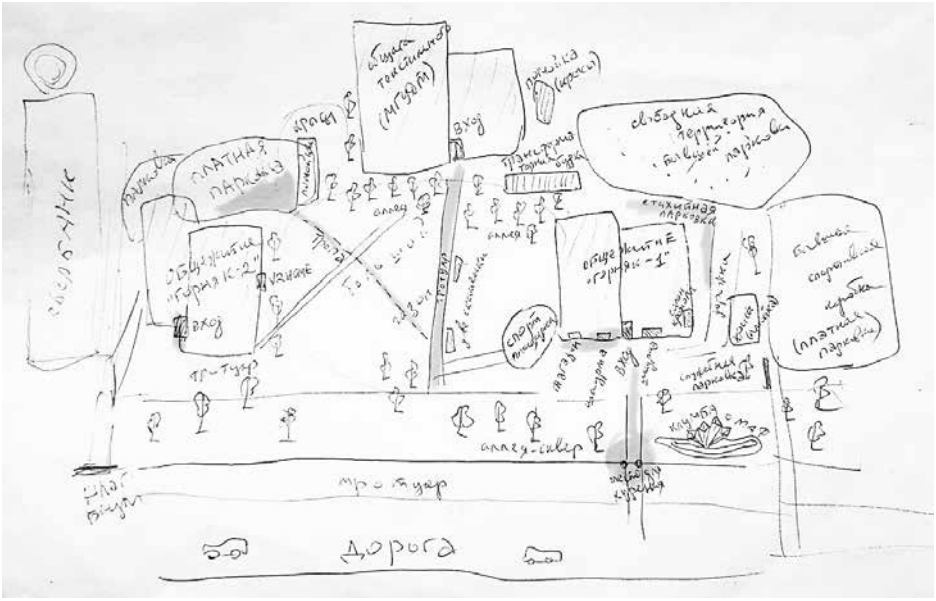
Для унификации сбора материала была подготовлена подробная инструкция — методичка, где изложены, в том числе, способы наблюдения за пространством и фиксации результата, описано, как брать разные типы интервью, а также показано, как можно рисовать карты самому или с информантом и как затем это можно анализировать.

Кроме того, была попытка внедрить формализованное наблюдение (по подготовленному чек-листу с необходимыми параметрами), но в данном пространстве оно не сработало, и мы не стали его применять. Отличие формализованного наблюдения состоит в том, что вместо общих рекомендаций о наблюдении пространства используется заготовленная форма (чек-лист), которая заполняется не только качественными

показателями (каких людей и какое их поведение заметил собиратель), но и количественными (например, количество пешеходов, людей с собаками, велосипедистов, автомобилей). Пункты в нее добавляются в зависимости от задач исследования. Поскольку это уже не качественный, а скорее — количественный метод исследования, то его решили не применять по двум основным причинам: отсутствие времени и человеческих ресурсов на сбор достаточного количества материала и, главное — большие пространства для такого наблюдения даже в рамках отдельно выделенных точек вдоль Профсоюзной. Обозначенные пространства потребовалось бы делить еще на несколько зон/точек внутри: в разных частях скверов, по разным сторонам дороги, в разных дворах и т. д. Оказалось, что наиболее быстро и эффективно их возможно охватить именно качественными антропологическими методами — неформализованным наблюдением в сочетании с различными способами картирования пространства, хотя это и потребовало от собирателей много ходить (и практически жить на улице). Так, мы сделали упор на интенсивное наблюдение, в отличие от экстенсивного набора количественных показателей.

Илл. 1. Пример ментальной карты отдельного участка на ул. Профсоюзная, нарисованной информантом (ж., 48 лет, работник, записано 19.11.2019, интервьюер — Елена Югай)

Илл. 2. Пример картирования наблюдаемого пространства самим антропологом (отдельный участок проспекта 60-летия Октября, автор — Дмитрий Доронин)

Ход исследования

Особенность кейса Профсоюзной улицы состоит в том, что магистраль является непривычным объектом для антрополога. На первый взгляд антропологические методы к ней малоприменимы — особенно в сжатые сроки, когда на само полевое исследование, если вычесть все подготовительные этапы, есть примерно неделя. Во-первых, это неоднородное и вытянутое в длину (13 км) пространство, которое объединяет множество разнообразных районов — и в каждом из них можно опрашивать местных жителей или выявлять и изучать локальные сообщества (как, допустим, в арбатских переулках). Во-вторых, территория, искусственно выделенная исследователем в качестве «точки отсчета» для создания ментальной карты района, не обязательно также будет значимым объектом на ментальной карте, которая создается без ограничений, на чистом листе бумаги (что в некоторой степени и показали результаты исследования). Наконец, если сконцентрироваться только на жителях домов, расположенных вокруг Профсоюзной, где-то за скобками остаются автомобилисты — собственно, основные пользователи магистрали. Только для них она функционирует как единое целое, а не отдельный кусочек улицы возле дома или станции метро. Таким образом, главная проблема на первом этапе исследования — кого именно следует опрашивать.

На этапе анализа медиа мы выдвинули гипотезу о том, что существует два уровня восприятия Профсоюзной улицы. Первый — это

«макромасштаб», когда Профсоюзная воспринимается как единая магистраль. Этот масштаб актуален не только для жителей ближайших районов, но для всех ее транзитных пользователей. Второй — «микромасштаб» отдельных частей улицы, особенно ярко проявляющийся, когда она совпадает с границей между районами. Затем мы уточнили конкретные участки (дворы, скверы, перекрестки и т. п.), на которых нужно было сосредоточиться. Сужение территориальных рамок сильно облегчило и рекрутинг информантов (хотя отбор транзитных пользователей магистрали все равно оставался довольно хаотичным), и процесс наблюдения (стало возможным поделить пространства между собирателями), и создание карт. Поэтому на втором этапе исследования Профсоюзной (оно в большей степени касалось уже территорий Беляево — Коньково — Теплый Стан) работать было немного проще и из-за отработанной методики, и из-за изначально заданных четких рамок исследования, ограниченного небольшими пространствами вдоль Профсоюзной. Таким образом, и в нашем исследовании, и в архитектурном проекте обширная магистраль превратилась в набор небольших островков размером от одного двора до небольших скверов и перекрестков.

Другой важной проблемой стала характерная для работы в мегаполисе трудность — в сжатые сроки найти подходящих информантов и договориться с занятыми, постоянно работающими москвичами о часовом интервью, чтобы в выборке не превалировали мамы с детьми, пенсионеры и подростки. По опыту наших предыдущих исследований, в разных районах эта проблема стоит с разной степенью остроты. В «неприветливых» районах особенно сложно найти информантов для блиц-интервью на улице. Например, на Профсоюзной люди реагировали на наши попытки поговорить с ними достаточно позитивно, а вот на улице 1905 года нас встречали практически сплошные отказы.

Эссе антрополога с большой дороги

В любом проекте, в особенности когда изучается большая городская территория, антрополог должен быть готов к совершенно различным исследовательским ситуациям.

Гипермозаичность городской среды запускает своеобразный «естественный отбор»: благополучно, с приятными эмоциями проект переживают те из нас, кому удается «эволюционно» выработать важное, постоянно шлифуемое городским полем адаптивное приобретение — исследовательскую гибкость.

Никогда не знаешь точно, во что вляпаешься, в какой исследовательской ситуации окажешься даже на знакомой тебе Профсоюзной улице, возле которой прожил больше пяти лет. Со всеми своими современными удобствами — автобусами, тротуарами, прямыми линиями, переходами и указателями — городская среда оказывается более непредсказуемой, чем сельская.

В деревне ты передвигаешься по залитой грязью улице из одного похожего дома-двора в другой; следующая улица может быть залита грязью в меньшей степени, дома могут немного отличаться размерами и, скажем, наличием палисадников, но типологически во всех деревнях ты имеешь дело с очень малым разбегом для фантазии. Приятным разнообразием оказываются немногочисленные обще-

ственные места деревни — кладбище, церковь, клуб, магазин, а также публичные места-эфемероиды[1] вроде деревенской автобусной остановки, памятника героям войны и поселковой администрации. Уже через двадцать минут пребывания в деревне вероятность неожиданности, которую может преподнести ее «генеральный план», начинает стремительно уменьшаться.

Совсем иное дело — город, если ты не исследуешь, конечно, маленький сквер или площадку перед станцией метро. Территории вдоль городских магистралей — яркий пример «антидеревни», гипермозаичности и отвечающей ей исследовательской гибкости, которую приходится вырабатывать антропологу. Так, длина проектного участка по Профсоюзной составляла тринадцать километров. Можете быть уверены, это были очень разные тринадцать километров. Начинающаяся от дворов сталинской эпохи вблизи метро «Ленинский проспект», проходя через волны разномастных «спальников» 1960–1980-х годов, исследуемая магистраль упиралась во МКАД и «ташкент» теплостанского рынка.

Приведем несколько отличающихся по исследовательской ситуации примеров.

1. Площадь между общежитиями МИСиС и Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина

Дойдя до объекта, антрополог понял: фактически, речь здесь должна идти об исследовании проблем студенческого кампуса. Однако прежде этого он столкнулся с другими проблемами — климатическими: проспект 60-летия Октября оказался мощной аэродинамической трубой. Исследования проводились в дни декабрьского похолодания и, уже пройдя километр от метро «Академическая» до первого здания общежития («Горняк-1»), антрополог подмерз сам и обнаружил важную социальную особенность этого участка — его малолюдность. Парадоксальным образом центральная в общем-то территория (10 минут пешком до метро «Ленинский проспект») на деле оказывалась городской окраиной.

Кампус расположен вдоль дороги, основная функция которой — быть автомобильным транзитом. За дни моего исследования никому из проезжающих по ней автомобилистов не приходило в голову останавливаться здесь, а на табличке остановки общественного транспорта значился только один маршрут, автобусы которого я так ни разу и не увидел. К самому кампусу подъезжали только его работники и живущие здесь сотрудники МИСиС, чуть более разбогатевшие, нежели студенты, а потому могущие позволить себе автомашину.

Отсутствие многообразия публичных мест досуга — еще одна особенность этого объекта и его округи: на все три высотки кампуса имеется одна столовая, два места курения и два ларька с шаурмой. До ближайших кафе и пабов — либо километр вверх по ветреной трассе к метро «Академическая», либо примерно столько же — к ТЦ «Гагаринский» и другим кафешкам у метро «Ленинский проспект». Большинство

[1] Публичные места-эфемероиды подобны ботаническому феномену с таким же названием — растениям-первоцветам или цветам пустыни, расцветающим на короткое время лишь в определенные моменты некого временного (в случае растений — годового) цикла. По отношению к публичным местам понятие используется нами как метафорическое: спроектированные как публичные, они, в силу инфрастуктурных и прочих особенностей деревенского мира, гораздо в меньшей степени действительно публичные места, чем в городе, и/или становятся таковыми лишь на краткое время. И если «среднестатистическая» остановка общественного транспорта в городе живет как публичное место почти весь световой день, то остановка в деревне оживает лишь раз или в два в день, т. е. все остальное время она являет собой вид хмурой и заброшенной постройки, выполняя временами такие побочные функции, как импровизированный туалет или своеобразный «ночной клуб» для сельской молодежи. Столь же эфемероидны, в сравнении с городскими, деревенские мемориалы и администрации.

студентов проводят свой досуг как раз там, доходят пешком до Нескучного сада и Парка Горького, либо уезжают на метро в центр («Китай-город», «Чистые пруды» и пр.).

По этим причинам кампус МИСиС оказался в декабре социальной пустыней. С кем же говорил антрополог? Прохожих здесь не было. (Куда и зачем здесь при- или проходить, если ты не имеешь отношения к кампусу?). Приходилось семенить с диктофоном в руке за жителем общаги, отработанным уверенным шагом стремящимся через ветер на парковку к своему автомобилю или домой, в желанный теплый подъезд. Лучшими респондентами в таких условиях оказывались курильщики и покупатели шаурмы. Так среднеазиатские гастарбайтеры и рабы вредной зависимости спасли антропологическое исследование, а антрополог получил три дня простуды и обильного насморка.

2. От «Калужской» до «Новых Черемушек» (перекресток ул. Профсоюзная и ул. Наметкина)

Между двумя соседними станциями метро — «Калужской» и «Новые Черемушки» — около двух километров. Если пройти их пешком, становится явным, насколько мозаична здесь городская среда. Два крупных «социальных пятна» публичных мест вокруг станций метро имеют тенденцию увеличиваться, расползаясь кафе, храмами, ярмарками. Особенно это характерно для территории вокруг станции метро «Новые Черемушки», поскольку здесь есть куда расти за счет широкого бульварного пространства. Перекресток у «Калужской» может позволить это себе в гораздо меньшей степени, поскольку втиснут в тиски заборов «почтовых ящиков» и уже построенных торговых центров. Однако и здесь есть широкий зеленый угол — на одной из четырех сторон перекрестка Обручева и Профсоюзной ты оказываешься на острове 1980-х. Все вокруг постепенно застроилось, но это место сохранилось — пустырь, поросший тополями и американскими кленами. В его центре — еще один остров — бензоколонка, все вместе вызывает ощущение окраины, периферии города, как будто бы Беляево только строится, а на месте Конькова и Теплого стана — все еще леса и деревни. Это важное публичное место для автолюбителя, но для антрополога оно представляет собой социальный пустырь; для транзитных водителей, задерживающихся здесь на несколько минут, нужен другой инструментарий, нежели краткий, но все же негодный для этого случая опросник блиц-интервью.

Кого находит здесь антрополог? На «Калужской» он беседует с посетителями ТЦ «Калужский» — теми, кто курит и пьет кофе из бумажных стаканчиков, стоя на небольшой площади между выходами из метро и дверями торгового центра. Курящие и ожидающие автобуса — идеальные информанты для блиц-интервью, если ты исследуешь каменную кишку магистрали. Здесь нет ни людей с собаками, ни мам с колясками, ни спортсменов, ни дышащих свежим воздухом парка пенсионеров. Курение располагает к размышлению и беседе, ожидающим транспорт просто бывает нечем заняться. Больше здесь особо ни с кем не поговоришь: посетители культурного центра «Меридиан», соседствующего с ТЦ «Калужский», жестко связаны конкретной целью — успеть на концерт или столь же быстро забрать или всунуть ребенка на творческую секцию и убежать по делам. Спешащие на концерт — часто не местные, ничего не знающие о районе, спешащие с детьми — заложники своих дел и детей, служащие культурного центра просто не хотят давать интервью («Как бы чего не вышло!»), требуя от антрополога официальный документ, в котором с печатью и подписями было бы ясно прописано, в чьих исследованиях он принимает участие.

Дальше в сторону Черемушек, от «Меридиана» до перекрестка с ул. Наметкина — почти километр закрытых территорий: «почтовые ящики» и здоровенное метродепо, о существовании которого ты не подозреваешь, идя пешком по

Профсоюзной. Единичными каплями в море из бетонных мешков и заборов здесь оказывается пара-тройка кафе в одном из зданий, которое смогло открыть свои прежде закрытые двери секретности сторонним посетителям. Посетители — во многом работники тех же «почтовых ящиков» и «планктон» из подсевших на их площади арендаторов. Проходя этот километр, ты ощущаешь себя в эпохе холодной войны, здесь не к кому подойти на улице, чтобы задать вопросы, поскольку на улице ровным счетом нечего делать — лишь садиться в машину или пройти от нее пять метров до нужной двери.

Эту бетонную стену закрытого мира разрывает автомагистраль улицы Наметкина: на двух сторонах перекрестка — выходы из офисов и «почтовых ящиков», на двух других — скверики, кафе и магазины. Не так, как у метро, конечно, но после километра угрюмой бетонной кишки секретности это — глоток свободы и пятно публичности. И, о чудо, здесь появляются бредущие куда-то пенсионеры и люди с собачками. Еще один местный тип информанта — прохожие, пытающиеся преодолеть перекресток по сложной цепи зебр и светофоров: переходы здесь раздражают, приходится долго ждать, переходить часть и потом опять ждать. Перекресток нельзя перейти сразу, поэтому есть эмоция и есть время, чтобы поговорить с антропологом.

Наиболее значимые полученные результаты

Как было отмечено выше, есть как минимум два масштаба восприятия Профсоюзной: макро (улица воспринимается как магистраль, единая ось, что обычно связано с ее функцией транспортной артерии и актуально для тех, кто регулярно ездит по ней на каком-либо транспорте) и микро (люди, живущие на Профсоюзной или вблизи нее, делят улицу на участки, относящиеся к разным районам, или отрезки от одной станции метро до другой: «Академическая» — «Профсоюзная» — «Новые Черемушки» — «Калужская» — «Беляево» — «Коньково» — «Теплый Стан»).

Горожане отмечают разницу между участками, находящимися ближе и дальше по отношению к центру. Закономерным образом ближе к центру находится более престижное жилье. Однако в случае с Профсоюзной не все равномерно: отрезок в районе метро «Калужская» и «Новые Черемушки» (череда промзон вперемешку с жилыми кварталами) считается непрестижным, неуютным и наименее позитивным местом вдоль шоссе. А южнее, в районе станций метро «Беляево» и «Коньково», снова начинается зона престижного жилья, хотя и более дешевого по сравнению с районом у станций метро «Академическая» или «Профсоюзная». Ближе к метро «Теплый Стан» начинается совсем «спальный» (но уютный, как подчеркивают жители) район, почти лишенный общественных функций — в отличие от Беляева с его культурной жизнью и Конькова, где есть и торговый центр, и бары, и театр.

Однако, на наш взгляд, важнее оказалось то, что мы смогли заметить на микроуровне — на конкретных участках улицы. Приведем несколько примеров.

Четная и нечетная стороны Профсоюзной улицы в районе одноименной станции метро по ощущениям местных жителей сильно различаются.

В первую очередь, конечно, это связано с организацией пространства (близостью/отдаленностью застройки от проезжей части, количеством зеленых насаждений). При этом различия жилой застройки по разным сторонам Профсоюзной могут подчеркиваться апелляцией и к разнице цен на жилье, и к более субъективным факторам: жители считают более престижным, зеленым и приятным местом ту часть, на которой живут и на которой чаще всего находятся (ходят по этой стороне в метро, гуляют в парке/саду и пр.).

В районе гаражей, которые планируется снести и заменить новым общественным пространством, находится голубятня (их в районе несколько), и часть жителей безусловно заинтересована в ее сохранении, в то время как для другой — это наследие прошлого, которое сохранять не стоит. Сейчас о голубятнях в районе знает не очень много людей, и преимущественно это те, кто как-то знаком с голубеводами или замечал их деятельность. Это типичный «внутренний конфликт» района: всегда находятся те, кто против любых изменений, и те, кто безусловно «за». Однако в данном случае на ситуацию вокруг голубятни (которую можно и перенести) наслаивается почти единодушное и сильное беспокойство жителей за «особое свето-воздушное пространство» района и, в том числе, наличие достаточно больших зеленых участков между шоссе и жилой застройкой, благодаря которым близость большой улицы комфортна. С их точки зрения, низкие строения гаражей зеленого цвета органично вписываются в такие буферные зоны, в отличие от того, что может возникнуть вместо них.

Для жителей участков улицы между станциями метро «Беляево», «Коньково», «Теплый Стан» одной из главных ценностей является пространство между домами и зеленые зоны вокруг. В свою очередь, для жителей тех домов, которые примыкают к лесопаркам, дворы не являются местом прогулок, а выполняют функцию, скорее, транзитного пространства и парковки (что вызывает некоторый протест против применения подхода «двор без машин»).

Как правило, люди болезненно относятся к вмешательству извне (даже если называть его «благоустройством») на территорию, которую они считают «своей» (например, двор). Особенно ярко это проявляется во дворах пятиэтажек. Впрочем, хотя часть наших информантов и вспоминает с ностальгией снесенную крытую беседку и погибшие при капремонте кустарники ежевики и крыжовника, а также стол для игр в шахматы и домино, и всячески ругает относительно недавнее «собянинское» благоустройство двора, большинство жителей таких дворов волнует вовсе не благоустройство, а проблема реновации пятиэтажек, в которых они живут. Эти дома было решено не сносить, но, как рассказывают, большая часть жителей, живущих в небольших перенаселенных квартирах, выступает за снос, поскольку считают состояние дома и квартир невозможным для проживания.

С точки зрения архитекторов особенно важными оказались выводы о запросах жителей в конкретных точках и сложившихся практиках использования пространства, особенно если они сопровождались

визуализацией (будь то схема-карта, нарисованная во время наблюдения или деление на зоны на карте территории, обозначенное при написании отчета), однако пока сложно говорить о том, что именно будет использовано при реализации разработанного проекта территории.

Представление результатов заказчику

Результаты предоставлялись в несколько этапов и в разном формате. Оперативные результаты были изложены в ходе личной встречи с проектировщиками, и одновременно были уточнены конкретные участки (пространство у какого-то объекта, сквер или перекресток), с которыми впоследствии мы работали. По итогам первого этапа исследования был представлен отчет в текстовом формате по заранее обговоренной структуре с выделением важных выводов. По второму этапу отчет сдали в тестовом формате .xsl, чтобы постараться включить в отчет большее количество нетекстовой информации и сдавать в более удобном для архитекторов виде (на разных листах были описаны разные точки, в описание включены фото и схемы, и на одном листе была представлена навигация по всей книге. Схем и фото получилось больше, чем обычно, и поэтому файл был очень тяжелый). По нашим ощущениям лучше всего работает устная презентация результатов, но она не исключает полного аналитического отчета, внутри которого в свою очередь наиболее эффективно «работают» выводы с цитатами информантов в табличной или другой краткой форме, карты и фотографии.

Создание безопасной городской среды для бездомных подростков и подростков из неблагополучных семей

Ксения Леонидовна Краснова[1]

✉ ksenia.krasnova.klk@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1638-5737

[1]КБ Стрелка, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Краснова, К. Л. (2019). Создание безопасной городской среды для бездомных подростков и подростков из неблагополучных семей. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 220–228.
DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-220-228.

Разработка архитектурно-градостроительного проекта Общественного административно-образовательного и жилого комплекса на территории существующего центра для бездомных подростков и подростков из неблагополучных семей (TOY) в Шарлотте, Северная Каролина, США, потребовала предпроектных исследований. Специфика работы в этом центре и специфика стиля жизни и проблем посетителей центра требовали тщательного изучения существующей ситуации и проектов-аналогов. Студия Design for Social Justice из Университета Клемсона (США) занималась разработкой методики исследования, проведением исследования и формированием выводов для дальнейших стадий проекта. В результате проведения глубинных интервью, включенного наблюдения, фокус-групп и партисипаторных игр с работниками и юными посетителями центра удалось сформировать уникальную программу и техническое задание на проектирование нового комплекса, которые отражают основные потребности и запросы будущих пользователей. Все решения согласовывались с будущими пользователями на каждом шаге разработки. На основе технического задания был сделан ряд архитектурно-градостроительных проектов и проведена выставка для привлечения внимания и спонсорских средств на реализацию проекта.

Ключевые слова: прикладная антропология, предпроектный анализ, дизайн для социальной справедливости, безопасная городская среда, архитектура, временное жилье, подростки из неблагополучных семей, городская среда для бездомных

Creating safe urban environment for homeless youth from dysfunctional families

Ksenia L. Krasnova[1]

✉ ksenia.krasnova.klk@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1638-5737

[1]Strelka KB, Moscow, Russia

To cite this article:
Krasnova, K. (2019). Creating safe urban environment for homeless youth from dysfunctional families. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 220–228. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-220-228. (In Russian).

The development of the architectural and urban planning project of the Public Administrative, Educational and Residential Complex on the territory of the existing center for homeless youth and teenagers from dysfunctional families (TOY) in Charlotte, North Carolina, USA, required thorough pre-design research. The specifics of work in this Center and the specifics of the lifestyle and problems of the visitors of the Center required both a study of the existing situation in the Center and of similar projects. Design for Social Justice — Studio from Clemson University (USA) was engaged in the development of research methods, research conduction and the formation of conclusions for the further stages of the project. As a result of in-depth interviews, observation on site, focus groups and participatory games with employees and young visitors to the Center, it was possible to form a unique Program and a Brief for designing the new complex that reflects the basic needs and requirements of future users. All decisions were agreed with at every stage of the development. A number of architectural and urban planning projects was carried out based on the Brief and an exhibition was held to attract attention and sponsor funds for the realization of the project.

Keywords: applied anthropology, pre-project analysis, design for social justice, safe urban environment, architecture, temporary housing, youth from dysfunctional families, urban environment for the homeless

Данные о проекте

Студия Design for Social Justice из Университета Клемсона (США) разрабатывала архитектурно-градостроительный проект для некоммерческой организации Time Out Youth из г. Шарлотта, Северная Каролина, которая занимается поддержкой бездомных детей и подростков из трудных семей и планирует открыть новый образовательный центр для сообщества и для обеспечения молодых людей временным жильем. Нетипичный характер проекта требовал проведения предпроектного анализа, включающего этнографические изыскания, работу с фокус-группами, включенное наблюдение и партисипаторные дизайн-техники. Это исследование, позволяющее получить глубокое понимание нужд подростков, дало возможность сформировать продуманную функциональную программу будущего здания, понять неочевидные потребности и желания детей и подростков, которые можно удовлетворить за счет дизайна.

Название организации или имена исследователей: студия Design for Social Justice из Университета Клемсона (США): Джордж Шефер (профессор, доктор архитектуры), Ксения Краснова, Кристиан Браво, Дуглас Шэй, Элизабет Браттон, Харрисон Новак, Кайли Уолкер, Люциан Ростковски-Ковингтон, Рикки Парк, Роберт Нэш, Сара Нэйл, Шон Тедеско, Стэн Джонс.

Название организации заказчика: Некоммерческая организация Time Out Youth из г. Шарлотта, Северная Каролина.

Илл. 1–2. Существующий центр Time Out Youth. Фотография К. Красновой

Сроки проведения: с августа по ноябрь 2018 года.

Место проведения исследования: город Шарлотт, Северная Каролина, США.

Информация о заказчике. Некоммерческая организация Time Out Youth (TOY) обеспечивает образовательную, экономическую и психологическую поддержку несовершеннолетних и молодых людей из неблагополучных семей. Особое внимание уделяется тем, кто оказался без дома. Организация не имеет в собственности жилье и базируется в небольшом здании далеко от центра города Шарлотт, поэтому работает с другими организациями, чтобы найти доступные временные или постоянные варианты проживания для тех, кто к ним обратился, а также помогает молодым людям с поиском работы и адаптацией, организовывает бесплатные ужины, обеспечивает одеждой, медицинской помощью, проводит коллективные развлекательные события.

Существующий центр позволяет организовывать общественные события и активности. Однако существующая площадь недостаточна для нынешнего количества посетителей и желаемого спектра функций. Территория и расположение в городе существующего центра (*Илл. 1, 2*) на данный момент не позволяют проводить встречи на открытом воздухе из соображений безопасности молодых посетителей из-за сложной социальной обстановки в районе, где он расположен.

Как заказчик сформулировал проблему/задачу. Разработка архитектурно-градостроительного проекта нового Общественного административно-образовательного и жилого комплекса на территории существующего центра TOY должна была запустить акцию по сбору средств на расширение площадей и трансформацию центра. Демонстрация возможных проектов на существующей территории (выставки и буклеты) должны были использоваться для привлечения спонсоров.

Когда TOY обратились в студию Design for Social Justice Университета Клемсона, у организации не было никаких конкретных запросов и требований на момент начала сотрудничества, кроме необходимости расширения площади существующего центра и создания жилых помещений для молодых клиентов-посетителей центра. С этого момента стало понятно, что предпроектное исследование, включающее в себя антропологический и архитектурно-градостроительный блоки, станет фундаментом для формирования программы нового центра и технического задания на проектирование.

Информация об исследователях. Мультикультурная команда исследователей и проектировщиков состояла из людей разного профессионального опыта и возраста. Так в одном проекте удалось сочетать сразу несколько подходов к исследованию и решению задач. В команде были специалисты с опытом предпроектных исследований, реализации градостроительных и архитектурных проектов, разработки интерактивной среды для детей и взрослых, архитекторы, члены команды с антропологическим и инженерным образованием.

Методология исследования

На моменте разработки исследования и проекта было решено остановиться на нескольких методах, которые были утверждены с заказчиком и были самыми удачными для достижения поставленных целей:

— полуструктурированные групповые интервью;

— включенное наблюдение и архитектурно-градостроительный анализ;

— партисипаторные игры;

— изучение аналогов.

Полуструктурированные групповые интервью были выбраны как наиболее комфортный для целевой аудитории проекта формат (с учетом того, что все беседы записывались на диктофон). Молодые люди/дети, находящиеся в сложных социальных/психологических условиях, по словам работников организации TOY, которые были для команды исследователей очень полезными источниками информации, знающими особенности аудитории, безопаснее себя чувствуют в знакомой компании, а не один на один с интервьюерами. Беседы с детьми/подростками были нужны также для того, чтобы они почувствовали себя значимыми участниками процесса проектирования, поняли, что их мнение важно. Для многих это был первый подобный опыт, и внимание к их проблемам само по себе было социально важным для них. Для проведения интервью были выбраны самые взрослые посетители центра, находящиеся в самых сложных обстоятельствах — бездомные и безработные, без связи с семьей. Это целевая аудитория и социального центра, и будущих блоков временного проживания. Эта группа, в силу возраста, могла максимально подробно описать свой опыт по следующим важным для исследования разделам:

— сложности жизни без дома (на улице или в машине — в США зачастую подростки и молодые люди могут остаться без дома, но сохранить машину),

— обращения в различные организации за помощью,

— проживание во временном жилье,

— опыт поиска работы и недостатка образования и практических знаний,

— опыт обращения в TOY, плюсы и минусы существующего здания, его территории, окружающего района, существующей программы и функционального зонирования здания,

— сценарии посещения центра.

Полуструктурированные групповые интервью также проводились со служащими организации TOY, чтобы понять их запросы и видение будущего центра. Индивидуальные интервью могли бы быть более информативны, однако, в связи с ограниченным временем, от этого формата пришлось отказаться. Специфика сплоченного коллектива увлеченных, уникальных и очень открытых людей благотворительной

Илл. 3. Один из коллажей, созданный во время партисипаторного дизайна. Фотография Л. Ростковски-Ковингтона

организации, где каждый прошел через сложности становления, сходные с проблемами молодых посетителей центра, позволила понять не только операционные аспекты центра, но и лучше разобраться в проблемах молодых людей, которые обращаются в центр за помощью. В ходе интервью были рассмотрены следующие вопросы:

— видение развития центра,

— ежедневные практики и сценарии взаимодействия служащих и детей,

— недостатки и преимущества существующей среды и здания,

— понимание существующей и желаемой программы центра (желание создать «Хогвартс для бездомных молодых людей»).

Все интервью проводились в центре, что тоже давало лучшее понимание процессов, которые происходят там каждый день.

Включенное наблюдение дало возможность понять существующую программу здания, особенности взаимодействия работников центра и детей/молодых людей/посетителей. Зачастую сами работники и дети не могли четко сформулировать и описать все виды деятельности и отношения, которые для них важны, или пространственные проблемы, которые были очевидны при наблюдении изнутри. Так, например, неожиданно важными для работников являлись «видовые коридоры» — возможность видеть активность детей и подростков и одновременно переговариваться с коллегами в разных помещениях. Также, с точки зрения безопасности, был важен постоянный просмотр зоны подъезда к зданию и прогулочной территории центра. Было важно понять, как осуществляется пересечение потоков посетителей и служащих, что им удобно, что неудобно.

На основе данных интервью, включенного наблюдения и запросов была сформирована первичная функциональная программа нового центра (для жилого блока и для административно-общественного блока) и техническое задание на проектирование. Однако для продолжения работы над проектами развития территории было необходимо дальнейшее подкрепление проектных решений и проверка сделанных выводов на будущих пользователях и заказчиках. Для этой цели использовались другие методы исследований, которые можно назвать партисипаторными.

Партисипаторное проектирование в игровой форме позволило вовлекать детей и подростков в процесс формирования программы, технического задания для здания, а потом и самого проекта. Этот процесс также нес ценный для этой аудитории развлекательный и образовательных характер — большинство детей с радостью участвовали в необычном и важном для них процессе, который был организован для учета их мнения. Совместные обсуждения, коллажирование, работа с картинками-аналогами, рисовка эскизов, моделирование — все это позволило увидеть и учесть повторяющиеся «сюжеты» и запросы, которые в устной форме детьми не были/не могли быть сформулированы (*Илл. 3*). Результатом стала доработка и уточнение функциональной программы здания, понимание предпочитаемого дизайна и атмосферы. Среди прочего стали понятны важные для большинства основополагающие для дизайна принципы формирования характера среды: например, пожелание иметь современное благоустройство, которое недоступно и небезопасно для целевой аудитории в городе. Важной темой стало городское равноправие и свобода — возможность «быть самими собой не только внутри центра, но и снаружи, как и другие горожане». Еще одной темой стало понимание важности телефонов для целевой аудитории в силу отсутствия дома и других источников информации о еде и доме. Телефон является самой важной и поддерживающей вещью в жизни многих молодых людей. Однако, когда центр не работает, доступ к зарядным устройствам закрыт, и это создает сложности.

Решением стало предложение по организации зарядных станций на улице вокруг центра и возможности заряжаться от небольших и недорогих солнечных панелей.

Изучение аналогов (приютов для бездомных и людей в кризисных ситуациях) и интервью с организаторами и посетителями этих объектов позволило выявить удачные и неудачные программные и пространственные проектные решения.

Ход исследования и результаты

Как проходило исследование. В целом работа проходила эффективно для исследователей и была полезна для организации TOY. Организация начала формировать свое видение с помощью наших исследований, потом это помогло сделать техническое задание и программу максимально соответствующими ее запросам и потребностям. Изначальную небольшую настороженность детей удалось быстро преодолеть в процессе общения и «игр».

Единственным форматом, который не дал результатов, оказался сайт, на котором демонстрировался процесс исследования и проектирования. Сбор обратной связи через сайт был дополнительным форматом, который не планировалось использовать изначально. Тестирование этого метода показало его неэффективность в сравнении с прочими, перечисленными выше форматами.

Наиболее значимые полученные результаты. На основе исследования была сформирована программа, техническое задание на проектирование и разработано несколько архитектурных проектов, сделанных по этому заданию. Не перечисляя всех выводов и рекомендаций на основе исследования, можно назвать несколько важных аспектов в качестве примеров.

Для молодых посетителей центра очень важным было не только жилье и расширение помещений, но и безопасное, удобное и современное общественное пространство на открытом воздухе, в связи с тем, что они не чувствуют себя свободно в городе в существующей среде, но хотели бы иметь такое же, как и у всех остальных жителей, право на городское пространство. Важным результатом стали сформулированные запросы подростков, касающиеся характеристик общественных пространств, которые они хотели бы видеть в центре.

Еще одним важным результатом стали выявленные запросы по отношению к временному жилью. По результатам исследования стало понятно, что оно должно быть разных форматов (от индивидуального дома до студенческого формата жилья) для разных посетителей. Одним важна автономность и возможность подготовиться к взрослой жизни, другим необходимы социализация и чувство сообщества, которого им не хватает. Новые постройки должны производить впечатление кампуса или полноценного современного городского района. Запросы на определенный стиль жизни позволили сформулировать предпочтения по эстетике, стилю и выбору строительных материалов для проекта.

Представление результатов заказчику. Результаты были представлены заказчику в несколько этапов: сначала был показан блок предпроектных исследований, а затем прошла презентация проектного блока. Оформленное исследование с результатами и выводами были презентованы заказчику лично и отправлены в цифровом варианте на просмотр и внесение комментариев. Заказчик и потенциальные пользователи-молодые люди были согласны с результатами исследования и довольны разработанными проектами. Обратная связь по визуальным и текстовым материалам была собрана, по этим результатам в проекты были внесены минимальные изменения.

Дальнейшая судьба исследования

Разработанные проекты и исследование были представлены на выставке и стали для организации TOY поводом для привлечения спонсоров и одобрения запуска проекта перепланировки в администрации города. Сбор средств и согласование находились в процессе на момент начала 2020 года.

Антропологическое исследование сферы потребления коммунальных услуг для «Мій Дім Онлайн»

Оксана Владимировна Овсиюк[1]

✉ kovsiyuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6377-1756

[1]Центр прикладной антропологии, Киев, Украина

Елена Владимировна Соболева[1]

✉ olena_soboleva@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-4136-0665

[1]Центр прикладной антропологии, Киев, Украина

Тина Витальевна Полек[1]

✉ tina.momot@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5244-2095

[1]Центр прикладной антропологии, Киев, Украина

Для цитирования статьи:
Овсиюк, О., Соболева, Е., Полек, Т. (2019). Антропологическое исследование сферы потребления коммунальных услуг для «Мій Дім Онлайн». *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 229–235.
DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-229-235.

В данной статье представлены результаты антропологического исследования, проведенного для облачного сервиса расчета абонентских начислений «Мій Дім Онлайн». Задачей исследования было изучить основные потребности жильцов украинских многоквартирных домов и коттеджных городков в сфере получения жилищно-коммунальных услуг и управления домом, а также опыт коммуникации жильцов с организациями, отвечающими за предоставление таких услуг. Исследование проводилось в городе Ирпень, одном из городов-спутников Киева. В результате удалось не только типизировать пользователей коммунальных услуг в городе в зависимости от способа управления домом, но и углубиться в контекст, влияющий на механизмы потребления этих услуг. В рамках исследования были проанализированы недостатки и преимущества разных типов управления домами: государственные и частные управляющие компании, ОСМД. Оказалось, что управляющие компании больше всего подходят людям, не желающим принимать активное участие в управлении домом, ведь им удобно просто заплатить четкую сумму и получить соответствующую услугу. Однако частные управляющие компании часто обвиняют в непрозрачности политики формирования счетов и мошенничестве. В то же время, ОСМД, напротив, больше подходит людям, желающим принимать участие в жизни своего дома. Ведь такая форма организации предусматривает активное взаимодействие с соседями и общую работу по улучшению своего быта. Помимо формальных организаций в Ирпене также обнаружен целый ряд неформальных способов управления домами, реализуемых авторитетами соседских сообществ. В рамках исследования была проанализирована специфика

коммуникации с организациями, обеспечивающими управление домом и предоставление коммунальных услуг, изучены особенности коммуникации между жителями по поводу управления домом, формальные и неформальные способы такого общения. Отдельным важным блоком исследования стало изучение практик оплаты коммунальных услуг — «онлайн-банкинга» и оплаты услуг через отделение банка. В результате был проанализирован уровень готовности использования онлайн-систем управления жилищным хозяйством, выявлены точки напряжения между жильцами разных поколений и мировоззрений. В рамках рекомендаций был составлен перечень потребностей жильцов украинских многоквартирных домов и коттеджных городков в сфере получения коммунальных услуг и управления домом, которые могут быть закрыты онлайн-сервисом.

Ключевые слова: коммунальные услуги, ОСМД, управляющая компания, формальность, неформальность

An anthropological study of utilities consumption for "My Home Online"

Oksana V. Ovsiyuk[1]

✉ kovsiyuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6377-1756

[1]Centre for Applied Anthropology, Kyiv, Ukraine

Olena V. Soboleva[1]

✉ olena_soboleva@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-4136-0665

[1]Centre for Applied Anthropology, Kyiv, Ukraine

Tina V. Polek[1]

✉ tina.momot@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5244-2095

[1]Centre for Applied Anthropology, Kyiv, Ukraine

To cite this article:
Ovsiyuk, O., Soboleva, O., Polek, T. (2019). An anthropological study of utilities consumption for "My Home Online". *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 229–235. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-229-235. (In Russian).

This article presents the results of an anthropological study of utility sector, conducted for the cloud-based subscription service "My Home Online". The purpose of the research was to study the basic needs of the residents of Ukrainian apartment buildings and cottages concerning housing, communal services, and home management, as well as their experience of communicating with organizations responsible for providing such services. The study was conducted in Irpin, a town located in the suburbs of Kyiv. As a result, we were able not only to classify utility users depending on their preferred way of home management but also to delve deeper into the context that influenced the mechanisms of consumption of these services. The study analyzes both the advantages

and disadvantages of different types of home management: public and private home management companies, apartment blocks joint owners associations. Home management companies, it turns out, are most suitable for people who do not want to participate actively in the process of the house management because it is much more convenient for them to simply pay a known amount of money and get appropriate services. However, private home management companies are often accused of underhanded billing policies and fraud. Apartment blocks joint owners associations, for their part, will suit people who want to participate in home management. After all, this form of organization involves active interaction with neighbors and cooperation aimed at improving their living. In addition to formal organizations in Irpin, a number of informal ways of managing homes implemented by the authorities of neighborhood communities are also identified. The research analyzes the specifics of communication with organizations providing home management and utilities, considers the features of communication concerning home management between neighbors, formal and informal ways of such communication. Another important block of the research is the study of payment practices for utilities — "online banking" and payment services in bank offices. As a result, the level of readiness to use online housing management systems was analyzed, and points of tension between residents of different generations and worldviews were identified. The research includes some recommendations for the online service, containing the list of needs of the residents of Ukrainian apartment buildings and cottages in regard to public utilities and home management.

Keywords: utilities, apartment blocks joint owners association, home management company, formality, informality

Данные о проекте

Сроки проведения: апрель-июнь 2017 года

Место проведения исследования: Город-спутник Киева

Информация о заказчике: Мій Дім Online — облачный сервис для расчета абонентских начислений, разработанный ИТ-компанией Мій Дім Онлайн, созданный, чтобы автоматизировать работу бухгалтера и руководителя ОСМД (объединения совладельцев многоквартирного дома), ЖСК (жилищно-строительного кооператива), управляющей компании или любого другого коммунального предприятия.

Как заказчик сформулировал проблему/задачу: задача исследования — изучить основные потребности жильцов украинских многоквартирных домов и коттеджных городков в сфере получения жилищно-коммунальных услуг и управления домом, а также их опыт коммуникации с организациями, которые отвечают за предоставление услуг по управлению домом.

Информация об исследователях: Елена Соболева — антрополог, к. и. н., глава Центра прикладной антропологии; Оксана Овсиюк — антрополог, к. и. н., заместитель главы Центра прикладной антропологии; Тина Полек — антрополог, к. и. н.

Методология исследования

Исследование было выполнено с помощью этнографического метода. В частности, проводились глубинные полуструктурированные интервью с жителями города Ирпень. Выборка: 15 человек. Пол: 8 женщин, 7 мужчин. Возраст: 12 молодых людей 27–37 лет и 3 человека старшего возраста (50+). Место проживания: 10 человек «до переезда», 5 человек «за переездом»[1]. Также для сбора данных использовалось наблюдение за повседневной жизнью горожан и работой организаций, отвечающих за управление домашним хозяйством и предоставление коммунальных услуг. Например, проводилось наблюдение за работой «Центра оказания административных услуг» городской администрации[2]. Исследование фокусировалось на изучении актуального опыта и бытовых практик жильцов как многоквартирных домов, так и частного сектора.

Кроме того, были проведены экспертные интервью с сотрудниками организаций, отвечающих за управление домашним хозяйством, представителями городской власти.

Анализ данных проводился с помощью метода тематической сетки.

Как проходило исследование

Необходимость в антропологическом анализе повседневных практик непосредственных пользователей коммунальными услугами была продиктована тем, что именно жильцы формируют основные требования к ресурсу и могут влиять на выбор формы управления жилищным хозяйством и коммунальной системой.

Исследование было направлено на изучение моделей поведения, ожиданий и потребностей пользователей, их мотивации во время выбора тех или иных сервисов по управлению домом и коммунальным хозяйством, а также выяснение уровня удовлетворенности существующими услугами.

Этнографическое исследование предусматривает глубокое погружение в повседневность, поэтому для нас было важно не просто проводить интервью, но и присутствовать в городской жизни. Мы посещали наших респондентов дома, просили об экскурсиях по своему двору и району. Также отдельным направлением работы стало исследование деятельности «Центра оказания административных услуг» и ряд экспертных интервью с представителями городской власти.

Основной трудностью исследования было отсутствие доступа к виртуальной коммуникации жителей, зачастую происходящей в мессенджере Viber. Не являясь жильцами изучаемых домов, мы не имели доступа

[1] Железнодорожный переезд делит город на две части.

[2] «Центр оказания административных услуг» — это государственное учреждение, оказывающее различные административные услуги по принципу единственного окна и прозрачного офиса. Создаются такие центры при городских советах. Жители города могут там получить нужные справки, зарегистрировать место жительства, решить коммунальные проблемы и т. д. См. http://cnap.imr.gov.ua/

к этому важному источнику. Поэтому мы были вынуждены долго расспрашивать респондентов о том, какие вопросы поднимаются в переписках, как проходит обсуждение и т. д. Увы, тон общения, шутки и локальные герои остались для нас неизвестными. Также нам не повезло попасть на офлайн-собрания жильцов. К счастью, у людей во время нашего исследования не возникало особых проблем, но, к сожалению для нас, это не позволило нам погрузиться в увлекательный мир живых соседских обсуждений.

Наиболее значимые результаты

Исследование помогло не только типизировать пользователей коммунальных услуг в городе в зависимости от способа управления домом, но и углубиться в контекст, влияющий на механизмы потребления таких услуг. В результате исследования были проанализированы недостатки и преимущества разных типов управления домами: государственные и частные управляющие компании, ОСМД.

Управляющие компании. Многие новостройки в Ирпене сразу после введения в эксплуатацию передаются в управление частным компаниям, которые ассоциируются с компаниями-застройщиками. Также в Ирпене несколько раз была дележка бизнеса управляющих компаний, поэтому дома часто переходили из рук в руки. Этому, в частности, способствовала практика автоматической передачи дома в управляющую компанию застройщика, иногда на невыгодных условиях — потом оказывалось, что от нее довольно сложно отказаться. Некоторые респонденты высказывали свое недоверие частным управляющим компаниям. Их обвиняли в непрозрачности политики формирования счетов, иногда подозревали в мошенничестве.

Управляющим компаниям отдают предпочтение люди, не желающие принимать активное участие в управлении домом. Для них удобно заплатить четкую таксу и получить соответствующую услугу. В некоторых случаях респонденты описывают попытки (удачные или безуспешные) ухода от частных управляющих компаний и создания ОСМД.

ОСМД. Половина наших респондентов, которые живут в многоквартирных домах, как малоэтажных, так и многоэтажных, создавали ОСМД. Частично это связано с тем, что управляющие компании не желают связываться с проблемной застройкой, а жилье эконом-класса довольно часто оказывалось именно проблемным. Например, по документам дом сдан в эксплуатацию, а на самом деле нет. Или же отсутствуют документы на счетчик, или многоквартирный дом построен на земле, отведенной под строительство частного дома. Второй причиной создания ОСМД является желание активных горожан участвовать в управлении домом, а также попытка уйти от управляющих компаний, которые связывают с недобросовестным застройщиком. В то же время для небольших домов выгоднее большая управляющая компания, так как жители не могут собрать достаточно денег на зарплату управляющему домом. Оценка деятельности ОСМД в основном позитивная. Респонденты

воспринимают ОСМД как что-то свое. Возникает мотивация вкладывать личные ресурсы (время, деньги, активность).

Помимо формальных обнаружен целый ряд неформальных способов управления домами, реализуемых авторитетами соседских сообществ. Например, в Ирпене существует практика юридического оформления застройщиками многоквартирных малоэтажных домов (2–5 этажей) как частных. Возможность качественного управления такими жилищными объектами значительно ограничена. В таких случаях на главное место выходят неформальные практики коммуникации в решении ежедневных коммунальных вопросов и обычное право.

> Леонідовна — це у мене старша сусідка, вона сама старша. Це вона займається громадським... ну, ми трошки доплачуємо їй. Займається цими бумагами, документами, їздить на зустрічі всякі. І вона очолює цей... як староста, від нас представник[3].

Затем, была проанализирована специфика коммуникации с организациями, которые обеспечивают управление домом и предоставление коммунальных услуг (офлайн-встречи, общение по телефону и т. д.): как решаются конфликты, как происходит рутинное общение, какие существуют точки напряжения в такой коммуникации, — и изучена специфика коммуникации между жителями по поводу управления домом, формальные и неформальные способы организации такого общения (группы в Viber, Excel-документы, объявления у подъезда и т. д.).

Отдельным важным блоком исследования стало изучение практик оплаты коммунальных услуг. Интервью показали, что респонденты выбирают два основных способа. Первым является «онлайн-банкинг», предпочитаемый теми, кто ***не придает большого значения необходимости получать и сохранять доказательство*** об оплате после каждой проведенной операции.

> Ні, нічого не роздруковуємо, взагалі ніяк, отак заплатили і все. В «Приваті» ж там можна через якийсь час передивитися. В кінці місяця вони вивішують перелік боржників. Сам ЖЕК вивішує. Там перевірили — нас немає, все пройшла платьожка[4].

Второй способ — оплата услуг через отделение банка. Люди, отдающие предпочтение такому варианту, чаще всего говорят о ***надежности*** такого способа и ***немедленной гарантии*** подтверждения оплаты (указывают на важность сохранности квитанций).

> Мне казалось и кажется, что есть бумажка, штамп стоит и тогда никто уже не оспорит, что ты это заплатил[5].

[3] [Леонидовна — это у меня старшая соседка, она самая старшая. Это она занимается общественным... ну, мы немного доплачиваем ей. Занимается этими бумагами, документами, ездит на встречи всякие. И она возглавляет этот [дом]... как староста, от нас представитель]. Николай — м., 1947, пенсионер.

[4] [Нет, ничего не распечатываем, вообще никак, так вот заплатили, и все. В «Привате» можно потом пересмотреть. В конце месяца они вывешивают перечень должников. ЖЭК вывешивает. Там проверили — нас нет, все, прошла платежка]. Марина — ж., 1981, работница музея.

[5] Карина — ж., 1979.

Исследование показало, что пользователи коммунальных услуг продемонстрировали относительно высокий уровень готовности использовать онлайн-системы управления жилищным хозяйством. Среди молодежи и жильцов среднего возраста было понимание и готовность платить за качественные услуги в сфере ЖКХ. В то же время активные молодые потребители услуг демонстрировали определенный скепсис по поводу возможности внедрения современных форм управления в жилищной сфере. Этот скепсис связывается с отсутствием позитивного опыта использования современных технологий в управлении ЖКХ и коммуникаций между субъектами коммунальной системы. А сама система ЖКХ имела стойкие ассоциации с устарелой советской структурой.

Кроме того, было выявлено определенное напряжение между жильцами разных поколений и мировоззрений. В то время, когда молодежь уже хотела менять свой быт и вносить изменения в практики управления жильем, люди в возрасте не были готовы к цифровым новшествам.

> Они — люди пожилого возраста — они не умеют пользоваться интернет-банкингом, еще чем-либо. Им сложно рассказать, а еще более сложно им пользоваться функциональностью всех этих вещей. Ну, они инертны к этому. Они привыкли принести платежку на ту же Укрпочту, проплатить. Они привыкли, что им поставят штамп, и это будет оплата. Фиксация штампом, простоять в очереди три часа. Для меня это загадка, но это присутствует, это существует. Это наша беда, нашего общества, я по пенсионерам смотрю нашего отделения, но это есть. Вот я не знаю, как им пользоваться тем же онлайном, нет такого. И не будет в ближайшее время. Это было бы супер[6].

Потенциальные пользователи нуждались в приобретении позитивного опыта использования цифровых сервисов в сфере коммунального хозяйства. Поэтому заказчику было рекомендовано сосредоточиться на продвижении продукта в районах с новостройками, где есть высокий спрос на качественные услуги в сфере ЖКХ, и организовывать обучающие семинары, лекции и курсы для потенциальных пользователей облачных систем управления жилищным хозяйством.

Наконец, был составлен перечень потребностей жильцов украинских многоквартирных домов и коттеджных городков в сфере получения коммунальных услуг и управления домом, которые могут быть закрыты онлайн-сервисом.

Результаты, их представление и использование

Результаты были представлены в виде презентации Power Point. Чувствовался живой интерес со стороны заказчика — во время презентации возникали идеи по поводу использования результатов исследования для усовершенствования сервиса.

Результаты исследования не были представлены публично. На основании отчета были предприняты управленческие решения относительно разработки нового функционала для обеспечения коммуникации руководства и жителей ОСМД.

[6] Валентин — м., 1983, сотрудник банка.

Басманный район в представлениях и повседневных практиках жителей: исследование по заказу музея

ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ КУПРИЯНОВ[1]

✉ KUPRIANOV-PS@YANDEX.RU
ORCID: 0000-0001-9856-3159

[1]Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Куприянов, П. С. (2019). Басманный район в представлениях и повседневных практиках жителей: исследование по заказу музея. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 236–243. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-236-243.

Статья посвящена прикладному антропологическому исследованию, проведенному в 2018 году в Москве. Оно выполнялось в рамках социокультурного проекта «Музей Басманного района г. Москвы», называлось «Басманный район в представлениях и повседневных практиках жителей» и было направлено на выявление, описание и анализ представлений жителей данного района об этом пространстве: его структуре и границах, а также о социальных, архитектурных, историко-культурных и других особенностях. В статье излагаются задачи и методы исследования, описываются принципы работы, приводятся наиболее значимые результаты, отмечаются некоторые технические и методические ограничения и сложности, обусловленные внешними условиями и прикладным характером работы. В заключении автор отдельно останавливается на научной значимости полученных результатов и отмечает их частичную и выборочную востребованность заказчиком: те результаты, которые имели количественное выражение или были более или менее определенными и однозначными, оказались востребованы гораздо больше, чем качественные, наиболее ценные с научной точки зрения. По предположению автора, причина такой диспропорции заключается в избыточной сложности «картины», выявленной в ходе исследования: наблюдения, описывающие сложный и противоречивый характер отношения человека с пространством, с трудом конвертируются в простую и наглядную схему, востребованную в формате социокультурного проекта.

Ключевые слова: Басманный район, прикладная антропология, городское пространство, местное прошлое, методы исследования

Статья публикуется в соответствии с планом НИР Института этнологии и антропологии РАН.

The Basmanny district in perception and everyday practices of the residents: A study commissioned by a museum

Pavel Kupriyanov[1]

✉ kuprianov-ps@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9856-3159

[1]Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

To cite this article:
Kupriyanov, P. (2019). The Basmanny district in perception and everyday practices of the residents: A study commissioned by a museum. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 236–243.
DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-236-243. (In Russian).

The article dwells on applied anthropological research conducted in Moscow in 2018. The research, titled "Basmanny district in perception and everyday practices of the residents", was carried out as a part of the socio-cultural project "Museum of the Basmanny district of Moscow", and was aimed at identifying, describing and analyzing the views of the area's residents concerning this space: its structure and borders, as well as social, architectural, historical, cultural and other features. The article describes the tasks, methods and principles of the research, lists out the most significant results, and provides some notes on certain technical and methodological limitations and difficulties caused by various circumstances and the applied nature of the work. In the conclusion, the author specifically dwells on the scientific significance of the results obtained and notes the partial and selective customer demand for them: those results that had a quantitative expression or were more or less definite and unambiguous were in demand much more than qualitative ones, the most valuable from a scientific point of view. According to the author, the reason for this disparity lies in the excessive complexity of the "picture" revealed in the course of the study: observations describing the complex and contradictory nature of a person's relationship with a space are difficult to convert into a simple and visual scheme that is in demand in the format of a socio-cultural project.

Keywords: Basmanniy district, applied anthropology, city space, local past, research methods

The article is published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS.

Прикладное антропологическое исследование «Басманный район в представлениях и повседневных практиках жителей» проводилось в рамках социокультурного проекта «Музей Басманного района г. Москвы», определившего задачи, формат и сроки работы. Его официальным заказчиком было Эколого-культурное объединение «Слобода», а исполнителем — сотрудник ИЭА РАН П. С. Куприянов. По условиям заказчика, срок исследования был ограничен тремя месяцами, оно проводилось с 1 декабря 2017 года по 31 марта 2018 года и традиционно состояло из трех этапов: подготовительного (составление программы

исследования, разработка инструментария, поиск информантов, сбор материала по истории и топографии района), основного (сбор и частичная обработка полевого материала) и заключительного (обработка и анализ).

В 2017 году Эколого-культурное объединение «Слобода» — одна из старейших градозащитных и краеведческих общественных организаций в Москве — инициировало социокультурный проект «Музей Басманного района г. Москвы». Его концепция основывалась на популярной идее музея под открытым небом, однако ею не исчерпывалась: предполагалось, что «экспонатами» этого виртуального музея должны стать не только исторические или архитектурные памятники, но и туристические маршруты, и культурные проекты, и даже частные истории. В целом будущий музей мыслился именно как музей локального сообщества, ориентированный, прежде всего, на местных жителей и создаваемый при их активном участии. Такая социальная (едва ли не антропологическая) установка потребовала более близкого знакомства с аудиторией проекта, для чего и было предпринято данное исследование. Оно мыслилось как первый этап проекта, предшествующий собственно формированию музейных «экспозиций».

При твердой уверенности в необходимости исследования, у заказчика не было отчетливого представления о конкретных вопросах, ответы на которые оно должно было дать. В общем виде предполагалось, что его предметом должны стать представления жителей Басманного района об этом пространстве — его структуре и границах, а также о социальных, архитектурных, историко-культурных и других особенностях. Конкретные же **задачи исследования** были сформулированы (как это часто бывает) при непосредственном участии исследователя и заключались в следующем:

– выяснить, какова степень освоенности территории Басманного района местными жителями и осведомленности о ней;

– выявить вернакулярные зоны/пространства внутри Басманного района (и установить их соотношение с историческими частями города);

– охарактеризовать роль и функцию историко-культурного компонента в образе пространства;

– выявить круг лиц, сюжетов и образов, связанных в сознании жителей с Басманным районом;

– установить наиболее значимые, по представлениям респондентов, историко-культурные объекты (здания, места) на территории района;

– выяснить, каковы потребности и запросы жителей в этой области.

Для решения указанных задач использовались **методы** анкетного опроса, полуструктурированного интервью и блиц-интервью на улице. Каждый из них был сфокусирован на отдельных аспектах исследования, и в совокупности они позволили решить поставленные задачи.

Анкетный опрос был направлен преимущественно на изучение представлений горожан о местной истории и культуре и выявление их

мнений и запросов в области историко-культурного развития территории. Он позволил получить массовые данные по ключевым для данного проекта вопросам. Анкета распространялась как в электронном виде (на платформе Google) — через соцсети, электронную почту, публикацию на сайтах, — так и в бумажном: в библиотеках, центре социального обслуживания, советах ветеранов, досуговых клубах, на избирательных участках. Бумажные варианты специально заносились в электронную форму для последующего анализа. Важно подчеркнуть, что использование в исследовании анкетного опроса изначально было обусловлено желанием заказчика получить более или менее массовые данные по некоторым ключевым вопросам, хоть в каком-то приближении позволяющие судить об общих тенденциях в исследуемой теме.

Основным методом исследования было полуструктурированное интервью. По сравнению с анкетой, оно охватывало более широкий круг вопросов, в который включались не только составляющие историко-культурного образа района, но и географические представления информанта, описание его повседневных практик и маршрутов, характеристика пространства района в разных аспектах. Важная задача полуструктурированного интервью состояла в детальной реконструкции того, как информант воспринимает «свое» пространство, в выявлении индивидуальных ассоциаций, образов и отношения к разным его частям. Кроме того, значительное внимание уделялось личным/семейным воспоминаниям, так или иначе связанным с пространством района. В результате глубинные интервью позволили получить материал не только для формирования экспозиции музея Басманного района, но и для более детальной интерпретации некоторых данных анкетного опроса.

Интервью проводилось среди жителей Басманного района, однако этот критерий не был абсолютным: среди информантов были и те, кто проживает по соседству, но активно использует территорию Басманного в повседневной жизни, и те, кто в настоящее время живет в другом месте, но сохраняет прежнюю пространственную идентичность. Поиск информантов осуществлялся преимущественно через знакомых и «методом снежного кома». Также при отборе информантов было важно по возможности обеспечить их равное соотношение по половому, возрастному, территориальному критерию (чтобы были представлены жители разных частей района). Наряду с «рядовыми» горожанами, в число интервьюируемых были включены люди, специально интересующиеся местной историей и культурой, а также несколько «экспертов» (краеведов, искусствоведов), в силу своих профессиональных занятий обладающих специфической оптикой и представлениями об исследуемом пространстве.

Наряду с интервью, исследование включало также блиц-опросы на улице. Они проводились в трех местах: парке «Горка» на Спасоглинищевском переулке, на Чистых прудах и в Саду имени Баумана — наиболее популярных открытых рекреационных площадках района. Основная задача таких блиц-интервью заключалась в том, чтобы выяснить, какую роль в образе места играют исторические ассоциации, насколько они

значимы, воспринимается ли это место как преимущественно историческое или нет; насколько вообще в образе данного конкретного места важна историческая составляющая, и с какими конкретными сюжетами (событиями)/лицами/эпохами это место ассоциируется. По тематической направленности блиц-интервью соответствовали анкетам, однако данный метод был направлен на исследование той же темы (роли историко-культурного компонента в образе пространства) в ином масштабе и контексте: применительно к конкретному месту и непосредственно на местности.

Некоторые **ограничения и сложности**, возникшие по ходу работы, были обусловлены именно прикладным характером исследования, точнее, внешними условиями и запросами заказчика. Прежде всего, это было связано со сроками работы. Так, изначально исследование планировалось на раннюю осень и предполагало более широкое использование уличных блиц-интервью, однако в силу непреодолимых обстоятельств оно было перенесено на зимний период, что заставило несколько скорректировать программу. Кроме того, формальным условием заказчика было проведение исследования в довольно короткий срок (4 месяца), что при объеме работ и немногочисленности исследовательской команды (1 человек) представляло известную сложность. Это ограничение потребовало от исследователя изрядной мобилизации и заставило прибегнуть при проведении анкетного опроса и блиц-интервью к помощи волонтеров проекта. К слову, нельзя не отметить лояльность и всемерную помощь заказчика, позволившую решить в срок все поставленные задачи.

Пожалуй, самой трудоемкой частью исследования стала работа с анкетой, причем на всех этапах, от формулировки вопросов до итоговой обработки. Стремление максимально увеличить «чувствительность» анкеты как исследовательского инструмента заставляло подходить к выбору типа вопросов, их формулировке и определению очередности предельно внимательно. Вопреки ожиданиям существенной проблемой стал поиск респондентов: для достижения минимального показателя (300 анкет) пришлось задействовать не только личные и деловые связи исследователя, но и партнерские ресурсы заказчика, что в некоторых случаях было довольно результативно: так, наличие среди партнеров проекта Управы Басманного района облегчило организацию опроса на пунктах для голосования во время выборов президента РФ. В то же время во избежание «перекоса» выборки приходилось ограничивать использование каналов заказчика при поиске респондентов.

Наряду с упомянутыми «техническими» проблемами в ходе работы пришлось столкнуться с некоторыми сложностями методического плана. Речь идет об определенных эффектах, производимых темой и названием проекта, на процесс сбора материала. Описание проекта, изложение темы, целей и задач исследования в известной мере форматировало получаемые ответы. Само слово «музей», неизбежно упоминаемое в преамбуле (интервью или анкеты), настраивало собеседника на определенный лад, актуализируя тему наследия и заставляя вспоминать местную историю и «замечать» памятники. Схожий эффект

производили и слова «Басманный район»: они сами собой задавали определенные категории рассуждения и рассказа и ту пространственную рамку, в которую информанту предлагалось «вписать» свой опыт. Эти известные эффекты присущи любому исследованию, однако если в иных случаях они могут быть более или менее радикально снижены риторическими средствами (более аккуратной формулировкой вопросов и описанием задач исследования), то в данном случае избежать ключевых слов «музей» и «Басманный район» было невозможно. Вместе с тем, при всей значимости указанных эффектов их не стоит преувеличивать; разумеется, они не определяют ответы респондентов целиком. К тому же в процессе интервью заданные рамки могут корректироваться (впрочем, в разной степени: как показывает опыт, пространственный «прицел» сбивается гораздо быстрее и легче, чем «музейный»).

В ходе исследования было собрано и обработано 313 анкет, 32 интервью и 50 блиц-интервью. Среди **наиболее значимых результатов** проведенного исследования стоит выделить следующие.

Во-первых, анализ собранных данных показал, что Басманный район как отдельная территориальная единица не занимает сколь-нибудь важного места в локальной идентичности жителей. Оказалось, что большинство информантов плохо представляют себе его границы и структуру, и почти никто из опрошенных не считает себя жителем именно Басманного района.

Во-вторых, в ходе исследования были получены ценные наблюдения относительно принципов и механизмов формирования, функционирования и описания информантами «своего» пространства, что позволило проблематизировать понятие вернакулярного района. Материалы интервью продемонстрировали во многом индивидуальный характер восприятия пространства, но в то же время позволили наметить некоторые факторы, влияющие на размер и очертания «своего» района. В частности, например, оказалось, что у тех, кто живет в пределах Садового кольца, размер «своего» пространства, как правило, ограничен этим самым кольцом и имеет меньшую площадь, тогда как живущие за Садовым или Третьим транспортным кольцом, напротив, в целом склонны раздвигать границы «своего» района в сторону центра.

В-третьих, в результате исследования были выделены определенные места на территории Басманного района с устойчивыми яркими характеристиками, как позитивными, так и негативными.

В-четвертых, исследование показало, что представление информантов о местной истории и культуре имеет сложный характер (и также в значительной степени индивидуально). С одной стороны, историческое прошлое не играет особенной роли в ментальном картировании и образном освоении пространства, предсказуемо уступая в этом повседневности. С другой стороны, большинство опрошенных уверенно характеризуют свой район как исторический и воспринимают это его качество как ценность. При этом уровень осведомленности о событиях и персонажах, связанных с районом, невысок и часто ограничен определенным «стандартным набором».

В-пятых, исследование зафиксировало устойчивый запрос со стороны жителей на историко-культурную информацию о районе, который имеет довольно отчетливые очертания в отношении как формы, так и содержания запрашиваемой информации.

Согласно предварительной договоренности, результаты исследования были представлены заказчику в виде текстового отчета, включавшего список рекомендаций по развитию проекта и ряд приложений, в том числе бланк анкеты и гайды интервью, результаты обработки анкет (в виде наглядных таблиц и диаграмм), карту проведенных интервью (с указанием мест жительства информантов), аудиозаписи интервью с частичной расшифровкой и анонимизированными метаданными информантов, а также заполненные бланки блиц-интервью.

Следует заметить, что результаты исследования, фиксирующие неоднозначные представления жителей по двум основным темам (Басманного района как пространственной категории и значимости местной истории и культуры), могли быть не вполне «удобны» для проекта, поскольку делали не столь очевидными его концептуальные и идеологические основания (иначе говоря, исследование показывало иную картину, отличную от той, которая подразумевалась логикой проекта). Однако предоставленные результаты вполне удовлетворили заказчика, ничто не вызвало вопросов, сомнений или возражений. Довольно подробная информация об исследовании вскоре после его завершения была размещена на сайте проекта[1], о нем часто рассказывалось или упоминалось на разнообразных мероприятиях и в публичных выступлениях.

При этом, как кажется, наиболее востребованными стали те результаты, которые имели количественное выражение или были более или менее определенными и однозначными, вроде экспликации запросов жителей на информацию по местной истории и культуре или описание (и составляющие) образа района. Весьма вдохновляющим для руководителей проекта и многократно упоминаемым в выступлениях стало заключение о значимости историко-культурной компоненты в этом образе. Такого рода результаты позволяли апеллировать к проведенному исследованию как к некоему легитимирующему основанию для реализации проекта.

В то же время результаты качественной части работы, наиболее ценные с научной точки зрения, упоминались реже. Возможно, это связано с тем, что наблюдения, описывающие сложный и противоречивый характер отношения человека с пространством, с трудом конвертируются в простую и наглядную схему, востребованную в формате публичной репрезентации или культурного мероприятия. Более того, нельзя исключать, что по той же самой причине эти крупномасштабные, индивидуализированные и нюансированные наблюдения не будут в полной мере востребованы в дальнейшем развитии проекта. В этом смысле, наверное, можно говорить о некоторой избыточности для заказчика полученных результатов исследования.

[1] https://basmania.ru/

Отдельным, довольно показательным сюжетом, связанным с использованием исследования (не столько его результатов, сколько самих материалов) в развитии проекта, было создание аудиогидов по территории Басманного района. Задумка заказчика заключалась в том, чтобы включить материалы интервью (устные воспоминания) в текст нескольких тематических аудиогидов, тем самым «дав голос» жителям. Однако эта затея натолкнулась на ряд весьма характерных препятствий. Прежде всего, поскольку изначально никакой публичной трансляции материалов интервью не предусматривалось, теперь потребовалось согласовать эти «публикации» с информантами. Кроме того, в силу недостаточно высокого качества аудиозаписи возникала необходимость перезаписи требуемых фрагментов дикторами (что, очевидно, уничтожало саму идею о «голосе жителей» в аудиоэкскурсии). Но и этого в итоге не потребовалось, потому что в процессе работы над текстом аудиогидов выяснилось, что эта самая прямая речь информантов не может быть просто так использована в тексте аудиогида — она нуждается в весьма существенной обработке — сокращении, редактировании, литературной правке. В результате в большинстве случаев фрагменты интервью, специально подобранные для указанных аудиогидов, вошли в них лишь в виде краткого пересказа или даже просто упоминания того или иного эпизода.

Эти непростые попытки включения устных воспоминаний в привычный краеведческий нарратив представляются исключительно важными как для исследователя (получившего ценный материал относительно специфики и различий двух типов текстов и возможностей их взаимной адаптации), так и для заказчика (столкнувшегося с неожиданными трудностями в практической реализации своих идеологических установок). Вне зависимости от того, насколько результаты этого эксперимента будут учтены руководителями проекта в дальнейшем, его можно считать безусловно (и отчасти неожиданно) полезным для обеих сторон. Пожалуй, то же относится и ко всему исследованию в целом: несмотря на упомянутые нюансы, оно было удачным опытом продуктивного и взаимовыгодного сотрудничества.

«Как построить зоопарк»: прикладная антропология в качестве инструмента создания выставочного пространства

Дмитрий Вячеславович Громов[1]

✉ gromovdv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0443-8718

[1]Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Наталия Михайловна Клим[2]

✉ klimn@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8040-0068

[2]Независимый исследователь, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Громов, Д. В., Клим, Н. М. (2019). «Как построить зоопарк»: прикладная антропология в качестве инструмента создания выставочного пространства. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 244–256. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-244-256.

В 2014 году Московский зоопарк отмечал 150 лет. Этому юбилею была посвящена большая выставка, которая называлась «Как построить зоопарк». В основу выставки легли результаты антропологического исследования, целью которого было изучить жизнь зоопарка изнутри. Исследование объединило два направления прикладной антропологии: антропологию профессий и антропологию взаимодействия человека с животным. В ходе работы авторы статьи взяли 40 глубинных интервью с сотрудниками зоопарка. Полученная информация включала профессиональные нарративы, фольклор сотрудников, нарративы о животных. После анализа результатов исследования было отобрано несколько десятков тем и сюжетов для выставки, из них примерно половина была реализована.

Ключевые слова: прикладная антропология, антропология профессий, animal study, профессиональный нарратив, зоопарк, создание выставки

«How to create a zoo»: Applied anthropology as a tool for creating an exhibition space

Dmitry V. Gromov[1]

✉ gromovdv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0443-8718

[1]Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Nataliya M. Klim[2]

✉ klimn@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8040-0068

[2]Independent researcher, Moscow, Russia

To cite this article:
Gromov, D., Klim, N. (2019). "How to build a zoo": Applied anthropology as a tool for creating an exhibition space. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 244–256. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-244-256. (In Russian).

In 2014, the Moscow Zoo celebrated its 150th anniversary. A large exhibition under the title of "How to create a zoo" was held to honor the event. The exhibition was based on the results of an anthropological study, the purpose of which was to study the life of the Moscow Zoo from the inside. The study combined two areas of applied anthropology: the anthropology of professions and the anthropology of human-animal interaction. The researchers conducted 40 in-depth interviews with Zoo employees. The information included professional narratives, professional folklore and narratives about animals. The results of the study underwent subsequent analysis, and then several dozens of themes and stories were selected for the exhibition, with about half of those comprising the latter.

Keywords: applied anthropology, anthropology of professions, animal study, professional narrative, zoo, exhibition creation

Данные о проекте

Исследование проводилось в рамках подготовки к выставке «Как построить зоопарк?», посвященной 150-летию Московского зоопарка.

Заказчик: Бюро «АртТерра» (г. Санкт-Петербург), руководители — М. Н. Коростелева и О. Р. Николаев, сайт — artterra.spb.ru
Сроки проведения исследования: март-май 2014 года.
Место проведения исследования: Московский зоопарк (Москва, Б. Грузинская, д. 1).

Введение

В 2014 году Московский зоопарк праздновал свое 150-летие. В связи с круглой датой в музейно-выставочном центре «Рабочий и колхозница» со 2 июля по 2 ноября прошла выставка «Как построить зоопарк?», посвященная прошлому, настоящему и будущему Московского зоопарка, его животным и сотрудникам (*Илл. 1*). Ее разработка была поручена Бюро «АртТерра» из г. Санкт-Петербурга, которое специализируется на создании выставок и музейных экспозиций. На тот момент Бюро существовало на рынке уже шесть лет (с 2008 года) и выполнило около 30 проектов.

Выставка про зоопарк должна была быть максимально информативной, по возможности интерактивной и занимать большую часть пространства

Илл. 1. Обложка буклета выставки

музейно-выставочного центра «Рабочий и колхозница». На подготовку выставки отводилось четыре месяца; для такой сложной работы это довольно сжатые сроки.

Как быстро собрать большое количество достоверной информации о достаточно закрытой профессиональной среде? Научный руководитель Бюро «АртТерра» Олег Рудольфович Николаев (известный российский фольклорист, антрополог и музеевед) решил, что основой выставки должно стать антропологическое исследование в зоопарке, а в качестве исполнителей привлек авторов статьи, у которых уже имелся опыт прикладных антропологических исследований: Дмитрий Громов и Наталия Клим проводили глубинные интервью для проектов Центра городской антропологии КБ Стрелка (Москва) по благоустройству городского пространства.

Целью данного антропологического исследования был сбор «инсайдерских» материалов о жизни Московского зоопарка с тем, чтобы их визуализировать и использовать для разработки выставочной экспозиции. Для достижения поставленной цели исследователи сосредоточились на следующих задачах:

1) изучение специфики работы сотрудников зоопарка и оценка полученной информации с точки зрения отображения в музейном пространстве (предполагалось, что одними из главных героев выставки про зоопарк будут люди, которые там работают);

2) изучение характера и привычек различных животных Московского зоопарка, особенностей их содержания и взаимоотношения с человеком, а также оценка полученной информации с точки зрения использования в музейном пространстве;

3) сбор интересных историй о Московском зоопарке;

4) поиск вещей, которые потенциально могли бы стать экспонатами выставки (например, предметы, связанные с уходом за животными, коллекции и сувениры сотрудников, памятные фотографии, дневники и пр.).

Антропологическое исследование продолжалось около 2,5 месяцев — с середины марта по конец мая 2014 года. В течение июня проводилась работа по подготовке выставки.

Методология исследования

Для решения поставленных задач исследователи использовали метод глубинных интервью, поскольку он дает возможность получить максимальный объем информации, наладить личный контакт с информантами и корректировать опросник в зависимости от их профессии.

Отбор информантов. Руководство зоопарка предоставило исследователям список всех сотрудников зоопарка с телефонами и должностями. Исследователи обзванивали потенциальных информантов по списку, отдавая предпочтение тем сотрудникам, которые работают с животными.

Для выявления специфики работы в зоопарке были опрошены представители самых разных отделов, работающих с животными. Это были научные работники, киперы (сотрудники, непосредственно ухаживающие за животными), ветеринары, работники вспомогательных служб (административно-хозяйственного отдела, кормокухни) и др. Выявляя специфику профессий, исследователи стремились сравнивать деятельность сотрудников, обслуживающих разных, не похожих между собой животных — от слонов и приматов до насекомых. Высказывания разных сотрудников, каждый из которых видел работу в зоопарке со своей точки зрения, позволяли исследователям выстроить картину во всей ее полноте.

Стоит отметить, что на выбор информантов повлияли личные интересы исследователей. Дмитрий Громов чаще опрашивал сотрудников, которые непосредственно ухаживают за животными, а Наталия Клим — научных сотрудников и ветеринаров.

Всего было взято 40 глубинных интервью[1] (Дмитрий Громов — 26, Наталия Клим — 14) длительностью от 1,5 до 3 часов. Все информанты

[1] Исследователи выражают благодарность администрации Московского зоопарка за предоставленный список сотрудников с телефонами, а также персональную благодарность сотрудникам, принявшим участие в исследовании: Алексеичевой И. А., Альшинецкому М. В., Астраханцеву С. В., Березину М. В., Богатыревой Е. Л., Вершининой Т. А., Виноградову С. И., Володину И. А., Вощановой И. П., Высоких А. Н., Гашинскому А. В., Гершовой Е. В., Гроздову С. Г., Дубровскому В. Ю., Егорову И. В., Журавлеву Ю. Д., Ильченко О. Г., Илюхиной Н. И., Карпову Н. В., Корнеевой В. И., Костиной И. Л., Кудрявцеву С. В., Майковой О. Н., Максудову Г. Ю., Мельниковой О. А., Мешик В. А., Непринцевой Е. С., Орджоникидзе С. В., Остапенко В. А., Павловой А. А., Перешкольнику С. Л., Попову С. В., Пономову С. Ю., Рубинштейн Н. Р., Рябову С. А., Сапожниковой С. Р., Свириденко Е. В., Скуратову Н. И., Федорович Е. Ю., Фролову В. Е., Шевелевой В. П., Яновской И. З.

Илл. 2. Интерактивная игра «Какие они — работники зоопарка?». Фотография О. Р. Николаева

опрашивались на рабочих местах. Сочетание глубинных интервью с включенным наблюдением помогло исследователям лучше визуализировать профессию информантов, почувствовать атмосферу зоопарка и находить потенциальные экспонаты для выставки.

Опросник. Опросник, по которому проводились глубинные интервью, был составлен с учетом цели и задач исследования на основе материалов интернет-сайтов различных зоопарков и новостей по поисковому запросу «зоопарк». Он включал в себя следующие разделы:

— особенности профессии и личный опыт сотрудника: когда начал работать в зоопарке, этапы трудовой биографии, профессиональные обязанности и инструментарий, достижения и провалы, с какими животными работал, любимые питомцы, интересные случаи из практики и др.;

— как устроен зоопарк: из каких частей он состоит, неофициальные названия и репутация павильонов, важные места, ночная жизнь зоопарка и др.;

— питомцы: животные с «легендой», происшествия и интересные истории, новые животные, редкие животные, популярность у посетителей, дружба между животными, как они развлекаются, как размножаются в неволе и др.;

— сотрудники: «зоопарковые» приметы и ритуалы, сленг сотрудников, как отмечаются праздники, легендарные работники и династии в зоопарке, экспедиции и экспедиционная субкультура, КЮБЗ (Кружок юных биологов Московского зоопарка) и др.

В ходе исследования выяснилось, что работа в зоопарке накладывает отпечаток на личность сотрудников или же сам зоопарк притягивает «особенных» людей. Поэтому в опросник были добавлены вопросы, выявляющие специфику личности работников зоопарка: чем они отличаются от других людей; можно ли сказать, что их не интересует карьера; есть ли сходство работников зоопарка с животными, за которыми они ухаживают и др. Ответы на некоторые вопросы оказывались очевидными, от них исследователи отказывались, при этом появлялись новые — их порождала информация, полученная из интервью.

В зависимости от профессии информанта и сферы его интересов исследователи имели возможность модифицировать опросник — одни разделы расширяли, другие сужали. Например, заведующего лабораторией биоакустики больше спрашивали о специфике работы и инструментарии, а киперов — о характере и привычках питомцев.

Изменение опросника в ходе работы — отличительная черта прикладного исследования, которое предполагает достижение неких конкретных целей и подстраивается под эти цели (в данном случае — под поиск материала для экспозиции).

Акцент на визуализации полученной информации. Информация, полученная в результате антропологического исследования, анализировалась авторами статьи и заказчиком на предмет возможности ее использования для выставки. Потенциально интересные материальные объекты передавались заказчику, потенциально интересные идеи и темы отмечались в комментариях в таблице, которая прилагалась к аудиозаписям.

В ходе исследования важно было учитывать не только потенциал собранного материала для превращения его в музейный экспонат, но и особенности целевой аудитории будущей выставки. Например, интервью с заведующим лабораторией искусственного размножения содержало много уникальной информации, а его инструменты могли бы выгодно смотреться на выставке, однако от них пришлось отказаться, потому что они не вписывались в аудиторию «без возрастных ограничений». Достаточно большой объем информации о нападениях животных на людей в зоопарке (укусах змей, охотничьем поведении белых и бурых медведей, ослепляющей ярости слонов) также не был включен в выставку, хотя эти рассказы дают новый взгляд как на животных (под видом кажущейся доброжелательности скрывающих свои природные инстинкты), так и на сотрудников зоопарка (идущих на риск ради контакта с животным, достижения успешной коммуникации с ним).

Особенности антропологического исследования в зоопарке. Исследование в Московском зоопарке объединило два направления прикладной антропологии: антропологию профессий и антропологию взаимодействия человека с животным (animal studies) [Wolfe 2003; Boggs 2013; Михайлин, Решетникова 2013]. Традиционная

антропология профессий позволяет выявить специфику профессиональной деятельности, повседневные практики, формы самопрезентации, символическое поведение в рамках профессии и пр. Однако предметом труда для работников зоопарка являются животные, которые воспринимаются ими как компаньоны, требующие заботы и внимания. В отличие, например, от работников промышленных предприятий (которые, как правило, могут отключить оборудование и уйти на неограниченное время, а затем вернуться без ущерба для работы), сотрудники зоопарка должны следить за животными постоянно, поскольку они нуждаются в ежедневном уходе, их нельзя оставить без присмотра надолго.

Результаты антропологического исследования и их использование при создании выставки

В ходе исследования были выявлены основные параметры «профессионального текста», описывающего работу в зоопарке. По объектности труда это работа типа «человек — природа» (согласно классификации Е. А. Климова, которая в качестве объектов труда рассматривает также человека, технику, художественный образ, знак) [Климов 1993]. Такая объектность обусловливает выстраивание компаньонских отношений человека и животного, ориентирует человека на удовлетворение потребностей животного, своеобразное «служение». Работа предполагает высокую личную мотивированность, ригидность профессиональных установок, эмоциональную вовлеченность, высокую ответственность.

Информацию, полученную в результате глубинных интервью, условно можно разделить на несколько типов: профессиональные нарративы, фольклор сотрудников зоопарка, нарративы о животных. При этом исследователям удалось выделить несколько десятков тем и сюжетов, потенциально пригодных для использования в создании выставки, которые были показаны заказчику. Около половины из них были одобрены. В качестве примера приведем несколько сюжетов, которые были отображены в музейном пространстве.

Сюжет 1. Специфика личности работников зоопарка

Материалы глубинных интервью, описывающие специфику личности сотрудников Московского зоопарка, их взаимоотношение с животными и коллегами, закономерности профессионального роста, привычки и особенности поведения, легли в основу интерактивной игры «Какие они — работники зоопарка?» (*Илл. 2*). Суть игры: угадать, какие из утверждений о работниках зоопарка верны. Правильный ответ и пояснение, почему это так, посетители выставки могли прочитать под карточкой с утверждением. Принцип трансформации материалов антропологического исследования в интерактивную игру показан в Таблице 1 (*Табл. 1*).

Табл. 1. Игра «Какие они — работники зоопарка?»

Примеры высказываний информантов о специфике личности работников Московского зоопарка*	Утверждение о работниках Московского зоопарка в игре	Правильный ответ**	Комментарий к ответу
«Это люди, которые относятся к животным не как к животным, а как к родственникам, понимаете. Поэтому, когда кто-то из наших сотрудников… Идешь утром, никого не видно, и кто-то стоит у клетки и разговаривает: “Да-а-а, как дела?”. Со стороны можно подумать, чего он разговаривает? Сидит птица, страус какой-нибудь, а он с ним разговаривает. Или сурок…» (сотрудник научно-методического отдела)	Они считают, что главное качество для работника зоопарка — это умение понимать животное и желание ухаживать за ним	Да	Да, действительно так
	У них поднимается настроение после работы с животными	Да	Да, это отмечают практически все
«…интересы животных, интересы зоопарка как учреждения стоят на первом месте, а собственные интересы только на втором, это какое-то общее свойство, действительно» (сотрудник научно-методического отдела)	Они не стремятся к карьерному продвижению	Да	Правильный ответ. В таком случае им приходится меньше общаться с животными и теряется смысл работы
	Каждый из них труднозаменим	Да	В целом, да. Поскольку работа требует индивидуальных знаний о животных и контакта с ними
«Единственное, кого, к сожалению, у нас большинство сотрудников не любят, — это посетителей, которые вполне заслуживают это. Потому что когда проходишь мимо и видишь, как тычут палкой, когда кормят попкорном жирафа, когда...» (сотрудник научно-просветительского отдела)	Они очень любят посетителей	Нет	Посетители слишком часто ведут себя нехорошо по отношению к животным

* На стенде с игрой цитаты из глубинных интервью отсутствовали.

** В таблице указаны только правильные ответы, комментарии к правильным и неправильным ответам были сходны.

Сюжет 2. Побеги животных из Московского зоопарка

Данный сюжет возник в самом начале исследования, когда один из информантов в ответ на просьбу поделиться интересными случаями из практики рассказал несколько историй про побеги питомцев. После этого вопрос про побеги был включен в опросник. Кроме того, выяснилось, что в музее Московского зоопарка хранится большая подборка историй про побеги животных. На основе письменных и устных

источников был создан стенд «Побеги животных из Московского зоопарка», на котором было собрано 18 сообщений о побегах, например:

> 1929 год. Барс с помощью сложного, заранее отработанного прыжка выскочил из вольера и скрылся в одном из домов за пределами зоопарка. При прыжке с крыши дома был пойман за хвост членом Клуба юных биологов зоопарка Г. Ульяновым.
>
> 1960-е годы. Группа пингвинов, подаренных китобоями, сбежала из плохо оборудованного вольера. Были задержаны на ступенях Краснопресненского универмага, почти в двух километрах от зоопарка. Также пингвины устраивали побеги из Звенигородского питомника (биостанция МГУ), отлавливались местными жителями из Москвы-реки и возвращались.
>
> 1980-е годы. Несколько лошадей, сбежав из зоопарка, сбились в табун и смогли добраться до сквера Большого театра, где были задержаны.
>
> 2013 год. Злоумышленник ночью открывал клетки с птицами в выездной секции, но был атакован гусем. Два выпущенных орла остались около вольера, дожидаясь прихода сотрудников [Цит. по: Из хроники побегов 2014].

Хроника побегов животных из Московского зоопарка была размещена не только на выставочном стенде, но и на сайте зоопарка. Уже после окончания выставки она получила вирусное распространение в Интернете, регулярно появляется на развлекательных сайтах и в социальных сетях.

Сюжет 3. Отношение сотрудников зоопарка к посетителям

В ходе антропологического исследования отдельным сюжетом выделилось отношение сотрудников зоопарка к его посетителям. С одной стороны, зоопарк существует для того, чтобы люди смотрели на животных. С другой стороны, поведение некоторых посетителей вредит физическому и психическому самочувствию животных, например, когда в вольер кидают булки или другой неподходящий корм, пытаются привлечь внимание животных громкими звуками или подзывать по имени. Бывают совсем неадекватные личности, которые стремятся перелезть через ограждение. В исследовании были зафиксированы воспоминания сотрудников зоопарка о гибели таких посетителей, однако по понятным причинам такого рода материалы не могли войти в музейную экспозицию.

В итоге данный сюжет представлен на выставке в виде стенда с подборкой смешных высказываний посетителей зоопарка. В его основу легла коллекция, собранная сотрудниками экскурсионного отдела.

> Экскурсовод: «Чтобы у фламинго перья были розовыми, их кормят свеклой, красным перцем, креветками...». Школьник: «Выходит, если огурцами кормить, у них перья зеленые будут?».
>
> В 1970-е годы звонок в зоопарк: «Мы купили морскую свинку, а с ней что-то не так: дрожит и пытается выбраться из аквариума».
>
> «Адский кондор...» [имеется в виду андский кондор][2]

[2] Выставочный стенд с подборкой высказываний посетителей зоопарка и коллекция высказываний посетителей, собранная сотрудниками экскурсионного отдела, хранится в архивах музея Московского зоопарка.

Илл. 3. Инсталляция «Игрушки и тренажеры для животных Московского зоопарка». Фотография О. Р. Николаева

Сюжет 4. Обогащение среды

Опрос сотрудников отдела научных исследований Московского зоопарка показал, что важным направлением их работы является обогащение среды. Согласно современным взглядам на содержание животных в зоопарке, они должны быть не только напоены, накормлены и согреты — их нужно еще и развлекать. Иначе говоря, чтобы животное чувствовало себя в неволе комфортно, ему нужно дать какую-то деятельность, которая ему интересна. Как правило, это имитация той деятельности, которой он занимается в живой природе. На основе собранных материалов по обогащению среды была создана инсталляция и интерактивная игра.

В инсталляцию «Игрушки и тренажеры для животных» (*Илл. 3*) были включены настоящие предметы, которые сотрудниками Московского зоопарка использовались для обогащения среды и которыми играли животные:

— пластиковые бочки;
— ящики;
— каски и мячи, помятые и погрызенные медведями, росомахами, гориллами и крупными кошачьими;
— чесалка из сучковатых чурбаков для лошади Пржевальского;
— елочка — срубленные елки используются для обогащения среды у многих животных (после Нового года компании, продающие елки, бесплатно привозят в зоопарк нераспроданные остатки);
— шарообразная кормушка, которую нужно пинать, чтобы корм постепенно просыпался, и др.

Илл. 4. Интерактивная игра «Развлеки животное». Фотография О. Р. Николаева

Созданию интерактивной игры «Развлеки животное» предшествовал детальный опрос киперов. С помощью глубинных интервью были выявлены многочисленные методы и приемы обогащения среды, которые они используют в работе со своими питомцами. В музейном пространстве игра «Развлеки животное» (*Илл. 4*) представляла собой стенд с изображениями одиннадцати животных, около каждого — три свободно закрепленные карточки с вариантами того, как можно «развлечь» данное животное. Перевернув карточку, можно ознакомиться с комментарием, поясняющим, правильно или нет выбран ответ. В качестве примера в Таблице 2 (*Табл. 2*) приведены вопросы и ответы по трем животным — белому медведю, моржу и ленивцу. Как и полагается в тестах, по количеству правильных ответов делается заключение об умении отвечающего развлекать животных. Если угадано не более двух правильных ответов, заключение таково: «Пока Вы не очень хорошо чувствуете животных. Не спешите устраиваться в зоопарк». Максимально высокая оценка дается при 9–11 угаданных ответах: «Да Вы, видимо, работник зоопарка!».

На основе результатов антропологического исследования для выставки были созданы стенды, инсталляции и интерактивные игры. Введение элементов интерактивности — одно из современных требований к организации музейно-выставочного пространства. Выставочные объекты, предполагающие интерактивный диалог с посетителями, часто делаются в виде электронных экранов. В данном случае было принято решение представлять интерактивные игры в виде стендов со свободно закрепленными карточками.

Табл. 2. Игра «Развлеки животное»

Животное (изображено на стенде)	Как его развлечь? (варианты ответов на откидных карточках)	Комментарий на обратной стороне карточки
Белый медведь	Дать ему рыбу, вмороженную в кусок льда	Правильно. Ему понравится доставать ее
	Включить какие-нибудь интересные ему звуки	Нет. Белые медведи любят тишину. Их вольеры специально помещены на отшибе и изолированы от звука с помощью высоких стеклянных стен
	Чаще гладить	Ни в коем случае! Он же откусит руку! Медведь — опасный хищник, он может даже приманивать посетителя как жертву
Морж	Вывести на пешую прогулку	Да, причем по незнакомым местам. Моржи любят исследовать новые территории
	Запустить в вольеру сухопутное животное	Нет. Вряд ли это моржа заинтересует. Да и для подселенного животного может быть опасно
	Больше кормить	Нет, морж просто будет переедать. Но можно попытаться изменять время подачи пищи
Ленивец	Сделать ему специальную полочку	Да. Ленивец любит лежать именно на полочке, и чтобы сверху была ветка, за которую можно держаться лапой
	Поднять повыше дорожки, по которым он перемещается	Нет. Так он совсем потеряет контакт с человеком и замкнется в себе
	Включить свет поярче	Нет. Ленивец — ночное животное, при ярком свете он вообще малоактивен

Итоги и перспективы

Таким образом, цель антропологического исследования была достигнута:

- собрано достаточное количество уникального материала, описывающего специфику Московского зоопарка, его историю и «внутреннюю жизнь»;

- проведен анализ полученной информации;

- отобраны наиболее яркие и информативные темы и сюжеты, пригодные для визуализации, которые и стали основой юбилейной выставки.

Выставка «Как построить зоопарк» открылась, как и было запланировано, 2 июля 2014 года в музейно-выставочном центре «Рабочий и колхозница». Пресс-релизы опубликовали сайты, посвященные отдыху и развлечениям в Москве. Косвенно показателем качества проведенного исследования могут служить отзывы посетителей выставки (ниже приведены отзывы с сайтов otzovik.com и osd.ru):

> Оригинальная выставка, очень полезно знать для общего развития![3]

> Выставка чудная. Да, я слышала возражения, что лучше в сам зоопарк сходить, но выставка — она не только и не столько про животных. Она про зоопарк, невидимый миру. Про людей и призвание — работник зоопарка, про тех, кто все это создавал,

[3] https://otzovik.com/review_1432300.html

> про то, что при всех своих достоинствах и недостатках Московский зоопарк — это часть нашей жизни и истории, про прошлое–настоящее–будущее, про будни, про курьезы, про быт и многое другое, о чем и не думаешь, глядя на животных[4].
>
> Второй этаж представляет «зоопарк, которого не видно». Экспозиция знакомит с внутренней жизнью животных и людей, заботящихся о них. Здесь можно увидеть профессии зоопарка, рассказы сотрудников о повседневной жизни зоосада, и познакомиться с животными — на стене прикреплены крышки с кличками животных, приподняв которые, можно увидеть обладателя имени[5].
>
> Теперь по сути: выставка отличная, просто замечательная, отличная подача информации, множество интерактивных решений, красиво и интересно оформлена[6].

Сделанные в ходе исследования расшифровки 40 глубинных интервью (полностью и с тематической разбивкой) были переданы в музей Московского зоопарка. Этот уникальный источник информации до конца так и не был изучен (для создания выставки использовалась только малая его часть) и ждет дальнейшего осмысления и анализа, например, в рамках animal study или антропологии профессий.

Литература

Из хроники побегов Московского зоопарка (2014). *Коммерсантъ Weekend*, *2014*(24), 33. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/2498471

Климов, Е. А. (1993). *Развивающийся человек в мире профессий*. Обнинск: Принтер.

Михайлин, В., Решетникова, Е. (2013). «Немного лошади»: антропологические заметки на полях анималистики. *Новое литературное обозрение*, *124*(6), 322–342. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/124_nlo_6_2013/article/10711/

Boggs, C. G. (2013). *Animalia Americana: Animal Representations and Biopolitical Subjectivity*. New York: Columbia University Press.

Wolfe, C. E. *(2003). Zoontologies: the question of the animal*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

References

Boggs, C. G. (2013). *Animalia Americana: Animal representations and biopolitical subjectivity*. New York: Columbia University Press.

From the chronicle of escapes from the Moscow Zoo (2014). *Kommersant Weekend, 2014*(24), 33. Retrieved from https://www.kommersant.ru/doc/2498471. (In Russian).

Klimov, E. (1993). *An evolving human in the world of professions*. Obninsk: Printer. (In Russian).

Mihajlin, V., Reshetnikova, E. (2013). "A bit of a horse": Anthropological notes on the margins of animal study. *New Literary Observer, 124*(6), 322–342. Retrieved from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/124_nlo_6_2013/article/10711/ (In Russian).

Wolfe, C. E. *(2003). Zoontologies: The question of the animal*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

[4] https://www.osd.ru/respinf.asp?nws=8399

[5] https://www.osd.ru/respinf.asp?nws=8399

[6] https://www.osd.ru/respobjinf.asp?ob=1455

Включенное наблюдение за барной стойкой: ценности и практики потребления крафтового пива

Константин Игоревич Филоненко[1]

✉ k.i.filonenko@gmail.com

[1]Независимый исследователь

Для цитирования статьи:
Филоненко, К. И. (2019). Включенное наблюдение за барной стойкой: ценности и практики потребления крафтового пива. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 257–267. DOI: 10.22394/2658-3895-2019-2-3-4-257-267.

В статье описывается методология, ход и результаты коммерческого исследования, посвященного барной культуре Москвы. Исследование было заказано для выявления профилей посетителей баров, а также для понимания характера их потребления пива для составления медиа-стратегии издания, посвященного пиву. Не характерная для данной отрасли коммуникация с заказчиком и клиентом заказчика позволила сделать необычный для этой отрасли дизайн исследования. Оно было двухэтапным, на первом этапе были проведены интервью с владельцами баров, барменами и бар-менеджерами, а на втором этапе были сделаны этнографические включенные наблюдения в самих барах. В результате удалось выявить три способа типизировать бары: по идентичности, локальности и размеру, а также были выявлены потребности самих посетителей баров. В конце статьи указываются неудачи (несостоявшийся третий этап), а также намечаются дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: барная культура, крафтовая культура, идентичность, этнография

Participant observation at the bar counter: Values and practices of craft beer consumption

Konstantin I. Filonenko[1]

✉ k.i.filonenko@gmail.com

[1]Independent researcher

To cite this article:
Filonenko, K. (2019). Participant observation at the bar counter: Values and practices of craft beer consumption. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 257–267. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-257-267. (In Russian).

The article describes the methodology, progress and results of a commercial study of bar culture in Moscow. The research was commissioned to identify profiles of bar visitors, and to understand the nature of their beer consumption in order to develop a strategy for a media dedicated to beer. Communication with the customer and the

customer's client, which is not typical for this industry, made the design of the research unusual for commercial research projects. It was two-staged. The first stage involved interviews with bar owners, bartenders and bar managers, and the second stage involved ethnographic participant observations in the bars themselves. As a result, it was possible to identify three ways of typifying bars: by identity, by location and by size, and to identify the needs of bar visitors themselves. At the end of the article the failures — the failed third stage of the research — are pointed out, and further research prospects are outlined.

Keywords: bar culture, craft culture, identity, ethnography

Данные о проекте

Исследование «Сообщество любителей крафтового пива» было проведено в ноябре–декабре 2018 года. В ходе работы были определены границы аудитории, обозначенной заказчиком, и описаны волнующие ее темы. Результаты использовались при создании планов медиа-контента для печатного издания (журнал) и интернет-ресурсов (сайта, соцсетей, подкаста), и медиастратегии в целом. Исследование включало в себя интервью с барменами и владельцами баров, а также этнографические наблюдения в самих барах. Все этапы исследования проходили в Москве.

Заказчик: медиаагентство «Мамихлапинатана», занимается созданием корпоративных СМИ, медиапланированием и консультированием.

Клиент: ассоциация производителей крафтового пива Craft Depot.

Преамбула

Для начала следует описать, чем является крафтовая культура в целом. Крафтовое, то есть «ремесленное» пиво — это пиво, которое отличается от «обычного» («массового») способом производства: его делают, как правило, в небольших частных пивоварнях. Причем вкус пива одного и того же наименования с разных «варок» может различаться, а иногда, один раз «пролившись» (это профессиональное слово, которое обозначает, что партия пива была вся распродана), вкус больше не повторяется, и наименование вовсе исчезает. Это связано с тем, что на таких маленьких пивоварнях довольно мало автоматизации в процессах производства, и поэтому выбор ингредиентов и варка происходят иногда в буквальном смысле в ручном режиме.

Существует несколько сортов крафтового пива, которые отличаются по вкусу и способу производства. Самые популярные — портер, стаут, светлый эль, индийский светлый эль, кислые сорта.

Крафтовое пиво является важной частью культурного кода англоязычных стран, больше всего крафтовая культура — особая обстановка, выстроенная вокруг пива — распространена в Великобритании и США. Преимущественно это барная культура. Как и «массовое»,

крафтовое пиво делится на «крановое», то есть то, что можно выпить только в баре, и «бутылочное», которое пьется дома или же в других локациях.

Считается, что в Россию крафтовая культура пришла в начале 2010-х годов и началась с баров в Санкт-Петербурге, откуда «перетекла» сначала в Москву, а потом и в другие регионы.

Крафтовая культура, как выяснится ниже, оказалась сложно определяемым понятием. Что мы можем сказать точно: это культура простого общения, а также ориентации на «настоящесть», в случае с барами — с использованием натуральных материалов: дерева, кожи и прочего.

Предпосылки исследования и задание заказчика

Предпроектная коммуникация в этом исследовании была самой сложной в моей практике с организационной точки зрения: она была трехсторонней, со мной общался не только *заказчик*, но и *клиент заказчика*. Это не такая уж редкость в коммерческих исследованиях, однако впервые все три стороны: исследователь, заказчик и клиент — были не просто в едином переговорном процессе, но и имели в нем равные позиции.

Мой заказчик планировал создание нескольких медиапродуктов для своего клиента, а именно: перезапуск журнала, сайта, а также SMM и подкастов. Именно для определения чаяний, ожиданий и в целом осведомленности о теме крафтового пива и предполагалось делать исследование.

Клиент сформулировал задачу как изучение уже существующей аудитории отраслевого журнала, для чего предполагалось провести опрос. При этом заказчик убеждал клиента в необходимости исследования не имеющейся аудитории, а потенциальной, той, которая появится после успешного перезапуска, то есть всего потенциального «сообщества любителей крафтового пива».

Однако в ходе переговоров выяснилось, что клиент понимает под «сообществом любителей крафтового пива» достаточно гомогенную группу из «мужчин около 40», которые разделяют «лумберсексуальную» культуру, то есть в «комплекте» к крафтовому пиву, по гипотезе клиента, идут бороды, стрижки в барбершопах, питание в бургерных, а также интерес к мотоциклам.

Заказчик убедил клиента в том, что такой взгляд на аудиторию не является продуктивным, и ответ на вопрос, из кого состоит сообщество любителей крафтового пива, был делегирован мне как исследователю.

Таким образом, исследование было переквалифицировано из исследования аудитории медиа в исследование самого сообщества.

Соответственно были расширены бюджет и сроки. В качестве будущих результатов были определены описание профилей типичных представителей сообщества, их основных характеристик и их предпочтений в пиве, а также типичных мест, куда они ходят, чтобы выпить крафтовое пиво.

Кабинетный этап, предварительные интервью, выбор исследовательской стратегии

Для выработки исследовательской стратегии было выбрано два основных пути: изучение исследований-референсов и интервью с экспертами. В качестве гипотезы бралось утверждение, вынесенное из анализа рыночной ситуации: практики потребления крафтового пива отличаются от потребления не-крафтового пива. Дополнительная гипотеза заключалась в следующем: потребление крафтового пива может быть похоже на практики, связанные с дорогими сортами кофе, а практики баров схожи с практиками кофеен, ориентированных на любителей кофе. Однако после изучения ряда аналитических материалов ([Pokorná, Smutka 2010], [Gorgoglione, Messeni Petruzzelli, Panniello 2018], [Traore, Wilson, Fields 2018]) стало понятно, что это бесперспективная модель: даже самые дорогие и «элитные» сорта кофе по практике потребления мало отличаются от потребления «обычного» кофе. Кроме того, пиво, в отличие от кофе, требует специальной ситуации и накладывает ограничения, связанные с тем, что это алкогольный напиток. После экспертных интервью с представителями ассоциации дистрибьюторов крафтового пива России и членами жюри дегустаций российского крафтового пива в качестве референса был выбран рынок вина, а именно сегмент high-middle.

На основании интервью и материалов европейских исследований и изучаемых ими параметров [Beckert, Rössel, Schenk 2014] была выработана следующая стратегия.

Исследование разделяется на два этапа: первый — интервью с барменами и владельцами баров, которые идентифицируются как «крафтовые», второй — этнографическое наблюдение в барах для описания характеристик членов сообщества и их практик.

Гайд и таблица для наблюдений были разработаны исходя из параметров, выведенных через экспертные интервью и изучение рыночной аналитики. Основной «прицел» исследовательских инструментов был направлен на практики вокруг крафтового пива и характеристики людей, его потребляющих, а также их предпочтения и причины посещения бара.

Полевой этап: интервьюирование барменов и владельцев

Бары для интервьюирования барменов и владельцев выбирались следующим образом: основной список баров и контактные телефоны были предоставлены представителями Российской ассоциации крафтовых пивоварен. Далее, если информанты называли какие-то бары в качестве дружественных или конкурирующих, они добавлялись в список, и запрашивались контактные телефоны их владельцев. Бары, которые тремя и более информантами не были идентифицированы как «крафтовые», из списка исключались. Всего были проинтервьюированы представители девяти баров.

Стоит отметить, что этот этап был сопряжен с неожиданными трудностями. Так, не все информанты до конца понимали смысла исследования, даже после разъяснения и отсылки к заказчику. Интервьюер воспринимался как представитель некоего проверяющего органа, а интервью — как форма провокации. Из-за этого ответы таких респондентов были крайне осторожными, а личные истории не рассказывались вовсе. Однако на основные вопросы ответы были получены, так как они не касались внутренней «кухни» бара или финансовых аспектов его работы.

В целом большинство информантов крайне охотно общались с исследователем.

Это создавало другие трудности, уже не технические, но этические: соглашаться или нет на дегустацию пива.

Полевой этап: этнографическое наблюдение

Вторая часть исследования была проведена в виде этнографического наблюдения в барах. Были выбраны 17 баров по методике, описанной выше. Бары посещались в вечернее время в течение шести дней (четверг, пятница и суббота две недели подряд). Порядок посещения был случайным, по географической близости. В ходе наблюдения анализировалось разнообразие посетителей, по разговорам определялись характеры их отношения. С некоторыми группами были произведены микроинтервью.

Фиксировались такие вещи, как наполнение залов, состав компаний, темы бесед, свобода общения, замкнутость/разомкнутость групп внутри бара, а также влияние на посетителей атмосферы, антуража бара и поведения барменов.

Сложности этого этапа заключались в том, чтобы фиксировать только объективные данные, не допуская экстраполяции (вроде: если в одном баре группа женщин средних лет — это коллеги, то после этого довольно легко начать считать, что все группы женщин средних лет будут коллегами). Этический вопрос о том, употреблять ли исследователю пиво или нет в процессе наблюдения, не поднимался.

Интерпретация данных

Интерпретация данных состояла в сопоставлении результатов, полученных на двух этапах. Специфика состояла в том, что данные в ряде случаев не соотносились друг с другом — например, представители баров не считали свои площадки пространством для свиданий, а также переоценивали как желание людей, пришедших в бар, познакомиться с новыми людьми, так и в целом фрейм «общение в баре с незнакомцем». Также владельцы баров предполагали, что предпочтительный сорт пива зависит от группы, к которой относится посетитель. Наблюдение показало, что бары не понимают свою аудиторию и ее потребности.

Так на основании данных, которые предоставили представители баров, складывались следующие ***профайлы посетителей***:

Ланчевики

– Работают рядом с баром, приходят днем, заказывают бизнес-ланч.
– Сидят одни.
– Часто пьют пиво за обедом (светлые, легкие сорта).
– Никогда не приходят вечером.
– В целом не разделяют культуру крафта.
Существованием такого типа объясняется необходимость открыть бар днем, а не вечером.

Девочки

– Группа молодых девушек, общающихся между собой.
– Берут «питкие», то есть легкие, водянистые, а также экзотические сорта и вишневое.
– Заказывают закуски.

Соседи

– Живут рядом с баром.
– Заходят в рандомное время выпить стаканчик.
– В среднем более старшего возраста, чем основная аудитория бара.
– Иногда сидят в баре ночью до самого закрытия.
– Сидят за барной стойкой.
– Иногда «сосед» продолжает ходить в бар даже после переезда в другой район.

Офисные

– Работают рядом с баром. В отличие от «ланчевиков» приходят вечером и исключительно компанией.
– Иногда проводят переговоры, но в подавляющем большинстве случаев — веселятся внутри своей компании.
– Напиваются чаще всех остальных.

Приезжие

– Люди, которые приехали в город в командировку либо переехали недавно.
– Никого не знают и открыты к любым знакомствам.
– Приходят за атмосферой и компанией.
– «Одинокий человек не из Москвы, который пришел за настроением и пообщаться»[1].

[1] Инф. 1. Бармен.

Биргики[2]

– Наиболее малочисленная группа, приходят за новым вкусом.

– «Всеядны», не ходят в один бар постоянно.

– Используют приложение Untapp (приложение для оценивания пива, позволяет узнать оценку наименования пива другими пользователями, а также оценить самому, пивной аналог Vivino).

Наблюдения в самих барах подтвердили наличие всех этих групп, однако на этапе интервью были упущены важные группы, например, влюбленные, пришедшие на свидание — эти пользователи отличались, например, скоростью потребления пива (медленнее, чем любые компании). В целом некоторый сексистский способ восприятия крафтовой культуры имеет место и мешает объективной оценке реальных потребителей этой культуры участниками. Представление, которое часто транслируется самими хозяевами заведений о баре как о мужском пространстве в виде сексистских шуток (карикатурные изображения, цитаты и прочее), может привести даже к открытым конфликтам (публичный скандал, связанный с неуместной, по мнению посетительницы, картинкой в баре, произошел в Bad Bro Bar).

Исследование выявило, что посетителей крафтовых баров вполне перспективно рассмотреть с точки зрения ***потребностей***, которые они закрывают этим посещением. С этой перспективы можно выделить четыре группы потребностей:

1. *Хорошее пиво.* Самая малочисленная аудитория. Самая активная ее часть состоит из биргиков, однако в основном — это люди, которые не регулярно выбираются в бары и рассчитывают получить сильное и приятное впечатление. В коротких интервью с людьми, которые выбирают бар по качеству и вкусу пива, они говорят, что им не хватает в Москве европейских «специализированных» баров, которые сами производят уникальное пиво, доводя его до совершенства. Выбирая бар по качеству пива, они не обязательно знают заранее, что хотят попробовать, однако сильно опираются на рекомендации, полученные из самых разных источников.

2. *Компанейский отдых*. Выбор бара для тусовки и веселья происходит исключительно опытным путем, через собственные поиски. Формат «тусовки» предполагает перемещение (pub crawling), поэтому подбираются бары в пешей доступности друг от друга, обычно их три (посетители баров называют их «треугольниками»). Также, направляясь в бар с целью потусоваться и повеселиться, посетители отдают себе отчет в том, что, как правило, их ждут ситуации флирта, зачастую, жесткого.

3. *Опьянение*. Для того чтобы целенаправленно опьянеть от крафтового пива, требуется пить определенные (крепкие) сорта в значительном количестве. Выбор именно крафтового бара означает наличие желания

[2] Биргик (от англ. Beer Geeks, то есть «пивные фанаты») — человек, увлеченный пивом и разбирающийся в нем.

«накидаться с неким пижонством»[3]. Такую потребность закрывают в основном по пятницам и выходным в крупных барах.

4. *Общение в спокойной обстановке*. Люди, которые приходят в бар за настроением и общением, чаще всего ищут «безопасное место», которому можно было бы доверять, а также получить предсказуемый опыт. Часто именно по этому признаку крафтовые бары выбирают пары для свиданий.

Гипотеза, высказанная владельцами баров о том, что выбор пива зависит от типа посетителя, не подтверждается ни в пользовательских ответах, ни в интервью с барменами. Данные, собранные в ходе исследования, говорят о том, что предпочтения пива у каждого любителя пива трансформируются, в разное время у человека может быть любимым разный тип, вкус эволюционирует и проходит путь вплоть до возвращения к изначальному. Это связано с ротацией пива в баре, на котором выстраивается барная крафтовая культура, эффекте «проливания» пива, о котором я говорил в предуведомлении. Это — одно из отличий от мира вина, где вкус потребителя развивается линейно.

Ни один из информантов не смог сразу описать ***крафтовую культуру***, и ни одно описание не повторилось, однако если объединить все описания и типизировать их, можно заметить, что культура крафта складывается из трех элементов: крафтовое пиво, бармен, атмосфера.

> Самое главное — это, конечно же, разнообразное пиво, адекватное разнообразие, адекватный бармен, который расскажет про это пиво, ну и обстановка, дизайн[4].

> Бармен в таком баре — это универсальный человек: и проводник, и решала...[5]

> Наша задача — вовлечь гостя, провести его через лабиринт[6].

Атмосфера понимается по-своему всеми информантами. Для кого-то это совокупность оформления помещения и музыки, для других — постояльцы и мероприятия (которые — редкость для крафтовых баров, только один из обследованных баров был оборудован сценой для выступлений артистов), наличие кухни или игр. Можно сказать, что каждый бар по-своему отвечает на вопрос о том, что кроме пива привлекает посетителей и влияет на характер места.

Типология баров. Можно выделить основания для классификации баров: по идентичности, местоположению и размеру.

Стиль баров определяется следующими составляющими: персонал, музыка, дизайн и др. *Идентичности* у баров могут быть следующие:

1. *Классический крафтовый бар*. Персонал — особое отношение барменов, обращение, как правило, на «ты». Дизайн — дерево, атрибуты

[3] Инф. 2. Бармен.
[4] Инф. 3. Владелец бара.
[5] Инф. 4. Бар-менеджер.
[6] Инф. 5. Владелец бара.

«панковской» культуры, теплый приглушенный свет. Музыка — гитарный классический рок. Основное свойство — ротация пива.

2. *Тусовочный крафтовый бар*. Бар для тусовок и веселья привлекает людей не всегда хорошо знакомых с крафтовой культурой, там могут наливать не только пиво, но и так называемые «крепыши» — крепкий алкоголь. Обязательный атрибут — громкая музыка. Барная стойка чаще всего находится в центре помещения. Крафтовые бары со спортивной атрибутикой чаще всего именно этого типа.

3. *Крафтовый бар, который маскируется под другой бар*. Бары этого типа сделаны преимущественно для спокойного общения. Дизайн не содержит элементов крафтовой культуры. Именно такие места чаще всего путают с ресторанами.

Характерна цитата владельца одного из таких заведений, особенно на фоне еще свежих воспоминаний о том, как в Москве проходил Чемпионат мира по футболу и почти все бары получали сверхприбыль: «Мы осознанно и специально не показывали матчи во время чемпионата, хотя у нас все для этого есть. Это не потому что мы не любим футбол, а для того, чтобы у людей была возможность прийти в место, где не будет футбола, отдохнуть от него»[7].

Также разделение можно провести по признаку «*районности*» или же «*потоковости*» заведения. Они различаются по соотношению постоянной и случайной аудитории:

1. *Находящийся на потоке* бар имеет большую (до 50%) категорию постоянных посетителей, при этом критерий постоянности снижен (постоянными считаются все, кто заходит чаще двух раз в месяц). При этом среди посетителей тех, кто живет или работает рядом — не более 20%.

2. В *локальных барах* имеет место выраженное соотношение 80–20, где 80% посетителей — постоянные, при этом они заходят в бар чаще раза в 1,5 недели. Кроме того, важным атрибутом локального бара будет постоянная, сложившаяся аудитория. Такой бар может произвести на нового человека впечатление «снобского» или невежливого места.

Деление по размеру показывает хороший результат для анализа взаимных ожиданий баров и посетителей:

1. В *маленьких барах* есть возможность создать «домашнюю атмосферу», а также более предсказуемую ротацию пива. Для этих заведений ключевым является подбор бармена, из-за малейшего недопонимания посетитель с меньшей, чем в более крупном баре, вероятностью вернется снова.

2. *Большие и сетевые* заведения часто могут перепутать с ресторанами и ожидать обслуживания за столиками (одно из табу крафтовой культуры). Нередко такие бары делят помещение с другими отдельными заведениями (например, винными барами или бургерными).

[7] Инф. 6. Владелец бара.

Представление результатов заказчику

Результаты были представлены в виде презентации. В отличие от переговорного процесса до начала исследования, результаты были презентованы только заказчику. Более всего упор делался на профайлах посетителей баров, их предполагаемом образе жизни, мотивациях контактов с крафтовой культурой, а также позиции баров относительно этой культуры. Именно на этом основывались рекомендации по контенту для журнала и интернета, а также по способу его распространения, вовлечения разных сегментов и типов аудитории.

Дальнейшая судьба исследования

На базе рекомендаций, основанных на данных исследования, был перезапущен журнал, сделаны стратегии продвижения, а также подкаст и SMM. Была выработана интонация для подачи контента. Основным выводом исследования была негомогенность людей, интересующихся крафтовой культурой, а также невозможность составить непротиворечивое описание этой культуры, основанное на ответах на прямой вопрос «как можно описать крафтовую культуру?». Это открыло возможности для создания такой культуры «с нуля» через журнал, сайт и подкаст и развязало руки создателям контента в том смысле, что сценарии, приводящие человека в крафтовый бар, могут быть разнообразными, однако ожидания от него очень легко стандартизируются. В такой ситуации посетитель, а также потребитель ждет качества продукта, о котором очень мало что знает, но придает значение его атмосфере, которая может пониматься по-разному. Таким образом, в качестве оптимальной стратегии был выбран поиск границ «крафтовой культуры» через историю самого пива, истории людей внутри и снаружи индустрии, а также через деконструкцию символов крафта.

Замечания и перспективы дальнейшей работы

Одним из этапов работы должна была стать digital-этнография, однако поиск по фотографиям, которые делались в барах в основных социальных сетях, показал, что фотографии делаются в основном одной и той же группой людей. Кроме того, обилие рекламных и промо-материалов делало невозможным результативный анализ.

Данное исследование было слишком локальным для заявленной темы, так как сами информанты первого этапа отмечали, что крафтовая культура более развита в Санкт-Петербурге. Также развитые сообщества есть в Нижнем Новгороде, Твери и Екатеринбурге.

Кроме того, потребление пива бывает не только барным, но и домашним. Рынок бутылочного пива не могут оценить даже те, кто производит бутылочное пиво, что сделало бы исследование домашнего потребления крафтового пива востребованным не только у

заказчиков первоначального исследования, но и у всех участников рынка крафтового пива.

Литература/References

Beckert, J., Rössel, J., Schenk, P. (2014). *Wine as a cultural product: Symbolic capital and price formation in the wine field. MPIfG Discussion Paper, 2*(2).

Pokorná, I., Smutka, L. (2010). What is the structure of the coffee market: Can the real poor benefit from the coffee trade? *Agris On-line Papers in Economics and Informatics*, *2*(2), 27–37.

Gorgoglione, M., Messeni Petruzzelli, A., Panniello, U. (2018). Innovation through tradition in the Italian coffee industry: An analysis of customers' perceptions. *Review of Managerial Science*, *2018*(3), 661–682.

Traore, T., Wilson, N., Fields, D. (2018). What explains specialty coffee quality scores and prices: A case study from the cup of excellence program. *Journal of Agricultural and Applied Economics, 50*(3), 349–368.

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Заповедник советских памятников в Хабаровске

В парковой зоне за Хабаровским краевым музеем имени Н. И. Гродекова стоят гипсовые скульптуры советской эпохи. Это те скульптуры, которые массово изготавливались для садов и парков, но гипс недолговечен, и о многих скульптурах мы знаем только по описаниям. А здесь их можно увидеть. Однажды жарким летом 2018 года сотрудники музея нарядили памятники в шляпки, полотенца и солнцезащитные очки. Возможно, это станет городской традицией.

ЦИФРОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

После бала: как оценить эффекты благоустройства при помощи антропологии

Дарья Александровна Радченко[1], [2]

✉ darradchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1]Центр городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия
[2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Радченко, Д. А. (2019). После бала: как оценить эффекты благоустройства при помощи антропологии. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 270–291. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-270-291.

Проведение крупных программ городского благоустройства — таких, как московская программа «Моя улица» (2015–2018 годы) — требует не только тщательного предпроектного анализа территорий, но и оценки эффективности проведенных работ. Оценка того, как изменилось отношение пользователей к благоустроенным улицам, обычно основана на результатах массовых опросов. Возможности же изучить это изменение этнографически в прикладных исследованиях ограничены. В качестве альтернативы мы предлагаем анализ цифровых следов практик пользования городом. В статье рассматриваются теоретические основания, возможности и ограничения такого подхода, а также показаны результаты его применения на примере оценки эффективности благоустройства территорий, вошедших в программу «Моя улица».

Ключевые слова: цифровая антропология, цифровые следы, социальные медиа, урбанистика, оценка качества городской среды, геомедиа

After the ball: How to evaluate effects of urban improvement with anthropology

Daria A. Radchenko[1], [2]

✉ darradchenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1]Centre for Urban Anthropology, Strelka KB, Moscow, Russia
[2]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Radchenko, D. (2019). After the ball: How to evaluate effects of urban improvement with anthropology. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 270–291. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-270-291. (In Russian).

Implementation of major urban improvement programmes (one of which was "My Street" programme in Moscow that took place in 2015–2018) requires not only detailed pre-project research but also an evaluation of its results. Assessment of change of users' attitude to the refurbished streets is usually based on mass surveys because the opportunities to study the changes of behavior ethnographically are limited. We suggest using digital footprints of urban practices as an alternative for the latter. In the paper we discuss theoretical grounds of this approach, its possibilities and limitations, and also show the results of its usage as exemplified by the assessment of results of "My Street" urban improvement programme on certain streets.

Keywords: digital anthropology, digital footprints, social media, urban studies, urban assessment, geomedia

В 2015–2018 годы в Москве была предпринята одна из крупнейших в истории города и самых дорогостоящих программ комплексного городского благоустройства. За три года было реконструировано свыше 200 улиц, площадей, переулков. Значительная доля этих работ выполнялась при участии компании КБ Стрелка, специализирующейся на стратегическом консалтинге (прежде всего, в области городских решений). В этот проект входил целый комплекс работ: изменение транспортных схем, расширение пешеходных тротуаров, адаптация улиц для маломобильных групп граждан, упорядочение парковочных зон, создание дополнительных зеленых насаждений и малых архитектурных форм, обновление уличного освещения и навигации, демонтаж воздушных кабелей и увод коммуникаций под землю (программа «Чистое небо»), создание велоинфраструктуры и мест отдыха[1]. В целом программа была нацелена на то, чтобы сделать Москву более комфортной и привлекательной для пешеходов[2], а транспортную систему — более безопасной.

Такая масштабная трансформация не могла остаться незамеченной: и концепция, и сам процесс реализации программы — от качества проектов до укладки плитки и высадки деревьев — активно обсуждались в течение всех трех лет[3]. Но после завершения этого этапа[4] встал вопрос о том, как программа «Моя улица» изменила жизнь москвичей, и КБ Стрелка инициировало посвященное этому исследование.

Помимо эффектов, которые можно оценить при помощи городской статистики (например, данных об изменении числа ДТП на

[1] Об отдельных проектах программы см. [https://www.m24.ru/special/mystreet].

[2] Сводный стандарт благоустройства улиц Москвы. Приложение 1 к Распоряжению Правительства Москвы «Об утверждении Сводного стандарта благоустройства улиц Москвы» от 04.08.2016 г. № 387-рп, 11–12.

[3] Помимо активной общественной дискуссии, шло и обсуждение в профессиональном сообществе. Программе «Моя улица» и отдельным проектам в ее рамках был присужден ряд международных наград: например, премия ISOCARP (2018), Qatar Sustainability Award (2018), The European Prize for Urban Public Spaces (2018), Landezine International Landscape Award (2018), премия Urban Land Institute Global Awards for Excellence (2019) и другие.

[4] По данным СМИ, программу «Моя улица» планируется продолжать в 2020–2022 годы [Власти Москвы 2019, 23 октября].

реконструированных улицах, экономических данных о развитии стрит-ритейла и т. д.), нужно учитывать и качественные изменения практик горожан, трудноуловимые при помощи статистики. Стали ли улицы города более комфортными? Более интересными? Располагают ли они к проведению досуга? Притягательны ли для туристов? Для того чтобы получить ответы на эти вопросы, к исследованию было привлечено исследовательское подразделение компании, специализирующееся на выявлении ценностей, потребностей, норм, связанных с жизнью в городах — Центр городской антропологии КБ Стрелка, основанный в 2013 году. В течение всей программы «Моя улица» Центр принимал участие в проведении комплексного предпроектного анализа, предшествующего в КБ Стрелка разработке градостроительных стандартов, мастер-планов или отдельных проектов (подробнее об этом см.: [Алексеевский 2018]).

Однако проблема заключалась в том, что опросные методы (как массовые опросы, так и глубинные интервью) способны дать информацию о восприятии горожанами тех или иных пространств, но не о том, как изменяется их поведение на этой территории. Такое изменение можно проследить этнографически — проведя длительную серию наблюдений на этих улицах в течение минимум одного полного годового цикла до начала работ по благоустройству и такого же периода времени после завершения этих работ. Однако подобные исследования требуют огромного бюджета — нужно постоянное или хотя бы регулярное присутствие наблюдателей на каждой из благоустроенных улиц. В прикладных антропологических исследованиях такие длительные наблюдения практически никогда не удается организовать.

Поэтому для анализа эффектов благоустройства мы обратились к методам цифровой антропологии — в данном случае, к изучению геолоцированных цифровых следов городских практик в онлайн-среде. Однако для того, чтобы использовать данные геомедиа в исследовательской практике, необходимо взглянуть на них антропологически и понять, как осуществляется производство цифровых следов в геомедиа [Fast et al. 2013], насколько этот процесс универсален или локален (как по отношению к географической локальности, так и локальности онлайн-платформ), и наоборот — как при помощи геомедиа производится пространство [Маккуайр 2018].

Цифровые следы городских практик

Вопрос о соотношении между офлайн-практиками (такими, например, как перемещение в городе, пользование теми или иными объектами и т. д.) и их онлайн-репрезентацией в цифровых следах — один из самых проблемных для цифровой антропологии. Никто не пишет в Twitter о каждом своем шаге, не чекинится в Foursquare[5] во время каждого обеда и не фотографирует абсолютно любой встреченный

[5] Мобильное приложение, позволяющее обмениваться информацией и отзывами о разных городских объектах и сервисах.

дом — и уж тем более не выкладывает все свои фотографии и видео в социальные сети. Каждый раз, когда мы создаем, по терминологии Тома Белсторффа, «условно управляемый» цифровой след в соцсетях (в отличие от «условно неуправляемых» следов банковских транзакций и звонков по мобильным сетям, маршрутов в спортивных приложениях, кукисов загруженных нами веб-страниц [Boelstorff 2013]), мы совершаем некоторый выбор. Сначала мы определяем, что для нас настолько важно, что это стоит зафиксировать в виде цифрового объекта. Затем — какие из созданных объектов разместить в социальных медиа, как настроить фильтры доступа к этим объектам — иными словами, создаем свою цифровую автобиографию.

Но стратегии саморепрезентации при помощи цифровых следов не существуют в вакууме — они связаны с широким спектром культурных установок. Важно понимать, что неудачный или не соответствующий принятым нормам цифровой контент ведет к социальным санкциям против его автора. В лучшем случае он окажется незамеченным, в худшем — повлечет ущерб для репутации или даже вызовет волну агрессии. Например, в марте 2019 года школьную учительницу из Барнаула попытались уволить из-за того, что она выложила в соцмедиа свою фотографию в купальнике[6]: по мнению руководства школы и части родителей ее учеников,, такая фотография несовместима с публичным образом преподавателя. Поэтому создание цифровых следов, как любое публичное действие, становится предметом рефлексии: выкладывая фотографии в социальную сеть, мы проверяем это действие на соответствие «социальному порядку» [Гоффман 2017] этого типа взаимодействий.

Во-первых, анализируются локальные и социальные различия, связанные с характером и глубиной саморепрезентации, принятыми в данной культуре. Например, Дэниэл Миллер показывает, что на Тринидаде повышенная прозрачность соцмедиа (которую в других частях мира, возможно, расценили бы как сплетничество и навязчивость) нормативна и считается отражением тринидадской культуры [Miller 2011]. Во-вторых, эти стратегии во многом обусловлены выбором того, в каких социальных медиа присутствовать. Он может зависеть от самых разных факторов: начиная с того, какой соцсетью пользуется референтная группа (а это, в зависимости от возраста, социального статуса, ценностей пользователя могут быть и ближайшие друзья, и потенциальные работодатели, и селебрити), и заканчивая сугубо технической доступностью той или иной платформы. В-третьих, они связаны с нормами поведения в конкретной соцсети: сколько цифровых объектов (фотографий, текстов, видео) принято выкладывать ежедневно? Какого они должны быть содержания? Какой контент будет востребован целевой аудиторией? Какие цели может преследовать пользователь — увеличения числа лайков или монетизации блога?

[6] https://www.glamour.ru/society/v-barnaule-uchitelnicu-uvolili-za-fotografiyu-v-kupalnike

Итак, цифровые следы — это не зеркало поведения офлайн, а проекция, зависимая от многих переменных: интересов пользователя, его ценностей, культурных установок, аффордансов и ограничений той или иной соцсети и т. д. Однако именно в силу своей зависимости от социальных установок пользователей эти данные ценны для исследователя. Когда человек фотографирует интересное для него место или пишет о нем в социальной сети, он делает видимыми сразу несколько важных пресуппозиций.

Во-первых, статус городского объекта, рядом с которым находится пользователь, влияет на статус самого пользователя: престижно находиться рядом с социально востребованным объектом. Таким объектом, в зависимости от установок конкретной целевой аудитории, может быть что угодно — историческая достопримечательность, уличный праздник, неожиданный объект стрит-арта. Более того, фиксация своего присутствия рядом с такой достопримечательностью практически обязательна для опыта определенного типа — это ритуал почитания некоторых «общих ценностей», моральной структуры современного общества [Макканелл 2016: 85]. Соответственно, по практике фотографирования объекта мы можем судить о том, является ли он «достопримечательностью», ценностью (для определенной аудитории).

Во-вторых, непосредственный опыт пользователя (его физическое присутствие в одном пространстве с таким объектом, позволившее ему сделать собственную фотографию этого объекта) обладает определенной ценностью. Сделанная «в моменте» фотография, даже низкого качества, ценнее, чем взятая из интернета профессиональная, но чужая. При этом люди скорее фиксируют среду в моменты «напряжения», эмоционального всплеска, чем рутины [Wilken, Humpreys 2019: 111]. На фотографиях пользователей отражается не просто ценность присутствия в значимом месте, а возникающий в связи с этим аффект.

Поэтому «условно управляемые» цифровые следы дают возможность оценить не просто пользование городом, а социально одобряемое пользование городом, восприятие большими группами пользователей тех или иных объектов как востребованных, значимых, статусных — и при этом вызывающих яркие эмоции. Материалы, выложенные в сеть, оказываются социально нормированы — именно это позволяет сделать по ним выводы о предпочтениях не отдельных индивидов, а крупных социальных конгломератов[7]. Создаваемые десятками и сотнями тысяч, фотографии позволяют посмотреть на город глазами множества людей и понять, как они перемещаются в городской среде и как ее осваивают.

[7] См. об обусловленности восприятия территории предыдущим зрительским опытом [Urry 1990].

Цифровые следы как диагностический признак

Изучение городской среды путем анализа геолоцированных цифровых следов распространено достаточно широко. В основном оно нацелено на оценку туристической активности городов (см., напр.: [Crandall et al. 2009], [Popescu et al. 2009], [Donaire et al. 2014], [Silva 2013]). Однако число проектов, которые анализируют различные свойства городской среды по этим цифровым следам, относительно невелико.

Например, исследовательская группа под руководством Пабло Марти-Чирикуана проводила измерение успешности общественных пространств (plazas) по чекинам в Foursquare [Martí-Ciriquián et al. 2017]. При этом в качестве основного показателя выступает накопленное количество чекинов без какой-либо дифференциации по времени их размещения или социально-демографическому профилю оставивших их пользователей. Предсказуемо, в крупных или туристически востребованных городах число чекинов оказывается большим. Авторы также обращают внимание на то, что это число повышается, если общественное пространство находится в центре города или на пересечении ключевых улиц. Однако это заставляет задуматься о концептуализации понятия «успешность городского общественного пространства»: подразумевается ли под ним только его притягательность для жителей всего города и приезжих? В этом случае локальные общественные пространства, востребованные жителями соответствующего района и служащие его «точкой сборки», оказываются ниже в рейтинге, чем площадь с городской достопримечательностью, социальная активность на которой сводится к селфи на фоне этой достопримечательности.

Та же проблема связана и с исследованиями пользовательских фотоматериалов. Например, в Индексе развития городов, разработанном Университетом Наварры, рейтинг, основанный на числе фотографий города на сервисе Panoramio, используется в качестве одной из составляющих оценки глобального влияния города [Berrone et al. 2019: 21]. В этом случае города с наибольшим числом фотографий получают наивысшие оценки, но такой прямолинейный подход очевидным образом дискриминирует города с меньшим количеством населения или туристическим потоком.

Ряд компаний использует такие данные в предпроектном анализе. К ним, например, относится базирующаяся в Университете Тампере группа SpinUnit, результаты работы которой по анализу данных социальных сетей были использованы в ряде проектов в Турку (прокладка маршрута городского трамвая, постройка моста), а также других городов Финляндии, Эстонии, Великобритании и России. Аналогичную работу проводит голландский проект DAT.mobility. Сандер ван дер Дрифт в 2014 году[8] предложил администрации Амстердама основанное на фотографиях исследование пространственных

[8] http://www.dat.nl/nl/cases/monitoring-met-flickr-fotos/

и темпоральных паттернов поведения туристов в городе. Результаты этого исследования были использованы для оптимизации туристических маршрутов.

Чуть сложнее устроен подход, разработанный Габриэлем Альфельдтом [Ahlfeldt 2013]. Он предположил, что число фотографий отражает то, что он назвал «урбаничностью» района (сочетание его эстетических и сервисных характеристик — например, наличие природных рекреационных зон, учреждений культуры, предприятий общественного питания, архитектурных достопримечательностей), потому что в привлекательном месте растет и число фотографов, и частота фотосъемки. Иными словами, под урбаничностью подразумевается визуальный комфорт, уникальность района и возможности потребления. Урбаничность, в свою очередь, ведет к повышению стоимости жилья, а значит, по числу фото можно прогнозировать стоимость недвижимости. По его результатам, за урбаничность люди готовы платить дополнительно до 1,5% дохода домохозяйства. Причем по мере того, как увеличивается число привлекательных черт, число фото растет непропорционально быстро.

Наиболее близкий нашим задачам метод исследования представлен в работах команды Даниэле Керчиа (напр. [Quercia et al. 2015]). Базируясь на «общей теории пешеходности» американского урбаниста Джефа Спека, исследователи предположили, что наиболее комфортные улицы для пешей прогулки должны быть безопасны, полезны (насыщены сервисами), соответствовать «человеческому масштабу» и быть интересными (то есть архитектурно разнообразными и изобилующими следами человеческой активности). Они исследовали цифровые следы, оставленные в Flickr и Foursquare пользователями центральной части Лондона. В этой работе исследователи пользовались взвешенными значениями, и это дало им возможность выявить связь между безопасностью улиц и наличием вечерних фотографий; связь между наличием женщин на улицах и ожидаемым уровнем преступности; связь между ощущением безопасности и наличием озелененных зон; «пешеходностью» и наличием жилых домов на улице. В результате они предложили несколько вариантов практического использования полученной методологии оценки «пешеходности» улиц. Однако благоустройство — изменение улиц — в этот набор рекомендаций не вошло.

Методология исследования

Основным вопросом нашего исследования стало изменение практик пользования благоустроенными улицами и их репрезентации в пользовательских цифровых следах. Для оценки эффективности благоустройства по программе «Моя улица» мы выбрали из числа реконструированных несколько максимально разнообразных улиц. Согласно Стандарту благоустройства, разработанному КБ Стрелка и утвержденному распоряжением Правительства Москвы от 04.08.2016 № 387-РП «Об утверждении Сводного стандарта благоустройства улиц Москвы», московские улицы были разделены на десять типовых групп

(в зависимости от ширины улицы, ее значимости в транспортной системе, локализации в городе), а некоторые улицы были включены в группу «уникальных» — то есть не поддающихся типологизации из-за своего специфического положения и особого исторически сложившегося облика. Для нашего исследования[9] были выбраны как уникальные улицы (Тверская ул., ул. Новый Арбат и некоторые улицы Садового кольца — Новинский бульвар, Садовая-Кудринская ул., Садовая-Триумфальная ул., Б. Садовая ул.), так и относящиеся к разным типам (Таганская ул., ул. М. Дмитровка, ул. Петровские Линии, Б. Кисловский переулок, Неглинная ул., Пушечная ул.); позже к исследованию была добавлена Хохловская площадь. Кроме этого, была создана контрольная группа улиц, которые на момент исследования еще не были реконструированы в рамках программы «Моя улица», но по остальным качествам максимально соответствовали характеру изучаемых благоустроенных улиц (за исключением уникальных именно по причине их принципиальной несопоставимости с другими улицами): ул. Большая Ордынка, Марксистская ул., Поварская ул., Товарищеский пер., Палашевский пер.

Исследование было построено на анализе цифровых следов, отражающих восприятие города — а именно, геолоцированных пользовательских фотографий в соцмедиа (vk.com, Instagram.com, foursquare.com и др.), позволяющих увидеть городскую среду «глазами пользователя (детально методология описана в: [Радченко 2016]). Для этого были выгружены анонимизированные пользовательские фотографии[10] за два периода: за 12 месяцев до старта работ и за 12 месяцев после их завершения. Такой подход позволил полностью охватить годовой цикл активности территории с учетом сезонных изменений, влияния выходных и праздников.

Некоторой проблемой для исследования стало то, что городская территория не возвращается к своей нормальной активности сразу после того, как убирается забор и уходят рабочие. Сначала горожане вновь открывают для себя улицу, которую уже привыкли исключать из своих обычных маршрутов и практик. Затем наступает своего рода «медовый месяц», когда СМИ и блогеры пишут о новых возможностях территории после реконструкции, и горожане начинают потоком идти их осваивать, хвалить или ругать в соцсетях, запуская тем самым волну интереса. В течение первого года территория может сильно изменяться, подстраиваясь под новые реалии: здесь изменяются (иногда существенно) социодемографические характеристики аудитории, добавляется событийная программа, открываются одни магазины и рестораны и закрываются другие. Поэтому такую оценку эффективности важно проводить не только после завершения работ, но и на протяжении минимум пяти следующих лет. Для Нового Арбата, поскольку он был реконструирован одним из первых, мы смогли взять два двенадцатимесячных периода.

[9] Частично работы проводились в рамках комплексного исследования эффектов благоустройства КБ Стрелка, а частично — по инициативе Центра городской антропологии.

[10] В исследовательских целях мы сохраняли следующие метаданные: геолокацию фотографии, дату ее размещения в социальной сети, город проживания владельца фотографии (при наличии данных).

После того, как данные были получены, они были очищены от рекламных сообщений и повторных фотографий. Полученный массив из 8132 фотографий был в ручном режиме размечен 4 кодировщиками с частичной кросс-проверкой результатов: выделены фотографии, сделанные в помещении и на улице; режим освещенности снимков (светлое/темное время суток); пол и возрастная группа изображенных людей, объекты и виды деятельности, изображенные на фотографии.

Методология позволила дать оценку динамики поведения пользователей по следующим параметрам: 1) суточный цикл активности; 2) сезонный цикл активности; 3) изменение структуры пользователей (семейная аудитория, туристы); 4) интерес к объектам и событиям территории. На трех улицах контрольной группы (не вошедших в программу благоустройства) диапазон колебаний ключевых показателей составил не более 2–3% — то есть изменения, о которых мы будем говорить, связаны именно с благоустройством.

Далее мы дадим общий обзор результатов и подробно остановимся на двух уникальных случаях: Новом Арбате и Хохловской площади.

Результаты «Моей улицы»: общие закономерности

Одним из признаков комфорта улицы является то, насколько человек чувствует себя здесь в безопасности в любое время суток [Джекобс 2008: 4]. На небезопасную и/или неинтересную улицу стараются не приходить в темное время суток и тем более не останавливаться на ней для того, чтобы сделать фотографию. Иными словами, повышение уровня пользовательской фотосъемки в темное время суток в общем случае свидетельствует о росте комфорта на данной территории. Из предыдущих исследований, проводимых с 2015 года, мы знаем, что в центре Москвы средний уровень вечерней фотографии составляет 25–30%[11]. Все, что ниже этого показателя — уже некоторый повод для беспокойства (для сравнения, в небольших и криминально неблагополучных российских городах доля ночных фотографий может составлять всего 2–3%).

Практически на всех обследованных улицах уровень вечерней фотосъемки резко вырос по сравнению с обследованиями до проведения благоустройства (*График 1*), причем на Петровских Линиях и Б. Кисловском переулке вечерних фотографий ранее не было совсем, а на Большой Садовой их количество выросло более чем в три раза.

Для большинства российских городов большой проблемой является отсутствие общественных пространств, активных в холодное время года. Зимой многие жители либо оказываются замкнуты в своих домах, либо вынуждены использовать в качестве места для променадов торговые центры. Сбалансированность же сезонного пользования территорией говорит о ее постоянном климатическом комфорте, пешеходной доступности и всесезонной привлекательности для горожан и приезжих. Кроме того, она очень важна для ритейла и объектов общественного

[11] Данные исследований Центра городской антропологии. См. также: [Радченко 2017, 26 октября].

График 1. Доля фотографий, сделанных в темное время суток, % от массива фотографий по каждой улице за каждый год

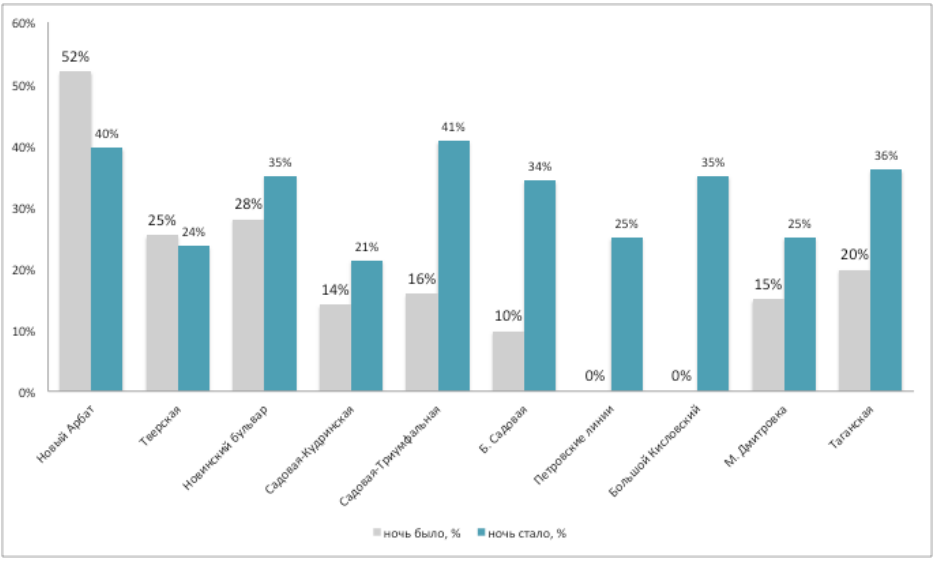
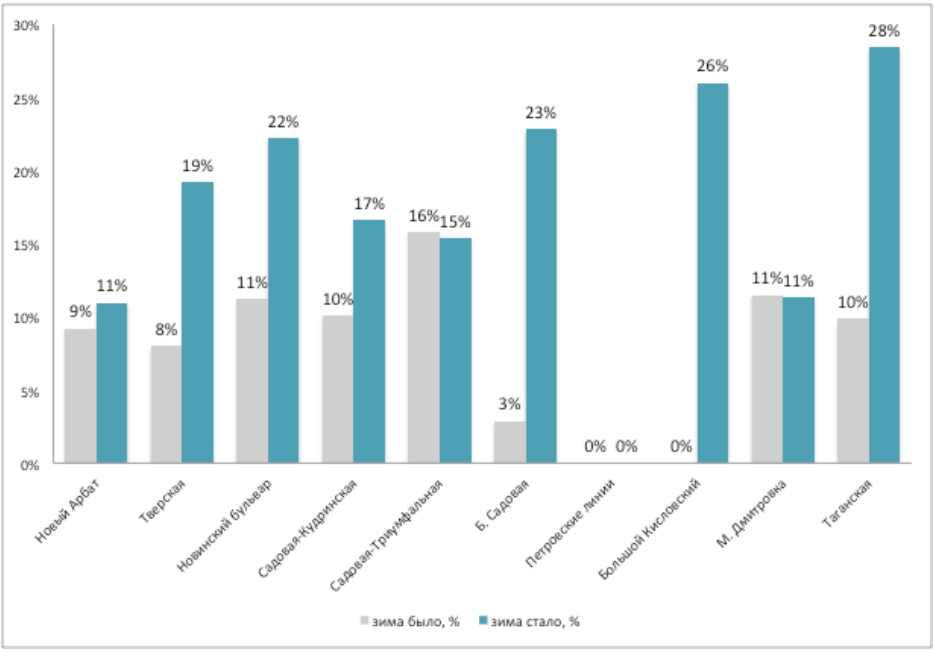

График 2. Доля фотографий, сделанных в зимние месяцы, % от массива фотографий по каждой улице за каждый год

питания — равномерное распределение пешеходного потока в течение года помогает поддерживать постоянный уровень прибыли. Поэтому в качестве основного показателя климатического комфорта была выбрана доля фотографий, сделанных в течение трех зимних месяцев — в идеальной ситуации равномерного распределения активности на территории по месяцам она должна колебаться вокруг 25% от всего массива.

На всех обследованных улицах после благоустройства зимнее пользование либо выросло, либо колеблется в пределах 2%, то есть не изменилось. (*График 2*). Новинский бульвар, Б. Садовая, Таганская и Б. Кисловский переулок демонстрируют оптимальные показатели по этому параметру. Особо следует отметить серьезный рост зимней востребованности Тверской улицы. При этом нельзя сказать, что этот рост вызван только новогодними мероприятиями — если удалить из базы все фотографии, связанные с праздничной активностью или оформлением, доля зимних фотографий на Тверской все равно составит свыше 30%.

Еще один показатель привлекательности территории — ее визуальное разнообразие, изобилие объектов, притягивающих взгляд людей. Чем выше число привлекательных объектов, тем интереснее находиться на такой улице. После завершения благоустройства мы наблюдаем, по сути, «переоткрытие» центра Москвы — резко растет число фотографий, сфокусированных на каких-либо важных для пользователей городских объектах (*График 3*)[12]. Москвичи и гости города не только получили новые малые архитектурные формы, но и, благодаря улучшившейся пешеходной доступности и безопасности улиц, стали обращать большее внимание на исторические здания. Так, Тверская улица перестала быть «городским коридором» с монотонными стенами-домами и стала привлекать отдельными объектами. В том числе 16 объектов, которые не были отмечены на фотографиях 2015 года, но попали в зону интереса пользователей в 2017 — это предприятия торговли и общественного питания: иными словами, находящиеся здесь кафе и магазины стали интересовать пользователей не только функционально (как места, где что-то можно купить или съесть), но и эмоционально.

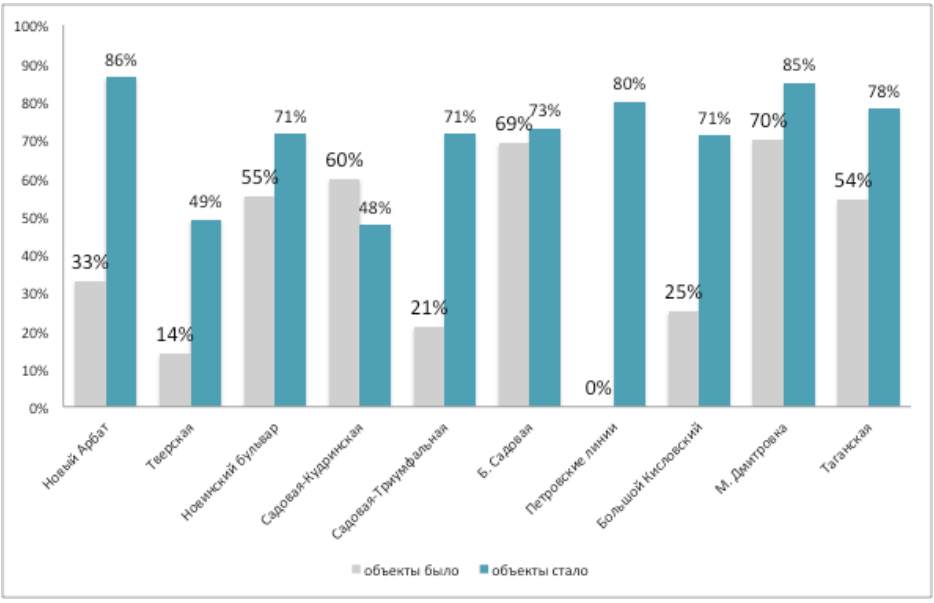
Получается, что почти все обследованные улицы после благоустройства стали безопаснее и комфортнее для пешеходов, а также более привлекательными: как за счет событийной программы, так и за счет появившихся малых архитектурных форм.

Трансформация Нового Арбата

Проблемы Нового Арбата были связаны как с его исторической планировкой, так и с эксплуатацией улицы в постсоветский период. Новый Арбат был заложен как ключевая артерия города, рассчитанная на постоянный поток транспорта. В результате оказалось, что две его стороны функционально разорваны, существуют практически независимо друг от друга.

[12] Единственное исключение — это уже упомянутый в разделе 3 случай Садовой-Кудринской, где падение числа «объектных» фотографий связано с реконструкцией расположенного здесь входа в Зоопарк.

График 3. Доля фотографий, сконцентрированных на конкретных объектах, % от массива фотографий по каждой улице за каждый год

Из-за изобилия дорогих магазинов, развлекательных заведений и общего облика «московского Лас-Вегаса» Новый Арбат воспринимался как элитарное пространство, где рядовому москвичу нечего делать. Новый Арбат функционировал как своего рода городской коридор, не подразумевающий прогулок — здесь не было комфортных мест для отдыха, не выходящих на неупорядоченную парковку.

Задачей проекта благоустройства стало сохранение монументального облика улицы (в том числе подчеркивание разного характера сторон Арбата) с привнесением в нее элементов человеческого масштаба и создание возможностей для пешеходных прогулок.

Помимо благоустройства тротуаров и урегулирования парковок, здесь высадили деревья, создали единый дизайн-код улицы, поставили современные фонари и новые зоны отдыха — в том числе 150-метровую деревянную скамью, которая, по замыслу создателей, должна была объединить все группы пользователей — от дворников до олигархов.

Что же получилось? Посмотрим на Новый Арбат через призму тех же показателей. В условиях дефицита пешеходных переходов на Новом Арбате разрыв, образованный проезжей частью, преодолевается визуально. В поисках ракурсов для съемки обеих сторон посетители улицы были готовы подниматься наверх зданий или газонов (возможно развитие возможностей «обзорных площадок»), фотографировать из машины или с мотоцикла (т. е. с середины проезжей части).

Илл. 1. Тепловая карта распределения фотографий Нового Арбата до реконструкции

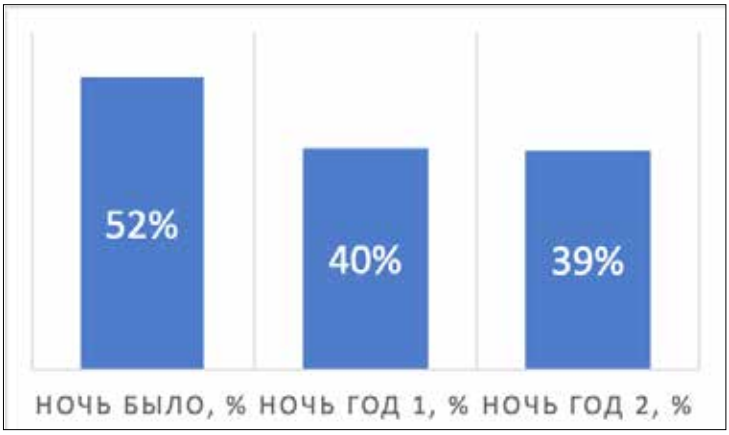

Илл. 2. Тепловая карта распределения фотографий Нового Арбата после реконструкции

Фотографировать было неудобно и, как показывает массив фотографий (*Илл. 1*), за исключением домов-книжек и храма св. Симеона, практически нечего.

После завершения благоустройства Новый Арбат перестал быть «городским коридором» с монотонными стенами-домами и стал привлекать отдельными объектами (*Илл. 2*). Люди не просто пробегают по улице, а чаще останавливаются, больше замечают вокруг себя. Это очень важно не только для настроения прогуливающихся, но и для работы малого бизнеса: если люди притормаживают, чтобы сфотографировать объект, они наверняка увидят рядом с собой вывеску интересного кафе или магазина — а значит, повысится шанс на то, что они сюда зайдут.

График 4. Доля фотографий, сделанных на Новом Арбате в темное время суток, % от массива фотографий за каждый год

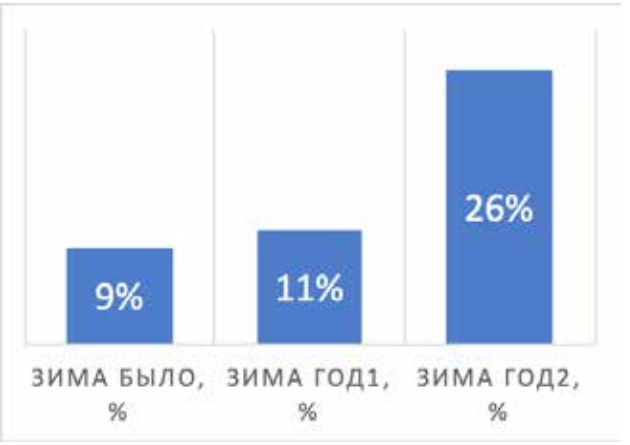

Уникальность Нового Арбата, описанная в Стандарте благоустройства, подтверждается и данными из социальных сетей: до реконструкции здесь фотографировали почти исключительно ночью. Это означает, что днем на Новом Арбате было неинтересно, а ночью сюда притягивает только подсветка знаменитых домов-книжек.

После благоустройства дневной Новый Арбат смог составить конкуренцию ночному (*График 4*) — он стал гораздо привлекательнее, здесь появились дневные сервисы и точки притяжения, и в результате показатель выровнялся сразу после завершения благоустройства и спустя год остался на том же уровне. Пользование территорией стало более сбалансированным: улица оказалась безопасной ночью и привлекательной днем.

В то же время климатический комфорт обновленного Нового Арбата посетители оценили не сразу — но уже во вторую зиму он вырос до идеального и составил 26% (*График 5*).

График 5. Доля фотографий, сделанных зимой на Новом Арбате, % от массива фотографий за каждый год

Одним из важных показателей востребованности участков городского пространства является их привлекательность для туристов: приехавшие в город ненадолго люди, что вполне естественно, стремятся увидеть все самое интересное, что есть в городе, гулять по уютным улицам, где много магазинов и кафе, фотографироваться на фоне красивых городских пейзажей. Однако среди жалоб на благоустройство в социальных сетях нередко попадались тексты о том, что Москва становится скорее туристическим «Диснейлендом», чем удобным местом обыденной жизни москвичей, поскольку благоустройство и проводимые на улицах мероприятия скорее отвечают запросам туристов, чем местных жителей.

Эти два соображения говорят о том, что оптимальной можно считать сбалансированную структуру пользования территорией, когда с примерно равной вероятностью здесь проводят время и туристы, и местные жители (иными словами, теоретический оптимальный уровень «туристических» фотографий на территории должен колебаться вокруг 50%). Резкий перекос в одну или другую сторону говорит либо о том, что местные жители избегают слишком «туристической» или «коммерциализированной» территории, либо, наоборот, туристы не интересуются скучной улицей.

После проведения благоустройства Новый Арбат приблизился к оптимальному уровню — теперь это в той же степени улица для москвичей, как и туристический объект (*График 6*).

На примере Нового Арбата хорошо видно, что при оценке количественных показателей, полученных при анализе цифровых следов, необходимо обращать внимание на контекст, в котором они появились. Снижение показателя вечерних фотографий для большинства улиц — тревожный показатель, но только не для уникального Нового Арбата, где проблемой было как раз отсутствие дневной досуговой активности. Точно так же кажется очевидным, что повышение доли туристов — это позитивное изменение, но для Нового Арбата это оказалось не совсем так.

График 6. Доля туристов на Новом Арбате
(по количеству профилей пользователей), % от массива фотографий за каждый год

Хохловская площадь: до и после реконструкции

Хохловская площадь представляет собой совершенно другой случай. В отличие от Нового Арбата, всегда бывшего зоной притяжения, территория Хохловской площади до реконструкции, по сути, отсутствовала на ментальной карте города: здесь сначала располагалась автомобильная парковка, а затем — на протяжении почти десяти лет — огороженный непроницаемым забором котлован замороженного строительства. По соседству с котлованом было несколько кафе, но они не создавали существенного пешеходного потока. До благоустройства пользовательская активность вокруг Хохловской площади концентрировалась на участке улицы Покровки и в сквере у памятника Чернышевскому. На рассматриваемом участке Покровского бульвара активности не было вообще (*Илл. 3*).

Сложность проектирования усугублялась тем, что при создании котлована был найден объект архитектурного наследия — фрагмент стены Белого города. Поэтому задачей стало создание общественного пространства, сфокусированного на объекте наследия, позволяющего рассмотреть его, а заодно — отдохнуть от ритма окружающих улиц, спрятаться и не включаться ни в какую активность [Печенкина 2017, 7 декабря]. Такое пространство должно было создавать мягкий переход от зеленой зоны бульвара к оживленной Покровке, изобилующей общественными функциями, но при этом не быть запрограммированным на какой-то конкретный вид деятельности, позволять развертывание разнообразных пользовательских сценариев. Решением стал амфитеатр с небольшим озеленением, уходящий вниз, к законсервированной и музеефицированной стене Белого города. Иными словами, это редкий для центра Москвы случай, когда общественное пространство было создано с нуля.

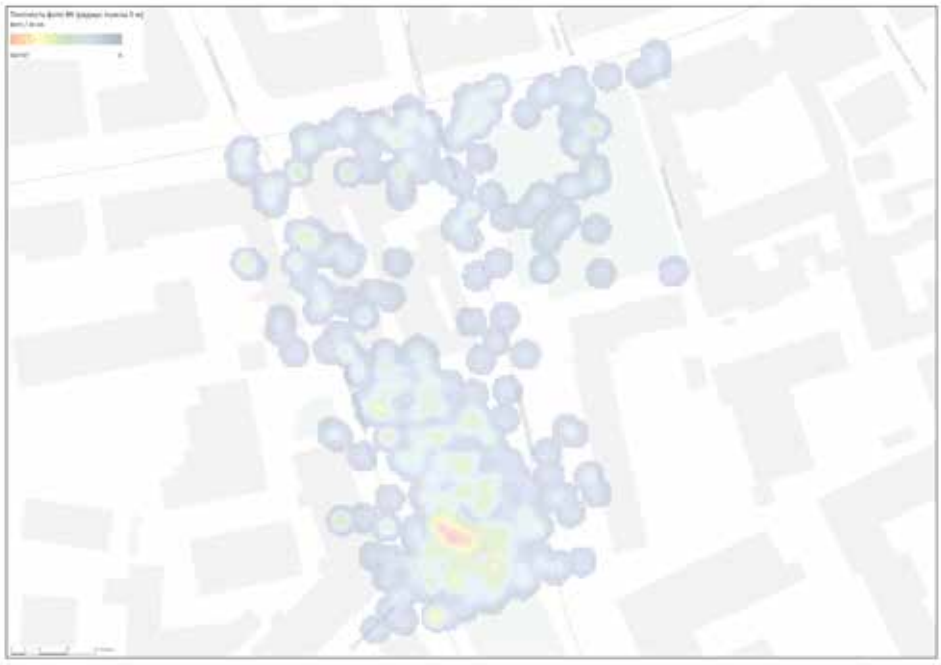
Илл. 3. Хохловская площадь до благоустройства

За 12 месяцев после реконструкции число фотографий на этой территории выросло в 15 (!) раз. При этом за то же время рост аудитории vk.com в Москве (по данным TNS Web Index), наоборот, снизился более чем на 10%. Иными словами, бурный рост пользовательских данных по территории связан не с ростом проникновения интернета и аудитории соцсетей, а с появлением нового общественного пространства и развитием сервисов рядом с ним.

До реконструкции на обследуемой территории практически не было уличной активности (под открытым небом сделано всего 28% фотографий). После реконструкции их стало 45%. Это не слишком высокий показатель — существенную роль на территории играет активность в кафе, ресторанах и др., — но он нормален для большинства городских пространств.

После реконструкции активность на территории стала достаточно разнообразной. При том, что в сквере у памятника Чернышевского картина изменилась мало, созданный амфитеатр стал зоной для пикников, мест встреч групп по интересам и т. д. (*Илл. 4*). Появились и новые бизнесы — например, пицца на вынос.

Из-за того, что до реконструкции точками притяжения на территории были вечерние сервисы (кафе и рестораны), здесь была завышена доля фотографий, сделанных в темное время суток (59%). После благоустройства показатель нормализовался (29%) — это достаточно высокий показатель, характерный для благополучных и воспринимаемых

Илл. 4. Хохловская площадь после благоустройства

как безопасные территорий центра мегаполиса с развитыми вечерними сервисами и достаточной освещенностью.

Сезонная активность территории также существенно изменилась. До реконструкции фотографии распределялись довольно необычно и неравномерно (возможно, за счет того, что их было очень мало) — основная доля, 50%, приходилась на весну, 27% — на зиму, и только 9% было сделано летом. Создание амфитеатра, где можно сидеть, резко сдвинуло сезонное распределение фотографий — теперь 41% фотографий сделан летом, 25% осенью (преимущественно в начале этого периода, когда еще достаточно тепло для того, чтобы проводить время под открытым небом), и 32% почти поровну делят между собой зима и весна.

На территории несколько повысилось число туристов (с 29% до 34%). Однако такое соотношение приезжих и местных жителей показывает, что Хохловская площадь стала излюбленным местом посещения москвичей, но не туристическим объектом. Именно поэтому сдвинулось и недельное распределение активности посетителей Хохловской площади в соцмедиа. При равномерном распределении активности в будни и выходные или праздничные дни доля фотографий, сделанных в выходные, составила бы около 32% (из расчета примерно 118 выходных и праздничных дней в год). Очень похожую картину демонстрировала территория вокруг Хохловской площади до благоустройства — в выходные было сделано 36% фотографий. Появление же нового общественного пространства стимулировало активность территории по выходным:

уже в первый год функционирования площади в выходные было сделано 44% фотографий.

Итак, Хохловская площадь стала востребованным общественным пространством, прежде всего ориентированным на молодых москвичей. В 2019 году эта популярность привела к ряду конфликтов: шум от уличных праздников и распитие алкоголя в амфитеатре вызвали нарекания жителей ближайших к площади домов и привлекли внимание как молодежных движений, так и правоохранительных служб: периодически на площади случались драки, осуществлялись задержания нарушителей общественного порядка, площадь полностью перекрывали для пользования. Проблема, по-видимому, возникла именно из-за избыточной популярности пространства: дефицит мест для молодежи в Москве привлек к Хохловской площади людей из разных районов города. Как замечает Скотт Маккуайр, публичность предполагает создание общего пространства, но это пространство не только консенсуса, но и противоречий [Маккуйар 2018: 43–45]. Можно сказать, что Хохловская площадь выполнила роль как раз такого общественного пространства, точки сборки «контр-публик» [Fraser 1990] города.

Заключение

Анализ цифровых следов в социальных сетях позволяет оценить изменение отношения пользователей к городским улицам после благоустройства — а значит, эффективность такого рода работ. В отличие от привычной этнографической методологии, он дает возможность получить сопоставимые количественные данные; в отличие от опросных методов — увидеть это изменение через призму практик, а не вербальных интерпретаций пользователей, а также выделить ряд количественных показателей, которые могут использоваться при анализе качества городской среды и эффектов благоустройства. Это плотность и равномерность распределения цифровых следов на территории, воспринимаемая безопасность территории (соотношение дневных и вечерних фотографий), туристическая привлекательность, разнообразие объектов и видов деятельности, климатический комфорт и сбалансированность сезонного пользования территорией и т. д.

Конечно, полученные таким образом данные нельзя в полной мере считать репрезентативными — они охватывают только тех горожан и туристов, которые пользуются социальными сетями и размещают в открытом доступе свои фотографии (или другие геолоцированные объекты). Поэтому результаты цифровых исследований должны дополняться материалами других исследований, прежде всего, интервью и включенного наблюдения (именно это и было сделано в ходе изучения эффектов «Моей улицы»).

В большинстве случаев, которые мы рассмотрели в рамках этого исследования, оказалось необходимым учитывать контекст, в котором функционирует каждая конкретная улица. Это и история места (как, например,

в случае с Хохловской площадью), и его специфические проблемы (доминирование туристов на Новом Арбате), и факторы, которые могут вести к искажениям в интерпретации формальных показателей (например, насыщенная событийная программа Тверской). В отличие от собственно data science, цифровая антропология предлагает гибкий подход к оценке городской среды, в котором каждое количественное значение может интерпретироваться только в контексте локальных городских особенностей, в том числе, особенностей пользования дата-генерирующей платформой (в нашем случае, социальными сетями).

Литература

Алексеевский, М. Д. (2018). Трудности перевода: заметки о развитии прикладной городской антропологии в России. *Фольклор и антропология города, I*(1), 204–213.

Власти Москвы выделят рекордную сумму на программу «Моя улица» (2019, 23 октября). *РБК*. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/23/10/2019/5da726d99a79472ebf781dfb

Гоффман, Э. (2017). *Поведение в публичных местах. Заметки о социальной организации сборищ*. М.: Элементарные формы.

Джекобс, Д. (2008). Назначение тротуаров: Безопасность. *Логос, 66*(3), 3–23.

Макканелл, Д. (2016). *Турист. Новая теория праздного класса*. М.: Ад Маргинем.

Маккуайр, С. (2018). *Геомедиа. Сетевые города и будущее общественного пространства*. М.: Strelka Press.

Печенкина, Ю. (2017, 7 декабря). Юрий Сапрыкин — о том, как важно появление в Москве «немест». *Strelka Mag*. Режим доступа: https://strelkamag.com/ru/article/noplace

Радченко, Д. А. (2016). Мегаполис в объективе: фотографии в социальных сетях как источник данных о пользовании территорией. *Лабиринт, 2016*(5), 25–36.

Радченко, Д. А. (2017, 26 октября). Москвичи стали больше фотографироваться в ночное время. Почему это говорит о том, что на улицах стало безопаснее. *Strelka Mag*. Режим доступа: http://strelka.com/ru/magazine/2017/10/26/night-streets?fbclid=IwAR27X1cZrLvnjQxVewdHtrw2bAy8Yt00RR36-vh2GC-rXCt5S1NM8m9Er5I

Ahlfeldt, G. (2013). *Urbanity. CESifo working paper, No. 4533*. Munich: Center for Economic Studies and Ifo Institute (CESifo).

Berrone, P., Ricart, J. E., Duch, A., Carrasco, C. (2019). *IESE Cities in Motion Index 2019.* IESE, ST-509-E, 05/2019. Retrieved from https://media.iese.edu/research/pdfs/ST-0509-E.pdf?_ga=2.156766203.116086647.1564068443-755882738.1564068443

Boellstorff, T. (2013). Making big data, in theory. *First Monday, 18*(10). Retrieved from https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/4869/3750

Crandall, D. J., Backstrom, L., Huttenlocher, D., Kleinberg, J. (2009). Mapping the world's photos. In *WWW'09: Proceedings of the 18th international conference on World Wide Web,* 761–770. New York: ACM.

Donaire, J. A., Camprubi, R., Gali, N. (2014). Tourist clusters from Flickr photography. *Tourism Management Perspectives, 2014*(11), 26–33.

Fast, K., Ljungberg, E., Braunerhielm, L. (2019). On the social construction of geomedia technologies. *Communication and the Public, 4*(2), 89–99.

Fraser, N. (1990). Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy. *Social Text, 1990*(25/26), 56–80.

Martí-Ciriquián, P., Serrano Estrada, L., Nolasco-Cirugeda, A. (2017). Using locative social media and urban cartographies to identify and locate successful urban plazas. *Cities, 2017*(*64*), 66–78.

Miller, D. (2011). *Tales from Facebook.* Cambridge: Polity Press.

Popescu, A., Grefenstette, G., Moellic, P.-A. (2009). Mining tourist information from user-supplied collections. In *CIKM'09 Proceedings of the 18th ACM conference on information and knowledge management,* 1713–1716. New York: ACM.

Quercia, D., Aiello, L. M., Schifanella, R., Davies, A. (2015). The digital life of walkable streets. In *WWW'15: Proceedings of the 24th international conference on World Wide Web. International World Wide Web Conferences Steering Committee, Republic and Canton of Geneva,* 875–884. Switzerland.

Silva, T. H., Vaz de Melo, P., Almeida, J., Salles, J., Loureiro, A. (2013). A comparison of Foursquare and Instagram to the study of city dynamics and urban social behavior. In *Proceedings of the 2nd ACM SIGKDD international workshop on urban computing (UrbComp'13).* New York: ACM.

Urry, J. (1980). *The tourist gaze: Leisure and travel in contemporary societies.* London: Sage Publications.

Wilken, R., Humphreys, L. (2019). Constructing the check-in: Reflections on photo-taking among Foursquare users. *Communication and the Public, 4*(2), 100–117.

References

Ahlfeldt, G. (2013). *Urbanity. CESifo working paper, No. 4533*. Munich: Center for Economic Studies and Ifo Institute (CESifo).

Alekseevsky, M. (2018). Lost in translation: Concerning the development of applied urban anthropology in Russia. *Urban Folklore & Anthropology, I*(1), 204–213. (In Russian).

Berrone, P., Ricart, J. E., Duch, A., Carrasco, C. (2019). *IESE Cities in Motion Index 2019.* IESE, ST-509-E, 05/2019. Retrieved from https://media.iese.edu/research/pdfs/ST-0509-E.pdf?_ga=2.156766203.116086647.1564068443-755882738.1564068443

Boellstorff, T. (2013). Making big data, in theory. *First Monday, 18*(10). Retrieved from https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/download/4869/3750

Crandall, D. J., Backstrom, L., Huttenlocher, D., Kleinberg, J. (2009). Mapping the world's photos. In *WWW'09: Proceedings of the 18th international conference on World Wide Web,* 761–770. New York: ACM.

Donaire, J. A., Camprubi, R., Gali, N. (2014). Tourist clusters from Flickr photography. *Tourism Management Perspectives, 2014*(11), 26–33.

Fast, K., Ljungberg, E., Braunerhielm, L. (2019). On the social construction of geomedia technologies. *Communication and the Public, 4*(2), 89–99.

Fraser, N. (1990). Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy. *Social Text, 1990*(25/26), 56–80.

Goffman, I. (2017). *Behavior in public places: Notes on the social organization of gatherings.* Moscow: Elementarnye formy. (In Russian).

Jacobs, J. (2008). The uses of sidewalks: Safety. *Logos, 66*(3), 3–23. (In Russian).

MacCannell, D. (2016). *The tourist. A new theory of the leisure class*. Moscow: Ad Marginem. (In Russian).

Martí-Ciriquián, P., Serrano Estrada, L., Nolasco-Cirugeda, A. (2017). Using locative social media and urban cartographies to identify and locate successful urban plazas. *Cities, 2017*(*64*), 66–78.

McQuire, S. (2018). *Geomedia: Networked cities and the future of public space*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).

Miller, D. (2011). *Tales from Facebook.* Cambridge: Polity Press.

Moscow authorities will allocate a record amount of funds for the program "My Street" (2019, October 23). *RosBiznesConsulting*. Retrieved from https://www.rbc.ru/politics/23/10/2019/5da726d99a79472ebf781dfb (In Russian).

Pechenkina, Yu. (2017, December 7). Yuri Saprykin on the importance of emergence of "non-places" in Moscow. *Strelka Mag*. Retrieved from https://strelkamag.com/ru/article/noplace (In Russian).

Popescu, A., Grefenstette, G., Moellic, P.-A. (2009). Mining tourist information from user-supplied collections. In *CIKM'09 Proceedings of the 18th ACM conference on information and knowledge management,* 1713–1716. New York: ACM.

Quercia, D., Aiello, L. M., Schifanella, R., Davies, A. (2015). The digital life of walkable streets. In *WWW'15: Proceedings of the 24th international conference on World Wide Web. International World Wide Web Conferences Steering Committee, Republic and Canton of Geneva,* 875–884. Switzerland.

Radchenko, D. (2016). Megapolis in the lens: Photos on social networks as a source of data on use of a territory. *Labyrinth: Journal of Philosophy and Social Sciences, 2016*(5), 25–36. (In Russian).

Radchenko, D. (2017, October 26). Muscovites began to take more pictures at night. Why does this mean that it has become safer on the streets. *Strelka Mag*. Retrieved from http://strelka.com/ru/magazine/2017/10/26/night-streets?fbclid=IwAR27X1cZrLvnjQxVewdHtrw2bAy8Yt00RR36-vh2GC-rXCt5S1NM8m9Er5I (In Russian).

Silva, T. H., Vaz de Melo, P., Almeida, J., Salles, J., Loureiro, A. (2013). A comparison of Foursquare and Instagram to the study of city dynamics and urban social behavior. In *Proceedings of the 2nd ACM SIGKDD international workshop on urban computing (UrbComp'13).* New York: ACM.

Urry, J. (1980). *The tourist gaze: Leisure and travel in contemporary societies.* London: Sage Publications.

Wilken, R., Humphreys, L. (2019). Constructing the check-in: Reflections on photo-taking among Foursquare users. *Communication and the Public, 4*(2), 100–117.

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Городские типажи

Какие люди жили в городе раньше? Об этом, конечно, можно почитать в книгах или сходить в местный краеведческий музей. Но можно что-то узнать и просто проходя по улице. Памятники великим людям ставят повсеместно, но появилось и множество памятников людям безымянным, представителям разных профессий, важных для города. Порой они имеют корпоративный характер – например, пожарные ставят памятник пожарному, работники коммунальных служб – дворнику и фонарщику, работники городского водоканала – водовозу. Может появиться и памятник важному персонажу городских улиц прошлого – городовому. Городовой в Петербурге, как замечают горожане, очень похож на Никиту Михалкова. Все памятники на развороте – из Санкт-Петербурга, установлены в основном в начале XXI века.

МОНИТОРИНГ АКТУАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА

Защитник хрущевки, его речь и его плакат: дискурс и этнография антиреновационного протеста в Москве

Александра Сергеевна Архипова[1], [2]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2]Российская экономическая школа, Москва, Россия

Мария Владимировна Гаврилова[1]

✉ mariavl.gavrilova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0846-3408

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Ирина Владимировна Козлова[1]

✉ matira@dobre.ru
ORCID: 0000-0001-5466-1339

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Архипова, А. С., Гаврилова, М. В., Козлова, И. В. (2019). Защитник хрущевки, его речь и его плакат: дискурс и этнография антиреновационного протеста в Москве. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 294–331. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-294-331.

В статье представлены результаты антропологического исследования протестов владельцев квартир в пятиэтажках-«хрущевках» против программы реновации жилья, инициированной московскими властями в 2017–2018 годы. В качестве материала исследования мы использовали глубинные интервью с жителями домов, попавших в программу реновации (10 интервью) и результаты наблюдений, проведенных на уличных акциях против закона о реновации. На уличных акциях мы также записывали интервью (62 интервью) и фиксировали «высказывания» (плакаты, значки и т. п.), на основе которых была создана база (1256 единиц). С одной стороны, авторов интересовало, каким образом противники реновации описывали самих себя, свое жилье, действия московских властей и какие дискурсивные модели они использовали для выражения своего отношения к происходящим событиям. С другой стороны, авторы стремились охарактеризовать людей, которых мобилизовала эта волна протеста, объяснить, как и почему они оказались вовлечены сначала в активистскую, а в дальнейшем и в политическую деятельность, и описать динамику этого процесса. Наконец, используя качественные и количественные методы, авторы выявили главные причины того, почему программа реновации, первоначально задуманная властями в качестве «подарка» москвичам, вызвала такое сильное недовольство у жителей пятиэтажек. На основе своих выводов они сформулировали ряд практических советов застройщикам, как избежать подобного развития событий в аналогичных ситуациях.

Ключевые слова: протест, реновация, митинг, дискурс, комфортная среда, становление активиста

Работа выполнена в рамках НИР «Фольклор/постфольклор в культурном пространстве города XX–XXI вв.: нарративные и поведенческие стратегии» Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС.
Мы выражаем благодарность нашим коллегам из группы «Мониторинг актуального фольклора» и друзьям группы МАФ, которые наблюдали с нами акции, фотографировали плакаты и записывали интервью: Елене Югай, Сергею Белянину, Алексею Титкову, Вадиму Лурье, Екатерине Ландовой, Александру Фокину, Марии Ахметовой, Марии Сухановой.

Defenders of the "Khrushchev houses", their speech and posters: Discourse and ethnography of the protest against the housing renovation program in Moscow

Alexandra S. Arkhipova[1], [2]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2]New Economic School, Moscow, Russia

Maria V. Gavrilova[1]

✉ mariavl.gavrilova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0846-3408

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Irina V. Kozlova[1]

✉ matira@dobre.ru
ORCID: 0000-0001-5466-1339

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article: Arkhipova, A., Gavrilova, M., Kozlova I. (2019). Defenders of the "Khrushchev houses", their speech and posters: Discourse and ethnography of the protest against the housing renovation program in Moscow. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 294–331. DOI: 10.22394/2658-3895-2019-2-3-4-294-331. (In Russian).

The article presents the results of an anthropological study of the protests of the apartment owners in five-storey "Khrushchev" buildings' against the housing renovation program initiated by Moscow authorities in 2017–2018. We used in-depth interviews with residents of houses that fell under the renovation program (10 interviews) and results of observations made during street actions against the renovation law as research material. During the street rallies we have also recorded interviews (62 interviews in total) and "statements" (posters, badges, etc.) that subsequently comprised a database (1256 units). On the one hand, the authors of this article were interested in how opponents of the renovation described themselves, their housing, the actions of Moscow authorities and

which discursive models they employed to express their attitude to the events. On the other hand, the authors' goal was to characterize the people who were mobilized by this wave of protest, to explain how and why they became involved first in grassroot activism, and later on in professional political work, and describe the dynamics of this process. Finally, by employing qualitative and quantitative methods, the authors identified the main reasons why the renovation program, originally conceived by the authorities as a "gift" to Muscovites, caused such a strong negative reaction among residents of five-storey buildings. Based on their findings, they formulated some practical advice for developers on how to avoid such a reaction from people in similar situations.

Keywords: civil protest, housing renovation program, rally, discourse, comfortable urban environment, political activism

The research was performed under the research project «Folklore/postfolklore in urban cultural space of the 20th–21st centuries: Narrative and behavioral strategies» by the Laboratory for Theoretical Folklore Studies (SASH ISS RANEPA).
We express gratitude to our colleagues from the Monitoring of Current Folklore group and to the friends of the group that were observing rallies, photographing posters and recording interviews along with us: Elena Yugay, Sergei Belyanin, Alexei Titkov, Vadim Lurie, Ekaterina Landova, Alexander Fokin, Maria Akhmetova, Maria Sukhanova.

«Никто, кроме вас, это сделать не сможет»: как возник конфликт вокруг реновации и замысел нашей статьи

В феврале 2017 года правительство Москвы объявило о начале «Программы реновации жилья», согласно которой часть «ветхой» московской жилой застройки — в первую очередь, кварталы «хрущевских»[1] панельных пятиэтажек — подлежала сносу. На этом месте планировалось строить современные высотные дома. Одну часть квартир в будущих новостройках предлагалось отдать бывшим жильцам хрущевок взамен изъятой у них собственности, а другую — продать.

В опубликованном интернет-изданием «Медуза» расследовании журналиста Ивана Голунова подробно рассказано о том, что снос ветхих хрущевок обсуждался в мэрии еще в 2014–2016 годы. Однако публичным этот проект стал в начале февраля 2017 года, причем подан он был как реакция на запрос «снизу», который озвучили депутаты на муниципальном съезде: «Никто, кроме вас, это [снос ветхого жилья] сделать не может», — сказали они мэру Москвы Сергею Собянину. Голунов отмечает, что новость о запросе депутатов была опубликована на сайте московского стройкомплекса за 40 минут до начала съезда [Голунов 2017, 15 августа]. Буквально в день съезда, 7 февраля, на канале «Россия-1» вышел репортаж, в котором жители «хрущевок» жаловались на ветхость жилья и просили запустить программу реновации [Стрыгина 2017, 7 февраля].

[1] *Хрущевками* традиционно называют дома упрощенной планировки, которые начали строить при Н. С. Хрущеве. В 1956–1959 годы была начата серия строительства «показательных новых домов» в новом районе Москвы Черемушки. Квартиры отличались маленькой площадью, однако построенные типоввые дома стали способом решить вопрос с жильем для огромного числа советских семей.

Согласно этим журналистским расследованиям, реновация, по задумке мэрии, должна была восприниматься москвичами как ответ на запрос «широких масс». Авторы идеи были убеждены, что программа будет встречена одобрением, потому что «люди получат более дорогие квартиры в новых комфортных домах» [Голунов 2017, 15 августа]. 10 марта 2017 года депутаты Государственной думы внесли законопроект о сносе пятиэтажек в Москве [Андреева 2017, 10 марта, Бекбулатова, Воронов, Иванов 2017, 10 марта], по которому стало возможным по суду выселять собственников из их квартир[2], если две трети жильцов дома проголосовало за снос. Закон был одобрен думой в первом чтении 20 апреля и принят с многочисленными поправками 1 июля 2017 года[3]. Ожидания московской политической элиты не оправдались: горожане не обрадовались «подарку» в виде замены ветхого жилья на новое. В течение весны 2017 года реновация активно обсуждалась в СМИ (*Илл. 1*). В социальных сетях уже с конца февраля стали появляться группы противников реновации, стремительно разворачивалась протестная мобилизация [Галямина и др. 2018: 7]. Результатом этого стал первый массовый[4] митинг противников реновации, который прошел 14 мая 2017 года. Сопротивление программе реновации мобилизовало на борьбу тех, кто раньше не участвовал в протестных акциях и не причислял себя к политическим активистам. В то же время в соцсетях появились немногочисленные группы сторонников реновации, хотя их состав вызвал много вопросов, а журналистские расследования показали, что большинство участников этих групп не являются жителями пятиэтажек, за которых себя выдают [Мароховская, Долинина 2017, 20 ноября].

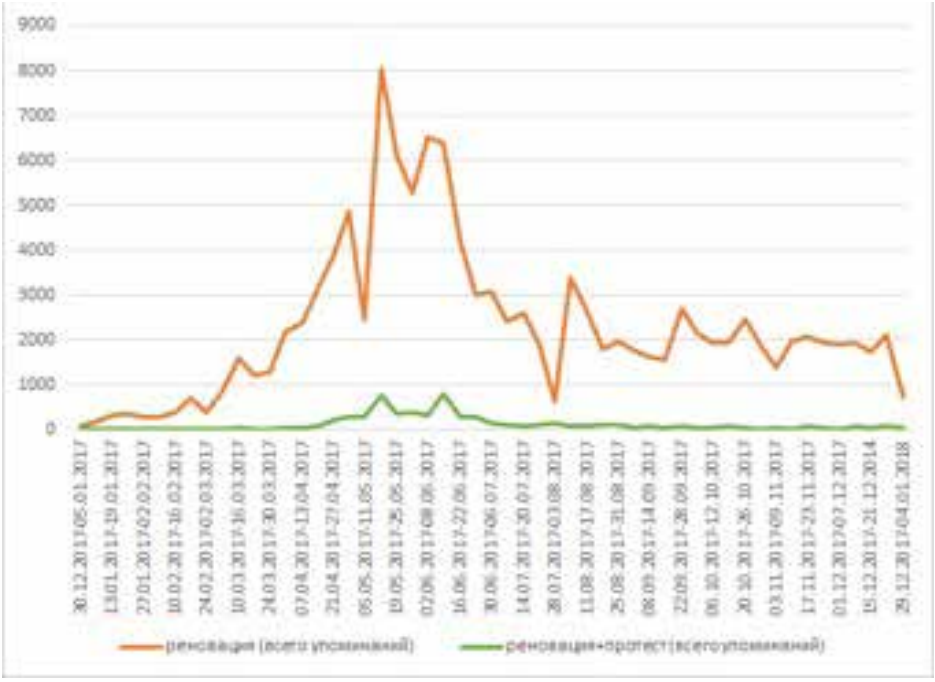
Такова вкратце история московской реновации и сопротивления ей. Однако наше исследование посвящено не столько самому конфликту вокруг московской реновации, сколько анализу дискурса ее противников. Медленно, шаг за шагом, мы хотим показать, как люди создают и демонстрируют публично — в своей речи во время интервью, а потом и на плакате во время протестных акций — те глубинные причины, по которым они не хотят лишаться всего «ветхого жилья». Развитие

[2] Многие независимые политики при этом заявили, что переселение будет фактически принудительным. Например, Дмитрий Гудков в интервью 11 марта 2017 года, процитировав законопроект, сделал именно такой вывод: «В случае, если договор о переходе права собственности на жилое помещение, расположенное в многоквартирном доме, включенном в решение о реновации, не заключен в установленном порядке по истечении шестидесяти дней со дня направления собственнику жилого помещения предложения о предоставлении равнозначного жилого помещения, выселение, освобождение указанного жилого помещения, прекращение права собственности на указанное жилое помещение и регистрация права собственности на равнозначное жилое помещение осуществляются в судебном порядке» [Гудков 2017, 11 марта].

[3] Федеральный закон от 1 июля 2017 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве» [http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102437323&intelsearch=%CE+%F1%F2%E0%F2%F3%F1%E5+%F1%F2%EE%EB%E8%F6%FB+%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9+%D4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8]. Кроме этого закона в связи с реновацией был принят еще ряд актов [https://www.mos.ru/city/projects/renovation/garantii/].

[4] Волонтерская организация «Белый счетчик» насчитала более 20 тысяч участников, прошедших через рамки. Это был один из самых массовых митингов за последнее время, учитывая, что программа реновации касалась не всех.

антиреновационного дискурса, переход его из индивидуальной речи в максимально публичное высказывание на плакате не только обнажает эти причины, но и создает основание для солидаризации протестующих, которая, в свою очередь, усиливает протест. Соответственно, именно анализ дискурса — как качественными, как и количественными методами — позволит и антропологу, и девелоперу понять, как лучше (было) взаимодействовать с жителями «хрущевок» и каких ошибок можно избежать в дальнейшем.

Илл. 1. Количество публикаций в СМИ с 30 декабря 2016 по 30 декабря 2017 года на тему а) московской реновации; б) упоминания протестов против программы реновации (по данным базы «Интегрум»)

Специфика протеста против реновации в Москве

Россия — далеко не единственная страна, где горожане протестуют против планов застройщиков, защищая свою собственность и привычную среду обитания. Чаще всего против сноса домов и реконструкции кварталов выступают жители бедных районов. Это особенно характерно для стран так называемого «второго мира» (Китай, Турция, страны Латинской Америки), где экономический рост и стремление к модернизации городских территорий сочетается с выраженным имущественным неравенством и несовершенством социальных институтов [де Сото 2008, Kuymulu 2014, Gransow 2014, Chen 2009]. Но не только: конфликты случаются и в таких странах, как Южная Корея, Израиль, Испания [Menahem 1994, Lee 2014, Shin 2018,

Айбар, Бейкер 2017]. При этом китайский и турецкий случаи структурно довольно похожи на российский антидевелоперский протест: в качестве агрессивного модернизатора здесь выступает авторитарное государство, в том числе отстаивающее интересы крупного бизнеса. В московском случае внимание противников реновации было сосредоточено в первую очередь на критике чиновников, желающих «распилить» бюджет, а крупные застройщики рассматривались как их партнеры и помощники: «Бюджетные деньги в значительной части разворуют, от этого инвесторы потеряют интерес к дальнейшему строительству, чиновники, набившие карманы, потихоньку разбегутся» [Гудков 2017, 16 мая]. В этом дискурсе государство не то чтобы лоббирует интересы крупного бизнеса, а скорее действует в союзе с ним для обогащения, в первую очередь, чиновников.

Московский антиреновационный протест специфичен во многом именно по составу участников: в активные действия против программы реновации оказался вовлечен качественно другой социальный слой. В то время как в других странах к тотальному сносу чаще «приговаривают» кварталы бедняков, у нас (как мы покажем далее) наиболее активно в борьбе с реновацией себя проявили именно представители среднего класса, причем в первую очередь — те, чьи доходы в течение последних нескольких лет позволили им купить квартиру (такое приобретение сегодня по карману лишь очень небольшому проценту россиян).

Соответственно, отличается и то, как исследователи воспринимают социальный протест такого рода. Случаи сопротивления застройщикам в других странах обычно оцениваются и рассматриваются как яркий пример «левой» повестки (например, [Айбар, Бейкер 2017]), подразумевающей антагонизм между богатыми и сильными, с одной стороны, и бедными и слабыми — с другой. В России ситуация другая: борьба против программы реновации происходит с ярко выраженных «правых» позиций, причем отстаивание собственниками своих имущественных прав оказывается триггером возникновения чувства гражданственности и, как результат, политического вовлечения. Аполитичные владельцы московских хрущевок не просто оказались втянуты в масштабный социальный конфликт, который, в числе прочего, выразился в уличном протесте, но и возглавили его. Многие из наших собеседников очень быстро прошли цикл вовлечения в политическую деятельность: «аполитичный обыватель» — «борец за свой дом» — «гражданский активист». Социолог Карин Клеман описывала похожую трансформацию — правда, состоящую из двух этапов: «обывателя» и «активиста» [Клеман и др. 2010, Клеман 2013][5].

Как мы изучали дискурс протеста: методология исследования

Те, кто изучает протест, далеко не всегда имеют возможность пронаблюдать и зафиксировать его развитие в реальном времени[6].

[5] Типологически похожую трансформацию аполитичного гражданина в активиста описывают также социологи в книге «Политика аполитичных» [Ерпылева, Магун 2013].

[6] В режиме реального времени отдельные кейсы, например, борьбу против сноса дома Юргенса (на ул. Жуковского), домов на Талежной улице и др. в Санкт-Петербурге наблюдала и анализировала Е. В. Тыканова [Тыканова 2013, Тыканова 2019].

Как правило, исследователи городского социального протеста используют в качестве материала для анализа публикации в СМИ, агитационные материалы, а также ретроспективно записанные интервью[7]. На наш взгляд, этого материала недостаточно, и вдобавок он содержит в себе один существенный дефект. Дело в том, что наши воспоминания подвержены когнитивному искажению, называемому *hindsight effect*: при порождении ретроспективного нарратива мы бессознательно корректируем свое восприятие предыдущих событий, если знаем, чем окончилась история[8]. Содержание тех нарративов о себе, которые информанты транслировали в мае 2017 года, когда движение против реновации еще только набирало силу, расходится с тем, что те же самые люди рассказывали уже осенью 2017-го или в 2018 году. Например, в интервью постфактум[9] участники движения против реновации иногда говорили о себе как об изначально подготовленных и зрелых политических активистах, хотя в более ранних рассказах история и мотивировки их вовлечения в публичные действия были иными.

Именно в силу этих причин наша исследовательская группа[10] стремилась провести синхронное исследование реакции москвичей на программу реновации. Мы начали исследовательскую работу в марте 2017 года, когда антиреновационный протест набирал силу, и закончили в апреле 2018 года, когда состоялся последний митинг.

В результате нам удалось проследить динамику реакции на происходящее на всех его этапах: мы наблюдали за откликом общества на программу реновации, посещали все антиреновационные митинги (14 мая 2017 года, 28 мая 2017 года, 12 июня 2017 года, 14 июня 2017 года, 21 апреля 2018 года)[11] и интервьюировали москвичей, вовлеченных в

[7] В частности: [Gransow 2014, Chen 2009, Menahem 1994, Lee 2014, Shin 2018]. Непосредственно проблемам реновации в России на материалах анализа СМИ посвящена статья О. В. Ерпылевой [Ерпылева 2019].

[8] Подробнее о том, как *hindsight effect* меняет конструирование текста рассказчиком, см.: [Janoff-Bulman, Timko, Carli 1985].

[9] Иногда у нас даже случайно происходили повторные встречи с информантами на митингах.

[10] Наша исследовательская группа называется «Мониторинг актуального фольклора» (МАФ). Наблюдая с 2014 года за появлением и распространением фольклорных текстов и вернакулярных практик, мы, в числе прочего, рутинно ведем мониторинг общественной реакции на актуальные социально-политические события. См. подробнее в работах группы МАФ: [Архипова и др. 2017, Arkhipova et al. 2017, Архипова и др. 2018а].

[11] Первый и самый большой митинг прошел 14 мая 2017 года на площади Сахарова — на входе перед рамками активисты «Белого счетчика» зафиксировали 20 тысяч человек (стоить добавить, что была большая давка перед входом и некоторые уходили, не пройдя через рамки собственно на территорию митинга). Следующей акцией стало шествие по ул. Вавилова 28 мая 2017 года, в которой, по данным «Белого счетчика», приняли участие 5 тысяч человек. 12 июня 2017 года противники реновации решили принять участие отдельной группой в антикоррупционном митинге Алексея Навального, однако когда сторонники Навального отказались от согласованной ранее площадки на проспекте Сахарова и ушли на Тверскую и Пушкинскую площадь, противники реновации в своем большинстве остались на проспекте Сахарова. Из-за того, что организаторы митинга в последний момент внезапно изменили планы, «Белый счетчик» подсчетов на площади Сахарова не вел, но наши наблюдатели из группы МАФ сообщают, что, по сравнению с митингом 14 мая, площадь была практически пустой. В текущем исследовании учитывались только те участники митинга 12 июня, которые остались на площади Сахарова. 14 июня мы наблюдали народный сход у Государственной думы, плакатов там не было, но мы записали несколько интервью. И наконец, 21 апреля 2018 года противники реновации вновь собрались на митинг, который был организован партией «Яблоко» (в значительной мере — в поддержку кандидата от «Яблока» на ближайших выборах мэра Москвы) и прошел на площади Суворова. «Белый счетчик» свидетельствует, что через рамки прошло 3 тысячи человек.

конфликт — причем делали это синхронно с развитием протеста, в том числе и на всех акциях протеста.

Мы не ставили перед собой задачи проанализировать социальные процессы, лежащие в основе конфликта вокруг московской программы реновации жилья, или провести этнографическое наблюдение деятельности активистских сообществ, а сосредоточились на анализе текстов, отражающих реакцию людей на происходящее с их жильем — текстов, которые наши собеседники спонтанно порождали во время интервью, а также помещали на плакаты во время митингов. Именно поэтому мы интервьюировали активистов и рядовых жителей хрущевок, возмущенных тем, что их дома идут под снос.

Как мы увидим далее, в речи разных людей, не знакомых друг с другом, встречаются одни и те же структуры и паттерны (в терминах ван Дейка) [ван Дейк, Кинч 1988]. Другими словами, мы изучаем дискурс, который создавали люди, еще вчера бывшие аполитичными москвичами, а назавтра ставшие гражданскими активистами. Качественный анализ текстов интервью (72 интервью), а также количественный анализ плакатов позволил нам выделить нарративные элементы, с помощью которых создавался дискурс протеста и в спонтанной речи (во время интервью), и в публичном высказывании на плакате. Именно этот дискурс позволял протестующим заявлять о себе как об особой группе со своими специальными требованиями.

Анализ спонтанных высказываний хорошо разработан (в первую очередь когнитивной школой ван Дейка), в то время как такой работы с публичными высказываниями на плакатах, которые предъявляют протестующие, никто не делал. Для анализа дискурса публичных акций исследовательская группа МАФ разработала собственную методику количественного анализа высказываний на публичных акциях. Расскажем вкратце, в чем она состоит.

Хотя на митинг можно прийти в обычной одежде и без всяких знаков протеста, мотивированные участники, как правило, специально артикулируют свою позицию с помощью заметных высказываний. Мы называем их «высказываниями в сильной позиции» или просто «сильными высказываниями»[12]. Таким высказыванием может, например, стать плакат «Если вам нужна моя частная собственность, договаривайтесь со мной о цене!» или красно-белая строительная лента, повязанная на руку. Высказывание может быть сделано *вербально* (текст на плакате «Не сносите, да не сносимы будете»), *визуально* (дорожный знак «стоп», зачеркнутый экскаватор) или с *помощью артефакта* (красный «пионерский» галстук, шляпа в виде зеленого двора, трехмерная модель дома).

Во время публичной политической акции наша исследовательская группа и волонтеры наблюдают, интервьюируют участников и

[12] Участники публичной политической акции, не имеющие явных знаков протеста, тем не менее, тоже совершают высказывание — «нулевое высказывание», поскольку они поддерживают повестку акции самим фактом своего присутствия. Но в наших базах они не учитываются, поскольку мы считаем только «сильные высказывания».

фотографируют их «сильные высказывания». В дальнейшем мы просматриваем фотографии и видео[13], сделанные в разных точках акции, и на основе этого материала создаем базу данных. Единицей в нашей базе является не любой посетитель митинга, а участник с заведомо артикулированной позицией — с «сильным высказыванием»[14]. Совокупно в базе данных по антиреновационному протесту нами было учтено 1256 «сильных высказываний»: 403 — за 14 мая 2017 года, 475 — за 28 мая 2017 года, 178 — за 12 июня 2017 года и, наконец, 200 — за 21 апреля 2018 года.

В результате мы имеем корпус текстов, в котором сведены воедино «голоса» множества участников протеста, выраженные ими с помощью «сильных высказываний». Количественный анализ этого массива показывает нам, во-первых, насколько ярко в протестном дискурсе выражена та или иная тема по сравнению с остальными и, во-вторых, как этот показатель меняется в динамике. Таким образом, мы слышим весь «хор» голосов протеста (часть из которых может не совпадать с «официально» объявленными повестками митингов), и в то же время определяем, какие мотивы в нем «звучат» громче остальных.

Сначала мы представим перечень наиболее частотных нарративных структур в индивидуальной речи, объясняющих, как и почему жители хрущевок включаются в протест против реновации, попутно отслеживая, как те или иные мотивировки, озвучиваемые противниками реновации, преломляются в конкретные действия. После этого мы расскажем о способах публичной репрезентации претензий москвичей на митингах и, основываясь на количественных данных, покажем, какие проблемы для них наиболее важны. В конце статьи мы не только обобщим полученные результаты, поместив наши выводы в контекст дальнейшего развития социально-политических событий в Москве, но и сформулируем несколько практических рекомендаций, которые мы адресуем всем тем, кто заинтересован в развитии городской среды.

«Деревья, птички и соразмерность человеку»: страх утраты комфортной среды

Пять этажей без лифта, маленькая квартира с низкими потолками, невероятно тесной кухней и совмещенным санузлом — вот типичные черты хрущевок, создающие узнаваемый образ простого «пролетарского» жилища, которое иногда ласково называют хрущобой. Видимо, московская мэрия, предлагая свой «дар», по умолчанию предполагала, что все хотят избавиться от такого «морально устаревшего» жилья. Казалось бы, такая точка зрения вполне оправдана: результаты исследования,

[13] Например, за 28 мая 2017 года нами было сделано более 2000 фотографий; причем на одной фотографии может присутствовать более одного человека с тем или иным «высказыванием».

[14] В частности, в результате полевой работы на митинге 28 мая 2017 года у нас оказалось 475 уникальных фотографических изображений, равных единице в базе. Также стоит отдельно отметить, что на одном митингующем может быть несколько «сильных высказываний». Тем не менее, один участник митинга, держащий плакат, обвязанный строительной лентой и увешанный значками — это одна строчка в базе.

проведенного Центром городской антропологии КБ Стрелка в шести российских городах, показали, что хрущевки пользуются наименьшей популярностью у покупателей [Алексеевский 2017, 1 ноября].

Однако в том же исследовании говорится о том, что «бесспорным фаворитом» для большинства информантов является коттедж, поскольку жизнь в коттедже — это и близость к природе, и соразмерность с человеком. А кроме того, в целом российские покупатели квартир почти всегда выбирают жилье по принципу «наименее плохого» из доступного по цене [Алексеевский 2017, 1 ноября]. Поэтому кажущееся противоречие наших исследований снимается тем, что наши информанты — это не все россияне, купившие жилье, а именно те, кто сознательно выбрал себе именно пятиэтажку в качестве «наименее плохого из доступного». Если квартиры в пятиэтажках не достались по наследству, то они были куплены нашими информантами после долгих поисков, по ипотеке или на деньги, взятые в долг. Рынок московского жилья устроен таким образом, что если человек хочет приобрести квартиру в пределах МКАД (Московской кольцевой автодороги) — то есть у станции метро и относительно близко к центру — то хрущевка часто оказывается наиболее доступной по цене. Как рассказывали нам информанты, квартира в хрущевке выбиралась ими очень тщательно — с учетом близости к работе взрослых и к школе детей. Многие информанты специально покупали «убитую» квартиру в хрущевке, чтобы сэкономить и потом сделать ремонт и удобную для семьи перепланировку.

Но кроме этого, для двух третей наших информантов хрущевка — это не просто дом, где они живут и частью которого они владеют, а сочетание культурной, социальной и природной среды, адаптированное под конкретного «пользователя». Информанты постоянно говорили нам о том, что они покупали именно «среду, а не метры». Ради среды они готовы были терпеть значительные неудобства: «Мы посмотрели на эту квартиру — о боже мой, какая она была убогая! Я сказала [сыну]: “Мы покупаем стены, все остальное мы сделаем сами”. Вот. Но место!»[15].

Место расположения хрущевки, которое перевешивает «убожество» самой квартиры — это прежде всего наличие природы вокруг. Постоянным элементом нарратива о квартире в пятиэтажке является рассказ о деревьях, растущих вокруг дома: «…мне приятно, что я выглядываю в окно и вижу прямо перед собой деревья, это важно»[16]. Наравне с деревьями, чьи ветки создают тень на балконе, часто упоминаются домашние и дикие животные.

> Эти районы зеленые, прекрасные, где живут кошки, они тоже москвичи, и их не просто лишают дома, их просто уничтожают, они погибнут под завалами ‹…›. Комфортная среда для человека — это зеленая среда, это птицы, животные — тогда и человек чувствует себя лучше[17].

[15] Светлана Б., 49 лет, высшее образование. Район Покровское-Стрешнево. Интервью записано Александрой Архиповой и Марией Гавриловой 03.02.2017.

[16] Алексей В., 54 года, высшее образование. Район Фили. Интервью записано Александрой Архиповой в апреле 2017 года.

[17] Ж., около 35 лет, записано Ириной Козловой на митинге 21.04.2018.

Один из наших информантов нарисовал плакат, сделав адресантом высказывания кота (*Илл. 2*). Он объяснил это тем, что «коты тоже москвичи», и они не меньше людей пострадают от реновации:

> Не только людям будет в этой душегубке [новых небоскребах] плохо житься, но и птичкам, и котикам, и всем на свете[18].

Одна из наших собеседниц упорно называла свою хрущевку «дачкой», упирая на преимущества жизни в Москве (возле метро «Щукинская» — то есть довольно близко от центра) с сохранением всех достоинств дачного дома:

> Тут действительно дачка-дачка: тут открываешь окно — свежий воздух дают бесплатно. Никаких машин, вообще! ‹...› Есть бабки, которые с самого прям дня основания тут живут, они вон там клумбочку под окнами разбивают. ‹...› Я решила, что я хочу жить тут, вот с этими птичками, там, боярышником и бобрами в 20-ти минутах и метро — в 15-ти[19].

Другая информантка сравнивала свой микрорайон пятиэтажек у метро Беляево с «деревней»:

> ...у нас очень много долгожителей, именно из-за того, что у нас прекрасная инфраструктура и прекрасная природа. Вот. И такой вот затишок: ты ушел от метро — и все, и ты уже живешь в деревне спокойно[20].

Для всех опрошенных большим преимуществом оказывается наличие поблизости парка. Одна из наших собеседниц на митинге говорила, что специально переехала из центра в Коптево, район на севере Москвы, потому что «там зеленый район и парк рядом»[21]. Неважно, что в этот парк рассказчик может ходить один раз в год, важно, что его наличие — это такая привилегия, от которой он не готов отказываться: «Все-таки у нас очень хороший район — мы сидим на краю парка, и я думаю, там все бы взбесились, если бы нас стали бы оттуда куда-то сковыривать и перевозить»[22].

Итак, обитатели хрущевок, выбравшие их по критерию «соразмерности человеку», буквально повторили концепцию архитектора и урбаниста Яна Гейла [Гейл 2012]. Именно об этом говорит наша собеседница, противопоставляя «соразмерную человеку» хрущевку некачественно построенному и не предназначенному для комфортного проживания многоэтажному дому — «человейнику», как такие дома называют некоторые информанты:

[18] М., около 50 лет, записано Ириной Козловой на митинге 21.04.2018.

[19] Светлана Б., 49 лет, высшее образование. Район Покровское-Стрешнево. Интервью записано Александрой Архиповой и Марией Гавриловой 03.02.2017.

[20] Елена, 66 лет, высшее образование. Район Беляево. Интервью записано Марией Гавриловой в сентябре 2018 года.

[21] Ж., около 30 лет, записано Ириной Козловой на митинге 21.04.2018.

[22] Алексей В., 54 года, высшее образование. Район Фили. Интервью записано Александрой Архиповой в апреле 2017 года.

> Вот, например, я с удовольствием переехала после громадного дома в пятиэтажку ‹...› дом, вот он такой необычной архитектуры, необычной конструкции — потому что это все соразмерно с человеком. Это не 22 этажа, а это и микрорайон, который пока что остается соразмерным с человеком. Я этот выбор сделала осознанно[23].

Согласно восприятию информантов, в мире пятиэтажек все идеально приспособлено к нуждам человека, и даже дорожки заасфальтированы так, чтобы людям было удобнее ходить:

> ...вот построили дома, заселили, разбили газоны. Стали смотреть — как вообще люди ходят — а люди ходят как быстрее и короче. По протоптанным тропинкам положили асфальт — поэтому вот эта вот дорога [между хрущевками] косая, которая к метро ведет[24].

Про «правильно проложенные» дорожки даже существует устойчивый фольклорный сюжет: их придумал проложить таким образом какой-нибудь известный человек или группа людей. Например, в качестве «культурного героя» может выступать физик И. В. Курчатов — якобы он, возглавив институт, решил проблему хождения по газонам так: распорядился не асфальтировать дорожки на прилегающей к институту территории, пока сотрудники института сами протопчут тропинки там, где им удобнее всего ходить, после чего заасфальтировал их[25].

Наши информанты много говорили не только о том, как для них важна комфортная окружающая среда, но и том, что и они сами тоже приложили руку к ее облагораживанию — например, разбили палисадник под окном или установили скамеечки во дворе:

> Вот эту вот грушу под окном сажал его [мужа] отец, и вот ту березу — тоже. Здесь же как было — когда заселили эти дома [в начале 1960-х], просто привезли грузовик с саженцами: кто хочет сажать — сажайте[26].

Тем самым информанты подчеркивают, с одной стороны, уникальную ценность квартиры в хрущевке, а с другой — свой личный вклад в развитие среды и связь истории своей семьи с районом:

> ...была деревня. И мы с папой пошли туда ‹...›, и мы у них купили кусты: черной смородины с малинкой, там, тыры-пыры, — и посадили у себя вон там за окном. И когда я была в десятом классе, я после экзаменов ходила и собирала свою кружечку вот этих вот ягодок — очень было трогательно. Вот там еще сажали с мамой нарциссы, тюльпанчики — в общем, было вот такое вот... такая пасторальная картина[27].

[23] Мария, 56 лет, высшее образование. Район Фили. Интервью записано Марией Гавриловой в феврале 2018 года.

[24] Елена Викторовна, высшее образование. Район Сокольники. Интервью записано Александрой Архиповой в марте 2017 года.

[25] См. обсуждение этого сюжета, например, на ресурсе Pikabu [https://pikabu.ru/story/prostaya_genialnost_4051902].

[26] Елена Викторовна, высшее образование. Район Сокольники. Интервью записано Александрой Архиповой в марте 2018 года.

[27] Елена, 62 года, высшее образование. Район Беляево. Интервью записано Марией Гавриловой в сентябре 2018 года.

Неудивительно, что участники митингов активно поднимали вверх рисунки с зелеными деревьями или лозунги: «5-этажки это — зеленая уютная Москва / На реконструкцию!» (14 мая 2017), «Флора и фауна Москвы — жертвы реновации» (на митингах 28 мая 2017 года и 21 апреля 2018 года), «Мы хотим видеть дальше, чем окна дома напротив!» (28 мая 2017 года). Такие высказывания («Хрущевки — это экологически и социально комфортная для человека среда») — составили в среднем четверть от всех высказываний на митингах. На первом митинге их доля составила 20%, 28 мая она возросла до 27%, 12 июня — упала до 11%, а в 2018 году снова поднялась до 24%. Это довольно высокий показатель, особенно если мы учтем, что собственно политических высказываний — против действующей власти или указаний на то, что закон о реновации нарушает конституционные права — было значительно меньше (об этом см. далее).

Илл. *2*. Супруги с самостоятельно нарисованным плакатом на митинге 21 апреля 2018 года. Фотография группы МАФ

«Знать соседей в лицо»: тесные социальные связи как преимущество

Другой привилегией жизни в «малоэтажном» микрорайоне является существование местного сообщества, успевшего сложиться за десятилетия. В нарративах противников реновации эта идея часто подчеркивается через рассказы о тесных социальных связях жителей хрущевки:

> ...это характерная особенность — ‹...› это вот добрососедские отношения, и люди живут сообществом здесь более-менее. То есть вот ты проходишь вдоль дома, ты в три подъезда можешь зайти точно к приятным для тебя людям[28].

Тесные социальные связи ощущаются как совершенно необходимые для пожилых людей — с точки зрения наших собеседников, без них старики не могут существовать:

> У нас же люди здесь долго живут ‹...› опять же, социум — они же все знакомы ‹...›. То есть этим старикам есть с кем общаться. Что самое страшное — это одиночество, да? — для стариков. А у них — подружайки, они тут толпами ходят в этом саду, такие, по четыре, всё загораживая. Они живут как в раю[29].

Даже те особенности хрущевки, которые, как правило, считаются неудобствами — низкие потолки, маленькие лестничные площадки, отсутствие лифта — противники реновации в своих рассказах превращают в преимущества. Например, отсутствие лифта для них является поводом для общения с соседями:

> ...я лично считаю, что тут важнее, на самом деле, то, сколько человек живет в подъезде, вот. Просто вот, скажем, пятиэтажный подъезд, там, даже если там по четыре квартиры на этаже, как в стандартной пятиэтажке — ну, это двадцать квартир. Ну, по крайней мере, половину жителей этих квартир я знаю хотя бы в лицо, а с некоторыми даже знаком, вот. И это, на самом деле, важно[30].

Для того же информанта личное знакомство с соседями по подъезду становится одним из способов создания дополнительной комфортной среды, «промежуточного пространства между квартирой и улицей»:

> И, на самом деле, то, что вот, скажем, в пятиэтажках нет лифтов, про что многие говорят, что это недостаток, как раз тоже, в общем-то, скорее достоинство, потому что лестница — это такое место, где люди между собой взаимодействуют — соседи. ‹...› это создает некоторое ощущение какого-то вот еще промежуточного пространства между своей квартирой и улицей, вот. Это важно. Потому что, когда ты встречаешь людей только в лифте и вообще не знаешь, с какого они этажа, это неправильно[31].

[28] Елена, 66 лет, высшее образование. Район Беляево. Интервью записано Марией Гавриловой в сентябре 2018 года.

[29] Она же.

[30] Алексей В., 54 года, высшее образование. Район Фили. Интервью записано Александрой Архиповой в апреле 2017 года.

[31] Он же.

«Сломают мой мир»: страх утраты себя

Наши информанты болезненно реагируют на риск лишиться собственности и комфорта привычного места обитания, налаженной инфраструктуры и социальных связей. Но настоящая катастрофа для них — это потеря родного, обжитого, до боли знакомого, «своего» мира. Это вызывает у людей ужас и протест:

> У каждого есть своя родина. С чего начинается родина? Вот у меня — родина. Я, может, и по миру жила, но, в принципе, это — моя родина. Вот она мне нравится ‹...›. Здесь сочетание среды — а среду нам проектировал архитектор Белопольский — здесь совершенно офигительно грамотно сделано вот сочетание — архитектура вписалась в среду ‹...›. У нас здесь высокая точка, и у нас чистейшая экология, потому что роза ветров построена таким образом, что к нам дует оттуда ‹...›. У нас вот тут дома разбросаны совершенно идеально в плане какой нужно архитектуры[32].

Для той части информантов, которым квартира в хрущевке досталась по наследству, или они жили в ней давно, потеря жилья — это потеря памяти: «Все-таки нельзя же окончательно терять память, да? Все-таки здесь умерли его родители. Ну, как-то вот… Этот дом — это уже не просто жилье съемное — это дом»[33]. Для тех, кто приобрел хрущевку недавно, этот мир столь же дорогой, сколь и специально созданный под себя:

> Мне было очень страшно, что сломают мой мир ‹...›, потому что я эту квартиру долго выбирала. Я выбирала этот вот вид из окна ‹...›. Мне нравятся совы, которые к нам прилетают, белочки, которые прыгают по деревьям. Тишина, 32 квартиры в доме. Тупиковая улица, которая кончается головой Ленина [работы] Вучетича ‹...›. То, что Пастернак написал стихотворение, посвященное Сталину, в ста метрах от моего дома ‹...›. Вот вообще они не понимают значимость вот таких вещей, как атмосфера, память места, деревья, птички — то, что является средой для человека[34].

За всеми этими рассказами о «памяти места, птичках и деревьях», повторяющимися из интервью в интервью, проступает идеализированное представление о «своем», знакомом и привычном мире, в котором уютно жить. Любовь не только и не столько к своей квартире, но к своему родному району, к своему соседскому сообществу — то, что можно назвать «локальным патриотизмом» — такие эмоции формируют, в числе прочего, локальную идентичность (подробнее об этом — в одном из дальнейших разделов статьи).

Ощутимый страх потерять привычную «среду обитания», которая заключается не столько в «квадратных метрах», сколько в тех смыслах, которыми нагружено это место, толкает людей включиться в протест против реновации. Одним из высказываний, популярных на

[32] Елена, 62 года, высшее образование. Район Беляево. Интервью записано Марией Гавриловой.

[33] Елена Викторовна, высшее образование. Район Сокольники. Интервью записано Александрой Архиповой.

[34] Юлия, 45 лет, высшее образование. Тимирязевский район. Интервью записано Александрой Архиповой.

антиреновационных митингах, стал лозунг «несносные москвичи», в котором жители хрущевок не только шутят над властями, с точки зрения которых несогласные горожане являются «досадной помехой», но и как бы уравнивают себя со своими домами: позволить снести свой дом для них значит позволить снести самих себя. Недаром один информант сказал нам о себе как о доме: «Мы против того, чтобы нас сносили и переселяли в муравейники»[35].

Страх потерять «свою» среду, а значит, и себя, оказался настолько велик, что значительное количество горожан включилось в борьбу, даже в тех случаях, когда их дом не попал в программу реновации. Особенно это было заметно на массовом митинге 14 мая 2017 года, где среди более чем 20 тысяч участников далеко не все «попали под снос». Одна из наших информанток из района Фили говорила, что, хотя их дому «тьфу-тьфу-тьфу, ничего не угрожает»[36], она и ее соседи так испугались, узнав о реновации, что немедленно создали сообщество защитников дома и на ближайших выборах муниципальных депутатов избрали свою представительницу.

Политический страх утраты субъектности: от возмущения к активизму

К страху потери обжитого и соразмерного себе пространства присоединяется возмущение по поводу того, «они всё решили за нас». Противники реновации всеми способами подчеркивают свою «субъектность» — они говорят: «я сознательно и целенаправленно выбрал эту квартиру/этот дом/этот район», «я отремонтировал/перепланировал ее», противопоставляя себя «засносникам» (то есть сторонникам реновации), которые ведут себя пассивно и рассматривают себя как объекты заботы со стороны государства:

> У тех, кто против реновации — у них всегда на первом месте местоимение «я»: «я эту квартиру купил», «я эту квартиру, там, унаследовал», «я эту квартиру отремонтировал», «я эту квартиру обставил», «я-я-я-я». А те, кто сторонники реновации, у тех как раз никогда не бывает местоимения первого лица: «вот квартира мне досталась от бабушки», «вот обои постепенно облезают», «вот трубы все проржавели», «вот, там еще... потолки, там, побелка сыпется». Вот обои, трубы, побелка — а ты сам где был в это время, а?[37]

Один из главных лейтмотивов в рассказах о приобретении квартиры в хрущевке — подчеркивание сознательности выбора именно этой квартиры: «Я выбираю не район, я выбираю конкретную квартиру, в конкретном доме, в конкретном месте, с конкретными окнами»[38]. Этот выбор делается не только по коммерческим соображениям, но и по личным — историческим, культурным, социальным — причинам:

[35] Ж., 21 год, записано Еленой Югай на митинге 14.05.2017.

[36] Мария, 56 лет, высшее образование. Район Фили. Интервью записано Марией Гавриловой.

[37] Светлана Б., 49 лет, высшее образование. Район Покровское-Стрешнево. Интервью записано Александрой Архиповой и Марией Гавриловой в начале апреля 2017 года.

[38] Юлия, 45 лет, высшее образование. Тимирязевский район. Интервью записано Александрой Архиповой.

> ...такие люди, как я — они же специально именно эту квартиру в свое время купили, то есть они что-то продали, что-то на что-то поменяли, и они сделали осознанный выбор, чтобы жить[39].

Многие участники протеста говорили нам о том, что их возмущает не только сам факт отъема жилья, но то, в какой форме закон о реновации был преподнесен: «...одно дело — вот я сам решил: я хочу квартиру лучше. Я, там, вкладываюсь, что-то там меняюсь. А то меня хотят — заставляют… “Без меня меня женили”»[40]. Возможность сменить старые квартиры на новые безапелляционно поступает «сверху», без всякого намека на общественный диалог на эту тему:

> В целом лейтмотив такой: вот мы решили, и куда вы денетесь. [Меня] как гражданина, конечно, напрягает очень сильно ‹...›. Ведь власть все и всегда пытается делать втихую, никаких заранее обсуждений, слушаний с жителями у нас не принято[41].

В том, как закон о реновации был преподнесен, информантам видится покушение на это право выбора:

> ...просто так перечеркнуть и выгонять нас, как индейцев в прериях, гонять с одного конца на другой — это вообще полное нарушение наших прав. Есть наше право, свобода выбора — я хочу жить там, где я хочу, и в доме в таком, в каком я хочу[42].

Другими словами, противников реновации возмущает то, что их лишают субъектности: «И тут кто-то за меня будет решать? А не пошел бы он нафиг!»[43]. В этой ситуации, как полагают информанты, современная российская власть ведет себя как советский бюрократический институт, превращая людей в «человекоединицы»:

> Они воспринимают человека абсолютно как человекоединицу, абсолютно такой советский подход — койкоместо: «Ну, вот у тебя была такая квартира, мы тебе дадим такую же размером. Чё ты возмущаешься?»[44].

Возмущение из-за того, что московская власть лишает людей субъектности, является частью нарратива о программе реновации. К нему присоединяется опасение, что граждане являются всего лишь «кастом на нефтяной трубе»:

> ...я не хочу, чтобы в какой-то момент и ко мне тоже пришли и тоже сказали: «Выселяйся, нам там чего-то нужно». Это ж только стоит руки распустить, дальше-то что же? Мы по счету, по крупному счету, вообще здесь не нужны, нужна нефть, газ, а мы вообще люди лишние, совершенно лишние[45].

[39] Мария, 56 лет, высшее образование. Район Фили. Интервью записано Марией Гавриловой.

[40] Владимир Николаевич, высшее образование. Район Сокольники. Интервью записано Александрой Архиповой.

[41] Леонид, 66 лет, высшее образование. Район Кунцево. Интервью записано Марией Гавриловой.

[42] Ж., 66 лет, записано Еленой Югай на митинге 14.05.2017.

[43] Светлана Б., 49 лет, высшее образование. Район Покровское-Стрешнево. Интервью записано Александрой Архиповой и Марией Гавриловой в начале апреля 2017 года.

[44] Юлия, 45 лет, высшее образование. Тимирязевский район. Интервью записано Александрой Архиповой.

[45] Ж., 60–65 лет, записано Еленой Югай на митинге 14.05.2017.

От чтения закона к гражданскому активизму: появление «борца за свой дом»

Формально говоря, противники реновации выступают против федерального закона о реновации (который, напомним, был принят 1 июля 2017 года). Однако не любят они его за разное и понимают тоже по-разному.

Первое, о чем стоить упомянуть — это отношение к самому тексту закона. Хотя в самом законе и в его версиях очень много особенностей, интересных для специалистов, за тонкостями среди противников реновации если и следят, то единицы:

> Я понимаю, что осилить 220 страниц текста и как-то его осмыслить — ну, не каждый, во-первых, как бы сможет, а во-вторых, выделить на это время, да? ‹…› Тем более, понятно, что язык, которым пишутся все эти документы, он крайне тяжел для прочтения, да? Я уже как бы научился немножко — понимаю, что есть некоторые… как бы технический склад ума, который… как бы вычитать, вычленяя вот это предложение, которое занимает по полстраницы, да?[46]

Второе — именно сложность текста закона для противников реновации является сильным аргументом в пользу того, что бедные обманутые люди не могут понять нормально текст закона и поэтому соглашаются на снос жилья. Именно этим участница акции у Государственной думы 14 июня объясняет тот факт, что не все жители хрущевки протестуют против сноса:

> К сожалению, большинство людей [закон] не понимает ‹…›. Во-первых — это огромный юридический документ, очень путанный. Во-вторых, люди путаются, потому что до этого была лужковская программа, и с расселением пятиэтажек люди связывают именно ее, в которой эти два юридических вопроса не были ‹…›. Это шло с увеличением площади — раз, и были варианты — два. То есть по факту большинство людей было в этой [лужковской] программе удовлетворено[47].

Недоверие к тексту закона на самом деле есть частное следствие недоверия к власти в целом. Жители домов, попавших под программу сноса, постоянно ждут обмана и подвоха со стороны тех, кто проводит реновацию. С этим связано появление на митинге 14 мая 2017 года таких лозунгов, как: «Обещать — не жениться! Где гарантии?! Сначала — закон, потом голосование!», «Не хотим кота в мешке!». По мнению противников реновации, закон для властей — лишь способ легализовать рейдерство, возможность обогащения, а вовсе не предложение имущественной помощи москвичам. Именно эту идею снова и снова повторяет наш собеседник — «борец с законом о реновации»:

> Если наши власти что-то начинают, то это в угоду только определенным конкретным группам, но никак не для жителей ‹…›. Прочтя вот этот вот законопроект, в общем-то, все сразу стало более-менее ясно — что это программа, прикрываясь интересами москвичей, совершенно на них не направлена[48].

[46] Леонид, 66 лет, высшее образование. Район Кунцево. Интервью записано Марией Гавриловой.
[47] Ж., 46 лет, записано Еленой Югай на народном сходе около Государственной думы 14.06.2017.
[48] Леонид, 66 лет, высшее образование. Район Кунцево. Интервью записано Марией Гавриловой.

Даже если, как полагают некоторые участники протеста, новое жилье, которое тебе предложат, будет отвечать твоим требованиям, бороться против закона необходимо в любом случае, поскольку эта история — всего лишь частный случай нарушения конституционных прав:

> Я в конституционных правах понимаю плюс-минус ничего! ‹…› Но если Конституция защищает мое право жить там, где я хочу, значит, у нас хорошая Конституция, и я возмущена тем, что ее нарушают[49].

Поэтому на акциях протеста нередко поднимают вверх или прижимают к груди Конституцию в качестве своеобразного «плаката», а во время народного схода у Госдумы участники даже привязывали Конституцию к телу красной строительной лентой. Публичная демонстрация книги основного государственного закона — это способ сделать видимой апелляцию к верховенству права. Не случайно на всех уличных акциях протеста против программы реновации 2017–2018 годов одним из самых популярных высказываний был лозунг: «Я против сноса Конституции»[50].

Именно поэтому первая фаза становления локального активиста — подробное знакомство с законами, за которым следуют попытки убедить соседей начать отстаивать свои права. Наш информант, владелец квартиры в кунцевской хрущевке, о котором мы упоминали выше, долго разбирался в тексте закона и пришел к выводу, что информация о нем в лояльных СМИ подается так, чтобы люди узнали только часть правды: «Я спрашивал людей: а кто реально [понимает, о чем речь]? ‹…›. Они не соврали, они просто умолчали»[51]. Поэтому он решил прийти к другим жителям своего дома с распечаткой законопроекта, в которой были подчеркнуты наиболее важные места, и объяснить все то, чего они не понимают. Таким образом, мужчина хотел продемонстрировать им «скрываемую правду»: «Говоришь: “Ребят, а вот здесь записано так-то, так-то и так-то. Это как понимать?” ‹…›. На людей это производит, конечно, некое впечатление»[52]. В результате дом — единственный из всего квартала — не вошел в программу реновации («против» проголосовали 46% собственников). Деятельность по разоблачению закона привела нашего информанта к тому, что он стал активно участвовать в митингах, затем стал наблюдателем на президентских выборах в 2018 году — хотя до этого в течение двадцати лет не интересовался политикой. Такой путь превращения жителя хрущевки в «гражданина» (как они сами говорят), а на следующем этапе и в политического активиста довольно типичен.

[49] Светлана Б., 49 лет, высшее образование. Район Покровское-Стрешнево. Интервью записано Александрой Архиповой и Марией Гавриловой в начале апреля 2017 года.

[50] Использование Конституции вместо плаката встречалось нам и на других митингах, и согласно нашим наблюдениям особенно популярным стало после 2017 года. Так, с Конституциями выходили многие участники антикоррупционных митингов 26 марта и 12 июня, «Забастовки избирателей» Навального 28 января 2018 года и др.

[51] Леонид, 66 лет, высшее образование. Район Кунцево. Интервью записано Марией Гавриловой.

[52] Он же.

«Отчаянные домохозяйки»: от плиты до плаката

По нашим наблюдениям, «на передовую» борьбы против программы реновации вышли в основном женщины 35–60 лет. Когда наши собеседники рассказывают историю своего включения в борьбу, они по-разному себя презентуют — в зависимости от гендера[53]. Мужчины склонны говорить о себе либо как об априори разумных людях, которые всегда были если не политически, то социально активными, либо как о тех, кто принципиально не хотел связываться «со всей этой грязью» — т. е. с политикой. Что касается женщин, то они в интервью конструируют свою «политическую биографию» иначе. Многие женщины представляют себя как аполитичных домохозяек, которые до программы реновации «ничего не понимали в большой политике» и «смотрели кошечек на ютьюбе», а теперь, в течение трех весенних месяцев, превратились в гражданских активистов и включились в антиреновационный протест.

Рассказывая о своем «преображении», они используют довольно-таки драматические краски. Например, пенсионерка из Кунцево говорила нам, что никогда не интересовалась политикой до реновации: «Год назад, когда была объявлена реновация, я в этот момент смотрела по ютьюбу кошечек». Борьба с программой реновации, по собственному призванию, ее безвозвратно изменила:

> Когда объявили реновацию, я настолько углубилась по мере своих сил, ума и возраста в политику, что все, понимаете, я уже никогда другой не стану, потому что я уже вижу всё по-другому ‹…›. И это политика — хочешь ты говорить, что это не политика, не хочешь — от этого никуда не деться, она пришла к нам в дом — все. В мой собственный дом, в мою квартиру пришла политика. Я этого не хотела, я была хорошая добрая тетка на пенсии, а теперь я хожу по митингам. [То есть до этого Вы никогда не ходили?] Да вообще у меня даже в голове не было, я даже не представляла, что что-то не так, я жила себе и жила, растила ребенка и все. А когда это случилось, я открыла глаза, я увидела мир по-другому, я была наблюдателем на выборах[54].

Именно такие женщины изучали закон, агитировали членов своих семей и соседей приходить на акции, вели соответствующие группы в социальных сетях — и часть из них в дальнейшем включилась в «большую» политику, выдвинув свои кандидатуры на выборах муниципальных депутатов. Об этом же говорила с нами и политический активист, муниципальный депутат Тимирязевского района Юлия Галямина:

> [активисты антиреновационного протеста] остались, они стали продолжать, они стали лидерами какими-то местными, локальными ‹…›. Ну, там у меня, например, есть девушка Ольга — она вообще прирожденный лидер, просто она этого не знала, у нее есть все к этому данные. Моя соседка. Она сейчас уже занимается не только этим, она соседней стройкой какой-то занимается, еще чем-то занимается[55].

[53] О разных гендерных репрезентациях в российских нарративах подробнее см. в книге Нэнси Рис «Русские разговоры» [Рис 2005].

[54] Ж., 55–60 лет, записано Ириной Козловой на митинге 21.04.2018.

[55] Юлия Галямина, 1973, муниципальный депутат Тимирязевского района, записано Александрой Архиповой 15.02.2018.

Наша информантка, жительница района Фили, очень эмоционально рассказывает о том, как благодаря страху перед потенциальной потерей жилья одна из обитательниц их хрущевки стала муниципальным депутатом (хотя дом не был включен в программу по реновации): «Одна из жителей нашего дома на последних выборах была выбрана-таки нами, благодаря — я надеюсь, нашим усилиям — депутатом муниципального собрания, и что, да, интерес нашего дома все-таки на определенный период времени будет защищен»[56]. Для нашей информантки борьба против реновации оказалась инструментом, позволяющим взаимодействовать с властью: «Радости нашей не было предела, когда мы увидели, что она [кандидат в мундепы] победила. Это было настолько неожиданно, потому что все десятилетия участия в выборах как жителя страны, как жителя Москвы — они вообще никогда обратной связи ведь не давали»[57].

Такое превращение «домохозяек» в «активисток» — причем превращение, отрефлексированное самими женщинами — не могло не отразиться на гендерном составе уличных протестных акций.

Как правило, гендерный состав участников московских митингов за последние десять лет описывается формулой «60 на 40» — то есть 60% мужчин на 40% женщин. Иногда разрыв бывает еще сильнее и доходит до 65% против 35% [Архипова и др. 2019: 62; Волков 2012: 20]. Это правило работает и в отношении тех участников митингов, которые держат плакаты.

Однако в 2017 году, во время антиреновационных протестов, такое распределение было нарушено. На первом митинге (14 мая) 61% женщин и 39% мужчин держали плакаты либо другие «сильные высказывания», позже этот разрыв чуть-чуть сократился, но не намного. При этом в том же 2017 году, но двумя месяцами ранее — 26 марта 2017 года — на митинге, организованном в Москве Фондом борьбы с коррупцией, с плакатами и иными знаками протеста присутствовало 35% женщин и 65% мужчин — то есть соотношение было вполне традиционным.

В 2017 году женщины довольно неожиданно берут в руки плакаты — и делают это они именно в процессе защиты своего жилья, а не во время политического конфликта. Мало того: когда протест в 2018 году вошел в финальную стадию, то разрыв между мужчинами и женщинами стал еще сильнее: 32% против 68%. Напрашивается предположение, что протест за свое жилье более чем на две трети стал «женским уделом».

Почему женщины в таком количестве и с такой готовностью «вписались» в протест против реновации? Дело в том, что мы недооцениваем силу *second shift*. Этим термином социолог Арли Хохшильд обозначила ту домашнюю работу, которую женщины должны делать, приходя домой с работы — с той самой «первой смены» [Hochschild, Machung 1990]. Неофициальная, неоплачиваемая, незримая, но от этого не менее важная работа по «обживанию» пространства, которую общество

[56] Мария, 56 лет, высшее образование. Район Фили. Интервью записано Марией Гавриловой.
[57] Она же.

возлагает на женщин, заставила именно женщин чувствовать ответственность за «свой дом», причем дом как в «узком» понимании — квартиру, так и в широком — дом, двор, квартал, город и так далее. Как правило, женщины лучше всех знают, где в их районе какой магазин, школа, детский сад, поликлиника или культурный центр. Именно женщины чаще всего принимают решение, в каком доме и районе будет жить их семейство, выбирают вид из окна, двор и парк, где они будут гулять со своими детьми. При поселении семьи на новом месте женщины первыми стараются наладить социальные связи с местными. И сами женщины, и общество в целом привыкли обесценивать такого рода труд и такого рода знания. Однако из-за того, что женщины начинают первыми бить тревогу, если «их дому» угрожает опасность — будь то вырубка нужного им сквера, постройка ненужного им здания, а тем более — снос без их согласия «их крепости» — именно они оказываются на переднем крае политической борьбы. Причем большая часть из них прошла за короткий срок путь не только до «защитниц своего дома», но и активно включилась в политическую жизнь: стали ходить на митинги, в том числе не связанные с реновацией, наблюдать на выборах, а кто-то даже стал муниципальным депутатом.

Табл. 1. Гендерный состав участников антиреновационных митингов[58] с «сильными высказываниями», в %

«Сильные высказывания»	14.05.2017	28.05.2017	12.06.2017	21.04.2018
Женщины	61	59	58	68
Мужчины	39	41	41	32

Выше мы показали, какие нарративные структуры чаще всего используются для выражения своего недовольства программой реновации: «хрущевка — это соразмерная человеку среда, природа и отлаженная система социальных связей», «оккупанты пришли в мой дом и хотят сломать мой мир», «власть лишает меня субъектности», «я читаю закон и вижу, что нас обманывают» и «политика пришла в мой дом». В следующих трех разделах статьи, используя метод количественного анализа высказываний на публичных протестных акциях, мы расскажем о способах публичной репрезентации людьми своего возмущения и о важности для них различных причин недовольства.

[58] Как правило, мы знаем пол 65–70% носителей «сильного высказывания» — его не всегда удается определить: например, когда человек на всех фотографиях виден со спины, фрагментарно, или видна только его рука с плакатом. Если мы принимаем за 100% всех оставшихся людей с плакатами в базе (носителей «сильного высказывания»), мы получаем следующие данные (*Табл. 1*).

«Мы пришли, чтобы сказать Собянину»: самые популярные причины недовольства на митингах

В общей сложности противники реновации организовали четыре крупных митинга[59], и, анализируя материалы, собранные нашей исследовательской группой на этих мероприятиях, мы видим, что в публичном пространстве собственники квартир предъявляли те же самые претензии, что и в интервью. Но благодаря количественному анализу у нас есть возможность оценить, насколько важной для них является та или иная причина недовольства.

Участники митингов 14 и 28 мая с помощью своих плакатов говорили о том, что реновация — это страшная катастрофа в их жизни, сродни войне, геноциду или стихийному бедствию (6–9%)[60]. Протестующие старались — в массовом порядке (27% на митинге 28 мая) — напомнить СМИ и власти о своей комфортной жизни в старых домах, выступали против закона в целом (25%), в защиту прав собственности (от 23 до 13%) и конституционных прав (13%). При этом около 13–14% участников публично демонстрировали свой отказ от неправильной, по их мнению, «заботы» власти[61], потому что закон совершенно не продуман[62] или же вовсе направлен на сознательный обман[63].

Каждый пятый участник первого митинга 14 мая делал резкие высказывания в адрес власти, требовал наказания для Собянина, в том числе и уголовного, или, по меньшей мере, предлагал отправить мэра Москвы в отставку. В дальнейшем доля таких высказываний резко снизилась — вероятно, потому, что москвичи быстро поняли, что, несмотря на их требования, этого не случится. На митинге 21 апреля 2018 (то есть через год) лозунги плакатов если и требовали наказания, то для более локальных представителей власти — например, для сотрудников префектуры, которых участники митинга подозревают в том, что они похитили и подделали протокол общедомового собрания собственников[64].

Из московских уличных протестов против реновации три митинга прошли в мае-июне 2017 года и один через год — 21 апреля 2018 года, на последний противники реновации собрались немногочисленным составом.

[59] См. описание митингов в сноске 11.

[60] Например: «Отнимают недвижимость — отнимают жизнь», «Нет! Разгрому Москвы. Да ремонту и реконструкции», «Реновация делает рабов из нации!».

[61] Например: «Мне не нужна халява», «Оставь нас в покое, Собянин! Нам не нужно новых развалин».

[62] Например: «Требуем грамотного архитектурного планирования. Руки прочь от зеленых кварталов», «Хватит лепить человейники. Против законопроекта 120505-7», «Не дадим превратить Москву в бетонное гетто!».

[63] «Без лоха жизнь плоха. Не доводите до греха», «Пока ты спишь, не спит жулье и украдут твое жилье!».

[64] Лозунг на одном из плакатов на митинге 21 апреля 2018 года: «Управой р-на Северное Измайлово и префектурой ВАО совершено уголовное ПРЕСТУПЛЕНИЕ ст. 325 УК РФ — похищение или повреждение документов (протокол ОСС о невхождении в реновацию), ст. 330 УК РФ — самоуправство. Чиновникам закон не писан?».

Табл. 2. Доля участников митингов с разными типами «сильных высказываний» на акциях против реновации[65], в %

Тип высказывания	14.05. 2017	28.05. 2017	12.06. 2017	21.04. 2018
против закона о реновации в целом	25	25	21	15
защита собственности	23	13	5	6
защита своих конституционных прав	13	12	6	5
хрущевки — это социальный и экологический комфорт	20	27	11	24
реновация — это катастрофа	9	6	2	5
политические высказывания против власти	20	14	12	13
отказ от деспотичной «заботы» власти	13	14	7	8
власть должна выполнить свои обещания	0	1	4	9

Из всей повестки[66], волнующей протестующих, на высоком уровне частотности остались высказывания об экологичной и комфортной среде — четверть всех «сильных высказываний» была посвящена этому. Таким образом, подтвердилась устойчивость этого лейтмотива среди собственников жилья.

Единственный новый мотив, появившийся на митинге 21 апреля 2018 года — это обращение к власти с требованием выполнения обязательств — подобных высказываний на плакатах 21 апреля было 9%. Причина этого в том, что к антиреновационной повестке со временем подключились «обманутые дольщики», которые посчитали подходящим поводом для напоминания о себе московской власти митинги против реновации и довольно органично вписались со своей субповесткой в общую повестку недовольства градостроительной политикой Москвы. Участники с помощью своих плакатов и перформансов напоминали о невыполненном долге и воплощали публичный ритуал вины и позора: «Правительство, выполни взятые на себя обязательства перед очередниками», «Химки, Сходня, Вишневая 21. 16-летний долгострой. Стыдно за вас, чиновники!».

[65] Один человек может быть носителем более одного высказывания — например, держать два плаката, или текст на плакате может содержать много разных «мотивов», поэтому сумма в одной колонке может быть больше 100%.

[66] Митинг 21 апреля 2018 года превратился в «ярмарку» политических интересов, где присутствовало множество групп, каждая со своими социальными и политическими интересами: 44% высказываний не имело отношения к борьбе против реновации.

Локальная идентичность участников протеста

Теоретически на любом митинге можно увидеть плакаты, на которых люди высказываются от имени своего локального сообщества — например, на градозащитных мероприятиях. Однако на политических акциях такие случаи очень редки, например, во время митингов зимы 2012 года их частотность была минимальной: 1% (в абсолютных цифрах в нашей базе встречается 1–2 подобных плаката на 200 объектов). Иную картину мы наблюдали на московских протестах против закона о реновации. На первом митинге, 14 мая, 21,6% «сильных высказываний» представляли собой репрезентацию жителей дома, улицы, района. На митинге 28 мая это количество незначительно увеличилось — 23%, затем упало к 12 июня (14%) и вновь резко возросло до 27% 21 апреля 2018 года[67].

Всего на четырех митингах нами были зафиксированы «сильные высказывания» от имени 58 районов[68] (выраженные в плакатах, растяжках, ленточках, значках). В программе Правительства Москвы по сносу хрущевок упоминается 75 районов. В протестных высказываниях на тех четырех митингах, которые мы промониторили, фигурировали 74% от числа сносимых районов[69]. При этом на первом митинге, 14 мая 2017 года, в протестных плакатах упоминался только 31% районов, попавших в программу по реновации, а на втором митинге, 28 мая 2017 года, количество упомянутых районов возросло до 52%. Важно понимать, что далеко не все пошли на оба митинга 14 и 28 мая — как правило, люди выбирали один из них.

О резком усилении ощущения локальной групповой идентичности свидетельствует тот факт, что на антиреновационных митингах количество высказываний с местоимением «мы» («Мы против реновации») было больше, чем на плакатах с политических митингов. На митинге 28 мая число «мы-высказываний» в два раза превышало количество «я-высказываний», по сравнению с митингом 14 мая.

[67] 12 июня количество упоминаний на плакатах своих районов упало до 16% (впрочем, еще раз напомним, что 12 июня реновация не была основной повесткой, так что этот процент все равно можно считать очень большим), а 21 апреля 2018 года разнообразие районов снизилось до 12%.

[68] Академический район, Алексеевский, Аэропорт, Басманный, Беговой район, Богородское, Бутырский, Войковский, Головино, Даниловский район, Донской, Дорогомиловский, Замоскворечье, Зюзино, Измайлово, Котловка, Красносельский, Кузьминки, Кунцево, Лефортово, Ломоносовский, Лосиноостровский, Люблино, Марфино, Марьина роща, Метрогородок, Можайский район, Москворечье-Сабурово, Нагатинский затон, Нагатино-Садовники, Нагорный, Нижегородский район, Останкино, Очаково, Перово, Преображенка, Пресня, Раменки, Савеловский, Свиблово, Сокол, Соколиная гора, Сокольники, Тверской, Тимирязевский, Тропарево-Никулино, Тушино, Фили-Давыдково, Химки, Хамовники, Хорошево-Мневники, Царицыно, Черемушки, Щербинка, Щукино, Южнопортовый (Дубровка), Якиманка, Ярославский.

[69] На первых двух митингах от суммы всех плакатов с локальной идентичностью больше всего было плакатов Ломоносовского и Пресненского районов. Показательно, что именно в этих районах через несколько месяцев независимые муниципальные депутаты получили большинство голосов или победили. В третьем по частотности районе — Кузьминках — на выборах мундепов победила «Единая Россия». Однако на первом митинге локальное сообщество Кузьминок на плакатах не упоминалось, оно появилось на втором митинге и стало одним из самых часто встречающихся на плакатах 12 июня, когда антиреновационный протест стал стихать. Можно предположить, что они «взяли пример» с других, более активных районов.

Илл. 3. Группа жителей Красной Пресни на митинге 21 апреля 2018 года. Фотография группы МАФ

Удельная доля индивидуальных высказываний — с местоимением «я» — снижалась от митинга к митингу, то есть индивидуальное высказывание о собственных проблемах не считалось продуктивным, «престижным». Зато процветали высказывания от групп людей о нуждах целого района или даже всего города.

Участники митинга, желающие выразить свою локальную идентичность и высказаться от имени местного сообщества, иногда просто называли на плакате свое место жительства: например, «Тенистый, 10» или «Дом Константинова», «ул. Комдива Орлова», «Черемушки против реновации», «Защитим Богородское». Помимо таких прямых способов указания на свое локальное сообщество наблюдались и другие, весьма нетривиальные.

Некоторые участники создавали сложные конструкции, используя для этого знаки-индексы[70]. Так, 14 мая и 28 мая протестующие указывали на свою принадлежность району «Красная Пресня», повязывая на шею красный «пионерский» галстук или красную косынку на голову (как на советском плакате «Не болтай!») — причем они делали это централизованно. 21 апреля 2018 года та же группа уже вовсю изображала на своих плакатах пионеров в качестве индекса (*Илл. 3*). Другие участники персонифицировали свой район в виде животного или сказочного персонажа: «Лось не олень, он против реновации» (Лосиный остров), «Кузя зол» (Кузьминки). Лось и кот Кузя оказались индексами, указывающими на название района (*Илл. 4*).

[70] То есть тип знака, указывающий на объект по ассоциации. Например, дым над печной трубой на картинке является знаком-индексом дома [Peirce 1868]. См. об этом подробнее также [Архипова и др. 2018б].

Илл. 4. Участница антиреновационного митинга 12 июня 2017 года на проспекте Сахарова. Фотография группы МАФ

Некоторые участники предпочитали использовать знак-икону[71]. На митинге 28 мая женщина около 60 лет держала в руках плакат, на котором был изображен рыбак с огромной щукой в руках (*Илл. 5*) — таким образом она представляла противников реновации из района Щукино. Другой участник митинга 28 мая прикрепил себе на голову листочек, на котором было написано «Головино против сноса». На митинге 14 мая девушка была одета в сарафан и веночек — она своим нарядом изображала «икону» — эмблему района Марьиной рощи (*Илл. 6*). Если автор плаката с нарисованной щукой сделала содержание своего высказывания довольно прозрачным, то в последних двух случаях реципиенту предлагалось разгадать ребус или шараду, чтобы понять, о чем идет речь.

Использование ребусов и шарад в названии локального сообщества возникает не случайно. Так достигается специфическая коммуникативная цель: они заставляют наблюдателя тратить некоторые усилия на дешифровку сообщения — подобные «сильные высказывания» привлекают больше внимания и за счет этого лучше запоминаются. Участники митинга с более «традиционными» плакатами постфактум говорили в интервью, как их поразила креативность других участников, и они жалели, что сами не сделали такие же «интересные» плакаты[72].

[71] То есть знак, который изображает собой объект напрямую — так знак дорожного движения, где нарисованы дети, переходящие дорогу, является «иконой», потому что напрямую указывает на детей, переходящих дорогу.

[72] Например: «[Что было написано на вашем плакате?] Ну, что-то типа: “Руки прочь от Москвы”, да?.. “Фили-Давыдково против реновации”. Хотя там, в общем-то, столько проявили люди фантазии, креа-

Илл. 5. Жительница района Щукино на митинге 28 мая 2017 года. Фотография группы МАФ

Илл. 6. Жительница района Марьина роща на митинге 14 мая 2017 года. Фотография группы МАФ

Это говорит нам о том, что люди ощущают себя не атомизированными одиночками со странными претензиями, а сообществом. Свою принадлежность к коммьюнити они выражают через привязку к локусу — а локус (Лосиный остров, Щукино, Кузьминки или Головино) репрезентуют через символ (лось, щука, кот Кузя и голова). Демонстрация этих символов составляет сообщение — «мы больше, чем жители отдельных квартир, вы нападаете на целые районы, и они готовы дать вам отпор».

Перечеркнутый экскаватор и красно-белая лента: как одиночки становятся группами

«Голоса» участников митинга (проявление их политической или социальной позиции через «сильные высказывания») могут быть выражены двумя основными способами, разница между которыми существенна для нашего исследования. Первая стратегия — институционализированная — предполагает, что участник митинга может прийти на акцию и там на месте взять у представителей организаторов плакат, значок или ленту (или самостоятельно дома распечатать плакат, предлагаемый организаторами). Этим действием он, во-первых, соглашается с повесткой организаторов, а во-вторых, становится еще одним «голосом» для этой повестки. Вторая стратегия предполагает, что участник (или группа участников) приходит со своим собственным высказыванием. Он — один или с группой единомышленников — дома или непосредственно во время акции создает такое высказывание, которое полностью отвечает его собственным представлениям о происходящем. Эти высказывания совершенно не обязательно совпадают с высказываниями организаторов — то есть основной повесткой акции. Такой тип высказываний мы называем вернакулярными (с некоторыми оговорками их можно также назвать «народными»).

Для нашего исследования именно совокупность вернакулярных высказываний, или голосов grassroots, представляет особый интерес. Хотя им уделяют незаслуженно мало внимания (в частности, СМИ не любят их по «эстетическим» соображениям: красивые молодые люди с большой яркой растяжкой, сделанной организаторами типографским способом, с их точки зрения, выглядят привлекательнее, чем бабушка с текстом, написанным карандашом на тетрадном листочке), именно такие «голоса» на самом деле и являются главной движущей силой протеста.

На первом митинге, 14 мая 2017 года, практически не было институционализированной повестки, предлагаемой организаторами в виде унифицированных знаков протеста: 98% «сильных высказываний» были вернакулярными, то есть созданными людьми самостоятельно. На этой стадии участники протеста (а протестом мы здесь считаем не только

тива» [Леонид, 66 лет, высшее образование. Район Кунцево. Интервью записано Марией Гавриловой].

сам факт физического присутствия в определенные часы на площади, но и активное обсуждение закона в социальных сетях и тематических пабликах) еще не ощущали себя как некое единое «движение против реновации». Скорее можно говорить о довольно большом количестве активистов, многие из которых стали таковыми во время попыток отстоять свой дом от включения в программу по реновации в марте-мае 2017 года. Подобные grassroots-активисты и привели за собой людей на проспект Сахарова 14 мая. Поэтому необычно низкий процент участников протеста чувствовал потребность в унификации: только 1% участников использовал для самоидентификации в качестве активного борца с реновацией изображение перечеркнутого экскаватора.

Однако после первого и чрезвычайно успешного митинга ситуация резко изменилась. Жители хрущевок начали чувствовать себя частью некоего протестного движения, и активисты стали задумываться о необходимости унификации символики. Самым успешным таким символом стала красно-белая строительная лента. Активистка борьбы против реновации, муниципальный депутат Юлия Галямина, рассказала нам о концепции этого символа, возникшего в промежутке между 14 и 28 мая 2017 года:

> Потом мы придумали символ — красно-белую ленту. Я уж не помню, кто это придумал ‹...› я в какой-то момент поняла, что протесту нужен символ, и стала его осознанно вводить. Мы все книжечки по организации протеста читали, и символ у движения должен быть — для того, чтобы проще. Тем более, что лента дает возможность как бы выйти — и ты вообще ничего не делаешь[73].

Наличие удачного символа позволило активистам борьбы против реновации использовать новые форматы протестных акций (например, «модные показы: как носить ленту»; обматывание лентой Госдумы):

> И мы стали проводить встречи по раздаче ленты. Мы купили ленты этой за три копейки — она стоит три копейки — и просто с Яшей Якубовичем вышли и всем отрывали эту ленту. ‹...› Значит, мы постили всякие фотографии, как можно носить ленту — на машинке, на сумочке, на шее, на руке и так далее. Ну, то есть модные показы — как можно надеть ленту. Потом мы стали обматывать этой лентой Госдуму — тоже была история[74].

Юлия вскользь упоминает весьма важное наблюдение: участники протеста не хотели покупать ленту заранее, а стремились взять ее на месте — то есть на митинге, потому что так они сильнее чувствовали свою сопричастность: «И люди: “Мне еще дайте! Мне еще на бабушку, на дедушку, на соседей, там, ленты дайте”. Ребята, строительный магазин — пойдите, купите. Нет, надо было прийти, приобщиться, взять эту ленту из одного клубка, так скажем»[75].

Постепенно использование строительной ленты стало распространенным явлением в протестных акциях. 9 июня во время пикетов

[73] Юлия Галямина, 1973, муниципальный депутат Тимирязевского района, записано Александрой Архиповой 15.02.2018.

[74] Она же.

[75] Она же.

у Госдумы участники протеста обматывали себя красно-белой лентой и привязывали к телу Конституцию с помощью этой ленты.

Так за короткий период времени — две недели — ситуация с «голосами снизу» и стремлением к унификации кардинально поменялась. На митинге 28 мая количество знаков протеста, созданных самостоятельно участниками протеста, упало с 98% до 56%, а 44% знаков протеста представляли собой институционализированные высказывания, распространяемые организаторами. Среди наиболее успешных институционализированных высказываний, способствующих солидаризации, 20% пришлось на долю красно-белой ленты, рекламируемой группой Юлии Галяминой, и 4% — на изображение перечеркнутого экскаватора. 21 апреля 2018 года институционализированных высказываний было уже 67,5% (*Табл. 3*).

Табл. 3. Вернакулярные и институционализированные «сильные высказывания», в %

«Сильные высказывания»	14.05.2017	28.05.2017	12.06.2017	21.04.2018
Вернакулярные	98	56	39	24,5
Институционализи–рованные	2	44	61	67,5

Эта таблица показывает, как реакция отдельных людей на программу реновации оформляется в гражданское движение. Появление 44% институционализированных высказываний в руках участников уже на втором митинге и увеличение их доли до 67,5% на последней акции выявляет механизм гражданской унификации.

Во-первых, по мере развития протеста среди участников появляются и утверждаются знаки-индексы, причем выживают те из них, которые охотно приняло большое количество протестующих. Такими удачными знаками-индексами оказались и общая для всех красно-белая лента, и локальный красный галстук. Во-вторых, митингующие хотят продемонстрировать не свое частное высказывание, а высказывание от лица своей локальной группы. Обе стратегии приводят к увеличению количества институционализированных голосов и падению процента индивидуальных высказываний.

Заключение: чего боятся и за что сражаются противники реновации?

Как мы видим из нашего исследования, против программы реновации в Москве протестуют представители среднего класса, которые недавно (в течение последних 5–7 лет) приобрели квартиру

в хрущевке в собственность, сделав при этом осознанный выбор. Поскольку этот выбор часто был сделан матерями семейств, именно женщины в возрасте от 35 до 60 лет, защищая свой дом, за короткий срок стали активистами протеста и на 15–20% увеличили присутствие женщин в поле публичного политического протеста. Если ранее с плакатами на акциях предпочитали выступать молодые мужчины, то на антиреновационных митингах «говорят» в основном женщины среднего и старшего возраста — и именно их «дискурс» формирует протестную повестку.

Из анализа дискурса — как интервью, так и текстов плакатов — мы видим, какие нарративные структуры повторяются вновь и вновь. И так создается текст антиреновационного активиста, который призван предъявить urbi et orbi, за что надо бороться и чего надо бояться.

Итак, за что борются собственники квартир в хрущевках? Отчаянная защита «хрущевки» связана прежде всего с ощущением пятиэтажки как «соразмерного жилья», максимально адаптированного под нужды человека — социальные и экологические (в отличие от многоэтажек). Возможно, если бы собственникам «ветхого» жилья предложили аналогичные дома — не многоэтажки, а низкоэтажные, в зеленом окружении, в том же районе — они действительно были бы довольны, и тогда никакого протеста бы не возникло.

А страх потери «своего» мира и впечатление, что власть принимает закон не в интересах москвичей, обманывает их, отказывает им в субъектности, не видя в них тех, с кем можно и нужно считаться, заставляет жителей хрущевок (многие из которых не имели до этого никакого отношения к гражданскому активизму) принять на себя роль «борца за свое жилье», а потом и «гражданского активиста». Их зона ответственности стремительно, за пару месяцев, расширяется — вместе с увеличением плотности связей внутри локального сообщества. Они чувствуют ответственность за дом, двор, улицу, район и Москву в целом. Постепенно собственники квартир включаются в борьбу за место муниципальных депутатов — и это происходит даже в том случае, когда дом не попадает в программу по реновации, но страх его обитателей перед такой судьбой пробуждает в жителях гражданскую позицию, что, в свою очередь, приводит к массовым митингам. Собственники жилья, которые впервые оказались на митинге и не были до этого гражданскими активистами, стремятся объединиться в сообщество по двум признакам. С одной стороны, указывая на плакате название своего района: говоря не «я», но «мы», протестующие стремятся репрезентировать голос локального сообщества, «усиливая» таким образом и свой голос, и слабые связи. С другой стороны, повязывая красную строительную ленту, они стремятся к общегражданскому объединению.

Что антрополог может порекомендовать девелоперу?

Какой практический вывод можно сделать из нашего исследования, который мог бы оказаться полезным урбанистам, девелоперам и городской администрации?

Первая рекомендация касается общего подхода: планы по модернизации жилых территорий нельзя осуществлять в режиме «спецопераций», пытаясь «продать» людям одно вместо другого побыстрее, чтобы те не успели сообразить, что происходит. Кроме того, не следует думать, что люди всегда ждут от государства «подарков» и «халявы» — это часто воспринимается как лишение субъектности, особенно среди тех, кто сам купил и с большим трудом переделал свою квартиру. Патронаж может оскорбить людей, вследствие чего даже действительно выгодные предложения могут быть восприняты ими в штыки.

Вторая рекомендация заключается в предложении заранее проводить социологическую и антропологическую рекогносцировку и пытаться выяснить целевую группу и ее глубинные причины, заставившие выбрать именно такое жилье. В случае реновации основной социальной группой, чьи интересы были задеты, оказались женщины 35–60 лет. Жилье и окружающее пространство — это зона их социальной ответственности, поэтому без согласования с ними никакие планы по преобразованию осуществлять не стоит. А глубинная причина стремления жить именно в хрущевке — это желание обладать именно «соразмерным жильем», близким к природе, и внутри невраждебного сообщества.

И третья рекомендация заключается в необходимости на самом раннем этапе если и не привлекать жителей к обсуждению планов изменения места их обитания (что вообще-то следовало бы делать), то, по меньшей мере, спрашивать людей, какими они видят перспективы развития их жизненного пространства. Люди хотят знать, что происходит, и иметь рычаги воздействия на касающиеся их процессы. Если у них такие рычаги отбирают, люди ищут и находят другие способы воздействия — в том числе, и уличные протесты.

Послесловие, или «мы ответим вам на выборах»

Постепенно накал страстей по поводу реновации утих — а ощущение конфликта сохранилось. Как нам сказали в разговоре две жительницы хрущевки: «Так, спокойствие! Никто никуда не переезжает! Собянин умрет, а мы останемся! Лена, Лена, мы останемся!» — «Мы останемся. Я уже теперь как это… покупаю ружье — я буду отстреливаться. Да»[76].

[76] Разговор между двумя информантками: Еленой, 66 лет (высшее образование, район Беляево), и Еленой, 62 лет (высшее образование, район Беляево). Интервью записано Марией Гавриловой 19.09.2019.

Те из активистов борьбы, которые не вернулись к обычному состоянию не-гражданина, стали участвовать в активной политической жизни — в выборах мундепов или выступать в качестве наблюдателей на выборах. И ждать. Одна женщина 58 лет пришла на митинг 14 мая 2017 года с плакатом: «Мы ответим вам на выборах». Так и получилось — одним из объяснений быстрой и активной мобилизации москвичей летом 2019 года является то, что за те два года, которые прошли со времен наиболее активной фазы протеста против реновации (а потом и пенсионной реформы летом 2018 года), в сфере защиты прав горожан успело сформироваться сплоченное сообщество — мотивированное, подкованное юридически и уже имеющее готовые каналы коммуникации, часто состоящее из женщин (след этого мы видим и в том, что количество женщин в политических московских протестах выросло на 10%).

Но это уже совсем другая история.

Литература

Айбар, Э., Бейкер, У. Э. (2017). Конструируя город: план Серда по расширению Барселоны. *Социология власти, 29*(1), 203–229.

Алексеевский, М. (2017, 1 ноября). Страна компромиссов. О каком жилье мечтают россияне и что они в итоге покупают. *Strelka Mag*. Режим доступа: https://strelkamag.com/ru/article/house

Андреева, Н. (2017, 10 марта). Законопроект о сносе пятиэтажек в Москве внесли в Госдуму. *Слово без границ*. Режим доступа: http://wordyou.ru/230859-zakonoproekt-o-snose-pyatietazhek-v-moskve-vnesli-v-gosdumu%e2%80%8d.html

Архипова, А. С., Белянин, С. В., Кирзюк, А. А., Козлова, И. В., Радченко, Д. А., Югай, Е. Ф. (2018б). Жизненный цикл мема… в чайках, бакланах и уточках. *Искусство кино, 2018*(1–2), 300–312.

Архипова, А. С., Радченко, Д. А., Титков, А. С., Козлова, И. В., Югай, Е. Ф., Белянин, С. В., Гаврилова, М. В. (2018а). «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете. *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены, 143*(1), 12–35. Режим доступа: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/246

Архипова, А., Волкова, М., Кирзюк, А., Радченко, Д, Титков, А. (2017). *Мониторинг актуального фольклора – 2016: методы и результаты*. М.: Издательский дом «Дело».

Архипова, А., Захаров, А., Козлова, И., Гаврилова, М. (2019). Демография протеста: состав и динамика участия. В К. Рогов (Ред.). *Встречная мобилизация. Московские протесты и региональные выборы – 2019. Аналитический доклад. Серия «Либеральная миссия – Экспертиза»*, 7, 58–68. М.: Фонд «Либеральная миссия».

Бекбулатова, Т., Воронов, А., Иванов, М. (2017, 10 марта). Реновация на марше. В Госдуму вносится законопроект, упрощающий снос столичных пятиэтажек. *Газета «Коммерсант», 40.* Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3237430.

Волков, Д. (2012). *Протестное движение в России в конце 2011–2012 годов: истоки, динамика, результаты*. М.: Аналитический центр Юрия Левады.

Галямина, Ю., Карнаухов, А., Липин, Д., Петров, А., Ребров, Д., Рожков, Е., Шулика, К. (2018). *Реновация. Итоги. Доклад.* М.: Штаб защиты москвичей. Режим доступа: http://www.dolewka.ru/sites/default/files/upload/doklad-shtaba-zachiti-moskvichey.pdf

Гейл, Я. (2012). *Города для людей*. М.: Альпина Паблишер.

Голунов, И. (2017, 15 августа). Кто придумал реновацию. Московские власти планировали массовую программу сноса три года, а потом решили сделать ее политическим проектом. *Meduza*. Режим доступа: https://meduza.io/feature/2017/08/15/kto-pridumal-renovatsiyu

Гудков, Г. (2017, 16 мая). Последний распил Москвы или как Собянин сдает столицу. *Открытый город.* Режим доступа: https://www.opentown.org/news/153261/

Гудков, Дм. (2017, 11 марта). Законопроект о сносе пятиэтажек. *Besttoday.ru*. Режим доступа: http://besttoday.ru/posts/15056.html. (In Russian).

Дейк, ван, Т. А., Кинч, В. (1988). Стратегия понимания связного текста. В В. В. Петрова, В. И. Герасимова (Ред.). *Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивный аспект языка, вып. 23,* 153–211. М.: Прогресс.

Ерпылева, О. В. (2019). Стратегии согласования интересов государства и протестных движений в градостроительной политике (На примере «Московской программы реновации жилья»). В Л. А. Гайнутдинова, М. В. Невзоров (Ред.). *Город. Среда. Политика. 2018: сборник материалов научно-практической конференции,* 12–19. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.

Ерпылева, С. В., Магун, А. В. (Ред.). (2015). *Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов.* М.: Новое литературное обозрение.

Клеман, К. (Ред.) (2013). *Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому.* М.: Новое литературное обозрение.

Клеман, К., Мирясова, О., Демидов, А. (2010). *От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата.

Мароховская, А., Долинина, И. (2017, 20 ноября). Бот и вся реновация. Как правительство Москвы имитировало кампанию за снос пятиэтажек в социальных сетях. *ЦУРреализм. Центр управления расследованиями*. Режим доступа: https://medium.com/@tzurrealism/renovatsia-5bfc4f31f2a2

Рис, Н. (2005). *«Русские разговоры»: Культура и речевая повседневности эпохи перестройки*. М.: Новое литературное обозрение.

Сото, де, Э. (Автор), Пинскер, Б. (Пер.). (2008). *Иной путь: Экономический ответ терроризму*. Челябинск: Социум.

Стрыгина, Е. (2017, 7 февраля). Под Московскими хрущевками зашаталась почва. *Вести. Россия-1 HD*. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=tFFU25wCxuA

Тыканова, Е. В. (2013). Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа). *Журнал социологии и социальной антропологии, 16*(3), 112–123.

Тыканова, Е. В. (2019). Уровни участия локальных активистов в борьбе за городское пространство. В Л. А. Гайнутдинова и М. В. Невзоров (Ред.). *Город. Среда. Политика. 2018: сборник материалов научно-практической конференции,* 37–42. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.

Arkhipova, A., Doronin, D., Iougaï, E., Kirziouk, A., Radtchenko, D., Titkov, A., Volkova, M. (2017). Légitimation et disqualification par l'histoire dans les manifestations de rue en Russie. *Social Movement, 2017*(July-September), 129–148.

Chen, C.-J. J. (2009). Growing social unrest and emergent protest groups in China. In H. Huang, M. Hsiao, C. Lin (Eds.) *Rise of China. Beijing's strategies and implications for the Asia-Pacific,* 87–106. London: Routledge.

Gransow, B. (2014). Reclaiming the neighbourhood. Urban redevelopment, citizen activism, and conflicts of recognition in Guangzhou. *China Perspectives. Contested Urban Spaces, 2014*(2), 17–27.

Hochschild, A., Machung, A. (1990). *The second shift*. New York: Avon Books.

Janoff-Bulman, R., Timko, Ch., Carli, L. (1985). Cognitive biases in blaming the victim. *Journal of Experimental Social Psychology*, *21*(2), 161–177.

Kuymulu, M. B. (2014). Growth and revolt: Resisting urban redevelopment in Turkey. *Sociologia Urbana e Rurale, 2014*(104), 44–66.

Lee, S. Y. (2014). *New-build gentrification and anti-gentrification movements in Seoul, South Korea*. London: King's College.

Menahem, G. (1994). Urban regimes and neighborhood mobilization against urban redevelopment: The case of an Arab-Jewish neighborhood in Israel. *Journal of Urban Affairs, 16*(1), 35–50.

Peirce, Ch. S. (1868). On a new list of categories. *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, 1868*(7), 287–298.

Shin, H. B. (2018). Urban movements and the genealogy of urban rights discourses: The case of urban protesters against redevelopment and displacement in Seoul, South Korea. *Annals of the American Association of Geographers, 108*(2), 356–369.

References

Aibar, E., Bijker, W. E. (1997). Constructing the city: The Cerda plan for the extension of Barcelona. *Sociology of Power*, *29*(1), 203–229. (In Russian).

Alekseevsky, M. (Author), Tumarkina, A. (Transl.). (2017, November 1). The Russian housing dream vs reality. *Strelka Mag*. Retrieved from https://strelkamag.com/ru/article/house (In Russian).

Andreeva, N. (2017, March 10). The bill on the demolition of five-storey buildings in Moscow introduced to the State Duma. *WordYou.ru*. Retrieved from http://wordyou.ru/230859-zakonoproekt-o-snose-pyatietazhek-v-moskve-vnesli-v-gosdumu%e2%80%8d.html (In Russian).

Arkhipova, A., Belyanin, S., Kirzyuk, A., Kozlova, I., Yugai E. (2018b). Life cycle of a meme in seagulls, cormorants and ducks. *Art of Cinema*, *2018*(1–2), 300–312. (In Russian).

Arkhipova, A., Radchenko, D., Titkov, A., Kozlova, I., Yugai, E., Belyanin, S., Gavrilova, M. (2018a). "Re-construction of rallies": Internet in protests and protests on the Internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, *143*(1), 12–35. Retrieved from https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/246 (In Russian).

Arkhipova, A., Doronin, D., Iougaï, E., Kirziouk, A., Radtchenko, D., Titkov, A., Volkova, M. (2017). Légitimation et disqualification par l'histoire dans les manifestations de rue en Russie. *Social Movement*, *2017*(July-September), 129–148. (In French).

Arkhipova, A., Volkova, M., Kirzyuk, A., Radchenko, D., Titkov, A. (2017). *Monitoring of current folklore — 2016: Methods and results*. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo". (In Russian).

Arkhipova, A., Zakharov, A., Kozlova, I., Gavrilova, M. (2019). Demographics of protest: membership and dynamics of participation. In K. Rogov (Ed.). *Counter-mobilization. Moscow protests and regional elections — 2019. Analytical report. Series "Liberal Mission — Expertise", issue 7,* 58–68. Moscow: "Liberalnaya missiya". (In Russian).

Bekbulatova, T., Voronov, A., Ivanov, M. (2017, March 10). Renovation on the march. A bill is being introduced to the State Duma that simplifies the demolition of five-storey buildings in the capital. *Kommersant,* 40. Retrieved from https://www.kommersant.ru/doc/3237430 (In Russian).

Chen, C.-J. J. (2009). Growing social unrest and emergent protest groups in China. In H. Huang, M. Hsiao, C. Lin (Eds.) *Rise of China. Beijing's strategies and implications for the Asia-Pacific,* 87–106. London: Routledge.

Clement, C. (Ed.). (2013). *Urban movements of Russia in 2009–2012: On the path to the political*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Clement, C., Miryasova, O., Demidov, A. (2010). *From laymen to activists. The nascent social movements in modern Russia*. Moscow: Tri kvadrata. (In Russian).

Dijk van, T. A., Kinch, V. (1988). Strategies of discourse comprehension. In V. Petrova, V. Gerasimova (Eds.). *New in foreign linguistics. The cognitive aspect of language, issue 23*, 153–211. Moscow: Progress. (In Russian).

Erpyleva, O. (2019). Strategies for reconciling the interests of the state and protest movements in urban planning policy (for example, the "Moscow housing renovation program"). In L. A. Gainutdinova, M. V. Nevzorov (Eds.). *City. Environment. Policy. 2018: Collection of materials of the research and practical conference*, 12–19. St. Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Herzena. (In Russian).

Erpyleva, S., Magun, A. (Eds.). (2015) *Politics of the apolitical: Civil movements in Russia 2011–2013*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Galyamina, Yu. (Author), Karnaukhov, A. (Author), Lipin, D. (Author), Petrov, A. (Author), Rebrov, D. (Author), Rozhkov, E. (Author), Shulika, K. (Author), Zhuravleva A. (Ed.). (2018). *Renovation. The results. Report*. Moscow: Shtab zashchity moskvichej. Retrieved from http://www.dolewka.ru/sites/default/files/upload/doklad-shtaba-zachiti-moskvichey.pdf. (In Russian).

Gehl, J. (2012). *Cities for the people*. Moscow: Alpina Publisher. Retrieved from http://krost-concern.ru/upload/cities-for-people-1chapter.pdf. (In Russian).

Golunov, I. (2017, August 15). Who invented the renovation. Moscow authorities had been planning a massive demolition program for three years, and then decided to make it a political project. *Meduza.* Retrieved from https://meduza.io/feature/2017/08/15/kto-pridumal-renovatsiyu (In Russian).

Gransow, B. (2014). Reclaiming the neighbourhood. Urban redevelopment, citizen activism, and conflicts of recognition in Guangzhou. *China Perspectives. Contested Urban Spaces, 2014*(2), 17–27.

Gudkov, D. (2017, March 11). The bill on the demolition of five-storey buildings. *Besttoday.ru*. Retrieved from http://besttoday.ru/posts/15056.html (In Russian).

Gudkov, G. (2017, May 16). The last cut of Moscow, or how Sobyanin surrenders the capital. *OpenTown.org.* Retrieved from https://www.opentown.org/news/153261/ (In Russian).

Hochschild, A., Machung, A. (1990). *The second shift*. New York: Avon Books.

Janoff-Bulman, R., Timko, Ch., Carli, L. (1985). Cognitive biases in blaming the victim. *Journal of Experimental Social Psychology*, *21*(2), 161–177.

Kuymulu, M. B. (2014). Growth and revolt: Resisting urban redevelopment in Turkey. *Sociologia Urbana e Rurale, issue 104*, 44–66.

Lee, S. Y. (2014). *New-build gentrification and anti-gentrification movements in Seoul, South Korea*. London: King's College.

Marokhovskaya, A., Dolinina, I. (2017, November 20). Bot and all the renovation. How the Moscow government imitated a campaign for the demolition of five-storey buildings on social networks. *CURrealizm. Centr upravleniya rassledovaniyami*. Retrieved from https://medium.com/@tzurrealism/renovatsia-5bfc4f31f2a2 (In Russian).

Menahem, G. (1994). Urban regimes and neighborhood mobilization against urban redevelopment: The case of an Arab-Jewish neighborhood in Israel. *Journal of Urban Affairs, 16*(1), 35–50.

Peirce, Ch. S. (1868). On a new list of categories. *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, issue 7*, 287–298.

Ries, N. (2005). *"Russian talk": Culture and conversation during Perestroika*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Shin, H. B. (2018). Urban movements and the genealogy of urban rights discourses: The case of urban protesters against redevelopment and displacement in Seoul, South Korea. *Annals of the American Association of Geographers, 108*(2), 356–369.

Soto, de, Je. (2008). *Another way: Economic response to terrorism*. Chelyabinsk: Socium. (In Russian).

Tykanova, E. (2013). The influence of urban political regimes on contestation of city space (as exemplified by St. Petersburg and Paris). *The Journal of Sociology and Social Anthropology, 16*(3), 112–123. (In Russian).

Tykanova, E. (2019). Levels of participation of local activists in the struggle for urban space. In L. Gainutdinova, M. Nevzorov (Eds.). *City. Environment. Policy. 2018: Collection of materials of the research and practical conference*, 37–42. St. Petersburg: Izdate'lstvo RGPU im. A.I. Herzena. (In Russian).

Volkov, D. (2012). *The protest movement in Russia at the end of 2011–2012: Sources, dynamics, results*. Moscow: Levada-center. Retrieved from https://www.hse.ru/data/2012/11/03/1249193438/movementreport.pdf. (In Russian).

Strygina, E. (2017, February 7). The ground gave way under Moscow's "Khruschev" buildings. *Vesti. Rossiya-1 HD*. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=tFFU25wCxuA (In Russian).

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Городские типажи

Продолжим тему городских типажей и представителей городских профессий. Красноярские сантехники стали любимым городским памятником, с продавцом из Екатеринбурга любят фотографироваться, охтенка спешит с кувшином молока по Петербургу, там же стоит Карл Булла, знаменитый столичный фотограф начала XX века, для туристов – просто уличный фотограф. Встречаются исторические типажи и не столь отдаленного времени. Например, во Владивостоке стоит памятник моряку, возвратившемуся из заграничного рейса. Он в джинсовом костюме и держит пакеты с покупками, под мышкой у него зажаты виниловые грампластинки. Приметы конца 1970-х – начала 1980-х видны невооруженным глазом.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ГЭС-2: Память места и профессиональная идентичность Материалы прикладного антропологического исследования

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ АЛЕКСЕЕВСКИЙ[1]

✉ ALEKSEEVSKY@STRELKA-KB.COM
ORCID: 0000-0001-9933-4374

[1]Центр городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия

ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ГРОМОВ[1]

✉ GROMOVDV@MAIL.RU
ORCID: 0000-0002-0443-8718

[1]Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА КЛИМ[1]

✉ LIMN@YANDEX.RU
ORCID: 0000-0002-8040-0068

[1]Независимый исследователь, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Алексеевский, М. Д., Громов, Д. В., Клим, Н. М. (2019). ГЭС-2: Память места и профессиональная идентичность. Материалы прикладного антропологического исследования. *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 334–361. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-334-361.

В публикации представлена коллекция устных нарративов бывших работников московской электростанции ГЭС-2, посвященных ее истории и профессиональной повседневности. Одна из старейших электростанций Москвы, расположенная в центре города на Болотном острове, в 2016 году прекратила свою работу. В ее здании после реконструкции будет создано одноименное культурное пространство. Глубинные интервью с бывшими сотрудниками закрытой станции были взяты в 2016–2017 годы в рамках прикладного антропологического исследования, проведенного по заказу фонда V-A-C, который занимается созданием культурного пространства ГЭС-2. Устные нарративы, записанные в рамках проекта, посвящены истории предприятия, профессиональной повседневности сотрудников электростанции, профессиональным традициям и фольклору. Эти материалы войдут в новый архив культурного пространства ГЭС-2 и должны стать источником вдохновения для современных художников, которые в своем творчестве захотят поработать с локальной идентичностью и памятью места.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, устная история, прикладная антропология, электростанция, профессиональный фольклор, городская антропология, история предприятия

GES-2: Local memory and professional identity. Materials of an applied anthropological study

Mikhail D. Alekseevsky[1]

✉ alekseevsky@strelka-kb.com
ORCID: 0000-0001-9933-4374

[1]Centre for Urban Anthropology, Strelka KB, Moscow, Russia

Dmitry V. Gromov[1]

✉ gromovdv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0443-8718

[1]Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Nataliya M. Klim[1]

✉ klimn@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8040-0068

[1]Independent researcher, Moscow, Russia

To cite this article:
Alekseevsky, M., Gromov, D., Klim, N. (2019). GES-2: Local memory and professional identity. Materials of an applied anthropological study. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 334–361. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-334-361. (In Russian).

The publication presents a collection of oral narratives of former employees of the Moscow power plant GES-2 about its history and professional everyday life. GES-2 is the one of the oldest power stations in Moscow. It is located in the city center on the Bolotny Island and stopped working in 2016. A cultural space of the same name will be created in the building upon a reconstruction. In-depth interviews with former employees of the now shut-down station were taken in 2016–2017 as a part of applied anthropological research commissioned by the V-A-C Foundation engaged in creating the GES-2 cultural space. Oral narratives recorded during the project dwell on the history of the GES-2, the professional daily life of the power plant employees, professional traditions and folklore. These materials will be included in the new archive of the GES-2 cultural space and should become a source of inspiration for contemporary artists who want to work with local identity and memory of the place in their art.

Keywords: professional identity, oral history, applied anthropology, power plant, professional folklore, urban anthropology, industrial history

Электростанция ГЭС-2, расположенная на Болотном острове в самом центре Москвы, была построена в 1905–1907 годы и первоначально предназначалась для питания контактной сети городского трамвая. В 1956 году ГЭС-2 была объединена в одно предприятие со старейшей действующей электростанцией Москвы ГЭС-1, получив статус ее филиала. Именно «филиалом» ее привыкли называть работники обеих станций. К началу XXI века ГЭС-2 имела статус одной из самых маленьких электростанций Москвы и практически утратила свое значение для энергосистемы столицы.

В 2014 году здание ГЭС-2 было выкуплено структурами владельца компании «НОВАТЕК» Леонида Михельсона для фонда современного искусства V-A-C. Из станции, некогда снабжавшей электричеством столичные трамваи, ГЭС-2 должна превратиться в новое городское культурное пространство. Проект реконструкции разрабатывает бюро итальянского архитектора, лауреата Притцкеровской премии Ренцо Пьяно. Помимо здания бывшей электростанции к новому культурному пространству ГЭС-2 будет относиться и прилегающая территория, в том числе центр художественного производства «Своды», зеленая зона с рощей, а также спуск к воде и смотровая площадка. Открытие культурного пространства ГЭС-2 после реконструкции ожидается осенью 2020 года.

Еще в самом начале работы над проектом фонд V-A-C декларировал в качестве одного из принципов своей работы внимание и бережное отношение не только к архитектурному облику знаменитой московской электростанции, которая в 2009 году получила статус объекта культурного наследия регионального значения, но и к локальной идентичности места. В 2016 году фонд инициировал работу нескольких исследовательских групп, которые занимались различными аспектами истории закрывшейся электростанции. Приглашенные команды исследователей занимались проблемами формирования архитектурного облика ГЭС-2, изучали историю ее функционирования в первой половине XX века по архивным документам, систематизировали поздние документы, сохранившиеся на самой станции, и выявляли фото- и киноматериалы, где электростанция оказалась запечатлена в различные периоды своего существования[1]. Наконец, еще одним направлением изучения ГЭС-2 стало антропологическое исследование, участниками которого стали авторы данной публикации — Михаил Алексеевский, Дмитрий Громов и Наталия Клим.

Главной целью антропологического исследования ГЭС-2 являлась фиксация и систематизация устных нарративов бывших работников электростанции, посвященных ее истории и быту. Всего было выделено три основных направления этого исследования:

[1] Руководители исследовательских команд: «История предприятия» — Ирина Ролдугина; «Архитектура» — Денис Ромодин, Дмитрий Алексеев; «Место» — Олег Василик, «Экономика» — Александр Богоявленский; «Документация» — Эльза Абдулхакова, Александр Острогорский, Василий Банцекин; «Медиа» — Александра Кононова, Павел Леонтьев.

– *Устная история предприятия.* Сбор коллекции устных воспоминаний бывших сотрудников электростанции, способных подробно и с выразительными деталями описать поздний этап ее истории.

– *Профессиональная повседневность работников электростанции.* Фиксация устных нарративов, которые позволяют восстановить подробную картину повседневности предприятия в различные исторические периоды; понять, как жили, работали, проводили свободное время работники электростанции, как они взаимодействовали с «соседями» по Болотному острову.

– *Профессиональные традиции и фольклор.* Запись профессионального сленга, праздников, традиций и ритуалов сотрудников ГЭС-2. Эти профессиональные коды, поля смыслов, определяют особый статус и своего рода цеховую мифологию энергетиков, работавших на ГЭС-2.

Основным методом работы по проекту стала классическая для современной антропологии техника полуструктурированных глубинных интервью, которые проводились с разными поколениями бывших работников электростанции (от пенсионеров до молодых сотрудников, которых после закрытия ГЭС-2 перевели работать на другие электростанции города).

Неожиданно наибольшие проблемы возникли с поиском информантов для исследования. Первоначально планировалось собрать около 50 интервью с бывшими работниками станции, однако уже на раннем этапе проекта стало очевидно, что сравнительно легко можно выйти на контакт только с небольшим количеством сотрудников, перешедших работать на ГЭС-1. Полных списков бывших сотрудников ГЭС-2 (хотя бы за последние годы работы станции) не сохранилось, поэтому информантов приходилось искать методом «снежного кома», в конце каждого интервью прося собеседника поделиться контактами бывших коллег.

Несмотря на трудности с поиском информантов, всего с мая 2016 по ноябрь 2017 года удалось записать 30 глубинных интервью общей продолжительностью 43 часа. Записанные интервью сильно отличаются друг от друга по продолжительности: некоторые из них длятся меньше часа, а другие продолжаются более 3 часов. В ходе работы над проектом первоначальный опросник постоянно пополнялся новыми вопросами и темами, которые всплывали в ходе разговора.

Можно констатировать, что в целом исследование позволило записать крайне ценный материал по всем трем основным тематическим направлениям, однако полнее всего оказались записи, посвященные профессиональной повседневности станции. Качество записанного материала сильно зависело от личности информанта: молодые сотрудники рассказывали меньше, чем пожилые (которых, к сожалению, было совсем мало); те информанты, которые продолжили работу на станции ГЭС-1, были менее разговорчивы, чем уволившиеся, особенно если интервью проходило на рабочем месте.

Как и материалы других исследовательских команд, изучавших ГЭС-2, результаты работы антропологов были переданы в публичный архив

ГЭС-2 фонда V-A-C, который в перспективе будет иметь электронную версию. С самого начала проекта оговаривалось, что работа должна иметь преимущественно прикладной характер — хотя собранные материалы имеют и академическую ценность, их главная задача — стать источниками вдохновения для современных художников, которые, реализуя свои творческие проекты на территории культурного пространства ГЭС-2, захотят поработать с историей и идентичностью бывшей электростанции. Ярким примером творческого проекта стала «ГЭС-2-опера» режиссера Всеволода Лисовского по либретто поэта Андрея Родионова, который взял за основу текст интервью с бывшим обходчиком ГЭС-2 Ильей Власовым[2] (к сожалению, не из материалов полевого исследования).

Предлагаемые далее наиболее яркие фрагменты из глубинных интервью с бывшими сотрудниками ГЭС-2 дают возможность ознакомиться с самыми интересными его материалами не только современным художникам, но и, как принято говорить, широкому кругу читателей, интересующихся устной историей одной из старейших электростанций Москвы, а также фольклором, традициями и профессиональными повседневными практиками столичных энергетиков.

Структура публикации в целом отражает основные направления исследования. Приведенные цитаты анонимизированы, в некоторых случаях скрыты и упоминаемые в текстах имена других бывших сотрудников ГЭС-2. Авторы публикации выражают глубокую благодарность Александру Острогорскому и Эльзе Абдулхаковой за приглашение принять участие в исследовании и помощь в его проведении, представителям фонда V-A-C за разрешение опубликовать данные материалы, а также всем бывшим сотрудникам ГЭС-2 за отзывчивость и благожелательность, проявленные в ходе реализации проекта.

1. Устная история предприятия

Приступая к сбору устных нарративов бывших сотрудников ГЭС-2 об истории предприятия, исследователи ожидали, что эти материалы будут касаться преимущественно позднейшего постсоветского периода существования станции, который информанты «лично застали». Тем приятнее и неожиданнее было обнаружить, что некоторые сотрудники с энтузиазмом рассказывают и о работе станции в советское время, и даже о дореволюционном периоде ее истории. Судя по всему, информация о том, как работала станция в прошлом, передавалась «из поколения в поколение» старыми работниками молодым коллегам. С одной стороны, информанты передают рассказы о технических особенностях станции в прошлом (рассказы про котлы-«шалашики» и турбины для трамвайных линий, о необычном быте работников станции: пивная бочка в цехе, необычная спецодежда и т. д.); с другой стороны, в памяти остаются истории про необычайные происшествия на станции, прежде всего, про аварии и ЧП.

[2] Премьера «ГЭС-2 оперы» прошла в лабораторном корпусе Е студенческого городка Московского энергетического института 25–26 мая 2019 года (подробнее см. [Шендерова 2019, 29 мая]).

Особым колоритом обладает цикл воспоминаний о том, как на станциях ГЭС-1 и ГЭС-2 делали специальные паровые гудки, которые должны были дать сигнал во время похорон Брежнева. Истории о казусах с этими гудками, несмотря на установку на достоверность повествования, приобретают вариативность: в одном рассказе гудок срабатывает на день раньше похорон Брежнева; в другом — его по ошибке через полгода после похорон посреди ночи включает неопытный слесарь, вызывая панику в центре Москвы[3]. Нарративы про 1990-е годы тоже отражают дух эпохи — сразу несколько бывших сотрудников ГЭС-2 рассказали о том, как в водозаборнике станции была обнаружена сумка с расчлененным трупом. Трогательная история о черепахе, три года жившей в Водоотводном канале в теплых стоках с электростанции, находит подтверждение и в СМИ [Тортилла 2007, 3 июня], и в краеведческой литературе [Арсеньев 2014].

Дореволюционная история ГЭС-2: трамвайная станция и котлы

1. Раз мы сейчас завели разговор про вторую Раушскую ГЭС № 2, то она работала изначально на 25 периодах. Почему? Потому что она была чисто трамвайная станция. А так как электротехническая промышленность смогла предложить тогда двигатели 25-периодные, трамвайный электродвигатель, то эту станцию специально построили на 25 периодов. ‹...› С этой стороны было котельное отделение, стояло 12 котлов в ряд, а здесь стояло 10 турбин. Работали еще до революции энергетики по 8-часовому рабочему дню, смена была 8 часов. Заступала утренняя смена в 6 часов, начинали ходить первые трамваи. Растапливались два котла, пускалась одна турбина. Электрический ток нельзя же где-то хранить, наперед не спрячешь, не сохранишь. Его нужно в данный момент ровно столько, сколько требуется. Вот, пошел первый трамвай — пустили одну турбину, пустил второй трамвай — ее подгрузили, то есть мощность от 0 до 10 набирает. Загрузили одну турбину, растапливают еще котел, чтобы подключить еще одну турбину. И весь рабочий день до пика. Когда у нас пик? Самый пик в 8–9 часов, эти все котлы, эти все турбины пускались в работу. Потом немножечко пик спадал в середине дня и наступал так называемый вечерний пик, когда темнело, когда все ехали с работы. Опять гру-

[3] Версия сюжета про «ложный» гудок публиковалась в 2009 году в разделе «Истории» на сайте Anekdot.Ru и потом достаточно широко распространилась по развлекательным сайтам: «В ноябре 1982 года умер Л. И. Брежнев. В соответствии с пролетарскими традициями проводить в последний путь покойного Генерального секретаря самой коммунистической в мире партии надо было заводским, рабочим гудком. Поэтому на все предприятия, в том числе и на ГЭС-1 г. Москвы поступила команда: "Проводить, как положено!!! Исполнять! Не рассуждать!". И все это срочно. А где взять этот гудок? Из гудков к тому времени только газета "Гудок" осталась. Работники ГЭС-1 помчались куда-то в Коломну и там, на кладбище паровозов из какого-то ветерана железнодорожных путей был вырезан паровозный гудок. Привезли в Москву, и хотя гудок был рассчитан на пар с давлением 13 ати, его срочно приварили к паропроводу 22 ати. Ну, некогда же. День похорон-то уже назначен. И вот наступил момент прощания с дорогим Леонидом Ильичем. По команде открыли задвижку и… тут-то все и поняли, а вернее услышали, в чем заключается разница между 13 ати и 22 ати. Заревело так, что Леонид Ильич услышал. Ну, в общем попрощались. Потом задвижку закрыли, повесили плакатик "Не открывать работают люди" и забыли. Наступило лето. Город продолжал жить своей интересной жизнью. И вот в одну из прекрасных ночей, примерно часов около трех, на ГЭС-1 топят после ремонта котел. Надо подключить растопочный паропровод. Посылают молодого обходчика. Он пришел на место, снял плакатик "Не открывать работают люди", открыл задвижку и … Так с Леонидом Ильичем попрощались повторно. Причем прощание в этот раз было более длительным, так как долго бегали, не могли понять, откуда ревет, что и почему. Вы спросите, что подумали люди? (Напротив гостиница Россия). А люди подумали, что война началась» [https://www.anekdot.ru/id/427061/].

зились эти турбины на полную, чтобы люди разъехались на трамваях. Все приехали домой, трамваи уехали в депо, и постепенно по одной турбинке останавливалось, по одному котлу гасилось. И ночная смена, чем занималась? ‹…› Она занималась выгребанием золы и шлака из котлов, подготовкой их к следующему дню. Приходила опять утренняя смена, и цикл повторялся. Опять растапливали, опять пускали турбины и так до вечера[4].

2. Насколько я знаю историю, ведь ее строили, ГЭС-2, как трамвайную станцию. И там было то ли двенадцать, то ли четырнадцать котлов, которые питали именно трамвайные линии. Вот. И поэтому я, вот… я слышал: сначала их там утром, рано утром, котлы растапливали, они целый день работали, потом они ночью были не нужны, их останавливали[5].

3. Это ГЭС трамвайная, 1909-й год. Это все здание, здесь в ряд турбины стояли, а с той стороны котлы. Вот трамвайчиком уголь везут на платформах. Вот пролеточка. Знаете, чья это пролеточка? К сожалению, документов, чертежей технических, описаний очень мало осталось. У нас обрывочные листы были, потому что во время войны все документы были сожжены, уничтожены. Для чего? Чтобы немцы не узнали, где теплосеть проложена, где кабель электрический. Все документы. ‹…› Я вам сейчас расскажу про людей, которые работали. Значит, сохранился один документ, который описывал содержание инженера этой станции. С этой стороны канала, если вы помните, такие 2-этажные… сейчас уже вросли в землю… здания. Там жили инженеры этой станции. Там было написано, что ему положена кухарка, извозчик, коляска летняя, сани зимние, чесучовый костюм белый, костюм черный, сколько-то пар простыней, одеял. Короче говоря, мало того, что он жалование получал здесь, он еще и содержание полное получал[6].

4. С дореволюционного времени хочу сказать, что хорошо платили, во-первых, энергетикам. И потом, считалось, что у них вредная все-таки работа. Как ни странно, жажду утоляли пивом. Не поверите, стояли в цехах бочки деревянные с пивом. Такой был черпак латунный, каждый наливал себе, сколько хотел. И пил пиво. До революции. Спецодежду выдавали, выдавали шевро — такая тонкая кожа, с внутри, как замша, а сверху — блестящая. Оно тоже очень хорошо предохраняло от ожогов, от перегрева, вроде как холодило тело. Такие были штуки[7].

5. Здесь было при советской власти тридцать два котла маленьких, стояли. Вот здесь, на этой территории. Маленькие котелки. Тут было трамвайное депо, станция. Все работало на трамваи. Выдавали электричество, потому что трамваи ходили. Здесь трамваи ходили до Павелецкого вокзала через Малый Каменный мост, Большой мост, ходили до Павелецкого вокзала. Вывозили шлак — топили котелки эти углем, и шлак вывозили на трамвае. А наша станция там, всё. ‹…› Когда я пришел, уже здесь котлов не было. У нас почему называлось «Кт2122»? Потому что все эти котлы убрали, поломали. А названия, цифры остались[8].

6. Раньше там «шалаши» стояли, ее сделали для трамваев. Я в свою бытность еще два «шалашика» захватил. Маленькие котлы. ‹…› Они маленькие, как шалаши. [Топили их дровами?] Углем, дровами. На трамвае их привозили туда. ‹…› Для турбины они

[4] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[5] М., с 1994 по 2001 год работал на ГЭС-2 в должности мастера.
[6] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[7] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[8] М., работал на ГЭС-2 с 1974 года до закрытия станции на различных должностях.

что-то давали, потому что трамваи бегали с электричеством. Наверное, энергию для турбины давали. Первые трамвайчики, когда побежали, до Сокольников. Они в любом случае электрические были[9].

Жизнь станции в советское время

7. Мне дед еще рассказывал: если ты работаешь, ну, вот допустим, в котельном цехе — ты не имеешь права пройти в другие цеха. Везде были часовые. [Это было в 1930-е годы?] Ну, в тридцатые, в сороковые, в пятидесятые. То есть если ты в другом помещении работаешь, тебя туда [в это помещение] не пускали — вот такая была система. Сейчас-то, конечно, этого уже давно нет[10].

8. Иосиф Абрамович рассказывал, [раньше] выдавались спецовки парадные — белого цвета. ‹...› [Как может быть спецовка белая?] Нет, не [обычная] спецовка, а спецовка белого цвета парадно-выходная. Это как у военных два мундира. Так же и в энергетике было. [Парадный китель?] Парадный китель. ‹...› Иосиф Абрамович очень был, как бы вам сказать, от Бога энергетик. Когда я его узнала, он уже был начальником электролаборатории. Очень грамотный вообще. Станцию знал, как «Отче наш». Это с его слов. ‹...› Когда-то парадно-выходная, наши старички рассказывали, была белого цвета. А сейчас: «Завтра дадим, приходите на склад, не завезли спецовку». Народ ждет же новую, потому что старая, она же имеет место изнашиваться быстро. Особенно плохого качества. Там, видно, такой период был, не очень. Он говорил: «Ну, да, когда-то две спецовки выдавали всем, парадно-выходную белого цвета и обычную, а сейчас, — говорит, — одной не дождешься»[11].

9. Очень часто вспоминали старики, как раньше лояльно относились к выпивке. Особенно после войны. У нас стоял через дорогу шалманчик такой от ГЭС-1. От ГЭС-2 такой же был, я чего-то про ГЭС-1 вспоминаю. Там варили сардельки, наливали 150 [грамм водки] и сарделька на закуску. Так этот бульон от этих сарделек никогда не сливался, он застывал, там был ком жира. Его опять [потом] котел разогревают. Но кто очень маялся с похмелья или от голода, прям из этого котла ему наливали этого наваристого бульона. Человек съедал, приходил в себя, шел работать спокойно. [Это где-то 1950-е?] В начале, может, 50-х. В конце 40-х. Такое было отношение. То есть этот жир... Может, она добавляла какие-то специи, я не знаю, повариха, но варила в одном и том же. Автобаза, стоял милиционер. Если он видел, что водитель выпивает 150 [грамм водки], он к нему не подходит. Ничего, «езжай». Но если он видит, что водитель выпивает 150 и кружку пива: «Давай права, ты сегодня не поедешь». Водка как бы считалась поддержанием энергии, продуктом, не алкоголем. Но если ты начинаешь мешать с чем-то[12]...

10. До войны мы дружили с немцами. По электротехнической части все оборудование почти было немецкое. По теплотехнической, что связано с турбинами, с котлами, в основном было английское. Причем были такие казусы нехорошие. У нас же все было секретно, а шеф-инженеров приглашали, допустим, из Англии. Шеф-инженер при монтаже турбины. Турбину пустили, отрапортовали: «Ты-ры-ты-ры» — человек пропадал. Из Англии приходит запрос: «Где наш товарищ? Мы его отпустили по контракту к вам. А где он?» А им отвечают: «Это его дело. Наверное, он остался у

[9] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[10] М., работал на ГЭС-2 в конце 1970-х годов электрослесарем.
[11] Ж., с 1974 по 2011 год работала на ГЭС-1 на различных должностях.
[12] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.

нас в Советском Союзе». А его — чик! — чтобы никто не знал. ‹…› Шеф-инженеры пропадали регулярно. И на ГЭС-2 был тоже свой шеф-инженер. Он тоже, по-моему, пропал. Ну, как пропал? Может, его арестовали, ‹так что он оказался› где-нибудь в Сибири, черт его знает. А может он и отрапортовал: «Хочу с вами жить»[13].

11. [Соседство с «Домом на набережной» давало о себе знать?] Да. А вот этот как раз Сергеев [бывший сотрудник ГЭС-2], вот этот вот Евгений, он жил как раз вот в этом доме. ‹…› У него интересная история, как он появился в этом доме. Ну, не знаю, это к теме, не к теме… Он раньше жил в каком-то… ну, там, в бараке напротив французского посольства, вот, где такая церковь Ивана Воина. На Якиманке. Короче говоря, его мать сбил Каганович, на машине ехал. Ну, ее там в больницу отвезли там. Ну, он [Каганович] ее что-то навещал… Он [Сергеев] даже показывал открытку, он [Каганович] что-то ей там… поздравлял. А потом он ее устроил в этот дом комендантом подъезда — была такая должность. Когда входишь в первую арку, и там так вот арка, и вот в этой арке наверх — там всякая обслуга жила. И у них там была двухкомнатная квартира, очень приличная. Он ‹Сергеев› потом там появился: «Я, говорит, вообще, не из элиты» [*смеется*]. Но, однако ж, вот он там так появился[14].

12. Насчет пьянства расскажу интересный случай. Связанный со стариной. Это когда мы работали на филиале [на ГЭС-2], вот у нас там такой работал зам. начальника КТЦ. Хороший такой мужик был, такой веселый, интересный. И вот как-то мы там разбирали кладовку. Старую-старую. Там приборы старые. И вытащили старый микроманометр. Наклонный микроманометр, меряет маленькое давление. Такой прибор очень старый. Если не дореволюционный, то сразу после революции, значит. Деревянный такой короб, в нем такая трубочка с колбочкой такая, и наклонная стеклянная трубка. И там спирт. И вот он мерял перепад давления. Приходит Володя: «Что, говорит, это такое?». Я говорю: «Да вот…». Ему, наверное, лет пятьдесят этому прибору, если не больше. «А там чего внутри?» Я говорю: «Ну, чего? Спирт!» Он, значит, оттуда раз! — вытаскивает эту трубку, запаянную головку обломил [*смеется*]… «Ты чего, а вдруг там чего-нибудь?» — «Если, говорит, пятьдесят лет — раньше никакого суррогата паленого не было… Действительно, говорит, хороший спирт!» [*смеется*]. «За пятьдесят лет, говорит, сохранился!» Я говорю: «Ты же прибор испортил!» — «Да, говорит, все равно им не пользуются». Вот такие веселые энергетики у нас были[15].

Похороны Брежнева и создание траурного гудка

13. Когда умер Брежнев, сирены выли на всех станциях. Слесаря специально сделали сирену такую. Там при помощи пара, по-моему. Подавался пар, и гудела эта сирена на всю. ‹…› И первая станция [ГЭС-1] гудела, и наш филиал [ГЭС-2] гудел. Наверное, там еще какие-то крупные станции гудели. ‹…› Это специальные сирены были установлены. Специально. Ну, как вот паровозные гудки, знаете? Типа того[16].

14. Интересный случай я вам расскажу: дядя Леша в ТАИЗе [цехе тепловой автоматики и защит] был сварщиком, фамилию я его забыл, у Юры ‹…› работал. Он тоже, как дядя Коля Брылев, пришел с ПТУ в 43-м году. И когда Сталин помер, должны были все гудеть [предприятия]. И они этот гудок варили. Короче сварили.

[13] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[14] М., с 1994 по 2001 год работал на ГЭС-2 в должности мастера.
[15] М., с 1993 по 2001 год работал на ГЭС-2 в должности мастера.
[16] М., работал на ГЭС-2 с 1974 года до закрытия станции на различных должностях.

Все дергают, все гудят, а мы дернули — не гудит наш. «Ну, все, Леша!» Ну, [это же было] во времена Сталина. «Собирайся, сухари суши». Леша это припоминает, пережил это. А он еще заикался.
Короче, помирает Брежнев, опять этот гудок делать надо. ‹…› Опять дядя Леша попадает. «Сваривайте эту всю конструкцию». Закончили работу: «Ребята, давайте проверим». «Ну, давай». Раз — дергает. Он [гудок] как заревет! Остановиться не может. «Ну, все, Леша!» А с Кремля звонят: «Вы что, сдурели, что ли, там? Хоронить-то только завтра будут». А они остановить не могут. ‹…› Что-то дернули, задвижку, наверное, ставили, паром попробовали. Открыть — открыли, а закрыть… И он гудит! А с Кремля звонят, что: «Завтра только хоронить! Вы уже сегодня [гудите]». Опять Леша [виноват]. «Все, Леша, суши сухари»[17].

15. В 82-м году умер наш дорогой любимый Леонид Ильич Брежнев. И постановлением партии правительства было предписано похоронить дорого Леонида Ильича Брежнева гудками заводов, пароходов, фабрик. Где в центре Москвы в 82-м году мы могли найти гудок? Раньше рабочих поднимали на работу гудками, когда часов не было. А сейчас, где? Но есть же умные головы. Пришли на ГЭС-1: «У вас пар есть?» — «Пар есть». — «Погудите». — «У нас нет гудка». — «Придумайте, это ваше дело, просят, погудите». Собрались великие умы, и кто-то один говорит: «В Подмосковье есть кладбище паровозов». Паровозы же гудели, они ж паром гудели, не электричеством. «Поедем, съездим на кладбище, сторожу бутылку поставим, может, он нам разрешит срезать какой-нибудь паровозный гудок». Так и сделали. Привозят этот гудок, до смеха очень простое сооружение: труба, на нее сверху надевается большего диаметра труба, крепится скобами. Только у этой большего диаметра сферическое дно. Пар из маленькой трубы поднимается вверх, бьется об это сферическое дно, расширяется, есть такое понятие — расширение пара. Когда пар расширяется, молекулы лопаются, он издает такой ревящий звук. Так и работали паровозы. ‹…› Поехали на паровозы, срезали, привезли. Есть такая продувочная труба. Когда котлы растапливают, надо их продувать, чтобы пар не застаивался, не конденсировался, постоянно выходил в атмосферу. Выбрали одну из этих труб, врезали этот гудок. Один с биноклем стоял, смотрел на Красную площадь. Там на Красной площади стоял с красным флагом, давал отмашку. Когда пропускали, этот дает отмашку, этот с биноклем стоит, кричит: «Давай!» Начальник смены открывает вентиль, как этот гудок е***т [загудит], такой звук, аж уши закладывало. Все заткнули уши. Слава богу, ‹лишь› минуты 3–4 погудел. Пар закрыли, все перекрестились. И, как у нас бывает, у россиян, закрыли этот вентилечек на цепочку, повесили замочек. Кто его знает, ‹вдруг› кто-то еще помрет. И забыли про него. ‹…› Я уже работал начальником смены. Ночью, это уже май месяц 83-го года, конец мая, теплая [погода], у нас все окошки открыты. Мы стоим, у нас на балюстраде курилка. В 3 часа ночи, как шило в зад, надо растапливать котел, чтоб утром подошел на параметры… включил паропровод. Давай растапливать, рутинная такая операция. Зажгли факел: пока он греться будет 1.5 часа, пока то — сё. Надо открыть продувочную свечу. Как назло, в эту смену попался новичок дежурный слесарь, еще нерусской наружности. Грубо говоря: «Федя, знаешь, где продув 5-го котла?» — «Да, знаю». — «Пойди, открой». 3 часа ночи, гостиница «Россия» вся пива напилась, командировочные спят благополучно. Центр Москвы, сплошная темнота, потому что раньше одни конторы были в центре, жилья мало там было. Полная тишина совершенно, ни машин, ни прохожих, 3 часа ночи. И вдруг с этой тишины как загудит! Мы уже забыли про гудок. Первая мысль — где-то рванул паропровод. Смотрим — по параметрам все котлы стоят. А рев стоит, сейчас взлетит! «Слушай, а не гудок ли это?» Этот козел, другим его словом не назовешь, приди, спроси: «Ребят,

[17] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.

я забыл, где продувки открываются». Ошибся. Пришел же, видит, цепь висит, замок. Где-то лом нашел, ломом скрутил эту цепь и открыл этот гудок. Бедная гостиница «Россия»! Они думали, атомная война началась. Полностью загорелось во всех номерах. Все милиционеры на «жигулях» съехались в центр: «Где так орет? Чего? Непонятно!» Утром, конечно, разбор полетов: «Срезать и законопатить, и больше к нему не подходить!» Поэтому потом не гудели точно, этого ночного гудка хватило. А потом директору, а потом Серебрянникову, по партийной линии всем досталось. Что такое?! Москвичи спят — в 3 часа ночи гудок! Такие были казусы[18].

Аварии на станции

16. Это было, по-моему, в 66-м или 64-м году. Меня здесь не было. Мне рассказывали старики. Тут двое работали, Князев, по-моему, и Козлов. Они топили котел водогрейный, и они его взорвали. Из трубы, как они рассказывали, вырвалось пламя, и пошел черный дым. И с «Ударника» посыпались стекла — был хлопок очень сильный. И, типа, люди выпрыгивали из кинотеатра: настолько был сильный грохот. И все потом говорили, что какую-то запустили ракету. [*Смеется*]. Ракету запустили!... Это я вот, мне старики рассказывали, когда я сюда пришел. Такое было. Котел, конечно, покорежен, там, все эти несущие балки... Но жив остался он. То ли Козлов был на котле там — один внизу, он там подавал, как бы, газ... вот такое было, такая была история. [Им за это ничего не было?] Нет, их понизили с их должности, [но] так и оставили. Ничего особо там. Может, деньгами наказали, я не знаю. Я же говорю, меня там не было[19].

17. Холодно было. 79-й год. Как сейчас помню: все заболели, а мы работали с Павлом вдвоем, крутились. Работали по восемь часов и вот так крутились: он отдыхать — я работаю, я работаю — он отдыхает. Вот так почти что месяц работали. Такое тоже было. А потом, что еще было... Упустили мазут. Разорвало старую трубу — у нас труба соединялась с основной станцией, с Первой [ГЭС-1]. По мазуту. И вот ее где-то там отдушили, когда не стали туда мазут подавать. И где-то был разрыв этой трубы. И мазут оказался на Болотной, здесь вот на Обводном канале. Тоже зимой. Там была такая полынья, и весь мазут скапливался в этой полынье. И мы зимой черпали такими черпаками в бочку, бочку эту поднимали и потом сжигали. [Это была опасная ситуация?] Это не опасная ситуация была, это было просто экология. Раньше не так сильно... как бы это... Ну, ушел мазут под лед, его и не видно. Вот чтоб этого не было, чтоб не было там, как сказать, штрафов с московской этой... «Водоканала», вот все это мы и черпали, этот мазут[20].

18. Одно яркое воспоминание, одна яркая ситуация: когда полетела турбина. И это было в мою смену, и это было очень страшно. На ГЭС-2. Тогда, конечно, замена была, и, в общем-то, все поменяли. ‹...› Во-первых, очень сильный хлопок, как взрыв. И потом очень большие вибрации пошли из самого здания — то есть почти ходуном заходило. Ну, это было ЧП[21].

19. Здесь у нас-то [на ГЭС-2] в общем такая не то, чтобы богадельня, но [*смеется*] самая маленькая станция во всей Москве. Ну, что тут скажешь. ‹...› Турбина, собственно, была одна у нас всего на всей станции. Хотя я и назывался «машинист турбин» вроде как, но это как бы официальное назначение. Но турбина была всего одна.

[18] М., с 1991 по 2002 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[19] М., работал на ГЭС-2 с 1974 года до закрытия станции на различных должностях.
[20] М., работал на ГЭС-2 с 1974 года до закрытия станции на различных должностях.
[21] Ж., в начале 2000-х годов работала на ГЭС-2 в химическом цехе.

В основном вспоминали, как ее сожгли. ‹…› Задолго до меня. Ну, случился пожар, то есть масло загорелось в турбине. Вот, и все бы ничего, ее бы вроде бы… Ну, там, в принципе, на все эти случаи есть инструкции. В основном, они всегда в общем-то и выполняются. Но там получилось так, что ее стали тушить водой. И после этого она просто рассыпалась. Потому что температура рабочая, в принципе, внутренность этой турбины с учетом того, что на нее идет такой перегретый пар с котлов где-то, ну, там, врать не буду, четыреста с лишним градусов. И тут ее обдали холодной водой! То есть она просто раскрошилась. То есть ремонту она уже не подлежала, ее убрали, смонтировали новую. [А это примерно в какие годы было?] Это было даже, ну, может быть, в восьмидесятые какие-то. Может, еще раньше, я даже вот сейчас уже… То есть это уже как такая полулегенда вроде как ходила…[22]

Происшествия и производственные травмы

20. Один раз иду по машинному залу, по бойлерному и надо было повернуть на левую сторону, механическая мастерская, у нас там слесарная мастерская. И там такое чувство… Я иду и метров за двадцать не хочу туда идти, не хочу. Каким-то образом я остановился напротив аппарата с газированной водой, думаю: «Да что же такое? Ноги туда не идут». Через минут пять-десять — взрыв! Взрыв, огонь, пыль, копоть, вода кипит, кипяток! Кипяток же — 90 градусов вода! «Ой, — говорю, — как же я туда не попал! Чудом каким-то». Вот не хочу туда идти и все, хоть ты лопни. И на этом месте там и вода, и газ, и чего только там нет! Сразу и кипеш такой, ой, ужас. ‹…› [То есть аппарат с газированной водой был полезен?] Да, я думаю, что некоторым образом он спас мне жизнь. ‹…› Обычной газированной водой заправляли, CO2, углекислота обычная. Ставили баллончик, и вода подведенная. Ужасное воспоминание, конечно[23].

21. Вторая [история], когда котел не разорвало, когда просто кипяток на нас лился. Выдали, значит, нам ключи от старой кладовки. Под котлом, ровно под котлом. Старая мастерская. Мы сидели, что-то делали, инструмент хранили, туда-сюда, что-то сидим. И тишина гробовая. Хлопок — и на нас сверху кипяток льется! По проводам, по лампочкам, взрыв, лампочка лопается, и током начинает бить сразу, по кипятку. Кипяток обжигает, и током начинает бить. Что-то взорвалось там на котле! Как бегом побежали. А не видно же ничего, сразу пар пошел. Не видно ничего. Как уже по памяти там вышли, я не знаю, так бы сварились к чертовой матери. Ноги обварили, руки обварили, голова, уши, там все… Текет кипяток на плечи, ой, страсть господняя! [А, кстати, все в касках должны ходить, это техника безопасности?] Обязательно. Начальник снимает [каску], говорит: «Видишь полоски, ссадины на каске?». Я говорю: «Вижу». — «Вот такие они должны быть у тебя на голове, если [каски] не будет». И касочку одел[24].

22. Как-то один у нас в мазут нырнул тоже. Ну, не нарочно, естественно. Это там сзади за зданием — там было наше мазутное хозяйство: подземный бак метров десять диаметром и глубиной там сколько-то — метров пять, может, меньше. Не знаю — я не мерил, ну, не суть. И там всегда хранился запас мазута. Ну, как бы на аварийные случаи, если вдруг там газ почему-то пропал. И был у нас там мужичок такой, ну, дедок, можно сказать, Петрович. ‹…› Он такой — с богатым прошлым. То есть он когда-то там при Советском еще Союзе где-то в Азии там, они там то ли строили, ну, когда Советский Союз там помогал Ираку тому же, еще

[22] М., с 1998 по 2002 год работал на ГЭС-2 машинистом-обходчиком и машинистом турбин.
[23] М., на рубеже 1990–2000-х годов работал на ГЭС-2 машинистом паровых турбин.
[24] М., на рубеже 1990–2000-х годов работал на ГЭС-2 машинистом паровых турбин.

кому-то, чуть ли не Кубе там. В общем, везде он побывал, и чуть ли не Саддам Хусейн ему какой-то орден там вручал из своих ручек, что называется. ‹…› Ну, он такой — вроде пожилой, но такой живчик и такой, как говорится, шебутной. То есть ему там старший мастер Кузмичев говорит: «Петрович, ты сходи туда-то, условно, крутани там такую-то задвижку». Петрович там при словах «Сходи туда-то», ничего не дослушав, уже с места в карьер, только пыль за ним столбом, побежал уже. Вот такой вот он резкий в движении. И что-то вот за чем-то его тоже отправили [к баку с мазутом]. Там сам бак, и над ним будка. ‹…› В общем, Петрович там сослепу, то ли сдуру там, то ли поскользнулся как-то… Короче говоря, он нырнул туда в этот бак. Ну, выбрался, правда, слава богу. В общем, такая была веселая история[25].

23. При мне рассказывали там историю. Вернее, в мою бытность, но, по-моему, я как-то не присутствовал при этом. Где-то на территории [ГЭС-2] копали траншею под кабель. И какой-то работяга с ломом долбил-долбил, то есть тюкал-тюкал, дотюкался до кабеля 6 киловольт напряжения. Правда, что характерно, жив остался. При том этот кабель… Потом стояли над ним — репу чесали, откуда он вообще здесь взялся? Никто не знает. Ни на схемах, ни на планах — нигде не нанесен. Что это такое, почему тут напряжение? Черт его знает. ‹…› Ну, станция старая, культурный слой большой[26].

24. Когда строился вот этот [Патриарший пешеходный] мост, как я говорил, вот этот мост у храма Христа Спасителя [проходит] между основным зданием филиала и подстанцией. Поэтому кабельных линий там очень много проложено. ‹…› Там эти строители по два раза в неделю стабильно долбили нам какой-нибудь кабель. Только это не какой-нибудь безымянный. Бах! Сигнализация на щите, максималка, там, максимальная токовая защита, отрубает там что-то. Мы бежим, проверяем: да, отключился там, бежим туда. А они там быстренько в ямку закопали, и ушли в сторону, все. Где? Что? А они: «Мы ничего не знаем. Мы сегодня вообще не работали. У нас сегодня большой праздник. У нас никто не работает, начайника. Начайника, ничего не знаем»[27].

Необычные находки в водозаборнике

25. Мужик один рассказывал, трупы вылавливали. В водозаборники попадали. Ну, там такие… [Это из Москва-реки?] Ну да. Она [электростанция] же берет воду из Москва-реки, заборник идет. Ну вот, когда там сетку начинают чистить, вот мужик рассказывал, что он там вылавливал. Было дело. Ну, так еще что-то, я не помню, рассказывали. Это давно было, с 2005 года[28].

26. У нас был такой случай, как раз новичкам рассказывали, как у нас в обход товарищи пошли и у водоприемника нашли сумку. Сумку вытащили из воды, спрятали ее, вернулись, думали, что там денег целая сумка. А оказалось, нет. Там обнаружили [мертвого] ребенка. ‹…› Вот, это реальный случай. Рассказывали, когда заходишь на водоприемник, они сетки прокручивали, там мусор и все дела. Там что хочешь можно было найти, не только мусор. Вот и сумку нашли. ‹…› Это все было официально, в милицию заявили, приходил потом участковый, опрашивал всех, это реальная история[29].

[25] М., с 1998 по 2002 год работал на ГЭС-2 машинистом-обходчиком и машинистом турбин.
[26] М., с 1998 по 2002 год работал на ГЭС-2 машинистом-обходчиком и машинистом турбин.
[27] М., с 2007 по 2008 год работал на ГЭС-2 электромонтером.
[28] М., в середине 2000-х годов работал на ГЭС-2 дежурным электрослесарем.
[29] М., с 2000 по 2015 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.

27. [Находили в водозаборнике сумку с трупом?] Было такое, но это где-то в 2004-м году, в 2003-м. Это даже мой знакомый был, который эту сумку поймал. Он с периферии, тоже там работал. ‹…› Он так же пошел с проверкой на водоприемник, посмотреть, все ли целые замки, общий осмотр. И видит, что плывет по Москва-реке большая спортивная сумка. Он нашел какую-то палку, кирку металлическую. Всем хотелось денег. А в те времена были движения, убийства, мало ли кто чего скинул. Открыл, а там трансформер из человеческих фрагментов. Соответственно, вызвали милицию. Сначала сказали: «Где ты ее взял?». Потом разобрались. Он говорит: «Я свою работу выполнял, потому что если бы эта сумка прибилась сюда к сетке, забор [воды] шел бы уже немножко не так». Это некритично, но ни к чему. А интерес всегда присутствует[30].

28. Года три жила [около станции] такая вот большая черепаха. Вот, где сток идет, прямо с проходной выходишь. Она года три жила. Даже ее по телевизору… приезжали, по телевизору снимали, что живет такая черепаха большая. ‹…› В реке. Водоканал этот. [Как она зимой жила? Там же холодно.] Сток идет теплый, она в этой трубе. ‹…› Потом Лужков этот мост построил [пешеходный мост через Водоотводный канал]. То, что они насыпали, сваи ставили, начали размывать. Водометы пришли, и куда-то нашу черепаху смыло. А так летом она до этого моста, где [кинотеатр] «Ударник», доплывала[31].

2. Профессиональная повседневность работников электростанции

В ходе глубинных интервью бывшие сотрудники ГЭС-2 очень подробно рассказывали о различных аспектах своей профессиональной повседневности (от сложных взаимоотношений с охраной на проходной до корпоративных праздников и поездок), однако для публикации были отобраны лишь самые выразительные сюжеты, открывающие неожиданные стороны жизни энергетиков. Некоторые из них связаны с дополнительными возможностями, которые открываются перед работниками станции благодаря специфике их деятельности. Так, широко была распространена практика разогревать принесенную с собой еду на горячих трубах и котлах, а самые предприимчивые сотрудники, пользуясь особым «микроклиматом» в подвалах станции, устраивали там грибные «плантации», выращивая вешенки. Удобство расположения станции в самом центре Москвы высоко ценили сотрудники КГБ/ФСБ, которые регулярно приезжали на ГЭС-2, чтобы быстро и надежно сжигать в котлах мешки с документами. В воспоминаниях об этой практике фигурируют неожиданные детали, вроде подарков энергетикам от работников спецслужб за оказанные услуги в виде дефицитных канцелярских принадлежностей.

Большой интерес представляют воспоминания бывших работников ГЭС-2 о взаимоотношениях со своими «соседями» — предприятиями и учреждениями, расположенными неподалеку. Наиболее теплые отношения выстраивались с работницами кондитерской фабрики

[30] М., с 2006 года до закрытия работал на ГЭС-2 машинистом паровых турбин.
[31] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.

«Красный Октябрь», которых энергетики в шутку называли «сладкими женщинами». Им оказывали помощь с оборудованием, получая взамен конфеты, а иногда и вишневый спирт, который использовался при производстве кондитерских изделий. От работников кинотеатра «Ударник» в качестве благодарности за услуги получали дефицитные кинобилеты. А вот с жителями населенного советской элитой Дома на набережной отношения складывались непросто. С одной стороны, ГЭС-2 давала пар для прачечной, расположенной в здании; с другой стороны, жильцы регулярно вызывали пожарных, когда станция при тестовом запуске оборудования на мазуте «пускала медведя», то есть производила большое черное облако дыма, которое ветром приносило к Дому на набережной. Совсем другого рода конфликты возникали с посетителями «Рая», одного из самых дорогих и пафосных ночных клубов Москвы, который открылся в 2007 году в том здании фабрики «Красный Октябрь», которое находилось ближе всего к территории электростанции. Гости «Рая» регулярно парковали свои машины перед станцией, мешая проезду, а особое недовольство энергетиков вызывали тусовавшиеся возле клуба наркоторговцы, один из которых во время милицейской облавы спасся, перебравшись через забор с колючей проволокой на территорию ГЭС-2.

Приготовление пищи на рабочем месте

29. На ГЭС-2 столовой не было. Обеды народ носил с собой. Грели их весьма изощренным способом — очень многие расставляли баночки по оборудованию. Когда оно находилось в работе, на клапанах турбин стояли баночки. Отдельные трубы на котлах, там баночки стояли. Можно было наблюдать перед обедом, идешь — батарея баночек. Это такое, как нюанс, я хорошо помню. [Когда подгорало, то шел запах повсюду?] Да нет! Эта технология отработанная была. Все по часам: пошел, поставил баночку, режим стабильный. Через 15 минут зашел, снял, все в порядке[32].

30. Одно время столовая была такая невкусная, изжога все время была, [поэтому] все приносили с собой. Ну, не знаю, ставили банки на котел. Ну, утром поставишь, в обед взял — она будет разогрета[33].

31. Когда столовая стала дороговата, люди приносили с собой. Приносят эти банки, наставят на коллектор. ‹…› Люди приносили банки щей, кто картошку, кто что может. На котел положил — к обеду приходишь, она горячая. С хлебушком поел, баночку сполоснул, все[34].

32. Батареи такие горячие были, что зимой мы все банки свои [с едой] ставили на батареи. Картошку пекли. Это связано с технологическим процессом. Обшивка трубы до такой степени нагревалась, несмотря на то, что просто кладешь в фольге картошку. Фольга продавалась, что хитрого-то. Это печеная картошка, можно сардельки[35].

[32] М., с 1994 по 2002 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[33] М., с 1994 по 2001 год работал на ГЭС-2 в должности мастера.
[34] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[35] Ж., с 1974 по 2011 год работала на ГЭС-1 на различных должностях.

33. Были любители еще на турбине [еду] греть. ‹…› Иногда еще про нее забывали, и оно начинало дымить. Были такие около стока клапанов ровные площадочки, чтобы там банку поставить, грубо говоря, или какой-нибудь кулек из фольги положить-погреть. Если там какая-нибудь гречка, то было там, мало ли, забыл или куда-то чего-то понадобилось, побежал. И на турбины выходишь, там дымовал. Дым просто стоит, там ж температура ё-моё[36].

34. На ГЭС-2 начальник смены один рассказывал: наверное, в двухтысячных годах, какого года — не помню, жарили шашлыки зимой под котлом. К ним пришел пожарник, потому что на каждой станции был свой еще и инспектор пожарной безопасности. Он приходит и говорит: «Вы что творите? Мангал поставили под котлом! Вы что, это ж нарушение!» На что начальник смены взял инструкцию, открывает ее на определенной странице, и там написано, что «при окружающей температуре ниже, там, двадцати градусов, всеми возможными способами обогреть здание, вплоть до установки мангалов». «Обогреваем! У нас минус двадцать один!» [*смеется*]. Вот. И ребята говорят, что он очень долго ходил, этот инспектор, пыхтел, пыхтел, говорит: «Ну, ладно, ну, угостите хоть шашлычком-то!» Ему говорят: «Вот, не выпендривался — угостили бы, а сейчас иди к себе!» То есть хотел, видимо, угоститься шашлыком[37].

Выращивание цветов и грибов на станции

35. Вообще на станции [ГЭС-1], я когда пришла, была шикарная теплица. У нас росли лимоны, у нас была цветочница Обухова Галина Ивановна. Здесь на станции. А на филиале [на ГЭС-2] там свои теплички были. Там у нас яблоки росли. Этого уже ничего нет. Тоже выращивали цветы для оформления тех же собраний, всегда свои живые цветы. Это советское время. Лимончики. Мы, конечно, их не ели. Но как-то приятно было. Мы просто ходили отдыхать[38].

36. [Правда, что из-за теплых труб в подвале станции грибы какие-то выращивали?] Было дело. Да, были там такие закутки. Там кто-то, сейчас уже не помню… кто-то из электриков, что ли. Вешенки. Там подвал такой был, что там можно было неделю лазить, и все было интересно в каждом угле. Был там какой-то такой закуток, там, по-моему, даже с дверью, на ключ, что ли, даже закрывался. То есть где-то он не на обычных наших маршрутах, обходный пример. ‹…› Тогда такое время было [в 1990-е], что каждый, кто с огородов там кормился этими вешенками. Я не знаю, может, он продавал их где-то. [Там такая приличная плантация была?] Ну, я там один раз, что ли, прошел. Ну, так — небольшая комнатка там. И что-то там, то ли старые дубовые сваи, что ли, там были, то ли что-то, они все там облеплены этими вешенками. Было-было, да, такое было[39].

Сжигание на станции документов сотрудниками КГБ/ФСБ

37. Какие-то секретные документы в котлах жгли, сюда [на ГЭС-2] приезжали. ‹…› Специальная машина, либо ФСБ, либо еще что-то… Вот. Ставили своих людей. Запечатанные мешки, опломбированные [кидали] в топку. А что — не спрашивайте.

[36] М., с 1998 по 2002 год работал на ГЭС-2 машинистом-обходчиком и машинистом турбин.

[37] М., с 1996 года до закрытия работал на ГЭС-2 старшим мастером по ремонту приборов и оборудования.

[38] Ж., с 1974 по 2011 год работала на ГЭС-1 на различных должностях.

[39] М., с 1998 по 2002 год работал на ГЭС-2 машинистом-обходчиком и машинистом турбин.

‹…› Они подъезжали, там же, получается, в водогрейках жгли. А между водогрейными котлами расстояние — ну, можно машину можно поставить, между сборками вот этих вот горелки. Они практически внутрь заезжали. Ну, потом стали запрещать. К воротам подъезжали, открывали, вытаскивали уже… Вот. И смотрели: «Все?» — «Все». — «Все перекидали?» — «Все перекидали». — «Закрыли?» — «Закрыли». Еще постоят — «Откройте!» Раз — дотлевает внизу[40].

38. КГБ еще тогда был. Документы че-то там сжигали. Потому что, для них это, я так думаю, в том числе, было сделано специальное окошко, такая лопата из трубы, закладывает стопок, раз, повернул, они туда упали. ‹…› Заведомо все сгорит. Ни пепел, ни золы не останется. Вообще вылетит в трубу[41].

39. Дважды приезжали из КГБ, на тот момент оно еще было. ‹…› Как заезжали, и как это оформлялось, не знаю, но смысл очень простой. Между котлами появлялось несколько огромных коробок, ну там я не знаю, бумаги просто. Никого не подпускали, там было три-четыре человека, с двух сторон стояли. Просили показать, куда можно бросать. Там начальник смены открывал люк, и один человек ходил, носил документы и бросал туда[42].

40. При мне несколько раз [из КГБ привозили сжигать документы на станции], да. Я этим занимался. Лично сжигал. ‹…› Ты это сам контролируешь, процесс. Под твоей ответственностью. Они так окружали, что у меня ни одна бумажка не упала, не залетела. ‹…› Они прямо в мешках, мешок забрасывают. ‹…› Они после этого смену награждали бумагами, ручками. Вот потом этим пользовались, потому что всегда нужны ручки, блокноты. Их всегда не хватало[43].

41. Из ФСБ привозили, из Правительства Москвы [сжигать документы на ГЭС-2]. Мы сжигали по самые горелки. ‹…› Приезжали во двор, заезжали прямо сюда, в помещение. Становились цепочкой, нас не допускали. Мы только открывали: дик-дик, дик-дик[44].

Общение с «соседями»: Дом на набережной и Кремль

42. Там прачечная была кремлевская [в Доме на набережной], мы туда пар подавали. Там же утюги. Прачечные сами машины — все же на пару. Туда им подавали летом, специально для них котел топили. КВР был, барабанный котел. Ну не им только — в столовку давали, нам самим тоже нужен был[45].

43. Когда я туда [на ГЭС-2] пришел, там еще был такой котел маленький. ‹…› Его еще все звали «гордость советской энергетики» — как бы в усмешку. Такой маленький, он работал только летом. Он давал пар на прачечную, которая была вот в этом правительственном Доме на набережной, вот. А так — нет. [Он был совсем устаревший?] Ну как устаревший? Может быть, не устаревший, где-то 60-х годов постройки. Просто очень маленький такой. Его просто утром растапливали и вечером, к концу рабочего дня останавливали — такой вот, самоварного типа такой[46].

[40] М., с 1994 по 2001 год работал на ГЭС-2 в должности мастера.
[41] М., с 2007 по 2008 год работал на ГЭС-2 электромонтером.
[42] М., с 1994 по 2002 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[43] М., в 1990–2000-е годы работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[44] М., работал на ГЭС-2 с 1979 года до закрытия на различных должностях.
[45] М., работал на ГЭС-2 с 1979 года до закрытия на различных должностях.
[46] М., работал на ГЭС-2 в конце 1970-х годов электрослесарем.

44. На ГЭС-2 у меня вот один случай был. Когда котлы вот эти вот пускали — двадцать первый, двадцать второй, это энергетические. И там нужно было опробовать на мазуте. Там у нас основное топливо — газ. И нужно было, вот, опробовать на мазуте. Там мазут — это аварийное топливо. А там так, значит. Какое-то время работает одна газовая горелка, и мазут пускается. И вот в это время [*смеется*] воздуху не хватает, дым черный идет. А рядом этот Серый дом знаменитый, Дом на набережной. Да, и все там «элитные» люди. Вот. И вот [*смеется*] «Медведь» этот черный поднялся из трубы, и еще туда понесло прямо на этот дом. Не прошло, наверное, пяти… ну, десять минут, наверное, максимум. Тут и МЧС приехало, и пожарники приехали [*смеется*], все вот эти… «Что случилось?» — «Ну а там…» — говорит: «Вот, у нас, там, по программе, ну, это кратковременно, это невозможно этого избежать». Вот. Вот такая реакция. ‹…› Вот когда неполное сгорание топлива — газа или мазута — когда не хватает кислорода в какие-то такие переходные режимы, моменты, выходит вот этот черный дым. Вот это говорят «медведя пустили»[47].

45. Как-то раз, это мне рассказывают, не при мне было, происходила пробная топка мазутом, и не сразу отрегулировали соотношение топливо — воздух. Там регулятор нужно регулировать, и шел черный дым такой прямо из трубы. ‹…› И вот это весь Дом на набережной увидел, как вот это дело, начали, видать, названивать. Пожарные ломятся, значит, приехала пожарная машина, и стали ломиться. Охрана их не пускает, дескать, никакого пожара нет. Никто не звонил, не говорил. К тому времени, как пожарные приехали, все уже отрегулировали, все нормально было. Ну, вот этот момент люди успели увидеть и вызвать, а когда прошел звонок сразу с нескольких квартир, пожарники отреагировали четко, они понеслись туда, все[48].

46. Единственное, чем проблематична была ГЭС-2, там был такой дом, по-моему, 4, серый, бывшее общежитие советских деятелей высоких. [Дом на набережной вы имеете в виду?] Да. И если по осени вдруг какие-то проблемы с пуском и остановом ночью, опускается оборудование, давление среднее, то есть пар, который неизбежен при пуске, начинает клубиться в этом дворе. Добрые жители в виде бабушек и дедушек вызывают пожарную охрану. А пожарная охрана, помнится, приехала в составе полного расчета, 23 машины. Вот такие случаи бывают. Особо опасный объект[49].

47. Из Кремля звонили, знаете, по какому поводу? У нас резервное топливо было мазут, если вы знаете. Котлы работали на газе, а резервное все время оно крутилось. И когда испытывали это резервное топливо — дым, представляете, какой? Мы там все купола. «Что вы там делаете! Все купола сейчас почернеют». [Это из Кремля звонили, да?] Да, из Кремля звонили[50].

48. Медведя пустить — это значит ‹…› сырым мазутом протопить котел, и чтобы выхлоп пара… При сгорании мазута обычно белый пар, а если его пустить не совсем разогретым, мазут, не дождаться или побыстрее попытаться растопить, пар будет черный. Один раз пустили такого медведя, из Кремля звонили, говорили: «Вы что там, сволочи, делаете?». Все же на них пошло ветром, на Кремль. А темный, как смоль, как деготь, ё-моё. ‹…› Весь центр Москвы был черный, как у негра живот, и все. Пустили медведя, да, было такое один раз[51].

[47] М., с 1994 по 2001 год работал на ГЭС-2 в должности мастера.
[48] М., с 2007 по 2008 год работал на ГЭС-2 электромонтером.
[49] М., с 1997 по 2005 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[50] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[51] М., на рубеже 1990–2000-х годов работал на ГЭС-2 машинистом паровых турбин.

Общение с «соседями»: кинотеатр «Ударник» и фабрика «Красный Октябрь»

49. [Какие-то были взаимоотношения с кинотеатром «Ударник»?] Да. Во-первых, там тоже ж кондиционирование, воду же опять от нас же брали с нашего [водо]забора. Мы общались с механиками, так они нас приглашали иногда кино посмотреть[52].

50. «Красный Октябрь» у нас воду брал, два насоса стояло у них. Они ж на охлаждение шоколада брали у нас воду. Потом свои насосные станции построили. А так у нас еще место осталось — станины для ихних насосов. «Ударник» брал тоже [воду из насосов ГЭС-2], у них же кондиционеров не было, все водой. Воду подавали. Ремонтировали им насосы — билетик дадут там какой-нибудь в «Ударник». Фестивали или что там. [А шоколадом не стимулировали?] Не, приносили, даже вот такой толстый шоколад, я первый раз в жизни видел, больше, наверное, десяти миллиметров — миллиметров двенадцать, наверно[53].

51. В 90-е годы «Красный Октябрь», вспоминается сразу. Эта набережная, девчонки молодые идут в цеха «Красного Октября» работать. Вот толпа. ‹…› Сладкие женщины. Вот идут, сейчас запахнет шоколадом. [«Сладкие женщины» — это выражение такое было?] Так их и называли. У нас стена была, где трансформаторы связи, так они там конфеты иногда нам перекидывали. ‹…› Коробку прямо бросят. Или по кульку. Я не знаю, как там. Но точно бросали. А уже когда закрыли «Красный Октябрь», сюда перенесли, где Бабаевский, резко изменилось, все резко изменилось[54].

52. Шоколадная фабрика «Красный Октябрь». А для охлаждения шоколада что нужно? Холодный воздух. А воздух охлаждать водой. Почему мы дружили с «Красным Октябрем», потому что от нашего бассейна трубопровод с цирквводой шел и туда на «Красный Октябрь». Единственное, они нам говорили: «Ребята, принесите нам хоть селедки или сала, ни в коем случае не берите конфет и шоколад». Они уже так там наелись этих ликеров, этих выжимок из спирта вишневых и сливовых, что им только селедочку и кисленького винца. Ну а мы еще не привыкли к такой роскоши. Конфеты, как делают, есть такая вкуснятина, вишня в шоколаде. Эта вишня, чтоб в шоколаде не плесневела, когда ее обольют шоколадом внутри, ее несколько дней вымачивают в спирту. После того, как ее вымочат в спирту, спирт приобретает ярко красный цвет, сок вишни цвет отдает. Так вот эта вкусняшка, вишневый спирт, я ничего лучше в жизни не пробовал. [Куда его девали?] Выпивали, сливали. Считалось, что эти косточки вишневые дают синильную кислоту, и это вредно пить. Стакан, другой не вредно. ‹…› Мы к ним в гости ходили, сколько хочешь, заходи в цех, столько ешь[55].

53. Люди рассказывали, что когда работал «Красный Октябрь», чуть дальше сюда по Болотной, их и конфетами угощали, и шоколадкой. [Угощали централизованно или работницы?] Просто работницы, по-моему, приходили, как-то встречались. Я так понял, что у них смена начиналась вместе. И просто шли все по набережной в одно время, и все общались. Мне кажется, 20–30 лет назад это было нормально. Сейчас, может, все за деньги. А раньше все было за спасибо. ‹…› Когда я туда только устроился, это 2006 год, я шел на смену, еще пахло шоколадом. 2006–2007 год пахло шоколадом, это было приятно. А потом, как закрыли «Октябрь», изменилось. Знаете, что там сейчас находятся клубы развлекательные для молодежи[56].

[52] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[53] М., с 1979 года и до закрытия ГЭС-2 работал на разных должностях.
[54] М., в 1990–2000-е годы работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[55] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[56] М., с 2006 года до закрытия работал на ГЭС-2 машинистом паровых турбин.

Общение с «соседями»: ночной клуб «Рай»

54. Ночной клуб [«Рай»] — это вообще отдельная история. В основном одни проблемы были в плане заезда на территорию станции. Топливо резервное завозили, они нам ворота загораживали. Машину поставят, бросят и уйдут. Соответственно нам приходилось как-то выкручиваться там, ГАИ вызывать. Сейчас все, ночного клуба нет[57].

55. Как раз они при мне строились, вот «Рай» — этот клуб. Они при нас делали пенопластовые слоны свои. Или лошадей. Кого они там делали? Мы все ходили мимо. Они там на площадке, ребята что-то ваяют. Нам было очень интересно, что они там делают. Потом увидели. ‹…› По ночам в выходные дни поначалу там такая вереница машин туда идет! Стоим, в окошко, смотрим все это дело. Автомобили все в стразах уклеены. ‹…› Ну, у нас, к сожалению, там, у охраны был, негативный опыт с этими «Райскими» пташками, как мы их называли всех. Парковщики, которые работали на этот клуб, на этот «Рай», парковали эти машины как попало. И, в общем-то, несколько раз было такое, что закрывали ими просто въезд к нам полностью. Перегораживали машинами, и там невозможно было [заехать]. А если пожар? Пожарная машина не заедет. А если человеку плохо? Скорая не заедет. Это вообще, как бы, не положено делать. Им наши охранники выходили, говорили: «Дескать, убирайте». Те что-то как-то наплевательски относились. Раз сказали, два сказали, три сказали… Ну, что делать? Наши охранники взяли, тревожную кнопку нажали там у себя. Прилетает наряд быстро очень. На тревожную кнопку они отзываются быстро. Спрашивают: «Что случилось?» И эти охранники им объясняют: «Вот перегородили въезд, а если вот к нам что-то случится. Этот не положено перегораживать. Они нам не реагируют». Те этих «пташек» поразгонят. Бум! «Если нас еще раз сюда вызовут, по поводу тебя, — говорят, — мы тебя, говорят, вообще отсюда увезем совсем. Быстро, чтоб машины не было». Убрали. Быстро нашли хозяина, кто-то им дал ключи, дескать: «Отгоняйте там». Ну, в «Раю» они там не просто сидят. Что оттуда вылез из-за стола и пошел там машину отгонять?[58]

56. Контингент [на острове] раньше был простой, рабочий. Такие все, просто одетые. А сейчас эта золотая молодежь идет, все расфуфыренные. Девахи там такие, что мама не горюй. И отрываются по полной. У меня один раз машину там помяли. Потом наркота там вся эта бегает, все эти шарики увеселительные. Милиция все видит это. [Какие-то дилеры, да?] Да, у нас один дилер бежал от милиции, что-то когда облава была, дак он перелез через забор станционный с колючей проволокой. Перепрыгнул, весь в крови, весь порезался, но убежал[59].

3. Профессиональные традиции и фольклор

В 2000-е годы в России исследования профессиональных сообществ и их культуры активно проводились и социологами [Романов, Ярская-Смирнова 2005, Романов, Ярская-Смирнова 2008], и антропологами [Щепанская 2003, Щепанская 2010], и фольклористами [Шумов 2003, Каргин, Костина 2008]. Хотя в рамках этого направления проводились многочисленные полевые исследования, посвященные профессиональным традициям представителей самых разных (и подчас экзотических) профессий, энергетики и их культура остались вне поля зрения исследователей, возможно, из-за достаточно высокого уровня закрытости своего

[57] М., с 2000 по 2015 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[58] М., с 2007 по 2008 год работал на ГЭС-2 электромонтером.
[59] М., в 1990–2000-е годы работал на ГЭС-2 на различных должностях.

профессионального сообщества. Материалы, собранные в результате антропологического исследования ГЭС-2, хотя бы отчасти компенсируют этот пробел и дают возможность познакомиться с профессиональными традициями и фольклором работников электростанций.

Уникальной и самой ценной записью в этой коллекции оказывается городская легенда о происхождении профессионального термина «особая схема». Подача электропитания «по особой схеме» подразумевает, что в ситуации, когда критически важно сохранить стабильность системы, все остальные процессы, которые в теории могут вызвать перегрузку, отключаются. Бывший электромонтер ГЭС-2 в ходе интервью рассказал о том, что этот термин якобы возник еще до революции, когда одному из купцов, организовывавшему светский вечер, хотелось добиться того, чтобы новомодное электрическое освещение стабильно работало, поэтому он пришел на электростанцию с подарками и попросил за это придумать какую-нибудь «особую схему».

Более традиционными по сюжетам являются городские легенды о подземных ходах, которые якобы ведут со станции то ли в Кремль, то ли в Никольский монастырь. Следует отметить, что в одной из рассказанных версий этой легенды подземный ход соединяет электростанцию с кондитерской фабрикой «Красный Октябрь», куда энергетики могли ходить для того, чтобы «знакомиться с девушками, которые там работают, и брать у них конфеты». Эта версия напоминает широко распространенную в разных регионах России легенду о подземном ходе между мужским и женским монастырями, который позволял монахам и монахиням тайно навещать друг друга и вступать в любовные связи [Громов 2015: 17, Шеваренкова 2019: 234–235]. В данном случае в роли монастырей выступают два промышленных предприятия: электростанция, где работают преимущественно мужчины, и кондитерская фабрика, где работают почти исключительно женщины.

Если нарративы о подземных ходах достаточно вариативные, и у многих информантов есть личный опыт попыток их найти, то мифологический нарратив о призраке женщины в белом, которая якобы может появиться в подвале ГЭС-2, судя по всему, восходит к единичному случаю, когда о встрече с привидением рассказала одна из впечатлительных сотрудниц химического цеха. Все остальные рассказывают о призраке с ее слов.

Так как работа на электростанции связана с повышенной опасностью, то нет ничего удивительного в том, что у энергетиков появляется большое количество профессиональных примет, что характерно для специальностей, связанных с особыми рисками [Щепанская 2006, Назарова 2007]. Некоторые из них имеют достаточно рациональные объяснения (например, примета не начинать важные дела в пятницу, когда при неудачном развитии событий придется плотно работать в выходные дни); другие более мифологичны (например, энергетики стараются не говорить вслух об авариях, чтобы не «сглазить», или не надевают чистую спецовку перед ответственным делом, так как существует примета, что это может вызвать ЧП, при устранении которого спецовку придется запачкать).

Наконец, в преимущественно мужской среде энергетиков широко распространены различного вида розыгрыши над коллегами, особенно над новичками [Ахметова 2010]. Традиции подобного рода профессиональных шуток существовали еще на дореволюционных промышленных предприятиях. Так, например, фольклорист В. В. Блажес указывает, что на уральских заводах был популярен розыгрыш молодого сотрудника, которого более опытные наставники просили «принести из соседнего цеха ведро компрессии» [Блажес 1987: 105]. Похожий розыгрыш существовал и на ГЭС-2, только здесь новичка просили с ведром «сходить к котельщикам за паром». Злая шутка, когда молодого сотрудника ГЭС-2 просят «сходить к бабам и принести ведро менструации», также находит прямой аналог в записях с других предприятий [Щепанская 2005: 61]. Однако разыгрывать могли не только новичков: материалы интервью фиксируют существование на ГЭС-2 традиции розыгрышей на 1 апреля, а также различных шуток над заснувшими на работе коллегами.

Профессиональная легенда о происхождении термина «особая схема»

57. Есть такое понятие «особая схема». Это диспетчерское понятие. Вводится, когда где-то на каком-то присоединении важном происходит что-то важное, поэтому приходится прекратить все работы, чтобы не отключилось это присоединение. Все возможные ситуации предвидеть заранее. Даже если где-то что-то рядом работает и может подействовать на это присоединение, надо это остановить. А как появилось понятие «особая схема»? До революции, когда делали балы, рауты, дворяне не делали все сами. Они не ездили за продуктами, не нанимали поваров сами. Они нанимали какого-то купца, который этим занимался. У него были музыканты и шампанское, официанты, чтобы сделать бал. В том числе, он еще приезжал на ГЭС-1, на филиал [на ГЭС-2], откуда было запитано по электрической части здания, и говорил: «У нас там праздник будет проходить, нам можно сделать как-то так, чтобы у нас ничего не отключилось. Неприлично будет, гости, а у нас свет погаснет». Ему объясняли, что слабая схема: «Мы не можем [пообещать] ничего такого». Он говорил: «У меня праздник, давайте мне какую-то особую схему. Сделайте так, чтобы нормально было. А раз у нас праздник, вот вам корзиночка». Так и появилось понятие «особая схема»[60].

Легенды о подземных ходах с территории станции

58. Каких-то особых там подземных ходов, про которые пишут, что там можно под Москвы обойти, просто нет. Есть не подземные ходы, а галереи старые, которые строились вместе с этой ГЭС-2. Кирпичная, например, под хим. цехом, который внутри вот основного здания, рядом с 21-м котлом. Там видна эта кладка, там кирпичи чуть-чуть оторваны, но это технологические ходы[61].

59. В филиале [на ГЭС-2] была такая легенда, что как бы подземный ход ведет в библиотеку Ивана Грозного. [Даже ее упоминали, да?] Да. Даже я видел этот засыпанный туннель землей простой. Ну, не знаю, правда — неправда, ну, то, что земля свежая, а не вековая, это точно. Что-то было засыпано[62].

[60] М., с 2007 по 2008 год работал на ГЭС-2 электромонтером.
[61] М., с 1994 по 2002 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[62] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.

60. Я просто от старожил еще другую легенду слышал. Не легенду, а вот… в отсеке, где как раз под кабельным туннелем распределительного устройства 10 киловольт, есть бетонная плита, в самом конце. И говорят якобы, что за ней подземный ход на ту сторону Москвы-реки. ‹…› В сторону Храма Христа Спасителя. Один там ход был от Никольского монастыря, у входа там, под церковью, а другой якобы вот здесь был[63].

61. Там закрытые переходы были. Про эти подземные переходы, насколько я помню, ходили слухи, что там до Кремля можно дойти, но там стоит решетка и часовой. Кто-то однажды заблудился, туда попал к ним. [Такие слухи даже есть?] Да. С Кремлем связаны эти подземные переходы. Мне не приходилось по ним ходить. ‹…› Кто-то когда-то пошел по этим и пришел, часовой стоит, решетка. [Это давно рассказывалось?] Да. Знаете, мой первый учитель. ‹…› В 43-м году пришел с ПТУ и работал на этой станции. По-моему, он мне рассказывал[64].

62. Я думаю, вот если верхнюю там корочку снять, поверхность острова — там вообще все в подземных ходах и в кабельных линиях. Знаешь, как тарелочка спагетти, намазанная сверху там чем-нибудь. Майонезом. Верхний майонез снять, вот этой кабельной линии, всякие разные, и старые, и полусгнившие, которые давным-давно никому не нужны. Просто их никто не вытягивал. И подземные ходы всяческие разные. Могло там с дореволюционных времен оставаться, могло и с советского времени[65].

63. Существуют мнения, что есть подземные ходы, и не только в эту сторону, но и в сторону Кремля. Мы спускались, здесь было сетевое оборудование, потом стоял чиллер [промышленная система кондиционирования], и дальше был ход. Но он уже был закрыт. Дверь металлическая закрыта, заварена. Когда-то, говорят, туда можно было туда проходить еще дальше[66].

64. Я лазил, пытался найти [подземные ходы], но ничего я там не нашел. Там есть какие-то закрытые, дальше я пытался посмотреть, по-моему… Я тоже слышал эти байки, но что-то я ничего не смог найти. [А байки были, что куда эти ходы ведут?] Я не знаю, что там система подземных ходов. Там можно было, говорят, [попасть] на «Красный Октябрь», типа, конфетная фабрика, что народ уже туда… [За конфетами?] Да, туда. Знакомились с девушками, которые там работают, и конфеты у них там брали. Я не знаю, мне кажется, это байки, потому что я пробовал найти, в подвале, где магистрали есть, оттуда, что ли, рассказывали. Там никаких ходов, ничего такого я не нашел. Хотя, может, где-то в другом месте еще[67].

Легенды о привидении на станции

65. Было у нас в ГЭС-2 белое привидение, да. ‹…› Женщина, которая ходила. Была у нас легенда такая. Ходила по станции. Я ее не видел, но мне говорили, что кто-то видел. Даже мне одна женщина рассказывала, что она видела[68].

66. Скажем так, это больше не примета была, а было поверье, скажем так. На филиале [ГЭС-2] когда-то давно работала женщина, которая пропала-исчезла. Ну, в итоге как

[63] М., в 1990–2000-е годы работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[64] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[65] М., с 2007 по 2008 год работал на ГЭС-2 электромонтером.
[66] М., с 2009 по 2013 год работал на ГЭС-2 дежурным электрослесарем.
[67] М., в середине 2000-х годов работал на ГЭС-2 дежурным электрослесарем.
[68] М., в 1990–2000-е годы работал на ГЭС-2 на различных должностях.

бы все решили, что она погибла. И якобы образ этой женщины видели в подвале. И, соответственно, люди, которые там работали, очень боялись по ночам ходить в подвал, чтобы не встретиться с этой девушкой. Вот. Поверье это жило очень долго, все его передавали вновь пришедшим достаточно активно. Сколько я ни гуляла по ночам по подвалам — девушку я почему-то не встретила. Единственное, конечно, — сейчас правильно сформулирую — нашла шутку изолировщиков, обмуровщиков, которые вылепили в теле котла фигуру женщины. Вот и все. Но про какую конкретно женщину — я, конечно, не могу сказать[69].

67. [Вы рассказывали про привидения на станции?] Я не видел ни разу. Я слышал только версию, что это какая-то дама пугает химичек почему-то. Одну химичку, работницу хим. цеха, я видел после того, как она повстречала эту даму. Я вижу, что человека трясет. Что она не шутит, в общем. Потому что она что-то видела[70].

68. Я слышал, да, что является какой-то силуэт женщины в белом. Это чисто слухи, мне не доводилось встретиться[71].

69. На филиале [ГЭС-2] вот эта белая женщина. ‹…› Говорят, что там у нас работала химик одна. Долго она работала, немножко наверно так, не от мира сего товарищ. Ну, говорят, что она где-то увидела белую женщину, пришла такая испуганная: «Я там видела привидение». Ну, все как зацепились за эту шутку. ‹…› Рассказывала там про какую-то белую женщину. Мне она прям не рассказывала. Ну через… через кого-то там. Вот ну и потом там это: «Ой, пойдешь там котел продувать — смотри там белую женщину там это. Чтоб не укусила». Ну, так[72].

70. Я лично не видел, но люди говорят. Рассказывали, что в старинные года им рассказывали их старшие коллеги. Грубо говоря, это 50 лет назад. Там умер какой-то человек, сердечный приступ произошел. Я ни имя, ни фамилию уже не помню. Через 2 часа его нашли. Он пошел в обход и умер. Не знаю, правда это или нет. Как мне рассказывали. Нашли и похоронили. А если умер на работе, то считается, что его дух ходит. Может, от этого это все и пошло[73].

Профессиональные приметы энергетиков

71. Вот есть четкая традиция такая. До сих пор об этом говорят. Пришел в новой спецовке — будет работа. ‹…› Пришел в новой спецовке… В чистой спецовке. Постирался, да что ты, в понедельник да одел еще чистую спецовку — все. Точно будет сегодня аврал. И я на себе-то не стирал, я хоть и не верю никогда в такие вещи. Ну, несколько раз на себе замечал, что даже уже потом когда-то уже стараешься в какой-нибудь сложный такой день, может, не одевать чистую спецовку. Ну, какая-то такая. Ну, это даже вот сейчас. Спросишь у кого-то — подтвердят, да, есть такое[74].

72. [Слышали примету, что если пришел в новой спецовке, будут большие работы?] Не в новой, а в чистой. В новой, чистой. Так, да. ‹…› В новой, чистой спецовке, что-то будет точно[75].

[69] Ж., в начале 2000 года работала на ГЭС-2 в должности аппаратчика очистных сооружений.
[70] М., с 2007 по 2008 год работал на ГЭС-2 электромонтером.
[71] М., с 2000 по 2015 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[72] М., с 2003 года до закрытия работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[73] М., с 2006 года до закрытия работал на ГЭС-2 машинистом паровых турбин.
[74] М., с 2003 года до закрытия работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[75] М., с 2000 по 2015 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.

73. В понедельник, считалось, [что] не стоит начинать крупные дела. Как правило, они ничем не заканчиваются, или аварийная какая-то ситуация происходит, или еще что-то. И вообще не удачно, вот крупные какие-то дела начинать в понедельник. Это одна примета. Тринадцатого числа старались ограничить любые какие-нибудь переключения, именно 13 числа. Даже в оперативный журнал дату лишь вписывали в конце рабочей смены. То есть дату никто не ставил изначально. ‹…› [Примета про понедельник относилась к тем, у кого была пятидневная рабочая неделя?] Нет, это относилось абсолютно ко всем, то, что я говорил про понедельник, какие-то крупные дела. Поймите, это не значит, что нельзя взять ручку и что-то написать. А крупные дела. Типа давайте сегодня выполним довольно крупную работу. Если ее начинать в понедельник, гораздо проще ее начать во вторник и все выполняется, как по часам. Понедельник не начинают, просто было замечено несколько раз, что начинаешь делать в понедельник, у тебя одна задвижка не пошла, вторая не пошла, насос отказал, еще каких-то ряд проблем, пока, блин, все наладишь. Начинаешь во вторник — без проблем. Здесь понедельник, блин, оборачивается, там что-то погнули, там еще что-то. Все сорвано, нет работы, куча проблем. Может, это и наложило такой отпечаток. Поэтому персонал относился… Крупные дела старались не начинать в понедельник, ничем хорошим это не заканчивается[76].

74. Приметы какие есть? Не надо начинать работу в пятницу и в понедельник [*смеется*]. Ну, есть такие вот это вот работы, там, это серьезная работа по наряду, или какую-то такую, — не надо начинать в пятницу. ‹…› Конечно, бывает, что нужно обязательно сделать, если в выходные. И ночами люди работают, и сутками работают. У нас такое тоже бывало, ну, такие вот авралы, ну, когда действительно какие-то аварии. А когда эту работу можно нормально спланировать — вот, стараемся, чтобы не в пятницу и не в понедельник. В пятницу люди уже настроились, там, на свои огороды [*смеется*], а в понедельник они еще от своих огородов не отошли, фигурально[77].

75. Профессиональные приметы? Ну, были, но, это, скажем так, более общие. Поэтому приметы, конечно, в пятницу ничего не надо делать, таких сложных вещей, например. Потому что все люди уже мозгами на даче, ну не надо, если прямо не горит, давай не надо[78].

76. Примета, как вам сказать, вовремя бежать домой. Если чуть задержался, примета — значит, будешь работать до ночи[79].

77. Были приметы, да. ‹…› Например, я старался вообще не говорить ни об авариях, ни о чем. У меня был случай такой — вообще мистический. Я вот сижу, скучно, работать… нарядов нет, что-то как-то так, а хочется что-то поделать, побегать, попрыгать. А все спокойно. Бывают такие дни, когда все спокойно. Я так… до сих пор у меня это в глазах… я так к двери подхожу из щита управления — говорю: «Ну хоть бы что-нибудь случилось, что ли». И я вот это сказал, и у меня стены задрожали, и у меня трансформатор отваливается. Вот. Я после этого уже никогда ничего не говорил[80].

[76] М., с 1996 года до закрытия работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[77] М, с 1994 по 2001 год работал на ГЭС-2 в должности мастера.
[78] М., с 2007 по 2008 год работал на ГЭС-2 электромонтером.
[79] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[80] М., в 1990–2000-е годы работал на ГЭС-2 на различных должностях.

Розыгрыши новичков

78. Потом такие шутки-прибаутки типа «На тебе ведро». У нас же и ученики были, училище техническое на практике, у ремонтников работали. «На ведро, сходи к котельщикам, пусть они тебе пара дадут». [А котельщики] гвоздей, болтов накидают. Парень десятилитровое ведро с этими гвоздями приносит. ‹…› Вот это чисто энергетическая такая вот [шутка] ремонтников: «Сходи за паром»[81].

79. [Не было ли над новичками каких-то шуток?] Ха. Типа «Принеси пар»? Какое-то такое было. «Возьми ведро и принеси ведро пара». ‹…› Ну, такая шутка была. Были такие шутки[82].

80. [Тут я от пожилого работника услышал классическую шутку, когда новичку говорят: «На тебе ведро, принеси компрессии». Я думал, это фольклор]. Это фольклор и есть, совершенно верно. Был один такой человек, рассказывали о нем. ‹…› Кто-то из старых работников. Это еще шутка из армейских казарм. Она здесь актуальна. То же самое компрессии, слить 3 килограмма газа, все такое. Прикалываются друг над другом. Ты ходишь, веселый клоун, люди же разные. Один стрижку такую сделают, мода была, красились люди, я говорю про молодых ребят нашего возраста. А для пожилых людей возраста за 50, старой закалки, это диковинка была. Прикалывались. Ночью отвлечешься, тебя зеленкой подмажут. ‹…› Люди просто веселились, ничего злого[83].

81. У нас был ‹…› Самойлов. Он в Плехановском лет 6 учился, да все на одном курсе, ну может до третьего ‹курса› кое-как доперевaливал, а пришел с армии Сережа ‹…› Такой, ну, тупой до ужаса. «Сереж, возьми ведро, сходи к бабам, менструации ведро принеси». Слушай, а этот [Самойлов] еще зам. парторга… еще коммунистом каким-то был. Он [Сережа] говорит: «Знаешь, я пока дойду, забуду это слово, ты напиши мне записку». Они приходит к этим женщинам в кладовую. «Девочки». — «Чего?» Записку отдает. Те: «Кто тебя послал?» — «Да Самойлов». А они знают, что он в парткоме. Они эту записку в партком. Через две минуты этот ‹…› приходит оттуда, как рак[84].

82. Когда мы пришли на ГЭС-2, я была, и еще одна девушка пришла. Мы устроились на одну позицию. Нас довели до подвала котельной, дали в руки мелок и сказали: «Вот чтобы вы не заблудились — идете и стрелочки на стене ставите, чтобы вы потом нашли выход». Но пройти вы должны сами. ‹…› Ну, мы с девушкой переглянулись, друг на друга посмотрели и пошли с мелком ставить стрелочки. И как-то получилось так, что мы блуждали-блуждали достаточно долго времени. Ну, понятно, в подвале не утонешь и никуда не попадешь, грубо говоря. Там нет таких мест особо опасных, да и в опасное место, соответственно, нормальный человек не полезет. И поняли, что стрелок своих на обратной дороге мы не находим. ‹…› Оказывается, в этот момент была Галина Васильевна, которая позвонила машинистам в котельной и сказала: «Там девушки две новые ходят, идите, познакомьтесь». А ребята ничего не нашли веселее, чем пойти за нами и стирать эти стрелочки. Вот. И когда мы уже проблуждали, где-то, наверное, уже свыше часа, естественно, в подвале жарко очень сильно, и, скажем так, желание было выбраться еще больше. Когда мы увидели этого бедного машиниста, мы кинулись за ним с криком: «Дорогой, выведи нас». Ну вот. Ну, естественно, герои. То есть нас привели на место, Галина Васильевна все это мило перевела в шутку, действительно, получилось очень смешно, и для нас это был хороший урок. Вход в подвал мы запомнили сто процентов[85].

[81] Ж., с 1974 по 2011 год работала на ГЭС-1 на различных должностях.
[82] М., работал на ГЭС-2 с 1974 года до закрытия станции на различных должностях.
[83] М., с 2006 года до закрытия работал на ГЭС-2 машинистом паровых турбин.
[84] М., с 1991 по 2006 год работал на ГЭС-2 на различных должностях.
[85] Ж., в начале 2000-х годов работала на ГЭС-2 в должности аппаратчика очистных сооружений.

83. Шутки были, конечно. Разыгрывали, особенно на 1-е апреля, про которое часто люди забывают, и их можно разыграть. Типа: «Там тебя вызывают на первую станцию [ГЭС-1], давай сходи». Человек быстро собрался, быстро туда приперся, выяснил, что его никто не ждет, возвращается. Как правило, они были, такие беззлобные шутки, были и розыгрыши[86].

84. [Бывают розыгрыши по отношению к молодым?] Ой, Саша ‹…› рассказывал, слесарем он работал. И так совпало, сидит он на столе что-то делает, и что-то коротнуло. И в этот момент что-то остановилось, какое-то оборудование, типа турбины, и моргнул, как обычно моргает свет. Он [другой сотрудник] говорит: «Ты что сделал!? Полстанции остановилось!»[87]

85. Коллектив у нас был дружный, веселый, шуток было столько, что, конечно, и розыгрыши были, и чего только не было. Кто-то спал, кого-то там разрисовали. Кому-то на спецовке что-то написали. Кто-то каску одел вместо обычной немецкую. Этих историй было много[88].

Литература

Арсеньев, Б. В. (2014). *Неисчерпаемая Якиманка. В центре Москвы — в сердцевине истории*. Москва: Центрполиграф.

Ахметова, М. В. (2010). Когда шутят машинисты (розыгрыш в профессиональной субкультуре локомотивных бригад). В М. Д. Алексеевский (Сост.). *Фольклор: текст и контекст*, 244–253. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора.

Блажес, В. В. (1987). *Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала*. Свердловск: Издательство Уральского университета.

Громов, Д. В. (2015). Легенды Галичского озера. *Живая старина, 2015*(3), 17–20.

Каргин, А. С., Костина, А. В. (Сост.). (2008). *Фольклор малых социальных групп: традиции и современность. Сборник статей*. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора.

Назарова, И. Ю. (2007). Приметы в профессиональной сфере. В Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов (Ред.). *Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри*, 295–312. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ.

Романов, П. В., Ярская-Смирнова, Е. Р. (2005). Антропологические исследования профессий. В Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов (Ред.). *Антропология профессий*, 13–49. Саратов: Издательство «Научная книга», Центр социальной политики и гендерных исследований.

Романов, П. В., Ярская-Смирнова, Е. Р. (2008). Мир профессий как поле антропологических исследований. *Этнографическое обозрение, 2008*(5), 3–17.

Тортилла из Водоотводного канала. (2007, 3 июня). *Якиманка. Сайт района*. Режим доступа: http://www.yakimanka.ru/tortilla-iz-vodootvodnogo-kanala-2690.html

Шеваренкова, Ю. М. (2019). Циклы устных рассказов о монастырях и их сюжетно-тематический состав. Предварительные обобщения (на нижегородском материале). В А. Б. Ипполитова (Ред.). *IV Всероссийский конгресс фольклористов: Тула, 1–5 марта 2018 г.: сб. науч. ст. в 3 т. Т. 2: Многообразие фольклорных традиций: история и современность*, 225–242. М.: ГРДНТ имени В. Д. Поленова.

Шендерова, А. (2019, 29 мая). Крестный обход. В архиве МЭИ сыграли оперу «ГЭС-2». *Коммерсант*. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3983603

Шумов, К. Э. (2003). Профессиональный миф программистов. В А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов (Сост.). *Современный городской фольклор*. 128–164. М.: РГГУ.

[86] М., с 1996 года до закрытия работал на ГЭС-2 на разных должностях.

[87] М., работал на ГЭС-2 с 2009 по 2011 год электрослесарем.

[88] М., с 1996 года до закрытия работал на ГЭС-2 на различных должностях.

Щепанская, Т. Б. (2006). Фольклор профессиональных сообществ: приметы. В А. С. Каргин (Ред.). *Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Том 2,* 405–427. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора.

Щепанская, Т. Б. (2003). Антропология профессий. *Журнал социологии и социальной антропологии, 6*(1), 139–161.

Щепанская, Т. Б. (2005). Конструкция гендера в неформальном дискурсе профессий. В Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов (Ред.). *Антропология профессий*, 50–101. Саратов: Издательство «Научная книга», Центр социальной политики и гендерных исследований.

Щепанская, Т. Б. (2010). *Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды: (Россия, конец XX — начало XXI в.)*. СПб.: Наука.

References

Ahmetova, M. (2010). When engine-drivers joke (a practical joke in the professional subculture of locomotive crews). In M. D. Alekseevsky (Ed.). *Folklore: Text and context,* 244–253. Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo folklora. (In Russian).

Arseniev, B. (2014). *Unquenchable Yakimanka. In the center of Moscow — at the heart of history*. Moscow: Centrpoligraf. (In Russian).

Blazhes, V. (1987). *Satire and humor in the pre-revolutionary folklore of the Ural workers.* Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta. (In Russian).

Gromov, D. (2015). Legends of lake Galich. *Antiquity Alive, 2015*(3), 17–20. (In Russian).

Kargin, A., Kostina, A. (Eds.). (2008). *Folklore of small social groups: Traditions and modernity. Collection of articles.* Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo folklora. (In Russian).

Nazarova, I. (2007). Superstitious beliefs in the professional sphere. In Yarskaya-Smirnova, E., Romanov, P. (Eds.). *Professions.doc. Social transformations of professionalism: Views from the outside, views from the inside,* 295–312. Moscow: "Variant", CSPGI. (In Russian).

Romanov, P., Yarskaya-Smirnova, E. (2005). Anthropological studies of professions. In E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov (Ed.). *Anthropology of professions,* 13–49. Saratov: Nauchnaya knuga, CSPGI. (In Russian).

Romanov, P., Yarskaya-Smirnova, E. (2008). The world of professions as a field of anthropological research. *Ethnographic Review*, *2008*(5), 3–17. (In Russian).

Shchepanskaya, T. (2005). Construction of gender in the informal discourse of professions. In E. Yarskaya-Smirnova, P. Romanov (Eds.). *Anthropology of professions*, 50–101. Saratov: Nauchnaya knuga, CSPGI. (In Russian).

Shchepanskaya, T. (2006). Folklore of professional communities: Superstitious beliefs. In Kargin, A. (Ed.). *First Russian Congress of folklorists. Collection of talks, 2,* 405–427. Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo folklora. (In Russian).

Shchepanskaya, T. (2010). *Comparative ethnography of professions: Everyday practices and cultural codes (Russia, late 20th — early 21st century).* Saint-Petersburg: Nauka. (In Russian).

Shchepanskaya, T. (2003). Anthropology of professions. *The Journal of Sociology and Social Anthropology, 6*(1), 139–161. (In Russian).

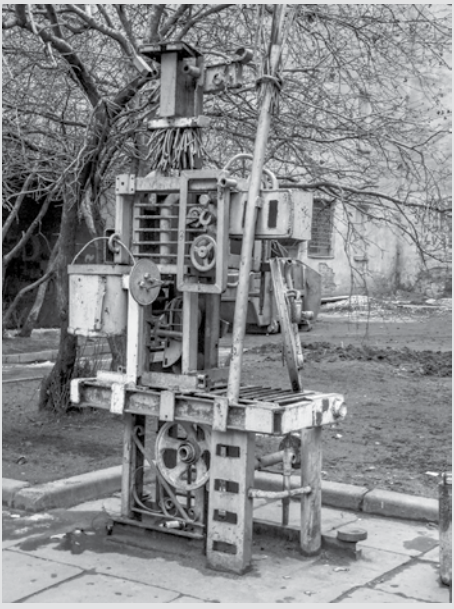
Shenderova, A. (2019, May 29). The cross rounds. The opera GES-2 was performed in the archive of the MEI. *Kommersant.* Retrieved from https://www.kommersant.ru/doc/3983603 (In Russian).

Shevarenkova, Y. (2019). Cycles of oral stories about monasteries and their plot-related and thematic composition. Preliminary generalizations (based on Nizhny Novgorod material). In A. Ippolitova (Ed.). *IV Russian Congress of folklorists: Tula, 1–5 March 2018: Collection of research articles in 3 vols. 2: Diversity of folklore traditions: History and modernity*, 225–242. Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo folklora. (In Russian).

Shumov, K. (2003). The professional myth of programmers. In A. Belousov, I. Veselova, S. Neklyudov (Eds.). *Contemporary urban folklore.*128–164. Moscow: Rossiiskij gosuderstvennyj gumanitarnyj universitet. (In Russian).

Tortilla from the Drainage channel. (2007, June 3). *Yakimanka. Sajt rajona.* Retrieved from http://www.yakimanka.ru/tortilla-iz-vodootvodnogo-kanala-2690.html (In Russian).

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Детские площадки

Наши первые воспоминания возвращают нас в детство. А первое городское пространство, с которым мы знакомимся – это детская площадка во дворе. И тут могут произойти встречи, которые определят представление детей о прекрасном. Фигуры, которые стоят во дворах и на площадках – это объекты прикладной городской скульптуры, которые часто изготавливались студентами художественных вузов или местными самоучками. Их установка не требовала большого количества согласований, но и жизнь этих фигур иногда была недолгой. На фото объекты из дворов Петербурга: Дворник, свареный из кусков металлолома (район Красноармейских улиц); Бармалей на площадке детского сада на улице Бармалеева, ныне утрачен; Прекрасная Дама в Дровяном переулке (недалеко от дома, где жил Александр Блок); Слон в так называемом Детском секторе на Крестовском острове.

ИНТЕРВЬЮ

«Очень важно, чтобы знали, что мы существуем»: создатели Центра прикладной антропологии (Киев) о грантах, работе с бизнесом и проблемах институционализации

Беседовал Михаил Алексеевский

Для цитирования:
Буйских, Ю., Овсиюк, О., Полек, Т., Соболева, Е. (Авторы), Алексеевский, М. (Инт.). (2019). «Очень важно, чтобы знали, что мы существуем»: создатели Центра прикладной антропологии (Киев) о грантах, работе с бизнесом и проблемах институционализации. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 364–378. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-364-378.

В последние годы интерес к прикладной антропологии растет не только в России, но и на постсоветском пространстве. Однако, как правило, речь идет лишь об отдельных проектах исследователей-энтузиастов, в то время как специализированных центров и компаний, системно занимающихся прикладной антропологической наукой, пока не появляется.

Ярким исключением из этого правила является деятельность украинского Центра прикладной антропологии, действующего в Киеве. Всего за два года существования эта общественная некоммерческая организация выпустила несколько книг, включая коллективную монографию по городской антропологии про Ирпень, быстро развивающийся пригород Киева, запустила научно-популярный лекторий по антропологии на площадке проекта Urban Space 500, организовала три международных научных воркшопа, занимается как общественно значимыми, так и коммерческими проектами.

Руководитель Центра городской антропологии КБ Стрелка в октябре 2019 года приехал в Киев, чтобы принять участие в международном воркшопе Understanding the City: Anthropology of Post-Socialist Transformations, и взял большое интервью

у его организаторов, сотрудников Центра прикладной антропологии Елены Соболевой, Оксаны Овсиюк, Юлии Буйских и Тины Полек, о том, как и зачем они создали эту организацию, как они совмещают общественную и коммерческую деятельность с работой в академическом институте и почему современной Украине нужны антропологи.

"It's very important that people would know that we exist": Founders of the Centre of Applied Anthropology (Kyiv) on grants, working with businesses and problems of institutionalization

Interviewed by Mikhail Alekseevsky

To cite:
Buyskih, J., Ovsiyuk, O., Polek, T., Soboleva, O. (Authors), Alekseevsky, M. (Int.). (2019). "It's very important that people would know that we exist": Founders of the Centre of Applied Anthropology (Kyiv) on grants, working with businesses and problems of institutionalization. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 364–378. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-364-378. (In Russian).

Давайте я начну с самых банальных вопросов. Как вообще возникла идея создания Центра прикладной антропологии? Зачем он вам понадобился? Как вы познакомились друг с другом? Пусть каждый расскажет свою историю.

[Ю. Б.]: Моя история отчасти личная. Я два года была на стажировке в Польше. У меня был постдок, это сентябрь 2014-го года — июль 2016-го года. И так вышло, что перед тем, как уехать в Польшу, мне пришлось уволиться из Академии наук, где я работала. Когда я вернулась в Киев летом 2016-го года, я была растеряна, где работать, что делать и куда применять мои знания, которые я получила в Польше. Потому что, будучи в Институте этнологии и культурной антропологии Варшавского университета, я очень много ездила, старалась попадать на разные конференции и школы в Европе, благо была такая возможность. И когда я вернулась в Киев, у меня было такое ощущение, что я очень много накопила, и хочется где-то и с кем-то этим делиться. Тем летом мы много говорили с Леной Соболевой, с коллегой и подругой, о том, что с этим всем делать. Мне было грустно, что я не могу найти работу. Я преподавала польский для детей, что-то переводила. Это было не совсем то, чем я хотела бы заниматься. Надо сказать, что с Леной Соболевой мы знакомы более 15 лет, потому что мы вместе учились на историческом факультете Киевского национального университета, на одной кафедре — этнологии и краеведения, только Лена защитилась на год раньше, чем я. Потом мы работали в одном отделе в Академии наук, в Институте фольклористики и этнологии. И когда я вернулась из Польши, Лена работала уже в Институте украиноведения, в отделе культурологических исследований.

Все это случилось благодаря Марине Гримич. Это наш университетский профессор, наш учитель, бывшая заведующая кафедрой этнологии и краеведения. Лена говорит: «Надо связаться с Мариной Гримич. Может, она тоже тебе как-то поможет, и мы могли бы работать все вместе». Так и получилось в итоге. Потому что Марина Гримич помогла мне устроиться в институт, в этот отдел. Я прихожу в отдел, а в этом отделе работает Тина Полек. С Тиной мы знакомы, наверное, с 2011-го или с 2012-го года с работы в Институте этнологии и фольклористики в Академии наук. Тина там была аспиранткой, мы вместе ездили в экспедиции. Тина тоже ушла из Академии наук, потому что атмосфера там была нетворческая. И не способствовала каким-то новым и креативным идеям. В том виде, в котором у нас тогда были плановые темы, коллективные монографии, все это совершенно не вдохновляло ни к чему. Мне хотелось чего-то совсем другого. Хотелось, чтобы это была не наша традиционная этнография-этнология с исследованием реликтов традиционной культуры и их трансформации, а чтоб это были какие-то интересные антропологические темы, касающиеся изучения современного общества. Но это невозможно было бы реализовать в Академии наук.

А Институт украиноведения не относится к Академии наук?

[Ю. Б.]: Нет, это научно-исследовательский институт в системе Министерства науки и образования. Чем меня привлекла туда Марина Гримич? Она мне написала: «Юля, я знаю вашу историю с академическим институтом. Но у нас другой институт, молодой прогрессивный директор. Вы попадете туда, где вас не будут заставлять делать то, чего вы не хотите. Будете заниматься тем, что вам интересно». Я подумала: «Круто! Я буду заниматься, чем хочу, как хочу». Очень маленькая зарплата, конечно, минус. Мы были на полставки одно время все. Просто из-за недофинансирования. Но большой плюс в том, что все наши инициативы поддерживались.

[О. О.]: Да, в том, что у нас сложился такой коллектив, главная заслуга нашего руководителя, Марины Виллевны Гримич. Возможно, она и не намеренно нас всех собирала, но так получилось, что мы все оказались в одном отделе в научно-исследовательском Институте украиноведения. Марина Виллевна — наш преподаватель из Киевского университета имени Тараса Шевченко. Когда я пришла после защиты своей диссертации устраиваться на работу, то устроилась в этот Институт украиноведения. И где-то после двух недель работы я вдруг осознала, что один из отделов возглавляет мой бывший преподаватель Марина Гримич. Вообще я историк, на кафедре новейшей истории Украины защищала диссертацию по истории повседневности. Моя тема была связана с историей киевского быта, историей повседневной жизни Киева в годы Второй мировой войны. У меня вышла монография по Киеву, называется она «Жизнь в оккупации. Быт киевлян 1943–45 годов». Из-за того, что такие были мои научные интересы, я в институте сначала

попала в отдел военной истории. Это был совершенно иной коллектив. Но потом как-то так оказалось, что мы с Мариной Виллевной встретились и сделали несколько очень интересных совместных проектов. А Марину Виллевну надо знать, она может своими идеями просто зажечь абсолютно всех вокруг. У нее всегда очень много интересных задумок, и очень она меня захватила этими антропологическими идеями. Потом, после реализации общих проектов, Марина Виллевна предложила мне перейти в свой отдел. Он тогда назывался «Отдел культурологических исследований». Вот так вот мы начали работать. Потом у нас появились другие девочки. Наверное, все друг друга в профессиональной сфере знают, так как это сообщество достаточно узкое. И точно так же вот Тина Полек у нас появилась в нашем отделе, Лена Соболева, Юля Буйских. И практически все в нашем отделе учились у Марины Виллевны. Кроме Тины. Тина у нас из Винницы.

[Т. П.]: Да, я училась в Виннице, закончила маленький провинциальный вуз, а потом поступила в аспирантуру в Академию наук. Там решила всем назло писать о городе. Моя тема была о миграции сельской молодежи в города. Ну, поскольку Академия наук — это место достаточно консервативное, мне хотелось чего-то другого, чего-то более современного. В то время я знала о существовании Марины Гримич, мы учились в университете по ее книгам. Это был такой глоток свежего воздуха среди всей той литературы, которая у нас была. Я набралась смелости и написала ей в Фейсбуке, и так мы с ней познакомились. Вот когда Марина Виллевна попала в Институт украиноведения, она начала собирать команду. Она мне предложила: «Защищайся, и я тебя заберу к себе». Как только я защитилась, в день получения диплома я ушла из Академии наук к Марине Виллевне, где уже познакомилась с моими теперешними коллегами. Мы все понимали, что нас интересуют антропология и современность. Нам всем был интересен крайне широкий спектр тем. Но моя тема изначально была о городе. И для меня было важно иметь место, где можно о городе писать. И дальше мы с коллегами начали размышлять о состоянии украинской антропологии, а точнее, об ее практическом отсутствии.

[О. О.]: Это был очень интересный опыт, когда мы все поняли, что смотрим в одну сторону. У нас у всех была идея, что мы хотим заниматься именно антропологией. Не историей, не этнологией, а именно антропологией. Мы понимали, что для современной украинской науки это что-то совершенно новое. Потому что, например, даже сейчас в Украине практически нет институций, которые бы в названии имели слово «антропология». Ну никто не выпускает антропологов, начнем с этого. То есть такой профессии нет. И вообще в Украине до недавнего времени можно было говорить только об одной такой институции — это отдел социальной антропологии в Институте народоведения во Львове, они в подчинении Академии наук находятся. Вот они как-то раньше смогли переименовать отдел свой. А мы смогли сделать это только сейчас. С июня 2019 года отдел культурологических исследований

переименован в «Отдел социокультурной антропологии». Конечно же, мы очень довольны, что теперь действительно есть в государственных структурах еще одна институция, которая имеет в своем названии слово «антропология». Если говорить о Центре прикладной антропологии — то его возникновение тоже связано с тем, что мы хотели официально обозначить себя в качестве антропологов. Дело в том, что процесс переименования отдела длился четыре года. И в какой-то момент мы поняли, что этот процесс уже очень сильно затягивается, и вообще не было уверенности, что мы сможем это сделать. И тогда мы решили пойти другим путем и создать общественную организацию, которая нам позволит официально называться антропологами. Ну и, как бы, уже наша деятельность будет соответствовать нашему названию.

[Ю. Б.]: В то время Марина Гримич на несколько лет уехала из Киева, поскольку ее мужа назначили послом Украины в Ливане. А мы остались в отделе: Тина Полек, Лена Соболева, я, еще одна наша коллега Лена Брайченко, которая тоже училась на истфаке. И Оксана, которую назначили сначала и. о. завотдела, а потом уже завотделом. Это было круто, потому что в моей практике никогда не было такого молодого завотделом. Мы, в принципе, все одно поколение. И вот осенью 2016 года у меня возникла мысль организовать полевую школу по антропологии. Что-то масштабное, скажем, на 2 недели. Я на подобной школе была в Будапеште, это длилось 10 дней, и мне хотелось сделать что-то такое в Украине. Лена Соболева мне говорит: «Юля, давай начнем с малого. Две недели школы — это круто. Но как ты себе это представляешь? Где искать деньги?» Хорошо, что меня Лена в мирное русло направляла, потому что действительно нужно начинать с малого. И тогда я решила сделать воркшоп по пограничью, это тема, которая мне очень близка. Мы написали первый проект воркшопа осенью, он был очень сырой. Не имея опыта участия в грантовых конкурсах, мы подались на грант от Фонда Розы Люксембург. Ну и, конечно, ничего не получили. Нам написали в отказе, что проект непонятно как будет влиять на общество, непонятно, какие там цели, потому что он слишком научный.

Но ведь в итоге воркшоп провести все-таки удалось?

[Ю. Б.]: Мы начали думать, что делать дальше. Я говорю: «Давайте проведем воркшоп как есть. У нас денег особо нет, но давайте на базе института хотя бы с чего-то начнем». И мы как-то наивно решили это сделать. Мы с Леной Соболевой пошли ранней весной 2017-го года в Фонд Генриха Бёлля, с улицы постучались и сказали, что у нас есть проект. Самое интересное, что в Фонде на нас среагировали и в итоге дали денег на воркшоп. Немного, но дали. Следующим человеком, который нам помог, была Кэтрин Ваннер, американская антрополог, которая проводит исследования в Украине около 30 лет. И она 6 лет подряд проводит в Киеве конференции по антропологии религии. Я с ней познакомилась на одной из этих конференций и рассказала обо

всех наших потугах что-то создать новое, что-то проводить. И Кэтрин тоже помогла нам найти дополнительное финансирование из еще одного источника на воркшоп. И таким образом нашим партнером стал университет Ст. Галлена в Швейцарии. Это было все наивно и по-детски, потому что мы даже не запланировали никаких денег себе на административные расходы. И оно все было немножко сыровато, потому что впервые. Тогда мы еще притирались друг к другу, потому что все мы разные, характеры разные, видения разные. Но для меня этот воркшоп был такой отправной точкой, когда мы сформировались вообще как команда.

Как прошел воркшоп?

[Ю. Б.]: В итоге это было не две недели, а три дня, но в очень интенсивном режиме. Каждый день было по 2–3 программные лекции, потом панели докладов, дискуссии… Так что мы сидели с 9 утра до 7 вечера. Все очень устали, но это было очень здорово, особенно для тех, кто к нам приехал из Полтавы, Харькова, Львова. Потому что народ писал, что это так круто, такой европейский воркшоп. Я же видела, как это бывает в других странах, и мне хотелось, чтобы обязательно были keynote lectures и чтобы были дискутанты. И тогда же мы начали приходить к выводу, что всю эту нашу деятельность надо как-то оформить. Это не дело приходить с улицы и говорить: «Дайте нам денег, у нас есть проект». Это несолидно. Как получить грант? Нужно оформиться в общественную организацию.

[Е. С.]: В общем, мы на этом этапе почувствовали, что формат государственной академической структуры достаточно неповоротливый, слишком тяжело что-то изменить. И мы подумали, что будет свободнее и интереснее работать в форме общественной организации. Возникла идея, что надо создать организацию, которая бы популяризировала антропологию в Украине.

[Ю. Б.]: В Фонде Бёлля сотрудница, которая нам помогла с первым воркшопом, тоже сказала, что с государственной организацией им работать тяжело. И потом у нас появились знакомые в разных сферах, в том числе социологи, которые начали проходить этот путь — создавать НКО, общественные организации, чтобы потом подаваться на гранты и делать какие-то хорошие мероприятия: воркшопы, тренинги, публичные лекции, семинары и т. д. И к осени, когда мы решили, что мы будем делать второй воркшоп, возникла необходимость оформления общественной организации. Конечно, ее главой стала Лена Соболева, потому что она тот человек, который может найти подход к каждому и решать административные вопросы (налоговая, банк, эти все вещи). Лена зарегистрировала организацию благородно на свой домашний адрес. А Оксана — ее заместитель, потому что Оксана совершенно незаменима в вопросах взаимодействия с чиновниками, бумагами, финансами. Зарегистрировали мы организацию в ноябре 2017-го года.

А это сложно было сделать с юридической точки зрения? Все-таки вы ученые, а не менеджеры. Сталкивались ли вы с какими-то бюрократическими проблемами при регистрации? Сложно ли было вести бюджет?

[Е. С.]: У нас организация некоммерческая, так что с бюджетом больших проблем не было. Если есть возможность получить какое-то финансирование на проект, это прекрасно. Если нет, то просто на общественных началах кто какие-то лекции читает, кто еще что-то. С этим вопросов не было. По поводу регистрации надо было ножками ходить по кабинетам, но тоже никаких вопросов не возникало. Буквально за несколько месяцев сделали это. Пока мы существуем в таком камерном формате, потому что ни офиса, ни какого-то стабильного финансирования у нас нет. Но у нас есть мини-среда людей, которые вместе занимаются наукой, у которых схожие идеи, ценности и интересы. Мне кажется, что в перспективе это может дать интересные результаты.

А почему в названии центра появилась «прикладная антропология»? Я понимаю, что вам важно было «забрендировать» себя именно как антропологов, сделать так, чтобы слово «антропология» было в названии. Но ведь вы могли, например, назвать организацию Центром социальной антропологии или еще как-то. А так у вас уже в названии заявка на то, что вы хотите заниматься решением каких-то практических задач. Как эта тема возникла?

[О. О.]: Ну, мы на самом деле немножко романтики, немножко наивны. И все свято верим в то, что антропология может изменить мир. Например, раньше я как историк плохо понимала, как можно исследовать современность, выбирая такие темы для исследований, где нет исторической перспективы, когда еще не прошло достаточное количество времени с событий, чтобы их хорошо осмыслить. И только когда я познакомилась с антропологией, я поняла, насколько это магическая вещь, которая помогает понять современное общество, которая владеет этими инструментами, позволяющими «схватить» это здесь и сейчас. Мы просто поняли, что это такой эффективный инструмент, который действительно может помогать в чем-то современному обществу. У нас на сайте[1] четко прописано, что у нас есть два основных направления действия. С одной стороны, это академическая антропология. И тут мы понимаем, что мы хотим создавать сообщество, хотим объединять единомышленников, предоставлять какие-то площадки для того, чтобы мы делились идеями, пишем статьи, выдаем монографии. То есть классическое такое академическое направление. Но, с другой стороны, мы сразу определились, что у нас должно быть еще одно направление, которое мы назвали «социальное действие». Социальное действие — это тот самый момент, когда мы понимаем, что в Украине сейчас развивается огромное количество разнообразных инициатив, и многие люди объединяются ради того, чтобы изменить ситуацию в разных сферах жизни к лучшему. И мы понимаем, что мы

[1] http://caa.org.ua/

владеем такими методами, которые могут помочь этим инициативам. То есть мы абсолютно открыты для сотрудничества, ну в этом плане мы и видим нашу прикладную задачу. Наше прикладное действие.

[Е. С.]: Мне лично кажется, что это особенно актуально сегодня, когда у нас начались реформы, идет изменение каких-то государственных структур, чтобы они стали более удобными, более открытыми. Например, у нас была такая большая дискуссия про реформы здравоохранения, как это правильно делать. Мне постоянно казалось, что антропология — это именно та дисциплина, которая может дать ответы на эти вопросы, объяснить, что и как нужно менять. У нас сейчас очень много низовых инициатив, много организаций, которые что-то хотят изменить, но не все инициативы приживаются. И непонятно, как это делать правильно. Очень мало сегодня в Украине в этот процесс вовлечено людей, которые связаны со сферой социальной науки и которые могут как-то разобраться в том, как сделать лучше.

[Ю. Б.]: Кроме того, нам хочется, чтобы это были не просто исследования, которые остаются в наших башнях из слоновой кости. Потому что не надо себя обманывать: круг историков, философов, этнографов, антропологов, музейных работников — это все-таки безумно узкий круг. Когда я начала читать первые публичные лекции, я в этом убедилась. Когда приходят люди из банка какого-то, из бизнеса, они на тебя смотрят как на какое-то ископаемое, не понимают, о чем ты говоришь. Или очень интересуются и хотят знать больше, но при этом тебе приходится объяснять, что та антропология, которой ты занимаешься, это не про череп и не про измерение скул, ушей и носа, что это не физическая антропология.

> *Я тоже вынужден был несколько лет каждое свое публичное выступление начинать с этого дисклеймера.*

[Ю. Б.]: Да, потому что когда ты оказываешься на середине лекции, кто-то встает: «Минуточку, а я думал, что сейчас будет идти речь об истории первобытного общества!» Но идея Лены, Оксаны, Тины еще была в том, чтобы с помощью антропологии каким-то образом зарабатывать. Потому что финансовая ситуация отчаянная, с киевской жизнью и с киевскими ценами получать зарплату в государственном учреждении в 3500 гривен — это просто ужасно. Каждая из нас имела миллион подработок, которые очень истощают, и это постоянная фрустрация. Я это знаю по себе: куча письменных переводов на тебе висит, а тебя еще зовут куда-то на синхронный перевод, и ты не можешь отказаться, потому что это деньги, которые тебе нужны. Как зарабатывать, мы пока не очень научились. Лично мне пока неинтересно заниматься тем, что связано с бизнесом. Девочки как-то больше в этом продвинулись.

[Е. С.]: Про это лучше может рассказать Тина, которая непосредственно работает в бизнесе как антрополог. Можно сказать, что она первый

бизнес-антрополог в Украине. И у нее в этом гораздо больше опыта. Еще у нас было несколько коммерческих проектов для наших знакомых, которые владеют каким-то бизнесом, по исследованию поведения потребителей. Во всяком случае, мы попробовали и поняли, как это делается. Еще мы постоянно общаемся с сотрудниками компании Die Kulturträger, где работает Тина, обсуждаем какие-то вещи, и можно сказать, что у нас намечается сотрудничество. Нам очень полезно общение с ними, потому что мы как ученые, скажем откровенно, плохо понимаем мотивацию и вообще структуру бизнеса. Да, мы можем исследовать поведение потребителей, но понять заказчика, клиента нам бывает очень тяжело.

У меня вопрос к Тине. Чем занимается компания Die Kulturträger, и зачем ей оказались нужны антропологи?

[Т. П.]: Когда мы создавали нашу общественную организацию, мне стало интересно, как антропология может помочь бизнесу? Начала что-то об этом читать, узнавать. Оказалось, что такое явление существует, антропология бывает не только академической, но и коммерческой. И мы с коллегами из нашего центра начали делать какие-то собственные маленькие проекты для бизнеса. Это был какой-то совершенно другой опыт, очень интригующий. Как-то нас всех это раззадорило. И вдруг я совершенно случайно увидела объявление на Фейсбуке о том, что компания ищет антрополога. Не может быть! На самом деле?! Я туда написала, и меня пригласили на собеседование. Попав туда, я очень удивилась. Оказалось, что люди, которые меня собеседовали, хорошо понимают, что такое антропология. Они знают, кого ищут. Они полностью понимали то, о чем я говорила. Это тоже было очень неожиданно. Потом прошло там несколько недель, и мне предложили работать в этой компании. Конечно, было немножко страшно, потому что мы все строили академические карьеры. Но все-таки я решилась, и до сих пор ни разу об этом не пожалела. Уже полтора года там работаю.

А расскажи немного про саму компанию. Когда она появилась? Чем она занимается? Какую роль антропология играет в ее деятельности? Почему она оказалась важна?

[Т. П.]: Компания появилась десять лет назад. Изначально это было агентство, которое специализировалось на бренд-консалтинге и трендвотчинге, выявлении новых поведенческих трендов. Оно работало в таком формате: была исследовательская часть, связанная исключительно с трендвотчингом, и работали стратеги, которые на основе этих исследований делали рекомендации для клиента. Но в какой-то момент у моих будущих коллег возникло ощущение, что информация о будущем, конечно, важна и нужна, но им очень не хватает информации о настоящем. Они начали думать, откуда эту информацию брать, и решили, что нужно попробовать найти антрополога. И в итоге они разместили то самое судьбоносное для меня объявление на Фейсбуке. Так мы и познакомились. Сегодня в компании есть два основных

направления работы: есть стратегическая часть, где стратеги занимаются консалтингом, и есть исследовательская часть, где моя коллега занимается трендвотчингом, а я — антропологическими исследованиями.

Кто является вашими клиентами? И как вы с ними обычно работаете?

[Т. П.]: В основном это большие международные бренды. Задачи связаны с тем, что мир меняется, а заказчикам нужно понимать своих потребителей, чтобы делать какие-то инновации, предлагать какие-то новые продукты. Иногда им нужно знать, какие тренды будут актуальны в будущем, это то, чем занимается моя коллега. А иногда есть необходимость проведения исследований потребительского поведения. Это уже моя сфера. Я привлекаю к этой работе коллег-антропологов, мы разрабатываем план и методологию работы, проводим само исследование. И после этого наши стратеги могут дать практические рекомендации компании по поводу того, что делать с результатами этих исследований, каким образом их можно применить. Если это большое исследование, то оно может длиться и три месяца, а не такое масштабное — может быть и меньше месяца. Ищем респондентов мы сами. Пытаемся работать по рекомендациям, через знакомых выходить на знакомых. Мы пытаемся не быть абсолютно чужими людьми. Помимо глубинных интервью используем наблюдения: гуляем с нашими респондентами, приходим к ним на работу, совершаем с ними покупки. Все зависит от темы исследования.

А как ваши заказчики реагируют на то, что компания предлагает им какие-то непонятные антропологические исследования?

[Т. П.]: Когда мы знакомимся с новым клиентом, мы всегда рассказываем, что такое антропология, почему это хорошо, что она может дать из того, что не дают обычные маркетинговые фокус-группы. Еще мы про это делаем выступления на различных маркетинговых конференциях, форумах, много усилий тратим. И за эти полтора года у нас появились большие клиенты, которые в итоге остались довольны нашими исследованиями. Я понимаю, что это был риск со стороны их маркетингового отдела — согласится на что-то такое настолько непривычное. По моим ощущениям, им понравились результаты, и это очень приятно.

Давайте вернемся обратно к Центру прикладной антропологии. Вы существуете всего два года, но за это время выпустили уже несколько книг. Меня больше всего интересует ваша коллективная монография про Ирпень, город-спутник Киева, которая вышла в 2019 году [Гримич и др. 2019]. Расскажите, как возник этот исследовательский проект.

[Е. С.]: На самом деле, эта тема лежит абсолютно на поверхности. Потому что многие, кто говорит о Киеве, обычно ограничиваются только самим городом. И не обращают внимания на людей, которые каждый день приезжают в Киев работать, а живут в расширяющейся зоне пригородов.

Там одновременно как бы Киев и как бы не Киев. И нам интересно было посмотреть на эти пригороды с точки зрения пограничья. У нас в институте как раз общая исследовательская тема была про границы и пограничье. И если смотреть на город и его границы, то пограничье — это пригород.

[О. О.]: Так получилось, что научные интересы и у меня, и у Тины касались города. К нам еще присоединилась Лена Соболева, и нас всех объединила эта тема городская. Мы хотели исследовать пригород, но, честно говоря, не знали, какой. Конечно, мы понимали, что это будет пригород Киева, но еще не сфокусировались на каком-то конкретном городе-спутнике. Мне почему-то показалось, что очень интересно исследовать именно тот пригород, который развивается активнее всего. Таким пригородом был и есть город Ирпень. Это очень быстро растущий город, где все время появляется много новых людей. И мне показалось, что будет очень интересно взглянуть на эти возникающие новые связи, исследовать, как живут люди в таких условиях, какие у них складываются отношения друг с другом, какие у них складываются отношения с городом, в том числе с городом-мегаполисом. Для нас очень важно было проследить, как сосуществуют Ирпень и Киев. Потому что понятно, что много людей селится здесь, потому что это недалеко от Киева. Там работает маятниковая миграция: люди живут в Ирпене, а вся их социальная жизнь и профессиональная деятельность происходит в Киеве.

[Т. П.]: Мы пытались ответить на вопрос, почему Ирпень такой. Нам очень хотелось понять, как этот город воспринимают его жители. Внешне этот город как сказка, весь такой красивый, близко лес. А как там на самом деле жить? Мы пытались дать ответ на вопрос, насколько этот город может считаться самостоятельной единицей. Для жителей это всего лишь придаток Киева? Или что-то, имеющее отдельную ценность?

[О. О.]: Мы пытались посмотреть на Ирпень и Киев в этой парадигме пограничья: существует ли действительно какая-то граница между мегаполисом и пригородом, существуют ли границы внутри самого города? Один раздел нашей монографии посвящен неформальным практикам. Мы изучали ситуации, когда человек чувствует свое моральное право на какие-то блага, и смотрели, что происходит, когда он их не получает. Благодаря рекламе, благодаря определенному имиджу этого города, у человека, который туда собирается переехать, формируются какие-то ожидания. И мы смотрели, что этим новоселам приходится делать, когда их ожидания расходятся с тем, что они получают в реальности. Как раз тут и возникают эти неформальные практики, когда они пытаются пространство, в котором они живут, переделать под себя.

Можно какой-нибудь пример?

[О. О.]: Ну, например, рекламный образ города строится на том, что он зеленый, буквально находится в лесу. Но сейчас город активно развивается,

а страдают как раз те зеленые насаждения, из-за которых многие люди были готовы переехать в Ирпень. И люди обнаруживают, что пару лет назад они покупали на стадии фундамента свою будущую квартиру в зеленом лесу, а к моменту, когда они въезжают, вокруг вырастает много домов. Им приходится отвоевывать небольшие зеленые участки возле дома, скверы. Или возникают какие-то проблемы с управлением дома. Тогда жители начинают своими силами что-то делать. Например, мы проследили, что есть такая практика для небольших домов, на 10–12 квартир, когда устанавливается совместное дежурство по уходу за этим домом. Жильцы самоорганизовываются, чтобы менять свою жизнь к лучшему, как-то приближать ее к тому, на что они рассчитывали.

[Т. П.]: Для меня самый ценный раздел этого исследования связан с моральной экономикой. С тем, что происходит с людьми, когда они начинают объединяться. Изначально их объединяет что-то крайне плохое — отсутствие воды, какие-то бытовые проблемы. И крайне увлекательно было наблюдать за тем, как потом это объединение никуда не пропадало. Проблема решена, и все плохое позади, а люди остаются друг с другом. И потом вместе они продолжают преобразовывать пространство вокруг себя, преобразовывают свой город и начинают его любить, пройдя все плохое, что с ними происходило. Этих соседских объединений так много, что они становятся своеобразным лицом города.

А планируете ли вы в самом Ирпене делать презентацию? Вроде это довольно логично. Живут люди в городе, а вы написали книжку про их проблемы и их борьбу за город. Да и местным властям, наверное, будет интересно ознакомиться.

[Т. П.]: На самом деле мы должны были провести эту презентацию, но она сорвалась по техническим причинам. То ли весной, то ли летом должна быть. Я уверена, что она в любом случае будет. А местные власти там часто меняются.

[О. О.]: Когда мы проводили это исследование, то чувствовали, как минимум, заинтересованность со стороны властей. Не знаю, будут ли они что-то из наших выводов использовать на практике. Но для них было важно, что их город исследуют, что он вызвал у ученых интерес.

Планируете еще какие-то книжные проекты?

[Ю. Б.]: Мне бы хотелось, чтобы в результате нашей низовой инициативы культурная антропология смогла войти в украинские вузы. Я бы хотела учебник написать по культурной антропологии. Я могу и так его написать, но для того, чтобы он вышел под грифом министерства, мне нужно, как минимум, работать в какой-нибудь из этих структур. Есть масса задумок. Например, я бы хотела написать книгу «История антропологов», адаптировать для украинского читателя биографии

антропологов, преподнести это через нонфикшн. Я бы хотела через текст сделать антропологию более публичной. Лично для меня в антропологии публичное важнее, чем прикладное. Несмотря на то, что мы все очень разные, у нас у всех одна цель — развитие культурной антропологии в Украине. Кроме нас четверых у нас еще есть двое коллег, которые тоже с нами в организации — Елена Брайченко и Светлана Маховская. Со Светланой мы работали в Академии наук в Институте фольклористики и этнологии. Светлана много лет работала в школе и гимназии, она хотела бы культурную антропологию продвигать еще туда — делать образовательные программы для старшеклассников, интересные публичные или прикладные проекты в школах. С Еленой Брайченко мы учились вместе на истфаке, она тоже заканчивала кафедру этнологии и краеведения. Лена зарегистрировала свой малый бизнес: у нее издательство, и она хочет издавать книги по антропологии. Мне она предложила со временем сделать совместный проект, чтобы я перевела какую-то книгу по культурной антропологии с английского на украинский, и мы вместе ее опубликовали. Так что у каждого своя какая-то цель в этой организации. Например, Лена Соболева с Леной Брайченко в 2019 году издали книгу «Крымско-татарская кухня». Лена написала хорошую историко-этнографическую часть и там рассказала, почему еда и кухня важны для идентичности крымских татар. А дальше идет куча рецептов, красивых фотографий и так далее. Там тоже есть много слов о том, что такое антропология, почему она важна.

Эта книга имела успех?

[Ю. Б.]: Среди крымских татар — огромный. На презентации люди плакали просто. Эта книга сейчас в каждом крымско-татарском ресторане Киева стоит на видном месте. Для них очень важно, что украинские ученые занимаются их культурой и как-то ее продвигают, выпускают книги, говорит о ней на радио, в лекциях.

К вопросу о радио. Со СМИ вы вообще насколько плотно взаимодействуете? Они сами к вам приходят? Или вы проявляете инициативу и пытаетесь им что-то о своих исследованиях рассказывать?

[Е. С.]: Мы с самого начала ставили себе цель быть максимально открытыми, постоянно самим искать возможности контактировать со СМИ, давать интервью, рассказывать о своей работе. Часть нашей книги про Ирпень мы опубликовали в интернет-журнале, чтобы сделать результаты исследования более доступными для общества. Мне кажется, что если мы хотим заниматься прикладными исследованиями, то очень важно, чтобы про нас знали, что мы существуем, что у нас есть опыт, есть возможности исследовать какие-то общественные проблемы в прикладном ключе. К тому же в Украине про антропологию вообще знают очень мало, так что какой-то ликбез необходим.

[Т. П.]: Да, когда нас зовут, мы не отказываемся. Мы иногда ходим на

радио, реже попадаем на телевидение. В основном это передачи, которые связаны с культурой. Вот это наша ниша. Иногда я попадаю туда, где говорят об урбанистике.

[О. О.]: Просто у каждого из нас есть еще свои научные интересы. И получается, что наши новые книги, наши индивидуальные исследования становятся для СМИ медиа-поводом. Не так, что мы к кому-то приходили и говорили: «А давайте мы расскажем вам про антропологию». Получалось так, что нас находили и приглашали через наши личные научные интересы. А потом, когда мы с журналистами общались, то рассказывали, что у нас есть такая организация — Центр прикладной антропологии. То есть мы специально ни на кого не выходили, чтобы как-то организовывать эти интервью.

Расскажите про научно-популярный лекторий по антропологии, который вы проводите в Киеве в рамках проекта Urban Space 500.

[О. О.]: Это очень интересное место, я немного расскажу о нем. Это проект социального предпринимательства — впервые Urban Space 100 возник в Ивано-Франковске, когда 100 инициативных людей собрались, и каждый пожертвовал на общее дело по 1000 долларов. На собранную сумму они сделали одноименный ресторан, вся прибыль которого шла на реализацию всяких инициатив и мероприятий, полезных для города. Эта инициатива стала очень популярной и успешной, о ней много говорили, и где-то через пару лет киевское сообщество заинтересованных людей решило тоже запустить подобный проект. Но в Киеве проект называется Urban Space 500, потому что тут уже 500 инвесторов, каждый из которых вложил по 1000 долларов. И на базе этой платформы социального предпринимательства и получается реализовывать идеи, которые могут быть полезными для города. Urban Space 500 существует не так давно, но это место уже начало притягивать к себе людей, заинтересованных в развитии города. И это такое место, где можно поделиться своими идеями.

И вы решили запустить там свою программу мероприятий?

[О. О.]: Мы стали заявлять о себе и вскоре стали находить все больше людей, которым тоже интересна антропология, потихоньку начали обрастать какими-то знакомствами. И вышло так, что соучредители Urban Space 500 тоже интересовались антропологией. Мы с ними пообщались и решили, что неплохо было бы здесь проводить под эгидой Центра прикладной антропологии серию лекций. Мы изначально планировали, что это будет только городская антропология, но сейчас мы понимаем, что этот лекторий будет шире по тематике. Собственно говоря, мы только начали этим заниматься, сейчас еще находимся на старте. Но на первую лекцию пришло очень много людей, поэтому мы надеемся, что проект будет успешным, планируем делать лекции где-то раз в две недели.

А как слушатели реагируют на ваши лекции?

[Т. П.]: Они задают вопросы. Обычно это люди, которые переживают за то, что происходит в их городе. Они задают вопросы: «Что нам делать, если это несправедливо?» Понятно, что это не такие вопросы, на которые есть простые ответы. Еще много вопросов про антропологию: «А что это такое? А почему я об этом не знаю? А расскажите побольше». Вот это для нас самое важное, поскольку именно с таких вопросов начинается интерес к нашей науке и к тому, чем мы занимаемся. Буквально на последней лекции ко мне подходила женщина и попросила о сотрудничестве. Может быть, это станет началом какого-то проекта.

Тогда последний вопрос, исключительно предсказуемый. Какие ваши творческие планы? Как вы хотите дальше развивать Центр прикладной антропологии? Какие проекты хотите запустить?

[О. О.]: Прелесть нашей организации в том, что мы пытаемся работать так, чтобы каждая из нас имела возможность делать то, что она хочет, и развивать какое-то свое индивидуальное направление. И в этом плане у каждой из нас есть свои планы, свои наработки. Тем не менее, у нас обязательно должны быть и объединяющие проекты, в которых участвуем все мы. И мы однозначно не теряем заинтересованность в городской антропологии.

[Е. С.]: Конечно, интересно работать с бизнесом, потому что это абсолютно новый опыт, новая оптика. У нас совсем другое видение, чем у людей, которые работают в бизнесе. Еще я думаю, что нам бы всем было бы интересно больше заниматься образованием, какой-то просветительской работой. Возможно, от воркшопов мы можем перейти к более масштабным образовательным программам.

[О. О.]: О формате мы сейчас думаем, но в этом направлении однозначно не будем останавливаться. Некоторые участники воркшопов нам говорили уже, что, возможно, нам бы пора уже летнюю школу организовать или что-то в этом роде. Мы уже начинаем и о таких вещах задумываться. Время покажет, что это будет.

Литература

Гримич, М., Овсіюк, О., Семенова, О., Соболева, О., Полек, Т. (2019). На кордоні з мегаполісом: Київське передмістя в антропологічній оптиці (кейс м. Ірпінь). Київ: Дуліби.

References

Grimich, M., Ovsiyuk, O., Semenova, O., Soboleva, O., Polek, T. (2019). *Bordering the metropolis: a Kyiv suburb via anthropological optics (the Irpin case)*. Kyiv: Dulibes. (In Ukrainian).

«Меньше конформизма, больше принципиальности в вопросах методологии»: Михаил Лурье о прикладных исследованиях города

Беседовала Дарья Бокадорова

Для цитирования: Лурье, М. (Автор), Бокадорова, Д. (Инт.). (2019). «Меньше конформизма, больше принципиальности в вопросах методологии»: о прикладных исследованиях города. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 379–387.
DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-379-387.

Михаил Лурье – кандидат наук, доцент факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, специалист по городской антропологии. В 2013 году начал сотрудничество с Институтом архитектуры, медиа и дизайна «Стрелка», выступив руководителем нескольких прикладных научных проектов, включая антропологические исследования к Международным конкурсам на разработку ландшафтно-архитектурной концепции парков «Зарядье» в Москве (2013) и «Тучков буян» в Санкт-Петербурге (2019). Органично совмещает академические исследования в области городской антропологии и фольклора с преподавательской деятельностью и участием в прикладных исследовательских проектах по заказу крупного бизнеса и государственных структур.

"Less conformism, more integrity in the realm of methodology": Mikhail Lurie on applied urban studies

Interviewed by Daria Bokadorova

To cite:
Lurie, M. (Author), Bokadorova, D. (Int.). (2019). "Less conformism, more integrity in the realm of methodology": Mikhail Lurie on applied urban studies. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 379–387.
DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-379-387. (In Russian).

Ваша исследовательская специализация, насколько я помню — это песни советского времени: НЭПа и так далее. А какова основная область вашей деятельности в рамках прикладной антропологии?

Городские исследования. Но правильнее поставить вопрос наоборот: из какой области исследовательской деятельности в моей жизни появилась прикладная антропология. Потому что прикладная антропология не была для меня какой-то отдельной сферой. Помимо фольклористики, я себя гордо квалифицирую как городского антрополога — из этого все и выросло. Биографически мой интерес к городской антропологии некоторым образом связан с фольклористикой — но никак не с песнями,

а с полевыми исследованиями. В какой-то момент, лет 20 назад, в нашей тогдашней фольклористической компании завелась идея, что надо проводить экспедиции не только в деревне, но и в городе. Городским фольклором многие из нас занимались и до этого, но материалы собирали где поближе, используя в качестве информантов собственных студентов, школьников, родню, знакомых и самих себя. И мы стали ездить в другие города, первые групповые экспедиции были в Бологое — вместе с Мишей Алексеевским и с другими. И в изучении города меня (и не только меня) стали интересовать вопросы и подходы, выходящие за рамки фольклористических интересов и привычек. Конечно, ни о каких прикладных исследованиях я тогда и не думал, и вообще к идее прикладной науки относился довольно скептически и даже презрительно. Если честно, во многом и сейчас отношусь скептически, хотя уже из других соображений — потом расскажу почему.

Прикладные проекты появились значительно позже. В Москве открылась «Стрелка», и в какой-то момент там начали не только учить прекрасных урбанистов и архитекторов, но и делать проекты на заказ. И вот в 2012 году у «Стрелки» случился проект в Тихвине, а в «Стрелке» работал один мой знакомый, который слышал от меня, что я когда-то что-то изучал в Тихвине. У нас действительно были экспедиции в Тихвин, еще на рубеже 1990–2000-х. В частности, мой коллега ездил туда с группой младших студентов и старших школьников и занимался с их помощью изучением тихвинских гопников методом включенного наблюдения. Сейчас такое даже представить невозможно, а тогда это не вызывало никаких вопросов, в том числе и у родителей наших гимназистов. И вот мой приятель из «Стрелки» говорит: «А у меня есть знакомый антрополог, который работал в Тихвине». И они заказали мне исследование, чтобы им самим стало понятнее, что в этом Тихвине нужно делать. Абсолютно случайным образом это дело получилось. Исследование тихвинское, честно говоря, было совершенно несерьезное: не было даже времени, чтобы туда надолго поехать, требовалось все сделать очень быстро. Но Тихвин для нас действительно был не чужой город, мы кое-что о нем знали, и там были знакомые краеведы и прочие «эксперты», а главное — со мной поехали люди с большим полевым опытом. В общем, в какие-то неимоверно короткие сроки мы съездили и написали отчетный текст, где содержались наши тезисы о том, что значимо для жителей Тихвина, что определяет локальный образ города, как устроено городское пространство — и так далее, и так далее. «Стрелке» это дело очень понравилось: это же как прикольно, что какие-то люди, которые называются волшебным словом «антропологи», могут куда-то поехать и так — раз тебе! — все поймут, везде увидят какие-то смыслы, все напишут, дадут подсказки для проекта…

Потом было «Зарядье», как раз через год после Тихвина, с той же «Стрелкой»[1]. Когда уже стало понятно, что там будут на самом деле

[1] Дополнительные подробности о прикладных антропологических исследованиях для проектов в Тихвине и в Зарядье можно найти в эссе Михаила Алексеевского, опубликованном в первом номере данного журнала [Алексеевский 2018].

делать парк и «Стрелка» будет проводить конкурс проектов, очень они захотели, чтобы мы там сперва эту территорию поизучали. Я позвал того же Алекеевского, позвал Павла Куприянова, который несколькими годами раньше, когда о парке еще речи не было, делал интересное исследование с бывшими жителями Зарядья, у него были статьи и фильм об этом. Это было интересно и непросто: мы должны были что-то понять про место, в котором нет жителей (и вокруг тоже нет жителей), а есть только церкви и музеи и люди, которые поблизости работают. Два музея на прилегающей территории — на Варварке, можно было поговорить с сотрудниками. Пара действующих храмов тоже на Варварке, можно было поговорить с настоятелем, с кем-то из прихода: как они видят и мыслят эту территорию. Какие-то близлежащие кафе. Все: больше никакого «населения» не было. Еще мы наблюдали за потоками людей, проходящих по Варварке. Ловили людей на улице и расспрашивали о территории за забором — что они знают, что слышали.

Осенью того же 2013 года было исследование в Байкальске, потом в Калуге — все это были заказы «Стрелки». То есть я втянулся в это дело случайно, ну а дальше, что называется, попал в обойму. Стали появляться проекты, уже не связанные со «Стрелкой». Например, в 2015–2016 годы у нас в Европейском университете был большой проект по заказу «Норильского никеля». Там была задача исследования городов, в которых были градообразующие предприятия «Норильского никеля», на предмет постоянного оттока молодежи, который их немного беспокоил. Не то чтобы очень сильно, потому что критических ситуаций у них с этим не было, но им все-таки хотелось что-то понять, разобраться. Называлось оно «Молодежь в северных городах». Мы решали социальную проблему: как сделать так, чтобы молодежь из этих городов не уезжала, и какую роль в этом может играть городская среда. По поводу значимости городской среды — это была исходная гипотеза, от которой мы потом радостно отказались, придя к тому, что городская среда как самодовлеющий фактор ничего не значит, а работает в комплексе со многими другими факторами устройства социальной жизни в городе и локальной политики градообразующего предприятия и городских властей. И мы попытались разобраться, какие именно это факторы, и понять, что и как можно делать, чтобы ситуация менялась в лучшую сторону.

Дальше было еще несколько проектов. Так и получилось, что я постепенно стал прикладным городским антропологом, и это стало частью (хочу я этого или не хочу) моей профессиональной жизни. И это, к сожалению, очень много берет времени и сил.

А кто ваши заказчики?

Бизнес, власть. Ну а кто еще может такие исследования заказывать? Есть еще важный момент: я всегда старался не брать такие проекты, которые бы не соответствовали моим представлениям о минимально допустимом качестве полевого исследования. Чтобы поехал и за три дня

все понял про город — я за такие проекты не берусь, потому что в поле нужно время, и не только для интервью, но и для наблюдения. Понятно, что требования к прикладному и академическому исследованию немножко разные. Но, тем не менее, какой-то порог качества должен присутствовать, для меня это важно. «Норникелевский» проект, например, был большой, он длился больше полугода, два раза мы съездили в поле — в каждый из городов по два раза. Там была довольно большая и замечательная команда, интенсивная коллективная работа: мы вместе много работали над программой исследования, над гайдом для интервью, над гипотезами, выводами и рекомендациями.

Вы сказали про ваш минимум качества. Можете поподробнее рассказать, что в этот минимум входит?

У меня нет каких-то четких цифр, например, что 20 интервью — это достаточно, а 19 — уже мало. Это зависит от поставленных задач, от масштаба проекта и так далее. Но для меня принципиальны следующие моменты.

Во-первых, возможность наблюдения. Редко заказные исследования дают такие сроки и такие средства, что ты можешь спокойно сидеть в поле и не просто с людьми разговаривать, но еще и полноценно наблюдать их практики, сам везде ходить и во все соваться, участвовать в городских мероприятиях и так далее. Но если возможность наблюдения совсем исключена, если ты должен приехать на три дня и, не выходя из гостиничного номера, поговорить с информантами по заранее составленному списку, в том числе о тех местах в городе, которых ты сам не видел — это, как говорится, за пределами добра и зла. За такой проект браться не нужно. Во всяком случае, к антропологии это уже не имеет никакого отношения.

Второй момент касается интервьюирования. Как бы мы не стремились использовать наблюдение, исключенное или включенное, фактически основным методом в прикладных (и не только прикладных) антропологических исследованиях является интервью. А иногда наблюдение просто невозможно. Например, недавно мы с коллегами из Европейского делали исследование для «Стрелки» в рамках проекта парка на территории так называемого «Тучкова буяна» в Петербурге. Ситуация — как с «Зарядьем»: территория 15 лет огорожена забором. Ну что там наблюдать? Там внутри только стройка идет. А с другой стороны, само это место весь город знает и относится к его судьбе далеко не безразлично. Поэтому в данном случае единственным методом стало интервью. Тем более важно, чтобы этих интервью не только было достаточное количество, из которого исследователь может что-то понять, — важно, чтобы те, кто берут интервью, и те, кто анализирует интервью, были одни и те же люди. Исследователь гораздо больше понимает из одного и того же интервью, если он сам его берет, чем если он его читает в виде уже отчужденного текста расшифровки. Потому что сам по себе контекст разговора, то, как он строится, как и что говорится,

то, как исследователь продумывает и меняет свои тактики и как на это реагирует информант, те наблюдения и мысли, которые приходят уже в процессе разговора с информантом — это все теряется, когда мы просто читаем текст. Поэтому антропологи вообще обычно стремятся работать со своими собственными материалами, сами делать поле. Понятно, что есть коллективные проекты, когда часть интервью берет кто-то другой, есть исследования прошлого и другие случаи, которые не предполагают поля, а предполагают уже готовые материалы. Но базовый дизайн антропологического исследования включает собственное поле.

Третье — временная протяженность. Необходимо, чтобы исследование было достаточно длительным. Протяженность важна не только для того, чтобы можно было, помимо интервью, и понаблюдать, но и для того, чтобы не предлагать в качестве финальных выводов свои первые впечатления, полученные наскоро. Да, часто они дают толчки и направления мысли, на которых потом что-то строится, но эти первые впечатления не должны оставаться последними. Потому что в продолжение периода понимание исследуемого поля у исследователя меняется. Вот ты приехал в город, что-то узнал, что-то увидел, что-то услышал. Но если ты приедешь еще раз и еще раз, и проведешь там не пять дней, а хотя бы две-три недели, а лучше два раза по три недели — твое представление поменяется, и в конечном итоге это повлияет на твои выводы, в том числе и практические, которых ждет заказчик. Время, срок полевого исследования играет не количественную, а качественную роль.

Так что мой минимум — это возможность наблюдения, возможность возвращения в поле и/или длительного поля, некая критическая масса интервью и чтобы и поле, и аналитику делали одни и те же люди.

Насколько для вас важно, чтобы результат исследования отражался в итоге в конечном продукте?

Конечно, важно. Если говорить о каких-то привлекательных сторонах этой работы, то, кроме того, что она позволяет самому исследователю зарабатывать деньги, и часто бóльшие, чем академическая деятельность, — прикладные проекты создают ему новые условия, новые вызовы, новые поля, которые могут быть ему важны и интересны как часть профессионального знания и опыта. Но есть еще и третий фактор привлекательности этих самых заказных исследований, который связан с тем, что ты — ученый, антрополог, которого никто никогда не спрашивает о практических вещах — можешь по-настоящему на что-то повлиять. Но часто это оказывается иллюзией. Представим себе: ты провел прикладное исследование на хороших условиях, у тебя было время, и ты все сделал по уму, и сам считаешь свою работу нужной и ее результаты важными, и деньги тебе заплатили, и заказчик доволен — а потом ты видишь, что все, что ты предложил, против чего предостерег, вообще никак не учтено и никак не сработало. Это, конечно, очень неприятно. В одном из давних проектов для международного архитектурного

конкурса мы по итогам трехмесячного исследования написали огромный том отчета — с историко-культурными контекстами, со своими наблюдениями, с выводами, с практическими рекомендациями… А этот отчет просто забыли перевести на английский, и все наши прекрасные идеи и предложения не попали вообще никуда — о них просто никто не узнал. Слава богу, каким-то следом устных обсуждений одна рекомендация из всей нашей работы вошла в техническое задание для конкурсантов в качестве обязательной позиции, и ее в итоге реализовали. Такие случаи — это, конечно, всегда обидно. Раз уж ты, так сказать, продался на заказуху, свою академическую девственность порушил — хочется хотя бы пользу миру принести, а не только кусок хлеба с маслом получить.

Другое дело, что заказы разные, и степень важности учета выводов и рекомендаций исследователей тоже разная. Скажем, исследование для «Норильского никеля»: я не знаю, не имею возможности отследить, насколько заказчики воспользовались нашими рекомендациями, которых было много и которые, как мне кажется, были толковые и небесполезные. Если они чем-то воспользовались — прекрасно, но если нет — тоже ничего страшного от этого не случится. «Норильский никель» так или иначе решит свою проблему с молодежью, не так уж у них на самом деле все плохо, да и они сами многое делают. А такие чувствительные для жителей истории, как городское благоустройство, — конечно, тебе важно, чтобы твои исследовательские усилия повлияли на конечный результат. Пускай возможности этого влияния не столь уж велики, поскольку более влиятельны всегда технические, экономические и политические соображения, но тем не менее: что там будет в итоге — это уже и твоя боль, и твоя ответственность. В случае с «Тучковым буяном» я внимательно слежу за развитием событий и не отказываюсь участвовать в мероприятиях, выходящих за рамки уже давно законченного исследования — и потому, что это для меня еще и личная история как для жителя этого города и этого района, и потому, что я ощущаю ответственность не только перед абстрактным Петербургом, но и перед вполне конкретными людьми, которые знают, что я это исследование делал и таким образом мог повлиять на то, что там будет в итоге.

Может быть, вы можете назвать какой-нибудь наиболее значимый для вас проект, в котором вы участвовали как прикладной антрополог? Может быть, каким-то проектом вы наиболее довольны.

Наверное, самые заметные проекты — это «Молодежь в северных городах» («Норильский никель»), очень меня обогативший опытом, и исследование благоустройства в городах Татарстана, исследование 2017 года. В чем еще особенность прикладных проектов: тебя же не спрашивают, что ты будешь исследовать, какое место и какие проблемы. Понятно, что я не возьмусь за исследования, которые никак не связаны с городом, молодежью, культурой или еще какими-то темами, в которых

я что-то понимаю. Но в любом случае — это работа над «поставленной задачей», и это по-своему интересно, и это дисциплинирует, в том числе и интеллектуально. Татарстанское исследование, например, в плане постановки вопроса было интересно тем, что оно было не «предпроектным» исследованием, результаты которого должны влиять на практические градостроительные решения, а, так сказать, «постпроектным»: уже построили и почти достроили 150 новых парков и набережных по республике, а потом попросили нас, чтобы мы разобрались, как все это великолепие реально работает. Он был очень интересным, этот проект, и по срокам, и по бюджету мы могли позволить себе хорошее поле. Ну и «Тучков буян» — этот проект тоже важен. Он, конечно, не соответствовал никаким моим представлениям о сроках, а отказаться от такого исследования я, конечно, не мог в силу его личной значимости, о чем я уже говорил. Все приходилось делать быстро-быстро, но я все равно не стал набирать группу интервьюеров, что ускорило бы полевой этап: нет, все 35 интервью взяли те трое исследователей, включая меня, которые потом с этим материалом и работали, анализировали его, обсуждали между собой и делали выводы.

Вы в самом начале сказали, что критически относитесь к прикладной антропологии, и обещали рассказать почему.

Нужно понимать, что я не считаю, что прикладных исследований не должно быть и что лучше обойтись без них. С точки зрения той пользы, которую они могут принести, я, конечно, всеми руками за то, чтобы они были, и чтобы их делали хорошо, чтобы их делали действительно опытные продвинутые ученые, и чтобы результаты их воплощались, учитывались при реализации проектов бизнеса или власти. Но для меня символический вес прикладных исследований и академических все равно несоизмерим. Когда-то это было предубеждение в логике романтических понятий о «чистой науке», а сейчас это убеждение, и вот почему. Прикладные исследования дают очень интересный опыт, но они гораздо меньше, на мой взгляд, дают стимулов и возможностей для того, чтобы ты развивался как ученый. Во-первых, потому что там всегда определенные сроки и условия, потому что не всегда дают тебе возможность работать так, как ты считаешь нужным. Во-вторых, ты прикладываешь свои исследовательские навыки, получаешь результаты, но этот продукт — другой, чем когда ты работаешь не на заказ, и тебя не оценивает академическое сообщество, на которое тебе привычно и естественно ориентироваться. Третье — прикладные проекты, особенно если ими еще и руководишь, отнимают очень много времени и сил: поле, рабочие семинары, общение с заказчиком, к такому-то времени отчет давай, еще где-нибудь выступи… На это уходит много жизни, но это не ведет к развитию. В-четвертых, ты не сам выбираешь объект исследования, и хотя у тебя есть свобода и в методологии, и в общем дизайне проекта, но эта свобода ограничена. В частности, прикладные исследования никогда не направлены на решение теоретических проблем (хотя бывает и так, что порождают теоретические идеи). И еще

один важный момент: по моему, по крайней мере, опыту — результаты и даже материалы прикладных исследований плохо конвертируются потом в академические продукты. Ты поехал в черт знает какие места, в которых бы никогда сам по себе не оказался, и ты даже вписал какие-то свои собственные интересы в поставленные заказчиком задачи, ты многое увидел, что-то новое понял... Но ты потом не пишешь об этом статью, не публикуешь ее в хорошем журнале: отчасти потому, что все равно тебе чего-нибудь будет недостаточно, нужно еще съездить в поле, а это уже невозможно, а отчасти потому, что, закончив, ты стремительно бросаешься обратно к своим собственным проектам, которые терпеливо и печально ждали, пока ты изменял им с прикладными исследованиями. Отчасти поэтому, думаю, люди, которые постоянно ведут городские прикладные исследования, часто бросают академические занятия, а некоторые формулируют такой выбор как кредо: мне интереснее решать практические задачи исследовательскими методами и приносить пользу человечеству, чем решать умозрительные интеллектуальные задачи и строить академическую карьеру.

Кроме не совсем правильного поля с точки зрения академических исследований, какие еще трудности есть в работе прикладного антрополога? Может быть, с заказчиками, с коллегами?

Вообще, коллективные исследования чреваты проблемами. Все-таки это группа, работающая в тесном контакте, от каждого много зависит, могут возникнуть взаимные недовольства или слишком большие расхождения в представлениях о том, что и как нужно делать. Но это не связано с тем, прикладной проект или нет, просто именно прикладные чаще предполагают по-настоящему командную работу. Что касается отношений с заказчиком, опять же, у меня тут не очень большой опыт, и обычно между мной и заказчиком были какие-то опосредующие звенья. У меня не было, слава богу, печального опыта, чтобы заказчик вел себя неадекватно, не того требовал или был недоволен результатами. Но то, что вообще нужно строить какие-то отношения с каким-то заказчиком — это тоже я воспринимаю как лишний элемент в моей работе, поскольку это другой тип отношений, чем те, которые мы выстраиваем с академической средой, с коллегами, университетским начальством или со студентами, менее для меня понятный и комфортный. А никуда от него не деться.

Ну, и такой заключительный вопрос. Что бы вы могли посоветовать начинающим прикладным антропологам?

Начинающим прикладным антропологам… Ей-богу, мне не хочется, чтобы меня позиционировали в качестве гуру в прикладной антропологии. Понимаете, чтобы быть гуру в прикладных исследованиях, нужно это дело по-настоящему любить, об этом думать, читать книжки не только в своей области, но и именно о прикладной

антропологии, и так далее. И иметь соответствующую исследовательскую идентичность. Для меня это, скорее, по-своему интересная и уже ставшая частью моей жизни область, но по-прежнему не главная. Поэтому не знаю, стоит ли у меня спрашивать советов для будущего прикладного исследователя. Разумеется, не надо делать исследование для проекта, который ты не считаешь направленным на благо человечества. И не надо делать исследование, если ты заранее понимаешь, что заказчики хотят его использовать только как легитимирующий фактор — дескать, у нас работали ученые, у людей спросили, так что все в порядке. Ну, и третье, о чем мы уже говорили сегодня: меньше конформизма, больше принципиальности в вопросах методологии. Если тебе предлагают даже что-то очень интересное, но ставят исследование в такие условия, которые ты считаешь не соответствующими твоим представлениям о прекрасном, недостаточными для качественной работы, — договаривайся, дави, торгуйся, чтобы была возможность работать как нужно и отвечать за свои результаты. Не получилось — тогда лучше отказаться.

> *Может быть, тогда вы могли бы дать какое-нибудь напутствие антропологу, который привык к академической деятельности, и вдруг решил податься в прикладную антропологию?*

Во-первых, все то же самое. Во-вторых… видите ли, такой опыт, чтобы человек получил образование и сразу пришел в прикладную сферу — это сейчас только-только начинается. У нас на факультете антропологии Европейского есть такие единичные выпускники, и их становится больше. Поэтому для меня, конечно, та траектория, которая мне понятна и которую я вижу, это моя траектория — человека, который занимается академической наукой и так себя мыслит, и при этом в какой-то момент оказывается востребованным в прикладных исследованиях, и это его параллельная жизнь как ученого. Что бы я посоветовал тем, с кем такое приращение произошло? Наверное — не увлекаться.

Литература

Алексеевский, М. Д. (2018). Трудности перевода: Заметки о развитии прикладной городской антропологии в России. *Фольклор и антропология города, I*(1), 204–213.

References

Alekseevsky, M. (2018). Lost in translation: Concerning the development of applied urban anthropology in Russia. *Urban Folklore & Anthropology, I*(1), 204–213. (In Russian).

«Мне повезло, я экстраверт»: Денис Сивков о дискретности поля, космосе и любви к исследованиям

Беседовала Дарья Бокадорова

Для цитирования:
Сивков, Д. (Автор), Бокадорова, Д. (Инт.). (2019). «Мне повезло, я экстраверт»: Денис Сивков о дискретности поля, космосе и любви к исследованиям *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 388–396. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-388-396.

Денис Сивков — кандидат философских наук, MA in Sociology, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии Института общественных наук РАНХиГС. В своей работе сочетает такие интересы, как исследования науки и технологий, антропология космоса, исследования мобильностей, экономическая антропология.

"I'm lucky to be extraverted": Denis Sivkov on the discreteness of the field, the space and the love of research

Interviewed by Daria Bokadorova

To cite:
Sivkov, D. (Author), Bokadorova, D. (Int.). (2019). "I'm lucky to be extraverted": Denis Sivkov on the discreteness of the field, the space and the love of research. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 388–396. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-388-396. (In Russian).

О вас множество разной информации можно найти в интернете, не могли бы вы немного рассказать о том, чем вы занимаетесь в рамках антропологии? Какими областями науки вы интересуетесь, какие исследования проводите?

Здесь нужно небольшое предисловие, связанное с моим бэкграундом. Почему-то у нас есть такой стереотип, что человек должен заниматься чем-то одним всю свою жизнь. И если он имеет какую-то компетенцию, то, скорее всего, эта компетенция только в данной предметной области. Можно быть социологом, антропологом, философом, филологом или еще кем-то, у тебя может быть право на твою тайную жизнь, где ты можешь быть музыкантом по вечерам или кем-то еще, но ты должен как-то следовать этой основной траектории. А у меня так получилось, что я сначала получил техническое образование, потом философское, защитил диссертацию, потом стал заниматься коммерческими проектами, связанными с социологией. Я сначала занимался количественными социологическими исследованиями, но так с этим свою жизнь и не связал. Позже я стал мигрировать в сторону более прагматичных эмпирических исследований, исследований новых технологий, стал интересоваться этим и как-то самообразовываться.

А потом в моей жизни случилось первое большое поле. Это было включенное наблюдение, исследование того, что называется passengering — в данном случае, того, как люди в маршрутках ездят. Оно длилось два года, команда, которая работала, собрала огромное количество материала. Позже я закончил магистратуру по социологии. Но вообще я считаю себя антропологом, хотя у меня нет соответствующего диплома. Для многих моих коллег я самозванец. Сейчас я вне всяких грантов занимаюсь исследованием любительской космонавтики в России [Сивков 2019а]. Оказывается, есть такие проекты, ими занимаются люди тоже без специального бэкграунда, они самостоятельно придумывают и создают разные удивительные космические штуки. Так что самозванец исследует самозванцев. И здесь я нахожусь на стыке антропологии, если мы говорим о какой-то традиции, и исследования науки и технологии. Исследование науки и технологии тоже, в каком-то смысле, — область самозванцев, которая в большей степени фокусируется не на том, имеешь ли ты какое-то образование, а сделаешь ты проект или нет.

Что касается прикладных проектов, то для меня это зачастую хлеб. Я работаю с совершенно разными проектами. Но, в основном, поскольку так у нас сложилось в бизнес-среде, это либо количественные социологические исследования, которые мне не очень интересны, либо интервью, либо фокус-группы. Пока наблюдений в моей практике не было. Хотя мне известны истории о том, что некоторые крупные игроки могли позволить себе делать более или менее длительные исследования, включенные наблюдения, которые для многих академических антропологов являются маркером того, что это вообще антропология. Для многих академических антропологов интервью не является методом, это, как бы сказать, зашквар.

Вы говорили о более или менее длительном поле. Какой ваш личный минимум пребывания в поле?

Один раз дней за семь-десять я собрал 15–20 интервью. Это было достаточно быстро. Проблема здесь в том, что нужно было найти респондентов, получив какое-то количество отказов. Все это занимает время. Но такие сроки и объемы — обычное дело для бизнеса. Многое в нашей стране организовано аврально, все об этом знают и все это принимают. Обычно крайний срок — «вчера». В таких условиях у тебя нет лишнего времени подумать, как-то все отрефлексировать. Понятно, что бизнес-антропология, прикладная антропология, которая работает в неакадемических полях, противоречит основной аксиоме академической антропологии о том, что исследование должно быть долгим, неторопливым, погружающим. Есть такое академтребование: если у тебя года в поле не было, то ты не антрополог. Тебе денег никто за границей не даст, если ты поедешь в поле на меньший срок. Есть дискретные поля, где ты не можешь год провести. Один мой коллега учится на Западе, и уже в течение двух лет он подбирает поездки в поле так, чтобы наездить хотя бы полгода, восемь месяцев. А мои коллеги, которые в Америке исследуют движение New space (это Илон Маск, его разработки и прочие подобные вещи), ходят на различные мероприятия и описывают это как включенное наблюдение. Эти мероприятия происходят с какой-то периодичностью в течение года, ты наблюдаешь час, а потом ждешь еще месяц. В США они происходят достаточно часто. В моем случае с любителями тоже есть такая дискретность: они люди занятые и делают свою работу по вечерам. Если они собираются, то, например, один раз в неделю. А то и вообще не собираются в течение некоторого времени. Иногда я прошу их сказать мне, когда они планируют собраться и готовы ли они работать при мне. Они могут забыть про меня. И тут, в этих дискретных полях, сложно сказать, какое исследование точнее: быстрое или собранное, как у меня, по моим заметкам в дневнике, которые я сопоставляю с интервью.

Многие люди, которые долго работают в бизнесе, с коммерческими исследованиями, признают, что, конечно, получаются очень поверхностные вещи. Всегда все хотят бóльших бюджетов, чтобы сделать более основательное, более качественное исследование, сопоставить разные методики, например, дополнительно провести включенное наблюдение. Допустим, мы исследуем какой-нибудь интерфейс, связанный с доступностью банкомата. Нам нужно не только провести интервью с пользователями, которых мы наберем либо через знакомых, либо которых нам подсунет какое-нибудь агентство… Всегда, кстати, есть проблема с агентствами. Там есть так называемые «профессиональные» респонденты. Это одни и те же люди, которые ходят на все исследования. Ты потом узнаешь их на интервью: они были у тебя вчера на фокус-группе, про «Пятерочку» или «Данон» рассказывали, а сегодня они уже держатели крупной банковской карточки. Короче, исследователь думает, что было бы неплохо провести в

течение дополнительных нескольких недель включенное наблюдение, а потом сопоставить данные интервью с включенным наблюдением. Но обычно, поскольку бизнес в целом хочет exit strategy, то есть быстро вложить и получить, хочет быстрой оборачиваемости, то таких долгих исследований практически никогда не получается.

Есть и исключения, но немногие могут себе позволить делать включенные наблюдения или много интервью. У меня есть отдельный проект исследования работы UX-еров[1] [Сивков 2019b]. Это исследование исследователей. Одна моя информантка из очень крупной международной компании делает вот как. К ней приходит клиент с желанием создать какой-нибудь продаваемый дигитальный продукт, и они им предлагают исследование сроком несколько месяцев, за которые можно сделать от 50 до 70 интервью на объектах клиента и посмотреть, что можно придумать и предложить. Пока они делают это исследование, работают очень интенсивно и выполняют работу в поле, может быть, за две недели. А потом придумывают концепции и варианты этого продукта. Например, они делали исследование для компании, которая занимается топливной энергетикой. В процессе исследования в течение месяца у них появилось четыре разных варианта продукта, и четвертый они продали. Она говорит с гордостью, что никто из крупных игроков на рынке UX и такого вот дигитального маркетинга не может предложить кому-то сделать 50 интервью за две недели по стране, не просто в Москве, а по стране. У нее команда из 5–10 человек, которые разъезжают по стране, информантов обзванивают, делают план проектов, презентации продуктов. Она гордится этой работой, возможно, и не без оснований. Это очень дорогой бизнес, я имею в виду, что это стоит очень больших денег для заказчика. Такой охват — единичный пример.

> *Вы сказали, что результат вашей работы — это отчет, который потом становится частью какого-то, может быть, большого отчета. Вам интересно, насколько ваше исследование влияет на конечный продукт?*

Мне сложно сказать, потому что я не питаю никаких марксистских иллюзий по поводу отчуждения меня как работника и, собственно говоря, обратной апроприации продукта. Здесь я не работаю на свое имя, у меня не было планов никогда уходить полностью в коммерческие исследования. Я делал многие проекты, можно сказать, анонимно. В том смысле, что мое имя нигде не фигурировало в отчетах. Обычно я беру за короткий срок довольно приличное количество интервью, в зависимости от срочности, от поиска респондентов (как правило, это сваливают на тебя), выходит 10–20 интервью за две недели. Иногда нужно взять шесть за два дня. И предполагается, что я, пока брал интервью, уже сгенерировал некоторое количество инсайтов.

1 UX (User Experience) — «опыт пользователя».

Обычно меня просят написать текст, который будет потом включен в общий отчет, написанный другими людьми. Я не вижу этот финальный отчет, и меня не интересует, что там входит, что не входит. Для меня это сугубо деньги. Хотя я должен признать, что мне нравится выполнять такого рода работу, она мне кажется интересной. Я, например, делал исследования для Московской области про малые города. И я этот отчет написал честно, критически даже, написал про некоторые проблемы. Войдут ли они в презентацию для заказчика? Не уверен. Я понимаю, что они могут и не войти, и спокойно к этому отношусь. Я просто сделал качественно свою работу. И я хотел бы, чтобы люди, которые заказывают мне исследование, тоже считали, что я качественно сделал свою работу. Обычно такие моменты я оговариваю, что пишу отчет, как считаю, что могу отходить от гайда в пользу глубины и тому подобное. Но пойдет ли это дальше, я не знаю.

Бизнес-антропология — это основное направление вашей деятельности в рамках прикладной антропологии, я правильно понимаю?

Вообще это дискуссионный вопрос: что такое прикладная антропология? Есть, насколько я могу судить, несколько точек зрения. Есть идея, что прикладная антропология — это не просто исследование каких-то вопросов, которые тебя беспокоят (что характерно для академической среды), а исследования, направленные на то, чтобы что-то изменить. Например, это исследование может быть активистским, оно может помочь сделать жизнь госпиталя, предприятия, отдела лучше. Такие исследования позволяют увидеть сложности, проблемы и еще указать какие-то возможные пути решения этих проблем. И есть точка зрения, что прикладная антропология — это только то, что связано с бизнесом.

При этом я верю в то, что вообще все исследования начинаются с того, что тебе интересно этим заниматься. А если тебе этим заниматься интересно, то ты вообще не думаешь о последствиях, рекомендациях, целях, благе или других подобных вещах. Ты думаешь только о себе. Аристотель, первый человек, который рефлексировал на тему, что же такое наука, сказал, что у варваров не может быть философии, любви к мудрости, потому что у них нет свободного времени, досуга. Что это значит? Это значит, что Аристотель видел жизнь на Востоке, у персов, как жизнь, в которой человек не может посвятить время самому себе. Он может посвятить время общине, культу, императору, чему угодно, но не себе. А греки изобретают свободу не просто как то, что у меня есть выбор, свобода перемещения по социальной лестнице, а как то, что я могу делать что-то, что нужно только мне. И он скажет через несколько строк, что именно поэтому философия самая прекрасная из всех наук и самая бесполезная. Но обратите внимание, что слово «бесполезная» — это не принижение. Бесполезная — значит свободная. Ты занимаешься ей для себя, а не для кого-то. И в этом смысле, мне кажется, что хорошая наука и хороший отчет, даже если все эти вещи написаны по требованию всех тех дискурсов и полей, которые задал

клиент, не являются прагматичными. Потому что в них исследователь как бы говорит, что ему нравится это делать: «Посмотрите — это же здорово, ведь это интересно!» Естественно, ему бы хотелось, чтобы этот отчет был принят — публикой, другими институциями. Но, по большому счету, он делает это только потому, что это интересно именно ему, даже если это заказ.

Поэтому прикладная антропология, бизнес-антропология в каком-то смысле находятся под вопросом. Потому что зарабатывание денег оказывается дополнительным стимулом, не первоначальным условием. На самом деле, мне кажется, что хороший отчет может получиться, если человек горит этим. Мне повезло, я экстраверт. Мне интересно разговаривать с людьми. Мне нравится слушать других людей, мне нравится задавать дополнительные вопросы, уточнять, детализировать. Мне это интересно. А с кем я говорю — с чиновником, каким-нибудь работником торговли и так далее — это, в общем-то, не так уж и важно для меня. Потому что и там, и там можно найти что-то интересное.

Что касается полезности обществу, активистского потенциала антропологии, мне кажется, что это вещь вполне очевидная. Потому что любой хорошо написанный отчет способен наделать шуму и изменить жизнь — к лучшему или к худшему. И очевидно, что некоторые антропологические заходы даже в академической среде были и есть политические высказывания. Джеймс Клиффорд, американский историк и антрополог, который в 1984 году участвовал в очень важном компендиуме, собрании статей Writing culture, написал статью «Об одной этнографической аллегории». Ее, к счастью, перевели на русский язык в журнале «Социологическое обозрение» [Клиффорд 2014]. Клиффорд говорит о том, что любой антропологический проект — это политическая утопия. Антрополог странным образом начинает писать о том, чего у него самого нет, чего ему не хватает. Помните книжку Марселя Мосса «Очерк о даре» [Мосс 1996]? Важной в этой книге является последняя глава, где Мосс находит элементы дарообмена в современном ему французском обществе начала XX века. Но он показывает, что под действием какого-то там капиталистического влияния и прочих модерновых вещей это исчезает. И Клиффорд пишет: посмотрите, Мосс социалист, он хочет, чтобы общество, в котором живут французы и он сам, было обществом солидарности, а не обществом отчуждения. Соответственно, он предпринимает колоссальное, ставшее классикой, исследование для того, чтобы поговорить об этом, о себе, о своем чаянии лучшего общества. В этом смысле очевиден политический и утопический пафос антропологических историй. Хорошие истории пишутся о том, что можно было бы изменить, о том, что ждет нас в будущем, о том, чего у нас еще нет.

Коллеги, которые близки мне по духу, занимаются исследованиями маргинальных групп. Один классный канадский антрополог Филип Ваннини исследовал в 2014 году людей, которые живут фактически без подключения к инфраструктуре: без канализации, электричества

[Vannini, Taggart 2014]. Он взял двести интервью и посетил сотню домов. И он пишет, что эти дома являются лабораториями нашего коллективного будущего, потому что через какое-то время нефть закончится, и мы вынуждены будем использовать те же практики, которые эти люди используют сейчас. То есть это маргинальное сообщество, которое находится «ниже радара», уже сейчас может изменить мир. И антрополог, естественно, — ангажированный персонаж, поскольку, когда он пишет такую книгу, он ответственен за то, что некоторым образом породил, сгенерировал это сообщество, которое сообществом, по сути-то, и не являлось. И он ответственен, в хорошем смысле, за то, что эти люди начинают быть некоторой политической силой. Не в смысле, что эти люди будут выходить на улицы с требованиями, а в том смысле, что они есть, они заметны, они влияют на наше понимание мира.

Я видела программу вашего курса коммерческой этнографии. Не могли бы вы о нем немного рассказать?

Та организация, которая хотела ввести этот курс, странным образом отличается определенной непоследовательностью. В итоге курс не состоялся. Мне хотелось поделиться некоторым опытом и обратить внимание на то, как это работает. Мне показалось, что я смогу собрать из своих многолетних участий в различных проектах что-то, что может оказаться полезным тем, что хочет этим заниматься, или людям из академического мира. Интерес, как мне кажется, был большой, поскольку после отмены курса мне написало большое количество людей, они спрашивали, почему курса не будет.

Что в себя должен был включать ваш курс?

Мне хотелось бы поговорить о каких-то вещах, которые исследователи в поле делают руками: что такое брать интервью в условиях, в которых вы находитесь? Что такое вести фокус-группу? Как делать включенное наблюдение в условиях нехватки временных ресурсов? Это был бы практический курс о том, как исследование происходит в других, отличных от академического поля, условиях: время другое, пространство другое, язык другой, люди другие. Мне бы хотелось таким образом демистифицировать коммерческие исследования, показать, какими они зачастую являются, их преимущества и недостатки.

Вы хотели поделиться своим профессиональным опытом, а с какими трудностями вы сталкивались в своей работе?

Например, многие люди, которые работают в этом поле, говорят, что ты должен уметь продавать, должен обладать такими коммуникативными навыками, которые позволят тебе разговаривать с людьми из бизнеса и «впаривать» им какой-то продукт, превращать свое исследование в

какой-то продукт. Мне не очень нравится такими вещами заниматься. В этом смысле мне проще быть исполнителем. Еще сложности… Чиновники часто отвечают на вопросы интервью так, как будто отчитываются. Им не дай бог что-то «не то» сказать. Это своеобразный вызов — «открывать» их. Был у меня опыт с женщиной из администрации одного города. Она, как по бумажке, тарабанила, что местные дети не уезжают в Москву учиться, а поступают в местные ВУЗы. Окей. Через какое-то время я поменял режим разговора и спросил у нее, где учатся ее дети. И она «растаяла» — стала рассказывать, как неудобно детям ездить в Москву, что на дорогах пробки. На примере собственных детей она фактически дала мне другую, более реальную картину. Это интересно — работать с подобными сложностями. И я бы выделил еще специфический язык таких исследований. У меня было несколько проектов, где мы работали в командах, там были люди, которые этим занимались намного дольше. Они мне говорили, что я должен намного проще говорить в отчете — не нужно ни малейшего напряжения в словах, в фразах, в отчетах. В какой-то момент это для меня было сложностью, этой простоте нужно было научиться.

Что вы могли бы посоветовать начинающим исследователям в области прикладной антропологии, коммерческой антропологии?

Я бы мог две вещи посоветовать. Во-первых, что мигрировать из академического поля в область коммерческой антропологии несложно, просто нужно уметь брать интервью и любить это делать. Но чтобы научиться это правильно делать, наверное, стоит прочитать парутройку самых известных книг. Есть разные списки, можно подобрать что-то близкое. И во-вторых, мне кажется, что важно вообще пройти все этапы исследования и начать даже с расшифровки интервью. Пока ты будешь расшифровывать, ты можешь начать понимать, что что-то люди могут делать неправильно, как бы ты мог сделать это сам, как бы становиться на место исследователя. Если включать в этой «грязной» работе рефлексию, то можно многому научиться: «А как бы сделал я? А что бы я спросил? Почему здесь интервьюер задал дополнительный вопрос, а здесь не задал?» Мне кажется, это полезная практика. Можно научить брать интервью, можно научить методу включенного наблюдения, но все равно все вертится вокруг некоторого личного опыта и некоторого набора интересных историй от других людей, которые могут вас вдохновить этим заниматься. Вдохновение — это самая главная вещь в работе и в обучении от тех, у кого мы учимся.

Литература

Клиффорд, Дж. (2014). Об одной этнографической аллегории. *Социологическое обозрение, 13*(3), 94–125.

Мосс, М. (1996). Очерк о даре. В М. Мосс. *Форма и основание обмена в архаических обществах. Общества. Обмен. Личность,* 85–111. М.: «Восточная литература» РАН.

Сивков, Д. (2019a). Освоение космоса в домашних условиях: любительская космонавтика в современной России. *Этнографическое обозрение, 2019*(6), 67–79.

Сивков, Д. (2019b). Российская UX-индустрия в поисках пользователей. *Журнал социологии и социальной антропологии, 2019*(6), 103–122.

Vannini, P., Taggart, J. (2014). *Off the grid: Re-assembling domestic life. New York*: Routledge.

References

Clifford, J. (2014). On ethnographic allegory. *Russian Sociological Review, 13*(3), 94–125. (In Russian).

Mauss, M. (2014). The Gift. In M. Mauss. *Forms and functions of exchange in archaic societies. Societies. Exchange. Personality,* 85–111. Moscow: «Vostochnaya literatura» RAN. (In Russian).

Sivkov, D. (2019a). Russian UX industry in search of users. *The Journal of Sociology and Social Anthropology, 2019*(6), 103–122. (In Russian).

Sivkov, D. (2019b). Space exploration at home: Amateur cosmonautics in modern Russia. *Ethnographic Review, 2019*(6), 67–79. (In Russian).

Vannini, P., Taggart, J. (2014). *Off the grid: Re-assembling domestic life*. New York: Routledge.

«Терапевтическое поле»: Екатерина Чигалейчик и Алексей Кудрин о лоутеке, изменении климата и этно-экологических исследованиях

Беседовала Дарья Бокадорова

Для цитирования:
Чигалейчик, Е., Кудрин, А. (Авторы), Бокадорова, Д. (Инт.). (2019). «Терапевтическое поле»: о лоутеке, изменении климата и этно-экологических исследованиях. *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 397–405. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-397-405.

Екатерина Чигалейчик — бакалавр истории Института истории СПбГУ, кафедры этнографии и антропологии, магистр географии Института наук о земле СПбГУ, специалист по работе с локальными сообществами проекта «Создание партнерства между некоммерческими организациями, университетами и местными сообществами в целях повышения информированности и поиска путей адаптации к изменению климата».

Алексей Кудрин — аспирант Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), выпускник магистерской программы «Этнологическая экспертиза» на кафедре этнографии и антропологии Института истории СПбГУ.

«Therapeutic field»: Ekaterina Chigaleichik and Alexei Kudrin on low tech, climate change and ethno-ecological research

Interviewed by Daria Bokadorova

To cite:
Chigaleichik, E., Kudrin, A. (Authors), Bokadorova, D. (Int.). (2019). "Therapeutic field": Ekaterina Chigaleichik and Alexei Kudrin on low tech, climate change and ethno-ecological research. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 397–405. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-397-405. (In Russian).

Расскажите, пожалуйста, о проекте «Климат-Образование-Молодежь», который проводят СПбГУ и САФУ. Я знаю, что цель проекта — поиск решений проблем, связанных с климатическими изменениями, что в проекте задействованы разные специалисты, в том числе в области прикладной антропологии. По чьему заказу он проводится, что исследует антрополог в рамках этого проекта, как применяются результаты исследования?

[Е. Ч.] Наш проект финансируется программой Европейской Комиссии по развитию осведомленности об изменении климата среди молодежи Севера Raising awareness of climate change among young people of Northern Dimension regions. Организация-заявитель — Центр независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге. Но партнеров в проекте больше: СПбГУ, САФУ, НКО РеСУРС («Региональная сеть устойчивого развития села»), зарегистрированное в Архангельской области, и наш международный партнер RELEARN SUDERBYN. Это НКО и экосообщество в Швеции.

Наверно, надо сказать о том, что научная задача у нас не первоочередная. Есть экспедиционная исследовательская часть: в первый год проекта мы ездили в деревни, брали интервью, теперь эти интервью обрабатываем и делаем выводы. Это все исследовательский процесс, но он в основном сейчас прикладной. Руководитель проекта Мария Тысячнюк выпустила несколько статей на материалах экспедиций[1], но в остальном команда сейчас сосредоточена на другом.

Наша задача — помочь людям адаптироваться к изменяющимся условиям климата. Это в городе нам изменения не слишком заметны, потому что в городе ты электричество включил, под одеяло залез, в магазин сходил. А когда ты в деревне — это совсем по-другому. Устройство жизни больше зависит от природного фактора. Многие трудности человек может переживать в течение нескольких лет, считая, что это просто какой-то год особенный: неурожайный, или слишком теплый, или слишком холодный, или влажный, но когда из года в год привычный режим погоды не повторяется, он начинает думать: «Так, с этим нужно что-то делать». Но что делать? Это требует некоторых мер адаптации: перестройки бытовых практик, иногда еще какого-то вмешательства. Наша задача в том, чтобы найти, где изменения климата предлагают людям самый большой вызов и со стороны качества жизни, и со стороны выживания, и понять, насколько люди готовы сами себе помочь. Выделив самые актуальные проблемы, мы ищем, какой проект люди могли бы реализовать у себя в деревне, чтобы нивелировать хотя бы часть трудностей, и финансируем эти проекты. Также почти везде мы реализуем образовательную составляющую, чтобы люди были в курсе, почему это все происходит. Сейчас у нас есть контакты в школах, администрациях, библиотеках, и мы будем разрабатывать образовательные материалы и доставлять

[1] [Petrov, Tysiachniouk 2019], [Tysiachniouk, Henry, Tulaeva 2019], [Tysiachniouk, Henry 2019], [Tulaeva, Tysiachniouk, Henry, Horowitz 2019], [Tysiachniouk, Olimpieva 2019].

их в деревни, туда, где люди хотят узнать о результатах наших исследований и научиться новому, готовы обсуждать проблемы и решения.

Я бы сказала, что к этому проекту нужно относиться как к прикладному, который ориентирован на улучшение качества жизни в первую очередь, на активизацию и поддержку инициативы, на распространение информации и так далее. Научная составляющая, конечно, тоже присутствует. Например, мы касаемся таких антропологических вопросов, как восприятие людьми своих взаимоотношений с природой: насколько они чувствуют собственную зависимость от окружающей среды, от собственного типа природопользования, что они замечают в окружающей их природе, какие причины этому приписывают, как они на это реагируют, что они в связи с этим делают, как адаптируются. Мы изучаем эти вопросы этнографически. И здесь же рядом большое поле социальной проблематики: состояние инфраструктуры, готовность местных сообществ коллективно решать возникающие проблемы, возможности и ограничения местной власти, оторванность удаленных районов и многое другое.

[А. К.] Да, это сбор некоторых традиционных знаний, которые сами по себе отчасти культурное наследие. Изучение этих практик адаптации к изменяющимся условиям можно назвать этно-экологическим, но с прикладным «хвостом». Важно, мне кажется, сказать, что участники экспедиции не приезжают на место и не говорят: «Ребята, у вас все вот так меняется, мы вам сейчас расскажем, как меняется, делайте так, как мы вам скажем». Участники полевых выездов пытаются понять, что люди сами замечают и что делают, чтобы адаптироваться к изменяющимся условиям. Самые удачные и действенные местные решения можно через этот проект распространить, сделать их более доступными для других сообществ, которые находятся в похожих условиях — изменения эти, естественно, влияют на всех. Так что очень важно подчеркнуть именно информационную составляющую.

> *Я правильно понимаю, что прикладная часть этого проекта заключается в том, чтобы исследовать модель адаптации к климатическим условиям и передать эту модель кому-то другому?*

[Е. Ч.] С одной стороны, да, исследовать адаптационные технологии и подходы, которые есть, и если они удачны, то их транслировать. С другой стороны, отдельно у нас есть задача собрать проблемы, для которых нет решения, и создать демонстрационные площадки, где заинтересованные люди занимались бы разработкой этих решений. Понятно, что речь идет о технических решениях, и их еще нужно воплотить и опробовать в конкретных условиях.

У меня есть замечательный пример, к нашему проекту он не относится, просто он прекрасный. На Пинежье есть такая проблема, что холода наступают все позже и позже, очень долго не устанавливается лед на реке, и, соответственно, нет зимней переправы. А зимники — это базовый

элемент инфраструктуры, потому что дорог мало и они в плохом состоянии, переправ много, так как много рек, и люди многое перевозят зимой, когда стоит лед. Вот есть деревня, от которой до переправы достаточно далеко. В местной группе «ВКонтакте» висит объявление, что у переправы установили фотоловушку, и можно теперь отслеживать состояние переправы онлайн. По-моему, это просто и гениально. Ты сидишь в деревне дома, и как тебе узнать, что там с зимником? Ты думаешь: «Ну ладно, вроде бы нормально, тут же у нас речка стоит, я поеду». Ты садишься в машину, пилишь 150 километров до переправы, приезжаешь, а она не работает. И ты: «Ну ладно», — и обратно поехал свои 150 километров. А теперь установили фотоловушку, чтобы два раза в сутки была актуальная информация о том, лед есть или нет, по нему проехать реально или нереально. Мы не можем построить нормальную переправу, но хотя бы можем видеть ее состояние. То есть люди все равно находят какие-то способы выкручиваться.

Я очень вдохновилась этим примером, он по-своему гениальный. Правда, мы сами в проекте планируем решения, связанные не столько с инфраструктурой, сколько с природопользованием. Чтобы как-то нивелировать кошмары с режимом увлажнения территории, поздними заморозками, обмелением рек, исчезновением рыбы, неожиданными катастрофическими явлениями, которые учащаются. Понятно, что мы люди экологичные, поэтому нам важно, чтобы нововведения были природосообразны. Потому что часто так бывает, что как только появляются удобные решения, люди бодро за них берутся, не очень думая о последствиях, а потом не понимают, почему что-то идет не так.

Самый, наверно, печальный сюжет, который мы повсюду наблюдаем, это то, как люди с огромной ностальгией, с огромной гордостью вспоминают, как в советское время работал сплав, «вот у нас были рубки, вот это было время…» — и чуть не памятник бензопиле «Дружба». Я сейчас утрирую немного, но вот есть несколько деревень: в одной рубили лес, в другой — она на устье речки, которая выходит в озеро — лес сплавляли: деревья сбивали в кошели и волокли по озеру. И сейчас местные с ностальгией вспоминают: «Вот у меня мама лесоруб, папа лесоруб, бабушка, дедушка и так далее». Но нет понимания, что сейчас происходят наводнения, сильное изменение погоды, обостряются пики влажности и температур, и все это связано с тем, что вырубили лес много лет назад. Нам говорят: «У нас неурожай, и в лесу не растет ничего». Конечно, лес же долго восстанавливается. Нет понимания этих причинно-следственных связей, соответственно, новые климатические условия никто не связывает со своей историей и деятельностью. Поэтому очень легко взяться за новую приспособу, сказать: «О, классно». А то, что через 20–30 лет это даст катастрофический эффект — надо заранее рассчитать. Поэтому нам важно, чтобы это были меры, которые, с одной стороны, давали бы свой эффект, с другой стороны, не приводили бы к коллапсу.

А у вас есть какой-нибудь пример, может быть, уже сформировано решение для какой-то проблемы этно-экологической?

[Е. Ч] Мы в этом году в основном занимались исследованиями. Но у нас есть пара деревень, которые оказались очень активными. Они сразу сказали: да, мы хотим проект, сейчас мы придумаем проект. В одной деревне был клуб, который не отапливался зимой из-за стоимости электричества — там стоял обычный обогреватель. По сути, клуб месяцами стоял промерзший. Жители там сейчас строят себе энергоэффективную печь — такую, которая достаточно хорошо выдает тепло и хорошо его сохраняет. Но это не природная, а инфраструктурная проблема, связанная скорее с бюджетом, чем с изменением климата — так же, как с пинежской переправой.

[А. К.] Просто действительно эти социальные и экологические причины очень сильно переплетаются, и решать вопросы, связанные только с природопользованием, без внимания к социальной стороне, конечно, очень сложно.

[Е. Ч.] Да, климат, как мы поняли, по крайней мере, сейчас не был бы такой проблемой, если бы была нормальная инфраструктура. Но так как ее нет, то, как только в природе начинает что-то неожиданное происходить, люди сразу ощущают это на себе. Потому что там, где есть барьер материальной культуры, люди им защищаются, насколько могут, а где нет этого барьера, они сразу на своей шкуре все чувствуют. Все время приходится что-то изобретать, потому что природные условия становятся все более непредсказуемыми. Тут важно что? Дело же не в том, что у вас холодно. Если у вас 100 лет холодно, то это не проблема: вы, наверно, уже как-то адаптировались к этому. А когда у вас то холодно, то потеплело, вот снег выпал, а потом все растаяло, вот уже вроде холодно и лед начинает образовываться, к реке не подойти, но он еще не встал толком, чтобы на него выйти, и рыбачить никак, и переправы нет — и все это не предсказать, тогда вы должны стать суперадаптивными. Если ты живешь в деревне, то ты знаешь приметы, и многие из них работают: что в это время становится тепло и сухо, а в это время вероятны дожди. А теперь нет этой предсказуемости. Может быть почти что угодно. Сроки сезонов смещаются на месяц, весной приходит раннее тепло, а потом заморозки длятся до самого июля. В этих условиях нужно иметь какой-то запас технологий, чтобы минимизировать риски. Даже там, где у людей еще вполне все отлично, они процветают, уже начинаются такие заморозки, что растения начинают страдать и не хотят плодоносить. Поэтому нужны разные методы: с одной стороны, борьба с истощением земли, с другой стороны, защита растений — такие вот технологии мы хотим привнести. Но так как мы не хотим насильно добру подвергать и пользу причинять, то мы будем сейчас делать следующий виток общения с людьми в местах, в которых мы были, с тем, чтобы вместе с ними найти, что им актуально, и для них или с ними вместе разработать это все.

У меня уточняющий вопрос. Насколько традиционны те сообщества, к которым вы ездите?

[Е. Ч.] В общем, в основном это обычные постсоветские деревни. Бывает, конечно, локальная специфика. Есть сложившийся тип отношений с территорией и практики природопользования, которые на этой территории привычны и прижились. Можно называть их традиционными. Например, в некоторых районах Архангельской области почти каждый — охотник. «Мужик» и «охотник» там — почти синонимы. Это как в других местах есть оленеводы или все ходят за ягодами. Но сказать, что это традиция, что это «традиционные охотники или собиратели», как мы их обычно представляем — некая излишняя романтизация.

[А. К.] В нашем исследовании нет задачи выделить, что из того, что они делают, идентично тому, что делали их бабушки и дедушки. Важно, что они делают сейчас и что из этого получается. Что касается, например, ненцев или Кольского полуострова, куда состоялась одна из экспедиций: насколько мы можем считать оленеводство, распространенное там, традиционным? Конечно, оно сильно отличается от того, что в этнографической литературе называется «традиционным оленеводством».

[Е. Ч.] Если бы у нас было научное исследование по этой теме, то мы в любом случае взяли бы за отправную точку то, что мы считаем местной традицией, и дальше смотрели бы, как она в современных условиях изменяется. Но мы занимаемся другим. Нам важно, что некоторые укорененные вещи нельзя трогать, они просто есть, это привычка, фундамент, основа. К этому нужно относиться внимательно.

Проект «Климат-Образование-Молодежь» довольно масштабный даже на этапе антропологического исследования, вы посетили множество разных территорий, это требует определенного кадрового ресурса. Кого организаторы проекта привлекают для участия? Специалисты каких областей необходимы для разных этапов проекта?

[Е. Ч.] Мы очень стараемся привлечь студентов. С нами работают Северный Арктический федеральный университет, Санкт-Петербургский университет. Мы, как можем, пытаемся привлечь студентов и к исследовательской работе, и затем к разработке решений. Также нам очень нужно, чтобы была инженерная составляющая, для разработки простых технических средств, которые можно внедрить в сельских условиях, так называемый лоутек — как противоположность хайтеку. Лоутек — это когда ты взял и у себя на огороде из навоза и щепок создал что-то полезное. Еще одна часть — это образовательная. Я упоминала о том, что мы разрабатываем образовательные программы, которые можно проводить в школах, будем обучать педагогов — через игры, через интерактивные технологии. И разные просветительские материалы о климате и состоянии территории для взрослого населения. Соответственно, образование

и просвещение. Просвещение смыкается с четвертой частью — выставки, art&science. Выставки будут и в городах, и в деревнях. В Петербурге прошла первая выставка «Климат и люди» в Музее почвоведения. Собственно, это подведение итогов наших экспедиций 2019 года. Такие выставки мы будем возить по деревням. Результаты, некую рефлексию по поводу полученного в экспедициях материала, мы будем возвращать деревням: в виде методик, в виде образовательных программ и в виде выставок, в таком арт-ключе.

[А. К.] Вот буквально на прошлой неделе второй раз были в одном из тех мест, где проводилось исследование. Сейчас мы привезли туда выставку, которая была сделана художниками на основании собранных в рамках проекта полевых материалов. Ранее она выставлялась в Музее почвоведения в Санкт-Петербурге. Кроме того, в рамках этой поездки проводили семинары в местной библиотеке.

А это первый опыт прикладного характера исследований в вашей работе, в вашей исследовательской деятельности?

[Е. Ч.] Скажем так: в этом проекте я в первый раз отвечала за исследование: придумывала методику, список этапов, тем, способ обработки данных. До этого я участвовала в масштабном исследовании цыган в Ленинградской области[2]. Там я была в группе полевых исследователей: ездила и брала интервью. Это тоже было прикладное исследование межкультурного напряжения и степени интеграции. В поле мы понимали, какую практическую задачу решаем. Когда идешь в поле, ты должен очень хорошо понимать свою задачу. Потому что иначе тебя унесет, и ты узнаешь все на свете, кроме того, что тебе нужно, и потом не будешь знать, что тебе делать с полученной информацией. На мой взгляд, когда у тебя есть прикладная задача, ты меньше уделяешь внимание тому, не приносишь ли ты чего-нибудь свое, не искажаешь ли поле. Ты не думаешь, что надо все только наблюдать и ни в коем случае не трогать. Наоборот, ты думаешь, как бы вмешаться во все окружающее, как бы повлиять, и желательно эффективно. В строго научном и в прикладном исследовании у тебя внимание по-разному работает, ты фокусируешься на разных вещах и даже чувствуешь себя по-разному.

[2] Исследование под руководством А. Н. Якимова, эксперта по работе с этническими меньшинствами и трудовыми мигрантами, координатора проектов БФ «ГСП-фонд», состояло из трех этапов: (1) «Комплексное исследование, посвященное социально-экономическим, этнокультурным и правовым аспектам интеграции цыган в Ленинградской области на территории Всеволожского, Гатчинского, Тосненского, Волховского, Лужского и Ломоносовского районов, в контексте гармонизации межнациональных отношений» (2016) по заказу Правительства Ленинградской области; (2) «Комплексное исследование социально-экономического, этнокультурного и правового аспектов интеграции цыган с местным сообществом в сельском поселении Верхние Осельки Всеволожского района Ленинградской области» (2016) по заказу Правительства Ленинградской области; (3) «Комплексное исследование социально-экономических, этнокультурных и правовых аспектов интеграции цыган в Ленинградской области в контексте гармонизации межнациональных отношений на территории Бокситогорского, Волосовского, Гатчинского, Киришского, Кировского, Подпорожского, Тосненского районов» (2017) по заказу Правительства Ленинградской области.

[А. К.] Что касается меня, то я проводил полевые исследования, но они касались исследовательских тем, не прикладных. Я тоже участвовал в проекте по исследованию цыган по заказу правительства в Ленинградской области в качестве полевого исследователя-волонтера. В проекте «Климат-Образование-Молодежь» также принимал участие как исследователь-волонтер во время поездок в Вологодскую область.

С точки зрения первого опыта в прикладной антропологии, с какими трудностями вы столкнулись в рамках своего проекта?

[Е. Ч.] Я бы сказала, что наше поле достаточно благодатное в том смысле, что люди разговаривают с большим удовольствием, рассказывают. Окружающая среда — нейтральная тема, она не затрагивает сложные чувства. Спрашиваешь: «Как вы рыбу ловите?» — «Ну, беру и ловлю, вот так вот». Ты, конечно, выглядишь странно, когда задаешь людям простейшие вопросы: «А вот зимы такие же холодные, как раньше, или уже не так? А у вас наводнения бывают?» и так далее. Тебе отвечают: «Конечно, бывают — половодье каждый год, а вот два года назад такое наводнение было!». Это такая тематика, на которую идет отклик, респондентам нравится, что кто-то этим интересуется. Например, в Архангельской области у многих людей почему-то есть такая привычка — это, возможно, можно назвать традицией — они ведут дневники наблюдений за погодой. У некоторых взрослых людей есть тетрадка, в которой они пишут: такое-то число — река встала, такое-то число — оттепель, такое-то число — снег выпал на столько-то сантиметров. Или: птицы прилетели, скворцы запели на реке. Это на самом деле огромный массив данных, некоторые по 40 лет ведут такие дневники и с удовольствием их показывают.

Я вообще почти никаких проблем вспомнить не могу. Вот дорога — это затруднение. Надо, например, в определенную деревню поехать. А это 11 часов не от Питера, это 11 часов от Архангельска. В первый раз — очень впечатляющий опыт. А настоящая трудность, которую можно было бы назвать — это отсутствие инициативности. Самое болезненное место. Некоторые люди не считают себя компетентными в значимых вопросах. Обычная позиция: эти вопросы должна решать администрация или кто угодно еще, но не я, потому что что я могу? Еще работает фактор оттока населения. Люди, у которых есть инициатива, энергия и амбиции, уезжают из деревни, особенно молодежь. А те, кто остаются, мало что хотят. На мой взгляд, это одна из самых больших проблем деревни, наравне с отсутствием средств и слабой инфраструктурой.

[А. К.] В целом люди чувствуют себя немножко брошенными, поэтому, наверно, дело не только в том, что они вообще ничего в этой жизни не хотят. Я бы добавил, что в этом смысле прикладное исследование и для интервьюера, и информанта психологически намного проще. Почему? Я приведу пример из экспедиции на Северный Кавказ, она была в качестве полевой практики во время обучения в магистратуре. Мы приходим

в станицу, пытаемся у человека спросить, как у него тут с хозяйством, что он делает, что тут происходит. Он выдает тираду на двадцать минут о том, как все ужасно, что все «загибается», о том, что он пытается сделать и как ничего не выходит. В конце концов он говорит: ну все, ребята, до свиданья, у меня дела. Закрывается дверь, и ты понимаешь, что ты попросил у человека какую-то информацию, он тебе что-то рассказал, но ты ему вообще ничем помочь не можешь. Это такая обычная ситуация, с которой, наверное, сталкиваются все этнографы и антропологи.

[Е. Ч.] Такое бывает. Приезжаешь в поле, интервьюируешь жителей, тебе рассказывают обо всем и часто — о трудностях: «Вы же из Петербурга, вы же можете помочь». А что я могу? И к пятому, к десятому интервью ты уже немного не в себе, тебе нужно подышать, прийти в себя. А в таком практикоориентированном исследовании — проще, ты говоришь: «Окей, я могу помочь, но не любым образом. Вот так могу. Хотите? Давайте». И если такой вариант не подходит, ты идешь дальше. А если подходит — начинается действие. Таким образом, это очень терапевтическое поле. Оно в этом смысле благодатное.

Литература/References

Petrov, A. N., Tysiachniouk, M. S. (2019). Benefit sharing in the Arctic: A systematic view. *Resources, 8*(3), 155.

Tulaeva, S. A., Tysiachniouk, M. S., Henry, L. A., Horowitz, L. S. (2019). Globalizing extraction and indigenous rights in the Russian Arctic: The enduring role of the state in natural resource governance. *Resources, 8*(4), 179.

Tysiachniouk, M. S., Henry, L., Tulaeva, S. A. (2019). Resilience, reindeer, oil, and climate change. In E. Zubrow, E. Meidinger, K. D. Connolly (Eds.). *The big thaw. Policy, governance, and climate change in the Circumpolar North*, 337–360. Albany: State University of New York Press.

Tysiachniouk, M., Henry, L. (2019). Benefit sharing in Russia's resource extractive industries: When global standards meet local communities. *Likkejuridiikka. Finnish Business Law Journal, 2019*(2), 137–167.

Tysiachniouk, M., Olimpieva, I. (2019). Caught between traditional ways of life and economic development: Interactions between indigenous peoples and an oil company in Numto Nature Park. *Arctic Review, 2019*(10), 56–78.

«Существует устойчивая тенденция представлять прикладную работу как менее научную»: Робин Эверсоул о несправедливой критике, работе в сельской Австралии и ценности знаний местных сообществ

Беседа и перевод Дарьи Бокадоровой

Для цитирования:
Эверсоул, Р. (Автор), Бокадорова, Д. (Инт.). (2019). «Существует устойчивая тенденция представлять прикладную работу как менее научную»: о несправедливой критике, работе в сельской Австралии и ценности знаний местных сообществ. *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 406–408. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-406-408.

Робин Эверсоул (Robyn Eversole) — профессор, заместитель директора Центра социального воздействия Технологического университета Суинберна (Мельбурн, Австралия). До этого она много лет работала директором Центра регионального развития Университета Тасмании. Как прикладной антрополог, занимающийся вопросами социально-экономического развития и развития сообществ, Робин Эверсоул проводила исследования в сельских районах Австралии, в Латинской Америке и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Она является автором монографий «Партнерство в области знаний для развития сообществ» (Knowledge partnering for community development) [Eversole 2015], «Региональное развитие в Австралии: что значит быть региональным» (Regional development in Australia: Being regional) [Eversole 2016] и «Антропология развития: от теории к практике» (Anthropology for development: From theory to practice) [Eversole 2018].

"There is often a tendency to portray applied work as less scholarly": Robyn Eversole on unfair criticism, working in rural Australia and the value of local community knowledge

Interviewed by Daria Bokadorova

To cite:
Eversole, R. (Author), Bokadorova, D. (Int.). (2019). "There is often a tendency to portray applied work as less scholarly": Robyn Eversole on unfair criticism, working in rural Australia and the value of local community knowledge. *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 406–408. DOI: 10.22394/2658-3895-2019-2-3-4-406-408. (In Russian).

Расскажите немного о том, чем вы занимаетесь в области прикладной антропологии. Где вы сейчас работаете? С чего началась ваша научная карьера, и как она развивалась?

Сфера моих занятий относится к субдисциплине социокультурной антропологии, которая называется антропологией развития. Как прикладной антрополог я работаю над практическими инициативами экономического и социального развития. Меня интересует, как сообщества, общественные организации и правительства работают над созданием позитивных экономических и социальных изменений и как антропологическая перспектива может помочь им добиваться лучших результатов.

В настоящее время я являюсь профессором и заместителем директора Центра социального воздействия, который является частью Университета Суинберна в Мельбурне, Австралия. Я присоединилась к команде Центра в 2017 году, потому что мне очень нравится их фокус на прикладных социальных исследованиях, которые имеют большое значение в общемировом масштабе. До этого я 16 лет работала в «региональных кампусах» по всей Австралии. Это были местные университетские кампусы, созданные в небольших городах для поддержки социально-экономического развития этих регионов. Основная деятельность всех этих проектов была ориентирована на прикладные исследования. И за годы работы я осознала, какое огромное значение имеют знания местных жителей для работы по развитию территорий и как эти знания часто упускаются из виду приезжими «экспертами». Еще я работаю в Латинской Америке и Азиатско-Тихоокеанском регионе, чтобы понимать сходства и различия в вопросах местного и регионального развития в различных национальных контекстах.

Можете рассказать про какие-нибудь интересные исследования, над которыми вы работали? Например, про то исследование, которое вы представляли на ежегодной конференции Общества прикладной антропологии в 2018 году? Какие задачи вы перед собой ставили, к каким результатам пришли?

Почти все мои исследования посвящены изучению роли местных эмпирических, культурных и технических знаний для работы по развитию территорий. В частности, мои исследования показывают, что можно стимулировать развитие инноваций, объединяя различные виды знаний через границы. Я создала концепцию *трансграничного производства знаний* и разработала методологию под названием «Партнерское знание», которая может быть использована для посреднического обмена знаниями через границы в качестве механизма социальных изменений [Eversole 2015].

Одним из способов реализации этих идей на практике является моя работа с региональными кампусами. Многие региональные университетские кампусы в Австралии и за рубежом имеют исследовательские центры для поддержки экономического и социального развития в своих регионах. Я изучала, какие подходы они используют для того, чтобы связать

между собой научные знания и знания местных жителей для решения практических вопросов развития территории. В своем докладе на ежегодной конференции Общества прикладной антропологии «Знания для развития: как сплести сеть прикладных исследовательских центров для устойчивых регионов» я описала процесс создания международной сети региональных исследовательских центров и показала, какую важную роль они играют в трансграничном производстве знаний по развитию территорий.

С какими основными проблемами сталкивается ученый, который решает заняться прикладной антропологией?

Одна из проблем, которая касается как прикладных антропологов, так и других специалистов, занимающихся прикладными социальными исследованиями, связана с тем, как мало ценят нашу работу коллеги из университетской системы. К сожалению, в университетах по-прежнему всем заправляют академические ученые-традиционалисты, которых больше всего волнует, как внести вклад в развитие вопросов теории их дисциплин. Существует устойчивая тенденция представлять прикладную работу как менее научную и, следовательно, менее важную. Некоторые из моих коллег за рубежом делают потрясающие исследования, основанные на работе с сообществами, а их университеты даже отказываются признавать, что это научная работа. Лично я убеждена в том, что прикладные исследования порождают знания, которые важны и с точки зрения развития академической теории, и с точки зрения изменения мира к лучшему. Но консервативные университетские институции трудно в этом убедить!

Какие советы вы бы дали начинающим прикладным антропологам?

Развивайте ту область знаний, в которой вы специализируетесь — ту, где вы уже проявили себя и про которую вы можете доступно рассказывать потенциальным работодателям и клиентам, так чтобы им все было понятно. Они могут не понимать, чем занимается антрополог, но не волнуйтесь по этому поводу — на самом деле они просто хотят знать, что полезного вы можете для них сделать. Можете ли вы помочь им разработать более эффективный проект или сделать продукт, который был бы более удобен для пользователей? Можете ли вы помочь вовлечь в проект сообщества, с которыми трудно найти общий язык? Поможете ли вы им лучше понимать своих клиентов или партнеров? Есть ли у вас экспертиза в области развития сообществ, в оценке проектов, в совместном проектировании? Выберите ту область работы, которая вам интересна, а затем используйте свои антропологические навыки и умения!

Литература/References

Eversole, R. (2015). *Knowledge partnering for community development*. London: Routledge.

Eversole, R. (2016). *Regional development in Australia: Being regional*. London: Routledge.

Eversole, R. (2018). *Anthropology for development: From theory to practice*. London: Routledge.

«Мем про антрополога в корпоративных джунглях немножко бесит»: Кен Эриксон о карьерных траекториях, медийных стереотипах и форматах презентации результатов исследования

Беседа и перевод Дарьи Бокадоровой

Для цитирования:
Эриксон, К. (Автор), Бокадорова, Д. (Инт.). (2019). «Мем про антрополога в корпоративных джунглях немножко бесит»: о карьерных траекториях, медийных стереотипах и форматах презентации результатов исследования. *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 409–413. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-409-413.

Кен Эриксон (Ken Erickson) — профессор Факультета международного бизнеса Бизнес-школы Дарлы Мур (Darla Moore School of Business) Университета Южной Каролины. Является одним из ведущих специалистов по корпоративной антропологии, основателем исследовательских компаний Ethnographic Research, Inc и Pacific Ethnography, организовывал и проводил прикладные антропологические исследования для крупных корпораций по всему миру. В соавторстве с Дональдом Д. Сталлом выпустил практическое пособие «Как заниматься этнографией в команде: предупреждения и советы» (Doing Team Ethnography: Warnings and Advice) [Erickson, Stull 1997] в книжной серии «Качественные методы исследования».

"The anthropologist in the corporate jungle meme is somewhat annoying": Ken Erickson on career paths, media stereotypes, and ways to present research results

Interviewed by Daria Bokadorova

To cite:
Erickson, K. (Author), Bokadorova, D. (Int.). (2019). "The anthropologist in the corporate jungle meme is somewhat annoying": Ken Erickson on career paths, media stereotypes, and ways to present research results. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 409–413. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-409-413. (In Russian).

Расскажите немного о том, чем вы занимаетесь в области прикладной антропологии. Где вы сейчас работаете? С чего началась ваша научная карьера, и как она развивалась?

Я начал с магистерской диссертации про домохозяйства и подростковую депрессию в сельском сообществе вьетнамских мигрантов, которые занимаются производством мяса в Западном Канзасе. Материалы для исследования я собирал, работая координатором по делам беженцев; в мои обязанности входили работа с грантами, управление социальными услугами и обучающие программы по развитию местных сообществ для небольших мясопромышленных городов на высокогорных равнинах американского Запада, где происходило быстрое увеличение числа новых иммигрантов из Юго-Восточной Азии. Я защитил докторскую диссертацию по культурной антропологии (исследование того, как устроено рабочее место на мясокомбинате), одновременно работая над двуязычной образовательной программой для Канзасского Совета по образованию.

Я планировал работать в некоммерческой организации, которая занимается образованием, но она лишилась финансирования. И так я попал в небольшой городской Университет Миссури в Канзас-Сити в качестве профессора, где в итоге стал руководить небольшим Центром этнографических исследований. Наш центр искал и находил корпоративных клиентов, которые хотели использовать антропологические методы, главным образом, для решения проблем, связанных с потребительским опытом: дизайн магазина, покупка и использование продукта — стандартные маркетинговые вопросы.

После нескольких лет в университете я решил, как говорится, заняться частной практикой и вместе с коллегами запустил небольшую компанию Ethnographic Research, Inc[1], которая занималась «бутиковыми»[2] исследованиями и которая до сих пор работает. Потом я открыл компанию Pacific Ethnography (PacEth), которой я управлял из Лос-Анджелеса около 14 лет. PacEth работала на множество крупных, преимущественно американских, компаний, желающих понимать своих потребителей из Китая, Латинской Америки, США и других стран. Кризис 2009 года дошел до нас в 2011 году, и я начал искать альтернативные варианты, чем заниматься. Не только потому, что компании больше не заключали контрактов на проведение исследований, но и потому, что наша бизнес-модель начала использоваться чуть ли не в каждом крупном рекламном и маркетинговом агентствах. Мне стало трудно конкурировать на коммерциализированном рынке исследований, и я, честно говоря, был немного вымотан всем этим бизнесом. Я попал, благодаря совету одного замечательного коллеги, в Университет Южной Каролины на Факультет международного бизнеса, где искали человека со знанием антропологии, чтобы преподавать маркетинг и помогать с

[1] ethnographic-research.com

[2] Речь идет о сравнительно дорогих по цене, но высоких по качеству исследованиях, дизайн которых команда индивидуально разрабатывает для каждого заказчика. *Прим. редактора.*

различными магистерскими программами. Так что последние шесть лет я работаю тут.

Сейчас я постоянно преподаю, поэтому у меня мало времени для исследований. Но у меня есть несколько постоянных научных интересов. С одной стороны, меня интересует малый бизнес иммигрантов, в основном латиноамериканцев и китайцев; с другой стороны, я занимаюсь изучением того, как функционируют буддистские храмы. Иммигрантский бизнес я исследую в США, Чили и Китае, а буддистские храмы — в США, Вьетнаме и Китае. Кроме английского я владею вьетнамским, испанским языками и мандаринским диалектом китайского языка, что соответствует географии моих интересов.

Можете описать несколько интересных исследований, над которыми вы работали? Например, рассказать про то исследование, которое вы представляли на ежегодной конференции Общества прикладной антропологии в 2018 году? Какие задачи вы перед собой ставили, к каким результатам пришли?

Наша команда провела многоэтапное этнографическое исследование среди семей с доходами чуть ниже среднего в городах Ресифи, Пернамбуку и Сан-Паулу в Бразилии, чтобы получить ответы на вопросы, поставленные компанией Epson: пользуются ли эти люди принтером и где они берут чернила? Актуальность этой темы была связана с тем, что Epson в Бразилии продавала много принтеров, но не продавала чернила к ним. При этом из статистики по импорту товаров было известно, что Бразилия активно импортирует чернила для принтеров. В ходе исследования мы выяснили, что люди ходят распечатывать документы в LanHouse, это небольшая сеть интернет-кафе, которая предлагала также и услуги печати. Тогда мы переключили наше внимание на изучение бизнеса LanHouse, и в итоге предложили им установить и использовать у себя новую модель принтера Epson по принципу «если не можешь победить конкурента, присоединяйся к нему». В конечном счете этот подход изменил характер бизнес-модели Epson и других производителей товаров для печати. Именно это исследование я представлял в 2018 году на конференции Общества прикладной антропологии.

Другое исследование, не столь свежее, мы проводили для компании General Motors, и оно было посвящено молодежи и кастомизации автомобилей. Мы выяснили, что молодежь кастомизирует машины в широком диапазоне: от скромной персонализации до глобальных трансформаций, когда, например, старые дизельные автомобили переделывают под работу на растительном масле или еще больше усиливают мощность двигателя спортивного седана Mitsubishi Lancer Evolution. Этот исследовательский проект показал, как значима социальная природа кастомизации и использования автомобилей. Для меня удивительно то, как неожиданно креативно и вдохновенно занимаются своим делом «тюнеры» и другие специалисты по «прокачке»

машин. Кстати, General Motors разорился вскоре после того, как наша работа была закончена. Так что теперь я могу безнаказанно публиковать результаты исследования, что и планирую сделать.

С какими основными проблемами вы сталкивались, когда занимались прикладной антропологией?

Клиенты хотят, чтобы работа была сделана вчера и бесплатно. А еще они не всегда довольны, когда результаты исследования оказываются не такими, как они мечтали или надеялись, их ожидания не совпадают с результатами. Как бы то ни было, некоторые из них (наши постоянные клиенты, такие как Lowe's, Boeing, Epson, General Motors и Intel) находили нашу работу крайне полезной, часто не за то, за что мы сами ожидали.

СМИ любят мем про антрополога в пробковом шлеме, который проводит исследования в корпоративных джунглях. Конечно, это немножко бесит. Но, черт возьми, мне кажется, что в конце концов это уже наш раскрученный бренд. Коллеги в моей бизнес-школе, как правило (хотя не всегда), свято придерживаются позитивистской исследовательской парадигмы, согласно которой существует четкая грань между качественной (мягкотелой, недостаточно научной, по их мнению) и количественной (непредвзятой, объективной, как они ее видят) наукой. Ту самую грань, которую я постоянно был вынужден усердно размывать. Некоторые из моих более академических коллег по кафедре антропологии часто немного удивляются, когда обнаруживают, как много возможностей сейчас существует для антропологов за пределами академии. В конце концов, именно туда направляется большинство новых антропологов после защиты диссертации.

Что бы вы посоветовали молодым антропологам, которые только начинают заниматься прикладными исследованиями?

Читайте много этнографических работ и побольше пишите собственных. Изучайте второй язык. Старайтесь быть более активными на профессиональных мероприятиях — иногда они раздражают, но поддерживать связь с коллегами все-таки полезно. Вы должны овладеть местным языком (или языками) той области деятельности (или областей деятельности), в которой вы работаете: сельское хозяйство, бизнес, реклама, здравоохранение. Но вы не стоите и гроша, если вы не в состоянии связать между собой жизненные реалии этих сфер, с одной стороны, с антропологической теорией и методом, с другой. Собственно, мы можем предложить две вещи: наш методологический подход, основанный на приверженности к опыту включенного наблюдения, этнографическим исследованиям в их многочисленных формах, и теоретические перспективы, которые мы используем, чтобы систематизировать и осмыслить наши полевые данные. Но все это мы сможем предложить только в том случае, если мы научимся доносить смысл нашей работы

до заказчиков. Это можно делать через визуальные форматы (в виде фильма или серии фотографий), через карты и какую-то инфографику или просто через убедительный и вызывающий доверие нарратив. Антропологи должны владеть различными инструментами, с помощью которых они могут рассказывать о своих открытиях. Лично я часто использую видео. Некоторые, как Кен Андерсон, предостерегают от чрезмерного использования видео (оно слишком многозначно, и есть риск, что люди увидят в нем то, что они хотят видеть, а не то, что хочет подчеркнуть сам антрополог[3]). Начинающему исследователю было бы неплохо стать многостаночником, универсальным специалистом, который умеет пользоваться различными методами как в полевой работе, так и в презентации результатов, выводов и «инсайтов».

Литература/References

Erickson, K., Stull, D. (1997). *Doing team ethnography: Warnings and advice*. Beverly Hills, CA: Sage.

[3] Из личного общения с Кеном Андерсоном (Ken Anderson). Кен Андерсон — руководитель Лаборатории социальных трансформаций в компании Intel, один из ведущих американских прикладных антропологов с 20-летним опытом в таких высокотехнологичных компаниях, как AT&T, MediaOne, US West и Apple Computer. *Прим. редактора.*

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Петрозаводск – город городской скульптуры

Петрозаводск город сам по себе не очень яркий, он привлекает туристов скорее в качестве ворот в Карелию – к водопаду Кивач, к Гирвасу, где древняя вулканическая порода выходит на поверхность, к теперь, к несчастью, сгоревшей прекрасной церкви в Кондопоге и всем известным Кижам. Но Петрозаводск и сам – безусловное место силы, достаточно выйти на его набережную к Онежскому озеру. Набережную украсили многочисленными скульптурами и композициями к 300-летнему юбилею города. Какие-то из фигур нельзя назвать выдающимися, какие-то смахивают на кич. Но среди них стоят и очень качественные и красивые работы современных художников. Древо желаний, которому шепчут свои просьбы, скульптуры «Рыбаки», «Под одними звездами», «Волна дружбы», парк деревянных скульптур – все эти объекты делают набережную привлекательным местом для прогулок и туристов, и местных жителей.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Материалы дискуссии «Профессиональная этика в прикладной антропологии: теория и практика» в рамках Полевого семинара факультета антропологии ЕУ СПб

Для цитирования:
Материалы дискуссии «Профессиональная этика в прикладной антропологии: теория и практика» в рамках Полевого семинара факультета антропологии ЕУ СПб (2019). *Фольклор и антропология города*, *II*(3–4), 416–430. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-416-430.

Прикладные исследования антропологов, востребованные в сферах бизнеса, управления, городского развития, пока что остаются для российской действительности новой и не всегда понятной в своих методах областью. Как антропологу выполнить требования заказчика, не нарушая профессиональной этики и сохраняя безопасность личных данных своих информантов? Участники дискуссии разбирают примеры ситуаций, в которых антрополог-прикладник оказывается в уязвимом положении, а также обсуждают возможные способы решения подобных проблем.

Ключевые слова: прикладная антропология, прикладные исследования, этика полевых исследований

"Professional ethics in applied anthropology: Theory and practice". Discussion during the Fieldwork workshop of the Department of Anthropology, European University at St. Petersburg

To cite:
"Professional ethics in applied anthropology: Theory and practice". Discussion during the Fieldwork workshop of the Department of Anthropology, European University at St. Petersburg (2019). *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(3–4), 416–430. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-416-430. (In Russian).

Applied anthropological research is in demand in Russian business, administration and urban development. In spite of this, its methodology is still often unclear to Russian employers and is perceived as somewhat 'sociology-like'. This idea can lead to conflicts between employers' expectations and anthropologists' professional ethics. How can an anthropologist fulfill employers' requirements while avoiding violation of professional ethics and preserving the security of their informants' personal data? Discussants analyze some ethically dubious situations in which applied anthropologists might find themselves vulnerable, and attempt to find possible solutions to these problems.

Keywords: applied anthropology, ethics of fieldwork, applied research

Вступление инициатора семинара

В одном из своих недавних прикладных антропологических проектов я впервые столкнулась с ситуацией, когда у меня требовали полные расшифровки интервью. Положение, в котором под угрозой, с одной стороны, была дефицитная исследовательская позиция в университете со стабильным доходом, а с другой — один из центральных профессиональных догматов, было уязвимым. Поскольку в России прикладная антропология — новое направление, никакого формального эффективного механизма для защиты себя, своих профессиональных принципов и своих информантов у меня не оказалось.

Решение этических и организационных проблем, которые возникают в таком случае, оказалось настолько неочевидным, что мы с Еленой Лярской решили в конце апреля 2020 года в рамках регулярного полевого семинара ЕУ СПб провести обсуждение разных сложных ситуаций, в которых оказывается антрополог, проводящий прикладное исследование. Однако в наши планы вторглась эпидемия коронавируса, и из-за перевода образовательных учреждений на дистанционный режим семинар пришлось перенести в Zoom[1]. Эта вынужденная мера открыла неожиданные возможности — к семинару присоединились не только сотрудники ЕУ, но и коллеги из других городов. Дискуссия велась не только вслух, но и — параллельно — в чате Zoom. Получившееся обсуждение оказалось настолько насыщенным, что мы решили продолжить его на страницах научных журналов, а для начала — опубликовать расшифровку нашей дискуссии, по возможности отразив в ней особенности онлайн-коммуникации. *Юлия Аматуни*

Участники:

Модератор: Елена Лярская (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия).

Докладчики:

Юлия Аматуни (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия),

Маргарита Чубукова (Группа прикладных антропологов «Артель», Москва, Россия),

Георгий Медвинский (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия).

Дискутанты: Николай Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия), Штефан Дудек (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия), Дарья Радченко (Российская академия народного хозяйства и государственной

[1] Платформа для онлайн-коммуникации.

службы при Президенте Российской Федерации; Центр городской антропологии КБ Стрелка, Москва, Россия), Анастасия Карасёва (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия), Александра Касаткина (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия), Никита Петров (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия).

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Добрый день, коллеги. Большое спасибо всем, кто подключился, и отдельное спасибо тем, кто согласился сегодня выступить вместе со мной — Егору Медвинскому, выпускнику факультета политических наук и социологии, и нашей выпускнице Маргарите Чубуковой, которая провела исследование об особенностях прикладной антропологии и согласилась сегодня поделиться его результатами. Порядок будет такой: сначала я расскажу о своем кейсе, потом дам слово Егору и Рите. Как упоминалось в анонсе доклада, в моей практике был случай, когда у меня требовали расшифровки интервью.

Я работала в государственном университете в одном из исследовательских центров. В определенный момент с подачи коллеги по университету (не сотрудник центра и не социальный исследователь) центр стал работать над одним городским проектом. Сразу оговорюсь, коллега по университету, обратившийся к директору центра за экспертизой, был крайне ангажированным и лично заинтересованным в деле: он много лет проживал в исследуемом районе и имел там репутацию активиста. Жесткая иерархичность государственного университета часто не подразумевала прозрачности в коммуникации о договоренностях директоров, поэтому детали планируемой отчетности мне были неизвестны. Устно было оговорено, что по результатам исследования создается аналитическая записка, и, возможно, проведение проектировочных сессий.

В исследовании применялся комплексный подход, но центральной была качественная методология. Я и еще один сотрудник центра (также антрополог) сами искали информантов, проводили глубинные интервью. Но в середине проекта произошла смена кадров в центре: уходит сотрудник, с которым мы проводили исследование, и директор. К концу проекта к процессу вновь подключились коллега по университету и бывший директор: они стали требовать от меня не просто аналитической записки или расширенного комментария результатов исследования, но расшифровки интервью и данные информантов. Я никогда с таким не сталкивалась. Было непонятно, почему директор считал, что по-прежнему имеет права на этот проект: данные исследований центра — собственность университета, а в университете он больше не работает. Также были неясны основания, на которых коллега по университету мог требовать материалы.

У нас были очень долгие сложные переговоры: меня обвиняли в том, что я утаиваю информацию, что я отказываюсь сотрудничать.

Мне говорили, что «опросы на улицах — это не интеллектуальная собственность», и поэтому я должна все передать. Он ссылался на опыт каких-то предыдущих исследований и говорил, что «всегда все давали все исходники» (эти исследования и характер вовлеченности в них мне не известны). У моего собеседника не было понимания, чем отличаются анонимные опросы на улице и глубинные интервью с информантами, количественные и качественные исследования. Мне же казалось совсем невозможным передать исходники. Было сложно представить себе, как я могла анонимизировать интервью для настолько включенного в контекст человека. Если бы я вырезала какие-то данные, которые потенциально могли бы быть опасными для моих информантов — в расшифровках остались бы сцены приветствия и прощания и, может быть, пара междометий. У меня не было пространства для лавирования: человек не являлся безопасной фигурой, с которой можно было бы поделиться данными. Даже в процессе разговора о результатах исследования он периодически спрашивал: «Ну кто вам это сказал, ну скажите мне, ну давайте!». И в ходе этой истории я постоянно ловила себя на мысли, что даже и не важно, кто этот человек, насколько включен или не включен в контекст — это сторонний человек, который не имеет прав на эти данные. Я не прибегала к отсылкам на закон о персональных данных. Но кажется, что могла — не уверена, может быть, коллеги подскажут, потому что там нужно отдельное соглашение, которое мои информанты не подписывали.

Когда я начала обо всем этом думать, я поняла, что было бы хорошо иметь какой-то документ, пусть не имеющий юридической силы, к которому я могла бы отправить этих людей, грозившихся испортить мне работу в институции. Документ, где объяснялось бы, что это не моя блажь и что антропологи действительно так работают: вот наши этические требования, и защита персональных данных наших информантов — это одно из них. Я обратилась к гайдам существующих ассоциаций прикладников. Вот, например, гайд NAPA[2] в первую очередь ориентирован на профессиональное антропологическое сообщество. Прикладник в этом гайде балансирует между двумя принципами — «не навредить» и «принести пользу», он должен оценивать риски и эффект, который исследование может оказать на всех участников проекта. При этом вопросы о природе «пользы», как ее принести, кому, и кто оценивает сделанное как «пользу», в сущности, оставлены там на личное усмотрение антрополога («если это не навредит — принеси пользу»). Все эти осторожные и пространные формулировки выросли в том числе из скомпрометированной репутации прикладных исследований в американской (и не только) традиции. Разговор об этической теории прикладника в поле — большой и значимый, заслуживает отдельного семинара. Но я бы хотела также инициировать обсуждение возможных практических решений для описанных

[2] The National Association for the Practice of Anthropology (NAPA) — секция the American Anthropological Association (AAA), основанная в 1983 году. Речь идет об Этическом кодексе Ассоциации, который был принят в 2018 году [Guidelines for Ethical Practice 2018].

ситуаций. Мне кажется, что у российской прикладной антропологии самостоятельной репутации пока нет. Когда ведется какой-то городской проект, иногда кажется, что заказчику не так важны результаты исследования, сколько факт проведенного исследования, потому что это современный престижный элемент западного подхода к городскому развитию. Но при этом антрополог по-прежнему является фигурой, загадочной не только для информантов, но и для заказчиков, которые не видят большой разницы между антропологами, социологами и кем-нибудь еще (в центре, где я работала, мою должность иногда так и обозначали — «антрополог-социолог»).

И вот те вопросы, которые в анонсе я указывала как начальные для обсуждения:

1. Создание публичного документа (манифеста?), утверждающего методологические особенности и основные этические принципы качественных исследований в прикладных проектах;

2. Может ли этот документ лишить статуса нормативной практику безответственной передачи личных данных?

3. Может ли документ-декларация профессиональной этики служить инструментом для укрепления доверия с заказчиками и исследуемой группой?

4. Практические рекомендации при заключении договора на исследование: на что обращать внимание, на что претендовать (например, право исследователя на использование полученных данных в некоммерческих целях);

5. Формы отчетности в прикладных исследованиях: «полевой дневник» и «интервью» в глазах заказчика и в глазах исследователя, необходимость строгого определения форм отчетности до начала исследования;

6. Отчуждение материалов: особенности форм соглашения о передаче персональных данных;

7. Анонимизация данных: кто и на каком этапе должен (и должен ли) это делать.

Конечно, обсуждение не замыкается этими вопросами и не заканчивается на них. И я сейчас уже поняла, что они — про две истории. Вопросы с первого по третий — про документ, какой-то аналог манифеста, этического гайда. Но вопросы, которые я к этому документу задавала бы и задаю, подразумевают, что этот документ ориентирован не столько на профессиональное сообщество, сколько вовне. То есть может ли подобный документ служить своего рода инструкцией к прикладным антропологам: чем мы руководствуемся, как мы работаем, и как он должен быть составлен в таком случае. Чтобы в спорных ситуациях на этот документ можно было бы ссылаться.

Вопросы с четвертого по седьмой больше про практические решения. Стоит ли такие вопросы более активно включать в образование антропологов? Организовывать более интенсивные беседы, юридически подковывать, чтобы антропологи, которые выпускаются и начинают работать

в поле, знали, что они имеют право требовать, на что нужно обращать внимание. Некоторый такой практический гайд уже для внутреннего пользования.

Сейчас передам слово Егору, а потом Рите: Рита как раз, наверное, все это систематизирует и обобщит.

ГЕОРГИЙ МЕДВИНСКИЙ: Добрый день. Моя история скорее не про этику исследования, а про практические рекомендации при заключении договора на исследование. Моему заказчику — участнику конкурса на благоустройство малых городов Министерства строительства Российской Федерации — все нужно было срочно. ТЗ они мне прислали не сразу, и по срокам их ТЗ исследование уже фактически началось. То есть как только они со мной связались, я должен был уже выезжать в поле. На подготовку к полю у меня не было времени. Хотя поле по ТЗ начиналось 2 декабря, фактически я туда выехал 6-го, вернулся через 8 или 9 дней. В ТЗ также было написано, что должен был быть промежуточный отчет, и он по дате фактически совпадал с датой моего возвращения в Петербург. Финальный отчет по ТЗ им нужен был уже 27 декабря.

Все договоренности были устными и в телеграм-чате. За несколько дней до финального отчета мне пишут: «А почему вы ничего не присылаете?». Выяснилось, что 26-го они хотели от меня кроме отчета какую-то презентацию для заказчика. То есть за два дня до отчета они стали требовать какие-то промежуточные данные. Естественно, у меня все было в сыром виде. Я им сказал, что пока не готов ничего показывать. Они настаивали. Я отправил им предварительный текст, на что они мне недовольно пишут: отсюда никакой полезной информации не взять. Они попросили меня также загрузить аудиозаписи интервью. Им нужны были какие-то яркие цитаты для их промежуточного отчета. Я был удивлен такой реакцией: я их предупреждал, что это еще сырой черновик. Я его удалил (это все через Google.Диск было) и пишу: у меня дата сдачи 27-е число, и такое отношение никуда не годится — ждите, 27-го все пришлю.

Да, надо сказать отдельно про собственно поле. У меня была изначально устная договоренность о том, что им нужно, и частично она была прописана в ТЗ. С самого начала были выставлены нереалистичные требования по количеству интервью — просто невозможно столько сделать физически одному человеку в поле. Там был предварительный список информантов, но было понятно, что он не удовлетворяет требованиям ни, собственно, ТЗ, ни нормального антропологического городского исследования. То есть поиск информантов тоже требовался. И к тому же им еще требовались наблюдения за городской средой — на это тоже нужно было время. У нас также было совершенно разное понимание полевого дневника. Я действовал по методу Клиффорда Гирца — насыщенное описание, — а им требовался почти школьный дневник: с кем во сколько встречался, что конкретно этому человеку нравится, что не нравится и несколько цитат из интервью, прямо свежих из поля.

Главная проблема была в том, что у меня не был фактически составлен трудовой договор с ними. Соответственно вопрос с деньгами тоже был оговорен не до конца: я до самого последнего момента не был уверен, что они мне заплатят и когда. И проблемой стало не до конца сформулированное ТЗ: чем более сжатые сроки, тем более четко должно быть расписано ТЗ. В процессе полевого исследования они тоже меняли требования. Звонили и говорили: так, нам нужны подростки, срочно переключайся на подростков. Я меняю план, иду на подростков. На следующий день: «Нам срочно нужны предприниматели». Я срочно ищу предпринимателей, ну и так далее.

ШТЕФАН ДУДЕК (вопрос в чате): А уточните, что такое ТЗ?

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Рита, мне кажется, случай Егора — он, может быть, классический в плохом смысле? Или я драматизирую?

МАРГАРИТА ЧУБУКОВА: Здравствуйте, коллеги. Юля, спасибо за приглашение выступить. Сначала отреагирую на ситуацию, сложившуюся у Георгия. К сожалению, все бывает очень по-разному, конечно, но все-таки, когда у тебя накапливается даже небольшой опыт ведения подобных проектов, ты понимаешь, что без договора, без обсуждения ожидаемых результатов исследования, кто бы ни рекомендовал заказчика, ты больше не работаешь. Стараешься максимально все прояснить на старте: для этого сначала интервьюируешь заказчика, определяешь, что он от тебя хочет, а затем уже приступаешь к исследованию.

Свой доклад, посвященный этике исключительно в городских прикладных проектах, я приготовила по мотивам статьи для журнала «Фольклор и антропология города» [Чубукова 2019], поэтому остановлюсь здесь лишь на основных моментах, чуть подробнее задержусь на вопросе, связанном с передачей данных заказчику. Предварительно поясню, почему еще взяла на себя роль докладчицы. С 2017 года более или менее постоянно работаю в прикладных исследованиях, и недавно мы с коллегами даже условились завести собственное бюро, которое, с нашей точки зрения, поможет не только формализовать собственную деятельность, но и в том числе, надеюсь, справляться с этическими трудностями.

Как правило, у городских проектов есть определенный таймлайн: старт, реализация и запуск нового или обновленного объекта/пространства. На каждом из этих этапов может быть привлечен антрополог, и на каждом из этих этапов (предпроектное исследование, исследование-тестирование концепции и получение обратной связи) он может сталкиваться со специфическими этическими трудностями. Очень интересным мне кажется альметьевский кейс Никиты Петрова [Петров 2019], который включает в себя сразу несколько этапов.

Также мне кажется важным указать на то, что антрополог может выступать в разных ролях в прикладном исследовательском проекте. Он может напрямую общаться с заказчиком (архитектором или градостроителем, например), глубже погружаясь в проблемы городского развития, а

может занимать немного «второстепенную» роль, работая в качестве дополнительного приглашенного исследователя. В результате разной степени «вовлеченности» в проект разные категории антропологов сталкиваются с различным спектром этических проблем.

Сделав эти два предварительных замечания, можно отметить, что в целом прикладные антропологи сталкиваются с тремя типами этических сложностей. Они возникают в поле взаимодействия с информантами, с заказчиками и непосредственно со своими коллегами.

Наиболее ощутимые сложности при общении с информантами связаны с тремя проблемами. Во-первых, с отсутствием гарантий — мы совершенно не знаем, что произойдет с проектом на следующем этапе, и не можем ни за что поручиться. Во-вторых, с тем, что представление некоторых заказчиков информантам закроет исследователю путь в «поле». В-третьих, с тем, что мы не можем «контролировать» сказанное информантами под запись, а аудио или расшифровки при этом нередко приходится сдавать заказчику.

Общаясь с заказчиком, иногда приходится сталкиваться со следующим рядом проблем. Первое — это проблема выбора фокуса исследования (его определяет заказчик, оставляя за пределами внимания значимые, с точки зрения антрополога, моменты) и проблема априорного представления заказчика о «правильном» развитии проекта. Принципы оформления результатов исследования в отчетном документе тоже неочевидны, их нужно обсуждать. Наконец, существует проблема ценообразования на собственные услуги.

Вопрос передачи собранных данных заказчику также оказывается неоднозначным и одновременно касается работы и с информантами, и с заказчиком. Как брать интервью под запись? Как их анонимизировать, расшифровывать, цитировать? Даже если мы предупреждаем информанта о записи, он все равно может увлечься и рассказать что-то «лишнее». В то же время, сдавая отчетные документы, мы перестаем контролировать, что с ними дальше происходит. У меня складывается впечатление, что всегда необходимо ориентироваться на ситуацию, в которой мы находимся. Каждый заказчик и проект уникален, и нужно подстраиваться под обстоятельства, отдавая себе отчет в том, зачем в каждом из конкретных случаев требуется «голос» исследуемого сообщества. Легко представляю себе, как в одном случае я буду приводить согласованные с информантом развернутые экспертные цитаты, а в другом — дам реплику в пересказе с максимально размытыми возрастными и профессиональными характеристиками своего собеседника.

В то же время нужно помнить о некоторых ловушках, обходить которые пока тоже не совсем понятно, как. Как упомянул Георгий, заказчику, например, иногда нужны цитаты. Они позволяют авторам проекта легитимировать те или иные решения, а нам подтверждать правомерность своих умозаключений. И если мы стараемся подтверждать цитатами свои наблюдения системно, то заказчик может выбирать лишь «приглянувшиеся» реплики.

Что касается взаимодействия с коллегами и возникающих при этом неоднозначных моментов, то, как мне кажется, важна, если можно так сказать, — сонастройка. Все члены исследовательской команды должны отчетливо понимать, что прикладное исследование не тождественно академическому, в нем много упрощений и ограничений. С этими условиями необходимо либо согласиться, либо отказаться от участия в проекте. И даже пытаясь выйти из роли академического исследователя, все равно долгое время испытываешь сложности в связи с необходимостью разработки рекомендаций, вплоть до этических. С этим необходимо работать.

Сегодня в условиях карантина на первый план выходят онлайн-исследования, этические проблемы в этой области, конечно, тоже возникают. Их можно как-то отдельно обсуждать, мне кажется, потому что уже довольно много сказано. Спасибо.

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Спасибо большое.

ЕЛЕНА ЛЯРСКАЯ: Юлия, а вы подведете как-то итог?

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Если бы он был. Моя история и история Егора — разные: Егор был вовлечен в классический городской проект, а я на постоянной основе работала в университете, с которым у меня получилось противостояние. В этом конкретном проекте у меня не было формального заказчика, договора, дополнительных выплат (только зарплата), но была вот эта фигура внутри университетской иерархии, против которой не было инструментов защиты. В общем, мне кажется, что Рита хорошо показала основной пул вопросов, которые, может быть, нужно обсуждать отдельно. Думаю, этот доклад — первый срез, показывающий, какие проблемы есть. Я уверена, что тут много людей, которые тоже могут что-то подсказать. Так что давайте перейдем к вопросам.

ЕЛЕНА ЛЯРСКАЯ: Вы совершенно правы — это не на один семинар обсуждение, потому что ваши коротенькие презентации приоткрыли целый ящик Пандоры этических проблем, связанных с прикладными исследованиями. Вы очень красиво показали все вместе, как антрополог оказывается между заказчиками и информантами, и со всеми ему нужно налаживать отношения. Давайте попробуем сосредоточиться на вопросе, как мы оказываемся этим самым буфером, который защищает информантов.

НИКОЛАЙ ВАХТИН: Юлия сказала, что заказчик исследования требовал от нее личных данных информантов, и при этом Юлия же сказала, что он не понимал, чем ее работа отличается от анонимного опроса. Эти два утверждения, мне кажется, сильно противоречат друг другу, и из этого просто следует, что мы имеем в данном случае дело с человеком недобросовестным, который заказывает научное исследование, а в реальности преследует какие-то совершенно другие цели. Видимо, вот это и есть то самое исследование для галочки, о котором говорила Маргарита. Здесь, как мне кажется, какие бы то ни

было документы, кодексы и так далее бессильны. Что касается второго Юлиного вопроса — какими документами можно защититься, то мне кажется, что закона о защите персональных данных достаточно для того, чтобы от такого рода нападений можно было защититься. Персональные данные определяются как любая информация, прямо или косвенно относящаяся к физическому лицу, с помощью которой он может быть идентифицирован. Мне кажется, уже этого одного достаточно для того, чтобы сказать любому не очень добросовестному заказчику: хотите платить штрафы — платите, а я не буду. И второй документ, на который можно сослаться — это профессиональный кодекс социолога [Профессиональный кодекс социолога], где есть пункт, что социолог обязан исходить из права респондентов на анонимность. Мне кажется, этих двух документов уже вполне достаточно для того, чтобы защититься от любого заказчика, хотя, конечно, это всегда конфликт.

ЮЛИЯ АМАТУНИ: По поводу первого вашего комментария: скорее важно здесь то, что «заказчик» — городской активист с инструментами власти. Людям, которые заказывают исследования «для галочки», как раз все равно — они не будут читать эти интервью, им нужен какой-нибудь коротенький отчет. Здесь ситуация была другой. Для меня вопрос безопасности информантов встал настолько остро потому, что я понимала — у него были вполне конкретные интересы, и это может привести к угрозе для информантов.

НИКОЛАЙ ВАХТИН: Я-то как раз имел в виду ровно то, что вы говорите — что человек заказывает исследование, результат которого он заранее знает, и он требует именно такого результата. То есть не просто чтобы была бумажка, которой можно размахивать, а чтобы в этой бумажке еще было написано то, что мы хотим.

АЛЕКСАНДРА КАСАТКИНА (ответ в чате): Спасибо Штефану, что обратил внимание на термин «техническое задание», который для его незамыленного немецкого уха звучит в сфере антропологических исследований странно, а мы, видимо, уже привыкли. Между тем, ТЗ пришло к нам из области технического проектирования, и хотя, судя по Большой советской энциклопедии, еще в советское время применялось к НИР («научно-исследовательским работам»), в обиходе у гуманитариев отсутствовало. Сейчас ТЗ активно используется, кажется, везде, где есть заказчики и исполнители: среди дизайнеров, программистов, рекламщиков… и с выходом антропологов на рынок услуг технических исполнителей пришло и к нам. Каким образом эта категория из технократического дискурса способна переформатировать антропологическое исследование? Думается, этот вопрос заслуживает хорошего эмпирического исследования. В примерах, которые обсуждаются здесь, ТЗ оказывается камнем преткновения в отношениях заказчика и антрополога: «Вы не выполнили ТЗ», — «В ТЗ этого не было». ТЗ, однако, по сути дела представляет собой инструмент для перевода нужд заказчика на технический язык исполнителя. К примеру, написание хорошего ТЗ для программиста — это отдельная задача,

которая требует особых навыков и сама по себе дорого оплачивается. Думается, антропологи, эти мастера культурного перевода, могли бы превратить это свойство ТЗ себе на пользу. Каким могло бы быть ТЗ, которое переводит нужды заказчика в категории антропологического исследования? Может быть, если бы антрополог подошел к составлению ТЗ как к процессу перевода, те этические и технические проблемы, которые обсуждаются здесь, могли бы решаться уже на этом этапе?

ШТЕФАН ДУДЕК: Сначала я не совсем понял, в чем именно состояла угроза для информанта в кейсе Юлии. И насколько наша обязанность — это делать результаты наших исследований доступными публично, быть прозрачными в наших методах и в наших результатах, когда есть определенные опасности для информанта (по принципам open science). Я сначала думал, что здесь больше проблема в вопросах авторских прав и интеллектуальной собственности. И есть вопрос об информированном согласии. В описанных кейсах исследователь сам не владеет полностью информацией о том, что за проект, какие возможны последствия для того сообщества, в котором проводится этот проект. Как вообще работать в такой ситуации, когда мы сами не знаем, к чему потенциально может вести такой прикладной проект, как исследователь может получить информированное согласие от участников такого проекта? И вот для меня откроется довольно большое поле вообще причин для, может быть, отказа от участия в таких проектах.

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Я начну, наверное, с последнего — как получать согласие в таких условиях, я не знаю. Начинался этот проект довольно неплохо: речь шла о том, чтобы потом конвертировать результаты этого исследования в записку для архитекторов, чтобы они смогли их учесть. Но потом из-за перестановок в центре и включения этого активиста с инструментами воздействия на меня как раз и возникли сложности. Но я, как во всех моих исследованиях, брала согласие на запись интервью. Больше ни на что согласия я не брала. Наверное, стоило бы. Второй вопрос — про интеллектуальную собственность. Он стоял не так остро, я была готова результаты своего исследования передавать дальше архитекторам. Для меня просто была шоком сама ситуация.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО: Мне кажется, что предмет нашей дискуссии разваливается на две части. Это, с одной стороны, защита анонимности и вообще интересов информанта, а с другой стороны — защита интеллектуальной собственности и права на тот продукт, который мы производим в результате прикладного исследования. В том, что касается защиты информанта, как мне кажется, закон о персональных данных нам не очень помогает, потому что он требует, чтобы, если мы сообщаем о том, что мы защищаем данные, мы были оператором персональных данных. Это влечет совершенно четкие юридические следствия, связанные со сбором данных, с хранением данных и так далее. Как правило, ни один из нас таким оператором не является. При этом закон о персональных данных подразумевает, что речь идет о четкой идентификации человека — обычно это имя, фамилия, отчество, дата

рождения и так далее. Но он совершенно не решает нашу проблему: у нас вполне возможна ситуация, когда мы обозначаем только имя и фамилию или имя и возраст информанта, но сообщество такое узкое, что и по этим данным его смогут опознать, и для него возникают какие-то риски. И мне кажется, что эти вещи имеет смысл оговаривать с самого начала исследования. Действительно, к сожалению, в России, нет этических гайдлайнов в области прикладной антропологии — потому, что нет, наверное, сообщества, которое готово было бы выдвинуть такие гайдлайны. Нас защищают исключительно те документальные договоренности, которые достигнуты с заказчиком. Но, как мне кажется по опыту, расшифровку начинают требовать в двух случаях: во-первых, в том случае, если действительно заказчик не видит никакой этической проблемы и никакой разницы с массовым опросом: раз нам дают цифры после массового опроса — дайте нам и расшифровку интервью. Это и вопрос интеллектуальной собственности заказчика, который заплатил за определенный продукт и считает материалы проекта своей собственностью, имеет право ими распоряжаться. Во-вторых, когда заказчик не очень доверяет антропологу, и ему кажется, что из расшифровок он сам сможет выжать больше, чем антрополог, который подготовил отчет. Но на самом деле любителей читать сотни страниц расшифровок очень мало. Задача заказчика — получить из них ту информацию, которая ему реально нужна. И здесь, возможно, имеет смысл прямо задать вопрос: «А зачем вам расшифровки? Что еще вы хотите узнать, что нужно уточнить? Давайте я вам в этом помогу». Как правило, это совершенно нормально работает.

АНАСТАСИЯ КАРАСЁВА: Рита, ты упомянула, что есть сейчас идея у вас создать свое бюро. Планируете ли вы какие-то инструменты для решения вот этих проблем с информантами, о которых ты говорила? Спасибо.

МАРГАРИТА ЧУБУКОВА: Юля упоминала ситуацию возвращения блага информантам, и это нам хочется включить в практику, потому что здесь тоже есть некоторый этический момент. Когда ты работаешь с заказчиком, то все результаты ты передаешь заказчику. Но при этом бывают и такие случаи — например, я беру интервью у архитектора, который работает в малом городе, и он говорит: «Ну вот вы делаете исследование по всему городу — у нас никто такого не делал, вы можете нам передать эти материалы?» И действительно очень хотелось бы как-то то, что уже проделано нами, передавать локальному сообществу.

И еще по поводу расшифровок. Бывает и так, например, что наш заказчик — не последнее звено, и за ним есть еще один уровень. И нашему заказчику нужно отчитаться перед вышестоящим лицом или организацией и показать, что это исследование действительно было. Эти расшифровки никто не будет читать, но они нужны для отчетности.

АЛЕКСАНДРА КАСАТКИНА: Я столкнулась с похожей проблемой внезапно в контексте исследовательского проекта, а вовсе даже не прикладного и не коммерческого, в момент, когда я осознала, что не

могу контролировать будущее собранных мной интервью, потому что должна передать их в публичный архив, а архив еще не создан, и его проект изменяется по ходу дела. Тогда я испытала очень схожие чувства. Вы наверняка знаете, что эта проблема существует не только в прикладных социальных науках, но и в академических, потому что некоторые фонды переняли ту же самую логику и сейчас требуют предоставления полевых данных в обмен на финансирование — называется public funding. И про это есть большая дискуссия в социологических журналах, которая длится примерно с середины 1990-х годов. И там есть разветвленная аргументация про то, почему расшифровки интервью передавать не нужно и бессмысленно. Я про это писала обзорную статью [Касаткина 2016]. Но я понимаю, что, наверное, ваших заказчиков эти академические и философские аргументы едва ли убедят. И в связи с этим, собственно, мое соображение: когда мы попадаем в такие клещи, то для нас этика из нашего, так сказать, выстраивания отношений с информантами превращается в поиск того, кто будет отвечать за происходящее, и мы иногда начинаем думать уже просто о том, как спасти свою шкуру. Если мы в такой ситуации подписываем информированное согласие с информантом, то мы должны сознавать, что мы перекладываем на его плечи ответственность за то, что произойдет дальше. Мы просто посредники между ним и нашим заказчиком. И в документе должен быть телефон заказчика, которому он может позвонить и все высказать. Даже если мы сами информированы недостаточно, как совершенно правильно сказал Штефан, по крайней мере мы можем дать информанту канал связи, чтобы он получил больше информации. Либо действительно, заключая договор с заказчиком, мы можем полностью взять на себя роль щита и тогда железобетонно прописывать, что никакие расшифровки и аудиозаписи мы не отдаем. Потому что тогда это уже, как Дарья сказала, вопрос доверия — вы верите нам как экспертам, как специалистам, зачем вам наши сырые материалы?

НИКИТА ПЕТРОВ: В этом году мы делаем большое исследование, которое заказывает близкая к правительственным кругам организация, где предусмотрена совершенно другая система оплаты. Обычно мы договариваемся только о том, сколько суммарно делаем интервью, сколько за это платится. А они хотят всю информацию — вплоть до личных данных информанта. Ну, проблему анонимизации мы решили, но оплата происходит только после предоставления текстовых расшифровок интервью. Думая об этом и понимая ту дискуссию, о которой говорила Саша, я придумал вариант решения этой проблемы. Я вписал в смету дополнительную работу «сценаристов» — это те люди, которые редактируют интервью и убирают оттуда практически все личные моменты, которые могут навредить информанту и по которым можно будет их идентифицировать. Таким образом мы предоставляем тексты, где есть только информация, которая напрямую касается целей проекта. Расшифровки остаются у нас. Это удорожает само исследование, но в целом это легитимный способ никому не показывать расшифровки.

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Спасибо большое. А можно сразу вопрос: а заказчик готов на это?

НИКИТА ПЕТРОВ: У нас было около пяти встреч с заказчиком, где, понятно, нам очень сложно объяснять, почему мы не можем предоставлять данные интервью, но в конце концов мы выяснили, что заказчику нужна на самом деле не личная информация, а обобщенная, и утвердили, что именно мы убираем из интервью. Они даже согласились на то, чтобы смету увеличить. Но эта модель срабатывает при условии доверительных отношений между заказчиком и нами. И я готов потом показать набор правил, по которым происходит такое редактирование.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО: А расшифровки от нас иногда действительно требуют в рамках формального бухучета, когда нужны свидетельства того, что эти работы были на самом деле произведены. Или компания учитывает то, что у нее будет проходить аудит в какой-то момент, и уже аудитор затребует эти расшифровки — тоже не для того, чтобы их читать, а для того, чтобы удостовериться в реальности оказанной услуги. И здесь, конечно, ход Никиты мне кажется очень интересным.

ЕЛЕНА ЛЯРСКАЯ: Получается, что есть некоторый набор ситуаций, начиная от академических, кончая прикладными, когда по разным основаниям от нас требуют передачи расшифровок интервью, и нам всегда сложно объяснить логику, по которой мы их не отдаем. Наша изначальная с Юлей посылка заключалась в том, что нам нужно иметь текст, в котором бы мы объясняли эту логику и к которому мы могли бы отсылать — декларация корпоративной этики. Потому что во многих случаях, когда мы что-то делаем, мы ставим себя под угрозу как корпорацию. У заказчика часто нет представления, что это за наука такая, чего от нас ждать. Нас на одном проекте спрашивали: «Вы вообще наука какая? Вы можете быть такой наукой, которая расскажет, что мы хорошо работали»? И тоже говорили: «А вы дайте нам ваши интервью».

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО: Мне кажется, что для того, чтобы этот документ существовал и пользовался каким-то доверием, нужна, собственно, организация, которая создает этот документ и говорит: все антропологи, которые входят в эту организацию, придерживаются вот такого кодекса. Просто подвешенная в воздухе, она, я боюсь, не будет работать — она должна работать на авторитете какой-то конкретной организации. И тогда у заказчика будет выбор: либо вы работаете с антропологами, которые входят в эту организацию и придерживаются этих гайдлайнов, и принимаете, что у них есть вот такие ограничения. Ну, потому что, грубо говоря, если антрополог, который входит в эту организацию, не придерживается кодекса, это имеет для него какие-то институциональные последствия. Ну, вплоть до, я не знаю, исключения из этой организации. Или вы ищете каких-то антропологов, которые туда не входят, и готовы на любые варианты. Или нужно разрабатывать какие-то конкретные этические гайдлайны в рамках отдельного университета, отдельных исследовательских центров, компаний, антропологических бюро и так далее.

НИКИТА ПЕТРОВ*:* Таких ассоциаций у нас в России несколько, хотя их мало, а некоторые находятся на стадии создания — например, Московское фольклорно-антропологическое общество. Когда оно будет создано, можно будет от его имени публиковать такой меморандум. Но мы можем запустить эту дискуссию на страницах журналов, выработать некоторый набор статей или текстов, на который потом мы уже сможем опираться при создании большого текста меморандума.

ЕЛЕНА ЛЯРСКАЯ: Да, мы планировали в «Антропологическом форуме» обсудить этот вопрос.

ЮЛИЯ АМАТУНИ: Мне кажется, это здорово, если мы сможем начать дискуссию сейчас и обязательно продолжить дальше на страницах журналов. Всем большое спасибо.

Литература

Касаткина, А. К. (2016). На пути к открытым качественным данным. *Электронный научно-образовательный журнал «История», 7*(51). Режим доступа: http://history.jes.su/s207987840001678-4-1

Петров, Н. В. (2019). Локальный текст, фольклор и паблик-арт в нефтяном моногороде: Альметьевск. *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 74–105.

Профессиональный кодекс социолога. Российского Общества Социологов. Режим доступа: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=73

Чубукова, М. А. (2019). Проблема ответственности: этические сложности в прикладных антропологических исследованиях города. *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 134-153.

Guidelines for ethical practice (2018). *National Association for the Practice of Anthropology*. Retrieved from https://www.practicinganthropology.org/practice/ethics/

References

Professional code of sociologists of the Russian Society of Sociologists. Retrieved from https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=73 (In Russian).

Kasatkina, A. (2016). On the way to open qualitative data. *Electronic Scientific and Educational Journal "History", 7*(51). Retrieved from http://history.jes.su/s207987840001678-4-1 (In Russian).

Chubukova, M. (2019). The problem of responsibility: Ethical complications in applied research in urban anthropology. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 134-153. (In Russian).

Guidelines for ethical practice (2018). *National Association for the Practice of Anthropology*. Retrieved from https://www.practicinganthropology.org/practice/ethics/

Petrov, N. (2019). Local urban text, folklore and public art in an oil single-industry city: Almetyevsk. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 74–105. (In Russian).

Кем быть? Практическая антропология как путь, а не пункт назначения

Рец. на: Nolan, R. (2017). *Using anthropology in the world: A guide to becoming an anthropologist practitioner. New York*: Routledge.

Анна Борисовна Паукова[1]

✉ anna.paukova@gmail.com

[1]Usethics, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Паукова, А. Б. (2019). Кем быть? Практическая антропология как путь, а не пункт назначения. Рец. на: Nolan, R. (2017). Using anthropology in the world: A guide to becoming an anthropologist practitioner. New York: Routledge. *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 431–437.
DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-431-437.

Who to be? Practical anthropology as a journey, not as a destination point

A review of: Nolan, R. (2017). *Using anthropology in the world: A guide to becoming an anthropologist practitioner. New York*: Routledge.

Anna B. Paukova[1]

✉ anna.paukova@gmail.com

[1]Usethics, Moscow, Russia?

To cite this article:
Paukova, A. (2019). Who to be? Practical anthropology as a journey, not as a destination point. A review of: Nolan, R. (2017). Using anthropology in the world: A guide to becoming an anthropologist practitioner. New York: Routledge. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 431–437.
DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-431-437. (In Russian).

Год назад я перешла из академии в область прикладных исследований, а именно — исследований пользовательского опыта (UX-исследований). Эта сфера — одна из популярных среди антропологов, которые хотят заниматься практикой, потому что непосредственным образом связана с практиками, образом жизни и деятельности людей, их взаимодействию с объектами и с самими объектами как

средоточием повседневности. Именно поэтому книга Риалла Нолана «Как применять антропологию в реальном мире: Руководство по превращению в антрополога-практика» (Using anthropology in the world: A guide to becoming an anthropologist practitioner) вызвала мой живейший интерес. По образованию я не антрополог, а психолог, однако всегда ассоциировала себя в большей степени с антропологическим мировоззрением и до недавних пор размышляла о том, как сменить специализацию и заниматься антропологическими исследованиями.

В область пользовательских исследований я попала (почти) абсолютно случайно. Приняв окончательное решение уйти из исследовательского института, в котором я проработала преподавателем и исследователем 10 лет, я слабо понимала, куда же именно мне идти и куда меня могут взять. Не было понимания, какие из моих навыков могут пригодиться на рынке, как составлять резюме, что имеет смысл подчеркивать, а что лучше не афишировать. Да и в целом: вот я открываю сайт hh.ru — какие ключевые слова для поиска вбивать? «Качественные исследования»? «Антропология»? Не так-то просто из описания вакансии узнать, подходит ли мне она. Сложилось так, что подходящую вакансию я нашла, решив поискать работу рядом с домом — есть такая полезная функция на ряде сайтов для поиска работы. В десяти минутах ходьбы от моего текущего адреса искали человека с опытом, похожим на тот, что у меня был. Так и поняла, что стоит поподробнее поискать в этом направлении. Спасибо интерфейсу и его создателям за мгновение удачи и инсайт (serendipity). Очень может быть, что иначе я бы не оказалась там, где есть сейчас.

…А что если бы тогда мне попалась под руку книга Риалла Нолана? Фактически я читала ее с точки зрения недавнего потенциального пользователя — человека, который хочет познакомиться с карьерными возможностями в области прикладной антропологии. Есть ли там реальные, работающие советы, которые помогли бы человеку, который в принципе плохо представляет себе «прикладную» реальность, в ней сориентироваться и выстроить дальнейшую стратегию?

Немного об авторе: Риалл Нолан (Riall Nolan) — профессор университета Purdue, США, в течение своей карьеры занимался вопросами международного развития, а также имеет опыт административной работы в ряде крупных университетов. То есть — человек, который побывал «по обе стороны баррикад». Прикладная значимость антропологии является одним из его доминирующих интересов, всего по этой теме он выпустил три книги: собственноручно написал *Anthropology in practice (2003),* которая во многом легла в основу опубликованной не так давно *Using anthropology in the world: A guide to becoming an anthropologist practitioner* (2017), а также выступил редактором коллективной монографии *A handbook of practicing anthropology (2013).*

Оглавление самой свежей книги, которой посвящен данный обзор — *Using anthropology in the world: A guide to becoming an anthropologist practitioner* (2017) — выглядит многообещающе: автор намеревается как рассказать о том, что такое антропологическая практика в целом (части 1 — *Дисциплина* и 2 — *Антропологическая практика*), так и дать читателю полезные

советы о построении карьеры — от студенчества и далее (части 3 — *Подготовка*, 4 — *Поиск работы* и 5 — *Построение карьеры*). Стоит заранее сказать, что в целом автор абсолютно оправдывает ожидания и действительно намечает своеобразную «дорожную карту» для того, кто видит себя в роли антрополога-практика, решающего реальные задачи в самых разных областях, и хочет составить план действий. Однако есть ряд нюансов, которые, на мой взгляд, довольно существенно ограничивают целевую аудитории книги.

Кто такие антропологи-практики? Части: 1 — Дисциплина и 2 — Антропологическая практика

Для того чтобы понять, что такое антропология на практике, нужно сперва определить и зафиксировать, что такое антропология сама по себе. Нолан дает краткое введение в дисциплину: антропология — это наука, сосредоточенная на понимании, интерпретации повседневности, линза, через которую можно смотреть на мир. Эта линза позволяет собирать особого рода данные, которые отличаются от того, что в последнее время, в связи с ростом популярности больших данных, принято называть данными (то есть от цифр). Антропологическое знание другое — оно завязано на контекст: это то, что не может быть посчитано и формализовано. Этнография — основной антропологический метод — позволяет собрать, зафиксировать и проинтерпретировать данные, представив целостную картину того или иного слоя реальности. С учетом того, что мир быстро меняется, антропология, позволяя лучше понять те или иные феномены, может способствовать изменениям. Автор, цитируя работу *Engaged anthropology: diversity and dilemmas: An introduction to Supplement* [Low, Merry 2010], говорит о формах включенности (engagement) антрополога — от свидетельствования реальности к ее критике и, наконец, к активному участию в изменениях (с. 21). Признавая, что в антропологическом методе много того, что не стыкуется с реальностью организаций, участвующих в создании изменений — государственных структур, бизнесов, НКО — например, большая доля неопределенности, существенное количество времени, которое требуется для того, чтобы «показать результат», Нолан считает, что если освоить язык, нормы и правила таких организаций, то перспектива антропологов может быть полезна, чтобы претворить желаемые изменения в жизнь.

Вторую часть книги автор начинает с того, что проводит различение между академической, прикладной и практической антропологией. Да-да, прикладная и практическая антропология для него — разные вещи: прикладные антропологи работают в университетах и разрабатывают методологию применения антропологических знаний на практике, в то время как практические антропологи чаще всего не аффилированы с образовательными организациями и занимаются решением исключительно практических задач. Мне лично факт подобного «жесткого» разделения кажется спорным — можно ли выделить «чистые типы»? Сам автор в дальнейшем его не придерживается, допускает

возможность перехода из одной категории в другую на разных этапах карьерного пути и сопоставляет карьерные траектории университетских (*discipline*) и не-университетских (*profession*) антропологов — то есть на практике использует не троичное, а бинарное разделение. Ценно, что автор проводит это сопоставление не просто на уровне того, кем и где работают теоретики и практики, но и рассуждает, как это влияет на их образ жизни в целом (например, на возможность перемещаться по миру или планировать семью). Интересно, что академический образ жизни он описывает как более оседлый, стабильный и структурированный посредством стандартных этапов академической карьеры (защита докторской диссертации, tenure track и т. д.), а образ жизни практика — как подверженный вариациям и изменениям.

Однако, переходя к более детальному описанию направлений антропологической практики, автор, к сожалению, ограничивается довольно общим описанием. Единственной возможностью сориентироваться в этом разнообразном поле для новичка остается диаграмма «Составляющие работы практика» (Components of a practitioner's job) на с. 49, которую автор адаптировал для данной книги из обращения Американской Антропологической Ассоциации 1982 года «Как найти работу не в университете» (Getting a Job outside the Academy, AAA, 1982) и монографии «Карьеры в антропологии» (Careers in Anthropology, Omohundro, 1998). Из схемы следует, что «карта» практики трехмерна: *основание* — это базовая аффилиация (например, некоммерческая организация, государство, малый бизнес), *сектор* — общее направление деятельности (маркетинг, производство, PR и пр.) и *функция* — спектр конкретных задач, которые непосредственно решает антрополог-практик на своем рабочем месте: дизайн, менеджмент, сбор данных, оценка и пр.

Казалось бы, здесь можно было бы ожидать более детальные описания различных областей, требований, которые в них предъявляются, типичных задач и необходимых компетенций... Однако автор, похоже, сознательно отказывается от такой дифференциации и в дальнейшем предлагает рекомендации по тому, как начать карьеру без привязки к конкретным областям. С одной стороны, это можно оценить как нежелание автора каким-либо образом ограничивать видение возможных перспектив для потенциальных соискателей. С другой стороны, здесь начинает проступать ведущая тема оставшейся части книги — и она скорее озадачивает.

Автор несколько раз ссылается на исследование CoPAPIA (Committee on Practicing, Applied and Public Interest Anthropology) 2010 года «Меняющееся лицо антропологии» (*The Changing Face of Anthropology*): в результате опроса более 700 практиков, у которых есть магистерская степень по антропологии, выяснилось, что лишь 42% ассоциирует себя с антропологической дисциплиной. Кроме того, он отмечает, что те позиции, на которые могут претендовать антропологи, чаще всего не имеют слова «антрополог» в названии. Таким образом, соискатели с антропологическим бэкграундом конкурируют с представителями других профессий, что накладывает дополнительные требования к подготовке первых.

По сути здесь ставится вопрос о профессиональной идентичности антрополога-практика. Можно ли говорить о практической антропологии как чем-то единообразном, как о *профессии*, или же в практику антрополог приносит лишь отдельные навыки/методы, которые, однако, как опять же отмечается, представители других профессий точно так же могут применять и практиковать (преимущественно речь идет об этнографии). Это противоречие можно заострить так: является ли практическая антропология системной *профессией* или же *методом*? Похоже, у самого автора пока нет на это ответа, потому что его риторика часто строится в духе легитимации антропологического бэкграунда (почему практику может быть важно иметь именно антропологическое образование, а не какое-либо иное), однако остается при этом довольно абстрактной. Хотя вряд ли это можно вменить автору в вину — ощущение кризиса идентичности ощущается в целом ряде организаций, чьей спецификой является прикладная антропология. Например, EASA (European Association of Social Anthropologists) проводит регулярную конференцию под названием «Почему мир нуждается в антропологах» (Why the World Needs Anthropologists») (заметим, никто не проводит конференций в духе «Почему мир нуждается в веб-разработчиках/аналитиках больших данных/ядерных физиках и пр.»), а Грант МакКракен, один из самых известных практиков в области бизнес-антропологии, пишет, что клиентам он интересен совсем не потому, что он антрополог: «Моя модель бизнес-антропологии разделила мою жизнь на две части: с одной стороны, консалтинг, с другой — мои собственные антропологические изыскания. В течение многих лет клиентам было неинтересно, что я делаю как антрополог, даже когда я осмеливался предположить, что им было бы весьма полезно об этом знать» (хотя и отмечает, что сейчас ситуация понемногу меняется) [McCracken 2019].

Построение карьеры как этнографическое исследование. Части: 3 — Подготовка, 4 — Поиск работы, 5 — Построение карьеры

Хотя и не предлагая читателю сколь-нибудь исчерпывающего описания различных форм антропологической практики, во второй половине книги автор представляет руководство для тех, кто хочет выстроить карьерный план и понять, чем заниматься: начиная с того, как сделать университетскую учебу максимально эффективной для будущей профессии, и заканчивая тем, как начать выстраивать личный бренд на рабочем месте (хотя автор ограничивается только первым годом работы). Однако, так как автор не предлагает какого-то конкретного списка возможных профессий, жанр этого руководства довольно своеобразный. Можно сказать, что это скорее руководство по тому, как *провести полевое исследование возможностей карьерного развития и трудоустройства* — причем не обязательно именно в области антропологии. Алгоритмы, описываемые автором, могут подойти, пожалуй, для любой профессии. Как определиться, какая именно профессия позволит реализовать себя и

приносить удовольствие? Включаться в разнообразные инициативы в университете, находить возможности практики в интересующих областях, как можно больше разговаривать с преподавателями и реальными представителями индустрий, ответственно подойти к теме выпускной работы... Звучит знакомо?

Автор пишет в первую очередь для студентов, у которых пока нет навыков ни в какой сфере, и, соответственно, снабжает их общими рекомендациями, которые не связаны непосредственно с антропологической спецификой — или связаны лишь отдаленно. Надо отметить, что некоторые из рекомендаций могут оказаться весьма полезными для людей, которые находятся на профессиональном перепутье (опять же, вне зависимости от того, чем они занимались и планируют заниматься в будущем). Например, стратегии самоопределения, которые предлагает автор, напоминают те, которые были описаны Эрминией Ибаррой в известной книге «Обретая Я. Неординарные стратегии, изменяющие карьеру» [Ибарра 2005] — быстрое «тестирование» методом проб и ошибок и постоянное исследование имеющихся возможностей. Но подробное описание того, как лучше вести себя на собеседовании или составлять резюме, вряд ли заинтересует людей, у которых есть какой-то опыт работы.

Хотя жанр «карьерное развитие как этнографическое исследование» представляется любопытным, автор, судя по его биографии, провел в этом «поле» изрядное количество времени, и поэтому его нежелание поделиться какими-либо содержательными находками, обобщениями, увы, вызывает некоторое разочарование.

Самым конкретным содержанием в книге обладают биографические виньетки — реальные примеры карьерных шагов, принятых решений, личных практик от практиков из самых разных областей. Они позволяют «приземлить» то, что автор описывает скорее с высоты птичьего полета, добавляя конкретики и «мяса», и наглядно иллюстрируют нетривиальные ходы, которые реализовывали люди, нашедшие себя в той или иной области. Истории даны от первого лица, будто заметки из дневника или выдержки из интервью — в сущности, автоэтнографические свидетельства. Примечательна, например, история перехода из области клинических исследований в архитектурное бюро Анджелы Рамер (Angela Ramer) (с. 153–154), в которой антрополог фактически создает под себя новую, не существовавшую в организации ранее, позицию. Рамер отмечает, что, когда она начала искать работу, то не знала с чего начать — в описаниях вакансий слово «антрополог» практически не встречалось. Обладая интересом к сфере архитектуры, она начала разговаривать с практиками, рассылать электронные письма, чтобы получить непосредственную информацию о том, какие навыки востребованы, для решения каких задач в этой сфере может быть нужен антрополог. Через некоторое время ей заинтересовалось одно архитектурное бюро и пригласило на стажировку. В результате этой стажировки у автора заметки появилось более четкое понимание темы для магистерской диссертации и последующих карьерных перспектив. То, что

в сфере архитектуры антропология не является квалификацией, которую активно ищут работодатели, явилось скорее возможностью — ведь это значило, что и конкуренция будет довольно низкой, и существует больше пространства свободы для самостоятельного определения круга своих обязанностей.

Тем не менее, некоторые свидетельства также не сообщают что-либо новое, фиксируя, например, очевидный факт того, что нетворкинг критически важен. Но однозначно любопытно ознакомиться с приведенным в конце книги списком и краткими биографическими справками всех упомянутых в книге практиков. По сути, именно этот раздел позволяет наилучшим образом сформировать экспресс-впечатление о возможных направлениях деятельности антрополога и карьерных поворотах: антропологии дизайна, организационной антропологии, маркетинговых исследованиях, охране природы, работе с сообществами, международном развитии и глобальных исследованиях.

Вывод

Книга, несомненно, будет полезна всем, кто хочет лучше представить себе реалии антропологической практики и наметить конкретные шаги по построению карьеры в этом направлении. Однако тем, кто надеется найти готовые рецепты и исчерпывающие описания различных видов деятельности антропологов-практиков, придется обратиться к другим работам. Также, книга будет более полезна студентам, нежели профессионалам. В любом случае, читается книга легко и с удовольствием, а тон автора — спокойный и дружеский — создает нужный настрой и дает вдохновение для размышлений о том, как найти и пройти свой собственный интересный профессиональный путь.

Литература

Ибарра, Э. (2005). *Обретая Я. Неординарные стратегии, изменяющие карьеру*. Стокгольм: Стокгольмская школа экономики, 2005.

Low, S., Merry, S. (2010). Engaged anthropology: Diversity and dilemmas: An introduction to Supplement. *Current Anthropology*, *51*(S2), S203–S226.

McCracken, G. (2019). Business Anthropology: Some thoughts. Retrieved from https://cultureby.com/2019/06/business-anthropology-some-thoughts.html

References

Ibarra, E. (2005). *Working identity: Unconventional strategies for reinventing your career*. Stockholm: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki. (In Russian).

Low, S., Merry, S. (2010). Engaged anthropology: Diversity and dilemmas: An introduction to Supplement. *Current Anthropology*, *51*(S2), S203–S226.

McCracken, G. (2019). Business anthropology: Some thoughts. Retrieved from https://cultureby.com/2019/06/business-anthropology-some-thoughts.html

Об антропологах и людях

Рец. на: Bringa, T., Bendixsen, S. (Eds.). (2016). *Engaged anthropology: Views from Scandinavia*. London: Palgrave Macmillan.

Влахов Андриан[1]

✉ avlakhov@gmail.com

[1]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Влахов, А. (2019). Об антропологах и людях (Рец. на: Bringa, T., Bendixsen, S. (Eds.). (2016). *Engaged anthropology: Views from Scandinavia*. London: Palgrave Macmillan). *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 438–449. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-438-449.

Of anthropologists and people

A review of: Bringa, T., Bendixsen, S. (Eds.). (2016). *Engaged anthropology: Views from Scandinavia*. London: Palgrave Macmillan.

Andrian Vlakhov[1]

✉ avlakhov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1638-5737

[1]National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

To cite this article:
Vlakhov, A. (2019). Of anthropologists and people. A review of: Bringa, T., Bendixsen, S. (Eds.). (2016). *Engaged anthropology: Views from Scandinavia*. London: Palgrave Macmillan. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 438–449. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-438-449. (In Russian).

Время от времени в академических публикациях можно встретить риторический ход, который многие коллеги уже считают неспортивным, — указание на то, что определенную идею или понятие чрезвычайно трудно перевести с одного языка на другой без потери оттенков смысла; обычно такую непереводимость отождествляют с новизной или даже революционностью идеи, которая потом провозглашается краеугольным камнем новой теории. Как можно догадаться, далеко не всегда дело обстоит действительно так — часто проблема непереводимости решается несколькими дополнительными уроками иностранного или родного языка; однако во многих случаях проблема перевода (особенно в случае таких ключевых понятий современных социальных наук, как *identity*, *agency* и др.) становится действительно важной.

Сборник *Engaged Anthropology* ставит читателя в подобную ситуацию с самого начала — само центральное понятие книги, выраженное в ней английским словом *engaged*, требует вдумчивого анализа. Редакторы сборника посвящают разъяснению своего понимания этого термина бóльшую часть введения (с. 1–8), где перечисляют несколько выражений, так или иначе связанных с выходом антропологической науки за рамки академии. В их числе в первую очередь термин *public anthropology* — под ним понимают непосредственное участие антропологов в обсуждении социальных процессов, вызывающих разногласия в обществе, и принятии решений по этим вопросам [Borofsky 2000], а в более радикальных версиях [Cox 2009: 53, Beck 2009: 3] — еще и непосредственное вовлечение представителей изучаемых сообществ в исследовательскую деятельность и совместное производство знания (co-production of knowledge). В этих концепциях антропологи в силу самой специфики науки становятся публичными фигурами и проводниками социальной справедливости, а антропология — движущей силой социальных изменений.

Другие авторы [Besteman 2010], впрочем, проводят грань между *public* и *engaged anthropology*, подчеркивая, что наука далеко не обязательно должна приобретать черты активизма и что вполне возможна полноценная прикладная работа с сообществами (и в них), нацеленная на улучшение их жизни и повышение социальной справедливости, однако не ставящая своей основной целью публичные выступления и участие в общественно-политических событиях. Наконец, существует также понятие *applied anthropology*, традиционно трактуемое как сотрудничество антропологов с государственными органами и коммерческими компаниями для разработки разнообразных концепций развития и трансформации общественного порядка (к примеру, внедрение стратегий устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности). Эта область традиционно лучше всего развита в США, однако играет большую роль и в Северной Европе в результате активной прикладной деятельности самого, пожалуй, известного скандинавского антрополога — Фредрика Барта, долго и плодотворно сотрудничавшего с норвежскими органами власти в области разработки социальной политики [Nilsen 2003].

Редакторы рецензируемого сборника, осознавая и признавая сложившуюся терминологическую сложность, делают, пожалуй, единственно правильный шаг — а именно сразу же указывают (с. 6–7), что их понимание *engaged anthropology* включает в себя все перечисленные аспекты и что речь в сборнике пойдет как о публичной роли антрополога в обсуждении общественных проблем (вплоть до судебных процессов), так и о включенной работе в сообществе и о прикладных корпоративных проектах. Поэтому они указывают (с. 8), что как в обществе, так и среди исследователей [Beck, Maida 2015, Eriksen 2006], существует и в последние годы возрастает запрос на вовлечение антропологов — как специалистов по устройству общества и культуры — в жизнь самого этого общества, и тем самым обосновывают актуальность и новизну рецензируемого сборника. Грань между описанными аспектами — по крайней мере, в

скандинавских обществах — действительно чрезвычайно размыта, и довольно часто антрополог, выходя за порог академического заведения, оказывается вовлечен и в активизм, и в разработку политических стратегий (policymaking), и в жизнь больших корпораций, а также в просветительскую работу и распространение научного знания. Само понятие *engaged anthropology* в рамках этого издания, таким образом, можно перевести как «вовлеченная антропология» — с обязательным упоминанием того, что пределы и направление такого вовлечения могут быть сколь угодно широки и разнообразны.

Конечно же, для появления и развития вовлеченной антропологии требуются определенные условия, о чем идет речь на с. 8–10. В числе таких условий редакторы выделяют три основных — масштаб, социальный порядок в обществе и финансирование исследований. В контексте Северной Европы, по мнению редакторов, выполняются все три условия: население всех скандинавских стран сравнительно невелико (а значит, усилия исследователей могут довольно быстро достигнуть цели), в них существует значительный общественный запрос на социальную справедливость и всеобщее равенство, а организация политической и экономической жизни такова, что исследовательская деятельность является одной из приоритетных отраслей и потому щедро поддерживается государством и бизнесом. Все это вкупе с проницаемостью границы между наукой и обществом создало в Скандинавии, по мнению составителей, благодатную почву для развития вовлеченной антропологии.

Здесь мне как человеку, относительно близко знакомому с устройством скандинавского общества, хотелось бы развить мысль редакторов сборника и выделить еще несколько причин того, почему именно в скандинавских странах вовлеченная антропология в принципе оказывается возможной и даже преуспевает. Во-первых, важную роль играет общий уровень доверия общества (и академических кругов в том числе) к власти. Так, в более привычном нам российском контексте многие ученые, в особенности представители гуманитарных и социальных наук, считают любое сотрудничество с органами власти недопустимым и пятнающим честь исследователя — отчасти это связано с историей развития отечественной науки, а отчасти со спецификой процессов принятия решений в области государственного управления (где эксперты-ученые привлекаются для консультаций, как правило, только в рамках разнообразных общественных и экспертных советов, где их роль в целом сведена к декоративной). Представление о принципиальной беспристрастности ученого распространяется и на негосударственную сферу — стигматизироваться может также и сотрудничество с бизнесом: автору этих строк, к примеру, доводилось отвечать коллегам на вопрос, каково это — продаться добывающей корпорации, финансировавшей проведение исследования. Представление о том, что деятельность ученого может, во-первых, быть принята властью и иными крупными акторами всерьез, во-вторых, повлиять на их конкретные решения, должно быть широко распространено в обществе, как это и происходит в Скандинавии; в таком случае шанс на успех получает и деятельность антропологов.

Помимо этого, важную роль играют распространенные в скандинавской культуре «государства всеобщего благоденствия» ценности коллективизма (в популярной культуре часто выражаемые в форме т. н. «закона Янте» — Janteloven, о чем см., например, [Avant, Knutsen 1993: 450–451]). Традиции коллективного обсуждения общественных проблем и процессов в странах Северной Европы развиты крайне сильно, и исследовательская деятельность здесь не является исключением: практически всегда обязательными элементами любого проекта в области социальных наук, предполагающего полевое исследование, являются публичные слушания, презентации результатов, максимальное вовлечение сообщества и т. д. Публичная роль ученого в этом контексте предопределяется локальной традицией: чтобы достичь решения проблемы, требуется в первую очередь ее коллективно обсудить, и только участник подобного обсуждения (в том числе исследователь) получает в глазах сообщества право на легитимные суждения о ситуации и путях ее развития. Такая характерная особенность скандинавского социокультурного ландшафта, конечно же, не является универсальной, поэтому успешное развитие вовлеченной антропологии, вовлечение сообщества для которой является ключевым фактором, в культурах иного типа требует значительно бóльших усилий (и зачастую разбивается о суровую реальность).

Наконец, нельзя не отметить роль и специфику активизма в скандинавских обществах (и, видимо, в западноевропейских обществах в целом). Как легко догадаться, социальный активизм в этих контекстах является не общественно порицаемой деятельностью, ассоциируемой с молодежью и маргинальными группами (что характерно для многих обществ другого типа, где активизм может быть наказуем), а вполне обычным и положительно воспринимаемым явлением, опыт которого есть у большинства жителей этого региона. Вследствие этого граница между наукой и активизмом становится крайне проницаемой, и один и тот же человек вполне может совмещать обе эти роли, актуализируя различные идентичности в зависимости от ситуации. Это приводит нас к старой дискуссии о субъективности/объективности антропологического описания и о праве ученого на субъективное мнение в принципе; в культурах, где доминирует представление о том, что ученый должен быть объективен, занятие исследователей активистской деятельностью (а иногда даже и просветительской) может осуждаться как внутри академического сообщества, так и в обществе в целом.

Подводя итог столь пространному отступлению, я должен отметить, что подобный кросскультурный анализ (не претендующий, естественно, на полноту) очень пригодился бы в рецензируемом сборнике. В самом деле, довольно странно видеть описание локального скандинавского контекста без попытки сравнить его с другими культурами и описать, чем отличается функционирование вовлеченной антропологии в Скандинавии от ее функционирования в других контекстах. Точнее, такая попытка предпринимается (с. 10, 13), однако скандинавский ландшафт сравнивается с американским, типологически мало чем от

него отличающимся; в таком случае остается не вполне ясным, в чем специфика именно скандинавской вовлеченной антропологии по сравнению с ее аналогами в других развитых западных странах (если таковая вообще имеется). Кажется, подобный просчет могли допустить представители любой другой науки, но только не антропологии, задача которой и состоит в анализе культурной специфики и разнообразия; этот недостаток снижает впечатление от сборника в целом.

Однако вернемся к содержанию рецензируемого издания. Как можно догадаться, статьи, входящие в него, практически не связаны общими темой и материалом (сборник не является результатом какого-либо исследовательского проекта, а издан по итогам секции на конференции Американской антропологической ассоциации); скорее это набор *case study* по различным направлениям вовлеченной антропологии, объединенных лишь тем, что события каждого из этих случаев происходили в одной из трех скандинавских стран — Дании, Швеции и Норвегии. Нельзя не отметить, что такой территориальный выбор все же не является бесспорным — культурное пространство Северной Европы/Скандинавии более широко, нежели эти три государства (см. об этом, например, в моей статье [Влахов 2014: 155–156]), и дополнительный материал для сравнительного анализа из, скажем, Финляндии или Исландии мог бы оказаться полезен сборнику — к примеру, в контексте изучения коренных и локальных сообществ и их прав. В целом, как и в любом сборнике подобного рода, не приходится говорить о каком-то общем исследовательском вопросе всего издания, так как его существование и не предполагалось изначально; вместо этого поговорим подробнее о конкретных статьях, составляющих этот сборник.

Открывает его основную часть статья (гл. 2) одного из редакторов сборника, Туне Бринги (Tone Bringa), посвященная работе антрополога в условиях военного конфликта, а также в зале судебных заседаний; она основана на полевой работе и личном опыте автора, на протяжении нескольких десятков лет работавшей с боснийцами (как в самой Боснии, так и в эмигрантских сообществах). Бринга делится опытом того, как ее деятельность помогла в защите прав членов этого сообщества сначала в зоне и во время военных действий, а затем в американском суде; на этих примерах она подчеркивает важнейшую, по ее мнению, роль антрополога в подобных контекстах — демонстрировать неспециалистам разнообразие культурных практик и защищать право каждой группы на ее собственную культуру, а также бороться со стереотипами и заранее сформированными мнениями. Антрополог, по мнению Бринги, должен обязательно уметь передать свое экспертное знание о других культурах не-экспертам (с. 24–25), и следующие поколения антропологов обязаны развивать этот навык в себе с самого начала карьеры. Автор подчеркивает, что антропологи обладают тремя важными конкурентными преимуществами: они по определению эксперты в вопросах культурного разнообразия, в вопросах сравнения культур (и вообще любых явлений) между собой, а их знание проистекает из непосредственного наблюдения событий и зачастую участия в них. Свое высказывание

(следует признать, довольно сильное) Бринга завершает мыслью о том, что роль и смысл существования вовлеченного антрополога во многом заключается в том, чтобы призывать любые стороны в любой ситуации к гуманизму и уважению прав любого сообщества на свою культуру.

Во многом совпадает в настроении с этим высказыванием и автор следующей главы, Шахрам Хосрави (Shahram Khosravi, гл. 3). Его текст построен в первую очередь на анализе собственного гражданского и исследовательского опыта (автор — иммигрант из Ирана, много лет живущий в Швеции и не понаслышке знающий, что значит быть представителем этнического меньшинства). Основная идея, предлагаемая Хосрави, состоит в том, что распространение антропологического знания должно перейти в иные дискурсивные среды, нежели сейчас. Автор фокусируется на двух таких средах; первая из них — «уличная академия» (*street academia*), а именно донесение антропологического знания до тех, кто нуждается в нем больше всего (беженцы, мигранты, просители убежища и др.), в местах их обитания — другими словами, антропология должна сама прийти к тем, кого изучает и кому в первую очередь требуются ее прикладные результаты, и обеспечить устойчивую смычку между исследователями и исследуемыми (а также, среди прочего, со средствами массовой информации, деятельность которых Хосрави во многом критикует). Вторая среда, о которой он говорит, — автоэтнография (*auto-ethnography*), понимаемая не только конвенционально — как метод исследования, но также как литературный жанр, в котором переплетаются мысли, ощущения и мотивации исследователя и исследуемых. Собственный (во многом травматичный) опыт становится для Хосрави основой для жесткой критики неолиберального порядка, определяющего лицо современной академической антропологии; по его мнению, во все более характерных для скандинавских обществ неолиберальных рамках наука теряет способность критиковать общественный порядок, и именно поэтому антропологи обязаны как можно больше заниматься вовлеченной наукой, чтобы противостоять изменениям. Довольно жесткая и прямолинейная форма, в которую автор облекает свое мнение, заслуживает уважения, хотя нельзя не отметить, что во многих хорошо знакомых нам культурах процесс неолиберальной трансформации, видимо, достиг своей финальной фазы, в то время как в шведском контексте простор для вовлеченной работы антрополога по-прежнему широк, что на полях отмечает и сам автор.

Три следующие главы (4–6) обнаруживают тематическую связь — во всех них идет речь об отношениях антропологов с журналистами и экспертной роли ученого в обществе и в медиа. В этот момент большинство людей, идентифицирующих себя как антропологов, скорее всего, тяжело вздохнет — практически каждый исследователь имеет негативный опыт взаимодействия с журналистами. С моей точки зрения, это легко объяснить тем, что журналисты и антропологи занимаются одним и тем же делом (и даже одними и теми же методами — достаточно вспомнить наши общие рабочие инструменты: диктофон, блокнот и фотокамеру),

однако с диаметрально противоположными целями. Журналистов жизнь людей интересует, как правило, до момента, пока обнаруженные факты остаются свежими и непривычными (а следовательно — интересными широкой публике), работа антрополога же нацелена на максимально глубокое погружение в эти факты и их доскональный анализ. Взаимная подозрительность (и нежелание быть спутанными друг с другом) между двумя профессиями стала основанием для трех личных историй, рассказанных в этих трех главах. Гарби Шмидт (Garbi Schmidt, гл. 4) имела травмирующий опыт взаимодействия со СМИ, исказившим результаты ее исследования, и по следам этого происшествия переосмыслила свое отношение к распространению результатов исследования, перестав взаимодействовать с медиа. Шмидт подчеркивает: несмотря на то, что эта проблема характерна для любой науки, антропологи, пожалуй, наименее защищены от подобного отношения, так как их исследования зачастую касаются сенситивных и политизированных тем — что и случилось с самой Шмидт, исследовавшей мигрантские сообщества и политику мультикультурализма в Дании. Она подчеркивает, что подобное отношение к антропологическим исследованиям зачастую определяется политическим контекстом: в обществе возникает скептицизм по отношению к методам исследования и способности антропологов рассматривать культурные феномены объективно. Общий вывод Шмидт, впрочем, не содержит столь же сильного политического высказывания, как две предыдущие главы: она призывает к созданию профессиональных форумов для обсуждения этих проблем и даже в какой-то степени предлагает ученым вернуться в башню из слоновой кости; впрочем, видимо, острота пережитых событий дает автору право на такую позицию.

В следующей главе Микаэль Куркиала (Mikael Kurkiala), представляющий исследовательское подразделение Церкви Швеции, на личном опыте иллюстрирует всю сложность и неоднозначность позиции исследователя, вовлеченного в публичный дискурс о вопросах культуры. Куркиала рассказывает о своем участии в громкой публичной истории об «убийстве чести», произошедшем в 2002 году в Швеции, когда Фадиме Шахиндал, молодая мигрантка курдского происхождения, была убита собственным отцом за отказ выйти замуж по расчету. Куркиала был единственным антропологом в Швеции, публично высказывавшимся по этому поводу, и в итоге был обвинен в прессе в культурном расизме. Он указывает, что практически любое высказывание специалиста на столь сенситивные темы, как миграция, политика мультикультурализма, интеграция меньшинств и проч., гарантированно порождает конфликты и скандалы, что делает такие высказывания, несмотря на их необходимость, чрезвычайно сложными. Даже само обсуждение культурных и религиозных меньшинств, по его мнению, конструирует и подчеркивает их инаковость — и с этим мнением трудно не согласиться (об этом также идет речь в [Eriksen 2006: 72–76]). Куркиала предупреждает всех коллег, занимающихся подобными вопросами, о непредсказуемости хода публичного обсуждения, о том, что оно часто превращается в публичное осуждение, а также о краткосрочности

общественного внимания к спорным вопросам — и об опасности оказаться один на один с разгневанным сообществом после того, как публика насытится историей и забудет о ней.

Один из наиболее известных ныне живущих скандинавских антропологов, Томас Хюллан Эриксен (Thomas Hylland Eriksen), в своем тексте (гл. 6) во многом вторит мыслям Гарби Шмидт и делает попытку обобщить представление о роли антрополога в скандинавском обществе. По его мнению, работа вовлеченных антропологов в Норвегии (как уже было сказано, традиции такого вовлечения в этой стране богаты и обширны) со временем становится все сложнее; анализируя опыт своих предшественников, Эриксен приходит к выводу, что из-за усиливающейся враждебности общества к мигрантам теперь в Норвегии многие воспринимают антропологов как наивных глупцов-релятивистов, а после терактов Андерса Брейвика (2011 год) — даже как предателей общественных ценностей. Эриксен отмечает, что после неоднократных столкновений с общественным мнением ушел из публичного поля, и агитирует коллег заниматься скорее «наукой ради науки», нежели публичной деятельностью. Впрочем, не так давно автору этих строк довелось слышать выступление Эриксена на одной междисциплинарной конференции, где тот самоотверженно доказывал геофизикам, океанографам и прочим «настоящим ученым» важность социальных наук для полноценного понимания одного из регионов Земли, и никакой разочарованности в публичной деятельности заподозрить в его докладе было нельзя; по-видимому, потребность взаимодействовать с широкой публикой является одной из базовых потребностей для практически любого антрополога, а зачастую также воспринимается коллегами как моральная обязанность (с. 116–117).

Последние три главы сборника посвящены прикладным исследованиям в интересах органов власти, бизнеса и международных организаций. В то время как вовлечение антропологов в подобные проекты часто оказывается не столь заметным обществу, оно может оказывать не меньшее, а зачастую и большее влияние на социальные процессы и социальный порядок, чем публичные выступления. Авторы вновь подчеркивают, что традиции такого сотрудничества в Скандинавии имеют давнюю и богатую историю, и последовательно анализируют три разных аспекта, в которых мнение антропологов оказывалось в той или иной степени важным для тех, кто принимает решения. В седьмой главе Сири Ланге и Инге Тведтен (Siri Lange and Inge Tvedten) делятся опытом многолетней консультационной деятельности в вопросах помощи странам «третьего мира», где подходы европейских финансовых доноров в вопросах гендерного равенства и прав меньшинств зачастую идут вразрез с местными традициями и практиками. Авторы фокусируются на роли антропологов, которые должны обеспечить успех всего предприятия, и указывают на два возможных ограничения, требующие преодоления: несовпадение языков (то есть терминологических систем), на которых говорят различные стороны процесса, и необходимость совмещать этнографическую точность с формальными требованиями

финансирующих организаций. Они подчеркивают, что в такой ситуации для антрополога оказывается чрезвычайно важным навык перевода «с научного на деловой» язык (как, впрочем, и в большинстве других ситуаций).

В отличие от Ланге и Тведтена, описывающих адаптацию антрополога к заданной рамке, автор восьмой главы Эдвард Видинг (Edvard Hviding) анализирует прямо противоположную ситуацию — возможность антрополога напрямую влиять на формирование подобных рамок. Такая заманчивая перспектива открылась перед автором во время работы в одном из исследовательских консорциумов, когда ему представилась возможность донести до Еврокомиссии и Европарламента точку зрения антропологов на глобальное изменение климата. Видинг анализирует привилегированность (скандинавское происхождение и удаленность от глобальных конфликтов) собственной позиции, позволившей ему добиться успеха, и подчеркивает, что отдельным представителям антропологической науки в силу тех или иных внешних причин оказывается легче достичь успеха в переговорах с policy-makers. Очевидно, что в силу сказанного опыт Видинга не может быть признан универсальным (автор и сам признает это), однако реальная иллюстрация того, как антропологи могут оказать прямое воздействие на формирование стратегий по важным глобальным вопросам, следует считать важной иллюстрацией того, на что теоретически может быть способна вовлеченная антропология.

Наконец, последняя глава книги, написанная Гюннаром Сёрбё (Gunnar Sørbø), возвращает читателя к истокам современной скандинавской социальной антропологии — к прикладной деятельности Фредрика Барта и его последователей в Судане. Сёрбё анализирует вклад Барта и других коллег в миротворческую деятельность и переговорный процесс в регионе: активная деятельность антропологов началась еще в середине XX века и переросла в полноценное сотрудничество с местными учеными, а также норвежскими и локальными властями. Такое сотрудничество, основанное на непосредственном этнографическом наблюдении этнических конфликтов и региональных идентичностей, оказалось успешным и помогло предотвратить несколько новых столкновений; Сёрбё, однако, подчеркивает, что, помимо его очевидной социальной значимости, вовлечение антропологов в решение реальных проблем обеспечило важный теоретический прогресс в самой науке антропологии — ведь не нуждающаяся в представлении работа «Этнические группы и границы» стала прямым следствием прикладной работы Барта с суданским кейсом.

Попытки обобщить впечатление от сборников подобного рода, где каждая статья скорее является case study, а общая методологическая или хотя бы терминологическая рамка отсутствует, — неблагодарное занятие. Отдельные положения в конкретных главах, конечно же, могут быть оспорены с фактической или методической точек зрения, однако общее представление о скандинавском ландшафте вовлеченной антропологии этот сборник, несомненно, формирует. Предпринятую составителями

книги попытку объединить несколько направлений исследований под единым зонтичным термином engaged anthropology я скорее склонен признать удачной: все тексты сборника тем или иным образом связаны с проблемой роли антрополога в обществе и их взаимодействия, и хотя речь в разных статьях идет о явлениях разного масштаба (от личных историй до глобальных процессов), в целом сложность и многогранность такого взаимодействия эти тексты иллюстрируют практически со всех возможных сторон. Пожалуй, недостаточно данных в книге об одном аспекте вовлеченной антропологии — взаимодействии антропологов с бизнесом и корпорациями (проблема в последние годы приобретает в регионе особую остроту в контексте новых индустриальных проектов), и включение в сборник текста подобной проблематики обогатило бы его содержание. Однако, судя по всему, как минимум в скандинавском контексте, где гражданское общество представляет собой важнейшую общественную ценность, а государственное управление имеет ярко выраженную социальную направленность, вовлечение (engagement) действительно является неотъемлемой частью деятельности антрополога, а любая антропология становится вовлеченной по определению.

Собственно, основной вопрос, остающийся после прочтения сборника, — это уже обсуждавшаяся проблема применимости скандинавского опыта к другим контекстам. Выше я уже говорил о том, какова, по моему мнению, специфика скандинавских обществ и почему роль (и видимость) антрополога в этом контексте зачастую оказывается важнее и выше, чем в иных культурах; часть текстов этого сборника иллюстрируют историю зарождения и эволюцию текущей ситуации. Однако не вполне ясно, попросту говоря, «что это дает миру». С определенной степенью уверенности мы можем говорить, что скандинавские стратегии могут быть применены к другим западным обществам сходного типа, однако будут ли они работать в иных культурах? Возможна ли вообще вовлеченная антропология, к примеру, при авторитарных режимах или в других религиозных контекстах?

Конечно же, имеющиеся тексты вряд ли способны дать ответ на такой вопрос (хотя, вероятно, Сёрбё не согласится с этим утверждением), однако возможность трансляции опыта могла бы стать темой следующего издания, тематически перекликающегося с рецензируемым сборником, или хотя бы заключения к этой книге, которого в ней, следует признать, ощутимо не хватает. Кажется, как минимум некоторые паттерны, описанные в книге (например, реакция публики на сенситивные темы у Куркиалы и у Эриксена), претендуют на универсальность, а потому заслуживают обсуждения в применении к иным культурам. Я уже не говорю о разработанных скандинавскими антропологами стратегиях взаимодействия с обществом и властью, которые во многих государствах мира их коллегам могут только сниться, — в этом случае обсуждение накопленного опыта может помочь развитию дисциплины в новых локальных контекстах.

Остается открытым также вопрос о том, каковы специфические инструменты вовлеченной антропологии (если они в принципе

существуют). Всех антропологов учат базовым методам дисциплины — наблюдению, интервью и др.; однако как модифицируются эти методы и возможны ли какие-либо иные в том случае, если антропологическая деятельность позиционируется как вовлеченная? Частично ответ на этот вопрос дает Хосрави, предлагающий в целях вовлечения несколько методик собственного изобретения, однако их универсальная применимость остается под вопросом. Успешный опыт скандинавских коллег во взаимодействии с властью и с гражданским обществом заставляет требовать от авторов сформулировать собственные рекомендации в отношении того, что именно обеспечивает успех вовлеченного исследования, и подобные рекомендации могли бы стать важным продолжением этого сборника.

Напоследок позволю себе пару частных наблюдений. Во-первых, невозможно не отметить особенную прелесть антропологии как науки — это одна из немногих дисциплин, представители которой оказываются способны к качественной и подробной методологической рефлексии, каковую читатель имеет счастье наблюдать в рецензируемом сборнике; представить себе подобное издание, написанное, скажем, математиками, значительно сложнее. Нельзя исключать, впрочем, что именно скрытая тяга антропологов к самоанализу (автоэтнографии) и потребность в зачастую публичной психотерапии во многом и становится основой для занятий вовлеченной антропологией.

Во-вторых, в самом конце не могу не процитировать слова Томаса Эриксена из шестой главы этого сборника: «Возможно, антропология и не способна спасти мир, однако она увеличивает нашу способность быть человечным и потому слишком важна, чтобы принадлежать одним лишь антропологам» (с. 117). Трудно не согласиться с таким глубоким гуманистическим утверждением, особенно если называешь себя антропологом; однако опыт взаимодействия с коллегами по цеху подсказывает, что иногда мы берем на себя слишком большую ответственность за спасение человечества и слишком активно призываем к высоким целям и ценностям. Хочется надеяться, что в будущем сможет существовать в том числе и не столь вовлеченная антропология — хотя бы ради того, чтобы сами антропологи могли бы где-нибудь немного передохнуть от вовлеченности.

Литература

Влахов, А. В. (2014). Региональная идентичность в российской части Баренцева Евро-Арктического региона. В Е. Белокурова, М. Ноженко (Ред.). *Сделано в Европе: взгляд российских исследователей. Т. 2: Идентичности в Европе и России*, 151–190. СПб.: Норма.

Avant, G. R., Knutsen, K. P. (1993). Understanding cultural differences: Janteloven and social conformity in Norway. *ETC: A Review of General Semantics, 50*(4), 449–460.

Beck, S., Maida, C. A. (Eds.). (2015). *Public anthropology in a borderless world*. New York: Berghahn Books.

Beck, S. (2009). Introduction: Public anthropology. *Anthropology in Action, 16*(2), 1–13.

Besteman, C. (2010). In and out of the academy: Policy and the case for a strategic anthropology. *Human Organization, 69*(4), 407–417.

Borofsky, R. (2000). Public anthropology. Where To? What Next? *Anthropology News, 41*(5), 9–10.

Cox, A. (2009). The black light project and public scholarship: Young black women perform against and through the boundaries of anthropology. *Transforming Anthropology, 17*(1), 51–64.

Eriksen, T. H. (2006). *Engaging anthropology: The case for a public presence.* Oxford: Berg.

Nilsen, F. S. (2003). *Building anthropology: A historical sketch of the formative years of anthropology in the Nordic countries. Lecture at the Conference "Defining ourselves: Establishing anthropology in the Baltic States". Vilnius, 2–5 October 2003.* Retrieved from http://www.anthrobase.com/ Txt/N/Nielsen_F_S_06.htm

References

Vlakhov, A. (2014). Regional identity in the Russian part of the Barents Euro-Arctic region. In E. Belokurova, M. Nozhenko (Eds.). *Made in Europe: The view of Russian researchers. Vol. 2: Identities in Europe and Russia*, 151–190. St. Petersburg: Norma. (In Russian).

Avant, G. R., Knutsen, K. P. (1993). Understanding cultural differences: Janteloven and social conformity in Norway. *ETC: A Review of General Semantics, 50*(4), 449–460.

Beck, S., Maida, C. A. (Eds.). (2015). *Public anthropology in a borderless world.* New York: Berghahn Books.

Beck, S. (2009). Introduction: Public anthropology. *Anthropology in Action, 16*(2), 1–13.

Besteman, C. (2010). In and out of the academy: Policy and the case for a strategic anthropology. *Human Organization, 69*(4), 407–417.

Borofsky, R. (2000). Public anthropology. Where To? What Next? *Anthropology News, 41*(5), 9–10.

Cox, A. (2009). The black light project and public scholarship: Young black women perform against and through the boundaries of anthropology. *Transforming Anthropology, 17*(1), 51–64.

Eriksen, T. H. (2006). *Engaging anthropology: The case for a public presence.* Oxford: Berg.

Nilsen, F. S. (2003). *Building anthropology: A historical sketch of the formative years of anthropology in the Nordic countries. Lecture at the Conference "Defining ourselves: Establishing anthropology in the Baltic States". Vilnius, 2–5 October 2003.* Retrieved from http://www.anthrobase.com/ Txt/N/Nielsen_F_S_06.htm

Тотем для гендиректора

Рец. на: Крамер, И., Браун, Д. (2018). Корпоративное племя. Чему антрополог может научить топ-менеджера. М.: Альпина Паблишер.

АННА МАРКЕШ КАРВАЛЕЙРУ[1]

✉ drama0480@gmail.com

[1]Драматический театр имени И. А. Гончарова, Ульяновск, Россия

Для цитирования статьи:
Карвалейру, А. (2019). Тотем для гендиректора (Рец. на: Крамер, И., Браун, Д. (2018). Корпоративное племя. Чему антрополог может научить топ-менеджера. М.: Альпина Паблишер). *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 450–456. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-450-456.

A totem for the CEO

A review of: Braun, D., Kramer, J. (2018). Corporate tribe: Organization lessons from anthropology. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).

ANNA M. KARVALEIRU [1]

✉ drama0480@gmail.com

[1]Ivan Goncharov Drama Theater, Ulyanovsk, Russia

To cite this article:
Karvaleiru, A. (2019). A totem for the CEO. A review of: Braun, D., Kramer, J. (2018). Corporate tribe: Organization lessons from anthropology. Moscow: Alpina Publisher. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 450–456. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-450-456. (In Russian).

Научно-популярная книга нидерландских бизнес-антропологов Итске Крамер и Даниэль Браун «Корпоративное племя. Чему антрополог может научить топ-менеджера» представляет собой исследование не совсем обычной среды для ученого — мира корпораций, организаций, компаний. Живя в XXI веке, мы давно привыкли к таким понятиям, как офисный дресс-код или корпоративная культура. Однако обычно никто не задумывается над тем, как эта культура формируется, как она влияет на отношения между людьми в компании, какие существуют ритуалы и табу в этих корпоративных джунглях. Авторы книги считают, что именно антропологический подход может стать ключом к пониманию того, как выстраиваются взаимоотношения людей внутри корпорации. «Корпоративное племя» задумано как практическое пособие, которое одинаково может быть полезно как новичкам, которые пытаются разобраться в том, как устроена корпоративная культура, так

и руководителям компаний, которые хотят понять, как эту культуру развивать и совершенствовать.

Авторы книги позиционируют себя в качестве корпоративных антропологов и пишут о том, что начали консультировать компании еще в конце 1990-х годов. При этом каждая из исследовательниц имеет в прошлом опыт работы и в академической науке. Итске Крамер начинала свою научную карьеру с этнографического исследования в Ботсване, а позднее путешествовала по Уганде с театральными труппами в рамках социального проекта «Театр для развития». Затем она вернулась в Нидерланды и начала работать как корпоративный тренер и консультант. Она является основателем и генеральным директором компании Human Dimensions, которая занимается антропологическим консалтингом. Даниэль Браун тоже изначально проводила свои исследования в далеких странах — изучала одержимость духами в Африке и архаичные ритуалы в Азии. Однако затем она увлеклась прикладной антропологией и работала над диссертацией об организационной культуре и рисках управления в полиции Нидерландов. Став специалистом в области лидерства, преобразований и организационной культуры, Браун работала бизнес-консультантом и региональным директором центра приема беженцев в Нидерландах.

На протяжении десятилетий занимаясь исследованиями корпоративной среды и ее трансформаций, авторы книги пришли к выводу, что никакие бизнес-стратегии не помогут добиться желаемого результата, если их создатели не учитывают специфику человеческих отношений внутри компании — и ее внутреннюю корпоративную культуру. А это означает, что каждый руководитель должен хотя бы отчасти быть антропологом.

Пытаясь обучить бизнесменов азам антропологического исследования, Итске Крамер и Даниэль Браун активно обращаются к наследию классической социокультурной антропологии и вовсю используют ее «экзотичность». Так, например, трудовой коллектив коммерческой организации они предполагают рассматривать как «корпоративное племя»:

> В антропологии племенем называют группу людей с общим языком, обычаями и верованиями. Она состоит из разных семей и родственников и может также включать людей, не связанных родственными узами. В корпоративной антропологии нам нравится использовать тот же термин «племя». В конце концов, в организациях люди остаются людьми — социальными животными, которые собираются в группы со своими историями, символами, привычками и системами иерархии. Когда мы смотрим на «корпоративное племя» с точки зрения антропологии, то можем лучше понять организационную культуру и взаимоотношения внутри нее. Благодаря этому мы помогаем людям понять друг друга и используем наши знания, чтобы преодолеть самые насущные проблемы в бизнесе и в мире (с. 13–14).

Используя идею «корпоративного племени» в качестве общей рамки, авторы начинают активно использовать инструментарий антропологии для того, чтобы исследовать особенности коммуникации, ритуалы

и повседневные практики членов этого «племени». Особенно их интересуют традиционные механизмы, позволяющие безболезненно проходить разного рода кризисные ситуации. Так, например, анализируя те проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники компании, которая переживает процесс слияния, поглощения или реорганизации, Итске Крамер и Даниэль Браун предлагают рассматривать их в контексте обрядов перехода, и предлагают обратить внимание на то, какие механизмы используются для оформления перехода из одного социального статуса в другой в рамках традиционных ритуалов инициации у различных племен.

Авторы считают, что ориентированная на изучение архаичных традиций оптика классической антропологии позволяет по-новому посмотреть на актуальные проблемы современных бизнес-компаний. С одной стороны, корпоративная антропология позволяет увидеть в компании традиционную родовую систему, где главенствующую роль играют социальные связи, а не формальная штатная структура. С другой стороны, для того чтобы понять, как действовать в кризисной ситуации, антропологу важно проанализировать, как в компании циркулирует информация, какова система мотивации сотрудников, как выстроены отношения между ними.

Структурно книга «Корпоративное племя» состоит из трех частей. В первой части «Культура создает порядок из хаоса» исследуются ключевые для книги понятия «корпоративная антропология» и «организационная культура», рассматривается механизм применения методов антропологии по отношению к современным корпорациям. Во второй части «В отношениях так бывает» авторы обращаются к практическим примерам, которые показывают, по каким законам выстраиваются взаимоотношения как внутри коллектива, так и с внешними игроками (партнерами, клиентами, конкурентами и т. д.). В третьей и заключительной части «Культурные преобразования. Создание и трансформация тотема» предлагается своего рода типология организаций. Авторы представляют разработанную ими теорию пяти тотемов, каждый из которых обозначает один из пяти типов культурных преобразований в коммерческой компании.

В первой части книги Итске Крамер и Даниэль Браун активно пользуются понятиями «эмический взгляд» и «этический взгляд», заимствуя эти понятия из лингвистики. Эти термины были предложены американским лингвистом и антропологом Кеннетом Пайком в книге «Язык в его отношении к объединенной теории структуры человеческого поведения» [Pike 1954]. Эмический взгляд — это взгляд изнутри, позиция человека, который описывает явления вокруг себя так, как он это видит. Этический взгляд — это взгляд со стороны, представляющий, как видит ситуацию посторонний наблюдатель. Авторы книги считают, что одной из сильных сторон антропологии является ее двойная оптика. Антрополог одновременно учится смотреть на ситуацию глазами носителя традиции и в то же время осмысляет собранный материал, глядя на него со стороны:

> Исследователь-антрополог в полевой работе собирает субъективные эмические истории и затем анализирует их с помощью этических теоретических концепций, чтобы получить более объективное описание общих человеческих характеристик и динамики (с. 39).

Однако если обычно антрополог сначала пытается двигаться от эмического взгляда к этическому, то в прикладной антропологии, как считают авторы, он двигается в противоположном направлении. Исследуя организацию, антрополог начинает с этического подхода, часто продиктованного задачами, поставленными ее руководством, и только потом, постепенно вживаясь в корпоративный мир, применяет эмический подход, который позволяет работать и с неформальными разговорами сотрудников, и с их повседневными практиками (перекуры, бизнес-ланчи, корпоративы и т. д.). Объясняя, как можно собирать эмический материал, Итске Крамер и Даниэль Браун заодно рассказывают про основные методы антропологического исследования, объясняя, как заниматься включенным наблюдением и проводить глубинные интервью прямо в офисе. Особое внимание они предлагают уделять деталям и мелочам корпоративной жизни — коллекционировать буклеты и бизнес-сувениры, записывать офисные анекдоты, характерные фразы, разговоры за кофе.

Таким образом, эмическая позиция заключается в безоценочном включенном наблюдении, когда антрополог пытается собрать эмпирические данные, пытаясь хотя бы отчасти вжиться в изучаемое сообщество. А уже потом он снова переключается в этическую позицию, анализируя собранный материал. На основе наблюдений и интервью антропологи создают программу действий, направленных на то, чтобы разрешить офисные конфликты или помочь безболезненно провести реорганизацию.

Во второй главе авторы снова берут понятие из классической антропологии и довольно оригинально переосмысляют его по отношению к миру корпораций. На этот раз в центре их внимания оказывается система родства. Они кратко пишут о том, как различаются системы родства у разных народов, а затем объявляют, что свои системы родства есть и у организаций. Причем структурировать их можно не в виде семейного дерева, а в виде так называемой органиграммы (организационной схемы).

Органиграмма — термин, заимствованный из менеджмента организаций. Это организационная структура, которая определяет распределение ответственности и полномочий отделов и подразделений организаций, совершенствует бизнес-процессы организации. Органиграмма — это иерархическая диаграмма структуры организации, определяющая отношения высшего руководства, руководства среднего звена, технического персонала. Авторы отмечают, что органиграммы бывают формальными (отражающими официальную иерархию должностей) и неформальными (объясняющими, «как дела обстоят на самом деле»). Каждое подразделение обладает своей стратегией по захвату власти и влияния в компании.

По мысли Крамер и Браун, организационная структура во многом похожа на систему родства:

> Каждая система родственных связей включает в себя потенциально прочные отношения, которые могут дать нам защиту или стать основой для крепкого брака, и потенциально слабые отношения, которые могут перерасти во враждебность или сойти на нет. С органиграммами все то же самое. Это незаменимый источник информации о том, какие отношения ведут к потенциальному успеху, а с какими надо быть очень деликатными или осторожными (с. 70).

Однако столь прямолинейное сопоставление системы родства из классической антропологии и организационной структуры из корпоративного менеджмента кажется недостаточно убедительным, а иногда и совсем неудачным. Авторы книги пытаются показать сходство между родственными и профессиональными отношениями, уделяя повышенное внимание иерархическим отношениям и ролям. Так, менеджеры среднего звена сравниваются с детьми, HR-отдел — с отцом, который либо бросил семью и воспитывает ее наездами (если HR-сотрудники сидят в отдельном кабинете), либо живет в семье и исправно занимается ее воспитанием (если сотрудники входят в команду и сидят вместе со всеми). Запрет на инцест в древних обществах Крамер и Браун соотносят с существующими в организации табу (например, с табу на служебные романы). Такой взгляд кажется нерелевантным, поскольку существуют новые мифы и архетипы, порожденные современным обществом, которые почему-то не берутся исследователями в расчет.

Мифология организаций, новые культурные коды почему-то рассматриваются авторами книги исключительно в контексте родоплеменной культуры. Проводя аналогии между сотрудниками компании и африканскими племенами, исследователи предлагают использовать термин «корпоративная космология», которую они определяют как «способ справиться с явлениями, находящимися за пределами норм организационной культуры». Итске Крамер и Даниэль Браун выделяют три основных инструмента, которые позволяют «придать структуру, порядок и смысл необычному и необъяснимому» (с. 140): ритуал, магия, религия.

Исследователи применяют корпоративную космологию как механизм для преобразований в компаниях. Например, как они полагают, с помощью ритуалов перерезания ленточки при открытии нового филиала, приветствия, прощания, встречи Нового года, выбора работника месяца закрепляются традиции и культура перехода от старого к новому, от успехов к провалам, от жизни к смерти (реорганизация). Религия определяет систему верований, цели и происхождение компании (например, в некоторых компаниях лидеры обладают почти божественным статусом, «наверху» принимаются все решения, а сотрудники воспринимают их как ниспосланные свыше). Магия связана с верованиями в сверхъестественное, и, как правило, в организации роль волшебников и шаманов отводится, по мысли Крамер и Браун, аудиторам, коучам, консультантам и мотивирующим ораторам,

которые совершают магические ритуалы. Например, финансовая проверка организации может интерпретироваться как применение ритуалов, которые приведут к чуду, к быстрым изменениям. По мысли авторов, ритуалы, магия и религия — эффективные инструменты для преобразований, которые позволяют упорядочить мир после изменений и восстановить нарушенный порядок, поэтому в корпоративной жизни надо уметь ими пользоваться.

Наконец, главным своим достижением авторы «Корпоративного племени» явно считают разработанную ими модель тотема для пяти типов культурных преобразований. И снова мы видим, как традиционное понятие из классической антропологии лихо переосмысляется под современные реалии:

> Изначально в языках различных индейских племен слово «тотем» означало символ семьи. Это повседневный предмет или животное, обладающее личным, символическим значением для членов конкретной группы. С тотемом связана история, и он излучает энергию, с которой члены группы ощущают прочную связь. В организациях тотемы принимают форму логотипов, архитектуры, живописи, корпоративной униформы, талисманов и так далее. Обнаружив тотем, вы лучше поймете ценности, желания и историю создания группы, которой он принадлежит (с. 160).

Это, прямо скажем, не самое четкое и понятное определение тотема в корпоративной культуре Крамер и Браун используют в качестве метафоры при разговоре о преобразованиях корпоративной культуры. По их мнению, в метафорическом тотеме «заключен дух, душа или миссия организации», поэтому сначала необходимо провести своего рода «диагностику», чтобы понять, в каком состоянии находится компания. Если тотема у компании нет, то его надо создать. Если он имеется и хорошо работает, его нужно укреплять. Если тотем не выполняет свою функцию, его надо переориентировать. Если он сломался, его нужно починить. Если хочется радикально поменять тотем, то его нужно преобразовать.

В зависимости от того, что же все-таки происходит с корпоративным тотемом, следует выбрать, как считают авторы, один из пяти типов культурных изменений для компании:

— создание культуры — формирование идентичности компании;

— поддержание культуры — усиление того хорошего, что в ней есть;

— переориентация культуры — возврат к изначальной цели;

— оздоровление культуры — исцеление или исправление;

— преобразование культуры — замена или глубокие изменения.

Практически вся третья часть книги посвящена подробному разбору каждого из этих типов культурных изменений. Постоянно приводя занимательные примеры из разных культур, Итске Крамер и Даниэль Браун дают прикладные советы, как управлять корпоративной культурой и организацией в целом. Некоторые из этих советов кажутся вполне убедительными, однако их связь с «тотемами» обычно неочевидна.

Можно констатировать, что книга «Корпоративное племя» является не научной работой, а практическим пособием для представителей бизнеса, заинтересованных в том, чтобы развивать корпоративную культуру своих компаний. Практическое использование методов корпоративной антропологии, как считают авторы, может быть крайне полезно для руководителей компаний, коучей, менеджеров, специалистов в области бизнес-консалтинга, поскольку оно позволяет решить проблемные ситуации в организациях с помощью изменения культуры отношений. Для подобного рода бизнес-литературы использование антропологической методологии и терминологии — весьма необычный ход. Можно легко представить, что для целевой аудитории книги увлекательные истории про экзотические племена и их необычные ритуалы выглядят оригинально и привлекательно, поэтому нет ничего удивительного в том, что «Корпоративное племя» стало бестселлером и в 2016 году в Нидерландах было признано «бизнес-книгой года».

Использование инструментов классической антропологии для анализа отношений внутри трудовых коллективов и изучения повседневной корпоративной культуры действительно может быть весьма продуктивным. Корпоративные антропологи изучают культуру внутри организации, которая существует в истории, привычках, языке, верованиях и обычаях, негласных правилах, которые приняты в коллективе. Однако есть ощущение, что Крамер и Браун слишком сильно злоупотребляют перенесением терминов и моделей классической антропологии на совершенно иную почву. В книге слишком навязчиво и прямолинейно используется метафора «корпоративного племени», а все процессы, происходящие с корпоративной культурой, интерпретируются через призму ритуалов и магии традиционных сообществ. Между тем, в современном мире формируется и развивается новая мифология. И корпоративному антропологу имеет смысл принимать во внимание и новые идеологемы, и влияние информационных технологий, и гендерную революцию, а не сводить все, что он видит, к архаическим ритуалам, системам родства и тотемным столбам.

Литература/References

Pike, K. (1954). *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. Preliminary edition*. Glendale, CA: Summer Institute of Linguistics.

Свой среди чужих, или этнография в мире архитекторов и дизайнеров

Рец. на: Cranz, G. (2016). *Ethnography for designers.* London: Routledge.

Елена Чебан [1]

✉ luna-lena@ukr.net

[1]Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Одесса, Украина

Для цитирования статьи:
Чебан, Е. (2019). Свой среди чужих, или этнография в мире архитекторов и дизайнеров (Рец. на: Cranz, G. (2016). Ethnography for Designers. London: Routledge). *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 457–462. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-457-462.

At home among strangers, or ethnography in the world of architects and designers

A review of: Cranz, G. (2016). *Ethnography for designers.* London: Routledge.

Olena Cheban[1]

✉ luna-lena@ukr.net

[1]Odessa national university I. I. Mechnikova, Odessa, Ukraine

To cite this article:
Cheban, O. (2019). At home among strangers, or ethnography in the world of architects and designers. A review of: Cranz, G. (2016). Ethnography for designers. London: Routledge. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 457–462. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-457-462. (In Russian).

Монография американского профессора Гален Кранц «Этнография для дизайнеров» (2016) представляет особый интерес как своего рода мостик между двумя профессиональными сообществами: антропологами и архитекторами/дизайнерами. С одной стороны, название книги прямо указывает, что именно дизайнеры являются главной целевой аудиторией работы. Фактически перед нами учебник, практическое пособие, в котором исследовательница объясняет, как использовать этнографические методы при проведении прикладных исследований для дизайнерских и архитектурных проектов. С другой стороны, прикладным антропологам эта книга может быть не менее

интересна и полезна. Здесь едва ли можно найти что-то принципиально новое с точки зрения методологии антропологических исследований. Однако работа Гален Кранц помогает понять, как можно объяснить дизайнерам и архитекторам, для чего нужно проводить предпроектные антропологические исследования и как потом использовать их результаты при разработке проекта.

Сама Гален Кранц при этом не является ни антропологом, ни дизайнером. По образованию она социолог, получала образование и защищала диссертацию в Чикагском университете, а затем много лет изучала социальные и культурные основы архитектурного и городского дизайна. Сейчас она является почетным профессором Высшей школы архитектуры в Колледже экологического дизайна при Калифорнийском университете в Беркли. Свою монографию исследовательница написала, используя многолетний опыт преподавательской работы с молодыми архитекторами и дизайнерами, которые были ее студентами и аспирантами в университете и которых она учила методологии предпроектных исследований.

Гален Кранц является энтузиастом этнографических методов прикладных социальных исследований и в книге неоднократно подчеркивает, что архитекторы и дизайнеры, используя в своих проектах результаты социокультурных исследований, получают возможность глубже понимать специфику социального пространства и органичнее вписывать туда проектируемые объекты: «“Этнография для дизайнеров” учит архитекторов и инженеров, как слышать и изучать людей, их знания и представления о собственной культуре ‹…› Эта книга — практическое пособие по изучению социальных факторов и социальных исследовательских методов дизайнерами и по их дальнейшему применению в практике» (с. 1).

Учебное пособие состоит из двух основных частей — «Этнографический дизайн-проект» и «Написание отчетов и образцы отчетов». Всего в книге десять глав, в конце каждой из которых автор суммирует основные идеи и выводы, на которые хочет обратить внимание читателя, чтобы закрепить материал. Структура книги последовательна и логична: сначала идет теоретико-методологический раздел, в котором шаг за шагом объясняется, как и зачем дизайнерам следует проводить этнографическое исследование, а затем во втором разделе обсуждается, как готовить отчет исследования.

В самом начале учебника Гален Кранц знакомит читателя с этнографическими методами социальных исследований и объясняет, какое значение имеет для них понятие «культуры». Основной метод предпроектного исследования, который она называет «семантической этнографией», предполагает, что архитектор должен изучать знания, ценности и представления людей о том, что их окружает, и об их культуре. Используя примеры из реальной практики, Кранц объясняет, почему этнографическое исследование так важно при разработке дизайн-проектов, размышляет об особенностях полевой работы, об этике исследователя, об ответственности дизайнера перед пользователями.

Обосновывая необходимость проведения предпроектных этнографических исследований, Гален Кранц пишет: «Мы рассматриваем этнографию как ключевую часть творческого процесса дизайна, потому что исследование может проводиться в то же самое время, когда дизайнер развивает концепцию от первоначальной идеи до реализации на конкретной территории» (с. 5). Объясняя, какое значение имеет полевая работа, исследовательница настаивает на том, что в рамках предпроектного анализа недостаточно просто читать литературу по теме и просматривать соответствующие интернет-ресурсы. Дизайнерские проекты, создаваемые в кабинете и оторванные от реалий повседневной жизни горожан, обычно не учитывают культурные особенности и социальные потребности различных категорий пользователей.

Гален Кранц считает, что разработку любого архитектурного или градостроительного проекта, будь то парк, библиотека, больница, скейтодром, жилой дом или приют для животных, необходимо начинать с социокультурного исследования, с изучения того, как создаваемым пространством будут пользоваться люди. Чтобы создать успешный проект, необходимо выйти в город, в то социальное пространство, которое исследуется. Именно находясь на улице, в магазине, в здании и наблюдая за поведением людей, за их повседневными практиками, архитекторы и дизайнеры могут понять ценности и запросы будущих пользователей проекта.

Одной из центральных идей книги является средовой детерминизм, представление о том, что здания, места и объекты влияют на поведение людей, формируют нормы поведения в них, влияют на их культурные практики и ценности. Автор отсылает здесь к работам антрополога Эдварда Холла, заложившего основы изучения антропологии пространства [Hall 1976]. Осознание связи между архитектурой зданий и социальными ценностями помогает при проведении семантического этнографического исследования. Например, Гален Кранц рассказывает о том, что американцы часто говорят, что не имеют классовых предрассудков, но при этом стремятся покупать дома в районах, где живут социально близкие им люди. Таким образом, связь между физическим объектом и представлениями о нем может быть сложной — она проявляется в практиках, но не фиксируется в нарративах.

В прикладных предпроектных исследованиях особую ценность, по мнению Гален Кранц, имеет метод включенного наблюдения. Сильная сторона этого метода в том, что он погружает исследователя в среду, где тот может не только наблюдать за поведением людей и практиками пользования городским пространством, но и на своем опыте прочувствовать достоинства и недостатки различных дизайнерских решений.

Особое знание метод включенного наблюдения имеет при исследовании общественных пространств. Колин Джеролмэк, изучая парки, отмечал, что в практиках использования этих общественных пространств отлично проявляется социальная структура общества [Duneier, Kasinitz, Murphy 2014]. Развивая этот тезис, Гален Кранц призывает дизайнеров и архитекторов идти в людные места, в парки, магазины, общественные

здания, наблюдать за людьми, активно вступать в разговор, знакомиться и изучать мнения людей об общественном пространстве, где они находятся, и о том, что их в нем окружает. Автор обращается к исследованиям символической организации городского пространства (в том числе при помощи метода картографирования городской среды) и отмечает важность изучения поведенческих практик горожан и пользователей публичных пространств.

Объясняя принципы метода включенного наблюдения, Кранц настаивает на том, что дизайнерам для более детального исследования социальных потребностей необходимо стать частью сообщества людей, которое они исследуют. Такой подход помогает архитекторам и дизайнерам усилить их профессиональную ответственность перед будущими пользователями, и в то же время позволяет им реализовать себя творчески, чувствовать себя необходимыми социуму. Студенты Гален Кранц, например, становились волонтерами, участвовали в воскресных благотворительных днях, где они готовили завтраки в буддистском храме, присоединялись к членам правления дошкольного учреждения Монтессори и т. д.

Еще одним важным методом предпроектных исследований, помогающим архитекторам понять ценности и запросы целевой аудитории, являются глубинные интервью с представителями групп, которые будут пользоваться создаваемым пространством. Гален Кранц отдельно останавливается на вопросах рекрутинга и организации интервью. Она рекомендует заранее искать потенциальных информантов в том месте, с которым связано исследование, а также искать контакты через знакомых, на работе, на учебе, стараться заранее составить списки с контактами потенциальных собеседников (с. 48).

Однако она предупреждает, что в некоторых случаях искать информантов бывает затруднительно или возникают проблемы, связанные с необходимостью получать официальные разрешения на интервью. Так, например, один ее студент изучал культуру детей в детском центре. Все было хорошо, пока он сидел на детской площадке, а дети спонтанно к нему подходили и начинали разговаривать сами. Однако когда студент решил попросить официальное разрешение у директора этого центра на общение с детьми, он получил отказ из-за страхов и предрассудков родителей по поводу возможного похищения детей незнакомцем. В итоге студент был вынужден прекратить исследования из-за сложностей с поиском информантов (с. 27).

Так как повседневные практики пользователей со временем меняются, Гален Кранц рекомендует и после реализации проекта периодически проводить социокультурные исследования, чтобы отслеживать эти изменения. Архитекторам полезно спустя некоторое время повторно исследовать объекты, построенные по их проектам, чтобы выявить просчеты проектирования или строительный брак. Анализ ошибок, совершенных в прошлом, поможет избежать их в будущем.

Большую пользу дизайнерам и архитекторам могут принести и социокультурные исследования проектов-аналогов. Например, если

молодому архитектору необходимо спроектировать новый отель, имеет смысл сначала исследовать один из отелей в окрестностях того места, где планируется строительство. Изучив, как функционирует уже существующий отель, исследователь получит информацию о ценностях и потребностях его посетителей, что позволит ему лучше понимать, в каком направлении следует развивать его собственный проект.

Гален Кранц настаивает на том, что участниками исследования должны становиться представители самых разных категорий пользователей: от рядовых посетителей до топ-менеджеров отеля. Впрочем, не всегда группы пользователей можно выделить заранее, иногда их типология становится понятна только в процессе исследования. Например, Майкл Као, проводя этнографическое исследование для проекта по перепланировке детского сада, описал разновидности игр детей, разделив малышей на своего рода «социальные группы»: садоводы, гонщики, художники, гимнасты, музыканты и т. д. Это позволило ему зонировать и преобразовать игровой двор по этим видам деятельности, чтобы каждый ребенок мог найти себе зону, которая ему больше подходит (с. 98).

В социокультурных исследованиях большое значение имеет время работы. Порой исследователю необходимо провести несколько месяцев или даже лет, чтобы влиться в сообщество, понять его культуру, зафиксировать ритуалы, традиции и культурные практики. Однако в прикладном исследовании время оказывается ценным ресурсом, ведь проект обычно ограничен по времени, так что исследователям приходится в максимально короткие сроки погрузиться в культурные особенности пространства и быстро изучить повседневные практики его пользователей. Для экономии времени Гален Кранц рекомендует выбирать локации, удобные для исследователя — рядом с домом, работой или учебой, транспортным узлом; проводить исследование по выходным или в обеденный перерыв; делать заметки и наблюдения, когда едешь в общественном транспорте, отдыхаешь в парке, стоишь в очереди. Любое свободное время она рекомендует посвятить исследованию. Если не удается провести полноценное полевое исследование, Гален Кранц советует получать информацию от информантов альтернативными способами: по социальным сетям, по телефону, через видеофайлы или Skype. Она пишет, что для того, чтобы понять трудности путешественника, совершенно необязательно самому отправляться в поездку. Иногда достаточно просто послушать рассказы путешественников в аэропортах, когда они говорят, с какими проблемами они сталкивались (с. 49).

Во второй части «Написание отчетов и примеры отчетов» идет речь о том, как оформлять и представлять результаты проведенных исследований. Переходя от этнографического описания к дизайн-проекту, необходимо переосмыслить полученные результаты и придумать, как можно визуализировать их в виде инфографики. Гален Кранц рекомендует по результатам каждого исследовательского проекта готовить письменный отчет, который будет содержать и наиболее ценную информацию из глубинных интервью, и обзор научной литературы по теме, и материалы

включенного наблюдения. Именно они, а не личные предпочтения и желание выразить оригинальность и изобретательность, должны определять дизайн (с. 114).

В своей книге Гален Кранц поднимает ряд актуальных вопросов и проблем, которые возникают, когда прикладное этнографическое исследование проводят архитекторы и дизайнеры. Прежде всего, это проблема объективности и субъективности при проведении исследования и интерпретации полученных данных: «Хотя объективность желательна, мы признаем, что невозможно быть полностью объективным. Даже "научные" исследования не могут избежать искажений, которые мы называем интерпретацией, что приводит к преднамеренному или непреднамеренному избирательному сбору данных, наблюдению и последующей интерпретации. Любой исследователь решает, возможно, неосознанно, что некоторые факты более важны, чем другие, и поэтому проблема избирательного наблюдения вносит искажения в начале процесса» (с. 19, 20). В качестве яркого примера подобных сбоев при интерпретации материала Гален Кранц рассказывает историю об архитекторе, который в детстве боялся ездить на лифте в многоэтажном доме и опасался более взрослых детей, которые могли его побить в темном углу. Уже во взрослом возрасте, проводя исследование про многоэтажные дома, он почувствовал, что начнет переносить свой личный опыт на изучаемые объекты и слишком много внимания уделять темам, связанным с его детскими психологическими травмами. Личные воспоминания всегда влияют на наше восприятие окружающей среды и могут стать источником предвзятости и ошибок.

В целом «Этнография для дизайнеров» — универсальное практическое пособие, которое может быть полезно не только архитекторам и дизайнерам, но и всем, кто хочет освоить азы проведения прикладных антропологических исследований. В этом учебнике доступно и последовательно описывается, как организовать этнографическое исследование, как проанализировать собранные материалы, а затем на основании полученных выводов разработать новый архитектурный или дизайнерский продукт, который будет отвечать ценностям и запросам будущих пользователей. Легкость изложения и насыщенность примерами из исследовательского опыта автора делают данную книгу находкой для всех желающих освоить этнографические методы, даже если их основная специальность далека от социальных исследований. Гален Кранц прекрасно показывает, какой вариативностью и многогранностью обладают этнографические исследования, и убеждает читателей в том, что невозможно сотворить что-то новое и полезное для людей, не изучив предварительно их ценности, потребности и повседневные практики.

Литература/References

Duneier, M., Kasinitz, P., Murphy, A. (Eds.). (2014). *The urban ethnography reader*. New York, Oxford: Oxford University Press.

Hall, E. T. (1976). *Beyond culture*. New York: Anchor Press.

Девушка с веслом – классический персонаж советского парка культуры и отдыха, известный всем. Имя ее стало нарицательным, а история ее создания описана культурологами, историками искусства советской эпохи. Изначально созданные авторские скульптуры породили массовое производство, при котором могли вноситься какие-то свои изменения. Можно услышать истории про то, как скульптуру, созданную Иваном Шадром, с обнаженной спортсменкой, заставили одеть в трусы и майку. Но, скорее всего, люди путают два типа скульптур – первую, созданную именно Шадром (1934 год), и вторую, созданную несколько позже скульптуром Ромуальдом Иодко (1936 год). На фотографии слева: копия скульптуры Шадра, учстановленная в 2011 году в Санкт-Петербурге и справа – оригинальная скульптура из музейного парка г. Хабаровска, скорее всего, созданная по образцу скульптуры Иодко.

Научный журнал
Academic journal

Фольклор и антропология города
Urban Folklore & Anthropology

2019, 3–4. Т. II

Основан в мае 2018 года
Established in May, 2018

Научный редактор
Е. Ф. Югай

Редактор английского текста
М.-В. В. Моррис

Корректура
В. А. Комарова

Верстка, дизайн
В. Ф. Лурье

Academic Editor
E. F. Yugai

English Language Editor
M-V. V. Morris

Copy Editor
V. A. Komarova

Layout Editor, Designer
V. F. Lurie

ISSN: 2658-3895

Адрес редакции: 119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 9
Postal address: 82 bldg. 9, Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia, 119606

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

The journal is published by The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
In case of reprinting, reference to the journal is obligatory.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.
All articles published in the journal have been peer-reviewed.

Подписано в печать 01.08.2020
Формат 70×100/16
Тираж 500 экз. (первый завод — 200 экз.)
Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 9

Номер Свидетельства о регистрации СМИ в Роскомнадзоре: ПИ № ФС77-73157 от 22.06.2018

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
© Авторы
© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
© Authors

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Скульптуры Моряка и Пловчихи когда-то украшали Ленинградский парк имени 1-го Мая (с 1948 года переименован в парк имени 30-летия ВЛКСМ). В 1992 года парку вернули историческое название Екатерингофский, скульптуры, изначально стоявшие на разных аллеях, поставили рядом, переместив к служебной постройке. Такими их запомнили в начале 2000-х, после чего следы их теряются. Фото 2005 года.

